ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ТОМЪ II

СОДЕРЖАНІЕ:

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1872

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ

А. Е. ЛАНДАУ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1872.

Типографія В. С. Этингера, Литейный пр. № 60.

Типографія М. Хана, Графскій переулокъ д. № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Первый томъ нашего историко-литературнаго сборника обратилъ на себя вниманіе не только еврейской, но и большей и лучшей части русской журналистики [1]), которая отнеслась къ нему съ сочувствіемъ. Хотя отзывы ея были, большею частью, довольно кратки и поверхностны, и мы, при новизнѣ у насъ подобныхъ изданій, могли ожидать болѣе подробнаго разбора его содержанія, но съ другой стороны, при совершенномъ незнакомствѣ гг. рецензентовъ нашихъ съ тѣми предметами, которымъ посвященъ сборникъ, мы невольно должны помириться съ этимъ. Мы уже должны удовольствоваться тѣмъ, что дали нѣкоторымъ органамъ нашей печати, которые до сихъ поръ почти совершенно игнорировали, такъ называемый, еврейскій вопросъ, поводъ высказать свой credo относительно этого вопроса и еврейскаго народа вообще. Такъ «Отечественныя Записки» воспользовались появленіемъ «Еврейской Библіотеки» и высказали свой взглядъ на еврейскій вопросъ—и нельзя не отдать имъ справедливости: они высказались умно и трезво—и если не со всѣми, то со многими положеніями ихъ нельзя не согласиться. Мы не можемъ не согласиться, напримѣръ, съ «От. Зап.» въ томъ, что еврейскій вопросъ лишь тогда стоитъ на истинной почвѣ, когда «на первый планъ ставитъ уничтоженіе вѣ-

---

[1]) О „Еврейской Библіотекѣ", на сколько нами извѣстно, говорили „Отечественныя Записки", „Вѣстникъ Европы", „Дѣло", „С.-Петербургскія Вѣдомости", „Современная Лѣтопись", „Русская Лѣтопись" и др.

ковыхъ предразсудковъ въ отношеніяхъ христіанъ къ евреямъ и полную равноправность евреевъ съ христіанами». Но мы вовсе не видимъ причины, почему равноправность и образованіе обусловливаетъ необходимо смерть еврейской народности. Если національность не связана непремѣнно съ обладаніемъ территоріи—что̀, впрочемъ, неопровержимо доказывается самимъ существованіемъ до сихъ поръ еврейской національности, въ теченіе слишкомъ 1500 лѣтъ—а заключается въ физіологическихъ и культурныхъ качествахъ, то мы не видимъ никакого основанія выдѣлить евреевъ, въ этомъ отношеніи, изъ всѣхъ другихъ народовъ, ибо и они въ высокой степени обладаютъ этими качествами. Если «От. Зап.» этого не знаютъ, то мы можемъ лишь сожалѣть объ этомъ. То, что̀ намъ говорили на школьной скамьѣ, будто еврейскій языкъ—языкъ мертвый, было пустою басней [1]). Еврейскій языкъ, литература и наука не только сохранились и существуютъ до сихъ поръ, но и нынѣ продолжаютъ развиваться. Это «От. Зап.» могли видѣть изъ помѣщеннаго въ первомъ томѣ «Обзора современной еврейской литературы». Это, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ евреямъ сливаться съ другими народами и раздѣлять ихъ интересы. Намъ кажется, что г. А. Г., одинъ извѣстный русскій публицистъ, котораго не можемъ назвать полнымъ именемъ, потому что онъ имъ не подписался, вполнѣ вѣрно опредѣлилъ двойственность современныхъ евреевъ въ слѣдующихъ словахъ: «Жить общими со всѣми народами жизнью, участвуя въ ихъ образованіи и ихъ успѣхахъ, и въ тоже время хранить, развивать и совершенствовать свое особое національное достояніе—вотъ, повидимому, современная двойственная задача евреевъ, за разрѣшеніе которой уже принялись они въ странахъ наиболѣе образованныхъ».

[1]) Языкъ, на которомъ пишутся сочиненія по всѣмъ отраслямъ знанія, на которомъ пишутся романы, повѣсти, драмы, стихотворенія, на которомъ издаются популярные литературные и политическіе журналы и газеты, который употребляется, наконецъ, въ обыденной жизни, въ дѣловой и всякаго рода другой корреспонденціи,—не есть языкъ мертвый.

Изъ сказаннаго нами вовсе, однако, не слѣдуетъ заключить, чтобы мы были ярыми отстаивателями еврейской національности. Напротивъ, для насъ, какъ и для «От. Зап.», важно только то, «чтобы всѣ люди были образованы и равноправны, чтобы не было притѣснителей и притѣсненныхъ». Наше сокровенное желаніе состоитъ лишь въ томъ, чтобъ евреи были людьми и чтобъ ихъ считали людьми, чтобы отъ нихъ требовали то, чего требуютъ отъ всѣхъ прочихъ людей и чтобы имъ предоставляли то, что̀ предоставляютъ прочимъ людямъ. Это наше profession de foi относительно еврейскаго вепроса, которое «От. Зап.» отыскивали въ первомъ томѣ нашего сборника, но не могли опредѣлить, вслѣдствіе противуположнаго направленія, обнаруживаемаго будто бы различными его статьями, хотя, признаться, мы вовсе не видимъ, какимъ образомъ догматическое изложеніе «Библейскаго государства», основанное—не на нѣсколькихъ выдержкахъ изъ Ветхаго Завѣта, какъ говорятъ «От. Зап.»—ибо три четверти статьиг. Мандельштама состоятъ изъ цитатъ — а на глубокомъ, основательномъ изученіи,—можетъ называться «наивно дѣтскимъ и національно-слѣпымъ», и почему слова одного изъ героевъ романа должны быть приняты непремѣнно за убѣжденіе автора. Да если бы такая противуположность и существовала, то это вовсе не противорѣчило бы характеру и цѣли нашего сборника. Мы должны заявить здѣсь, что нашъ сборникъ не есть ȯрганъ какой либо еврейской партіи съ цѣлью пропоганды между евреями—при случаѣ, мы, впрочемъ, и отъ этото не отказываемся—а мы имѣемъ, главнымъ образомъ, въ виду ознакомить русскую публику съ тѣмъ, чѣмъ были евреи, чѣмъ они теперь и чѣмъ они могли быть, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Если на основаніи изложенныхъ фактовъ читатели въ состояніи будутъ вывести заключеніе о томъ, чѣмъ были евреи, то

по способу изложенія ихъ они въ состояніи будутъ судить о томъ, какіе мнѣнія и взгляды существуютъ теперь у евреевъ и чего желаютъ и добиваются различные ихъ представители—словомъ, чѣмъ теперь евреи.

Мы воспользовались замѣчаніями «От. Зап. не для того, чтобы полемизировать съ ними, а для того, чтобъ высказать наше отношеніе къ еврейскому вопросу и разъяснить цѣль нашего изданія, о которой любопытствовали узнать одни и которую превратно истолковали другіе русскіе публицисты («Вѣстникъ Европы» 1871 г. августъ, «Современная лѣтопись» 1871 г. № 39).

Полагаемъ, что, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ отношеніи, мы высказались вполнѣ ясно.

А. Л.

С.-Петербургъ, 4 февраля 1872.

ГОРЯЧЕЕ ВРЕМЯ *)

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Жондъ Народовый и Евреи.

I.

— Теперь я буду спрягать, — сказалъ въ одно январьское утро 1862 года, Жюль Перецъ Джону Берковичу, сидѣвшему насупротивъ его съ польскою грамматикою въ рукахъ.

И онъ началъ спрягать польскій глаголъ: pisać. Берковичъ внимательно слѣдилъ за упражняющимся по книгѣ, дабы, въ случаѣ надобности, придти ему на помощь. Но Жюль Перецъ въ этой помощи не нуждался: благодаря своей счастливой памяти, онъ благополучно провелъ свой глаголъ сквозь пучину всѣхъ временъ и наклоненій.

— Very well, сказалъ Берковичъ, погладивъ свою рыжую бородку

— То есть, trés bien на языкѣ порядочныхъ людей?—спросилъ Перецъ

— Yes, sir,—хладнокровно отвѣтилъ Берковичъ, медленно перелистывая грамматику.

Жюль Перецъ и Джонъ Берковичъ, — первый частный преподаватель французскаго языка, а второй — таковая же птица по части англійскаго языка, — переживали теперь очень трудныя времена. Вслѣдствіе польскаго движенія, охватившаго весь край, они лишились большей половины своихъ уроковъ, составлявшихъ единственный источникъ ихъ существованія. Уступая напору обстоятельствъ, евреи города N вдругъ охладѣли къ иностраннымъ языкамъ, на которые прежде были такъ падки, и бросились изучать польскій языкъ съ свойственной имъ горячностью. Они стали раскупать на расхватъ польскіе грамматики, словари и хрестоматіи. Число изучающихъ польскій языкъ возрастало съ каждымъ днемъ. Люди состоятельные нанимали учителей, а нестоятель-

*) См. «Евр. Библ.» Т. I.

ные бросились самоучкой осиливать языкъ, которымъ прежде пренебрегали, но который теперь вдругъ, почему-то, сталъ всѣмъ необходимъ. Поляки, само собою разумѣется, всячески поддерживали и поощряли горячку, овладѣвшую еврейскимъ населеніемъ города N, видя въ ней вожделѣнный переломъ въ образѣ мыслей и чувствахъ евреевъ, переломъ, обѣщавшій имъ много хорошаго въ будущемъ. Но они горько ошибались. Перелома въ образѣ мыслей и чувствахъ евреевъ никакого не было; каждый еврей сталъ учиться по польски потому, что всѣ остальные евреи почему-то стали учиться этому языку. Соревнованіе, конкуренція,— эти обычныя явленія въ жизни русскихъ евреевъ, — играли во всей этой кутерьмѣ главную, и почти единственную роль. Одинъ началъ учиться по-польски, стало быть, всѣ должны учиться. Въ силу этого, и Перецъ, и Берковичъ, чтобы не отстать отъ другихъ, тоже должны были взяться за польскіе учебники.

Какъ сказано, Жюль Перецъ и Джонъ Берковичъ переживали теперь очень трудныя времена. Ихъ доходъ не покрывалъ ихъ расходовъ. Не будь у нихъ кой-какихъ сбереженій отъ прошлыхъ лѣтъ и не живи они весьма экономно,—имъ пришлось-бы теперь очень жутко.

Они занимали небольшую комнату во второмъ этажѣ, если только вторымъ этажемъ можно назвать мансарду надъ одноэтажнымъ деревяннымъ домикомъ предмѣстья. Но такъ, по крайней мѣрѣ, называли ее владѣлецъ этого домика, отставной чиновникъ, и жильцы его. Меблирована была эта комната, какъ обыкновенно меблируются квартиры бѣдныхъ холостяковъ: двѣ простыя некрашенныя кровати, два стула, тоже некрашенные, одинъ столъ, немножко покрашенный, и одинъ табуретъ, исправлявшій по утрамъ также и должность умывальнаго столика. Эта *мебель* была хозяйская. Но, кромѣ этой мебели, въ комнатѣ находились: старый комодъ, два сундука и одно небольшое и очень дешевое зеркало. Эти предметы уже были благопріобрѣтенною собственностью самихъ жильцовъ.

Въ видахъ экономіи, Жюль Перецъ, вмѣсто хорошихъ сигаръ, къ которымъ было привыкъ, сталъ курить простыя, самодѣльныя папиросы, а Джонъ Берковичъ, вмѣсто двухъ бутылокъ баварскаго пива, которыя выпивалъ каждый день, сталъ входить во вкусъ простаго кваса домашняго приготовленія.

— А что, сэръ, — плохо?—сказалъ Жюль Перецъ, съ отвращеніемъ покуривая свою папироску.

— Не хорошо, я даже думаю, что совсѣмъ не хорошо, отвѣтилъ Джонъ Берковичъ, продолжая перелистывать, лежавшую передъ нимъ, грамматику.

— Но ничего, прибавилъ какъ-бы въ утѣшеніе Жюль Перецъ, — будетъ еще хуже: мы вскорѣ лишимся и послѣднихъ нашихъ уроковъ.

— Ты такъ думаешь? — спросилъ Берковичъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— Я почти въ томъ убѣжденъ, — отвѣтилъ Перецъ, бросивъ въ уголъ окурокъ папиросы. Вѣдь наши единовѣрцы все равно, что стадо барановъ: куда одинъ,—туда и всѣ. Одинъ бросилъ учиться по французски, значитъ, никому уже ненужно учиться. Къ первому числу у меня, вѣроятно, не останется ни одного урока.

— У меня въ перспективѣ почти тоже самое, — проговорилъ Берковичъ, испустивъ глубокій вздохъ.

— Однако, mon cher, началъ Перецъ, послѣ короткой паузы, — отчаяваться нечего. Мы люди холостые. Какъ хорошо, что мы не женаты! Мы съ голоду не умремъ.

— Но ты, кажется, забываешь, — возразилъ Берковичъ, — что у меня мать и сестра, которыя только моею поддержкою и живутъ?

— Ахъ да, виноватъ, — извинялся Перецъ, — я точно забылъ, что ты все равно, что съ семьей. Но мы объ этомъ еще подумаемъ.

Онъ всталъ и зашагалъ по комнатѣ взадъ и впередъ, ероша свои длинные черные волосы. Берковичъ, закрывъ книгу, растянулся на кровати и сталъ безсмысленно глядѣть въ потолокъ.

Молчаніе длилось нѣсколько минутъ.

— О чемъ ты задумался? — спросилъ Жюль Перецъ, подошедъ къ своему товарищу.

— Я задумался о томъ, — отвѣтилъ Берковичъ, обернувшись лицомъ къ стоявшему передъ нимъ Перецу, — я задумался о томъ, чт какъ хорошо-бы было, если-бы я былъ дровосѣкомъ, чернорабочимъ, ремесленникомъ или земледѣльцемъ. Чернорабочій всегда найдетъ для себя занятіе, а мы—вотъ нѣтъ. Въ нашихъ услугахъ никто теперь не нуждается. Вотъ въ чемъ наша бѣда.

— Ошибаешься, другъ мой, — возразилъ Жюль Перецъ, — въ услугахъ нашихъ еще нуждаются, не здѣсь, такъ тамъ, и бѣда наша не въ томъ, что мы не чернорабочіе, а въ томъ, что мы евреи.

— Какъ такъ? — спросилъ Берковичъ, не понявъ мысли своего товарища.

— Да такъ. Что сдѣлалъ, напримѣръ, мсье Дюпре, когда онъ, подобно намъ, сталъ терять одинъ урокъ за другимъ? Онъ плюнулъ на весь край и уѣхалъ въ Россію, гдѣ трудъ его вознаграждается гораздо лучше, чѣмъ здѣсь. А мы вотъ сиди здѣсь и издыхай съ голоду, потому что намъ въ Россію нельзя. Мсье Дюпре, иностранцу, можно свободно разъѣзжать по Россіи, а мнѣ, русскому подданному, нельзя, потому что я еврей. Какъ тебѣ нравится эта логика?

Берковичъ ничего не отвѣтилъ, но изъ сдѣланной имъ гримасы видно было, что и ему эта логика не больно нравится.

— Послушай, Джонъ, — опять началъ Перецъ — тебѣ, кажется, извѣстно, какъ мало я сочувствую полякамъ. При всемъ томъ, я ни на минуту не задумаюсь, когда они того потребуютъ, стать въ ихъ ряды. Россія насъ не принимаетъ, стало быть мы должны оставаться въ Польшѣ. M-lle Кранцъ, въ самомъ дѣлѣ, права, когда говоритъ, что мы ѣдимъ польскій хлѣбъ, а не русскій. Чортъ возьми! Пойду въ повстанцы. Стрѣлять, фехтовать, ѣздить верхомъ умѣю, и потому могу быть воиномъ не хуже другихъ польскихъ юношей. Рѣшено: при первомъ призывѣ я промѣняю мою учительскую указку на повстанскую винтовку. Чѣмъ я тутъ рискую?

— Бездѣлицей: жизнью, — флегматически отвѣтилъ Берковичъ.

— Эхъ, братъ! — воскликнулъ Перецъ, подсѣвъ къ Берковичу на кровать, — не все ли равно умереть съ голоду или отъ шальной пули! Для людей же нашего образованія—смерть отъ послѣдней легче и почетнѣе.

— А мнѣ-то что дѣлать? — спросилъ Берковичъ.

— Тоже самое, — отвѣтилъ Перецъ. — Мы вѣдь все равно, что сіамскіе близнецы. Мы вмѣстѣ тянули учительскую лямку, мы, такъ сказать, и на полѣ чести будемъ подвизаться вмѣстѣ. Ужь мы другъ отъ друга не отстанемъ — это вѣрно.

— Но ты, Жюль, все забываешь, что у меня есть мать, сестра...

— Lass sie betteln gehen, wenn sie hung'rig sind!— продекламировалъ Перецъ извѣстный стихъ изъ «Двухъ гренадеръ» и всталъ съ кровати.

Берковича передернуло отъ послѣднихъ словъ Переца. Онъ сталъ моргать глазами и щипать свою бородку, что означало, что онъ очень взволнованъ.

— Послушай, Жюль, — къ чему эти пустыя слова, сказалъ Берковичъ.—Ты вѣдь очень хорошо знаешь, что мать и сестра для меня — святыня, что скорѣе я самъ соглашусь нищенствовать, нежели ихъ пущу по-міру. По этому, ты бы лучше серьезно подумалъ, а потомъ-бы говорилъ.

— Ну, ничего,—успокоивалъ Перецъ своего взволнованнаго друга— мы еще подумаемъ. Мы до крайности не допустимъ ни твоей матери, ни твоей сестры. Ты вѣдь знаешь, что и я ихъ глубоко уважаю. Гейневскій стихъ сорвался у меня съ языка, потому что такъ къ слову пришлось. Какъ положительный совѣтъ, я и не думалъ предлагать его тебѣ. Мы еще подумаемъ. Ты вѣдь не сердишься на меня?

— Нѣтъ.

— Дай же руку.

Перецъ крѣпко пожалъ протянутую ему Берковичемъ руку. Потомъ онъ опять зашагалъ по комнатѣ и засвисталъ марсельезу, что онъ обыкновенно дѣлалъ, когда бывалъ недоволенъ собою.

— Ба! вдругъ воскликнулъ Перецъ, переставъ свистать и взглянувъ на свои часы.—Уже четыре часа. M-lle Кранцъ поставитъ насъ въ уголъ за то, что опоздали. Aux armes, citoyen! поднимись и пойдемъ.

— Я сегодня не пойду, — отвѣтилъ Берковичъ, потягиваясь, — я сегодня не расположенъ.

— Не расположенъ поболтать даже съ m-lle Полиной? Это уже настоящая хандра, и я насильно тебя потащу: если не польскіе глаголы, такъ ея черныя очи тебя вылечатъ. Вѣдь ты влюбленъ въ эти очи, да?

— Что за вздоръ!—отвѣтилъ Берковичъ, сильно покраснѣвъ. Мнѣ теперь совсѣмъ не до любви.

— Отчего не до любви? Плохія обстоятельства? Пустое! Я на обстоятельства никогда не обращалъ вниманія. Есть кого любить, — люблю, все равно, есть-ли въ портмоне кредитка или нѣтъ. Развѣ бѣдняку ужь и любить нельзя?

— Не запрещено, но какъ-то не идетъ, — замѣтилъ Берковичъ.

— Отчего не идетъ? — спросилъ Перецъ, — развѣ бѣднякъ не человѣкъ? А я, по легкомыслію моему, всегда считалъ себя человѣкомъ. Я голодалъ, а все таки любилъ, и меня любили. Я и теперь люблю.

— Кого?—почти крикнулъ Берковичъ, вытаращивъ глаза на Переца.

— Успокойся, другъ, — отвѣтилъ Перецъ, — не Полину, а другую

дѣвушку, которой ты совсѣмъ не знаешь. Но, сознаюсь, не будь я влюбленъ въ *мою*, я бы влюбился въ твою Полину.

Берковича покоробило отъ послѣднихъ словъ Переца.

— Послушай, Жюль, — сказалъ онъ тономъ обиженнаго,—зачѣмъ эти шутки? Почему ты называешь m-lle Полину моею? Ты вѣдь знаешь, что она слишкомъ богата для того, чтобы могла думать о такомъ горемыкѣ, какъ я; а я слишкомъ разсудителенъ для того, чтобы думать о невозможномъ?

— Ну, все равно, думаешь-ли ты о ней, или нѣтъ, я хотѣлъ только сказать, что она славная дѣвушка.

— Кто этого не знаетъ?

— Бѣдовая дѣвушка,—продолжалъ Перецъ, восторгаясь.—Ты знаешь, какимъ оригинальнымъ образомъ она на дняхъ познакомилась съ Сарінымъ?

— Она уже познакомилась съ Сарінымъ? — спросилъ Берковичъ удивленно.

— Ну да, чего ты испугался? Саринъ птица неопасная; онъ такой же бука, какъ ты. Но слушай, какъ было дѣло. Саринъ почти ежедневно бываетъ у Адольфа: они старые знакомые и, при томъ, дѣла у нихъ какія-то есть. Полина ждетъ день, два, три,—Саринъ съ нею не знакомится. Встрѣчаясь съ нею въ залѣ, онъ раскланивается, но не говоритъ ни слова, не рекомендуется. Полинѣ стало досадно и она рѣшилась дать ему урокъ. На дняхъ, встрѣтившись съ нимъ въ залѣ она загородила ему дорогу и скомандовала «стой! равняйсь». Онъ оторопѣлъ и остановился. Полина, приложивъ два пальца къ виску, отрапортовала: «честь имѣю рекомендоваться: Полина Кранцъ, сестра Адольфа и другъ Мэри Тидманъ, прошу любить и жаловать». Саринъ улыбнулся и тоже отрекомендовался. «Такъ вы Аркадій Саринъ?» спросила она.—«Да».—«Слушайте же, Аркадій Саринъ! Кто освободилъ васъ отъ свѣтскихъ приличій?» И ну, давай читать ему нотацію на эту тэму. Онъ былъ ужасно сконфуженъ, сталъ объясняться, просить прощенія. Однимъ словомъ, была сцена уморительная... Но я заболтался, а намъ уже пора, она насъ ждетъ. Такъ ты не пойдешь?

— Нѣтъ, хочу полежать.

— Ну, лежи, Богъ съ тобой.

Онъ надѣлъ пальто и калоши, захватилъ книгу и направился къ двери, насвистывая арію изъ «Севильскаго Цырюльника».

Берковичъ проводилъ его глазами.

— Ахъ да, Жюль, припомнилъ онъ,—мимоходомъ скажешь хозяйкѣ, чтобы она принесла мнѣ квасу.

— Ишь, сибаритъ какой!—весело воскликнулъ Перецъ.—А что, папиросы будешь мнѣ набивать?

— Буду.

— Ладно. Сію минуту ты получишь твою любимую бурду. Прощай и не унывай.

Перецъ вышелъ, продолжая насвистывать свою арію.

II.

Урокъ кончился. Полина встала, но Жюль Перецъ продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, одною рукою подперши голову, а другою барабаня по столу не то маршъ, не то вальсъ. Онъ такъ крѣпко задумался, что не замѣтилъ, какъ Полина вышла въ другую комнату. Возвратившись черезъ нѣсколько минутъ въ свой кабинетъ, она нашла Переца въ томъ же положеніи. Это ее нѣсколько озадачило.

— О чемъ вы задумались, мсье Перецъ?—спросила она.

Перецъ вздрогнулъ, какъ человѣкъ, который только что вздремнулъ и котораго внезапно разбудили щелчкомъ въ носъ или пинкомъ въ бокъ. Онъ вскочилъ съ своего мѣста, потеръ себѣ лобъ, погладилъ свои волосы и пересѣлъ на другой стулъ.

— Извините, mademoiselle, началъ онъ,—извините, что я вамъ, можетъ быть, мѣшаю; но мнѣ нужно поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ.

— Хоть о двухъ, я къ вашимъ услугамъ,—отвѣтила Полина, сѣвъ насупротивъ его на кушетку.

Перецъ погладилъ свои усики и опять началъ:

— Вы, mademoiselle, знаете, зачѣмъ я учусь по-польски?

— За тѣмъ, чтобы знать этотъ языкъ, отвѣтила Полина.

— Нѣтъ, этого мало, это было-бы роскошью, а такому человѣку-какъ я, совсѣмъ не до роскоши. Мало ли на свѣтѣ языковъ, достойныхъ изученія! Я учусь по-польски за тѣмъ, чтобы быть въ состояніи служить Польшѣ...

— Въ самомъ дѣлѣ?—воскликнула Полина, вскочивъ съ кушетки и протянувъ молодому человѣку свои руки.—Вы не можете себѣ представить, какъ вы меня теперь обрадовали. Я ужъ давно собиралась заговорить съ вами о нашемъ дѣлѣ, о справѣ ойчизны; но я думала, что

еще рано. Я не предполагала, чтобы вы такъ скоро прониклись польскимъ духомъ...

— Польскимъ духомъ я еще не проникся, поспѣшилъ прибавить Перецъ,—лгать, лицемѣрить я не намѣренъ. Поляковъ я еще очень мало знаю; еще меньше ихъ люблю. Но, если я чѣмъ нибудь проникнутъ, такъ это негодованіемъ къ Россіи.

— Ну, все равно, замѣтила Полина:—кто врагъ Москвѣ, тотъ другъ Польшѣ.

— Не знаю, такъ-ли это, отвѣтилъ Перецъ,—знаю только, что я *обязанъ* служить Польшѣ. Россія къ намъ слишкомъ несправедлива: мы ея подданные, а она насъ къ себѣ на порогъ не пускаетъ. Освобожденная Польша, можетъ быть, будетъ справедливѣе къ намъ. Поляки теперь много говорятъ о братствѣ, равенствѣ...

— Они не только говорятъ, но и чувствуютъ, перебила его Полина,— и горятъ нетерпѣніемъ доказать это на дѣлѣ. Остановка только за нами. Мы какъ-то не рѣшаемся...

— Но я рѣшился,—перебилъ ее Перецъ,—введите меня въ польскій кругъ, и я вашъ.

— Нашъ?

— Тѣломъ и душой.

— О, благодарю васъ!—воскликнула Полина, крѣпко пожавъ руку молодому человѣку—благодарю васъ отъ имени всѣхъ патріотовъ, отъ имени Польши, которая есть наше природное отечество. Я васъ познакомлю съ поляками, вы ихъ узнаете, вы ихъ полюбите, вы къ нимъ привяжетесь, вы сами сдѣлаетесь полякомъ. Только твердо-ли ваше намѣреніе?

— Развѣ вы во мнѣ сомнѣваетесь?—спросилъ Перецъ тономъ обиженнаго.

— О, нѣтъ! поспѣшила Полина исправить свою ошибку:—я вамъ вѣрю, вполнѣ вѣрю. Но, признаться, я не предполагала, я даже не подозрѣвала въ васъ намѣренія служить Польшѣ. Я всегда смотрѣла на васъ, какъ на иностранца, которому нѣтъ никакого дѣла до нашей родины. Вы всегда бредили Франціею, Парижемъ... Я считала васъ французомъ.

— Я, точно, французъ по образованію, но литвинъ по рожденію, по привычкамъ и, пожалуй, по чувствамъ.

— Больше намъ и не надо, сказала Полина.—Если вы только чувствуете себя литвиномъ, то вамъ не трудно будетъ и дѣйствовать политовски. Вы вскорѣ услышите, какую пѣсню затянетъ наша умная Литва, родина Костюшки и Мицкевича. Въ доказательство, что я уже считаю васъ нашимъ, даю вамъ теперь же порученіе отъ имени того кружка, съ которымъ на дняхъ познакомлю васъ. Хотите?

— Я готовъ,—отвѣтилъ Перецъ твердо и рѣшительно.

— Послушайте,—начала Полина, опустивъ глаза и какъ будто затрудняясь говорить,—вы... съ Саринымъ... знакомы?

— Знакомъ.

— То есть, какъ знакомы?

— Какъ обыкновенно: встрѣчаемся на улицѣ—кланяемся другъ другу, встрѣчаемся въ какомъ нибудь домѣ—перекидываемся фразами.

— А другъ у друга не бываете?

— Нѣтъ.

— Жаль.

— Почему жаль? Я могу сегодня же сдѣлать ему визитъ и ближе сойтись съ нимъ, если это нужно.

— Вы такъ и сдѣлайте. Начинайте бывать у него почаще.

— Съ какою-же цѣлью,—позвольте спросить?

Полина прикусила губы; она, видимо, затруднялась отвѣтомъ.

— Съ какою цѣлью?—повторилъ свой вопросъ Перецъ.

— Видите-ли,—начала Полина какъ-то нерѣшительно,—порученіе, о которомъ идетъ рѣчь, есть очень деликатное, дипломатическое.

— Чтожь, я попробую. Я довольно ловокъ.

— Если такъ, такъ вотъ что,—прибавила Полина рѣшительно—намъ необходимо узнать образъ мыслей Сарина, т. е., что онъ думаетъ о нашемъ дѣлѣ. Мы узнали, что онъ имѣетъ большое вліяніе на еврейскую молодежь, а потому должны знать, нашъ-ли онъ или нѣтъ?

— Но это вамъ самимъ гораздо легче узнать: онъ вѣдь бываетъ у васъ почти каждый день.

— Въ томъ-то и дѣло,—возразила Полина,—что онъ бываетъ не у насъ, а только у брата. Мнѣ какъ-то неудается вовлечь его въ разговоръ. Я уже нѣсколько разъ пробовала... Онъ очень тяжелый господинъ.

— Такъ спросите у брата,—посовѣтовалъ Перецъ.

— У брата?—спросила Полина, горько улыбнувшись,—развѣ вы не знаете, что я и братъ это—огонь и вода? Братъ всегда себѣ на умѣ, мнѣ никогда не узнать, что онъ думаетъ. Признаюсь, меня больше всего безпокоитъ то, что братъ такъ близко сошелся съ Саринымъ. Онъ вну-

шаетъ ему Богъ знаетъ что. Они просиживаютъ, запершись, по цѣлымъ часамъ, они что-то пишутъ, что-то предпринимаютъ, и намъ необходимо знать, о чемъ у нихъ идетъ дѣло. Да, я забыла вамъ сказать, что и Мозырскій съ ними за одно. Сердце мнѣ говоритъ, что они затѣваютъ что—то не ладное. А что, мсье Перецъ, вы беретесь разузнать, что они затѣваютъ?

— Извините, mademoiselle, отвѣтилъ Перецъ,—то, что́ вы мнѣ поручаете, пахнетъ шпіонствомъ, а къ этому ремеслу я совершенно не способенъ. Я готовъ служить Польшѣ всѣмъ, чѣмъ только могу; не пожалѣю крови своей; пошлите меня на русскіе штыки, и я пойду, не разсуждая, какъ на пиръ; но быть шпіономъ... слуга покорный.

— Но, г. Перецъ.... начала было оправдываться Полина, но въ эту минуту кто-то постучался въ дверь.

— Entrez,—сказала Полина и прекратила разговоръ.

Вошелъ Вацлавъ. Увидѣвъ незнакомаго ему молодаго человѣка, онъ вопросительно взглянулъ на Полину.

— Не безпокойся, Вацлавъ,—проговорила Полина, понявъ взглядъ пана Зарембы—Этотъ молодой человѣкъ нашъ. Рекомендую, панъ Юльянъ Перецъ.

— Вацлавъ Заремба,—отрекомендовался полякъ, протянувъ Перецу руку.—Ваше имя мнѣ что-то знакомо, прибавилъ онъ потомъ,—не вы ли учитель французскаго языка?

— Да.

— Excellent!—воскликнулъ Вацлавъ, обрадовавшись.—Вы можете оказать намъ большую услугу, продолжалъ онъ по-французски.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ Перецъ.

— Но, г. Перецъ,—прибавилъ Вацлавъ, —прошу впередъ извиненія за нескромный вопросъ: вы свободно пишете по-французски?

— M-lle Кранцъ знакомъ мой слогъ—отвѣтилъ Перецъ.

Вацлавъ взглянулъ на Полину.

— Г. Перецъ пишетъ по-французски, какъ французскій литераторъ, засвидѣтельствовала Полина.

Перецъ покраснѣлъ отъ этого лестнаго отзыва.

— Если такъ,—сказалъ Вацлавъ,—то вы, г. Перецъ, для насъ просто находка. Но предупреждаю, мы васъ загонимъ, мы вамъ покою, отдыху не дадимъ.

— Мнѣ это не страшно, отвѣтилъ Перецъ—,я не бѣлоручка. Я привыкъ работать по четырнадцати часовъ въ сутки.

— Славно!—воскликнулъ Вацлавъ, потирая руки,—я просто въ восхищеніи. И какъ обрадуется графиня! Дѣло, видите-ли, въ томъ, что наша французская корреспонденція съ каждымъ днемъ увеличивается. Пишетъ графиня, пишетъ княжна—я васъ съ ними познакомлю—, но гдѣ имъ справиться со всею громадною перепиской: онѣ вѣдь женщины и аристократки. Вотъ мы васъ и сдѣлаемъ секретаремъ по иностранной корреспонденціи.

— Это можно,—отвѣтилъ Перецъ, бросивъ на Полину торжествующій взглядъ, какъ-бы говоря: «а что, mademoiselle, мы пригодились для чего нибудь болѣе порядочнаго, чѣмъ шпіонство?»

— Я очень рада,—отвѣтила Полина, понявъ взглядъ осчастливленнаго молодаго человѣка.

— Еще вотъ что,—продолжалъ Вацлавъ,—намъ отъ времени до времени нужна будетъ корреспонденція, которая годилась-бы для печати. Въ матеріалахъ недостатка не будетъ; нужно будетъ только придавать имъ литературную форму, видъ газетной статьи или письма изъ края, понимаете?

— И это можно,—отвѣтилъ Перецъ,—я и теперь отъ времени до времени пишу въ Le Temp.

— Великолѣпно! значитъ по рукамъ, что-ли?

— Пожалуй.

— Но,—началъ Вацлавъ, потупивъ глаза,—кто намъ поручится за вашу скромность... вѣрность?

— Я, Полина Кранцъ,—отвѣтила Полина, положивъ руку на сердцѣ.

— И мое происхожденіе,—прибавилъ Перецъ гордо.—Мы народъ несчастный, но честный. Данное нами слово — свято. Я сказалъ, что я вашъ, стало быть я вашъ тѣломъ и душой. Такими словами мы шутить не можемъ, потому что понимаемъ всю ихъ важность. Ваша мнительность извинительна; но въ отношеніи къ намъ она неумѣстна. Если же вы хоть сколько нибудь сомнѣваетесь во мнѣ...

— О, нѣтъ! — перебилъ его Вацлавъ, схвативъ за руку,—я вамъ вѣрю. Я на васъ расчитываю, какъ на испытаннаго патріота. И такъ, по рукамъ, и пожалуйте мнѣ вашъ адресъ. На дняхъ мы введемъ васъ въ должность.

Перецъ передалъ Вацлаву свой адресъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ откланялся и ушелъ. На улицѣ онъ взглянулъ на свои часы: ему было пора на урокъ. Онъ стоялъ нѣсколько минутъ въ раздумьи, потомъ,

махнувъ рукой, «прощай, учительство!» — сказалъ онъ и отправился домой, насвистывая: Heil Dir im Siegeskranz — что означало, что онъ очень доволенъ собою.

III.

Оставшись на-единѣ, Вацлавъ и Полина сѣли другъ противъ друга.

— Что новаго?—спросила Полина.

— Цѣлый коробъ новостей,—отвѣтилъ Вацлавъ.

— Хорошихъ?

— По крайней мѣрѣ, не дурныхъ. Впрочемъ, какъ для кого.

— Разсказывай скорѣй, не мучь,—проговорила Полина.

— Погоди, моя дорогая,—сказалъ Вацлавъ флегматически,—я сперва закурю папироску.

Полина вскочила съ кушетки и поднесла ему спички.

— Во-первыхъ, —началъ Вацлавъ, затягиваясь дымомъ папироски,—нашъ тузъ пріѣхалъ.

— Пріѣхалъ?—воскликнула Полина, видимо обрадовавшись этому извѣстію.—Гдѣ онъ теперь былъ?

— Гдѣ онъ не былъ? Онъ побывалъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Познани, въ Вѣнѣ, во Львовѣ, въ Варшавѣ и въ Петербургѣ?

— И въ Петербургѣ?

— Онъ теперь прямо оттуда.

— Ну что?

— Все идетъ, какъ по маслу.

Полина вспыхнула отъ удовольствія.

— Что дальше?—спросила она.

— Во-вторыхъ,—отвѣтилъ Вацлавъ,—мы, наконецъ, можемъ себя поздравить—*Жондомъ*.

— Какъ, онъ уже образовался?—спросила Полина, не то обрадовавшись, не то испугавшись.

— Онъ теперь организуется; но помаленьку уже дѣйствуетъ,—отвѣтилъ Вацлавъ.—Тузъ привезъ съ собою много номинацій.

— Откуда идутъ эти номинаціи?

— Изъ центральнаго... началъ было Вацлавъ, но, спохватившись, поправился:—мы, впрочемъ, этого не знаемъ и не должны знать.

Полина задумалась.

— Чѣмъ теперь будетъ наше kolko patriotyczne? *)—спросила она потомъ.

— Оно будетъ упразднено. Теперь, кромѣ жонда народоваго, ничего не должно быть.

— А графиня?

— Графиня будетъ завѣдывать kwestą **) и вообще приношеніями въ пользу отчизны и раненыхъ. Стало быть, вамъ будетъ работы много.

— А ты?

— Меня назначаютъ уѣзднымъ начальникомъ.

— Уѣзднымъ начальникомъ?—Поздравляю.

— Не поздравляй, моя дорогая: я этого назначенія не приму.

— Почему не примешь?

— Потому, что хочу остаться здѣсь.

— Что это, капризъ или ты имѣешь болѣе основательныя причины?

— Причина та, что не могу оторваться отъ школы.

— Вотъ резонъ!—воскликнула Полина съ презрительною улыбкою.—Въ школѣ обойдемся и безъ тебя. Тебя легко можетъ замѣнить княжна или фонъ-деръ-Гаретъ.

— Но, моя дорогая,—возразилъ Вацлавъ, понизивъ голосъ и обративъ на Полину умоляющій взглядъ,—кто мнѣ замѣнитъ тебя?

—Вацлавъ!—строго крикнула на него Полина,—ты опять начинаешь говорить глупости?

— Для тебя это глупости,—возразилъ молодой человѣкъ, тяжко вздохнувъ,—но для меня это вопросъ жизни. Полина, ангелъ мой, божество мое, не отталкивай меня отъ себя, я безъ тебя жить не могу! Твой образъ воодушевляетъ, вдохновляетъ меня. Безъ тебя я дня не переживу.

Полина встала съ кушетки, подошла къ окошку и остановилась, обернувшись къ Вацлаву спиною.

— О, умилосердись, жестокая!—возопилъ молодой человѣкъ, ломая руки,—выслушай меня, я съ ума сойду.

---

*) Патріотическій кружокъ.

**) Сборъ милостыни.

— Я тысячу разъ тебя выслушивала,—отвѣтила Полина, обернувшись къ нему лицомъ,—и тысячу разъ тебѣ говорила, что я люблю, тебя, какъ брата, какъ патріота.

— Благодарю тебя и за это, но этой любви для меня не достаточно.

— Чтожъ дѣлать, другой любви я не могу предложить тебѣ. Я разъ навсегда тебѣ сказала, что мое сердце принадлежитъ все-цѣло ойчизнѣ.

— И больше никому?

— Никому.

— Даже....не пану—Андрею?—тихо и робко проговорилъ Вацлавъ, вперивъ въ Полину испытующій взглядъ.

Полина затряслась отъ гнѣва.

— Что ты сказалъ, несчастный! — воскликнула она, топнувъ ногой,—какъ ты смѣешь ревновать меня къ такому пьяницѣ, шулеру, развратнику, извергу? Развѣ ты не понимаешь, что честная, хоть сколько нибудь уважающая себя, женщина — должна чувствовать къ нему отвращеніе?

— Однакожъ... его же любитъ графиня.

— Но я не графиня, Вацлавъ, понимаешь-ли? Я еврейка, у меня вкусъ мѣщанскій, слѣдовательно, такіе салонные негодяи, какъ панъ Андрей, не могутъ мнѣ нравиться, и прошу тебя впредь паномъ Андреемъ меня не попрекать. Мое сердце свободно.

— Что же тебѣ мѣшаетъ отдать его мнѣ?

— Во-первыхъ то, что я тебя не люблю.

— Но со временемъ ты, можетъ быть, меня полюбишь.

— Во-вторыхъ, между нами лежитъ такая пропасть, которой не мнѣ перешагнуть даже, если-бы я и полюбила тебя.

— Что это за пропасть?

— Ты забылъ? Религія.

— Религія? Но ты же возлюбила нашу ойчизну, ты возлюбишь и нашу религію.

— Ошибаешься, другъ мой; ойчизна и религія — двѣ особыя статьи. Польшу люблю, а католицизма—нѣтъ. Я въ еврейской религіи родилась, въ этой религіи и умру, тѣмъ болѣе, что она нисколько не мѣшаетъ мнѣ любить ойчизну самою пламенною любовью.

— Такъ уѣдемъ за-границу: тамъ различіе религій не препятствуетъ браку.

— А ойчизна?

— Богъ спасетъ ойчизну и безъ насъ.

— Стало быть, я для тебя дороже ойчизны?

— О, дороже, стократъ дороже!—проговорилъ Вацлавъ, приближаясь къ Полинѣ съ распростертыми объятіями.

— Прочь, измѣнникъ!—крикнула Полина, оттолкнувъ его отъ себя со всего размаху, отъ чего онъ пошатнулся и едва не упалъ.—Вонъ отсюда! Я ненавижу, презираю тебя!...

Вацлавъ былъ ошеломленъ этимъ отвѣтомъ. Онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и сталъ рвать на себѣ волосы, сознавая, что сгоряча сдѣлалъ непростительную ошибку. Онъ думалъ, что Полина почувствуетъ себя польщенной мыслью, что она для него дороже даже ойчизны; но вышло совершенно на оборотъ. Онъ былъ внѣ себя отъ стыда и досады.

— Такъ вотъ какой ты патріотъ?—продолжала упрекать его Полина.—Женщина для тебя дороже ойчизны! И ты, послѣ этого, смѣешь называться полякомъ! Нѣтъ, ты не полякъ.

— Я полякъ!—заревѣлъ Вацлавъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь и заскрежетавъ зубами,—слышишь, Полина, я полякъ! И докажу это кровью, которую я пролью за ойчизну. Я тебя застрѣлю, если осмѣлишься еще разъ сказать, что я не полякъ!

— А я тебя заколю, если осмѣлишься еще разъ говорить мнѣ о любви!—отвѣтила Полина въ томъ же тонѣ.

Вацлавъ быстро и съ шумомъ зашагалъ по комнатѣ взадъ и впередъ, ероша свои длинные волосы и что-то бормоча про себя. Въ груди его кипѣло и клокотало, какъ въ котлѣ. Лицо пылало; глаза горѣли страшнымъ огнемъ.

Мало по малу его волненіе улеглось и онъ сталъ ходить медленнѣе.

— Полина!—началъ онъ вдругъ умоляющимъ голосомъ, опустившись на колѣни передъ стоявшею у окна, съ сложенными на груди руками, Полиною, — забудь, что сейчасъ произошло между нами. Я увлекся, я съ ума сходилъ и наговорилъ такихъ глупостей и дерзостей, которыя недостойны ни тебя, ни меня. Ты возвратила мнѣ разсудокъ. Ты напомнила мнѣ о моихъ обязанностяхъ, о которыхъ я сталъ было забывать, отуманенный страстью. Съ разбитымъ сердцемъ,

но съ удвоеннымъ мужествомъ, пойду туда, куда зоветъ меня святой долгъ. И будь я проклятъ, если окажусь недостойнымъ ойчизны и тебя!

Полина перестала сердиться.

— Встань!—сказала она, подавъ Вацлаву руку,—такіе благородные юноши не должны валяться у ногъ слабой женщины. Я опять узнаю въ тебѣ моего Вацлава. Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ больно было потерять къ тебѣ уваженіе.

— Но теперь?—спросилъ Вацлавъ.

— Теперь я опять тебя люблю, какъ брата, и уважаю какъ патріота и защитника нашего святаго дѣла.

— Больше мнѣ пока и не надо,—отвѣтилъ Вацлавъ восторженно.—Твоя братская любовь и уваженіе вдохновятъ меня на самые смѣлые подвиги самоотверженія Я хочу, чтобы ты мною гордилась. Ты вскорѣ обо мнѣ услышишь. Сегодня же принимаю назначеніе и завтра уѣду, куда жондъ посылаетъ меня. Когда начнется рухавка, я стану во главѣ какого нибудъ отряда и пойду побѣждать или умирать за ойчизну. Прощай, Полина! Мы, можетъ быть, не скоро увидимся. Помни обо мнѣ и молись за меня!

Онъ поцѣловалъ ея руку, распростился и вышелъ, сопутствуемый благопожеланіями и одобрительными словами Полины.

IV.

Когда Вацлавъ спускался съ лѣстницы, къ нему, изъ отворившейся въ корридорѣ двери вышла горничная хозяевъ и спросила:

— Вы г. Заремба?

— Да,—отвѣтилъ Вацлавъ.

— Г. Кранцъ желаетъ поговорить съ вами.

— Какой Кранцъ, старый или молодой?

— Старый.

— Со старымъ Кранцомъ я совсѣмъ незнакомъ.— Гдѣ онъ?

— Въ своемъ кабинетѣ.

— Пожалуй,—отвѣтилъ Вацлавъ и послѣдовалъ за горничной.

Въ довольно просторномъ и богатоубранномъ кабинетѣ, устланномъ во всю длину и ширину персидскимъ ковромъ, Вацлавъ нашелъ старика лѣтъ семидесяти пяти, высокаго роста, съ благороднымъ и умнымъ лицемъ, съ длинною сѣдою бородою, внушавшею невольное уваженіе къ ея обладателю, и глазами, еще сохранявшими, подъ навѣсомъ густыхъ и длинныхъ рѣсницъ, досчаточно молодаго огня. Старикъ былъ въ шелковомъ шлафрокѣ на легкомъ мѣху и въ бархатной, вышитой золотомъ, ермолкѣ. Эта ермолка,—подарокъ Полины, въ соединеніи съ богатымъ шлафрокомъ и бархатными сапогами, въ которыебыли обуты теперь его ноги, очень шла къ лицу красиваго старика, который, какъ видно, еще не прочь былъ щегольнуть костюмомъ.

Когда Вацлавъ вошелъ, старикъ пододнялся съ своихъ вольтеровскихъ креселъ, подтянулъ свой поясъ и пошелъ на встрѣчу молодому человѣку.

— Извините меня, mosci dobrodzieju,—началъ онъ на правильномъ польскомъ языкѣ,—извините, во-первыхъ, что я васъ безпокою, а во-вторыхъ, что я такого почтеннаго гостя принимаю въ халатѣ.

— Помилуйте, въ ваши лѣта... сказалъ Вацлавъ.

— Да, mosci dobrodzieju,—продолжалъ старикъ,—старость не радость. Было время, когда я рѣдко надѣвалъ халатъ, теперь я рѣдко надѣваю сюртукъ, а потому не взыщите.

— Помилуйте,—опять сказалъ Вацлавъ.

— Сядемъ,—сказалъ старикъ, пододвинувъ гостю стулъ къ письменному столу и самъ опустившись въ свои вольтеровскія кресла:— эдакъ намъ удобнѣе будетъ покалякать.

Вацлавъ сѣлъ.

— Вы г. Заремба? началъ старикъ, погладивъ свою бороду.

— Къ услугамъ,—отвѣтилъ Вацлавъ съ поклономъ.

— Можетъ быть, родственникъ бывшаго предводителя блаженной памяти?

— Бывшій предводитель былъ мнѣ дядя.

— Стало быть, вы сынъ покойнаго пана Игнаца?

— Такъ есть, г. Кранцъ. Вы развѣ знали моего батюшку?

—Еще бы,—отвѣтилъ Кранцъ,—я зналъ всю магнатскую фамилію Зарембовъ, отъ перваго до послѣдняго, со всѣми дѣла имѣлъ. Я зналъ вашего дѣдушку—шамбеляна и вашу бабушку—президентувну. Вы, можетъ быть, замѣтили у меня въ залѣ готическіе часы съ курантами? Эти часы я получилъ въ подарокъ отъ стараго шамбеляна.Я зналъ и вашу матушку.

— Вы знали мою матушку?—спросилъ Вацлавъ, растроганный до глубины души.

— Еще бы,—отвѣтилъ Кранцъ, еще разъ погладивъ свою бороду,—я ее зналъ, когда она была еще панной! Она вѣдь Масальская изъ дому?

— Да.

— Славная была женщина, первая красавица въ губерніи. Старый генералъ, дѣдъ вашъ, хотѣлъ выдать ее за полковника Турчинскаго, но мать ваша заупрямилась и не пошла. Отецъ вашъ укралъ ее изъ замка и обвѣнчался съ нею.... Молодецъ былъ мужчина, всѣмъ панамъ голову кружилъ. Мать ваша влюбилась въ него и дала себя увезти. Сколько шуму тогда надѣлала эта исторія!... Полковникъ съ досады застрѣлился; горячій былъ человѣкъ. Дѣдъ вашъ десять лѣтъ не пускалъ ее къ себѣ на порогъ, но потомъ простилъ: дворянство вмѣшалось и заступилось за вашу мать. Отецъ вашъ, изволите видѣть, былъ человѣкъ хорошій, но, между нами будь сказано, большой кутила. Въ пять лѣтъ онъ прокутилъ свое имѣніе, богатѣйшее имѣніе. Купилъ это имѣніе панъ Слупкевичъ, зять вашего батюшки, заплативъ за все 75 тысячъ червонныхъ. Онъ купилъ, можно сказать, за безцѣнокъ. Я бы самъ, зажмуривъ глаза, заплатилъ 100 тысячъ. Какой тамъ лѣсъ былъ! Пленипотентъ обманулъ вашего батюшку.... Мать ваша стала терпѣть нужду.

— Бѣдная матушка! — отозвался Вацлавъ, тяжко вздохнувъ.

— Она продала своихъ лошадей, свои экипажи, свои шубы и собиралась уже продать свои семейные брильянты. Тутъ вмѣшалось дворянство, и старый генералъ отдалъ вашей матери ея приданное: два имѣнія въ К—скомъ уѣздѣ.

— Гдѣ теперь эти имѣнія! — проговорилъ Вацлавъ, покачавъ головой и чуть не прослезившись.

— Знаю, — спокойно отвѣтилъ Кранцъ, — они конфискованы. Но кто виноватъ? зачѣмъ вашъ отецъ пошелъ въ повстанье? Сидѣлъ бы лучше въ своемъ имѣніи и занимался хозяйствомъ, такъ ему не нужно было-бы тащиться въ Сибирь и тащить вашу матушку, такую нѣжную даму. Кстати, гдѣ вы родились, въ Сибири или въ краѣ?

— Въ краѣ, — отвѣтилъ Вацлавъ.

— Ахъ да, я теперь припомнилъ, что ваша мать, проживъ въ Сибири шесть лѣтъ, возвратилась въ край беременною. Она васъ родила и, два года спустя, скончалась. Ея родителей уже тогда не было въ живыхъ.

— Какъ вы все это знаете! — замѣтилъ Вацлавъ.

— Какъ же мнѣ не знать! Я зналъ всю околичную шляхту, а кто изъ околичной шляхты не зналъ Лейзера Кранца? Нужно ли было лѣсъ продать — Лейзеръ Кранцъ, хлѣбъ — Лейзеръ Кранцъ, нуженъ ли большой заемъ съ умѣренными процентами — все Лейзеръ Кранцъ. Да-съ такъ. Я все свое богатство нажилъ около шляхты и почти все свое богатство спустилъ потомъ между шляхтою же. Кто не былъ мнѣ долженъ, но кто мнѣ заплатилъ? Одинъ въ повстанье пошелъ; другой такъ умеръ, предварительно пустивъ по міру все свое семейство. Съ кого же взыскать? Въ моей конторкѣ вы найдете заемныхъ писемъ на десятки тысячъ рублей. Не возьмись я за другую торговлю, я былъ бы теперь нищимъ.

Но не въ томъ дѣло... Разскажите мнѣ лучше, что сталось съ вами по смерти вашей матушки? Мнѣ любопытно знать. Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ вести торговлю съ за-границей, я разнакомился съ здѣшнею шляхтою и обывательствомъ, и не знаю, что сталось съ ними и ихъ дѣтьми. Ну, начнемъ съ васъ. На чьихъ рукахъ вы остались по смерти матери?

— Меня принялъ на воспитаніе графъ Стащицкій, — отвѣтилъ Вацлавъ.

— Графъ Стащицкій? — спросилъ удивленно Кранцъ, — этотъ чудакъ, который у своего посѣчника учился играть на волынкѣ?

— Тотъ самый, — отвѣтилъ Вацлавъ, — онъ былъ ко мнѣ очень добръ, мнѣ было у него хорошо. Я окончилъ гимназію...

— А въ университетѣ вы были? — перебилъ его Кранцъ.

— Былъ, но не окончилъ.

— Почему?

— Потому, что мнѣ нужно было ѣхать съ графомъ и графиней за-границу, на воды.

— Такъ вы уже были за-границей?

— Мы три года тамъ жили. По смерти графа, мы возвратились въ край?

— Что же вы теперь подѣлываете? Вы служите?

— Нѣтъ.

— Чѣмъ же вы живете?

— Во-первыхъ, графъ въ своемъ завѣщаніи назначилъ мнѣ небольшой пожизненный пансіонъ.

— Но этого пансіона, вѣроятно, для васъ мало? — дороговизна такая?

— Разумѣется.

— Что же вы дѣлаете?

— Зарабатываю.

— Какъ же вы это заработываете? — продолжалъ свой допросъ старый Кранцъ, какъ видно, не довольствовавшійся общими словами.

— Занимаюсь литературой.

— Литературой?—переспросилъ Кранцъ—т. е., вы книжки печатаете и продаете?

— Что-то въ родѣ этого,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, почему то покраснѣвъ.

Старый Кранцъ пожалъ плечами, какъ будто говоря: ну, нашелъ же себѣ человѣкъ занятіе.

— Кто еще остался изъ вашей фамиліи?—спросилъ онъ.

— Больше никого. Я послѣдній въ родѣ.

— Послѣдній въ родѣ!—воскликнулъ Кранцъ, качая головою, какъ-бы сожалѣя.—Ахъ да; что сталось съ паномъ Слупкевичемъ, вашимъ дядей? Онъ, какъ мнѣ помнится, мѣтилъ въ милліонщики, да и капиталъ у него, въ самомъ дѣлѣ, былъ порядочный.

— Панъ Слупкевичъ раззорился на суконной фабрикѣ, обанкрутился и кончилъ жизнь пулею въ лобъ.

— Эхъ, паны вы, паны!—замѣтилъ Кранцъ,—не умѣете вы коммерцію вести. Какъ только не повезло, такъ ужъ сейчасъ пулю въ лобъ! Умный купецъ такъ не дѣлаетъ. Не повезло, опять начинай сначала. Мы по пяти разъ въ жизни раззоряемся и все таки не теряемъ духа. Ужъ сколько разъ я самъ былъ подъ конемъ, однакожъ, я въ отчаяніе не приходилъ, и Богъ, дѣйствительно, вывезъ. Если бы всѣ купцы стрѣляли себѣ въ лобъ при первой неудачѣ, то теперь на свѣтѣ уже не было-бы ни одного купца. Не бывать вамъ купцами, какъ мнѣ предводителемъ! А что, панъ Слупкевичъ дѣтей оставилъ?

— Одну дочь, Изабеллу.

— Она уже замужемъ?

— Нѣтъ, она гувернантка.

— Гувернантка!—воскликнулъ Кранцъ, вскочивъ съ креслъ и заломавъ руки. — О, Боже милосердый! Что сталось съ нашею шляхтою! Потомки Зарембовъ и Массальскихъ книжками торгуютъ и уроки даютъ!

Вацлавъ понурилъ голову и тяжко вздохнулъ. Кранцъ продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Если-бы старый шамбелянъ всталъ теперь изъ гроба и взглянулъ на своихъ внуковъ—онъ ихъ проклялъ-бы и еще глубже зарылся въ могилу.

— Проклялъ?—воскликнулъ Вацлавъ, вскочивъ со своего мѣста,—за что онъ бы насъ проклялъ? Мы его имени не мараемъ!

— Не горячитесь, молодой человѣкъ,—отвѣтилъ Кранцъ, усадивъ

своего гостя и подвинувшись къ нему поближе.—Мы теперь потолкуемъ о дѣлѣ. Знаете ли, зачѣмъ я васъ обезпокоилъ?

— Нѣтъ.

— Во-первыхъ,—началъ Кранцъ,—за тѣмъ, чтобы дать вамъ совѣтъ, а во-вторыхъ, чтобы попросить у васъ услуги. Какъ другъ вашего рода, съ которымъ я знакомъ былъ почти полвѣка и которому много обязанъ, я считаю себя вправѣ предостеречь васъ, потомка этого рода, отъ опаснаго шага, который вы теперь намѣрены сдѣлать.

— Что вы подъ этимъ разумѣете?—спросилъ Вацлавъ.

— Я подъ этимъ разумѣю—мятежъ, который вы опять теперь затѣваете. Это опасная игра, молодой человѣкъ! Много крови и денегъ она вамъ стоила, а еще больше она будетъ вамъ сто́ить. Москаль силенъ, вы на землю его не повалите? Вы только растратите ваши послѣднія силы и пользы вамъ отъ этого не будетъ никакой. Зачѣмъ же губить себя по напраспу? И чего вамъ недостаетъ. Вы имѣете ваши костелы, вашихъ ксендзовъ, вашихъ бискуповъ, вашихъ маршалковъ и вашихъ чиновниковъ. Живите же себѣ въ свое удовольствіе и не напрашивайтесь на побои! Вѣдь поколотятъ же васъ навѣрное.

— Ну, это еще неизвѣстно, кто кого поколотитъ, — возразилъ Вацлавъ.—Впрочемъ, это уже наше дѣло. Если мы рѣшились, значитъ мы знаемъ, что дѣлаемъ и что насъ ожидаетъ. Мы обо всемъ подумали.

— Стало быть, вы моего совѣта не принимаете?

— Нѣтъ.

— Какъ вамъ угодно. Я свое дѣло сдѣлалъ. Совѣсть моя чиста. Теперь позвольте мнѣ попросить у васъ одной услуги. Опять какъ другъ вашего рода, я, кажется, имѣю право надѣяться, что вы мнѣ не откажете.

— Увидимъ, въ чемъ состоитъ эта услуга?

— Она состоитъ въ томъ,—началъ Кранцъ, почти жалобнымъ голосомъ,—чтобы вы не лишали стараго, въ гробъ смотрящаго отца, его единственной дочери, единственнаго утѣшенія въ послѣдніе дни его жизни.

— Вы говорите о вашей дочери, паннѣ Полинѣ?

— Да, о моей Полинѣ. О, не лишайте меня ее!

— Помилуйте, г. Кранцъ, чѣмъ мы васъ ее лишаемъ?

— Тѣмъ, что вы кружите ей голову, увлекаете въ ваше опасное предпріятіе, въ которомъ я не хотѣлъ-бы, чтобы она принимала хотя малѣйшее участіе. Она вѣдь дитя, вы наговорили ей Богъ знаетъ что, она и лѣзетъ въ огонь, очертя голову. Я все знаю, вы бываете у

нея, она бываетъ на вашихъ собраніяхъ, на которыхъ ей совсѣмъ не слѣдуетъ бывать.

— Почему?

— Потому, что она дитя.

— Какое она дитя? Она уже не дитя, она патріотка, она полька.

— Богъ съ вами! что вы говорите, г. Заремба?—воскликнулъ старикъ въ отчаяніи.—Какая она полька? Она еврейка, дочь моя.

— А еврейка развѣ не должна любить ойчизну?

— Пусть она себѣ любитъ ойчизну, я ей не мѣшаю. Я тоже люблю ойчизну, но ходить въ ваши собранія ей все таки не слѣдуетъ.

— Почему?

— Потому, что она еврейка, потому что это не ея дѣло. Мы мятежами никогда не занимались. Знаемъ, къ чему они ведутъ. Хотимъ жить въ мирѣ и спокойствіи. Круль такъ круль, царь такъ царь. Намъ что за дѣло до этого? Кому намъ прикажутъ повиноваться, тому и будемъ повиноваться. Намъ и религія наша предписываетъ повиноваться поставленнымъ властямъ.

— Ну, и повинуйтесь жонду народовому. *Онъ* здѣсь теперь власть, *онъ* теперь въ краѣ хозяинъ.

— Какой онъ хозяинъ!—Царь здѣсь хозяинъ!

— Но мы не признаемъ его.

— Мало, что не признаете. Вы и въ тридцать первомъ году не признавали его, однакожъ, кто хозяйничаетъ? Впрочемъ, мы вамъ не мѣшаемъ. Дѣлайте, какъ знаете, только насъ оставьте въ покоѣ.

Вацлавъ вспылилъ.

— Ойчизна въ опасности, а васъ оставлять въ покоѣ?—воскликнулъ онъ.—Что вы за недотроги такіе? Позволяю себѣ замѣтить вамъ, г. Кранцъ, что вы очень плохой патріотъ. При случаѣ мы это вамъ припомнимъ.

— Припоминайте. Казните меня, но не отнимайте у меня дочери! Она для меня дороже жизни.

— Но она и намъ очень дорога.

— Чѣмъ она вамъ дорога? Какая вамъ отъ нея польза? Что можетъ сдѣлать для польской ойчизны еврейская дѣвочка?

— Вы, г. Кранцъ, какъ я вижу, очень плохо знаете вашу дочь, а потому объяснять вамъ всю пользу, какую намъ приноситъ панна Полина, мнѣ очень трудно будетъ. Коротко только скажу вамъ: такой благородной польки, такой пламенной патріотки, какъ ваша дочь, поискать надо, а потому она намъ очень нужна и мы ни за что ее вамъ не уступимъ. Она принадлежитъ ойчизнѣ.

— Она принадлежитъ мнѣ! — воскликнулъ старикъ, топнувъ ногой,—она дочь моя, я ея отецъ! Могу уступить вамъ все, все мое имущество, все мое состояніе, но дочери я вамъ неуступлю! Она кость изъ костей моихъ, кровь изъ крови моей, вы ее отнимете развѣ вмѣстѣ съ моею душою. О, добрый, благородный г. Заремба,—умолялъ старикъ, залившись слезами,—именемъ святаго праха вашего дѣдушки—шамбеляна, заклинаю васъ, не откимайте у меня моей дочери! Дайте мнѣ умереть спокойно, вѣдь мнѣ уже недолго остается жить на свѣтѣ. Для того-ли я весь вѣкъ свой трудился, работалъ, не доѣдалъ, не досыпалъ, потѣлъ, тревожился, копилъ деньги, для того-ли, чтобы на старости лѣтъ видѣть дѣтей моихъ, награду всей моей трудовой жизни, проливающихъ кровь свою изъ-за панской фантазіи? О, сжальтесь надо мною, надъ моими сѣдыми волосами! Наложите на меня какую угодно контрибуцію, я сегодня же съ удовольствіемъ внесу ее въ вашу кассу; но оставьте дѣтей моихъ въ покоѣ, не тащите ихъ съ собою въ ту пропасть, которую вы сами себѣ роете.

Вацлавъ выслушалъ эти слова весьма равнодушно и ничего не отвѣчалъ. Онъ всталъ и, закусивъ губы, началъ натягивать свои перчатки.

— Вы уже уходите, г. Заремба?

Да, мнѣ уже пора.

— И вы ничѣмъ не успокоите старика?

— Могу только утѣшить васъ обѣщаніемъ, что я уже больше не буду безпокоить вашу дочь моими визитами: я завтра уѣзжаю совсѣмъ изъ города.

— Вы уѣзжаете? Не потрудитесь-ли вы передъ отъѣздомъ объяснить моей дочери, что ваше предпріятіе въ ней не нуждается?

— Вы, г. Кранцъ, требуете отъ меня слишкомъ много. Во-первыхъ, предпріятіе наше нуждается въ ней столько же, сколько въ каждомъ патріотѣ. Во-вторыхъ, мое объясненіе не поможетъ. Ваша дочь слишкомъ тверда въ своемъ намѣреніи, что бы я, или кто либо другой, легко могъ пошатнуть его. Еще разъ говорю вамъ: дочь ваша уже не дитя, она знаетъ, что́ дѣлаетъ, и хорошо дѣлаетъ. Затѣмъ, прощайте, г. Кранцъ, не поминайте меня лихомъ. Придетъ время, и вы увидите, что ваши опасенія были напрасны. Мы тоже не дѣти; если мы затѣваемъ дѣло, стало быть, мы убѣждены въ его успѣхѣ. Мы вѣдь еще не совсѣмъ выжили изъ ума. Совѣтую вамъ, какъ другу

рода Зарембовъ, быть лучшимъ патріотомъ и не относиться такъ равнодушно и недовѣрчиво къ дѣлу Польши, потому что... Впрочемъ, прощайте!

Онъ поклонился и вышелъ.

Старикъ заломалъ руки, наклонилъ голову и погрузился въ думу.

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать съ этою взбалмошною дѣвченкою? проговорилъ онъ.—Она хочетъ погубить себя, меня, всѣхъ насъ. О, Господи, спаси насъ!...

Онъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по кабинету. Потомъ онъ подошелъ къ сонеткѣ и два раза позвонилъ. Явилась горничная.

— Адольфъ дома? спросилъ—Кранцъ.

— Дома.

— Такъ пришли его сюда.

V.

Софія Аронсонъ къ Мэри Тидманъ.

№, февраль... 1862 г.

«Твои упреки, chère Marie, за мое долгое молчаніе вполнѣ заслуженны; но я все таки не виновата. Я больна. Въ послѣдніе мѣсяцы мною овладѣла такая лѣнь, такая апатія, что не могу ни за что взяться: все бы сидѣла, сложа руки, прислушиваясь къ мѣрному качанію маятника. Я даже бросила свой дневникъ: не до него мнѣ теперь, когда душа моя изнемогаетъ. Во мнѣ теперь точно все замерло: и думы, и чувства, и желанія. А причина овладѣвшей мною скуки и лѣни очень простая: бездѣйствіе, мучительное бездѣйствіе, на которое осудили меня родители. Въ тревожное время, которое мы теперь переживаемъ, мои добрые старики сочли за лучшее совершенно отрѣзать меня отъ всего, что дѣйствуетъ. Они зорко за мною наблюдаютъ, слѣдятъ, куда я хожу, съ кѣмъ видаюсь, что дѣлаю; постоянно встревожены, какъ будто я собираюсь совершить какое нибудь преступленіе. Но пуще всего мнѣ достается отъ матушки: она съ меня глазъ не спускаетъ, сидитъ или у меня въ комнатѣ, или въ залѣ у дверей моей комнаты, въ качествѣ тѣлохранителя и, безъ разныхъ предосторожностей, никого до меня не допускаетъ. Представь себѣ, она даже панну Изабеллу, своего *друга*, не пускаетъ на порогъ нашъ подъ разными благовидными предлогами. То мы всѣ угорѣли и лежимъ больные, то никого изъ насъ дома нѣтъ, то во всемъ домѣ полы моютъ и негдѣ принимать ее, однимъ словомъ, матушка каждый разъ что нибудь присочинитъ, чтобы отвязаться отъ *опасной* гостьи.

Если бы ты видѣла, какой шумъ она подняла въ домѣ, когда разъ застала у меня пана Вацлава, пришедшаго проститься со мною, передъ отъѣздомъ своимъ въ уѣздъ!.... Она плакала, ломала руки, осыпала меня упреками и, въ тоже время, душила въ своихъ объятіяхъ. Ея отчаяніе и тревога были такъ велики, что она хотѣла на нѣкоторое время услать меня въ другой городъ. Едва на третій день она успокоилась и призналась мнѣ, что ей все мерещилось, что полиція сію минуту нагрянетъ и заарестуетъ меня за свиданіе съ *мятежникомъ*.

«Изъ этихъ строкъ ты можешь заключить, какъ мнѣ теперь должно быть тошно и больно. Мнѣ вдвойнѣ больно: во-первыхъ, что я ничего не дѣлаю для ойчизны, въ то время, когда она нуждается въ посильной помощи каждаго изъ дѣтей своихъ, а во-вторыхъ, что я такъ слаба, что у меня не хватаетъ духа дѣйствовать на перекоръ моимъ родителямъ, любовь къ которымъ, по всѣмъ моимъ соображеніямъ, должна-бы была уступать мѣсто болѣе возвышенной любви къ ойчизнѣ. Вотъ что меня мучитъ и гнететъ! Я борюсь, но что въ томъ проку,—когда я не выхожу побѣдительницей изъ этой борьбы, когда голосъ родителей заглушаетъ во мнѣ голосъ ойчизны?... Если мы всѣ будемъ слушаться только голоса нашего сердца, то что тогда будетъ съ долгомъ, который мы всѣ имѣемъ передъ ойчизной? Кто будетъ исполнять его? Не будутъ ли наши соотечественники имѣть полное право презирать насъ, какъ эгоистовъ и даже измѣнниковъ? И я въ самомъ дѣлѣ начинаю ненавидѣть, презирать себя за мое малодушіе, за мою безхарактерность, за мою преступную слабость. О, презирай меня тоже, потому что я вполнѣ этого заслуживаю...

«Какъ я завидую нашей Полинѣ! Она живетъ, дѣйствуетъ, работаетъ, не обращая вниманія на наставленія, просьбы и угрозы своего отца и брата. Она патріотка до мозга костей. Я съ нею видаюсь теперь очень рѣдко. Она бываетъ у меня только мимолетомъ. Она всегда занята. Дома почти никогда теперь ее не застанешь: то она въ своей школѣ, то у графини, то въ другимъ какомъ нибудь патріотическомъ кружку. Ты теперь не узнала бы ее: она такъ перемѣнилась! Она сдѣлалась серьезнѣе, благоразумнѣе, сдержаннѣе. Она теперь меньше говоритъ, но больше дѣйствуетъ. Мы съ нею дружны по прежнему, но отъ прежней ея откровенности теперь уже и слѣда не осталось. Она отъ меня очень многое скрываетъ и въ сущности права. За чѣмъ мнѣ открывать такія дѣла, въ которыхъ я не участвую? Я ею восхищаюсь, я ей удивляюсь, потому что она цѣлою головою переросла

меня. Вотъ что значитъ серьезно посвятить себя служенію идеѣ! Это служеніе просвѣщаетъ, развиваетъ, человѣкъ растетъ въ немъ не по днямъ, а по часамъ. Въ послѣдніе мѣсяцы наша Полина далеко ушла впередъ, а я, кажется, ушла назадъ. Грустно и больно, но дѣлать нечего. Могу только пенять на судьбу, одарившую меня такою дряблою натурою, но въ этомъ мало утѣшенія.

«Ты спрашиваешъ, какое впечатлѣніе произвелъ на насъ вашъ Саринъ?—Почти никакого особеннаго. Всѣ находятъ, что онъ человѣкъ порядочный и неглупый—вотъ и все. Онъ не успѣлъ еще высказаться, и врядъ-ли когда нибудь выскажется, потому что онъ уже пересталъ бывать въ домахъ, съ которыми познакомился. Должно быть, что наше общество не особенно ему понравилось, и въ этомъ отношеніи я нахожу, что онъ очень правъ. Развѣ наше общество можетъ нравиться серьезному и развитому человѣку?—Пустота, мелочность, скудоуміе на каждомъ шагу! Мы съ этимъ положеніемъ сжились, а потому привыкли; но на человѣка свѣжаго оно не можетъ не произвести отталкивающаго впечатлѣнія. Все свое время Саринъ проводитъ съ Адольфомъ и Мозырскимъ. Между этими молодыми людьми, по-видимому, установилась самая тѣсная дружба, и это весьма естественно: всѣ они люди серьезные, разсудительные. Они сообща что-то затѣваютъ, предпринимаютъ, но, что именно—еще неизвѣстно. Саринъ хотя у насъ иногда и бываетъ, но я его не распрашиваю, а онъ самъ не говоритъ. Поживемъ, увидимъ.

«Для успокоенія своей совѣсти, я на дняхъ сдѣлала вотъ что: Я взяла сумму, собравшуюся у меня изъ моихъ карманныхъ денегъ,—около ста рублей—и препроводила ее въ *кассу для патріотическихъ цѣлей*. Такъ я буду дѣлать со всѣми деньгами, которыя попадутъ въ мои руки. Кромѣ того, я намѣрена, разумѣется тайкомъ отъ родителей, распродать мои драгоцѣнныя вещи, которыя въ разное время получила въ подарокъ отъ родителей, родственниковъ и подругъ, и вырученную за нихъ сумму препроводить туда-же. Родители не спохватятся потому, что они этихъ драгоцѣнностей никогда на мнѣ не видятъ. Какъ ты думаешь, имѣю-ли на это право или нѣтъ? Но вѣдь эти вещи моя собственность, стало быть, я могу распоряжаться ими по собственному моему усмотрѣнію. Такъ и быть! Если не могу участвовать въ освобожденіи отчизны лично, буду, по крайней мѣрѣ, участвовать моими матеріальными средствами».

VI.

Въ одинъ ненастный мартовскій вечеръ 1862 года, двѣ долговязыя фигуры, закутанныя въ непромокаемые плащи съ капишонами, опущенными по самые подбородки, медленно расхаживали взадъ и впередъ по Садовой улицѣ, одной изъ самыхъ чистыхъ и самыхъ тихихъ улицъ города N. Цѣлью ихъ прогулки былъ, по-видимому, большой каменный двухэтажный домъ съ изящнымъ балкономъ изъ чугуна, потому что каждый разъ, какъ таинственныя фигуры поравнивались съ нимъ, онѣ останавливались на нѣсколько минутъ и не спускали глазъ со втораго этажа, пять оконъ котораго были очень ярко освѣщены, что, по-видимому, не только заинтересовало, но и озадачило ихъ.

— Что бы такое тамъ было?—спросила одна фигура, вытянувъ шею и вставъ на цыпочки, какъ-бы желая хоть глазомъ проникнуть въ освѣщенныя комнаты,—неужели свадьба нашей Кранцувны?

— Такъ чтожъ, если свадьба?—спросила вторая фигура.

— Такъ я пропалъ.

— Почему пропалъ?

— Потому, что тогда не видать мнѣ моихъ ста дукатовъ.

— Ста дукатовъ?—переспросила вторая фигура, заглядывая своему товарищу подъ капишонъ.—Ты, Стась, шутишь или пьянъ?

— Я не шучу и не пьянъ,—отвѣтилъ Стась,—дѣло въ томъ, что мы съ паномъ Андреемъ условились когда нибудь увезти дочку богатаго Кранца, и за это онъ мнѣ обѣщался дать сто дукатовъ.

— А гдѣ панъ Андрей возьметъ эти сто дукатовъ? Вѣдь онъ голъ, какъ соколъ.

— Ужь это не мое дѣло, я возьмусь за работу только тогда, когда деньги будутъ у меня въ карманѣ. Мы такъ и условились.

— Ну на здоровье; желаю тебѣ успѣха,—проговорила вторая фигура, плотнѣе закутываясь въ свой плащъ и собираясь уходить, —прощай!

— Ты, Ясь, куда торопишься?

— Я еще не обошелъ своего цыркула.

— Еще успѣешь, цыркулъ отъ тебя не уйдетъ. А ты лучше помоги мнѣ вскарабкаться на балконъ; загляну въ окошко, что тамъ жиды дѣлаютъ, и пойдемъ вмѣстѣ.

— Мнѣ некогда,—возразилъ Ясь,—хочу сегодня раньше окончить свой обходъ и завалюсь спать. Я насилу волочу ноги. Чортъ возьми! Какъ только окончится мѣсяцъ, я поблагодарю за службу и опять возьмусь за мое прежнее ремесло.

— Знать, служба уже надоѣла тебѣ?

— Очень даже надоѣла.

— Развѣ тебѣ лучше было, когда ты былъ извощикомъ?

— Лучше,—отвѣтилъ бывшій извощикъ,—по крайней мѣрѣ знаешь, что дѣло дѣлаешь. А то—шататься, какъ песъ, по улицамъ, въ то время, когда всѣ порядочные люди спятъ, заглядывать въ окошко, прятаться, какъ воръ,—это чортъ знаетъ на что похоже. Я—дворянинъ, мой гоноръ не позволяетъ мнѣ быть шпіономъ.

— А еще патріотъ!—замѣтилъ съ укоромъ Стась, качая головой.

— Да, патріотъ,—отвѣтилъ Ясь,—когда нужно будетъ драться за ойчизну, я, какъ добрый полякъ, пойду драться; но быть хожалымъ—слуга покорный... Я дворянинъ, мой гоноръ...

— А чортъ тебя побери съ твоимъ гоноромъ, — перебилъ его Стась,—ты мнѣ лучше скажи, хочешь ли пособить мнѣ вскарабкаться на балконъ?

— Нѣтъ, не хочу,—сказалъ рѣшительно Ясь,—еще кто нибудь подвернется, подыметъ гвалтъ, и насъ, какъ мошенниковъ, уведутъ въ полицію.

— Такъ что-жъ, если уведутъ? Полиція—свои люди, не съѣстъ насъ. Узнаютъ кто мы, такъ сію минуту выпустятъ.

— Выпустятъ или не выпустятъ, а все таки придется сидѣть въ козѣ. Я дворянинъ...

— Трусъ ты, а не дворянинъ, вотъ что я тебѣ скажу!—въ сердцахъ крикнулъ Стась.—Трусъ, утвержденный герольдіей. У тебя гонору меньше, чѣмъ у жида пархатаго. Тьфу!

Дворянинъ вломился въ амбицію.

— Ты, Стась, какъ смѣешь меня ругать?

— А вотъ погоди здѣсь еще минуточку, такъ я тебя и поколочу,—отвѣтилъ Стась, высунувъ изъ подъ-плаща свою мускулистую руку.

Ясь, зная, что имѣетъ дѣло съ записнымъ забіякой, счелъ за лучшее ретироваться.

— Я съ тобою и говорить не хочу,—сказалъ онъ на-прощанье и поспѣшно удалился.

Стась громко расхохотался и плотнѣе закутался въ свой плащъ.

Оставшись одинъ, онъ подошелъ къ заинтересовавшему его дому и сталъ ощупывать водосточную мѣдную трубу, тянувшуюся съ крыши до самой панели, съ намѣреніемъ вскарабкаться по ней на балконъ. Онъ уже поднялъ руки и сталъ карабкаться, какъ вдругъ услышалъ скрипъ воротной калитки. Дѣлать было нечего. Онъ бросилъ свою работу и,

какъ ни въ чемъ не бывало, спокойно отправился по тому направленію, откуда послышался скрипъ. Слухъ не обманулъ его: у калитки стояла женская фигура, закутанная въ большой теплый платокъ. Поровнявшись съ фигурою, Стась бросилъ на нее бѣглый, но проницательный взглядъ, и вдругъ остановился, какъ вкопанный.

— Марцита!—воскликнулъ онъ, распахнувъ свой плащъ и простирая фигурѣ обѣ руки.

— Стась!—воскликнула въ свою очередь фигура, всплеснувъ руками.

— Вотъ встрѣча!—прибавилъ Стась, освободивъ свою голову отъ капишона,—а я перешарилъ весь городъ: гдѣ моя Марцита? Нѣтъ моей Марцити? Точно сквозь землю провалилась.

— Да, толкуй,—отвѣтила дѣвушка, надувши губки,—ты вѣдь все врешь. Ты совсѣмъ не искалъ меня. Очень я тебѣ нужна.

Она закрыла свое лицо платкомъ и прослезилась.

— Ну, не сердись, моя коханная,—приставалъ къ ней Стась,—помиримся. Дай ручку.

Она, какъ бы нехотя, протянула ему руку.

— Ангелъ мой, душа моя, королева моя,—ворковалъ влюбленный Стась, цѣлуя то одну руку, то другую и притягивая къ себѣ дѣвушку все ближе и ближе.—Отнынѣ мы уже не разстанемся. Я чувствую, что люблю только тебя.

— А Анелька?—спросила Марцита, вдругъ вырвавъ свои руки изъ рукъ разчувствовавшагося Стася.

— Что было, то уплыло,—отвѣтилъ Стась,—я Анельку уже давно бросилъ. Она твоего мизинца не стоитъ.

— Клянись!

— Jak Boga kocham, — отвѣтилъ юноша, положивъ руку на сердце.

Дѣвушка бросилась въ его объятія и, казалось, повисла на одномъ долгомъ, почти не скончаемомъ поцѣлуѣ.

— И такъ, ты меня любишь, Стась?—проговорила растаявшая дѣвушка, чуть не задыхаясь отъ сердечнаго волненія.

— Я тебя обожаю.

— И никогда не покинешь?

— Никогда, честное слово!

— Я повѣшусь, если ты опять промѣняешь меня на какую нибудь Анельку или Стефку.

— Сказано, что не покину и баста!—проговорилъ почти строго

Стась, которому, вѣроятно, уже стали надоѣдать припадки ревности своей возлюбленной.—Поговоримъ лучше о дѣлахъ: мы такъ давно не видались.

— А кто этому виноватъ?

— Ну, все равно. Скажи мнѣ, что ты здѣсь дѣлаешь?

— Я здѣсь служу, у Кранцевъ.

— У Кранцевъ?—почти вскрикнулъ Стась, обрадовавшись.—Это великолѣпно.

— Почему великолѣпно?

— Ужь я знаю почему. Это ваши окошки освѣщены?

— Наши.

— Что сегодня у васъ такое?

— У молодаго Кранца гости.

— Кто они такiе?

— Извѣстно кто, жиды.

— Что они дѣлаютъ?

— Извѣстно что, чай пьютъ, разговариваютъ.

— Не знаешь-ли, о чемъ они разговариваютъ?

— А мнѣ почемъ знать! Но къ чему ты это все спрашиваешь?

— Вѣроятно, нужно,—отвѣтилъ Стась, и чтобы перевести разговоръ на другую тему, началъ разсказывать ей, что бросилъ карты, поступилъ на службу за двадцать пять рублей въ мѣсяцъ и что ему скоро предстоитъ—кромѣ того, заработать еще двѣ тысячи польскихъ злотыхъ. —А вотъ, когда получу деньги,—прибавилъ Стась,—я на тебѣ женюсь и мы заживемъ по-пански.

— Серьезно?

— Честное слово.

Дѣвушка бросилась цѣловать своего возлюбленнаго. Затѣмъ, условившись, что по воскресеньямъ, будутъ видѣться у тети Пракседы, на предмѣстьѣ, они еще разъ обнялись и разошлись.

Стась надѣлъ капишонъ, закутался въ свой плащъ и ужь собирался уйдти, какъ вдругъ къ воротамъ подъѣхали дрожки. Съ нихъ соскочилъ молодой человѣкъ, тоже въ непромокаемомъ плащѣ, но безъ капюшона.

— Дозорца?—окликнулъ Стася молодой человѣкъ.

— Дозорца,—отвѣтилъ Стась.

— Номеръ?

— Восьмой.

— Haslo? *)

— Niech zyje **).

— Васъ ищутъ. Отправьтесь скорѣе krzyż na krzyż ***), фонарь № 13, лѣстница А, входъ справа, haslo niech będzie.

— Слушаю отвѣтилъ Стась и скорымъ шагомъ отправился по этому таинственному, но хорошо ему знакомому адресу, а молодой человѣкъ вошелъ въ отворенную калитку. Дрожки ожидали у воротъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ, молодой человѣкъ появился у калитки въ сопровожденiи молодой дамы въ тепломъ бурнусѣ съ черною шалью на головѣ. Они сѣли на дрожки.

— Куда?—спросилъ извощикъ.

— *Туда*,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Дрожки умчались съ своими сѣдоками, Жюль Перецомъ и Полиной Кранцъ.

VII.

Въ то время, когда m-lle Полина, въ сопровожденiи Жюля Переца, мчалась на биржевомъ извощикѣ *туда*, въ квартирѣ ея брата, Адольфа Кранца, дѣлались приготовленiя къ *первому* засѣданiю еврейской молодежи города N.

Большой письменный столъ перенесенъ былъ изъ кабинета въ гостинную; къ нему приставленъ былъ еще ломберный столикъ. Вмѣсто зеленаго сукна, котораго не нашлось въ квартирѣ Кранца, на эти оба стола накинута была какая-то полосатая бумажная матерiя, которую Адольфъ добылъ гдѣ-то въ скарбѣ своей сестры. Кресла, стулья и подсвѣчники разнаго калибра и фасона натащены были изъ разныхъ комнатъ обширной квартиры Кранцевъ. Всѣми приготовленiями распоряжался самъ хозяинъ, которому содѣйствовали нѣкоторые изъ гостей, такъ какъ, по важности дѣлъ, которыя подлежали обсужденiю, сочли за благо не допускать въ комнату засѣданiя никого, даже изъ прислуги.

Когда приготовленiя были окончены, гости, по приглашенiю хозяина, сѣли вокругъ стола. Ихъ было человѣкъ до двадцати. Кромѣ Кранца, Сарина и Мозырскаго, по иницiативѣ которыхъ и состоялось это засѣданiе, тутъ были почти всѣ преподаватели еврейскихъ учебныхъ заве-

*) Пароль.

**) Да здравствуетъ!

***) Крестъ на крестъ.

деній города N, нѣсколько еврейскихъ литераторовъ и образованные люди изъ купеческаго сословія.

Адольфъ Кранцъ провозгласилъ:

— Не въ качествѣ предсѣдателя, а въ качествѣ хозяина, объявляю засѣданіе открытымъ.

Водворилась тишина.

— Кто будетъ говорить?—спросилъ кто-то.

— Г. Саринъ, отвѣтилъ Адольфъ.

Саринъ всталъ и началъ:

— Милостивые государи! Я вполнѣ убѣжденъ, что вы годъ, полтора года тому назадъ, съ прискорбіемъ слѣдили за ярыми нападками на насъ, евреевъ, мѣстной прессы. Имѣвъ теперь случай лично познакомиться съ представителями этой прессы, я узналъ, что они далеко не такіе заклятые юдоѣды, какими мы ихъ всегда представляли себѣ. Какъ люди просвѣщенные, они о евреяхъ вообще такого-же мнѣнія, какъ и мы съ вами; но, какъ польскіе патріоты, они нападали на нихъ, имѣя въ виду двоякую цѣль: во-первыхъ, возстановивъ противъ евреевъ администрацію, вызвать въ ней репресивныя противъ нихъ мѣры; и во-вторыхъ заставить евреевъ, недовольныхъ вслѣдствіе этихъ мѣръ, правительствомъ, броситься въ объятія поляковъ, обѣщающихъ имъ теперь золотыя горы...

— Ловко придумано,—замѣтилъ кто-то.

— Да, милостивые государи,—продолжалъ Саринъ,—дѣятели здѣшней прессы—люди очень ловкіе; они не только искусные литераторы, но и искусные дипломаты. Первой цѣли они почти уже достигли; вѣдь отуманить администрацію не Богъ знаетъ, какъ трудно, тѣмъ болѣе что ей самой какъ будто пріятно быть отуманенной относительно евреевъ. Администрація, какъ я узналъ изъ вѣрнаго источника, начинаетъ смотрѣть на насъ косо, и не будетъ ничего удивительнаго, если еврейскія дѣла примутъ дурной оборотъ.... Представленія о насъ въ Петербургъ пишутся поляками или, по крайней мѣрѣ, подъ ихъ диктовку.

— Совершенно справедливо, — замѣтилъ одинъ изъ купцовъ, — во всѣхъ канцеляріяхъ дѣлами заправляютъ поляки; въ ихъ рукахъ не только начальники отдѣленій, но и предсѣдатели, даже губернаторы.

— Но до второй цѣли,—продолжалъ Саринъ, возвысивъ голосъ, мы ихъ не допустимъ: евреи съ поляками брататься не должны! И это потому, что отъ этого братанья мы не только ничего не можемъ выиграть, но можемъ потерять даже то немногое, которымъ уже владѣемъ... За стариковъ нашихъ намъ нечего опасаться: они къ полякамъ не пристанутъ; они люди опытные, смышленные, будутъ знать, какъ держать себя. Польская удочка десять разъ оборвется, пока разъ зацѣпитъ ихъ. Но молодежь...

— За молодежь мы ручаемся; такъ вѣдь, господа?—отозвался Копельсонъ, одинъ изъ учителей, окинувъ вопросительнымъ взглядомъ своихъ товарищей.

— Разумѣется, разумѣется,—подтвердили учителя въ одинъ голосъ,—за нашу учащуюся молодежь тоже нечего безпокоиться: мы даемъ ей самое легальное направленіе.

— Извините, господа,—возразилъ Саринъ,—дѣло идетъ не объ одной учащейся молодежи, за которую вы ручаетесь, но о всей нашей молодежи. Притомъ, даже и относительно учащейся молодежи, вы, какъ учителя, можете ручаться развѣ только за ея успѣхи въ наукахъ—ни больше. Вы, господа, меня извините, если откровенно вамъ скажу, что наши учителя, сколько я ихъ ни знаю, до сихъ поръ давали ученикамъ только уроки, но не направленія; а потому говорить о послѣднемъ, какъ о чемъ нибудь положительномъ, будетъ нѣсколько преждевременно. Да и гдѣ было выработаться какому либо направленію? Признайтесь, господа, вѣдь вы сегодня чуть-ли не въ первый разъ сошлись вмѣстѣ? Кромѣ какъ на урокахъ, никогда другъ съ другомъ не встрѣчаетесь, какъ будто вы, кромѣ служебныхъ занятій, уже ничего общаго между собою не имѣете.

Учителя потупили глаза. Саринъ продолжалъ:

— Вамъ непріятно это слушать? Но намъ еще непріятнѣе видѣть, какъ люди молодые, образованные и трудолюбивые ушли въ себя и копошатся, каждый въ своемъ отдѣльномъ углу, какъ кроты въ своей норѣ; а между тѣмъ, у насъ, у всѣхъ, кромѣ личныхъ интересовъ, есть интересы общіе, народные, священные, которые безъ совмѣстнаго труда могутъ очень пострадать. Кто же въ этомъ будетъ виновенъ?

—Не мы!—энергиаески воскликнулъ одинъ изъ учителей,—или, по крайней мѣрѣ, не мы одни. Во всемъ нашемъ обществѣ господствуетъ полнѣйшій разладъ; каждый стоитъ особнякомъ, всякъ заботится только о себѣ. Что дѣлаютъ наши купцы? — торгуютъ. Что дѣлаютъ наши медики?—практикуютъ. Что дѣлать намъ, учителямъ, если не давать уроковъ? Если у насъ интересы общіе, такъ и забота и работа должны быть общія. Работать для общей пользы среди общаго равнодушія и апатіи, мы не обязаны. Мы не герои, мы скромные тружен-

ники и ничего больше. Всѣ возьмутся за работу—и мы отставать не будемъ. Всѣ бездѣйствуютъ—и мы бездѣйствуемъ. Если же отъ этого страдаютъ наши народные интересы — вините весь народъ, но не насъ, ибо мы лишь самая незначительная частица этого народа.

— Браво! браво!—зааплодировали учителя своему оратору.—Мы не виноваты! Мы не отвѣчаемъ! Мы не виноваты!

— Это вамъ только такъ кажется,—возразилъ Саринъ, спокойно, но твердо. — Поразмыслите хорошенько и вы перемѣните ваше мнѣніе. Мы, по количеству, точно незначительная частица нашего народа, но, по качеству, мы—мыслящая часть его, его интеллигенція, а потому мы обязаны за него думать, за него дѣйствовать. Вамъ же, господа, знакомо изреченіе нашихъ древнихъ мудрецовъ: «на безлюдьи старайся хоть ты быть человѣкомъ». Это изреченіе во всѣ времена нашего историческаго странствованія вызывало изъ среды нашего народа людей мысли и почина, которые давали немыслящей массѣ нашей надлежащее направленіе и тѣмъ спасали ее отъ конечной гибели, сохраняя ее для лучшей будущности. Это изреченіе должно и насъ воодушевлять къ дѣятельности, на благо нашего безпомощнаго народа. Лѣтъ двадцать, тридцать тому назадъ, во главѣ нашего народа стояли раввины, ученые, наше, такъ называемое, духовенство, которое твердо стояло на сторожѣ нашихъ народныхъ интересовъ, работая денно и нощно, по своему крайнему разумѣнію. Теперь эти почтенные дѣятели сходятъ со сцены; новыя требованія времени вручаютъ кормило правленія намъ, молодымъ; во главѣ обществъ поставлены раввины изъ среди насъ; обученіе юношества поручено намъ; на насъ возложена великая и священная миссія: преобразовать, перевоспитать нашихъ единовѣрцевъ, поставить ихъ на торную дорогу всего человѣчества, съ которымъ они должны идти рука объ руку, нога въ ногу. Неужели-же, изъ личнаго удобства ничегонедѣланья мы будемъ прикидываться непонимающими возложенной на насъ миссіи? Неужели мы можемъ успокоиться на автоматическомъ исполненіи обязанностей? Неужели совѣсть наша уже ничего, такъ таки рѣшительно ничего, не подсказываетъ намъ на счетъ того, что мы *обязаны* дѣлать въ качествѣ раввиновъ, учителей, литтераторовъ и, вообще, мыслящихъ людей?

Взрывъ рукоплесканій покрылъ послѣднія слова оратора. Рукоплескали даже тѣ, противъ которыхъ главнымъ образомъ и направлена была эта филиппика. Учитель же, который нѣсколько минутъ предъ тѣмъ думалъ, что онъ блестящимъ образомъ отразилъ нападеніе на своихъ сотоварищей, былъ такъ растроганъ, что всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ Сарину и крѣпко пожалъ ему руку.

— Вы совершенно правы, г. Саринъ, вы открываете намъ глаза,— сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Мы, правду говоря, люди честные, но сонливые. Будите насъ, и мы постараемся бодрствовать.

Когда тишина опять водворилась, Саринъ, отеревъ потъ съ своего блѣднаго лица, продолжалъ:

— Я еще не кончилъ. Г. Блюмъ ссылается на равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ нашихъ купцовъ и нашихъ медиковъ. Но, спрашивается, должно ли это равнодушіе служить намъ образцомъ, или оправданіемъ нашего собственнаго бездѣйствія? Вы развѣ не знаете, что торговое сословіе нигдѣ не стоитъ во главѣ какихъ либо общественныхъ движеній? Оно, впрочемъ, и не претендуетъ на иниціативу. Торговое сословіе— таже масса, идущая туда, куда ее направляютъ болѣе интеллигентные классы общества. Какъ масса, оно видитъ факты, но ему некогда обобщать ихъ; смотритъ на явленія, но не понимаетъ ихъ смысла и внутренняго содержанія. А потому мы отъ нашихъ купцовъ не должны требовать осмысленнаго образа дѣйствій. Они масса, *толпа*, и этимъ, надѣюсь, уже все сказано.

Присутствовавшие купцы немножко сконфузились, крякнули, но молчали. Саринъ продолжалъ:

— Что же касается нашихъ медиковъ, то мы съ прискорбіемъ должны признаться, что рѣдко между ними встрѣчаемъ человѣка, душею и сердцемъ преданнаго интересамъ своего народа. Они большею частью люди профессіи, по просту сказать, ремесленники. Университетъ далъ имъ ремесло и права, они и бросились эксплоатировать то и другое, съ жадностью людей, долгое время голодавшихъ. Гдѣ имъ и думать объ интересахъ, которые выше ихъ хлѣбной практики? Они похожи на узниковъ, только что выпущенныхъ изъ тюрьмы и еще не насытившихся свободою настолько, чтобы имъ возможно было подумать о своихъ бывшихъ сотоварищахъ по заключенію. Иначе и не можетъ быть. Современемъ они убѣдятся, что, не смотря на свою личную свободу, они, тѣмъ не менѣе, связаны съ своими единовѣрцами болѣе крѣпкими узами, чѣмъ они думаютъ. Христіанское общество на каждомъ шагу будетъ напоминать имъ, что они—тѣ же узники, только случайно вырвавшіеся на волю. Тогда и они, можетъ быть, станутъ содѣйствовать тому, чтобы совсѣмъ не было узниковъ, и не будутъ стоять

подаль и безучастно смотрѣть на усилiя своихъ братьевъ, рвущихся на волю. Такъ было за-границей, такъ будетъ и у насъ, въ Россiи. Но это еще впереди, а пока мы не должны забывать, что опасность не за горами, а за плечами, и, если не поспѣшимъ стать передъ нею грудью, ожидая помощи отъ нашихъ купцовъ и медиковъ, то мы погибнемъ, пропадемъ... Мы теперь очутились, что называется, между молотомъ и наковальней: съ одной стороны администрацiя, а съ другой— поляки. Давленiе будетъ сверху и снизу. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, какъ намъ держаться, чтобы насъ не прихлопнули, какъ пройдти невредимыми межъ двухъ огней?...

На этотъ вопросъ никто изъ присутствовавшихъ не отвѣчалъ. Всѣ какъ будто рѣшились выслушать Сарина до конца, тѣмъ болѣе, что каждый былъ внутренно убѣжденъ, что поставленный ораторомъ вопросъ будетъ имъ и разрѣшенъ. Помолчавъ немного, какъ-бы ожидая отвѣта, Саринъ продолжалъ:

— О нашихъ старикахъ мы уже говорили. Сильно развитое въ нихъ чувство самосохраненiя научитъ ихъ благополучно пролавировать между Сциллою и Харибдою. Но молодежь?.. Я знаю, что въ ней уже начинаетъ развиваться нѣчто въ родѣ патрiотическаго чувства, т. е. потребность имѣть отечество и любить его. Съ этимъ мы, конечно, можемъ поздравить себя; но съ другой стороны, мы должны опасаться, чтобы этою возбудившеюся въ нашей молодежи потребностью не воспользовались, для своихъ личныхъ цѣлей, поляки, съ которыми едва-ли мы можемъ имѣть что нибудь общее. Молодежь ищетъ отечества, ей и предложатъ несчастную Польшу, трижды умершую, но все таки продолжающую порабощать дѣтей своихъ. Молодежь неопытна, податлива, а приманка блестящая. Поляки пустятъ въ ходъ все свое краснорѣчiе, всѣ свои соблазны, чтобы отуманить и завлечь насъ подъ свое знамя... Нѣкоторымъ изъ нашей молодежи они уже успѣли вскружить голову.

— Кому это?—спросило нѣсколько голосовъ.

Адольфъ Кранцъ вздрогнулъ и бросилъ умоляющiй взглядъ на Сарина. Послѣднiй понялъ этотъ взглядъ и сказалъ:

— За чѣмъ вамъ имена? Довольно того, что нѣкоторые изъ насъ уже безвозвратно закабалили себя полякамъ.

— Но «нѣкоторые» вѣдь еще не вся молодежь,—отозвался кто-то.

— Это такъ,—отвѣтилъ Саринъ,—но вы забываете нашу круговую поруку, по которой за одного провинившагося еврея тащутъ къ суду всѣхъ насъ, все еврейство. Я знаю, что многiе изъ здѣшнихъ русскихъ, сознательно или безсознательно дѣйствуютъ заодно съ поляками; однакожъ, никому въ голову не придетъ сказать, что русскiй *народъ* сочувствуетъ польскимъ замысламъ. Но съ нами вѣдь разсчеты совсѣмъ другiе: одинъ попадется въ мятежѣ, такъ скажутъ, что всѣ евреи бунтовали! Вотъ это то и должно насъ безпокоить.

— Что же намъ дѣлать?—воскликнули почти всѣ присутствующiе, понявшiе, наконецъ, опасное положенiе вещей.—Что намъ дѣлать?—вопрошали они, уже прямо обращаясь къ Сарину.—Говорите, совѣтуйте, вѣдь вы, вѣроятно, уже объ этомъ подумали?

— Да, милостивые государи,—отвѣтилъ Саринъ,—мы точно подумали и кое-что уже сдѣлали. Г. Кранцъ, г. Мозырскiй и я составили программу дѣйствiй, которую и предложимъ сейчасъ на ваше обсужденiе.—Г. Кранцъ, теперь ваша очередь говорить.

Саринъ сѣлъ, а Кранцъ всталъ и хотѣлъ было уже начать говорить, но въ эту минуту дверь отворилась, и въ комнату вошла m-lle Полина. На ней еще были бурнусъ и шаль, въ которыхъ она только что возвратилась изъ города. При появленiи Полины, Адольфъ поблѣднѣлъ, а Саринъ и Мозырскiй многозначительно переглянулись между собою. Всѣ остальные присутствовавшiе уже поднялись было съ своихъ мѣстъ, чтобы привѣтствовать ее, но Полина, быстро сдернувъ съ себя шаль и взъерошивъ свои длинныя и черныя кудри, подошла къ столу и начала:

— Извините, господа, что я своимъ внезапнымъ появленiемъ помѣшала вашей прiятной бесѣдѣ, а можетъ быть, и серьезнымъ совѣщанiямъ. Дѣло очень спѣшное, не терпящее отлагательства. Я къ вамъ прислана отъ людей, въ рукахъ которыхъ судьба всего нашего народа, всего нашего края. Эти люди въ послѣднiй разъ взываютъ къ вамъ, хотите-ли принять участiе въ великомъ дѣлѣ освобожденiя ойчизны, или нѣтъ?

— Нѣтъ!—энергически воскликнулъ Саринъ, вставъ съ своего мѣста и вперивъ въ Полину грозный, почти гнѣвный взглядъ.—Тысячу разъ нѣтъ! Благоволите, m-lle, сказать тѣмъ, отъ которыхъ вы присланы, что они сами разрушили свою ойчизну, пусть теперь сами ее и будуютъ. Мы имъ въ этомъ дѣлѣ не товарищи. Мы ихъ не знаемъ.

— Но вы ихъ узнаете,—отвѣтила Полина въ сердцахъ,—въ особенности вы, г. Саринъ! Хотя я не должна этого сказать, но не могу воздержаться, а потому объявляю вамъ, г. Саринъ, что за вами слѣдятъ.

— Слишкомъ много чести для меня,—отвѣтилъ Саринъ, поклонившись и саркастически улыбнувшись,—и я объявляю вамъ, въ свою оче-

редь, что мы за ними тоже слѣдимъ и мы надѣемся, что имъ не удастся вовлечь нашу молодежь въ безрасудное предпріятіе, которое они теперь затѣяли.

Полина тряслась отъ гнѣва.

— Что, вы будете доносить?—спросила она, устремивъ на Сарина взглядъ, полный страха, гнѣва и презрѣнія.

— Зачѣмъ доносить? — отвѣтилъ Саринъ, съ тою же саркастическою улыбкой,—этимъ благороднымъ дѣломъ займется благородная же шляхта. Кто продалъ Польшу, если не сами-же поляки? За орденскую ленту, за камергерскій ключъ купишь, пожалуй, многихъ изъ этихъ, такъ называемыхъ, патріотовъ.

— Это говорите вы!...

— Нѣтъ, это не я говорю, а говоритъ авторъ Parafian'szczyny, одинъ изъ умнѣйшихъ гражданъ Польши, на котораго вы можете смѣло положиться, потому что онъ знаетъ своихъ родаковъ основательнѣе, чѣмъ мы съ вами. Что касается насъ, то скажу вамъ коротко и ясно, что я своею головою ручаюсь за всѣхъ здѣсь присутствующихъ, что ни одинъ изъ нихъ не унизится до доноса и ремесла полицейскаго сыщика. Такъ вѣдь, господа?

— Такъ, такъ!—подтвердили всѣ присутствующіе.

— Мы располагаемъ орудіями болѣе дѣйствительными, чѣмъ доносы, этими орудіями и будемъ бороться противъ польскихъ приманокъ.— Кончено. Я уже все сказалъ. Другаго объясненія вы отъ насъ не получите. И хотя я въ здѣшнемъ домѣ не хозяинъ, но, ради дѣла, для котораго мы теперь собрались, позволяю себѣ просить васъ, m-lle Кранцъ, чтобы вы намъ не мѣшали. Вы идете по одной дорогѣ, а мы по другой Кто изъ насъ ошибся въ выборѣ,—покажетъ время. Какъ женщина умная и развитая, вы, надѣюсь, въ скоромъ времени узнаете, за кого и за что вы ратуете. Воодушевляющія васъ теперь идеи, сами по себѣ, дѣлаютъ честь не только вамъ, но и намъ. Мы можемъ гордиться вами; но слѣдовать за вами, куда влечетъ васъ ваше возвышенное, но ослѣпленное чувство,—мы не должны, по соображеніямъ, о которыхъ намъ теперь некогда распространяться. Коротко вамъ скажу евреи должны имѣть и будутъ имѣть отечество почище безтолковой Польши, которая безвозвратно погибла еще во-времена Костюшки. За тѣмъ, прощайте, m-lle Кранцъ!!...

Эти слова произнесены были Саринымъ съ такою энергіею, съ такимъ апломбомъ, слова: «прощайте, m-lle Полина»,—звучали такъ без-

апелляціонно и повелительно, что взволнованная, ошеломленная дѣвушка не знала что и отвѣчать, и, какъ будто инстинктивно повинуясь только что прогремѣвшему строгому приказу, поспѣшно оставила комнату, не успѣвъ даже бросить взглядъ на человѣка, который ее чуть не выгналъ и, противъ котораго она въ эту минуту чувствовала непримиримую ненависть и.... глубокое уваженіе.

По удаленіи Полины, прерванныя совѣщанія опять возобновились, но уже не въ томъ порядкѣ, не съ тою послѣдовательностью, какъ прежде; всѣ были слишкомъ разсѣянны только что происшедшей сценою. Вмѣсто рѣчи, которую Кранцъ собирался было произнести, Мозырскій читалъ по бумагѣ предложеніе за предложеніемъ, которыя, послѣ краткихъ преній, принимались или отвергались всѣмъ обществомъ или большинствомъ голосовъ.

Засѣданіе кончилось часу въ одинадцатомъ. Всѣ разошлись, давъ обѣщаніе держать эпизодъ съ Полиной подъ величайшимъ секретомъ, такъ какъ объ этомъ просили Адольфъ и Саринъ.

VIII.

— Извольте садиться, раббойсай,*) мѣста хватитъ для всѣхъ. Мои скамьи жесткія, но длинныя. Наши предки,—да покоятся въ мирѣ,— на болѣе мягкихъ скамьяхъ не сидѣли, а въ гробу, черезъ сто двадцать лѣтъ, намъ тоже мягче не будетъ.

Этими словами, приправленными добродушною, но вмѣстѣ и грустною улыбкою, обратился престарѣлый, но еще довольно бодрый ребъ Іохананъ, многоученый и многоуважаемый проповѣдникъ города N, къ собравшимся у него, по его приглашенію, старѣйшинамъ N-скаго еврейскаго общества. Собрались они въ библіотекѣ ребъ Іоханана, въ тотъ самый вечеръ, въ который происходили только что разсказанныя событія.

По приглашенію ребъ Іоханана, старѣйшины N-ской общины, все сѣдовласые старцы съ болѣе или менѣе серьезными и почтенными физіономіями, разсѣлись на скамьяхъ, вокругъ дубоваго стола, на которомъ большой мѣдный подсвѣчникъ о трехъ вѣтвяхъ съ зажженными въ нихъ сальными свѣчами старался, по возможности, освѣщать какъ эту

*) Господа.

комнату, такъ равно и примыкавшій къ ней альковъ, служившій ребъ Іохanaну опочивальней.

Старѣйшины были въ своихъ верхнихъ платьяхъ и въ шапкахъ; на нѣкоторыхъ же изъ нихъ были даже шубы, хотя въ комнатѣ было довольно тепло. На ребъ Іохананѣ же была сутана изъ черной шелковой матеріи, перехваченная около самой груди широкимъ шелковымъ же поясомъ, застегивавшимся спереди двумя серебрянными рыбками. На головѣ онъ имѣлъ черную бархатную ермолку; но, когда старѣйшины заняли свои мѣста, онъ, поверхъ ермолки, надѣлъ свою большую соболью шапку, которая еще больше возвышала торжественную серьезность его умной физіономіи.

Всѣ сидѣли молча, ожидая слова уважаемаго проповѣдника, который, подперши лобъ правою рукою и закрывъ глаза, погрузился на нѣсколько минутъ въ думу.

— Раббойсай!—началъ ребъ Іохананъ, открывъ глаза и погладивъ свою бороду,—я пригласилъ васъ ко мнѣ для разрѣшенія одного важнаго, очень важнаго вопроса. Уже нѣсколько дней, какъ онъ не даетъ мнѣ покоя. Я все думаю о немъ и даже обдумалъ его, но на себя не полагаюсь, хочу выслушать и ваше мнѣніе, тѣмъ болѣе, что дѣло касается не только нашей общины, но и всего нашего народа.

Старѣйшины выпучили глаза и навострили уши. Ребъ Іохананъ продолжалъ:

— Намъ угрожаетъ большая опасность.

— Съ какой стороны, откуда?—спросили въ одинъ голосъ всѣ присутствующіе, встревоженные послѣдними словами проповѣдника.

— Со стороны пановъ, поляковъ.

— А, на счетъ возстанія!—воскликнули нѣкоторые болѣе успокоительно,—мы слышали, слышали. Знать, тридцать первый годъ изъ памяти вышелъ...

— Но, раббойсай,—продолжалъ ребъ Іохананъ, бѣда не въ томъ, что тридцать первый годъ изъ памяти у нихъ вышелъ, а въ томъ, что поляки хотятъ, чтобы мы, евреи, подставили подъ казацкія нагайки и наши спины. Вотъ какое письмо я на дняхъ получилъ по почтѣ.

Сказавъ это, онъ разстегнулъ свою сутану и вынулъ изъ боковаго кармана большое, тщательно сложенное письмо и передалъ его присутствующимъ.

— Польское! Печатное!—воскликнули послѣдніе, развернувъ письмо и бросивъ на него бѣглый взглядъ.

— Мои дѣти прочли и сообщили мнѣ его содержаніе; но не мѣшаетъ, чтобы мы всѣ знали его подробности. Кто изъ васъ, раббойсай, читаетъ по-польски?

— Я,—отозвался ребъ Пинхасъ Мордхесъ, взявъ письмо и вперивъ въ него свои подслѣповатые глаза, осѣненные густыми, сѣдыми бровями.

Всѣ замолкли и притаили дыханіе, чтобы не проронить ни одного слова изъ письма, которое собирался читать ребъ Пинхасъ Мордхесъ. Послѣдній, продержавъ письмо въ своихъ рукахъ нѣсколько минутъ, просиллабизировалъ, наконецъ, потѣя и заикаясь, слѣдующія слова: «Do du-cho-wién-stwa Moj-ze-szo-wego wyz-na-nia».

Преодолѣвъ первую строку, ребъ Пинхасъ полѣзъ къ себѣ въ карманъ за платкомъ, чтобы отереть потъ, выступившій на его лицѣ, и хотѣлъ продолжать свое чтеніе, но ребъ Іохананъ пріостановилъ его.

— Ну, ребъ Пинхасъ,—сказалъ онъ съ добродушною улыбкою,—видно, что мы съ вами учились по-польски въ одной школѣ, а потому мы оба такіе хорошіе поляки. Ребъ Лейзеръ,—обратился онъ къ находившемуся тутъ-же Лейзеру Кранцу,—не возьметесь-ли вы за письмо? Мы васъ оштрафуемъ, если вы не прочтете намъ письма, какъ настоящій полякъ. Вѣдь вы весь вѣкъ свой между поляками жили...

— Попробую, отвѣтилъ—ребъ Лейзеръ Кранцъ,—принявъ письмо отъ забракованнаго чтеца и надѣвъ свои очки.

Онъ началъ читать громко, плавно и съ надлежащею интонаціею, такъ что всѣ присутствующіе, которые вообще плохо понимали по-польски, все таки поняли въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что слова и выраженія трудныя ребъ Лейзеръ объяснялъ имъ по еврейски.

— Все?—спросилъ ребъ Іохананъ, когда ребъ Лейзеръ пересталъ читать.

— Все,—отвѣтилъ послѣдній.

— Вы поняли?—спросилъ ребъ Іохананъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ.

— Поняли отъ начала до конца,—отвѣтили спрошенные.

— Стало быть, мы въ этомъ письмѣ уже не нуждаемся, а потому мы и можемъ уничтожить его. Ребъ Лейзеръ,— обратился проповѣдникъ къ Кранцу, державшему еще письмо въ рукахъ,—потрудитесь сжечь это письмо, дабы и слѣда его не осталось.

Ребъ Лейзеръ исполнилъ приказаніе проповѣдника.

— Теперь, раббойсай,—началъ послѣдній, когда зажженное письмо, брошенное на полъ, превратилось въ золу,—подумаемъ, что намъ дѣлать. Поляки требуютъ отъ насъ, ни больше, ни меньше, чтобы мы пошли вмѣстѣ съ ними драться съ русскими за ихъ ойчизну.

— Долго имъ придется ждать, пока пойдемъ,—отозвался кто-то.

— Хотя эта мысль сама по себѣ достойна смѣха,—продолжалъ ребъ Іохананъ,—ибо, во-первыхъ, что мы за воины? и, во-вторыхъ, наша святая религія строго воспрещаетъ намъ бунтоваться. Но такъ какъ она разъ засѣла въ голову пановъ, то мы отъ нее не такъ легко отдѣлаемся.

— Почему же мы не легко отдѣлаемся?—спросилъ ребъ Пинхасъ, — мы скажемъ коротко и ясно, что мы не хотимъ и баста.

— Но, любезный ребъ Пинхасъ,—возразилъ ребъ Іохананъ,—въ томъ-то и дѣло, что мы не можемъ такъ сказать. Вы забываете, что мы между панами и отъ пановъ и живемъ. Мы всегда въ ихъ рукахъ. Если они захотятъ, то и могутъ сдѣлать намъ много зла, и потому мы должны остерегаться раздражать ихъ.

— Нашъ рабби правъ,—согласилось все собраніе,—навлечь на себя негодованіе пановъ весьма опасно.

— А правительство?—спросилъ ребъ Пинхасъ Мордхесъ.

— Да, раббойсай, отвѣтилъ ребъ Іохананъ,—положеніе наше теперь очень щекотливо. Опасность справа, опасность и слѣва. Вы же знаете, чтó обыкновенно отвѣчаетъ дитя, когда его спрашиваютъ, кого оно больше любитъ: папу или маму? Оно отвѣчаетъ: и папу и маму. Если бы насъ спросили, кого мы больше боимся, поляковъ или русскихъ, то мы должны бы были отвѣчать, что мы ихъ обоихъ больше боимся, потому что они оба не больно-то любятъ насъ: русскіе, какъ властители, а поляки, какъ сосѣди. А потому мы должны угождать и русскимъ, и полякамъ, дабы не разсердить ни тѣхъ, ни другихъ. Они подерутся, но въ концѣ-концовъ помирятся; при стаканѣ вина они забудутъ свою вражду, но не забудутъ своей общей ненависти къ намъ, потому что они все-таки христіане, а мы все-таки евреи. Между огнемъ и водою никогда не будетъ мира, пока самъ Богъ не перемѣнитъ существа этихъ враждующихъ стихій. Мы должны это помнить и, согласно этому, поступать... Если мы пристанемъ къ русскимъ, то поляки, хотя побѣжденные, но помирившіеся съ русскими, будутъ мстить намъ черезъ посредство русскихъ же, потому что поляку всегда легче будетъ столковаться съ русскимъ, чѣмъ съ евреемъ. Такъ было и въ тридцать первомъ году. Многіе, охъ! многіе изъ насъ пострадали за свою вѣрную службу Царю—и отъ кого же? Отъ русскаго начальства, которое давало себя одурачить полякамъ.

—Да, да, мы это помнимъ,—отозвались нѣкоторые изъ присутствующихъ.—Вмѣсто обѣщанныхъ наградъ, многіе изъ евреевъ, по наговору поляковъ, попали въ тюрьму и даже въ Сибирь.

— Если же мы возьмемъ сторону поляковъ, продолжалъ ребъ Іохананъ,—то русскіе, которые, безъ сомнѣнія, и въ этотъ разъ возьмутъ верхъ, будутъ имѣть полное право наказать насъ за измѣну, и это будетъ вполнѣ справедливо, ибо мы, евреи, не должны быть глупы, мы должны быть умны и знать, что Польша слаба, а Россія сильна. Стало быть, выбирать намъ нечего, мы должны только стараться, чтобы противъ насъ ничего не имѣли ни поляки, ни русскіе. Охъ, охъ, охъ! — вздыхалъ ребъ Іохананъ,—одинъ Богъ знаетъ, какъ противно это двоедушіе нашей совѣсти, но что же намъ дѣлать, когда мы, за грѣхи наши, подпали подъ начало двухъ господъ, которые притомъ еще ссорятся между собою? Будемъ усердно служить одному, разсердится другой; будешь усердно служить другому—разсердится первый. Да сжалится Богъ надъ нами!...

Онъ опять тяжко вздохнулъ, закрылъ лицо обѣими руками и заплакалъ.

— Народъ израильскій,—заговорилъ ребъ Іохананъ, рыдая,—народъ патріарховъ, священниковъ, левитовъ, пророковъ, царей и князей,—до чего ты дожилъ! Ты долженъ быть рабомъ двухъ пановъ, которые ненавидятъ, презираютъ и топчатъ тебя ногами. Жизнь твоя всегда виситъ на волоскѣ. О, горе тебѣ, народъ израильскій, горе тебѣ!...

Старѣйшины были глубоко растроганы.

— Но Богъ справедливъ и судъ его справедливъ!—продолжалъ ребъ Іохананъ, осушивъ свои слезы.—Возвратимся, раббойсай, къ нашему дѣлу. Мы сдѣлаемъ вотъ что: Поляки требуютъ помощи?—хорошо. Но помощь бываетъ двоякаго рода: людьми и деньгами. Людей мы имъ не дадимъ, потому что мы къ войнѣ не привычны, мы имъ только мѣшать будемъ нашимъ присутствіемъ, а деньги дадимъ.

— Деньги?—спросили нѣкоторые, испугавшись этого рода помощи.

— Да, деньги,—отвѣтилъ ребъ Іохананъ, почти строго взглянувъ на вопросителей,—все свое достояніе человѣкъ долженъ отдать за спасеніе своей жизни. Притомъ, эти деньги не наши, онѣ нажиты отъ

пановъ-же. Пусть возвращаются туда, откуда онѣ взяты. Богъ не оставитъ насъ. Съ голоду не умремъ.

Присутствующіе пожали плечами, но ничего не сказали.

— Кромѣ того,—продолжалъ ребъ Іохананъ,—слѣдуетъ распорядиться, чтобы никто изъ евреевъ на поляковъ не доносилъ. Пусть себѣ поляки дѣлаютъ, что угодно, мы и въ ихъ сторону смотрѣть не должны. А если что увидимъ, такъ будемъ знать только про себя. Правительство само съ ними справится. У него чиновниковъ довольно, пусть эти чиновники и смотрятъ за революціонерами. А наше дѣло—сторона. Какъ вы полагаете, раббойсай?

— Мы согласны,—отвѣтили присутствующіе.

— Что же касается правительства,—продолжалъ ребъ Іохананъ; то оно ничего противъ насъ имѣть не можетъ, такъ какъ мы вѣдь противъ него ничего не предпринимаемъ. Мы вѣрноподданными были, вѣрноподданными и останемся. Мы даже будемъ молиться Богу о его побѣдѣ надъ мятежниками... При этомъ случаѣ, позвольте мнѣ, раббойсай, разсказать вамъ одну притчу, которая сейчасъ пришла мнѣ въ голову.

Ребъ Іохананъ погладилъ свою бороду и началъ:

— У одного мужа умерла жена, оставивъ ему малолѣтняго сына. Мужъ женился надругой и, такимъ образомъ, дитя получило мачиху. Прожнвъ со второю женою нѣсколько лѣтъ, мужъ умеръ, а жена вышла за другого; такимъ образомъ, дитя получило и отчима. Горько пришлось дитяти подъ опекою отчима и мачихи, потому что какъ тотъ, такъ и другая равно ненавидѣли его, желая сбыть съ рукъ, какъ чужаго и лишняго члена въ семействѣ. Съ утра до вечера его тиранила мачиха, а съ вечера до утра терзалъ отчимъ, который только на ночь возвращался домой. Терпѣливо и безропотно переносило дитя побои отчима и мачихи, потому-что оно было умное, и понимало, что, какъ круглая сирота, оно не имѣетъ права на любовь своихъ опекуновъ. Оно было послушно какъ отчиму, такъ и мачихѣ, ласкалось къ обоимъ, зная, что его бѣдное существованіе зависитъ какъ отъ одного, такъ и отъ другой. Но ни что не помогало: сердца ихъ не смягчались... При всемъ томъ, дитя не жаловалось на свою судьбу, потому что опекуны, хотя и били его, но все таки кое-какъ кормили и изъ избы не гнали. Случилось, однажды, что супруги поссорились между собою. Для сироты настали еще болѣе тяжелые дни. Отчимъ сталъ приставать къ нему: «слушайся только меня, не то—я тебя выгоню; не забудь, что ты дармоѣдъ и что ты живешь только по моей милости». Мачиха же, съ своей стороны, тоже приставала: «слушайся только меня, не то я тебя выгоню, ибо ты дармоѣдъ и живешь только по моей милости». Что ему было дѣлать? Оно равно боялось какъ отчима, такъ и мачихи, потому что жизнь его зависѣла какъ отъ одного, такъ и отъ другой. Разъ, когда попреки и угрозы стали уже не въ терпежъ дитяти, оно оставило избу, ушло въ лѣсъ, сѣло подъ дерево и залилось горючими слезами. «Боже, помоги мнѣ, молилось оно, смягчи сердца моихъ опекуновъ или прими отъ меня душу». Какъ только дитя произнесло послѣднія слова, передъ нимъ, точно изъ земли, выросъ сѣдовласый старецъ съ добродушнымъ лицомъ. Этотъ старецъ былъ—пророкъ Илія. «Чего ты плачешь, сынъ мой?» — мягко и сострадательно спросилъ его старецъ. Дитя разсказало свое горе. «Отъ кого ты больше хочешь освободиться, отъ отчима или отъ мачихи?» Отъ обоихъ,— отвѣчало дитя.—«Нѣтъ, сынъ мой,—возразилъ старецъ,—этакъ нельзя, ты—еще дитя, опекуна ты долженъ имѣть. Кого же ты хочешь имѣть опекуномъ, отчима или мачиху?» «Не знаю», отвѣтило дитя. «Ну такъ я знаю, сказалъ старецъ,—отчимъ будетъ для тебя лучше. Онъ мужчина, занятъ дѣломъ, такъ у него не хватитъ столько времени, чтобы тиранить тебя. Притомъ, когда подростешь, ты будешь помогать ему въ работѣ, такъ онъ уже не будетъ попрекать тебя дармоѣдством. Ступай домой, твоя участь улучшится.» Дитя пошло домой и нашло, что мачиха умерла отъ угара.

Кончивъ притчу, ребъ Іохананъ опять погладилъ свою бороду и, окинувъ собраніе умнымъ взглядомъ, продолжалъ:

— Эта притча можетъ быть легко примѣнима къ нашему положенію. Круглая сирота—это; мы, евреи, отчимъ—Россія, мачиха—Польша. Если хотимъ, чтобы участь наша хоть нѣсколько улучшилась, то должны усердно молить Бога, чтобы онъ освободилъ насъ, по крайней мѣрѣ, отъ мачихи: съ отчимомъ мы современемъ, можетъ быть, и поладимъ. Съ мужчиной всегда лучше столковаться, чѣмъ съ бабой, которая по природѣ хитра, привередлива, капризна и безтолкова. Такъ вѣдь, раббойсай?

— Такъ,—согласились присутствующіе.

— Стало быть, дѣло кончено, На чемъ же мы порѣшили? Повторимъ же себѣ въ короткихъ словахъ.—Если поляки потребуютъ у насъ людей?—сталъ катехизировать ребъ Іохананъ.

— Не дадимъ,—отвѣтили старѣйшины.

— Если потребуютъ денегъ?

— Дадимъ.

— За Царя?

— Молиться.

— А доносовъ?

— Не дѣлать.

Оставшись довольнымъ отвѣтами, ребь Іохананъ всталъ и объявилъ засѣданіе закрытымъ.

IX.

Саринъ своимъ энергическимъ объясненіемъ не только глубоко опечалилъ Полину, но и задалъ ей такую задачу, надъ разрѣшеніемъ которой она напрасно трудилась три дня сряду. Какъ быть? спрашивала она себя,—выдать-ли Сарина и его сообщниковъ народному жонду, или нѣтъ?—Выдать—значитъ подвергнуть опасности жизнь честныхъ и благородныхъ юношей, въ томъ числѣ и своего роднаго брата. Не выдавать—значитъ завѣдомо допускать, чтобы кружокъ ослѣпленныхъ парализировалъ замыслъ жонда привлечь на свою сторону евреевъ, на которыхъ онъ возлагаетъ такія большія надежды, замыслъ, который по видимому, можетъ увѣнчаться успѣхомъ... Выдать значитъ донести, а Саринъ и его сообщники поклялись, что они будутъ дѣлать свое, но не унизятся до доносовъ. Не обязываетъ ли это и меня поступать точно такъ же? Знай Саринъ, что я намѣрена передать его слова жонду, онъ не далъ бы мнѣ такого категорическаго отвѣта, не объяснился-бы со мною такъ откровенно, а отвѣчалъ бы уклончиво. Онъ этого не сдѣлалъ, потому что вѣрилъ въ мою честность. вѣрилъ, что я его искреннія слова приму къ свѣдѣнію, но не сдѣлаю изъ нихъ употребленія, во вредъ ему, Адольфу и всему ихъ кружку.

Теперь, если передамъ его слова по принадлежности, значитъ, я подлѣйшимъ образомъ злоупотребляю довѣріемъ ближняго, дѣлаюсь доносчицей на людей, преступленіе которыхъ состоитъ лишь въ томъ, что они желаютъ поступить по своему убѣжденію, по своему крайнему разумѣнію. Это гадко и непростительно. Жондъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи безчисленное множество агентовъ и шпіоновъ. Пусть эта свора гончихъ и выслѣдитъ дичь. Я—патріотка, я обязалась служить ойчизнѣ всѣмъ своимъ существомъ—я это и дѣлаю; но я не обязалась быть доносчицей, быть подлымъ чековѣкомъ, а потому......

Но съ другой стороны,—размышляла она,—не должно ли уже считать измѣной то, что я, зная, гдѣ кроется опасность, не предупреждаю о ней жонда? Жондъ поручилъ мнѣ слѣдить за настроеніемъ моихъ единовѣрцевъ, вербовать ихъ подъ польское знамя, а я буду скрывать, что мнѣ извѣстно объ этомъ настроеніи, о намѣреніяхъ молодежи, потому что эта молодежь мои единовѣрцы!.. Стало быть, я все таки прежде всего еврейка, радѣющая только о своихъ единоплеменникахъ, не полька, какою мнѣ хочется, и имѣю претензію быть!..

Полина покраснѣла со стыда отъ послѣдней мысли.

«Евреи должны имѣть и будутъ имѣть отечество»,—сказалъ Саринъ. Что же мѣшаетъ ему признавать Польшу своимъ отечествомъ, Польшу, которая простираетъ къ евреямъ свои объятія? Не есть-ли это капризъ нѣсколькихъ тупоумныхъ юношей, имѣющихъ дерзость думать, что имъ удастся толкнуть массу туда, куда имъ хочется, а не туда, куда ее толкаютъ обстоятельства и событія? И развѣ нужно церемониться съ какою нибудь горстью сумасбродовъ?...

Сумасбродовъ?—спрашивалъ въ ней какой-то внутреній голосъ. Развѣ Саринъ, Адольфъ, Мозырскій и ихъ сообщники — сумасброды? Развѣ я не знаю, что они люди умные, серьезные, образованные, дѣйствующіе не на обумъ, а по зрѣломъ обсужденіи? Кто можетъ мнѣ ручаться, что ошибаются они, а не я, которая моложе и неопытнѣе ихъ всѣхъ?... О, Боже, Боже! восклицала она, ломая руки. Помоги мнѣ выбраться изъ этого лѣса сомнѣній и противорѣчій, въ которомъ я брожу безъ проводника, руководителя и еще съ завязанными глазами!.

Снѣдаемая борьбою противоположныхъ чувствъ и мыслей, Полина хотѣла было посовѣтоваться съ Софіею Аронсонъ, но вспомнила, что послѣдняя почти охладѣла къ ойчизнѣ, стало быть, она будетъ пристрастна къ молодежи. Посовѣтоваться съ Жюлемъ Перецомъ? Но она знаетъ напередъ, что ей скажетъ этотъ молодой человѣкъ. Онъ ее осудитъ за одну мысль о доносѣ. Какъ же быть? Она мучилась, терзалась, ломала голову, но не находила отвѣта на эти вопросы, не знала что дѣлать. Но то она знала, что, пока она не рѣшится твердо поступить такъ или иначе, она не должна видаться ни съ кѣмъ изъ членовъ жонда, дабы, въ припадкѣ откровенности, не сдѣлать какой нибудь ошибки или даже преступленія. А потому она нѣсколько дней сидѣла дома, ни куда не

выходила, отвѣчая на неоднократныя приглашенія графини и панны Изабеллы, что она не здорова. Графиня и княжна вызвались было навѣстить ее, но она отклонила отъ себя эту честь по причинамъ, «которыя она объяснитъ при личномъ свиданіи». Одинъ только Жюль Перецъ имѣлъ право посѣщать ее и просиживать у нее по нѣскольку часовъ, коротая время разсказами и предположеніями о распоряженіяхъ жонда, готовящемся возстаніи и тому подобныхъ дѣлахъ. Какъ секретарь по иностранной перепискѣ, онъ былъ посвященъ почти во всѣ тайны жонда и тими тайнами онъ охотно дѣлился съ Полиной, предъ которой онъ ничего не скрывалъ.

Въ одно утро, когда Полина сидѣла у себя и для развлеченія что-то вышивала, къ ней вошла Марциша и передала ей большой запечатанный пакетъ. Взглянувъ на печать, она обрадовалась и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ раскрыла пакетъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько бумагъ. Между этими бумагами было и письмо къ ней отъ Вацлава. Онъ писалъ:

«Послѣ долгихъ трудовъ, мнѣ, наконецъ, удалось повести дѣло, какъ слѣдуетъ. Вербовка идетъ весьма успѣшно, въ особенности, между дворовыми людьми, мелкою шляхтою и ремесленнымъ сословіемъ. Чиновничество также къ намъ пристанетъ, только со временемъ. Бѣда только съ мужиками и съ евреями. Крестьяне и евреи и слышать не хотятъ о рухавкѣ. Первые заняты, такъ называемою *свободою*, а послѣдніе своимъ вѣчнымъ гандлемъ. Объ ойчизнѣ они и понятія не имѣютъ. Толкуешь имъ по два часа, а они хоть-бы слово сказали. Стоятъ, выпуча глаза, и молчатъ. Они или въ самомъ дѣлѣ тупы или только прикидываются таковыми. Чортъ ихъ разберетъ. Тѣмъ не менѣе однакоже, списокъ нашъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Мой уѣздъ можетъ выставить до полуторы тысячи самыхъ отборныхъ парней, между которыми есть нѣсколько десятковъ отличныхъ стрѣлковъ, настоящихъ головорѣзовъ, которые будутъ драться какъ черти. Будетъ истинное наслажденіе командовать такими хватами. Никому не уступлю этой команды; ужь это вѣрно.

«Фундуши наши тоже растутъ довольно изрядно. Помѣщики не заставляютъ себя долго просить. Куда ни пошлешь прокламацію, на третій или на четвертый день уже получаешь отвѣтъ, деньгами или припасами. Я уже открылъ въ уѣздѣ четыре складочныхъ магазина. Чего, чего только нѣтъ въ этихъ магазинахъ? Хлѣбъ, овесъ, холстъ, сукно, сѣдла, косы и проч. Польскій патріотизмъ никогда не достигалъ такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ теперь. Слова Костюшки: albo teraz, albo nigdy—только теперь поняты и примѣняются къ дѣлу. Если-бы наши предки были умнѣе и сдѣлали-бы эти слова нашего великаго патріота своимъ лозунгомъ, то теперь москаль былъ-бы только нашимъ сосѣдомъ, а не властелиномъ. За грѣхи отцовъ расплачиваются дѣти. Постараемся же, чтобы, по крайней мѣрѣ, наши дѣти не поплатились за насъ...

«Было бы преступленіемъ скрывать, что въ нашемъ стадѣ есть и паршивыя овцы. Списокъ ихъ при семъ препровождаю, для представленія по принадлежности. Жондъ долженъ знать объ нихъ. Подчеркнутые синимъ карандашемъ означаютъ нерѣшительныхъ или скупыхъ. Ихъ только нужно будетъ пугнуть и они раскошелятся. Подчеркнутые-же краснымъ карандашомъ просто измѣнники, для которыхъ не должно быть никакой пощады, потому что они своимъ примѣромъ могутъ вредно подѣйствовать на другихъ. Какъ только получу разрѣшеніе, я выжгу ихъ фольварки до тла, для чего мною уже приняты надлежащія мѣры. Кстати сказать Тузу, что нахожу необходимымъ, чтобы здѣшняго исправника перевели куда нибудь подальше, потому что онъ, кажется, уже начинаетъ догадываться, что въ уѣздѣ что-то не ладно. Пусть пришлютъ сюда другого постарше и поглупѣе, преимущественно такого, который въ краѣ еще не служилъ. Я его такъ одурачу, что будетъ любо. Я самъ поступлю къ нему въ писаря, на первый годъ даже безъ жалованья. То-то будетъ смѣху!...

«Второй, прилагаемый при семъ, списокъ есть списокъ молодыхъ помѣщиковъ, обязывающихся давать, во все продолженіе рухавки, десятину съ своихъ доходовъ, но съ условіемъ, чтобы имъ предоставлено было командованіе отрядами съ чинами капитановъ. Всѣ они отличные ѣздоки и упражняются теперь въ стрѣльбѣ и фехтованіи. Они начнутъ вносить свои десятины съ того дня, когда получатъ свои номинаціи.

«Работа въ кузницахъ идетъ весьма успѣшно. Въ нашъ арсеналъ уже сдано 500 косъ, 300 пикъ и 120 топоровъ. Свинцу тоже у насъ много. Я скупилъ все, сколько было въ лавкахъ. Во всемъ уѣздѣ не найдешь теперь въ продажѣ ни одного пуда свинца. Евреи несутъ теперь ко мнѣ свою свинцовую посуду, но запрашиваютъ неподходящія цѣны. Подожду еще мѣсяцъ, авось спустятъ.

«Всѣ мои дѣловыя письма буду адресовать на твое имя. Во-первыхъ, потому что такъ будетъ безопаснѣе; во-вторыхъ, чтобы ты могла ходатайствовать о моихъ представленіяхъ и увѣдомлять меня о ходѣ интересующихъ меня дѣлъ; и въ-третихъ, чтобы доказать мою

безпредѣльную къ тебѣ привязанность. Я еще не потерялъ надежды, что ты, гордая и неприступная, когда нибудь оцѣнишь по достоинству чувства, наполняющія мое сердце. Даже на эшафотѣ, если когда нибудь сподоблюсь мученической смерти за нашу дорогую ойчизну, моею послѣднею мыслью будетъ—несравненная Полина. Твой милый образъ,котораго никто и ничто не вырветъ изъ моего сердца, облегчитъ мнѣ предсмертныя муки, какъ онъ облегчаетъ теперь мои неимовѣрные труды и хлопоты на пользу нашей ойчизны... Но... тсъ!.. Я уже вижу, какъ ты начинаешь сердиться за мою откровенность, а потому я опять перехожу къ дѣламъ... Когда ты будешь писать ко мнѣ, то пиши по адресу: «Янкелю Фишману, для передачи Цодеку Кугелю». Янкель Фишманъ—мой факторъ, а Цодекъ Кугель—это я. Осторожность не мѣшаетъ, въ особенности при теперешнемъ исправникѣ, который, кажется, уже начинаетъ слѣдить за мною. Прошу тебя энергически настаивать на его удаленіи и на разрѣшеніи мнѣ поступить съ измѣнниками, какъ они заслуживаютъ... Графиня и княжна будутъ тебѣ содѣйствовать.

«Ахъ да, я чуть было не забылъ. Я слышалъ, что къ Тузу пріѣхала его племянница, которая исправляетъ у него должность тайнаго секретаря. Боюсь, чтобы она не надѣлала между вами интригъ, потому что она, какъ я слышалъ, штука очень ловкая и властолюбивая, привыкшая водить всѣхъ за носъ. Если ты съ нею уже знакома, то будь осторожна. Впрочемъ, ты, слава Богу, не промахъ: съумѣешь постоять за себя.

«Прощай и не забывай преданнаго тебѣ

Вѣтра».

— Рѣшено! — воскликнула Полина, когда прочла это письмо. — Предъ голосомъ ойчизны долженъ умолкнуть голосъ сердца. Вацлавъ не хочетъ щадить своихъ единоплеменниковъ, такъ я не должна щадить и своихъ. Безъ жертвъ ойчизна не будетъ спасена. Пусть измѣнники спасаются, какъ знаютъ. Жондъ долженъ, по крайней мѣрѣ, знать о нихъ. Не выдавать ихъ, значитъ, быть съ ними за одно. Я полька и всецѣло принадлежу ойчизнѣ. Все, что находится на пути къ ея освобожденію, должно быть устранено!...

И, чтобы принятое ею рѣшеніе не было поколеблено другими доводами и мыслями, она поспѣшила одѣться и, забравъ съ собою полученныя ею отъ Вацлава бумаги, умчалась на извощикѣ къ графинѣ Сташицкой.

X.

Графиня Сташицкая сидѣла въ своемъ обширномъ и роскошно убранномъ кабинетѣ, окруженная своимъ генеральнымъ штабомъ. Здѣсь были: княжна Мильфоръ, панна фонъ-деръ Горстъ, панна Изабелла, ксендзъ Квецинскій, панъ Видра, сердитый шляхтичь, и панъ Андрей, ея intime. Она сидѣла за большимъ письменнымъ столомъ, стоявшимъ по самой срединѣ кабинета, а штабъ сидѣлъ поотдаль на стульяхъ и отоманкахъ, кто въ амбразурѣ окна, а кто возлѣ топившагося камина.

Шелъ докладъ. Жюль Перецъ, стоя у правой руки графини, читалъ свѣже-полученную иностранную корреспонденцію и отвѣты на письма, полученныя прошлою почтою. Свѣжія письма графиня отмѣчала краснымъ карандашемъ, а отвѣты — подписывала перомъ въ золотой съ брильянтами оправѣ. Жюль Перецъ читалъ громко, съ чувствомъ, почти на-распѣвъ, а всѣ слушали съ благоговѣйнымъ молчаніемъ. Лицо графини сіяло отъ удовольствія. Она поминутно окидывала своихъ приближенныхъ быстрымъ взглядомъ, а тѣ частымъ киваніемъ головы выражали ей свое одобреніе.

— Bardzo dobrze panie Iuljanie, sliçznie panu dziękujemy, — процѣдила графиня, покровительственно кивнувъ Перецу головою и сладко ему улыбнувшись.

Жюль Перецъ, забравъ свѣже-полученныя письма въ свой портфель, откланялся и вышелъ; письма же подписанныя забралъ въ свой портфель панъ Андрей, такъ какъ онъ исправлялъ при графинѣ должность регистратора и экспедитора.

Бронзовые часы надъ каминомъ пробили двѣнадцать. Графиня позвонила. Явились лакеи съ шоколадомъ и бисквитами.

— Наша иностранная корреспонденція, слава Богу, получила теперь очень правильный ходъ, — сказала графиня, закуривъ тоненькую папироску.

— Это хорошо, отозвался ксендзъ Квецинскій, — но... Онъ запнулся, погладивъ свой гладко выбритый подбородокъ, и хлебнулъ изъ чашки, которую держалъ въ своей лѣвой рукѣ.

— Но что? спросила графиня, устремивъ на ксендза любопытный взглядъ,—говорите, не стѣсняйтесь.

— Но, ясневельможная пани графиня, не хорошо то,—отвѣтилъ ксендзъ съ неопредѣленной гримасой,—что все это идетъ черезъ жидовскія руки. Зачѣмъ жидамъ знать всѣ наши тайны?

— Slusznie, pan, möwisz,—отозвался панъ Видра, одобрительно кивнувъ ксендзу головою,—я точно такого же мнѣнія. Зачѣмъ жидамъ знать все, рѣшительно все, что мы дѣлаемъ?

— Но, милостивые государи, возразила графиня, мы же сами хотимъ, чтобы они были съ нами за-одно. Какъ же не посвящать ихъ въ то, что они должны дѣлать?

— Извините, ясневельможная пани графиня,—сказалъ ксендзъ, поставивъ свою чашку на каминъ и выступивъ на средину комнаты. По моему мнѣнію, братерство съ жидами мы должны понимать совсѣмъ иначе. Мы должны ихъ ласкать, ублажать, дабы они намъ содѣйствовали деньгами, шпіонствомъ, посредничествомъ съ заграницей, главное, чтобы они не мѣшали намъ, чтобы не сдѣлались шпіонами московскаго жонда. Дальше этого братерство наше идти не должно, потому что, какъ только дашь чорту палецъ, чортъ овладѣетъ всею рукою.

— Совершенно справедливо, подтвердилъ панъ Видра — Чортъ и жидъ — одно и тоже.

Графиня и княжна поморщились немного, но молчали.

— Даже теперь,—продолжалъ ксендзъ,—мы должны держать жидовъ въ очень почтительномъ отъ себя отдаленіи. Сдѣлавъ ихъ прямыми участниками въ освобожденіи ойчизны, мы рискуемъ...

— Чѣмъ?—нетерпѣливо спросила графиня.

— Во-первыхъ, тѣмъ,—отвѣтилъ ксендзъ,—что, если мы одолѣемъ, они будутъ требовать равныхъ правъ съ нами, отчего насъ Боже упаси. Они уже сидятъ и теперь намъ на шеѣ; потомъ они еще сядутъ намъ на голову. Этого, какъ мнѣ извѣстно, опасаются и въ Варшавѣ. Послѣ москалей, жиды—наша первая kara Boska. Когда Богъ намъ поможетъ освободиться отъ москалей, мы должны будемъ стараться освободиться и отъ жидовъ... На первомъ сеймѣ, до котораго дай Боже намъ всѣмъ дожить, это должно быть нашимъ первымъ дѣломъ. Освобожденная Польша должна быть семьею польскою, чисто польскою, безъ малѣйшей примѣси иностраннаго или инородческаго элемента.

— Даже, когда эти элементы уже ополячены?—спросила княжна Мильфоръ.

— Даже, когда эти элементы уже ополячены,—отвѣтилъ ксендзъ, не соображая, что онъ этими словами ставитъ себя въ очень неловкое положеніе.

— О, вы слишкомъ строги, достопочтенный ксендзъ, возразила княжна, полусерьезно, полушутя,—куда же прикажете дѣваться намъ, мнѣ и паннѣ фонъ-деръ-Горстъ? Мы, какъ вы знаете, происходимъ отъ ополяченныхъ французовъ и нѣмцевъ.

Только теперь ксендзъ почувствовалъ, что онъ зарапортовался. Онъ покраснѣлъ и смѣшался.

— О, вы... — залепеталъ онъ, краснѣя и заикаясь,—вы, княжна, и панна фонъ-деръ-Горттъ— совсѣмъ другое. Вы настоящія польки; по матерямъ вы чистокровныя польки. У васъ только иностранныя фамиліи; но и этой бѣдѣ можно будетъ легко помочь: вы въ краевый сеймъ подадите прошеніе о перемѣнѣ вашей фамиліи...

— Что? — воскликнула княжна въ сердцахъ, — мнѣ стыдиться моей фамиліи, моего герба? Никогда! Слушайте, панове,—обратилась она ко всѣмъ присутствующимъ, вставъ съ своего мѣста,—даю вамъ честное слово, что когда буду выходить замужъ даже за Чарторыйскаго или Потоцкаго, то первымъ условіемъ нашего брачнаго договора будетъ, чтобы мужъ мой присоединилъ къ своей фамиліи—фамилію князей Мильфоръ, такъ какъ я послѣдняя въ родѣ, а потому не допущу, чтобы угасла одна изъ древнѣйшихъ дворянскихъ фамилій благородной Франціи. Понимаете, достопочтенный г. ксендзъ? Если освобожденная Польша будетъ простирать свою нетерпимость до тѣхъ предѣловъ, на которые вы ей указываете, никто ее терпѣть не будетъ и она падетъ сама собою, даже безъ подкоповъ москалей и нѣмцевъ.

При этихъ словахъ, она окинула собраніе такимъ пламеннымъ, зловѣщимъ взглядомъ, что всѣмъ вдругъ сдѣлалось весьма неловко. Панна фонъ-деръ-Горстъ покраснѣла до ушей, закусила свои хорошенькія губки и молчала. Графиня стала быстро чертить что-то карандашемъ и тяжело дышать отъ душевнаго волненія. Панъ Андрей сталъ ерошить свою длинную гриву и крутить молодецкіе усики. Панъ Видра былъ красенъ, какъ ракъ, и сопѣлъ, поглаживая колѣна своими мускулистыми и косматыми лапищами.

Ксендзъ же совсѣмъ растерялся. Онъ вынималъ изъ кармана то свою табакерку, то свой платокъ, то свои очки, и не зналъ, что съ ними дѣлать. Минута была тягостная для всѣхъ. Конецъ этой тягостной минуты положила панна Изабелла, которая почему-то была меньше всѣхъ взволнована.

— Но, панове,—начала она,—мы не выслушали пана ксендза до конца. Мы выслушали только первый пунктъ.

— Ахъ да, ахъ да, — ухватились всѣ за эту мысль, какъ за якорь спасенія.

— Извольте продолжать, г. ксендзъ, — проговорила графиня, бросивъ карандашъ и собираясь слушать.

— На чемъ, бишь, мы остановились? — началъ онъ нѣсколько оправившись,—ахъ да. Во-вторыхъ, если насъ, отъ чего Боже упаси, одолѣютъ русскіе, то нельзя и предвидѣть, весь тотъ вредъ, который могутъ причинить намъ жиды, посвященные въ наши тайны. Они намъ измѣнятъ, продадутъ насъ Москвѣ, чтобы тѣмъ выгородить себя изъ предпріятія, въ которомъ они теперь, по-видимому, принимаютъ такое живое участіе. Развѣ жидамъ можно вѣрить? Они вѣдь недовѣрки, потомки Искаріота; измѣна лежитъ въ самой ихъ крови, а, потому, мы должны остерегаться ихъ предательскихъ попѣлуевъ. Они намъ дорого обойдутся!... Таково мое мнѣніе.

— И мое,— пробасилъ панъ Видра.

— И мое,—подхватила панна Изабелла.

— Но не мое,—вставила графиня.

— И не мое,—вставила Княжна.

— Не знаю, какъ будутъ поступать другіе жиды,—продолжала графиня,—но что касается тѣхъ, которыхъ мы обласкали, т. е. пана Переца и панны Кранцъ, то ручаюсь вамъ, что они намъ не измѣнятъ, ни въ какомъ случаѣ. Они намъ вѣрны, преданны и очень полезны.

— Даже полезны?— спросилъ ксендзъ, разводя руками.—Положимъ, что Перецъ нѣсколько намъ полезенъ, какъ человѣкъ работящій, хотя и его очень легко могла-бы замѣнить наша милая княжна, которая, надѣюсь, владѣетъ французскимъ языкомъ не хуже пана Юделя Переца, но чѣмъ намъ полезна Кранцувна? Съ какой стати *ее* посвящать въ наши тайны? А я знаю, что она была-бы намъ гораздо полезнѣе, если-бы она совсѣмъ къ намъ не ходила, а сидѣла-бы дома.

— Какъ такъ?—спросили графиня и княжна.

— Панъ Вацлавъ,—отвѣтилъ ксендзъ,—разсказалъ мнѣ передъ отъѣздомъ, что старый Кранцъ, которому совсѣмъ не нравятся патріотическія выходки своей Пэшки, готовъ отсчитать намъ пять тысячъ рублей, лишь бы мы оставляли его Пэшку въ покоѣ.

Панна фонъ-деръ-Горстъ и панна Изабелла улыбнулись тому, что ксендзъ назвалъ Полину—Пэшкою. Онѣ находили, что это очень остроумно.

— Пять тысячъ!— воскликнулъ панъ Андрей, и глаза его расширились не отъ удивленія, но отъ худо скрываемой жадности. Онъ слегка вздохнулъ и подумалъ про себя: «совсѣмъ не мѣшало-бы имѣть мнѣ теперь эту сумму».

— Старый Кранцъ и десяти тысячъ не пожалѣлъ-бы,—сказалъ ксендзъ, — вотъ сколько мы теряемъ отъ того, что няньчимся съ этою черномазенькою жидовочкою!

Графиня собиралась было что-то отвѣтить, но въ дверяхъ появился лакей и доложилъ:—панна Полина Кранцъ.

— Не принимать! скомандовалъ ксендзъ, забывъ всякое приличіе.

— Не принимать! повторилъ за ксендзомъ панъ Видра.

Терпѣніе добродушной графини, наконецъ, лопнуло.

— Панове!—крикнула графиня, вставъ съ своего мѣста и поблѣднѣвъ, какъ полотно:—Прошу не забываться; прошу помнить, что вы въ домѣ графини Сташицкой. Грубость не можетъ имѣть здѣсь мѣста, понимаете? Антонъ, проси,—обратилась она къ лакею.

Ксендзъ и панъ Видра сконфузились, понявъ, что они, въ самомъ дѣлѣ, переступили границы приличія.

Вошла Полина и, своею скорою, твердою и граціозною походкою подошла къ графинѣ. Послѣдняя, оправившись отъ волненія, приняла ее съ своимъ обычнымъ радушіемъ и поцѣловала въ лобъ.

— Ну что, милый мотылекъ,—спросила графиня, сладко улыбаясь, — какъ здоровье?

— Благодарю, графиня,—отвѣтила Полина,— я здорова и привезла вамъ много новостей.

— Хорошо, послушаемъ,— проговорила графиня, обрадовавшись, что ея любимица вскорѣ займетъ все собраніе своимъ разговоромъ, а это развлеченіе было необходимо, потому что всѣмъ присутствующимъ бы-

ло теперь какъ-то не по себѣ, чего Полина, занятая своими мыслями, не замѣчала.

— Садись, милочка, вотъ здѣсь,—сказала графиня, указывая на близь-стоящее кресло.

Полина сѣла и начала:

— Сегодня я получила письмо отъ пана Вацлава.

— Дѣловое?—спросилъ панъ Андрей.

— Конечно, а то какое-же?

— Въ такомъ случаѣ,— замѣтилъ панъ Андрей, пожавъ плечами,— странно, что онъ не адресовалъ его прямо въ комитетъ, на имя господина президента.

Ксендзъ и панъ Видра, молча, кивнули головою, въ знакъ того, что они раздѣляютъ мнѣніе пана Андрея.

— Я не знаю,—сказала Полина,—можетъ быть это и странно, но панъ Вацлавъ находитъ, что адресовать на мое имя безопаснѣе.

— Это ужь излишняя трусость,—пробасилъ панъ Видра, крутя свой усъ и смотря въ уголъ.

— Панъ Вацлавъ не трусъ, онъ только благоразуменъ и патріотъ не хуже всякаго другого,—сказала Полина, бросивъ пылкій взглядъ на сердитаго шляхтича.

Послѣдняго взорвало отъ этихъ словъ Полины. Ему показалось, что жидовочка хочетъ пикировать его.

— Что вы хотите этимъ сказать, сударыня?—пробасилъ онъ, заскрежетавъ зубами и покраснѣвъ до самой макушки.

Графина поблѣднѣла и стала бросать испуганные взгляды то на разсвирипѣвшаго шляхтича, то на свою недоумѣвающую любимицу. Она еще болѣе поблѣднѣла, когда Полина, вставъ съ своего мѣста и выпрямившись, проговорила гордо и рѣшительно:

— Я, милостивый государь, хотѣла сказать то, что сейчасъ сказала, потому что всегда говорю то, что хочу, и отъ своихъ словъ никогда не отрекаюсь; да будетъ это вамъ вѣдомо.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ панъ Видра, засопѣвъ отъ ярости,—я вамъ совѣтую быть осторожнѣе въ выраженіяхъ, въ особенности со мною, понимаете? Со мною, съ Игнацомъ Видрой, потому что Игнацъ Видра...

— Потому что панъ Игнацъ Видра, — перебила его Полина, — любитъ придираться, держать всѣхъ въ страхѣ, я это знаю. Но панъ Игнацъ Видра, можетъ быть, не знаетъ, что я совсѣмъ не изъ трусихъ, что я его совсѣмъ не пугаюсь. Я тоже зубастая, въ карманъ за словомъ не полѣзу.

— Это видно, замѣтилъ панъ Видра уже безъ гнѣва.

— Если видно, то вамъ нечего и придираться, нечего н напрашиваться на ссору.

— Іезусъ—Марія! — воскликнула княжна Мильфоръ, заломавъ руки, когда же будетъ конецъ этому препирательству? Послушаемъ лучше, что пишетъ панъ Вацлавъ.

Графиня подала знакъ Полинѣ, и та начала читать. Всѣ слушали съ возрастающимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Но не дошла чтица еще и до половины письма, какъ въ дверяхъ опять появился лакей и доложилъ:—ясневельможная панна Юлія Крутицкая.

Всѣ встрепенулись. Графиня встала и пошла встрѣчать гостью. Чтеніе было прервано.

Минуты черезъ двѣ въ кабинетъ вошла, граціозно кланяясь графинѣ, высокая и стройная блондинка лѣтъ двадцати двухъ, съ лицомъ правильнымъ и гордымъ, и съ глазами такими блестящими и умными, что съ ними могли поспорить развѣ только глаза Полины. Поцѣловавшись съ графиней, она, подъ руку съ нею, прошлась по кабинету, отвѣчая на низкіе поклоны мужчинъ покровительственнымъ киваньемъ головы, а дамамъ подавая руку и добродушно улыбаясь. Всѣ присутствующіе, принявъ почтительную позу, торжественно молчали, какъ подчиненные въ присутствіи высокаго начальника.

— Я вамъ помѣшала?—спросила панна Крутицкая, опускаясь на кресло предъ каминомъ.

Она сдернула свои перчатки и бросила ихъ по направленію къ письменному столу, до котораго онѣ не долетѣли-бы, если-бъ не панъ Андрей, который подскочилъ и ловко подхватилъ ихъ на лету.

— Нисколько,—отвѣтила графиня, которая тоже сѣла передъ каминомъ,—докладъ кончился.

— Панъ Видра!—кликнула панна Крутицкая, смотря въ каминъ.

Шляхтичъ на цыпочкахъ подошелъ къ ней и навострилъ уши.

— Вашъ сынъ уже назначенъ.

— Назначенъ!—воскликнулъ панъ Видро въ восторгѣ.—О, ślicznie pani dziękuję,—сказалъ онъ, сложивъ руки, какъ къ молитвѣ.

— Мы вашего сына мало знаемъ,—продолжала Крутицкая,—но мы это сдѣлали ради васъ; вы намъ и будете отвѣчать за него.

— О, будьте покойны, сказалъ Видра, тая отъ удовольствія, мой Петрусь не ударитъ лицемъ въ грязь. Онъ tęgi chłopiec. Я съ него голову сорву, если.... Но я вамъ за него отвѣчаю, я, Игнацъ Видра!

— Хорошо,—сказала Крутицкая,—бѣгите теперь къ дядюшкѣ. Онъ долженъ переговорить съ вами.

— Слушаю,—отвѣчалъ Видра, и, отвѣсивъ низкій поклонъ Крутицкой и графинѣ, поспѣшно вышелъ, простившись только взглядомъ со всѣми присутствующими.

— Панъ ксендзъ!—крикнула Крутицкая, нѣсколько минутъ спустя.

Ксендзъ подошелъ и крякнулъ.

— Потрудитесь сейчасъ навѣдаться къ пану бискупу. Есть и для васъ работа. Изъ діоцезіи присланы проповѣди на разсмотрѣніе. У прелата Пшешкевича вы найдете подробную объ этомъ инструкцію.

Ксендзъ, молча, поклонился и вышелъ.

— Нѣтъ-ли и для меня какихъ нибудь приказаній?—спросилъ панъ Андрей, развязно подходя къ камину.

— Есть и для васъ, — отвѣтила Крутицкая, закуривая папироску, которую поднесла ей графиня.—Вамъ дядюшка поручаетъ отыскать надежнаго человѣка, который съумѣлъ-бы управлять нашею типографіею.

— Развѣ уже все готово?—спросилъ панъ Андрей.

— Все,—отвѣтила Крутицкая,—станокъ уже поставленъ, шрифтъ присланъ, только еще не разобранъ, а аска будетъ доставлена изъ казенной типографіи.

— Вотъ какъ!—замѣтила графиня.

— Мы оттуда и наборщиковъ, и печатниковъ будемъ брать. Намъ еще только хорошаго управляющаго нужно.

— Найдемъ, ясневельможная пани, найдемъ, будьте увѣрены,—проговорилъ панъ Андрей, погладивъ свои бѣлокурые кудри.

Онъ постоялъ еще нѣсколько минутъ, потомъ расшаркался и ушелъ.

Панна Юлія Крутицкая, бросивъ папироску, взглянула на оставшихся дѣвицъ, потомъ на графиню, и молчала, какъ бы спрашивая: «а что, скоро онѣ уйдутъ?» Дѣвицы поняли этотъ взглядъ, встали, распростились и ушли.

— А что дѣлать съ доносеніемъ пана Вацлава?—спросила графиня, догоняя Полину.

— Спишу копію и представлю г. президенту, отвѣтила Полина.

— Хорошо, душенька, заходи вечеркомъ, потолкуемъ,—сказала графиня, крѣпко пожавъ руку своей любимицы.

Оставшись однѣ, Крутицкая встала, расправила свое платье, подошла къ графинѣ, взяла ее подъ руку и увлекла ее въ уборную.

— Что мы здѣсь будемъ дѣлать?—спросила графиня, недоумѣвая.

— Сдѣлайте скорѣе туалетъ,—проговорила Крутицкая,—уже половина перваго. Мы ѣдемъ съ визитомъ къ генеральшѣ.

— О, я терпѣть не могу этой дуры, — сказала графиня, сдѣлавъ кислую мину.

— И я ее не люблю,—отвѣтила Крутицкая,—но чтоже дѣлать, нужно... Дядюшка приказалъ. Вы должны обдѣлать у нея дѣло.

— Какое?

— На счетъ Коли. Рѣшено непремѣнно опредѣлить его адьютантомъ къ генералу. Вакансія открылась, нужно торопиться. Коля вчера представлялся генералу, и, кажется, понравился. Сегодня въ часъ онъ заѣдетъ къ генеральшѣ и передастъ ей письмо отъ штатсъ-дамы Дугиной. Когда мы заручимся протекціей генеральши, то Колѣ нечего будетъ бояться конкуренціи.

— Да, сказала графиня,—эта дура, однакожъ, настолько умна, что умѣетъ держать своего старика подъ башмакомъ.

— Это намъ и на-руку,—продолжала Крутицкая,—мы дѣло такъ обдѣлаемъ, что самъ генералъ предложитъ Колѣ адьютанство, и тогда...

— Что тогда?—спросила графиня.

— Что тогда?—переспросила Крутицкая, какъ бы съ упрекомъ,—вы развѣ не понимаете, какъ важно для насъ имѣть около такого сановника своего человѣка?

— Но Коля еще очень молодъ, только что изъ корпуса вышелъ,—замѣтила графиня.

— Ничего,—возразила Крутицкая,—онъ уменъ, ловокъ и полякъ до мозгу костей, несмотря на то, что между москалями воспитывался. При томъ... на что же мы тутъ? Онъ будетъ дѣлать то, что ему прикажутъ.

Онъ вѣруетъ въ дядюшку, какъ въ оракула. А я, какъ сестра, развѣ уже ничего для него не значу?

— Ваша правда,—согласилась графиня,—стало быть ѣдемъ?

— Чѣмъ скорѣе...

Полчаса спустя, вѣнская карета бывшаго предводителя дворянства, *дядюшки*, остановилась у втораго подъѣзда генеральской квартиры. Ливрейный лакей, соскочивъ съ козелъ, отворилъ дверцы. Изъ кареты выпорхнули: панна Юлія Крутицкая и графиня Стапицкая. Швейцаръ, отставной гвардеецъ, широко распахнулъ стеклянную дверь подъѣзда и пропустилъ дамъ съ глубокимъ поклономъ.

Еще полчаса спустя, къ этому же подъѣзду подкатилъ щегольской фаэтонъ, запряженный парой отличныхъ рысаковъ. Изъ фаэтона выскочилъ молодой и очень стройный гусарскій офицеръ въ полной парадной формѣ. Швейцаръ опять широко распахнулъ дверь и вытянулся въ струнку. Офицеръ бренча своею саблею и шпорами, прошелъ во внутренніе покои, гдѣ, на вопросъ камеръ-лакея, какъ о немъ доложить, отвѣтилъ: N—скаго Лейбъ-гусарскаго полка корнетъ Николай Крутицкій.

XI.

Наканунѣ католическаго праздника св. Казиміра, въ Болотной улицѣ, въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кабаковъ города №., за досчатой перегородкой, раздѣлявшей небольшое помѣщеніе кабака на двѣ половины: одну подъ буфетъ, а другую для гостей,—сидѣло два человѣка со стаканами меду въ рукахъ.

Одинъ изъ этихъ гостей былъ приземистый и кругленькій старичекъ лѣтъ пятидесяти пяти, съ сѣдою головою, сѣдыми и густыми бровями, краснымъ носомъ, порыжѣвшими отъ нюхательнаго табаку густыми усами и очень плутоватыми глазенками, зрачки которыхъ не могли ни одной минуты устоять на одномъ мѣстѣ. На немъ былъ длиннополый сюртукъ изъ не совсѣмъ тонкаго сукна коричневаго цвѣта, черный бархатный камзолъ съ перламутровыми пуговицами и шейная подвязка изъ какой-то полосатой матеріи, вмѣсто галстука.

Второй мужчина былъ рослый парень, лѣтъ двадцати пяти, съ бѣлокурыми волосами, подстриженными à la moujik, съ открытымъ, красивымъ и вызывающимъ лицомъ и со щегольски закрученными усиками, вдобавокъ, нѣсколько нафабренными. Онъ былъ въ застегнутой на всѣ петли чамаркѣ, которая очень шла къ его стройной фигурѣ, и въ большихъ охотничьихъ сапогахъ, которые повыше колѣна были застегнуты здоровыми ремнями.

Оба собесѣдника сидѣли у окна, другъ противъ друга, и, по ихъ краснымъ и оживленнымъ лицамъ, въ особенности же, по пустымъ бутылкамъ, стоявшимъ на столѣ, видно было, что стаканамъ меду, которые они держали въ рукахъ, предшествовали въ этотъ вечеръ многіе другіе.

— И такъ, по рукамъ, что-ли?—спросилъ старикъ, придвигаясь съ своимъ стуломъ къ молодому собесѣднику.

— Пожалуй,—отвѣтилъ послѣдній, поставивъ свой стаканъ на подоконникъ и протянувъ правую руку.

Старикъ тоже отставилъ свой стаканъ и схватилъ протянутую ему руку обѣими руками.

— Шмуль,—кликнулъ онъ шинкаря, стоявшаго за буфетомъ, на которомъ онъ мѣломъ писалъ какой-то счетъ.

— Zaraz, panie majstru!—откликнулся шинкарь, продолжая свои ариѳметическія выкладки.

— Не люблю твоего жидовскаго zaraz!— воскликнулъ старикъ, разсердившись.—Сію минуту, не то—прибью.

Въ три прыжка Шмуль очутился за перегородкой.

— Разними наши руки,—скомандовалъ старикъ.

Шмуль рознялъ ихъ руки и полетѣлъ къ буфету, къ своимъ цыфрамъ.

— Теперь,—сказалъ старикъ, взявъ стаканъ и мигнувъ своему собесѣднику, чтобы тотъ сдѣлалъ тоже,—чокнемся.

— Разъ, два, три—пей!—скомандовалъ старикъ и быстро опрокинулъ стаканъ въ свою глотку. Тоже сдѣлалъ и его собесѣдникъ.

— Шмуль, двѣ сигары, но безъ zaraz!—снова скомандовалъ старикъ.

Шмуль предсталъ съ двумя сигарами.

— Больше панове ничего не прикажутъ?—спросилъ онъ.

— Маршъ къ твоимъ фляжкамъ!—крикнулъ панъ майстеръ.—Когда нужно будетъ, позову.

Шмуль ушелъ къ буфету. Не успѣлъ онъ взять мѣлокъ въ руку, какъ опять раздался голосъ старика.

— Шмуль! Еще бутылку липецу.

Шмуль предсталъ съ бутылкою липецу.

— Поставилъ, ну и убирайся къ чорту, чего ты тутъ стоишь?— накинулся на него старикъ.

Шмуль ушелъ къ буфету.

— А что, Стась, я хорошо муштрую и командую?—спросилъ старикъ, молодецки подбоченившись и любовно глядя въ лицо своему собесѣднику.—Я былъ-бы отличнымъ командиромъ, słowo honoru. Солдаты боялись-бы меня, какъ огня. Baczność!! *),—крикнулъ онъ неистово и строго, замахавъ руками и выпучивъ глаза, думая, что этимъ окончательно убѣдитъ собесѣдника въ своихъ военныхъ способностяхъ. Но собесѣдникъ улыбнулся и спросилъ:

— Кто-же для нашей арміи будетъ поставлять обувь?

— Кто будетъ поставлять обувь?—переспросилъ старикъ, испугавшись и забывъ, что онъ сейчасъ хотѣлъ быть командиромъ.—Я, Марцинъ Шило! Мы-же такъ условились. Ты развѣ забылъ? Товаръ первый сортъ, три рубля пара. Дешевле жондъ нигдѣ не достанетъ. Я это такъ... изъ патріотизма, потому что я, хоть и шевцъ, но добрый полякъ, и шляхтичъ z łaski Boskiej. Мой дядя, знаешь...

— Знаю, знаю, былъ pełnym plenipotętem u pana Radziwiła,— перебилъ его Стась,—поставка обуви останется за вами, разумѣется, по моей рекомендаціи. Это дѣло рѣшенное. Но, коханный пане Шило, мнѣ бы хотѣлось поскорѣе увидаться съ задаткомъ.

— Съ какимъ это задаткомъ?—спросилъ сапожникъ.

— Вы забыли? Двѣ пары ботинокъ для моей Марцищи.

— Ахъ да,—припомнилъ сапожникъ,—вотъ важность! Пусть она хоть завтра завернетъ въ магазинъ, снимемъ мѣрку и сошьемъ въ три мига.

— Завтра праздникъ,—замѣтилъ Стась, который еще не былъ пьянъ, а потому помнилъ, что завтра день св. Казиміра.

— Такъ послѣ завтра,—сказалъ сапожникъ, взявшись за новую бутылку липецу.—Что тутъ толковать. Выпьемъ!

*) Смирно.

— Благодарю,—отвѣтилъ Стась, вставъ со стула и накинувъ на себя непромокаемый плащъ.—Мнѣ некогда.

— Ты ужь уходишь?

— Служба.

— Твоя правда, не смѣю задерживать, но по стаканчику мы должны же еще выпить, ради св. Казиміра.

— Но скорѣе, пане Шило,—поторопилъ его Стась.

Сапожникъ живо откупорилъ бутылку, и налилъ въ стаканы. Шило и Стась, поздравивъ другъ друга съ завтрашнимъ праздникомъ, обнялись, три раза поцѣловались и залпомъ выпили свои стаканы. Вслѣдъ затѣмъ, Стась распростился и ушелъ.

По уходѣ Стася, сапожникъ сталъ, шатаясь, ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, что-то бормоча себѣ подъ носъ и загибая по порядку пальцы лѣвой руки. Знать, онъ считалъ ожидаемые имъ барыши отъ поставки обуви для арміи. Его раскраснѣвшееся отъ напитковъ лицо выражало нѣкоторое время радость и веселіе; онъ улыбался и чуть не хохоталъ отъ избытка удовольствія; но потомъ лице его вдругъ затуманилось и на немъ, мало по малу, стали выражаться испугъ, страхъ и чуть не отчаяніе.

— Вѣдь было три тысячи,—забормоталъ онъ громче,—а теперь двѣ. O, swięty Marcinie! Гдѣ-же еще одна тысяча? Три тысячи, какъ одинъ грошъ! Чортъ возьми! Неужели я обчелся? Не можетъ быть!

Онъ перестал ходить по комнатѣ, остановился въ раздумьѣ, повѣсилъ голову и заломилъ руки.

— Шмуль! мѣлу!—крикнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ, подсѣвъ къ столу и сбросивъ съ него на полъ опорожненныя бутылки.

Шмуль, ни живъ, ни мертвъ отъ шума, произведеннаго полетѣвшими на полъ бутылками, поднесъ ему мѣлокъ и отскочилъ назадъ. Сапожникъ, дрожащими отъ старости, волненія и пьянства, руками, сталъ чертить на столѣ цифры какого-то страннаго фасона, причемъ что-то приговаривалъ и то больше носомъ, чѣмъ устами. Онъ долгое время чертилъ и маралъ, маралъ и чертилъ, теръ себѣ лобъ, сопѣлъ, нюхалъ табакъ, потѣлъ и злился.

— Шмуль!—крикнулъ онъ, скрежеща зубами,—сколько шесть разъ семь?

— Шесть разъ семь?—переспросилъ Шмуль изъ-за буфета,—сорокъ два!

— А два раза тридцать шесть?

— Два раза тридцать шесть?—семьдесятъ два!

— Вотъ psia głowa! проговорилъ сапожникъ, какъ бы въ похвалу шинкарю и продолжалъ чертить и марать. Онъ еще долго возился съ своими цифрами; но, не достигая желаемаго результата, призвалъ, наконецъ, на помощь шинкаря. Послѣдній, взглянувъ на чертежъ, сказалъ, что эдакъ нельзя, потому что цифры стоятъ не на своихъ мѣстахъ.

— Какъ-же быть?—спросилъ сапожникъ.

— Pan majster нехай потрудится продиктовать мнѣ числа, а я ужь подведу итогъ,—отвѣтилъ шинкарь, взявъ мѣлокъ въ руку.

Сапожникъ такъ и сдѣлалъ. Черезъ три минуты, итогъ былъ подведенъ.

— Сколько выходитъ?—спросилъ сапожникъ.

— Три тысячи.

— Врешь, каналья!—воскликнулъ сапожникъ, не вѣря словамъ шинкаря.—Покажи-ка, покажи... одинъ нуль, два нуля, три нуля и три, такъ три тысячи. Браво! ура! виватъ! кричалъ въ изступленіи сапожникъ и бросился душить удивленнаго шинкаря въ своихъ объятіяхъ. Молодецъ Шмуль! Люблю! Выпьемъ!

— Благодарю, не хочу,—сказалъ шинкарь.

— Dla mojej satisfakcii *) ты долженъ! Я приказываю! Я, Марцинъ Шило! Прибью, słowo honoru.—И онъ потащилъ шинкаря къ буфету, за которымъ стояла жена шинкаря съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ.

— Двѣ рюмки рябиновки!—скомандовалъ сапожникъ.—Живо, пани Шмулева!

Пани Шмулева налила двѣ рюмки рябиновки.

— Садись вотъ здѣсь, я тоже сяду и погавендзимъ **),—сказалъ сапожникъ, взявъ рюмку и опустившись на скамью.

Шмуль взялъ табуретъ и сѣлъ противъ сапожника.

*) Для моего удовольствія.

**) Покалякаемъ.

— Знаешь что, Шмуль, — началъ послѣдній, понизивъ голосъ, и хитро подмигивая однимъ глазомъ,—ты уже не Шмуль, а Мойжешь.

— Co pan gada?—спросилъ удивленно шинкарь, выпучивъ глаза,—я Шмуль, а не Мойжешь. Я такъ и въ сказкѣ записанъ.

— Ты Мойжешь, говорю тебѣ!—крикнулъ сапожникъ,—Мойжешь и баста! Не толковать! Знаю, что говорю! Ты Мойжешь и Хацкель—Мойжешь и Борухъ—Мойжешь и всѣ жиды, сколько васъ есть, теперь Мойжеши. Такъ приказано изъ Варшавы, понимаешь?

Шмуль переглянулся съ своею женою, пожалъ плечами, но ничего не возразилъ.

— А почему вы теперь Мойжеши, знаешь?

— Откуда мнѣ знать?

— Вы теперь Мойжеши потому,— объяснялъ сапожникъ,—что мы должны любить васъ, шановать. Однимъ словомъ: братерство, равенство et cetera. Теперь всѣ равны: что жидъ, что цыганъ, что чортъ, все равно!... Мы всѣхъ должны любить, потому что такъ приказано изъ Варшавы, понимаешь? Ну,—чокнемся, braciszku.

Они чокнулись и выпили свои рюмки.

Сапожникъ крякнулъ, понюхалъ табаку и опять спросилъ:

— Ты газеты читаешь?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ шинкарь.

— Такъ ты дурень,—сказалъ сапожникъ, презрительно махнувъ рукой.—А вотъ мой покойный дядюшка, который былъ pełnym plenipotentem u pana Radziwiłła, тотъ бывало день и ночь читаетъ газеты. Ученый человѣкъ былъ: у піаровъ учился. Читалъ по-латыни не хуже ксендза. Не умри онъ такъ рано, я былъ-бы теперь прелатомъ, а, можетъ быть, и бискупомъ. Онъ хотѣлъ меня отдать въ ученіе къ каноникамъ, чтобы изъ меня ксендзъ вышелъ, но онъ умеръ, а потому я сдѣлался шевцомъ. Но не въ томъ дѣло... Такъ ты газетъ не читаешь?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ шинкарь.

— Ну, Богъ съ тобой! Ты почцивый жидекъ, а потому скажу тебѣ, что пишутъ въ газетахъ. Только помни, что я говорю это тебѣ подъ секретомъ. Ты никому не разболтаешь?

— На что мнѣ разболтать?—проговорилъ Шмуль, растопыривъ руки,—развѣ мнѣ отъ этого что нибудь прибудетъ?

— Ну, прибудетъ или не прибудетъ, — сказалъ сапожникъ, — а ты

знай—держи языкъ за зубами, не то худо будетъ, разумѣется, не мнѣ, а тебѣ, твоей женѣ, твоимъ дѣтямъ и всѣмъ вашимъ... Такъ вотъ что пишутъ въ газетахъ, слушай со вниманіемъ: по веснѣ, или лѣтомъ сюда придетъ французъ, англикъ и влохъ Гримбальдіушъ съ войскомъ, съ кораблями и съ гарматами и прогонятъ отсюда москалей.

— Всѣхъ?—спросилъ Шмуль.

— До единаго.

— Даже... Губернатора?—опять спросилъ Шмуль, сдѣлавъ кислую мину. Онъ хотѣлъ, собственно, спросить о баталіонныхъ писаряхъ, какъ о завсегдателяхъ своего кабака, а потому живо интересовавшихъ его, но счелъ за лучшее схитрить и спросилъ о губернаторѣ.

— Даже губернатора, — подтвердилъ сапожникъ,—будетъ имъ здѣсь пановать. Пусть убираются въ свою Россію, здѣсь Польша. *Мы* здѣсь хозяева, это *нашъ* край. Мой покойный дядюшка, который былъ pelnym plenipotęntem u pana Radziwiłła, всегда говорилъ, что этотъ край нашъ. Выходитъ, что покойникъ правъ былъ, царство ему небесное! Шмуль задумался, и поскребъ свой правый високъ.

— Значитъ, будетъ война, страженія?—спросилъ онъ, что-то соображая.

— Разумѣется,—отвѣтилъ сапожникъ.

— И войска будутъ проходить?

— Разумѣется.

— А жителей грабить не будутъ?—допытывался шинкарь.

— Какое грабить! Развѣ они разбойники! За все будутъ платить чистоганомъ, золотомъ, не то, что бумажками. Французъ богатъ.

— Это хорошо. Дай Богъ!—проговорилъ шинкарь, успокоившись и даже обрадовавшись ожидаемымъ событіямъ.

— А на войну мы всѣ пойдемъ,—продолжалъ сапожникъ, понюхавъ табаку,—всѣ влосцяне, вся шляхта и я тоже.

— И вы тоже, panie majstru?—спросилъ шинкарь, удивляясь.

— А ты какъ думалъ, я буду сидѣть, и сапоги шить? Го, го, ты Марцина Шила еще не знаешь! Помни мое слово: черезъ годъ я буду полковникомъ. Я шляхтичь, ты этого не забудь. Baczność! Накра-улъ!!—закричалъ онъ такъ неистово, что ребенокъ, сидѣвшій на рукахъ у пани Шмулевой испугался и заплакалъ. Мать стала его качать и успокаивать, бросая сердитые и странные взгляды на расхрабрившагося сапожника. Шмуль улыбался. Сапожникъ всталъ, закурилъ сигару, подбочеился и сталъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ.

— А мнѣ тебя жаль, Шмуль,—началъ онъ, вдругъ остановившись передъ шинкаремъ.—Право жаль, ты жидекъ nic sobie; ты только глупъ, но человѣкъ смирный. Мнѣ отъ души тебя жаль, słowo honoru.

Шмуль испуганно и вопросительно смотрѣлъ на сапожника.

— Знаешь, что будетъ послѣ войны?—спросилъ послѣдній. Шмуль пожалъ плечами въ знакъ того, что онъ ничего не знаетъ, что будетъ послѣ войны.

— Послѣ войны,—продолжалъ сапожникъ,—ты, и Борухъ, и Хацкель, и вся ваша команда должны будете убраться отсюда.

— Куда?—спросилъ шинкарь.

— А намъ что за дѣло? идите куда хотите, куда глаза глядятъ, а въ краѣ вамъ не бывать.

— Вы шутите, panie majstru.

— Jak Boga kocham, не шучу, а правду говорю. Это дѣло рѣшенное. Магнаты такъ порѣшили. Будетъ вамъ сидѣть намъ на шеѣ... Мы, впрочемъ, трогать васъ не будемъ. Мы только вамъ скажемъ: любезные жиды, возьмите себѣ ваши тлумки z ruchomoseią i ruszajcie sobie z Panem Bogiem... do kroć set diabłów!

Шмулева крякнула и, перемигнувшись съ мужемъ, проговорила:

— Hörstu, hörstu, wos der Kelew dibbert? *)

— Schwaig, schoite!—крикнулъ на нее Шмуль,—dos is nit dein sach. **)

— А какъ будетъ съ нашими домами?—спросилъ онъ у сапожника.

— Если можете ихъ взять съ собою, такъ возьмите,—отвѣчалъ сапожникъ,—а если нѣтъ, такъ они здѣсь останутся. Вы уже пользовались, теперь мы будемъ пользоваться. Тоже будетъ и съ казенными зданіями. Все будетъ наше.

— А что будетъ съ гандлемъ?

— Мы и гандлевать будемъ. Ты думаешь, мы не съумѣемъ? Эка важность! Покупать и продавать не Богъ знаетъ какъ трудно. Обойдемся и безъ васъ. Вы только мозолите намъ глаза и даромъ хлѣбъ ѣдите.

---

*) Слышь, слышь, что собака брешитъ.

**) Молчи, дура, не твое дѣло.

Ваше плутовство и шахрайство — вотъ гдѣ у насъ сидятъ (сапожникъ указалъ на свое горло). Мы молебны будемъ служить, когда отъ васъ освободимся. Мы отъ васъ страдаемъ столько-же, сколько и отъ москалей. Если не захотите убраться по доброй волѣ, то мы васъ въ зашей прогонимъ или перерѣжемъ всѣхъ до единаго, понимаешь?

— Вы глупости говорите, вотъ что!—сказалъ шинкарь, вставъ съ табурета и плюнувъ.

Сапожникъ вспылилъ.

— Глупости?!—заревѣлъ онъ и глаза его налились кровью,—какъ смѣешь?... Да знаешь-ли, съ кѣмъ ты говоришь?

— Отчего не знать, знаю,—отвѣчалъ шинкарь твердо и смѣло,—съ его милостью сапожникомъ Шилою! Вы развѣ въ первый разъ упиваетесь у меня, какъ свинья?

Сапожникъ затрясся отъ этой обиды. Онъ сжалъ кулаки и хотѣлъ уже было кинуться на всегда смирнаго шинкаря, въ которомъ и не подозрѣвалъ столько смѣлости и дерзости; но, замѣтивъ, что послѣдній схватилъ стулъ, онъ съ своими сжатыми кулаками остался на мѣстѣ и тяжело засопѣлъ отъ злости. Шмуль, со стуломъ въ рукѣ, ожидалъ нападенія. Его жена, съ блѣднымъ отъ страха лицомъ, смотрѣла на происходящее и не смѣла вмѣшаться, зная, что когда мужъ ея сердитъ, то весьма опасно бываетъ подвернуться подъ его руку.

— Шмуль! ты ли это?—кричалъ сапожникъ, ломая руки.—Я не узнаю тебя! Опомнись! Не губи себя! Ты дорого заплатишь за твою дерзость. Я дворянинъ! Мой дядюшка...

Былъ лакеемъ у пана Радзивилла, перебилъ его шинкарь, мы это знаемъ. Ишь, изъ края насъ выгнать вздумали! Да знаете ли, что пока что, москали васъ, безмозглыхъ, нагайками искрошатъ.

— Шмуль! Опомнись! тебя повѣшутъ!

— Не повѣшутъ! Руки коротки. Мы живемъ не по вашей милости, а по милости Царя. Попробуйте только бунтовать, такъ и духу отъ васъ не останется.

— Шмуль!—кричалъ сапожникъ, скрежеща вубами.

— Да, я Шмуль, я шинкарь, стараюсь угождать гостямъ. какъ можно. Вы обращаетесь со мною, какъ съ собакой, и я молчу, потому что это хлѣбъ мой. Вы называете меня дуракомъ, и я молчу, потому что я умнѣе васъ. Но когда вы начинаете уже слишкомъ глупить, то я молчать не могу и не буду. Я вамъ покажу, что Шмуль не дуракъ и не трусъ. Я зубы выколочу не только какому нибудь сапожнику, но даже вельможному пану, даже вашему маршалку, когда онъ осмѣлится гнать насъ изъ края. Земля не ваша и не наша, а Божья, а потому человѣкъ человѣка гнать съ земли не смѣетъ. Если Богъ не захочетъ, чтобы земля насъ носила, то онъ сдѣлаетъ, чтобы мы всѣ померли; а гнать насъ не смѣете; а если посмѣете, то мы вамъ морды побьемъ.

Шмуль оставилъ стулъ, обтеръ рукавомъ потъ, выступившій на его лицѣ, и зашагалъ по комнатѣ взадъ и впередъ, поглаживая свою бороду и пэйсы. Сапожникъ, не то оробѣвъ, не то успокоившись, сидѣлъ и молчалъ, обдумывая, какъ ему выйдти изъ своего затруднительнаго положенія.

ШинкарьШмуль вовсе не былъ тѣмъ, за что можно было принять его, судя по наружности. По наружности каждый принималъ его з человѣка слабаго въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, мягкаго, робкаго, вялаго и недалекаго ума; но подъ этою неказистою, почти жалкою наружностью, процвѣталъ организмъ здоровый, крѣпкій, со смѣлою и неустрашимою душою, съ желѣзными нервами и воловьими мускулами. Ни какія опасности не пугали его, и онъ удивлялся, какъ человѣкъ можетъ вообще чего нибудь и кого нибудь бояться. Онъ былъ уменъ и хитеръ, но прикидывался дурачкомъ, допускалъ, чтобы завсегдатели его кабака, ремесленники и разночинцы, которыхъ онъ былъ выше во всѣхъ отношеніяхъ и которыхъ презиралъ до глубины души, обижали и помыкали имъ, какъ грязною тряпкою, и охотно доставлялъ имъ удовольствіе поглумиться надъ бѣднымъ жидкомъ. Но когда шуточки завсегдателей принимали слишкомъ большіе размѣры, т. е. когда шутники имѣли неосторожность задѣть его за живое, онъ, смирный ягненокъ, въ одну минуту превращался въ льва рыкающаго, поражая всѣхъ этимъ неожиданнымъ превращеніемъ. Извергая всевозможную ругань и дѣйствуя кулаками, онъ въ три мига очищалъ свой кабакъ отъ *сволочи*, успѣвшей ему надоѣсть, и въ эти минуты онъ воображалъ себя библейскимъ Самсономъ, справляющимся съ филистимлянами.

Шмуль всегда особенно терпѣливо переносилъ шутки и обиды сапожника Шила, потому что такъ презиралъ этого стараго пьянчужку и лгунишку, что считалъ ниже своего достоинства обижаться ими, но когда сапожникъ заикнулся объ изгнаніи евреевъ изъ края, терпѣніе Шмуля лопнуло.

Сапожникъ былъ такъ ошеломленъ неожиданнымъ превращеніемъ, происшедшимъ съ шинкаремъ, что нѣкоторое время думалъ, не рехнулся-ли послѣдній; но, припомнивъ все, что сейчасъ отъ него слышалъ, онъ перемѣнилъ свое мнѣніе и сталъ побаиваться тщедушнаго шинкаря, который не прочь былъ поколотить его, его, собирающагося быть полковникомъ. Чтобы выйдти съ честью изъ затѣяннаго имъ самимъ спора, онъ рѣшился на дипломатическую хитрость.

— Ну, Шмуль,—началъ онъ, придавъ своему лицу самое добродушное выраженіе, — я вижу, что ты погорячился; чтожъ, это бываетъ съ каждымъ человѣкомъ. Попроси прощенія, я все забуду, и мы опять останемся друзьями.

— Просить прощенія?—спросилъ Шмуль, горько улыбнувшись,—у васъ? Вы меня обидѣли, и я долженъ просить у васъ прощенія? Ха, ха, ха! Послушайте, panie majstru, перво-на-перво, вы должны знать, что Шмуль не дуракъ и не трусъ, въ обиду себя никогда не давалъ и не дастъ. Шутку я понимаю и принимаю за шутку, но ваши слова были уже не шутки. Счастье ваше, что вы съ вашими сжатыми кулаками оставались на мѣстѣ, не то вы хорошенько поплатились-бы: я-бы вамъ далъ попробовать моихъ кулаковъ, а потомъ связалъ-бы васъ, какъ барана, и понесъ въ полицію.

— Стало быть, ты хочешь ссориться?

— Нѣтъ, panie majstru, я ссориться съ вами не хочу; на что мнѣ это? хочу, чтобы вы заплатили, сколько забрали, и ко мнѣ уже больше не ходили.

— Такимъ манеромъ ты разгонишь всѣхъ твоихъ шабровъ,—проговорилъ сапожникъ, желая тронуть шинкаря съ меркантильной стороны.

— Ничего,—отвѣтилъ Шмуль, — кабы только болота, а черти будутъ. Не вы, такъ другой сапожникъ будетъ пить у меня. У меня напитки хорошіе, настоящіе, безъ примѣси, не люблю обманывать покупателей. Это всѣ знаютъ. А потому, я никогда не лишусь гостей—знатоковъ, а въ обиду себя не дамъ. Шутить—шутите, при хорошемъ стаканѣ липецу, отчего не пошутить? Но обижать не смѣете, потому... потому что шинкарь Шмуль не дуракъ и не трусъ, вотъ что!

— Ну, Богъ съ тобой,—сказалъ сапожникъ, вставъ и вынувъ изъ кармана свой толстый бумажникъ,—съ тобой не сговоришься, я въ тебѣ ошибся. Дай сдачу.

Шмуль отсчиталъ ему сдачу.

— Но помни, Шмуль,—сказалъ сапожникъ, уходя,—ты не хорошо кончишь. Ты будешь раскаиваться, а будетъ поздно. Мнѣ жаль не тебя, а твоей жены и дѣтей.

— Ужъ это мое дѣло, не безпокойтесь.

— Помни, Шмуль, сказалъ сапожникъ, стоя уже на улицѣ и держась за ручку дверей,—черезъ годъ...

— Будетъ 1863-й годъ,—перебилъ его шинкарь,—помню, помню.

Сапожникъ не докончилъ фразы и отправился домой, пожимая плечами и бормоча себѣ подъ-носъ разныя ругательства и проклятія. Отъ времени до времени онъ останавливался, какъ-бы обдумывая, не возвратиться-ли ему назадъ, чтобы проучить *пся-крева*—т. е. Шмуля; но, припоминая рѣшительную, вызывающую мину послѣдняго, онъ удвоивалъ шаги, робко озираясь кругомъ, какъ-бы спасаясь отъ погони. «Постой, голубчикъ, постой,—утѣшалъ онъ себя,—przyjdzie koza do woza».

XII.

Мэри Тидманъ къ Софіи Аронсонъ.

Г.*, Мартъ 1862 г.

«Ты не можешь себѣ представить, chere Sophie, какъ я рада, что наши взаимныя отношенія нисколько не измѣнились и, надѣюсь, не измѣнятся отъ того, что мы, стеченіемъ неожиданныхъ обстоятельствъ, очутились въ двухъ враждебныхъ другъ другу лагеряхъ. Ты бредишь Польшею, такъ называемою ойчизною, а я... я вращаюсь въ кругу, симпатіи котораго принадлежатъ преимущественно Россіи. Не смотря на то, что эти двѣ враждебныя силы въ скоромъ времени сойдутся для отчаянной борьбы на жизнь и смерть, мы, надѣюсь, тѣмъ не менѣе останемся друзьями по-прежнему, потому что, въ сущности, ты столько же полька, сколька я русская, т. е. очень мало, такъ какъ мы обѣ не имѣемъ пока никакого основанія проникнуться вдругъ особенною любовью къ Польшѣ или къ Россіи. Ни та, ни другая не можетъ еще считаться нашимъ отечествомъ. Мы пока русскіе подданные, живущіе на территоріи преимущественно польской. Если для подданнаго, раба, возможно отечество, то намъ нечего долго ломать голову, что

наше отечество? Сегодня отечество наше—Россія потому, что власть въ ея рукахъ, а завтра, когда власть перейдетъ къ Польшѣ, отечествомъ нашимъ будетъ Польша. Но, если отечествомъ человѣка должна считаться не та сила, которой онъ подвластенъ изъ страха, а та сила, которую онъ любитъ сердцемъ и которой онъ преданъ душой, то нашимъ отечествомъ можетъ сдѣлаться только та страна, которая усыновитъ насъ, какъ слѣдуетъ. Кто насъ усыновитъ, Польша или Россія, покажетъ время. Стало быть, намъ пока нечего записываться въ польскія или русскія патріотки. Ты производишь опыты надъ Польшею, а я надъ Россіею. И мнѣ кажется, что затѣи здѣшняго кружка и вашаго кружка съ Саринымъ, Адольфомъ и Мозырскимъ во главѣ, есть тоже опыты, только въ большихъ размѣрахъ. До фанатизма же Полины намъ всѣмъ еще очень далеко, потому — что она натура исключительная.

«Кстати о Полинѣ. Наши отношенія теперь очень натянуты. Она пишетъ ко мнѣ рѣдко и неохотно. Не успѣвъ завербовать меня подъ польское знамя, она сердится на меня. Она, кажется, уже совсѣмъ разлюбила меня; иначе, впрочемъ, и не можетъ быть, потому что она теперь безъ памяти влюблена въ Польшу. Я не дѣлаю ей никакихъ упрековъ, потому что знаю, что это не поможетъ.

«Возвращаюсь къ тебѣ, chére Sophie. Ты остаешься и останешься мнѣ вѣрною. Наша дружба такъ крѣпка, что ей нечего бояться напора текущихъ событій въ краѣ. Будемъ же продолжать дѣлиться нашими впечатлѣніями и наблюденіями. Ты слѣди за польскимъ движеніемъ, а я за русскимъ. Намъ обѣимъ будетъ много работы, и намъ обѣимъ не будетъ скучно.

«Съ легкой руки г. Сарина, мои занятія по русскому языку идутъ весьма успѣшно. Я уже понимаю все, что читаю, а читаю я очень много. Я просто глотаю книги и, благодаря этому глотанію, въ скоромъ времени буду имѣть притязаніе думать, что я уже знакома съ русскою литературою. Съ ея корифеями я уже знакома; вотъ имена ихъ: Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ и Островскій. Хочешь знать ихъ характеристику? Вотъ она: Крыловъ—русскій Лафонтенъ, помноженный на нѣмецкаго Пфеффеля; Грибоѣдовъ—Бомаршè въ миніатюрѣ; Пушкинъ—вдохновенный... стилистъ; Лермонтовъ—enfant terrible, гоняющійся за тѣнью титана Байрона; Гоголь—реалистъ до цинизма; Тургеневъ—портретистъ и, въ тоже время, художникъ недюжинный; фантазія у него, какъ у всѣхъ русскихъ писателей, не очень богатая, но кисть мастерская; Гончаровъ—живописецъ тенденціозный, а Островскій—бытовой писатель, жанристъ, которымъ можетъ восхищаться только тотъ, кто понимаетъ русскій жанръ, а я этого жанра еще не понимаю.

«Хотя ни одного изъ этой плеяды русскихъ *классиковъ* нельзя считать свѣтиломъ первой величины, однакожъ, всѣхъ ихъ можно читать съ удовольствіемъ и даже съ пользою. Они пришлись мнѣ по вкусу. Ужъ за одно то я ихъ люблю, что они не сантиментальны, а относятся къ жизни скептически, сатирически, пессимистически, а жизнь другихъ къ себѣ отношеній и не заслуживаетъ. Я, какъ знаешь, пессимистка, и очень благодарна г. Сарину, что онъ ввелъ меня въ этотъ кружокъ единомышленниковъ. Въ знакъ благодарности, я собираюсь сдѣлать ему сюрпризъ: напишу къ нему письмо *по-русски*! Это, я знаю, его обрадуетъ: ему вѣдь такъ хочется, чтобы евреи говорили, писали и думали по-русски! Отчего не польстить его idée fixe! За грамматическія ошибки онъ меня извинитъ: неужели у него не хватитъ настолько великодушія?

«Кстати о Саринѣ. Его отсутствіе здѣсь очень чувствительно. Нашъ кружокъ началъ часто страдать отъ разноголосицы своихъ членовъ. Дѣло въ томъ, что каждому хочется первенствовать, отсюда препирательства, игра страстей, безпорядокъ. При Саринѣ этого не было: всѣ ему подчинялись и никто не чувствовалъ, что подчиняется, потому что онъ не давалъ этого чувствовать. У его же товарищей не хватаетъ этого такта, который такъ необходимъ для управленія такою разнокалиберною толпою, какую составляетъ нашъ кружокъ. У г-жи Липманъ теперь только и дѣла, что улаживать ссоры, мирить поссорившихся, предупреждать скандалы. Она одна и поддерживаетъ порядокъ; не будь ея—отъ кружка осталось-бы только одно воспоминаніе.

«Я чуть не забыла увѣдомить тебя, что кружокъ нашъ недавно увеличился еще однимъ членомъ... изъ христіанъ, изъ русскихъ. Новый членъ этотъ—поручикъ Дубовъ, офицеръ заквартировавшаго здѣсь полка. Попалъ онъ въ нашъ кружокъ случайнымъ образомъ. Познакомившись съ нѣкоторыми изъ нашихъ въ кандитерской, за бильярдомъ, онъ почему-то такъ заинтересовался ими, что выразилъ желаніе ближе сойтись съ еврейскою молодежью. Его ввели въ нашъ кружокъ. Онъ былъ такъ восхищенъ его направленіемъ и цѣлью, что, какъ милости просилъ поз-

воленія также присоединиться къ нему; его записали въ члены и теперь онъ весь нашъ. Онъ откровенно намъ признался, что до сего времени зналъ евреевъ только по наслышкѣ, т. е. по общественному мнѣнію, которое о насъ господствуетъ въ христіанскомъ мірѣ, а это мнѣніе, какъ извѣстно, не въ нашу пользу; но теперь онъ убѣдился, что это мнѣніе есть предубѣжденіе, противъ котораго ратовать онъ считаетъ долгомъ каждаго честнаго человѣка.

«Г. Дубовъ, не смотря на то, что онъ военный,—человѣкъ мыслящій, много читающій и большой патріотъ. Его гуманные, просвѣщенные взгляды на вещи приводятъ насъ въ удивленіе, тѣмъ болѣе, что онъ не владѣетъ ни однимъ изъ иностранныхъ языковъ, стало быть его образъ мыслей есть плодъ собственныхъ размышленій, а не заимствованій изъ европейскихъ литературъ. Не вѣрить его искренности мы не имѣемъ никакого основанія: онъ человѣкъ прямой и благородный, что на душѣ, то и на языкѣ. Онъ теперь бредитъ обрусеніемъ евреевъ и работаетъ для этого съ большой энергіею. Онъ бьетъ о насъ тревогу по всей Россіи. У него большія связи въ Петербургѣ и Москвѣ. «Мы васъ полякамъ не уступимъ!—кричитъ онъ,—не уступимъ, какъ не уступимъ и западнаго края. Вы должны принадлежать намъ, Россіи!... Вы народъ хорошій и толковый; а русскій человѣкъ добръ; мы съ вами сладимъ.» Какъ тебѣ нравятся комплименты, расточаемые намъ съ одной стороны поляками, а съ другой русскими? Ну, кто-бы могъ ожидать, что мы, которыхъ всегда топтали ногами, вдругъ сдѣлаемся яблокомъ раздора между двумя народами!... Одно изъ двухъ: или поляки вмѣстѣ съ русскими съ-ума сошли, или мы сами до сихъ поръ не знали себѣ цѣны. Какъ-бы то ни было, нельзя не сказать, что мы живемъ въ очень интересное время, богатое пріятными сюрпризами и неожиданными перемѣнами. Уже одно то, что мы возжелали быть чѣмъ нибудь, кто русскимъ, а кто полякомъ, есть сюрпризъ, о которомъ отцы наши и не мечтали и который обѣщаетъ много хорошаго въ будущемъ... Но будемъ говорить лучше о настоящемъ.

«Стараніемъ г-на Дубова, двѣ недѣли тому назадъ, въ нашемъ городѣ открылась, такъ называемая, читальня, чуть не клубъ, на самыхъ демократическихъ началахъ. Наши единовѣрцы не только не устранены отъ участія, въ качествѣ членовъ, но нѣкоторые изъ нихъ даже назначены директорами этого клуба. Здѣшніе высшіе сановники сдѣлали въ пользу читальни щедрыя пожертвованія деньгами и книгами. Русскіе редакторы и литераторы, по первому призыву, прислали намъ безвозмездно свои изданія, такъ что русскихъ книгъ теперь у насъ вдоволь, была-бы только охота читать. Впрочемъ, на недостатокъ охоты тоже нельзя пока жаловаться: г. Дубовъ говоритъ, что съ утра до вечера залы читальни наполнены евреями разнаго возраста. Онъ внѣ себя отъ удовольствія, и не мудрено: все это дѣло его рукъ. Ему одному мы, можетъ быть, и обязаны будемъ сближеніемъ съ христіанскою средою, о которомъ наши передовые люди позволяютъ себѣ только мечтать, отчасти и проповѣдывать. Въ читальнѣ не только читаютъ, но и знакомятся, сближаются; предупредительность со стороны христіанъ замѣчательная. Чудеса, да и только.

«Г. Дубовъ намѣренъ побывать на дняхъ и у васъ. Съ кружкомъ вашимъ онъ уже переписывается и хочетъ познакомиться съ нимъ поближе и, кстати, содѣйствовать открытію у васъ читальни, подобной нашей. Для этой цѣли онъ запасается теперь рекомендательными письмами къ высшей администраціи края. Можно надѣяться, что онъ въ своемъ дѣлѣ успѣетъ, потому что онъ неутомимъ и горячо преданъ идеѣ, осуществленіе которой поставилъ себѣ цѣлью. Вашъ кружокъ, какъ мнѣ извѣстно изъ писемъ Сарина къ г-жѣ Липманъ, ожидаетъ Дубова съ нетерпѣніемъ и распростертыми объятіями. Онъ теперь вашему кружку почему-то очень нуженъ...

«Кажется, довольно. Если будешь медлить отвѣтомъ, то я накажу тебя еще болѣе длиннымъ письмомъ. Въ матеріалѣ недостатка не будетъ: каждый день приноситъ теперь много новостей. На однообразіе нельзя жаловаться. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ нескучно. И возможно-ли теперь скучать! Время такое горячее!...»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Графъ Тенчинскій.

I.

Въ одно апрѣльское утро 1862 года, графъ Болеславъ Тенчинскій, бывшій губернскій предводитель дворянства, а нынѣ камергеръ, мужчина лѣтъ сорока пяти, съ необыкновенно энергичнымъ лицомъ, съ нѣсколько подстриженными черными курчавыми волосами и съ очень длинными усами съ просѣдью, ходилъ въ своемъ кабинетѣ взадъ и впередъ, покуривая изъ массивной серебрянной трубки съ очень длиннымъ и толстымъ черешневымъ чубукомъ. На немъ были чамарка изъ чернаго бархату и таковые же камзолъ и шаравары, опущенные въ высокія голенища его непромокаемыхъ сапоговъ съ серебрянными шпорами. Поверхъ камзола вилась блестящею змѣею довольно массивная стальная цѣпь, которая не совсѣмъ-то шла къ его изящному и дорогому хронометру почти миніатюрныхъ размѣровъ. Онъ самъ сознавалъ, что стальная цѣпь и почти дамскіе часы совсѣмъ не пара, но онъ съ этими часами никогда не разставался, потому что получилъ ихъ въ подарокъ отъ принцессы Матильды, двоюродной сестры императора французовъ, во время своего путешествія по Швейцаріи. Такъ онъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ о своемъ изящномъ хронометрѣ, который, вмѣстѣ со многими другими изящными бездѣлушками и антиками, привезъ съ собою изъ-за границы.

Графъ Болеславъ Тенчинскій, отецъ котораго почему-то вышелъ цѣлъ и невредимъ послѣ возстанія 1831 года, въ которомъ онъ принималъ даже очень дѣятельное участіе, служилъ въ молодости своей въ гусарахъ, и дослужился до маіорскаго чина. Двадцати-пяти лѣтъ отъ роду, онъ женился на очень богатой наслѣдницѣ, что еще больше увеличило его и безъ того громадное состояніе, вышелъ въ отставку, поставилъ домъ свой на магнатскую ногу и сталъ жить на удивленіе и зависть всей околодочной шляхты, которая только что начинала оправляться отъ погрома тридцать перваго года. Его рысаки, экипажи, гайдуки, балы, охота, картежная игра, раззорительныя причуды и пожертвованія на костелы и другія общественныя учрежденія сдѣлались предметомъ разговора и даже гордости не только всей губерніи, но даже всего края. На него стали смотрѣть, какъ на воскресителя временъ Радзивилловъ, Потоцкихъ, Сапѣгъ, Огинскихъ и прочихъ польскихъ магнатовъ, съ ихъ несмѣтными богатствами и баснословною роскошью, доходившею до сумасшествія; и онъ, зная это, ничего больше не хотѣлъ, какъ оправдать лестное о немъ мнѣніе своихъ собратовъ. Одно празднество смѣнялось другимъ, зимою въ его городскомъ дворцѣ, а лѣтомъ въ его загородномъ волшебномъ замкѣ. На этихъ празднествахъ заграничныя вина и родная *старушка* *) истреблялись цѣлыми бочками, потому что гости, какъ истые славяне, любили преимущественно пображничать. Одно время, однакоже, графъ Тенчинскій чуть не лишился всѣхъ своихъ родовыхъ имѣній. Дѣло въ томъ, что въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ былъ сильно компрометированъ въ неудавшемся заговорѣ Канарскаго. Но какимъ-то чудомъ онъ, подобно отцу своему, вышелъ цѣлъ и невредимъ изъ этой передряги, послѣ чего нашелъ нужнымъ оставить на-время край, чтобы попутешествовать по Европѣ. Пожуировавъ вдоволь и потершись между польскими эмигрантами, которыхъ встрѣчалъ почти на каждомъ шагу, онъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, возвратился въ край безъ жены, которую похоронилъ въ Римѣ, безъ бо́льшей половины своего состоянія, которую частью прокутилъ въ Парижѣ, а частью проигралъ въ Висбаденѣ и Гомбургѣ, но за то съ большимъ запасомъ патріотизма и многими планами для «возбудованія ойчизны». Его выбрали предводителемъ дворянства, что доставило ему возможность изучать виды, стремленія и средства своего сословія и приготовляться къ роли, которую онъ намѣренъ былъ играть въ будущемъ. Когда ему дали знать, откуда слѣдуетъ, что *плодъ уже созрѣлъ*, онъ поспѣшилъ сложить съ себя званіе предводителя, чтобы имѣть руки совершенно свободными.

---

*) Старая водка.

Въ эпоху, въ которую происходятъ описываемыя нами событія, графъ Болеславъ Тенчинскій есть одинъ изъ главныхъ столбовъ, такъ называемаго, народнаго жонда, naczelnik miasta, держащій въ рукахъ своихъ всѣ нити польскаго движенія въ западномъ краѣ. Его всѣ боятся, ему всѣ повинуются, какъ силѣ, могущей карать и миловать, по своему усмотрѣнію, во имя ойчизны. Какъ одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ, онъ имѣетъ большой вѣсъ въ шляхетской средѣ, и, какъ бывшій предводитель, у него большія связи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, съ которыми продолжаетъ поддерживать знакомство, необходимое для успѣшнаго веденія дѣла. И, надобно отдать ему справедливость, онъ ведетъ свое дѣло умно, осторожно и твердо. Отъ времени до времени, онъ дѣлаетъ визиты мѣстнымъ властямъ и принимаетъ ихъ у себя, какъ-бы въ доказательство того, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что происходитъ теперь въ краѣ. Мѣстами власти, неотличающіяся особенною проницательностью, смотрятъ на него, какъ на мирнаго, благоразумнаго, благонадежнаго поляка, достаточно преданнаго русскому правительству, которое осыпала его чинами и орденами. Графъ Болеславъ Тенчинскій—дѣйствительный статскій совѣтникъ, камергеръ и разныхъ орденовъ кавалеръ, стало быть, онъ высокій сановникъ, связанный съ Россіею больше чѣмъ съ несуществующею Польшею. Это ему и на руку; онъ достигаетъ этимъ двоякой цѣли: съ одной стороны, онъ властямъ отводитъ глаза отъ своей тайной дѣятельности; а съ другой, онъ заставляетъ тѣже власти дѣлать то, что можетъ споспѣшествовать этой дѣятельности. Нашептываніемъ и ловкой интригой ему нерѣдко удается насолить тѣмъ, которые вредны, и дать ходъ тѣмъ, которые полезны польскому дѣлу. Состоящіе на русской службѣ поляки и даже русскіе, почуявъ изощреннымъ чиновничьимъ чутьемъ, откуда дуетъ вѣтеръ, ни къ чему больше не стремятся, какъ угождать всемогущему графу, отъ котораго главнѣе и зависитъ какъ ихъ возвышеніе, такъ равно и ихъ паденіе. Такимъ образомъ, все выходитъ шито и крыто.

Но, чтобы еще больше обезпечить свою игру отъ разныхъ непріятныхъ случайностей, графъ Болеславъ Тенчинскій, какъ человѣкъ осторожный и дальновидный, выписалъ изъ Петербурга своего племянника Николая и свою племянницу Юлію Крутицкихъ, которыхъ нашелъ вполнѣ соотвѣтствующими ролямъ, имъ для нихъ придуманнымъ. Николая,

какъ юношу смѣтливаго и чрезвычайно ловкаго, онъ опредѣлилъ адъютантомъ къ *генералу* и, такимъ образомъ, что называется, влѣзъ въ душу первенствующаго сановника въ краѣ, а Юлія, какъ дѣвушка высокаго образованія, необыкновеннаго ума и ослѣпительной красоты, должна была состоять при немъ, какъ сила вдохновляющая для польскихъ юношей и какъ сила притягательная и *ублажающая* для русскихъ стариковъ, въ покровительствѣ и защитѣ которыхъ будутъ нуждаться не сегодня, такъ завтра. Къ такимъ ролямъ польскія женщины, какъ извѣстно, привыкли уже съ давнихъ временъ и онѣ всегда разъигрывали ее съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Это графу Болеславу было извѣстно болѣе, чѣмъ кому либо. Весь край удивлялся, какимъ образомъ отецъ его, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, а онъ самъ, въ началѣ сороковыхъ, спасся отъ конфискаціи и ссылки; всѣ приписывали это какому нибудь чуду, чуть не заступничеству святыхъ польскихъ патроновъ, но для него не было тайною, что отецъ его и онъ были пощажены... pour les beaux yeux—въ первомъ случаѣ его красавицы матери, а во-второмъ—его красавицы жены. Такимъ талисманомъ, на всякій случай, должна была служить ему теперь его племянница, потому что семейнымъ правиломъ графовъ Тенчинскихъ было *жить* для ойчизны, но не умирать за нее; а графъ Болеславъ строго держался преданій своего знаменитаго рода.

Какъ только часы пробили одиннадцать, графъ Болеславъ Тенчинскій, продолжая курить свою трубку, подошелъ къ своему письменному столу и пожалъ пружину отъ сонетки. Въ дверяхъ появился лакей.

— Прондкевича!—пробасилъ графъ, выпустивъ цѣлое облако дыму изо рта.

Лакей поклонился и исчезъ. Черезъ двѣ минуты въ кабинетъ вошелъ кругленькій и приземистый мужчина среднихъ лѣтъ, въ чамаркѣ изъ сѣраго сукна, съ синими очками на горбатомъ носу, съ большою лысиною на большой головѣ и съ чернымъ портфелемъ подъ мышкою. Это былъ панъ Прондкевичъ, секретарь народнаго жонда, креатура графа Тенчинскаго, который его вывелъ въ люди. Панъ Прондкевичъ былъ трудолюбивъ, смѣтливъ, молчаливъ и послушенъ—качества, которыми графъ особенно дорожилъ въ подчиненномъ. Отвѣсивъ графу глубокій поклонъ, панъ Прондкевичъ спросилъ:

— Писать?

— Писать,—отвѣтилъ графъ.

— На бланкахъ?

— На бланкахъ.

Панъ Прондкевичъ, собравъ всѣ нужные матеріялы, сѣлъ къ письменному столу и проговорилъ:

— Готово, ваше сіятельство.

Графъ Болеславъ отставилъ трубку въ уголъ, скрестилъ руки на груди, снова зашагалъ по комнатѣ и началъ диктовать:

«Начальнику В — скаго повіата. Жондъ народный уполномочиваетъ васъ поступать съ измѣнниками ойчизны по вашему усмотрѣнію, причемъ вы должны, однакоже, руководствоваться строгой справедливостью. Ихъ личности и имуществу быть внѣ покровительства законовъ, впредь до изъявленія ими безусловной покорности поставленнымъ властямъ».

— Поставленнымъ властямъ,—проговорилъ панъ Прондкевичъ, дописавъ эти слова.

— Дальше. «Военнымъ экзерциціямъ быть почаще. Пороха не жалѣть. Разъ въ мѣсяцъ дѣлать смотры и маневры въ лѣсахъ, по дальше отъ почтовыхъ и сельскихъ трактовъ. Исправникъ будетъ смѣненъ. Предложеніе молодыхъ помѣщиковъ вашего уѣзда принимается съ благодарностью. На дняхъ будетъ сдѣлано объ этомъ надлежащее распоряженіе. Номинаціи будутъ вамъ доставлены немедленно по полученіи ихъ изъ центральнаго комитета. Донесенія адресовать на мое имя». Написано?

— Написано,—сказалъ панъ Прондкевичъ.

— Возьмите другой бланкъ и пишите:

«Ксендзу-пробощу Д. въ К. Мы съ прискорбіемъ узнали, что общество трезвости въ вашей парафіи совершенно разстроились и мужики, забывъ свой зарокъ, опять наполняютъ кабаки и пропиваютъ тамъ свой достатокъ и энергію, необходимые для освобожденія ойчизны. Приписывая этотъ прискорбный фактъ столько же интригамъ акцизныхъ чиновъ и жидовъ, сколько и вашему слабому дѣйствію, мы, съ дозволенія его эминенціи, *строжайше* (подчеркните это слово!) приказываемъ вамъ, принять энергическія мѣры для прекращенія этихъ безчинствъ, гибельныхъ для нашей святой справы! Разъ навсегда сказано, что вы должны пріучать мужиковъ къ строгому повиновенію костелу и костельнымъ властямъ. Стращайте ихъ отлученіемъ отъ церкви, папскимъ проклятіемъ и т. п. Если мужики выйдутъ изъ повиновенія вамъ, они неминуемо поступятъ въ повиновеніе москалямъ, за что жондъ строго съ васъ взыщетъ.» Готово?

— Готово, ваше сіятельство.

— Теперь на почтовой бумагѣ, безъ исходящаго нумера. Г-ну инженеру путей сообщенія, капитану В. въ Г.:

«По полученіи вами отставки, имѣете немедленно прибыть въ городъ N. Явиться вамъ къ корнету Николаю Крутицкому, Дворянская улица, № 7, во флигелѣ. Hasło: albo teraz, albo nigdy.»

— Готово,—проговорилъ панъ Прондкевичъ.

— Пишите теперь шифрами на бланкѣ:

«Въ центральній комитетъ народнаго жонда. Съ здѣшними банкирами я ничего не могъ сдѣлать: за переводъ денегъ они берутся, но отъ ввоза оружія рѣшительно отказываются, говоря, что это дѣло слишкомъ для нихъ рискованное. Отъ жидовъ другаго отвѣта нельзя было и ожидать. Придется прибѣгнуть къ посредничеству N—скаго посольства. Снеситесь съ Парижемъ и скорѣе, дабы не было остановки. Имя Мѣрославскаго уже очень популярно въ краѣ. Его примутъ съ восторгомъ. Какъ идетъ вербовка офицеровъ?—С. превосходно дурачилъ здѣшнихъ тюфяковъ съ эполетами. Они его на рукахъ носили и принимали на расхватъ. Въ послѣдній проѣздъ онъ не успѣлъ ни разу у меня пообѣдать.» Готово?

— Готово.

— Стало быть, вы уже свободны,—сказалъ графъ, взявшись снова за свою трубку.

Секретарь сложилъ бумаги, отвѣсилъ низкій поклонъ и вышелъ.

II.

По уходѣ Прондкевича, графъ подобралъ изготовленныя бумаги, сѣлъ на диванъ и сталъ ихъ читать. Окончивъ чтеніе, онъ подошелъ къ стѣнѣ, казавшейся совершенно глухою, нажалъ большимъ пальцемъ на извѣстномъ пунктѣ, отчего изъ стѣны выскочили дверцы довольно большаго шкафа о четырехъ полкахъ. На верхней полкѣ, между разными вещами, находилась небольшая шкатулка, обитая черною кожею. Эту-то шкатулку графъ Болеславъ снялъ съ полки и поставилъ на свой письменный столъ. Въ этой шкатулкѣ хранилась печать народнаго жонда со всѣми къ тому

принадлежностями: разныя краски, кожанная подушечка и т. д. Приложивъ печать къ изготовленнымъ бумагамъ, графъ Болеславъ поставилъ шкатулку на свое мѣсто и захлопнулъ дверцы. Онъ опять закурилъ трубку и кликнулъ лакея.

— Панъ Андрей еще не приходилъ?—спросилъ онъ у появившагося въ дверяхъ лакея.

— Онъ сейчасъ здѣсь былъ и прошелъ къ барышнѣ, — сказалъ лакей.

— Попроси его сюда.

— Слушаю, ваше сіятельство.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ кабинетъ вошелъ панъ Андрей, кланяясь графу довольно развязно, но съ оттѣнкомъ подобострастія. Графъ протянулъ ему два пальца своей лѣвой руки.

— Вы за мною изволили посылать?—спросилъ панъ Андрей, сладко улыбаясь.

— Да,—отвѣтилъ графъ почти сердито,—я за тобою послалъ, чтобы дать тебѣ выговоръ.

Панъ Андрей пересталъ улыбаться.

— Чѣмъ я провинился?—спросилъ онъ.

— Да тѣмъ,—отвѣтилъ графъ,—что твои дозорцы—олухи, которымъ мы даромъ платимъ жалованье. Чего они смотрятъ, что они знаютъ?—ничего.

— Я, кажется, каждый день рапортую вашему сіятельству о всемъ, происходящемъ въ городѣ,—проговорилъ панъ Андрей въ свое оправданіе.

— Рапортуешь?!—воскликнулъ графъ, иронически улыбнувшись, — т. е. докладываешь, что въ такомъ-то домѣ играли въ преферансъ, а въ такомъ происходила ссора; тотъ уѣхалъ, а тотъ пріѣхалъ; тотъ заказалъ себѣ чамарку, а тотъ выписалъ себѣ изъ Петербурга англійскую трубу *). Развѣ это намъ нужно знать? Развѣ изъ-за этого мы должны держать цѣлый штатъ шпіоновъ, которые обходятся намъ далеко не дешево?

Панъ Андрей понурилъ голову и краснѣлъ, какъ школьникъ, распекаемый учителемъ за незнаніе урока.

— А за тѣмъ, за чѣмъ *слѣдуетъ* наблюдать, они не наблюдаютъ,—продолжалъ графъ, возвысивъ голосъ.—Ну скажи, ты вѣдь начальникъ

*) Шляпу.

дозорцовъ, знаешь-ли что дѣлается теперь въ городѣ, конечно, по важнѣе кухонныхъ новостей? А что, не знаешь! Ну такъ слушай-же, что до меня дошло помимо твоихъ дозорцовъ.

Графъ сѣлъ на диванъ, вытянулъ ноги, скрестилъ руки и началъ:

— Въ городѣ образовалась шайка бездѣльниковъ, которые задумали, ни больше, ни меньше, какъ москализировать жидовъ! Понимаешь? Мало того, что они не съ нами, они прямо *противъ* насъ, они за одно съ врагомъ. Ты объ этомъ слышалъ?

— Нѣтъ,—тихо проговорилъ панъ Андрей, не смѣя поднять глазъ на своего обвинителя.

— То-то-же,—пробасилъ графъ, торжествуя.—Твои дозорцы большіе хваты на глупости, но дѣла, настоящаго дѣла, не понимаютъ. Поэтому, подъ самымъ нашимъ носомъ, москализаторы открыли субботнія школы, въ которыхъ сотни жидовъ разнаго возраста учатся *по русски*, разослали циркуляры по всѣмъ еврейскимъ обществамъ, чтобы раввины произносили свои проповѣди въ синагогахъ *по русски*, подали прошеніе о разрѣшеніи имъ издавать *русскую* газету и хлопочутъ теперь объ открытіи *русской* читальни. И все это дѣлается здѣсь, въ центрѣ нашей патріотической дѣятельности, гдѣ намъ удалось ополячить не только нѣмцевъ, но даже русскихъ! Всѣ ополячены, а жиды вздумали русѣть, и именно теперь, когда и духа русскаго не должно быть здѣсь! И все это потому, что ваши дозорцы, чортъ знаетъ, за чѣмъ смотрятъ. Тьфу!

Графъ вскочилъ съ дивана и сталъ въ волненіи ходить взадъ и впередъ, бросая на Андрея взгляды, полные гнѣва.

— Знай мы, что здѣсь затѣвается что-то въ этомъ родѣ,—продолжалъ онъ въ томъ-же тонѣ,— мы-бы знали, что дѣлать. Средствъ у насъ развѣ мало? Одно слово—и шайка потеряла-бы всякую охоту дѣлать мерзости.

— А теперь развѣ нельзя?—осмѣлился спросить панъ Андрей.

— Теперь,—отвѣчалъ графъ, — словомъ уже ничего не сдѣлаешь. Теперь нужно дѣйствовать и, притомъ, весьма осторожно. Ты не забудь, что мы имѣемъ дѣло съ жидами. Чуть-что не такъ, они поднимутъ такой гвалтъ, что вся Европа сбѣжится имъ на помощь. Они народъ тертый и съ большими связями. Во Франціи и Англіи они имѣютъ министровъ, членовъ парламента изъ своихъ. Вся европейская пресса въ ихъ рукахъ. Словомъ, они наварятъ намъ такую кашу, что станетъ она намъ поперегъ горла. А потому, намъ нужно съ ними политиковать, понимаешь?

Политиковать съ жидами! И все это потому, что мы такіе олухи, что ничего не умѣемъ дѣлать во-время и какъ слѣдуетъ.

Панъ Андрей еще больше покраснѣлъ, понявъ, что графъ употребилъ слово *олухъ* во множественномъ числѣ съ мѣстоимѣніемъ *мы* только изъ вѣжливости, но что это слово относится, собственно, къ нему одному, Андрею. Онъ крякнулъ и началъ покручивать свои усики, но молчалъ, сознавая, что въ самомъ дѣлѣ виноватъ тѣмъ, что не наблюдалъ, какъ слѣдуетъ, за подвѣдомственными ему дозорцами и не давалъ имъ надлежащихъ инструкцій. Онъ молчалъ еще и потому, чтобы еще больше не раздразнить расходившагося начальника, который могъ лишить его должности, приносившей ему нѣсколько тысячъ рублей въ годъ, не говоря уже о чести принадлежать къ главнымъ дѣятелямъ всемогущаго жонда. Хотя онъ отъ графини Сташицкой, своей *покровительницы*, получалъ все, что ему нужно было, и даже больше, но онъ былъ такой мотъ, что его довольно порядочнаго годоваго дохода было для него мало; и онъ всегда по уши былъ въ долгахъ.

Графъ нѣсколько минутъ помолчалъ, погладилъ свои усы и потомъ скомандовалъ:

— Садись и пиши! Я дамъ тебѣ инструкцію.

Панъ Андрей сѣлъ и вынулъ изъ кармана свою записную книжку и карандашъ.

— Адольфъ Кранцъ,—началъ было графъ.—Впрочемъ,—спохватился онъ,—за нимъ уже наблюдаютъ. Пиши: Аркадій Саринъ, Францисканская улица, № 15. — Морицъ Мозырскій, Варшавская улица № 3—имѣть за этими лицами строжайшій надзоръ, въ особенности же за Сариным.—Знать, что дѣлаютъ, гдѣ они бываютъ и кто у нихъ бываетъ.—У Сарина служитъ лакеемъ отставной солдатъ Ѳома, т. е. Томашъ, католикъ. Дозорцу Францисканской улицы свести съ нимъ знакомство и даже дружбу. Записалъ?

— Записалъ,—отвѣтилъ панъ Андрей.

— Послѣ завтра, въ десять часовъ вечера, доставить Сарина въ малый кабинетъ народнаго жонда.

— Какъ?—спросилъ панъ Андрей, взглянувъ вопросительно на графа,—доставить Сарина?

— Да, доставить Сарина,—спокойно отвѣтилъ графъ.

— А что, если онъ не захочетъ идти?

— Онъ захочетъ, нужно такъ сдѣлать, чтобы захотѣлъ. Я поручаю это дѣло тебѣ, чтобы испытать, способенъ-ли ты исполнять порученія жонда. Во всякомъ случаѣ, ты можешь дать ему честное слово, что ему ничего худого не сдѣлаютъ, что съ нимъ хотятъ только переговорить.

Панъ Андрей, волей-неволей, долженъ былъ согласиться на это трудное, а, можетъ быть, и опасное порученіе.

На третій день, около половины десятаго вечера, къ дому подъ № 15, на Францисканской улицѣ, подъѣхала карета съ опущенными шторами. Когда карета остановилась, кучеръ, оглянувшись кругомъ, какъ будто ища кого нибудь глазами, свиснулъ. На свистъ, словно изъ земли, выросла темная фигура, вся закутанная въ непромокаемый плащъ съ капюшономъ. Она подошла къ каретѣ и отворила дверцы.

— Дома?—послышался голосъ изъ кареты.

— Дома,—отвѣтила фигура.

— Никого у него нѣтъ?

— Никого.

— А человѣкъ?

— Должно быть, спитъ уже, потому что я его ввечеру порядочно накачалъ.

— Хорошо, Стась, веди меня къ нему.

Изъ кареты выскочилъ молодой человѣкъ высокаго роста въ гусаркѣ, отороченной крымскими смушками, и въ кепи изъ чернаго бархата. Это былъ панъ Андрей; но его нельзя было узнать, потому-что онъ былъ гримированъ. Приказавъ кучеру, чтобы онъ отъѣхалъ къ паперти стоявшаго на краю улицы францисканскаго костела, онъ въ сопровожденіи Стася направился къ квартирѣ Сарина, находившейся въ третьемъ этажѣ. Въ корридорѣ Стась зажегъ маленькій складной фонарикъ, который онъ всегда имѣлъ при себѣ.

— Здѣсь,—сказалъ Стась, указывая на дверь, на которой приклеена была визитная карточка: «Аркадій Саринъ»

Сердце у пана Андрея екнуло, потому что онъ, при всей своей молодецкой и даже вызывающей наружности, былъ, въ сущности, большой трусъ, боявшійся и тѣни опасности; а свое нынѣшнее посольство онъ считалъ даже очень опаснымъ. Съ минуту онъ стоялъ у дверей въ раздумьи, не рѣшаясь отворить ихъ.

— Смѣлѣе, вельможный панъ,—ободрялъ его Стась,—онъ человѣкъ тихій и смирный, а въ случаѣ чего, такъ я здѣсь. Свисните, такъ я войду и на рукахъ его понесу.

Панъ Андрей, погладивъ свои искуственные баки и бородку и ощупавъ въ карманѣ своей гусарки пистолетъ (онъ почему-то счелъ нужнымъ взять съ собою пистолетъ), крякнулъ и отворилъ дверь.

Саринъ сидѣлъ въ эту минуту въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ и что-то писалъ, а человѣкъ его храпѣлъ на топчанѣ въ прихожей. Больше въ квартирѣ не было ни одной живой души, за исключеніемъ канарейки въ клѣткѣ, висѣвшей въ смѣжной съ кабинетомъ комнатѣ, служившей гостинной и заломъ. Услыша скрипъ отворившейся двери и шорохъ въ прихожей, Саринъ пересталъ писать и спросилъ:

— Кто тамъ?

— Свой,—отвѣтилъ панъ Андрей, тихонько направляясь въ гостинную, которая не была освѣщена.

Услышавъ незнакомый голосъ, Саринъ взялъ со стола одну изъ свѣчей и вышелъ въ гостинную.

— Bonsoir, citoyen, —привѣтствовалъ его панъ Андрей, добродушно улыбаясь и протягивая Сарину руку,—excusez, que je vous dérange un peu... Mais que faire? Mon devoir... la patrie... et enfin... vous comprenez...

— Mais je ne comprends rien, monsieur,—перебилъ его Саринъ сурово и твердо, бросивъ взглядъ въ прихожую на храпѣвшаго Ѳому, какъ будто призывая его на помощь противъ таинственнаго гостя, начинавшаго внушать ему страхъ.

Панъ Андрей понялъ этотъ взглядъ и поспѣшилъ успокоивать Сарина.

— Oh, soyez tranquille, mon cher monsieur Sarine, je suis venu... Mon intention est... mais je puis vous assurer, monsieur, que vous vous trouvez dans une trés honnête compagnie.

— Je le veux croire, quoique... mais enfin votre nom, monsieur?

— На что вамъ мое имя?—отвѣтилъ панъ Андрей уже по-польски,— мое имя къ дѣлу не относится.

— Очень можетъ быть, но скажите, наконецъ, что́ вамъ отъ меня угодно въ такую необыкновенную пору?

— Мнѣ угодно, чтобы вы потрудились отправиться со мною въ одно мѣсто, гдѣ васъ ожидаютъ.

— Что это за мѣсто?

— Не могу сказать: это секретъ.

Саринъ подумалъ съ минуту, оглянулъ пана Андрея съ головы до ногъ и сказалъ:

— Скажите прямо, вы изъ, такъ называемаго, жонда народоваго?

— Можетъ быть.

— Полина,—подумалъ про себя Саринъ. Онъ пожалъ плечами и опять спросилъ:

— Что-же будетъ, если я не пойду?

— Зачѣмъ вамъ не идти? Вамъ ничего худого не сдѣлаютъ, даю вамъ честное слово дворянина. Съ вами поговорятъ и отпустятъ съ миромъ. Черезъ часъ, много черезъ полтора часа, я васъ доставлю въ сохранности назадъ.

Саринъ опять задумался; потомъ, взявъ пана Андрея за руку, повелъ его въ прихожую и, указавъ на образъ Божіей Матери, висѣвшей въ углу надъ изголовьемъ Ѳоминой постели, проговорилъ:

— Поклянитесь мнѣ этимъ священнымъ для христіанъ изображеніемъ, что будетъ такъ, какъ вы говорите, и я вамъ повѣрю.

Панъ Андрей чуть не ахнулъ отъ удивленія. Онъ быстро преклонилъ одно колѣно, три раза перекрестился и, поднявъ свою правую руку къ образу, произнесъ громко и съ чувствомъ:

Клянусь!

Потомъ онъ всталъ и, предавшись охватившему его чувству, бросился обнимать и цѣловать удивленнаго, почти испуганнаго Сарина.

— Послушайте, г. Саринъ,—началъ онъ растроганнымъ и взволнованнымъ голосомъ, — вы... мое имя Андрей Грушевичъ. Съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, нечего секретничать. Вы не предадите и не измѣните. Вы христіанинъ.

— Я еврей.

— Когда вы можете относиться съ такимъ уваженіемъ къ нашей религіи, то вы христіанинъ, вы нашъ, назовитесь хоть тысячу разъ евреемъ! Въ васъ душа христіанская.

— Человѣческая,—замѣтилъ Саринъ.

— Вы только по ошибкѣ судьбы очутились между евреями, но вы христіанинъ. Soyons amis! Отнынѣ вы—братъ мой!

— Какъ ближній! — вы всегда были моимъ братомъ.

— Такъ не скажетъ ни одинъ еврей.

— Такъ думаютъ и чувствуютъ всѣ образованные евреи.

— Если это такъ, то отчего-же мы такъ глубоко ненавидимъ другъ друга!

Саринъ хотѣлъ было что-то отвѣчать, но въ эту минуту Ѳома сталъ просыпаться и открылъ глаза, а потому разговоръ долженъ былъ прекратиться.

— Ѣдемъ,—сказалъ панъ Андрей, пряча свое загримированное лицо отъ отставнаго солдата, который началъ бросать на него и на своего барина недоумѣвающіе взгляды, такъ какъ не могъ понять, что они дѣлаютъ въ такую пору около его постели. Онъ хотѣлъ было зѣвнуть, но воздержался, ограничившись только моментальнымъ искривленіемъ рта.

— Я только переодѣнусь немного; затѣмъ я къ вашимъ услугамъ,—проговорилъ Саринъ, удаляясь въ свой кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ, они уже спускались съ лѣстницы, предшествуемые Стасемъ, который въ одной рукѣ держалъ фонарь, а другою надвигалъ капишонъ по самый подбородокъ, дабы Саринъ не могъ подмѣтить ни одной черты его лица.

Когда панъ Андрей и Саринъ сѣли въ ожидавшую ихъ у костела карету и дверцы за ними захлопнулись, Стась вскочилъ на козлы, сказалъ кучеру что-то на ухо, и карета помчалась.

III.

Графъ Болеславъ и Юлія Крутицкая сидѣли въ «маломъ кабинетѣ» народнаго жонда, находившемся въ одной изъ отдаленнѣйшихъ комнатъ обширнаго графскаго дворца. Этотъ «малый кабинетъ», называвшійся также президентскою камерою, сообщался посредствомъ потаенныхъ дверей и лѣстницъ съ «большимъ кабинетомъ», находившимся *подъ* нимъ, и тайною типографіею, находившеюся *надъ* нимъ. Кромѣ того, изъ этого же кабинета проведены были внизъ и на-верхъ слуховыя трубы, черезъ которыя графъ, въ случаѣ надобности, отдавалъ мелкія приказанія и получалъ отвѣты. По ночамъ, во время занятій въ кабинетахъ и типографіи, дежурили, въ качествѣ прислуги, дозорцы, пользовавшіеся особеннымъ довѣріемъ жонда. Для пущей важности, они вооружались тогда кинжалами и заряженными пистолетами.

— Все не то, — сказалъ графъ, окончивъ читать лежавшую передъ нимъ бумагу—для перваго нумера нужна статья живая, огнемъ дышащая, а онъ разсуждаетъ, проповѣдь читаетъ. Исписался нашъ любезный поэтъ.

— Не исписался, а затосковался,—замѣтила тихо, какъ-бы про себя, панна Юлія, продолжая чертить что-то на бумагѣ.

Графъ, однакоже, услышалъ это слово.

— Затосковался? По комъ? — спросилъ онъ, поднявъ голову и взглянувъ на сидѣвшую въ углу, за своимъ рабочимъ столикомъ, панну Юлію.

— По водкѣ—отвѣтила послѣдняя нѣсколько громче, но все таки не отрывая глазъ отъ работы, которая, какъ видно, очень занимала ее.—Его держатъ теперь на строгой діэтѣ, ему не даютъ даже понюхать водки, доктора строго запретили, поэтому онъ такъ вялъ и скученъ. Но дайте ему хорошій стаканъ пуншу, такъ онъ накатаетъ вамъ такую статью или поэму, что волосы встанутъ дыбомъ.

— Чтожъ, я прикажу, чтобъ ему дали.

— Но это его убьетъ.

— Ему вѣдь и такъ недолго жить. Не все-ли равно ему умереть мѣсяцемъ раньше или позже?

Панна Юлія затряслась отъ этихъ словъ. Она строго взглянула на своего дядю и сказала:

— За одинъ лишній мѣсяцъ его жизни я готова отдать годъ и даже два моей собственной. Я смотрю на него, какъ на послѣднюю искорьку нашей славной, но угасающей поэзіи. Въ каждомъ новомъ его стихотвореніи слышится мнѣ лебединая пѣснь нашего народнаго генія. Не знаю почему, но я предчувствую, что вмѣстѣ съ нимъ мы похоронимъ нашу поэзію, нашу литературу.

— Юлія!—крикнулъ строго графъ, вскочивъ съ своего мѣста,—не люблю я этихъ предчувствій и предсказаній! Ты хочешь разъигрывать роль Кассандры?

— О, совсѣмъ не того я хочу, дядюшка, — проговорила Юлія, горько улыбнувшись,—я хотѣла только сказать то, что я чувствую. А чувствую я,—сердитесь или не сердитесь,—что съ Тадеушемъ Шарач-

кевичемъ умретъ все, что въ насъ есть лучшаго, т. е. духъ нашъ, поэзія наша.

— Ты мечтательница, а потому принимаешь болѣзненное предчувствіе за что нибудь существенное.

— Нѣтъ, дядюшка, — отвѣтила Юлія со вздохомъ, — я не мечтательница, я только женщина, а женщина чувствуетъ глубже и видитъ яснѣе, хоть вы, мужчины, и не признаете этого. Я васъ только спрошу, отчего лира нашего народнаго вѣщуна съ нѣкотораго времени стала издавать такіе заунывные, сердце раздирающіе звуки? Отчего онъ, желая, повидимому, смѣяться, плачетъ горючими, кровавыми слезами?

— Отчего?—переспросилъ графъ,—оттого, что ему невесело. И какъ быть ему веселымъ? любимая женщина измѣнила ему, жена якшается съ молодежью, критика хлещетъ въ два бича, издатели скупо платятъ, кредиторы покою не даютъ, а тутъ еще болѣзнь, запрещеніе пить и— и мало-ли еще другихъ домашнихъ дрязгъ, отравляющихъ ему жизнь. Какъ же ему не плакать?

— Нѣтъ, дядюшка,— возразила Юлія,— я съ вами не согласна. Не исчисленными вами житейскими дрязгами объясняется невыразимая тоска нашего народнаго поэта. Поэтъ — натура высшая; если бы онъ вдохновлялся только своимъ личнымъ горемъ и радостью, онъ не былъ бы поэтомъ, онъ не могъ бы на насъ дѣйствовать. Мы оставались бы равнодушными къ его пѣсни, потому что намъ нѣтъ никакого дѣла до его домашнихъ обстоятельствъ. Его тоска имѣетъ болѣе возвышенный, болѣе чистый источникъ. Сердце его болитъ за насъ всѣхъ, потому-что зоркій глазъ его проникаетъ черезъ завѣсу будущаго и духъ его ясно видитъ то, что для насъ, простыхъ смертныхъ, еще сокрыто. Древніе пророки были тоже поэтами; они предвидѣли и предсказывали паденіе Израиля, народъ осмѣивалъ ихъ, какъ мечтателей, но ихъ пророчества тѣмъ не менѣе сбылись... Но оставимъ этотъ разговоръ, — прибавила она, вставъ съ своего мѣста и подошедъ къ графу съ своею работою. — Какъ вамъ нравится эта виньетка?

Рисунокъ изображалъ повстанца въ полномъ вооруженіи и съ знаменемъ въ рукахъ; надъ повстанцемъ парилъ въ облакахъ польскій орелъ съ короною на головѣ и съ перунами въ когтяхъ.

— Хорошо,— похвалилъ графъ, разсмотрѣвъ рисунокъ,—это будетъ очень подходящею виньеткою для нашей газеты Chorągiew swobody. Когда этотъ рисунокъ будетъ утвержденъ комитетомъ, то я прикажу вырѣзать его на деревѣ. Хорошо, Юлинька,—прибавилъ онъ, поцѣловавъ ее въ лобъ, — ты истинный художникъ. Но что мы поставимъ въ заголовкѣ крестьянской газеты Batkouszyzna?

— Я и для Batkouszyzny что нибудь придумаю и нарисую, — отвѣтила Юлія.

Часы пробили десять и, вслѣдъ за тѣмъ, въ кабинетъ вошелъ Андрей Грушевичъ.

— Привезъ?—спросилъ его графъ.

— Привезъ, ваше сіятельство,—отвѣтилъ панъ Андрей.

— Молодецъ!—похвалилъ его графъ,—пропусти его сюда черезъ двѣ минуты.

Графъ и Юлія надѣли полумаски и растрепали свои волосы.

Черезъ двѣ минуты предъ ними предсталъ Саринъ, блѣдный, взволнованный, испуганный! Онъ еще больше испугался, когда увидѣлъ передъ собою замаскированныя лица. Онъ невольно оглянулся назадъ, какъ-бы прося помощи и защиты у своего новаго друга, Андрея Грушевича; но этого друга въ кабинетѣ не было.

— Не пугайтесь, г. Саринъ,—проговорилъ графъ, замѣтивъ волненіе молодаго человѣка,—не забывайте, что вы гость подъ кровлей славянина, стало быть вы, можете быть спокойны.

Эти слова успокоительно подѣйствовали на Сарина.

— Садитесь, Саринъ, — сказалъ графъ, указавъ на близь стоящее кресло.—Я хочу потолковать съ вами. Надѣюсь, что мы съ вами не будемъ ссориться, потому-что, откровенно вамъ скажу, ваша физіономія мнѣ очень нравится. Я васъ не знаю, но я чувствую, что вы человѣкъ умный, прямой и честный.

Саринъ покраснѣлъ и поклонился.

— Не угодно-ли вамъ покурить?—сказалъ графъ, подавая ему сигару.

Саринъ взялъ и поклонился.

— Вотъ еще одинъ поводъ любить васъ, —проговорилъ графъ, рѣшившійся окончательно отуманить молодаго человѣка своею любезностью. У васъ настоящій польскій акцентъ, съ чѣмъ я васъ отъ души поздравляю.

И онъ крѣпко пожалъ руку Сарина. Панна Юлія встала, зажгла спичку и поднесла ее Сарину, при чемъ глаза ихъ, блестящіе, проницательные, встрѣтились. Молодые люди невольно задрожали и потупили глаза.

— Знаете ли, г. Саринъ, зачѣмъ мы васъ побезпокоили?— началъ графъ, закуривъ сигару.

— Надѣюсь теперь узнать, отвѣтилъ—Саринъ.

— А вотъ зачѣмъ, — продолжалъ графъ. — До нашего свѣдѣнія дошло, что вы, т. е. не вы одни, а нѣкоторые изъ вашей молодежи, рѣшились систематически мѣшать намъ, вредить нашему дѣлу.

— Чѣмъ мы это вредимъ вашему дѣлу?

— Тѣмъ, что вы москализируете вашихъ единовѣрцевъ, которые должны быть поляками.

— Должны быть! Но не угодно-ли вамъ объяснить мнѣ, отчего они уже не сдѣлались поляками? Мы столько вѣковъ живемъ между вами и подъ вашею опекою, а вы теперь только рѣшили, что мы должны быть поляками! А мы вотъ какъ рѣшили: такъ-какъ мы до сихъ поръ не сдѣлались поляками, стало быть, мы ими не можемъ быть, а потому мы должны быть русскими.

— Но это неблагородно!—воскликнулъ графъ, зашевелившись на своемъ креслѣ,—мы разъ навсегда васъ пріютили въ то время, когда васъ отовсюду гнали.

— За пріютъ мы вамъ отплатили тѣмъ, что создали у васъ торговлю, промышленность, третье сословіе, безъ которыхъ Польша не могла бы просуществовать даже столько, сколько она просуществовала. Стало быть, мы въ этомъ отношеніи квиты. Услуга за услугу. А что мы не сдѣлались поляками, то ужь пеняйте на себя. Поляки всегда имѣли неблагоразуміе смотрѣть на насъ, какъ на толпу цыганъ, но мы не толпа цыганъ, мы—народъ цивилизованный въ своемъ родѣ и способны ко всякой культурѣ. Если-бы вы захотѣли только, то вы, меньше, чѣмъ въ полвѣка, могли-бы превратить насъ въ истыхъ поляковъ, которые съ самоотверженіемъ пошли-бы теперь сражаться за отчизну.

— Мы развѣ не хотимъ этого? —спросилъ графъ,—мы же васъ просимъ, умоляемъ.

—Теперь уже поздно, отвѣтилъ Саринъ.—Было время, когда мы и безъ вашего приглашенія предлагали вамъ наше достояніе, нашу жизнь для спасенія отчизны. Это было тридцать лѣтъ тому назадъ. Что-же вы намъ тогда отвѣчали? Вы, ваши предводители, даже ваши люди науки, Лелевель, напримѣръ, съ презрѣніемъ отвергли патріотическіе порывы варшавскихъ евреевъ, говоря, что они не хотятъ, чтобы

Польша обязана была своимъ спасеніемъ, между прочимъ, и помощи жидовъ.

— Я это слышу въ первый разъ,—замѣтилъ графъ, пожавъ плечами и переглянувшись съ Юліей.

— Стало быть, вамъ не совсѣмъ знакома исторія польскаго возстанія тридцать-перваго года, а намъ она знакома во всѣхъ ея подробностяхъ. Я могу назвать вамъ имена польскихъ патріотовъ изъ евреевъ, тогда юношей, а теперь стариковъ, живущихъ за-границей въ изгнаніи и мечтающихъ о возрожденіи своей неблагодарной отчизны, предпочитая скитальчество амнистіи русскаго правительства, потому что идея, которой они разъ предались, для нихъ дороже всего, потому что народъ нашъ одинъ только и способенъ жить, страдать и умереть за идею.

Графъ и Юлія слушали его съ возрастающимъ любопытствомъ. Саринъ продолжалъ:

— Если-бы вы дѣйствовали благоразумнѣе, вы имѣли бы теперь не дюжину патріотовъ, а цѣлыхъ два мильона, и дѣло Польши, можетъ быть, имѣло бы совсѣмъ иные шансы.

— Оно и теперь будетъ выиграно,—замѣтилъ графъ.

— Нѣтъ, милостивый государь,—возразилъ Саринъ,—оно проиграно, навѣрно проиграно, и это потому, что для успѣха вашего дѣла, кромѣ патріотизма, нуженъ умъ и тактъ, а вы, между тѣмъ, и теперь дѣлаете ошибки за ошибками, несообразность за несообразностью, и дѣло ваше уже непоправимо.

— Будто-бы,—замѣтилъ графъ, иронически улыбнувшись и переглянувшись съ Юліей, которая тихонько вздохнула.

— Это ясно, какъ день, въ особенности для насъ, стоящихъ издали и наблюдающихъ безстрастно за ходомъ дѣла. Со временемъ это будетъ ясно и для васъ. Изъ всѣхъ польскихъ дѣятелей, которыхъ мы знаемъ, одинъ только понимаетъ дѣло, какъ слѣдуетъ, и ведетъ его съ замѣчательнымъ искусствомъ и довелъ бы его до цѣли, если бы ему не мѣшали.

— Кто этотъ замѣчательный дѣятель?—спросилъ графъ.

— Маркизъ Велепольскій.

— Этотъ измѣнникъ? Этотъ московской шпіонъ и лакей?—воскликнулъ графъ, расхохотавшись.

— Онъ не измѣнникъ и не шпіонъ, а великій патріотъ и одинъ изъ умнѣйшихъ государственныхъ людей, которыхъ вы когда либо имѣли.

Не военные таланты Костюшки, но государственный умъ Велепольскаг воскресилъ бы Польшу. Онъ для современной Польши могъ бы быть тѣмъ, чѣмъ графъ Кавуръ былъ для Италіи. Но вы его не понимаете, и за это непониманіе вы дорого поплатитесь.

— Nonsens!—замѣтилъ графъ, махнувъ рукой. Саринъ однавожъ продолжалъ:

— Партія польскихъ красныхъ—одна изъ опаснѣйшихъ политическихъ партій въ этой странѣ. Злѣйшій врагъ не нанесетъ столько вреда странѣ, сколько эта партія своимъ изступленнымъ патріотизмомъ, потому что она обыкновенно составляется изъ чрезъ чуръ горячихъ головъ.

— Что?!—воскликнулъ графъ, какъ бы внезапно ужаленный змѣей, покраснѣвъ подъ маской и заскрежетавъ зубами,—вы смѣете читать намъ нотацію? Мы не нуждаемся въ вашей апробаціи. Мы не для этого пригласили васъ, понимаете?

Саринъ не растерялся отъ этой графской вспышки. Онъ только всталъ, бросилъ недокуренную сигару въ уголъ и, нахмуривъ брови, произнесъ:

— Милостивый государь! Мнѣ все равно, для чего бы вы меня ни приглашали; я всегда буду говорить правду, потому что я, какъ вы сами прочли на моемъ лицѣ, человѣкъ честный и прямой. Если вамъ не угодно слушать, то отпустите меня. Прикажите проводить меня, или... я не подъ кровлей славянина.

IV.

Эти слова, въ особенности же спокойствіе, съ которымъ они были произнесены, обезоружили графа. Онъ устыдился своей неумѣстной вспышки, увидѣвъ, что имѣетъ дѣло съ чудакомъ, искренность и честность котораго внушали ему уваженіе. Онъ теперь только сообразилъ, что такіе оригиналы, какъ Саринъ, не имѣютъ ни малѣйшаго намѣренія сказать кому либо грубость или дерзость, а предаются беззаботно теченію своихъ мыслей, развитію взлелѣянныхъ ими въ кабинетѣ идей, теорій. Съ какой-же стати онъ принялъ отзывъ Сарина о партіи красныхъ на свой счетъ и разсердился? Развѣ Саринъ зналъ, что говоритъ съ однимъ изъ предводителей этой партіи?... Сознавая, что онъ сдѣлалъ большую глупость, графъ поспѣшилъ исправить ее.

— Вашу руку, г. Саринъ,—проговорилъ онъ, вставъ и протянувъ молодому человѣку руку.—Извините, что я такъ некстати прервалъ васъ. Продолжайте, мы васъ слушаемъ съ удовольствіемъ.

Саринъ сѣлъ и опять началъ:

— Впрочемъ, васъ нельзя даже обвинять, что вы поступаете такъ, а не иначе. Народъ слѣпо дѣлаетъ то, что ему предопредѣлено тою еще неизвѣданною силою, которая можетъ быть названа исторической судьбою. Эта-то неумолимая судьба и заставляетъ васъ дѣлать такія политическія ошибки, которыя тѣмъ скорѣе приближаютъ васъ къ развязкѣ, къ сожалѣнію, весьма печальной

— Что?—воскликнулъ графъ, поблѣднѣвъ подъ маскою.—Нѣтъ, милостивый государь, мы живемъ, и будемъ жить! Jeszce Polska nie zginęła!

— Это *вы* такъ думаете,—возразилъ Саринъ,—а *мы* думаемъ иначе. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что мы, по чувству самосохраненія, не хотимъ имѣть съ вами ничего общаго. Польша свою миссію исполнила: она познакомила человѣчество съ представительнымъ образомъ правленія; стало быть, она просуществовала не даромъ, потому что внесла въ общую сокровищницу и свою лепту, за которую имя ея будетъ благословляемо въ дальнѣйшемъ потомствѣ. Но, сыгравъ свою роль, хорошо-ли, худо-ли, она, по общему закону, должна была отойдти въ вѣчность—и отошла или отходитъ, и намъ остается только желать, чтобы ея агонія не продолжалась слишкомъ долго, потому что очень грустно присутствовать при агоніи какого нибудь человѣка, а тѣмъ болѣе еще цѣлаго народа. Мы отъ всего сердца сочувствуемъ вашему горю, вашимъ предсмертнымъ мукамъ, но лечь съ вами въ могилу мы не должны, потому что вы не дали намъ на то права. Вы водили съ нами только знакомство, не не дружбу, вы не позволяли намъ быть братьями, а потому, въ послѣдній часъ вашей ойчизны, мы, какъ чуждые другъ другу, должны разойтись въ разныя стороны.

Изъ груди панны Юліи, слѣдившій за словами молодаго человѣка съ напряженнымъ вниманіемъ, вырвался долго подавленный вздохъ, почти крикъ.

Саринъ продолжалъ:

— Вредить вамъ было-бы съ нашей стороны неслыханною низостью. Мы на такую низость не способны. Головою ручаюсь вамъ за всю нашу

образованную молодежь, что она не повредитъ вамъ ни малѣйшимъ дѣломъ. Чтобы ни происходило передъ нашими глазами, — а передъ нашими глазами происходитъ очень многое и, замѣть те, намъ совсѣмъ не трудно узнать всю *суть* происходящаго,—мы будемъ молчать, какъ могила, потому что, поймите, мы *желаемъ*, собираемся быть русскими, но мы еще не русскіе, а тѣмъ меньше еще русскіе патріоты. Но фактической помощи вы отъ насъ не ждите, потому что вы не заслужили. Въ предстоящей борьбѣ, мы, т. е. молодежь или интеллигенція наша, будетъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ; за толпу же, за чернь, мы не ручаемся: она будетъ служить и вамъ, и русскимъ, смотря потому, откуда ей почудится матеріяльная выгода. Сегодня она будетъ служить вамъ, а завтра врагамъ вашимъ. Ужъ такова послѣдовательность всякой черни... Я кончилъ.

— Вы кончили?—спросилъ графъ, погладивъ свои усы.

— Да.

— Теперь я начну. Мы вамъ очень благодарны, что вы такъ откровенно изложили намъ ваше мнѣніе или, справедливѣе, вашу теорію; еще болѣе мы вамъ благодарны, что вы такъ хорошо усвоили себѣ языкъ нашъ. Кто такъ хорошо владѣетъ польскимъ языкомъ, тотъ только по недоразумѣнію не можетъ быть полякомъ. А вы положительно ошибаетесь, потому-что вамъ недостаетъ многихъ свѣдѣній.

— Можетъ быть,—замѣтилъ Саринъ.

— Вы Польшу уже похоронили и отпѣли, а между тѣмъ она никогда не жила такою полною жизнью, какъ теперь. Вы не знаете, какими громадными средствами, матерьяльными и нравственными, мы теперь владѣемъ. Вы не знаете, до какихъ исполинскихъ размѣровъ выросъ патріотизмъ нашъ. Все дышетъ теперь ойчизною, отъ сѣдаго старика и до груднаго младенца. Съ тридцать перваго года мы то и дѣлали, что приготовляли себя къ освобожденію ойчизны. Но мы были-бы глупы, если-бы мы теперь затѣивали борьбу съ Россіею, расчитывая на однѣ наши собственны силы. Мы имѣемъ союзниковъ. За насъ, во первыхъ, Франція. Вы знаете, что говорилъ принцъ Наполеонъ въ засѣданіи Сената?

— Знаю,—отвѣтилъ Саринъ,—онъ довольно хорошій ораторъ.

— Но, г. Саринъ, дѣло не въ его искусствѣ говорить, а въ томъ, что его устами говорила вся Франція.

— Позволяю себѣ сомнѣваться въ этомъ.

— Но мы въ этомъ не сомнѣваемся. За насъ, во вторыхъ, Англія, Италія, Испанія, словомъ, бóльшая половина Европы. Противъ Россіи составляется теперь коалиція, какъ въ 1854-мъ году... Не смотря, однакоже, на все это, мы хотимъ, чтобы и евреи были на нашей сторонѣ. Почему? это *мы* знаемъ, хотя откровенно говоря, мы въ ихъ помощи нисколько не нуждаемся. Евреи въ крулевствѣ уже присоединились къ нашему знамени; евреи здѣшняго края тоже стали склоняться на нашу сторону, но вы пришли и стали тянуть ихъ на сторону Россіи. Вотъ почему я счелъ нужнымъ предупредить васъ, чтобы вы бросили эту неблагодарную затѣю. Вы дѣлаете большую ошибку; вы ставите на карту судьбу всего вашего племени, и вѣрно проиграете.

— Это еще не извѣстно,—замѣтилъ Саринъ.

— Не извѣстно вамъ, потому что вы приступили къ дѣлу съ предвзятою теоріею. Вы слишкомъ много разсчитываете на Россію, на русскихъ, но вы не знаете ни Россіи, ни русскихъ. Отъ Россіи вамъ нечего ожидать. Сообразите хоть слѣдующее обстоятельство. Вы уже почти сто лѣтъ состоите въ русскомъ подданствѣ, платите подати, несете всѣ повинности, не бунтуете, а васъ въ Россію не пускаютъ, заставляютъ задыхаться здѣсь, на тѣсномъ пространствѣ. За кого же вы ратуете? Это очевидное недоразумѣніе.

— Мы знаемъ, что дѣлаемъ,—отозвался Саринъ.

— А я говорю, что не знаете. Вы губите народъ вашъ. Россія и спасибо вамъ не скажетъ за труды ваши на ея пользу. Мы, правда, не уважали васъ, но Россія положительно васъ презираетъ. Вамъ, можетъ быть, неизвѣстно, но мнѣ очень хорошо извѣстно, чтó о васъ думаютъ въ Россіи, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Васъ вводитъ въ заблужденіе русская пресса, такъ называемые, русскіе либералы. Но вы знаете, что такое русскій либералъ? Это африканскій негръ, вымазавшійся мѣломъ. Grattez le Russe,—сказалъ Наполеонъ,—et vous trouverez un tartare pur sang. И это не острота, а правда. Мы сознаемъ, что мы нѣсколько виноваты передъ вами; но дайте намъ покончить съ москалями, такъ мы исправимъ нашу ошибку. Вы до сихъ поръ были нашими знакомыми, теперь вы будете нашими братьями. Ищите вашего счастія въ Польшѣ.

— Мы рѣшились искать его въ Россіи.

— Вы его тамъ не найдете.

— А мы надѣемся, что найдемъ.

— И это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее.

— Стало быть, бесѣда наша кончена, — сказалъ графъ, вставъ съ своего мѣста.—Ученаго учить только время тратить, — прибавилъ онъ съ досадою. — Ваша предвзятая теорія погубитъ васъ и вашихъ единовѣрцевъ. Вы не хорошо кончите, молодой человѣкъ.

— Мы всѣ подъ Богомъ ходимъ, — проговорилъ Саринъ, взявъ свои перчатки.

— Прощайте, г. Саринъ, или, справедливѣе, до свиданія, — сказалъ графъ, дернувъ три разаза сонетку—Сердце мнѣ говоритъ, что вы къ намъ еще возвратитесь съ повинною. Мы вамъ, впрочемъ, всегда будемъ рады. Помните это.

— Буду помнить, — сказалъ Саринъ, поклонившись графу и паннѣ Юліи. Онъ направился къ двери, гдѣ уже стоялъ панъ Андрей Грушевичъ.

— Ахъ да, г. Саринъ,—припомнилъ графъ,—вашъ нынѣшній визитъ—секретъ, который долженъ остаться между нами.

— Само собою разумѣется,—отвѣтилъ Саринъ, обернувшись къ говорившему,—сказано, что мы будемъ безмолвны, какъ могила. Мы умѣемъ уважать чужія мнѣнія и чужія тайны.

Онъ еще разъ поклонился и вышелъ въ сопровожденіи пана Андрея.

По уходѣ Сарина, графъ и его племянница сбросили съ себя маски. Они нѣсколько минутъ молча сидѣли другъ противъ друга, погруженные въ свои думы. Графъ былъ сердитъ; это видно было по его раскраснѣвшемуся лицу и опущеннымъ долу глазамъ. Панна Юлія была блѣдна и разсѣянна; по временамъ она испускала тихіе, но глубокіе вздохи. Графъ закурилъ трубку и сталъ большими шагами ходить взадъ и впередъ по кабинету. Каблуки его громко стучали по паркету; это означало, что онъ очень взволнованъ.

— Какъ тебѣ нравится эта жидовская фанаберія?—началъ графъ, вдругъ остановившись передъ своею задумавшеюся племянницею.

Послѣдняя вздрогнула и покраснѣла.

— Какая гордость! какая самоувѣренность!—продолжалъ графъ, незамѣтивъ перемѣны въ лицѣ своей племянницы.—И жиды стали заниматься политикой! Откуда эта прыть? уму непостижимо! Ну, кто бы этого ожидалъ, что я, графъ Болеславъ Тенчинскій, naczelnik miasta, долженъ буду трактовать съ жидомъ, какъ-бы съ дипломатомъ какой нибудь державы! Одно изъ двухъ: или мы окончательно изъ-ума выжили, или жиды далеко ушли впередъ, чего мы никакъ не ожидали. Бывало, полякъ топнетъ ногой, такъ весь жидовскій кагалъ дрожитъ. А теперь какой нибудь жидовскій молокососъ говоритъ мнѣ дерзости, а я молчу, точно со мною говоритъ посланникъ какой нибудь великой державы. Это чортъ знаетъ что такое!

И онъ, еще болѣе тяжелыми шагами, сталъ ходить взадъ и впередъ, такъ что стѣны почти дрожали. Во время одного поворота, онъ носкомъ сапога задѣлъ угловой столикъ, отчего стоявшая на немъ гипсовая фигура Костюшки слетѣла на полъ, и у нея отломилась рука и два кончика конфедератки.

Панна Юлія вскрикнула отъ испуга и подскочила къ упавшей фигурѣ.

— Но я ихъ проучу!—почти кричалъ графъ на ходу, не обращая вниманія на упавшую фигуру.—Положу конецъ ихъ москализаторскимъ затѣямъ! Ихъ школы закрою, журнала имъ не разрѣшу, читальни не допущу, и говорить проповѣди по-русски запрещу. Или графъ Болеславъ Тенчинскій уже потерялъ всякое вліяніе на мѣстную администрацію?!..

Онъ подошелъ къ слуховой трубѣ и что-то крикнулъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, четыре четыре—угольника паркета по самой срединѣ кабинета поднялись, въ видѣ потаенной двери, и изъ отверстія высунулась сперва лысина, а потомъ угреватый носъ пана Прондкевича.

— Завтра къ 12 часамъ,—гласилъ приказъ графа,—пригласить ко мнѣ правителя училищной канцеляріи, правителя канцеляріи градоначальника, секретаря цензурнаго вѣдомства и секретаря православной духовной консисторіи, слышите?

— Слушаю, ваше сіятельство.—проговорилъ графскій секретарь, и изчезъ съ своею лысиною въ отверстіе, захлопнувъ за собою дверь.

Отдавъ этотъ приказъ, графъ нѣсколько успокоился. Черезъ нѣсколько минутъ его душевное волненіе совсѣмъ улеглось. Онъ выпилъ стаканъ воды, сѣлъ на софу, притянувъ къ себѣ свою племянницу.

— А ты, моя умница, что думаешь обо всемъ этомъ?—спросилъ онъ, сладко улыбаясь и лаская ея великолѣпные, густые и длинные волосы.

— Я вамъ, дядюшка, въ другое время скажу, что я объ этомъ думаю,—отвѣтила она, глядя въ уголъ, чтобы не встрѣтиться съ проницательными глазами графа.—У меня теперь голова болитъ. Пойду спать.

— Ну ,съ Богомъ,—сказалъ графъ, перекрестивъ ее и поцѣловавъ въ лобъ.

— Этотъ молодой человѣкъ,—думала панна Юлія, пробираясь къ своему будуару черезъ цѣлый лабиринтъ великолѣпно меблированныхъ, но нежилыхъ комнатъ, въ сопровожденіи дежурнаго дозорца, несшаго передъ нею фонарь,—этотъ молодой человѣкъ почему-то живо заинтересовалъ меня. На его лицѣ столько ума и благородства!... Наши юноши куклы, автоматы въ сравнеіи съ нимъ... Онъ умнѣе даже дядюшки. Дядюшка спасовалъ передъ нимъ... Какъ онъ былъ хорошъ, когда дядюшка вспылилъ!... Онъ однимъ взглядомъ и нѣсколькими словами осадилъ дядюшку и заставилъ его просить прощенія... И какіе чудные у него глаза!... Неужели я уже больше не увижу его? Нѣтъ, не можетъ быть. Онъ намъ необходимъ. Онъ долженъ быть за насъ. Онъ долженъ быть нашимъ... моимъ. Или я не Юлія Крутицкая?!..

Она покраснѣла подъ вуалемъ и ускорила свои шаги, какъ-бы спасаясь отъ страшной мысли, что она, Юлія Крутицкая, племянница графа Тенчинскаго, можетъ быть, влюбилась въ *жида*!!.. Но неужели это любовь?—спрашивала она.—Нѣтъ,—утѣшала она себя,—это не любовь. Я заинтересовалась только его мыслями, его оригинальными взглядами. Ты правъ, поэтъ:

... Mają rozum żydzi,
Zdaje się że prostak, a jak rzeczy widzi!... *)

V.

Джонъ Берковичъ уже нѣсколько мѣсяцевъ боролся съ нуждою. Лишившись всѣхъ своихъ уроковъ, т. е. единственнаго источника своего существованія, онъ нѣкоторое время жилъ въ проголодь сбереженіями отъ прежнихъ временъ; потомъ, когда эти сбереженія истощились, а истощились они очень скоро, онъ сталъ сбывать букинистамъ, разумѣется, за безцѣнокъ, свои книги, за которыя когда то заплатилъ очень хорошія деньги. Наконецъ, когда всѣ книги уже были проданы, онъ сталъ сбывать ветошникамъ свое лишнее платье, оставивъ себѣ только то, которое было на немъ. Не смотря на эти отчаянные рессурсы, онъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1862 года очутился лицомъ къ лицу

*) Евреи умны. Кажись простякъ, а какъ смотритъ на вещи!...

съ голодомъ, потому—что значительная часть этихъ рессурсовъ уходила на содержаніе матери и сестры, которыя очень мало заработывали своими бѣлошвейными работами. Онъ сталъ обѣдать разъ въ три дня, топить печку разъ въ недѣлю, но въ перспективѣ предстояла невозможность и этой роскоши.

«Что дѣлать?»—спрашивалъ онъ самъ себя, ходя по цѣлымъ часамъ по своей маленькой квартиркѣ или лежа на своей жесткой постели и подергивая свою рыжую бородку. «Что дѣлать?»—Правда, его бывшій товарищъ, Жюль Перецъ, жившій теперь при графинѣ Сташицкой въ довольствѣ и получавшій, кромѣ того, хорошее жалованье, съ удовольствіемъ предлагалъ ему дѣлиться своими доходами, со слезами на глазахъ умолялъ его не отказываться отъ товарищеской помощи; но противъ *милостыни*, какъ онъ называлъ эту помощь, возмущалась вся его *британская* гордость, и разъ, когда Жюль Перецъ вздумалъ насильно навязать ему какую то *ссуду*, онъ его хорошенько обругалъ, угрожая, что окончательно съ нимъ поссорится.

«Служить? Пойдти въ прикащики, въ бухгалтеры?» Онъ это сдѣлалъ бы съ удовольствіемъ. Почеркъ онъ имѣлъ хорошій, счетоводство тоже зналъ не дурно. Но вопросъ: гдѣ достать службу? Во всемъ городѣ N., кишѣвшемъ тысячими лавокъ, не было торговли, а процвѣтало торгашество, не нуждавшееся въ прикащикахъ и бухгалтерахъ, должность которыхъ исправляли женщины, дѣвы, дѣвушки и дѣвочки, довольствовавшіяся копѣечнымъ жалованьемъ. Въ десяткѣ же магазиновъ, позволявшихъ себѣ роскошь держать дешевыхъ прикащиковъ и бухгалтеровъ, всѣ мѣста были заняты дешевыми нѣмцами изъ за границы, т. е. изъ Эйдкунена, имѣвшими съ настоящими нѣмцами только то общее, что тоже не знали мѣстныхъ нарѣчій.

«Взяться за ремесло? Это было бы,—разсуждалъ Берковичъ,—лучше всего. Но, спрашивается, за какое ремесло взяться? За сапожное, портняжное, плотничье? Но ему это уже не позволили лѣта: ему уже было за тридцать лѣтъ. Такого ученика никто не принялъ бы въ ученіе. За переплетное? Но N—скіе переплетчики сами умирали съ голоду и уже давно перестали принимать учениковъ.

Одно время однакоже Берковичу казалось, что ему возможно будетъ сдѣлаться ремесленникомъ, а именно кузнецомъ. На эту мысль навела его кузница, находившаяся на предмѣстьѣ, по близости отъ его квар-

тиры, до которой очень часто, въ особенности по ночамъ, когда дневной шумъ утихалъ, доносился ритмическій стукъ работавшихъ молотовъ. За эту мысль онъ ухватился, какъ за якорь спасенія. «Это мастерство,—разсуждалъ онъ,—для меня еще достижимо. Мускулы у меня здоровые, дѣйствовать молотомъ съумѣю. Мастерство не головоломное. Рѣшено! я буду кузнецомъ». И въ этой рѣшимости онъ въ одно апрѣльское утро отправился въ кузницу и коротко и ясно объявилъ о своемъ намѣреніи. Кузнецъ и его мастеровые сперва взглянули на него, какъ на рехнувшагося, ибо не могли понять, какъ можетъ прилично одѣтый человѣкъ, по всѣмъ признакамъ бѣлоручка, желать сдѣлаться кузнецомъ. Ясно, что въ головѣ его что-то не ладно. А что этотъ прилично одѣтый господинъ умираетъ съ голоду—имъ и на мысль не приходило. Потомъ его заподозрили въ шпіонствѣ. Дѣло въ томъ, что кузнецъ былъ полякъ и въ послѣднее время сталъ изъ извѣстнаго мѣста получать заказы не совсѣмъ обыкновеннаго свойства, требовавшіе глубочайшей тайны. Ясно, что этотъ человѣкъ подосланъ полиціею, этотъ человѣкъ—шпіонъ. Ему подъ благовиднымъ предлогомъ, но на отрѣзъ отказали. Онъ просилъ, умолялъ, — «дайте работу, хочу работать», не помогло; его попросили выдти и не мѣшать.

На этотъ отказъ онъ почему-то взглянулъ, какъ на свой смертный приговоръ, не сообразивъ, что если не этотъ, такъ другой кузнецъ, можетъ быть, согласится на его предложеніе. Въ головѣ его стало мутиться. Онъ добрелъ до своей квартиры машинально, инстинктивно. При входѣ въ ворота, вѣтеръ сорвалъ съ его головы шапку, но онъ этого и не замѣтилъ.

Мы застаемъ его въ эту минуту отчаянія. Лицо его блѣдно, разстроено. Три дня онъ уже не обѣдалъ, а со вчерашняго дня, онъ и куска не имѣлъ во рту. Его знобитъ. Съ опущенною головою и скрещенными на груди руками стоитъ онъ у дверей, а ему кажется, что онъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ за минуту о чемъ-то думалъ, и даже о чемъ-то очень важномъ, но вдругъ какъ-то потерялъ нить своихъ размышленій. Ему очень досадно, точно онъ потерялъ что нибудь. Куда *оно* запропастилось? Какъ-бы мнѣ найти его?

— Ахъ да,—припомнилъ онъ, обрадовавшись,—Вотъ оно! Смерть? Да, смерть. Она единственное для меня спасеніе. Она сразу поправитъ мои обстоятельства... Обстоятельства? Какія обстоятельства? Смерть это значитъ небытіе, прекращеніе всѣхъ обстоятельствъ... «Человѣкъ самъ созидаетъ себѣ обстоятельства». Кто это сказалъ?... Жизнь—плюсъ, нѣтъ, не такъ. Жизнь—два минуса, смерть—минусъ. Это проще, и ѣсть не нужно, и работы искать не нужно, словомъ: нуль, безъ, ничего. Вся жизнь ведетъ къ первобытному нулю. Одинъ приходитъ къ цѣли раньше, другой позже, а когда уже находишься у цѣли, то все равно, пришелъ ли ты раньше или позже. Никто не взыщетъ, да съ кого взыскать? Что взять съ нуля? И лежитъ себѣ этотъ нуль спокойно, никѣмъ не тревожимый, никому ненужный и ни въ комъ не нуждающійся, отдыхая отъ тревогъ, которыя причиняли ему навязанныя единицы, дѣлавшіе его на нѣкоторое время воображаемою величиною»...

Дверь пріотворилась немножко и съ шумомъ захлопнулась отъ ворвавшагося въ сѣни вѣтра. Этотъ стукъ разбудилъ его; онъ теперь только замѣтилъ, что стоитъ у дверей, изъ щелей которыхъ несло холодомъ на него и на всю комнату. Онъ почувствовалъ, что озябъ, кисти рукъ окоченѣли, а голова горѣла. Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, потомъ бросился на свою койку и закрылъ глаза.

Отъ изнеможенія, усталости, голода и холода онъ вскорѣ заснулъ или забылся.

Но едва онъ забылся, какъ вдругъ услышалъ, что дверь съ шумомъ отворилась и кто-то вошелъ въ комнату и приближается къ его койкѣ. Онъ открываетъ глаза: передъ нимъ стоялъ Жюль Перецъ.

— Ну, я такъ и зналъ, что найду тебя въ постели,—началъ Перецъ, съ своею обычною развязностью и веселостью,—встань, байбакъ, и поѣдемъ.

— Куда?

— Это секретъ, сюрпризъ.

— Не люблю я секретовъ и сюрпризовъ,—проговорилъ Берковичъ съ досадой,—говори дѣло.

— Ну, Богъ съ тобой. Скажу прямо: мы назначены шаферами.

— Шаферами?—переспросилъ Берковичъ,—у кого свадьба?

— У m-lle Кранцъ.

— У m-lle Кранцъ!—переспросилъ Берковичъ, вскочивъ съ койки и поблѣднѣвъ.—Онъ съ минуту молчалъ и потомъ спросилъ:—за кого она выходитъ?

— За Сарина.

— За Сарина? — переспросилъ Берковичъ, не вѣря своимъ ушамъ.

— Чудеса да и только. Они, кажется, не ладили между собою.

— Развѣ не знаешь, что милые бранятся, только тѣшатся? Намъ казалось, что они не ладятъ. Оказывается, что они влюблены другъ въ друга съ первой встрѣчи. Сказано, что женщины хитры, ихъ не разгадаешь.

Берковичъ понурилъ голову и задумался. «Чаша, значитъ, полна» думалось ему. «Когда судьба рѣшилась доконать человѣка, то она добирается до самыхъ тайныхъ уголковъ его существа, о которыхъ она, кажется, не знала и не могла знать. Откуда она, напримѣръ, узнала, что Полина такъ дорога моему сердцу? Ей завидно стало даже этого крошечнаго счастія, этой невинной мечты, въ которую я самъ не вѣрилъ....... Судьбу называютъ жестокою, безжалостною........ Нѣтъ! Она просто подла. А впрочемъ, ..., что мнѣ до судьбы и ея подлости? Не приди Жюль, я былъ-бы уже *тамъ*....... Ну, ничего, такъ нѣсколькими часами позже. Жюль и не подозрѣваетъ, что у меня теперь на умѣ. Тѣмъ лучше. Буду обманывать его до конца. Соглашусь на шаферство, хотя мнѣ теперь совсѣмъ не до этихъ глупыхъ житейскихъ обстоятельствъ.

— Ѣдемъ, Жюль! — сказалъ онъ съ отчаянною рѣшимостью, застегивая свое пальто.—Но,—прибавилъ онъ вслѣдъ за тѣмъ,—у меня, знаешь, нѣтъ фрачной пары, шляпы.....

— Все будетъ,—отвѣтилъ Жюль,—я уже распорядился. Мы заѣдемъ ко мнѣ, я уже все приготовилъ для нашего туалета. Да, мы, кстати, и отобѣдаемъ. До вѣнца еще добрыхъ три часа.

— Это хорошо,—проговорилъ Берковичъ, порѣшивъ, что въ послѣдній день жизни не мѣшаетъ побаловаться немножко.— Вино у тебя есть?

— Превосходнѣйшій лафитъ; впрочемъ, дѣло не станетъ и за редереромъ.

— Very well, ѣдемъ!............

На квартирѣ Жюля, уютной и богато-меблированной, столъ былъ уже накрытъ. Въ углу, на столикѣ, графинчикъ старой водки и свѣжая семга такъ и манили къ себѣ. У Берковича слюнки потекли.

— Я пойду распорядиться,—сказалъ Жюль;—а ты между тѣмъ закуси. Вотъ семга, а въ шкафикѣ найдешь сардинки, сыръ и еще кое-что.

Берковичъ съ жадностью накинулся на закуску и сталъ утолять голодъ, который, казалось, все увеличивался и, словно, заревѣлъ отъ

пропущенной имъ рюмки забористой старушки—водки. Онъ не ѣлъ, не жевалъ, а глоталъ куски, самъ стыдясь своего волчьяго аппетита и неприличнаго образа его утоленія. И, замѣчательно, чѣмъ больше онъ ѣлъ, тѣмъ аппетитъ его больше возрасталъ. Онъ съѣлъ семгу, съѣлъ сардинки и почти фунтъ сыру, а аппетитъ все тотъ же.

— Что за оказія?—удивлялся онъ самъ себѣ,—неужели нѣсколько дней голода превращаютъ человѣческій желудокъ въ бездонную бочку?

Жюль возвратился и, вслѣдъ за тѣмъ, начали подавать обѣдъ.

Подали превосходнѣйшій бульонъ съ горячими пирожками. Берковичъ улыбнулся этой delicattesse, какъ бы говоря: неужели этимъ госпитальнымъ блюдомъ можно утолить аппетитъ здороваго человѣка? Въ два пріема онъ осушилъ свою чашку.

— Нѣтъ ли каши?—спросилъ онъ, рѣшившись не стѣсняться.

Жюль подозвалъ лакея и сказалъ ему что-то на ухо. Чрезъ нѣсколько минутъ предъ Берковичемъ уже стояла большая миска съ кашею. Каша ему больше понравилась, но..... но аппетитъ все тотъ же. Подали бифштексъ. «Вотъ это,—думалъ Берковичъ,—окончательно успокоитъ меня». Но не тутъ-то было. Бифштексъ былъ истребленъ, а аппетитъ все тотъ же. Берковичъ разсердился на свой чертовскій желудокъ и отказался отъ десерта.

— Но отъ вина ты, надѣюсь, не откажешься?—спросилъ его Жюль, наливая ему бокалъ шампанскаго.

— Валяй,—проговорилъ Берковичъ, съ отчаянною рѣшительностью протягивая руку за бокаломъ.

— Постой, дружокъ,—пріостановилъ его Жюль,—не торопись! Будемъ пить за здоровье жениха и невѣсты.

— Это мы успѣемъ и на свадьбѣ.

— На свадьбѣ мы будемъ пить за здравіе Сарина и m-lle Кранцъ, а здѣсь за другую пару молодыхъ.

— Кто они такіе?

— Славные малые. Женихъ—Жюль Перецъ, а невѣста—m-lle Берковичъ.

— Моя сестра?—воскликнулъ Берковичъ, не то обрадовавшись, не то испугавшись.

— Именно. Мы уже давно любимъ другъ друга, но ты этого не замѣчалъ. Тѣмъ лучше для насъ. На дняхъ мы объяснились и порѣшили: послѣ пятидесятницы женюсь и.........

— Пойдешь въ повстанье?

— Нѣтъ, другъ мой,—возращусь къ мирнымъ занятіямъ. Послѣ пятидесятницы у меня будетъ нѣсколько сотъ талеровъ. Махну за-границу и поселюсь въ какомъ нибудь нѣмецкомъ городѣ; буду давать уроки, писать корреспонденціи во французскія газеты, словомъ, съ голоду не умремъ. Мы кстати и тебя захватимъ съ собою. И для тебя найдется занятіе. Мы только здѣсь лишніе, а тамъ мы не будемъ лишними. Каждая отрасль человѣческой дѣятельности находитъ тамъ свое надлежащее примѣненіе. Мы не пропадемъ. Да здравствуетъ преосвѣщенный и дѣятельный западъ! Чокнемся.

Они чокнулись и выпили свои бокалы.

Берковичъ повеселѣлъ, не столько отъ бокала шампанскаго, сколько отъ плана Жюля, который онъ находилъ довольно практичнымъ и удобоисполнимымъ.

Послѣ обѣда, пріятели немножко отдохнули и взялись за туалетъ. Въ шесть часовъ, они, напомаженные, надушенные, одѣтые по—бальному, мчались на извощикѣ къ жениху, къ Сарину. Они нашли его уже одѣтымъ и ихъ ожидающимъ.

— Извините меня, г. Берковичъ,—извинялся Саринъ,— извините, я не успѣлъ сдѣлать вамъ визита и лично просить васъ взять на себя труды шафера. Столько хлопотъ!... Чувствительно благодарю васъ. Я никогда не забуду вашей услуги. Ѣдемъ, господа, насъ ожидаютъ.

Они сѣли въ ожидавшую ихъ карету и поѣхали къ невѣстѣ. Тамъ все уже было приготовлено и съ нетерпѣніемъ ожидали гостей, которые вскорѣ и начали съѣзжаться. Берковичъ сталъ исправлять должность шафера съ необыкновенною развязностью, стараясь все время не глядѣть на Полину, потому что чувствовалъ, что когда онъ взглянетъ на нее, то растеряется и будетъ очень смѣшенъ. Онъ теперь только убѣдился, что любитъ Полину гораздо серьезнѣе, чѣмъ самъ думалъ до сихъ поръ. Поэтому, онъ очень радъ былъ свадебному шуму и суетѣ, которые не давали ему задумываться о своемъ горѣ.

Пріѣхалъ раввинъ въ сопровожденіи своего помощника, кантора, пѣвчихъ и всего синагогальнаго причта и, по данному старымъ Кранцомъ знаку, стали приготовляться къ обряду вѣнчанія. Музыка заиграла что-то торжественное и гости вереницею потекли въ открывшіяся двери большой великолѣпно освѣщенной залы, гдѣ долженъ былъ совершиться обрядъ.

Свадебный балдахинъ изъ краснаго бархата съ золотою бахрамой былъ уже тамъ, поддерживаемый по угламъ четырмя синагогальными служками. Берковичу, какъ шаферу, вручили серебрянное блюдечко, на которомъ прикрѣплена была восковая плетенная свѣча, и онъ занялъ указанное ему мѣсто подъ балдахиномъ.

Подъ балдахинъ подвели сперва жениха, а потомъ невѣсту, и церемонія началась.

Пѣвчіе запѣли и невѣста, поддерживаемая посаженнымъ отцомъ и матерью, стала совершать кабалистическіе круги около жениха. Все это время Берковичъ упорно смотрѣлъ на свою свѣчу и ни разу не взглянулъ на Полину. Но въ срединѣ обряда, когда Саринъ надѣлъ Полинѣ кольцо и произнесъ вѣнчальную формулу: «будь моею женою по закону Моисея и Израиля», онъ нечаянно — невольно взглянулъ на Полину. Едва онъ взглянулъ на нее, какъ вдругъ въ глазахъ его потемнѣло, голова его закружилась, и онъ, потерявъ равновѣсіе, упалъ и...... проснулся...

— Гдѣ я? — воскликнулъ онъ, открывъ глаза и соскочивъ съ койки. Онъ хотѣлъ извиняться; но, озираясь кругомъ и пришедъ въ себя, онъ убѣдился, что все это былъ сонъ и что онъ не на свадьбѣ, а въ своей нетопленной избѣ.

На дворѣ уже стемнѣло, стало быть, онъ проспалъ нѣсколько часовъ. Это нѣсколько подкрѣпило его силы; голова его прояснилась, отчего безвыходность его положенія стала ему еще яснѣе.

— Нужно покончить сегодня же, — сказалъ онъ себѣ, — и чѣмъ скорѣе... Но, Боже мой, мнѣ ѣсть хочется, ѣсть! Не могу же я умереть не поѣвши?!

Его щекотали яства, которыя онъ видѣлъ во снѣ; во рту его оставался еще ихъ вкусъ, ихъ запахъ, въ особенности запахъ старой водки и душистой каши.

— Ѣсть! ѣсть!—кричалъ онъ, бѣгая по комнатѣ, какъ изступленный.—Не могу умереть, не поѣвши, не утоливши голода!.. Болѣе ѣдкой ироніи судьба не могла и придумать. Завтра меня уже не будетъ совсѣмъ, а сегодня не могу не отдать дани глупому желудку... Но на зло ей, я поѣмъ, сегодня же, сейчасъ. Я кого нибудь ограблю, убью, украду, а поѣмъ на зло ей, поѣмъ!...

Но онъ никого не ограбилъ, не убилъ, и не укралъ, а сбѣгалъ къ хозяйкѣ и занялъ четвертакъ.

Онъ купилъ фунтъ хлѣба, на нѣсколько копѣекъ крупы, масла и водки. «Если кутить, такъ кутить!»— шутилъ онъ самъ съ собою. Отъ покупки еще осталось нѣсколько копѣекъ.

— Что мнѣ дѣлать съ этими *деньгами*?—спрашивалъ онъ себя, возвращаясь съ своею покупкою домой.—Нищаго! подайте мнѣ сюда нищаго, и я осчастливлю его: отдамъ ему весь капиталъ свой!

Онъ расхохотался и со всего размаху швырнулъ деньги далеко отъ себя.

Мѣдяки зазвенѣли на мостовой.

VI.

Возвратившись въ свою комнату, Берковичъ вынулъ доски изъ своей койки, положилъ ихъ въ печь, развелъ огонь и присѣлъ къ нему на табуретѣ.

Изъ печи повалилъ дымъ, густой, черный: онъ забылъ открыть трубу.

— А! дымъ!—проговорилъ Берковичъ, заскрежетавъ зубами.—И для тебя, ничтожнаго, положены въ природѣ законы! И ты физикѣ учился, ха, ха, ха!... Не пропущу! Задыхайся! Тебѣ тяги, воздуха нужно? Не дамъ. Изворачивайся, какъ знаешь...

Дымъ сталъ наполнять собою всю комнату.

— Ну, Богъ съ тобой,—проговорилъ онъ, смягчившись,—ты вѣдь неумолимъ и упоренъ, какъ вся природа. Дѣлать нечего, дамъ, что тебѣ нужно.

И онъ открылъ трубу. Огонь быстро охватилъ сухія доски, которыя весело затрещали, точно кость подъ зубами голоднаго пса.

Берковичъ взялъ нѣсколько глотковъ водки и, закусивъ хлѣбомъ, сталъ варить себѣ кашу. Когда она была готова, онъ сталъ разхлебывать ее съ весьма понятнымъ аппетитомъ.

— Ну будетъ,—сказалъ онъ, окончивъ свою трапезу.—Я сытъ. Теперь возьмемся за дѣло.

На дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло: было восемь часовъ вечера. Онъ зажегъ свѣчу.

Но, вмѣсто того, чтобы взяться за дѣло, онъ подсѣлъ къ столу и, подперши обѣими руками голову, крѣпко задумался.

«Для кого не поставленъ приборъ, тотъ долженъ убраться со стола жизни,»—припомнился ему афоризмъ Мальтуса. Это жестоко, но справедливо... Справедливо? Какая тутъ справедливость? Отчего поставленъ приборъ для другаго, а для меня нѣтъ? Чѣмъ я провинился? Гдѣ мой приборъ? Или на меня не расчитывали? Но почему расчитывали на другихъ?... Но, можетъ быть, ни на кого не расчитывали, а владѣетъ приборомъ тотъ, кому онъ достанется съ бою?... Да, это такъ. Это у Дарвина и называется борьбою за существованіе. Я не боролся... Нѣтъ, я боролся, насколько у меня хватало силъ; но эти силы были ничтожны, я ослабѣлъ, я долженъ спасовать передъ сильнѣйшими и удалиться туда, гдѣ нѣтъ борьбы. Это vae victis люди называютъ самоубійствомъ, преступленіемъ. Развѣ я убиваю себя? Мнѣ не даютъ возможности существовать, меня спихиваютъ со скамьи жизни, а я преступникъ, трусъ... А, впрочемъ, что мнѣ до людей и ихъ превратныхъ понятій?... Я не могу существовать, такъ я не долженъ существовать. Я долженъ казнить въ себѣ природу, которая не надѣлила меня силами, достаточными для борьбы за существованіе. Да, казнить ее, казнить! — почти заревѣлъ онъ, ударивъ кулакомъ объ столъ и вскочивъ со стула.

Онъ съ бѣшенствомъ сталъ бѣгать по комнатѣ взадъ и впередъ, размахивая кулаками.

— Казнить! казнить!—кричалъ онъ, задыхаясь отъ волненія.—Веревку! Гдѣ мнѣ взять веревку?

Онъ вспомнилъ, что на чердакѣ видѣлъ веревку, на которой хозяйка развѣшивала свое бѣлье.

Онъ досталъ эту веревку, заперъ дверь на ключъ и сталъ прилаживать веревку къ потолку. Руки его тряслись, въ глазахъ рябило, а потому работа не давалась ему. Онъ подставилъ стулъ, взлѣзъ на него, чтобы ловчее было перекинуть веревку, но веревка не перекидывалась.

Въ это время кто то постучался въ дверь; но Берковичъ, занятый своимъ дѣломъ, не слышалъ этого стука и продолжалъ свое.

Веревка была, наконецъ, перекинута и Берковичъ спрыгнулъ со стула, довольный, что дѣло идетъ на ладъ.

Стукъ въ дверь возобновился.

Берковичъ, ничего не слыша, сталъ дѣлать петлю, которая вскорѣ и была готова.

— Хорошо,—сказалъ онъ, рѣшивъ глазомѣромъ, что будетъ ладно.

Стукъ въ дверь еще болѣе увеличился и на этотъ разъ былъ сопровожденъ криками: «Отвори! Джонъ! Ради Бога, отвори! Ты вѣдь не спишь, отвори!»

Эти крики вывели Берковича изъ забытья. Онъ взглянулъ на дверь, на петлю и рѣшился не отворять, но инстинктивно, машинально подошелъ къ двери и отворилъ ее.

Въ комнату влетѣлъ, какъ бомба, чуть не опрокинувъ Берковича, Жюль Перецъ.

Бросивъ взглядъ на Берковича, на комнату, на веревку, молодой человѣкъ, догадавшись въ чемъ дѣло, чуть не обезумѣлъ и схватился за голову.

— Джонъ, другъ мой,—воскликнулъ онъ, подскочивъ къ Берковичу, стоявшему какъ вкопанный,—что это?.. Неужели?.. Или я ошибаюсь?..

Берковичъ молчалъ, упорно глядя въ уголъ.

— Говори!—торомозшилъ его Перецъ,—что ты хотѣлъ сдѣлать?... Неужели? О, Боже, Боже!

И онъ упалъ на грудь, стоявшаго какъ статуя, Берковича и громко зарыдалъ.

— Другъ! извергъ! — кричалъ Перецъ, впившись глазами въ разстроенное лицо Берковича, говори, что,—нужда, голодъ?...

— Голодъ,—проговорилъ, наконецъ, Берковичъ, опустившись на близъ стоявшій табуретъ.

— Это все твоя глупая гордость, — упрекалъ его Жюль, сорвавъ веревку и бросивъ ее въ топившуюся печку. Кто отказывается отъ помощи друга? Только эгоистъ, извергъ, дуракъ, гордецъ, подлецъ!

— Не ругайся, Жюль.

— Да какъ тебя не ругать, когда ты изъ-за своей глупости чуть не свелъ съ ума друга и не пустилъ поміру матери и сестры!.. Но тебѣ, гордецу, нѣтъ дѣла ни до друга, ни до родныхъ... Ты порисоваться хотѣлъ! Вотъ, человѣкъ съ голоду умиралъ, повѣсился, а не принялъ помощи. Когда же ты, наконецъ, поймешь, что ты не англійскій лордъ, и что прибѣгать къ помощи добрыхъ людей совсѣмъ не стыдно?

Жюль еще долго ругалъ и упрекалъ своего друга, но наконецъ успокоился.

— Теперь, братъ,—сказалъ онъ, понизивъ голосъ, — ужь я тебя не отпущу. Я за шиворотъ тебя потащу вмѣстѣ со мною. Отговариваться опасностью ты уже не можешь. Ты вѣдь жизнь ни во что не ставишь. Прійди я четверть часа позже, ты бы уже висѣлъ на глупой веревкѣ. Стало быть, участвовать въ польской справѣ для тебя тапер бездѣлица. Такъ вѣдь?

— Такъ,—согласился Берковичъ, рѣшивъ, что для него теперь въ самомъ дѣлѣ все равно.

— Вотъ я ужь сколько мѣсяцевъ вращаюсь въ жондѣ, а все еще не повѣшенъ. Впрочемъ, если даже случится такой грѣхъ, такъ я, по-крайней-мѣрѣ, умру, такъ сказать, за политическую идею. Это все таки почетнѣе, чѣмъ умереть изъ-за того, что не хватило фунтика хлѣба для безсмысленнаго желудка. Согласенъ?

— Согласенъ,—машинально отвѣтилъ Берковичъ.

— Дай-же руку — на жизнь и смерть!

Берковичъ протянулъ Жюлю руку.

— Отнынѣ,—провозгласилъ послѣдній торжественно,—мы и судьбы наши неразлучны. Гдѣ я, тамъ и ты... Мы, впрочемъ, канцелярскими занятіями недолго будемъ пробавляться; черезъ полгода, много—черезъ годъ, возстаніе вспыхнетъ фактически, тогда мы, конечно, не будемъ лишними въ рядахъ повстанцевъ, а будемъ сражаться за хорошее дѣло: за fraternité, égalité!

— Поляки объ этомъ только говорятъ,—замѣтилъ Берковичъ скептически.

— А русскіе даже не говорятъ, стало быть, отъ нихъ намъ уже ровно нечего ожидать. На Польшу-же мы можемъ хоть нѣсколько надѣяться, имѣть претензію,— потому что она дала обѣщаніе передъ лицомъ всего міра. Впрочемъ, что касается насъ лично, то наши шансы не могутъ быть лучшими. Если Польша выиграетъ свою справу и мы будемъ живы, то не можетъ быть, чтобы она оказалась не благодарною въ отношеніи такихъ людей, которые сражались за нее грудью. Если же умремъ на полѣ брани или даже на эшафотѣ, то мы, по крайней мѣрѣ, умремъ съ честью, а не съ голоду, на который осуждаютъ насъ русскіе порядки. Ишь, я русскій подданный, а мнѣ нельзя жить въ Россіи, чтобы зарабатывать кусокъ хлѣба!

— Это, въ самомъ дѣлѣ, странно,—замѣтилъ Берковичъ.

— Но страннѣе всего то,—продолжалъ Жюль—что, не смотря на этотъ неслыханный порядокъ, между нами находятся такіе, которые горою стоятъ за Россію; Саринъ, напримѣръ. Ну, изъ-за чего этотъ че-

ловѣкъ хлопочетъ? Я его рѣшительно не понимаю. Онъ, кажется, уменъ, а дуракъ, положительно дуракъ. Я говорилъ, говорилъ, доказывалъ, а онъ все свое: Россія да Россія! «Россія дала намъ образованіе,—Россія даетъ намъ гражданскія права, права государственной службы». На чорта намъ эти права?!... Очень намъ нужно, чтобы Барухъ былъ баталліоннымъ лекаремъ, а Абрамъ—судебнымъ слѣдователемъ, Ты, я и два милліона евреевъ много ли выигрываютъ отъ того, что Барухъ имѣетъ эполеты, а Абрамъ шитый воротникъ? Развѣ намъ это нужно? Намъ, перво-на-перво, нужны не права службы, а права человѣческія, нужно право не задыхаться отъ тѣсноты, не сидѣть другъ на другѣ, и, за неимѣніемъ корма, пожирать другъ друга!... Барухъ и Абрамъ блаженствуютъ, потому что имѣютъ дипломъ, потому что они прекрасные люди— всѣ науки произошли. Но, я спрашиваю тебя, это откуда взято, что только люди науки имѣютъ право существовать, а всѣ прочіе должны пропадать? Да и есть-ли возможность прогнать сквозь университетскія аудиторіи толпу изъ двухъ милліоновъ людей, для того, чтобы они получили право жить, гдѣ хотятъ, а не тамъ, гдѣ приказано? Это неслыхано, непостижимо!

И онъ сжатыми кулаками сталъ бѣгать по комнатѣ взадъ и впередъ.

— Послушай, Джонъ,—сказалъ онъ, вдругъ остановившись передъ своимъ другомъ,—если я когда нибудь буду сражаться въ рядахъ поляковъ, то знай, что я сражаюсь не за независимость конгресувки,—что мнѣ до нея и ея независимости!—а только противъ абсурда, по которому еврей, усвоившій себѣ нѣсколько учебниковъ, можетъ жить въ Рязани, а еврей, неусвоившій себѣ этихъ учебниковъ, не можетъ, какъ будто Рязань—такой рай, на который имѣютъ право только праведники. Это абсурдъ! Колосальный абсурдъ! Стрѣляя въ русскихъ, буду имѣть въ виду только эту цѣль. И, когда ты когда нибудь увидишь меня вялымъ, унылымъ, готовымъ пасть духомъ, такъ кликни только: *абсурдъ!* и энергія опять ко мнѣ возвратится и я буду сражаться, какъ дьяволъ. Ты мнѣ обѣщаешь? Я не шутя тебя прошу объ этомъ.

— Обѣщаю,—проговорилъ Берковичъ.

— Ну, хорошо, теперь ляжемъ спать.

— Какъ, ты хочешь здѣсь ночевать?—спросилъ Берковичъ.

— Разумѣется, а то гдѣ мнѣ ночевать?

Берковичъ взглянулъ на Жюля вопросительно.

— Ахъ да, я забылъ тебѣ сказать, зачѣмъ собственно пришелъ къ тебѣ. Я именно пришелъ переночевать здѣсь сегодня. На моей квартирѣ нельзя: сегодня почью у насъ будетъ обыскъ.

— Обыскъ?—спросилъ Берковичъ испуганно.

— Ты чего испугался? Ну будетъ обыскъ, но ничего не найдутъ. Все прибрано, какъ слѣдуетъ. Мы еще вчера знали, что сегодня будетъ обыскъ.

— Неужели вы знали?

— Еще бы. Мы все знаемъ. Чуть что, намъ сейчасъ даютъ знать. Мы вездѣ имѣемъ нашихъ людей. Одно наше довѣренное лицо состоитъ при самомъ генералѣ, а потому мы знаемъ о каждомъ шагѣ администраціи. Врасплохъ она насъ никогда не застанетъ. У насъ все шито и крыто. Я совсѣмъ не ожидалъ отъ поляковъ такого благоразумія, право. Единственною подозрительною вещью, которую жандармы нашли бы у графини Станицкой, былъ бы я. Ибо, что я тамъ дѣлаю? Это показалось бы подозрительнымъ, а потому я долженъ былъ искать ночлега.

— Ну, переночуй,—сказалъ Берковичъ,—только не взыщи, постель будетъ не очень комфортабельная...

— Эка важность! я вѣдь не нѣженка какой нибудь. Притомъ, на бивуакахъ развѣ комфортабельнѣе будетъ?

— Стало быть, ты взаправду думаешь пойти въ повстанье?—спросилъ Берковичъ.

— А ты думаешь, что я шучу? Нѣтъ, братъ, мнѣ совсѣмъ не до шутокъ. *Абсурдъ* такъ возмущаетъ меня, что я буду въ отчаяніи, если мнѣ почему либо не удастся сражаться противъ него. Этотъ абсурдъ такъ бѣситъ меня, что я по временамъ чувствую себя способнымъ зарѣзать, задушить Сарина и его пособниковъ за ихъ безсмысленное пропогандированіе русскаго патріотизма. Ну, скажи самъ, не идіоты ли они? Россія насъ на порогъ къ себѣ не пускаетъ, а мы, по ихъ мнѣнію, должны питать къ ней сыновнія чувства! За что, я тебя спрашиваю, за что? Не за то ли, что правительство удостоиваетъ брать подати и съ насъ?

Перецъ еще долго и съ постоянно возраставшимъ жаромъ ораторствовалъ на эту тэму, пока не замѣтилъ, что единственный его слушатель, Берковичъ, облокотившись на комодъ, уже спитъ.

VII.

17 апрѣля 1862 года, которое во всей Россіи праздновалось съ особенною радостью, въ городѣ N ничѣмъ не отличалось отъ обыкновенныхъ буднихъ дней. При тогдашнемъ настроеніи умовъ въ Западномъ краѣ,—праздновать табельный день считалось какъ бы анахронизмомъ. Въ соборной церкви собрались одни лишь военные, даже русскіе чиновники не явились къ архіерейской службѣ. Даже самъ *генералъ*, схвативъ наканунѣ насморкъ, слушалъ молебствіе въ своей домовой церкви, въ средѣ приближенныхъ, т. е. адъютантовъ, ординарцевъ, чиновниковъ особыхъ порученій и графа Тенчинскаго! Графъ тоже считался приближеннымъ. Онъ былъ въ полной камергерской формѣ и при всѣхъ орденахъ, стало быть, его преданность Россіи не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію...

По окончаніи молебствія, генералъ пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ къ завтраку.

Въ то время, какъ въ генеральской столовой пили тосты и весело бесѣдовали, у малаго подъѣзда генеральской квартиры происходило слѣдующее:

Вѣстовой, въ праздничной формѣ и съ нафабренными усами, такъ урезонивалъ стоявшаго передъ нимъ еврея:

— Ну ты пойми, что тебѣ толкуютъ. Сказано не принимать, потому праздникъ. Сегодня никакихъ прошеніевъ не принимаютъ.

— Мнѣ оценъ нузно,—отвѣчаетъ еврей.

— Придешь завтра, коли нужно, а сегодня нельзя, потому праздникъ, царскій день. Понялъ?

— Понялъ.

— Ну и проваливай, коли понялъ.

— Але мнѣ оценъ нузно, безпремѣнно сегодня. Енаралъ будетъ сердиться, что меня не пущаютъ.

— Какъ же тебя пущать, когда велѣно не пущать?—спрашиваятъ вѣстовой, приходя уже въ гнѣвъ.

Дверь изъ прихожей отворяется и съ лѣстницы спускается, тяжело ступая и лѣниво побрякивая шпорами, жандармскій унтеръ-офицеръ.

— О чемъ вы тутъ?—спрашиваетъ жандармъ, зѣвнувъ на весь коридоръ и взглянувъ на стоявшаго у дверей еврея.

— Вотъ я цѣлый часъ ему толкую,—говоритъ вѣстовой,—что сегодня никакъ нельзя, а онъ не понимаетъ, дуракъ. Растолкуйте вы ему, васъ онъ можетъ пойметъ.

— Ты откуда?—обращается жандармъ къ еврею.

— Я здѣсный обыватель.

— Тебѣ что нужно?

— Къ енералу.

— Прошеніе?

— Нѣтъ, словестно. Дѣло оценъ вазное.

— Что за важное?

— Политицное.

Жандармъ задумывается, осматриваетъ свои каблуки, поправляетъ свои шерстяные эполеты и, кивнувъ еврею, говоритъ:

— Ступай за мною.

Еврей, подобравъ фалды своего длиннаго балахона, идетъ по лѣстницѣ за жандармомъ.

— Ты стой здѣсь, я пойду доложить,—говоритъ послѣдній, оставивъ еврея въ прихожей.

Нѣсколько минутъ спустя, возвратившійся жандармъ пропускаетъ еврея въ пріемный залъ. Къ нему подходитъ молоденькій офицеръ, ординарецъ, и начинаетъ его допрашивать; но еврей стоитъ на одномъ, что никому не скажетъ, какъ только генералу лично. Ординарецъ даетъ ему щелчокъ въ носъ, дѣлаетъ антрша, скользитъ по гладкому паркету и исчезаетъ за тяжелой портьерой дежурной комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ въ портьерѣ появился дежурный адъютантъ Николай Крутицкій. Онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ еврея.

— Генералъ нездоровъ и никого не принимаетъ,—сказалъ Крутицкій,—а потому, если имѣешь сообщить что-нибудь по секрету, то можешь сообщить мнѣ, а я доложу генералу. Я адъютантъ.

— Извините, г. адъютантъ,—возразилъ еврей, — мое дѣло очень секретное. Мнѣ нужно видѣть генерала.

— Ты мнѣ не вѣришь?—спросилъ Крутицкій строго.

— Какъ я смѣю не вѣрить вашему благородію? Но то, что имѣю сказать, я долженъ сказать генералу самому.

Крутицкій вспыхнулъ и закусилъ губы.

— Ну какъ хочешь, — сказалъ онъ, по-видимому, весьма хладнокровно.

— Прощайте, ваше благородіе,—проговорилъ еврей, отвѣсивъ низкій поклонъ.

— Ты уходишь?

— Точно такъ, ваше благородіе, я завтра прійду.

— Нѣтъ, братъ, эдакъ нельзя,—сказалъ Крутицкій.—Я тебя отправлю къ полиціймейстеру.

— Къ полиціймейстеру?—спросилъ еврей, оторопѣвъ, — зачѣмъ къ полиціймейстеру, развѣ я что-нибудь укралъ?

— Укралъ или не укралъ, а тебя арестовать нужно. Законъ, законъ такой. А завтра полиціймейстеръ уже отъ себя препроводитъ тебя сюда для допроса.

— Вотъ тебѣ и здравствуй,—проговорилъ про себя еврей, почесавъ свой високъ и обругавъ себя за то, что ввязался въ такое дѣло.— Ваше благородіе,—взмолился онъ,—сжальтесь надо мною. Не отсылайте меня въ полицію. Я человѣкъ занятой. Мнѣ нѣкогда таскаться по канцеляріямъ. Я ради пользы казны сюда пришелъ, ей богу. За что же меня въ полицію?

— Говори же, зачѣмъ пришелъ?

— Это секретъ. Могу сказать только генералу.

— Генералъ и я—одно и тоже. Ты говори мнѣ, а я скажу генералу. Я адъютантъ.

Еврей подумалъ-подумалъ и, наконецъ, рѣшился.

— Ну, нехай будетъ по вашему,—сказалъ онъ.

Крутицкій заперъ дверь, сѣлъ на софу, закинулъ ногу на ногу и сказалъ:

— Ну, говори, что знаешь, только не врать и не плутовать, потому что...

— Какъ передъ Богомъ, буду говорить всю правду.

— Ну-съ.

— Я шинкарь. Ко мнѣ ходятъ пить разные люди, особливо поляки. Отъ этихъ поляковъ я узналъ, что они хотятъ сдѣлать бунтъ.

— Какъ же ты это узналъ?—спросилъ Крутицкій, улыбнувшись.

— Какъ я это узналъ? У меня развѣ ушей нѣтъ? Они говорили, а я слушалъ.

— Мало ли о чемъ люди говорятъ въ пьяномъ видѣ.

— Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ. А впрочемъ, что мнѣ за дѣло? Я разскажу то, что своими ушами слышалъ.

— Что ты слышалъ?

— Здѣсь есть одинъ сапожникъ. Его зовутъ Шило. Такъ этотъ сапожникъ шьетъ сапоги для повстанья. Ваше благородіе запишутъ этого сапожника?

— Запишу,—сказалъ Крутицкій, вынувъ записную книжечку и дѣлая видъ, что пишетъ.—Что еще знаешь?

— На Успенскомъ предмѣстьѣ есть кузнецъ.

— Какъ его зовутъ?

— Броничь или Кроничь, хорошенько не знаю, а чего не знаю, того не скажу. Такъ этотъ кузнецъ дѣлаетъ косы и пики для повстанцевъ. Онъ держитъ ихъ въ подвалѣ, а завтра ночью придутъ повозки изъ имѣнія какой-то графини и вывезутъ ихъ изъ города.

— Хорошо; больше?—спросилъ Крутицкій.

— На филиповской недѣлѣ всѣ здѣшніе польскіе ремесленники отпустятъ своихъ челядниковъ на кальварію; но они не пойдутъ на кальварію для набоженства, а въ фольваркъ графа Тенчинскаго. Тамъ, говорятъ, есть большой складъ ружей. Такъ челядники придутъ и будутъ учиться стрѣлять, потому что они всѣ пойдутъ въ повстанье.

Крутицкій, почертивъ въ книжкѣ, спросилъ:

— Что еще знаешь?

— Больше ничего, а когда что нибудь узнаю, такъ приду и разскажу.

— Хорошо, голубчикъ, — сказалъ Крутицкій, потрепавъ еврея по плечу.—Я доложу генералу и ты получишь награду. Только никому объ этомъ не разсказывай.

— Сохрани Боже.

— Какъ тебя зовутъ?

— Шмуль Флаксъ.

Крутицкій, записавъ это имя, спросилъ:

— Гдѣ ты живешь?

— На Болотной улицѣ въ собственномъ домѣ, въ шинку. Шинкаря Шмуля всякій знаетъ.

— Ну, съ Богомъ, — сказалъ Крутицкій, отворивъ дверь и пропустивъ Шмуля.—Когда нужно будетъ, такъ за тобою пошлютъ.

— Такъ вы все это доложите генералу?—спросилъ Шмуль, уходя.

— Разумѣется, — отвѣтилъ Крутицкій, едва удерживаясь отъ улыбки.

По уходѣ Шмуля, Крутицкій возвратился въ столовую, гдѣ бесѣда была еще въ полномъ разгарѣ. Графъ Тенчинскій только что провозгласилъ тостъ «за благоденствіе Россіи» и всѣ присутствовавшіе подходили къ нему съ своими бокалами и чокались. Генералъ-же, неудовольствовавшись чоканіемъ, заключилъ графа въ свои объятія.

— Однимъ только я не доволенъ вами, графъ?—сказалъ онъ, держа его руку.

— Чѣмъ это, ваше превосходительство?

— Тѣмъ, что вы оставили службу въ такую пору, когда ваша служба была-бы всего полезнѣе престолу и отечеству. Вашимъ просвѣщеннымъ умомъ, вашимъ личнымъ вліяніемъ, вашимъ лояльнымъ направленіемъ, вы-бы отрезвили сословіе, во главѣ котораго вы до сихъ поръ стояли. Я противъ нынѣшняго предводителя ничего не имѣю, но... но... Vous comprenez, cher comte, однимъ словомъ, было-бы лучше если-бы *вы* теперь были предводителемъ... Здѣшнее дворянство, la noblesse du pays s'obstine d'oublier le mot, la parole de l'empereur Nicolas: «point des reveries!» C'était un grand mot, digne d'un grand monarque, n'est-ce-pas, mon cher comte?

— Oui, mon général,—согласился графъ.

— Но дворянство,—продолжалъ генералъ, вздохнувъ,—все таки предается мечтамъ, это-то, entre nous, и безпокоитъ меня... Вы знаете, графъ, какъ я не люблю крутыхъ мѣръ, я врагъ военнаго положенія, ибо чѣмъ виноваты мирные граждане? Страдаетъ торговля, страдаетъ промышленность, благосостояніе края подкапывается; но что прикажете дѣлать? Я же долженъ пещись о поддержаніи порядка. Я прошу, умоляю, хоть я имѣю власть приказывать—не выходите изъ границъ приличія, имѣйте вѣру въ милость нашего добраго монарха, онъ все для васъ сдѣлаетъ, я самъ буду ходатайствовать у подножія его престола; но ваши соплеменники злоупотребляютъ моимъ терпѣніемъ.. Что же будетъ, если это терпѣніе лопнетъ? Вѣдь я же долженъ буду усмирять непокорныхъ оружіемъ... Прольется кровь, между прочимъ, можетъ быть, и невинныхъ. Одинъ Богъ знаетъ, какъ я люблю этотъ край, люблю его, повѣрьте, не меньше моей родины. Я всегда старался быть ему отцомъ, а не начальникомъ; бываю счастливъ только тогда, когда мнѣ

удается выхлопотать для него какую нибудь царскую милость,—и вотъ отплата за любовь мою!..

Генералъ прослезился и, передавъ свой бокалъ близъ стоявшему адъютанту, прошелся въ волненіи нѣсколько разъ по столовой. Присутствовавшіе разступались передъ нимъ, поглядывая другъ на друга съ недоумѣніемъ. Веселіе изчезло съ ихъ физіономій. Графъ Тенчинскій и Николай Крутицкій опустили головы и прикидывались тоже растроганными.

— Послушайте, графъ, — сказалъ генералъ, остановившись передъ Тенчинскимъ и положивъ руку на его плечо, — прошу васъ, или нѣтъ, приказываю вамъ, какъ начальникъ, да... какъ начальникъ, ибо я вижу, что уже пора употреблять въ дѣло ввѣренную мнѣ власть. И такъ, приказываю вамъ, растолковать, объяснить всѣмъ вашимъ, что они затѣяли опасную, безумную игру, что заигрывать съ Россіею не весьма удобно. Пусть не воображаютъ, что мы въ крымской компаніи спустили уже всѣ наши трумфы... Россія сильна, сильнѣе, чѣмъ даже думаютъ сами русскіе. Говорю вамъ, какъ старый русскій генералъ и администраторъ. При томъ, изъ-за клочка земли, называвшагося когда-то польскимъ королевствомъ, Европа не пойдетъ на насъ съ коалиціею-а если пойдетъ, такъ мы противупоставимъ ей не менѣе сильную коалицію: съ нами будетъ Пруссія и Австрія. Стало быть, мы польскія мечты разобьемъ въ пухъ и прахъ, и, разбивая мечты, разобьемъ и мечтателей. Это — польскіе агитаторы пусть и имѣютъ въ виду. Растолкуйте имъ, пожалуйста.

— Слушаю, ваше превосходительство,—проговорилъ графъ, покорно преклонивъ голову.

— Шампанскаго!—крикнулъ генералъ, опять повеселѣвъ и возвратившись къ своему обычному добродушію и хлѣбосольству. — Налейте бокалы, господа! Провозглашу тостъ... за здравіе графа Болеслава Казиміровича Тенчинскаго и всѣхъ мирныхъ гражданъ здѣшняго края — ура!

— Ура!!—восторженно подхватили всѣ присутствовавшіе.

Улучивъ удобную минуту, Николай Крутицкій отвелъ своего дядю въ диванную и въ короткихъ словахъ сообщилъ ему доносъ шинкаря, при чемъ передалъ и адресъ доносчика: графъ Тенчинскій даже не перемѣнился въ лицѣ.

— Dobrze,—проговорилъ онъ, всунувъ адресъ въ карманъ, и воз-

вратился въ столовую, съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ, съ которымъ за минуту изъ нея вышелъ.

Четыре дня спустя, т. е. въ ночь съ 21-го на 22 апрѣля, на Болотной улицѣ случился пожаръ: загорѣлся, горѣлъ и сгорѣлъ почти до тла, еще до прибытія пожарныхъ, деревянный домикъ шинкаря Шмуля Флакса. Погорѣльцы едва успѣли спасти свой животъ да что нибудь изъ домашней рухляди.

По многимъ признакамъ, пожаръ произошелъ отъ поджога. Это признавали всѣ, — оставалось только разслѣдовать, кто поджигалъ. Первое подозрѣніе, какъ водится, пало на самаго домовладѣльца, Шмуля Флакса. Его и заарестовали; но, когда открылось, что домикъ его не былъ застрахованъ, его выпустили и стали производить формальное слѣдствіе. Формальное же слѣдствіе поджигателей не открыло, но за то нашло, что пожаръ произошелъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ. На это остроумное открытіе слѣдователь попалъ не сразу, а только послѣ того, какъ панъ Андрей Грушевичъ сдѣлалъ ему два визита, во время производства слѣдствія. Отъ этихъ визитовъ слѣдователь вдругъ прозрѣлъ и, понявъ въ чемъ дѣло, повелъ его, какъ слѣдуетъ...

Шмуль Флаксъ остался безъ домика, но съ убѣжденіемъ, что иногда весьма опасно мѣшаться не въ свое дѣло. Тѣмъ не менѣе, однакоже, онъ рѣшился свое вмѣшательство не въ свое дѣло продолжать еще съ большимъ усердіемъ. Къ этому обязывала его почувствованная имъ потребность—мстить виновникамъ своего раззоренія. Этихъ виновниковъ онъ зналъ; но власти, къ которымъ онъ обращался за правосудіемъ, почему то и знать объ нихъ не хотѣли. Онѣ требовали отъ него фактическихъ доказательствъ, но гдѣ ихъ взять? Онъ рѣшился молчать и мстить своимъ раззорителямъ, чѣмъ только можно.

— За каждую щепку моей хатки я съ нихъ взыщу сторицею,—сказалъ онъ себѣ и далъ клятву быть твердымъ въ своемъ намѣреніи.

VIII.

Тетушка Пракседа, у которой, если читатели помнятъ, горничная Кранцовъ, Марциша, назначила свиданіе своему возлюбленному Стасю, дозорцу народнаго жонда, принадлежала къ тѣмъ тетушкамъ, у которыхъ племянницъ—цѣлый легіонъ. Каждая скомпрометированная и вытолкнутая изъ общества дѣвушка, нуждавшаяся въ пріютѣ, совѣтѣ и покровительствѣ, поступала племянницей къ тетушкѣ Праксedѣ, которая благодаря большой фалангѣ своихъ *племянниковъ*, не только изъ мелюзги, но и изъ jeunesse dorée города N, всегда имѣла возможность кое-какъ пристроить прибѣгавшую къ ея помощи дѣвушку. А потому тетушка Пракседа пользовалась большою популярностью въ средѣ польской молодежи города N, служа, съ одной стороны, благодѣтельною феею, сыпавшею на тороватыхъ юношей всевозможныя удовольствія и наслажденія, а, съ другой, —якоремъ спасенія для милыхъ, но погибшихъ созданій.

Въ молодости своей, тетушка Пракседа, круглая сирота, но быстроглазая, разбитная и очень красивая дѣвушка, сама состояла племянницей у какой то тетушки, и въ этомъ званіи она не только весело, роскошно и шумно проводила время, но разъ чуть не сдѣлалась ясневельможней паней, захвативъ въ свои сѣти одного очень богатаго барченка, который врѣзался въ нее по уши и уже собирался на ней жениться. Только богатый выкупъ и космополитическое сердце самой Пракседы, возмущавшееся при мысли принадлежать только одному, спасли вельможную фамилію барченка отъ ничѣмъ не поправимаго позора. Барченка увезли подальше отъ соблазна, а Пракседа осталась свободною и продолжала быть племянницей съ еще большимъ шикомъ, на раззореніе разныхъ племянниковъ и дядюшекъ. Но, годъ за годомъ, когда молодость, красота и поклонники стали ей измѣнять, она, поплакавъ надъ ничѣмъ не возвратимымъ блестящимъ прошедшимъ, рѣшилась не оставаться на бобахъ въ будущемъ. Изъ племянницъ, она произвела себя въ тетки, роль которыхъ она стала разыгрывать съ замѣчательною ловкостью и успѣхомъ. Она зажила своимъ домомъ, самостоятельно, солидно, расчетливо, какъ подобаетъ настоящей теткѣ, зажила—на удовольствіе другихъ и на пользу себѣ.

Въ эпоху, въ которую происходятъ описываемыя нами событія, Пракседа уже сорокалѣтняя матрона, высокая, дородная, съ лицомъ, дышащимъ довольствомъ и увѣренностью въ своемъ умѣньи вести дѣла самыя щекотливыя. Правда, на этомъ солидномъ, почти дѣловомъ лицѣ появляются иногда сальная улыбка и безобразныя ужимки старой кокотки; но это бываетъ очень рѣдко, только тогда, когда она передъ ужь очень скупымъ племянникомъ бываетъ принуждена представлять,

такъ сказать, въ лицахъ невыразимыя достоинства какой нибудь племянницы, безъ чего она боится лишиться богатаго кліента, стало быть, и хорошаго куртажа. Вообще же она держитъ себя съ тактомъ, можно почти сказать съ достоинствомъ, имѣя слабость корчить изъ себя солидную зажиточную барыню весьма строгихъ правилъ. И, надобно отдать ей справедливость, она такъ хорошо разыгриваетъ роль солидной женщины, что видящіе и говорящіе съ нею въ первый разъ очень легко принимаютъ ее за какую нибудь мелкопомѣстную помѣщицу, или, по крайней мѣрѣ, за средней руки чиновницу.

Она занимаетъ на предмѣстьѣ большой деревянный домъ съ мезонинами, съ огородомъ и съ фруктовымъ садомъ, въ которомъ она уже сама надѣлала бесѣдки, гроты и дерновыя скамейки. Она любитъ порядокъ и комфортъ и всѣми силами старается поддерживать ихъ въ своей домашней обстановкѣ. Сама она занимаетъ только одну, но довольно обширную комнату, хорошо меблированную служащую ей гостиной, столовой, спальней и кабинетомъ или конторой, въ которой она принимаетъ своихъ кліентовъ и рѣшаетъ всѣ дѣла. Прочія же комнаты и мезонины нанимаемаго ею большаго дома она держитъ для своихъ гостей, иногда нуждающихся въ отдѣльныхъ chambres garnies.

Если читатель подумаетъ, что тетя Пракседа есть простая сводница, то онъ этимъ очень обидитъ ее: она, видите-ли, лишь устраиваетъ у себя свиданія любящихъ сердецъ, которыя не хотятъ компрометировать себя, облегчаетъ знакомство между тѣми, которые чувствуютъ другъ къ другу непреодолимое влеченіе, занимается уходомъ за родильницами, нуждающимися въ вящщей тишинѣ и спокойствіи, пристраиваетъ къ мѣстамъ племянницъ, лишенныхъ всякой опеки, кого въ служанки къ домовитому холостяку, а кого въ няньки къ чадолюбивому вдовцу, обремененному малолѣтними дѣтьми, даетъ хорошіе совѣты и наставленія молодымъ особамъ, не привыкшимъ еще жить своимъ собственнымъ умомъ; словомъ, старается быть полезной, чѣмъ только можетъ. Лишившаяся мѣста племянница имѣетъ право *погостить* у нея съ недѣльку, но, по истеченіи этого срока, она должна идти куда хочетъ, куда глаза глядятъ, хоть топиться, ибо ея домъ не *заведеніе*.

Это она повторяетъ своимъ кліентамъ и кліенткамъ при всякомъ удобномъ случаѣ, дабы они не забывали, что имѣютъ дѣло съ благородною женщиною, а не съ какою нибудь....

Въ одинъ прекрасный, теплый, но темный іюльскій вечеръ 1862 года, въ одной изъ бесѣдокъ фруктоваго сада тетушки Пракседы, сидѣла какая-то парочка и тихо, почти шопотомъ, разговаривала между собою.

— Повѣрьте, ясневольможная пани, — слышался умоляющій голосъ мужчины,—все это клевета, на которую ясневельможная пани не должна обращать вниманія.

— Ясневельжная пани, ясневельможная пани! — передразнивалъ тонкій женскій голосъ, — сколько разъ я тебѣ говорила, что здѣсь я для тебя не ясневельможная пани, а просто Ядвига.

— Не смѣю такъ называть васъ, не смѣю вѣрить въ мое счастіе когда вы сомнѣваетесь въ моей искренности, когда вы не вѣрите моимъ словамъ.

— Почему я должна вѣрить тебѣ больше, чѣмъ другимъ, которые говорятъ, что ты меня обманываешь?

— Другіе говорятъ, потому-что хотятъ повредить мнѣ въ вашихъ глазахъ. Имъ завидно, что вы изволите меня протежировать.

— Протежировать?

— Или... любить,—прибавилъ мужчина робко и еще тише.

Шелковое платье зашелестило: Ядвига обратилась спиною къ своему собесѣднику.

— Вотъ и люби простолюдина,—проговорила она съ досадой,—для него протежировать и любить—одно и тоже.

— Ядвига!—почти воскликнулъ мужчина, упавъ на колѣни,—ради Бога, не думай такъ обо мнѣ. По рожденію, по обстоятельствамъ я точно простолюдинъ, но сердце у меня шляхетское. Умѣю любить пламенно, бѣшенно.

— Кого?—строго спросила она.

— Развѣ не знаешь, развѣ не видишь? — тебя, мой ангелъ, моя королева!...

— Врешь, безсовѣстный! Я знаю, у тебя есть, помимо меня, другая любовница, простая дѣвка. Фи!

— Была, ясневельможная пани, а теперь нѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ счастіе узнать васъ, я о ней и не думаю. И какъ могу о ней думать, когда сердце мое занято вами? Думаю о васъ ночью, думаю днемъ; я съ ума схожу, а вы мнѣ не вѣрите. Что-же мнѣ дѣ-

лать? Берите ножъ и разрѣжьте мое сердце, тогда увидите, правду-ли я говорю или нѣтъ. Спросите у тети Пракседы.

— Вотъ, нашелъ особу, которой я повѣрю.

— Какихъ-же доказательствъ вы отъ меня хотите?... Впрочемъ, я вамъ дамъ доказательство,—прибавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.— Послушайте, ясневельможная пани...

— Опять этотъ титулъ?

— Я не перестану титуловать васъ до тѣхъ поръ, пока вы мнѣ не повѣрите. И такъ, ясневельможная пани: если вы мнѣ теперь не скажете и не докажете, что вы мнѣ вѣрите, что вы понимаете, какъ пламенно я люблю васъ, то да убьетъ меня громъ, да сверну себѣ шею на возвратномъ пути, или позволю вамъ называть меня подлецомъ, негодяемъ, мошенникомъ, если вы завтра не увидите меня висящимъ на фонарномъ столбѣ противъ вашего дома. Сгинь душа моя въ пеклѣ,— если не сдержу слова. Прощайте!..

Онъ всталъ и направился къ двери бесѣдки.

— Стась!—воскликнула она, вскочивъ съ своего мѣста и загородивъ ему дорогу,—куда ты хочешь идти, что ты хочешь сдѣлать?

— Хочу покончить съ собою, потому-что безъ вашей любви не могу жить на свѣтѣ. Отъ одного вашего слова зависитъ жизнь моя или смерть.

— Тебѣ очень нужно это слово?

— Какъ сама жизнь.

— Люблю тебя!—Ты доволенъ?

— И будете мнѣ вѣрить?

— Буду.

— И не будете меня ревновать къ какой-нибудь дѣвкѣ, нестоющей вашего мизинца?

— Не буду.

— Такъ zgoda?

— Zgoda.

Они бросились другъ другу въ объятія и замерли на минуту въ одномъ долгомъ, тихомъ, страстномъ поцѣлуѣ... Потомъ они сѣли на диванъ и нѣкоторое время молчали, погруженные въ забытьи невыразимаго блаженства.

— Послушай, Стась,—начала Ядвига фонъ-деръ-Горстъ—(это была она)—я полюбила тебя, не смотря на то, что ты дозорецъ, я полюбила тебя съ перваго взгляда; но, не смотря на то, что я люблю тебя, каковъ ты есть, я не хочу, однако-же, чтобы ты всегда оставался дозорцемъ.

— Дѣлай изъ меня, что тебѣ угодно, я на все готовъ.

— Я стороной начала хлопотать, чтобы жондъ далъ тебѣ другое, болѣе благородное назначеніе.

— И будь увѣрена, что я окажусь достойнымъ этого назначенія. Я еще не успѣлъ тебѣ сказать, что я не совсѣмъ безъ науки. Я окончилъ пять классовъ гимназіи. Мои родители были довольно зажиточные ремесленники и ничего не жалѣли для моего воспитанія. Они хотѣли вывести меня въ люди. Не умри они въ послѣднюю холеру, я-бы окончилъ университетъ.

Ядвига съ восторгомъ пожала руку говорившаго юноши: ея аристократизмъ почувствовалъ себя удовлетвореннымъ мыслью, что ея Стась не совсѣмъ простой человѣкъ.

— Я учился хорошо, учителя были мною довольны. Но, со смертью моихъ родителей, кончилось мое ученіе и стремленіе быть порядочнымъ человѣкомъ. Я попалъ въ не хорошую компанію, которая помогла мнѣ прокутить отцовское достояніе. Въ два года, изъ довольно порядочнаго наслѣдства, у меня не осталось ни копѣйки. Я сталъ голодать.

— Бѣдный Стась!—пожалѣла Ядвига.

— Я сдѣлался шулеромъ.

— Шулеромъ!—воскликнула Ядвига, заломавъ руки.

— Да, и самаго послѣдняго разбора. Кромѣ того, я началъ сильно пить съ горя, видя, что мои товарищи по гимназіи вышли въ люди, служатъ столоначальниками, поженились на шляхтянкахъ, словомъ, живутъ по-пански, а я долженъ шляться по кабакамъ, обыгрывать мужиковъ, прятаться отъ полиціи, не имѣть своего угла, быть гдѣ день, гдѣ ночь, брататься съ разными мошенниками, получать подачки отъ павшихъ женщинъ, которыя надоѣдали мнѣ своею гадкою любовью и словомъ, я погрязъ по уши и чуть не сдѣлался воромъ.

— Воромъ?—воскликнула Ядвига, быстро отодвинувшись отъ своего собесѣдника, котораго чуть не разлюбила въ эту минуту.

— Да,—отвѣтилъ Стась, который съ какимъ-то наслажденіемъ разсказывалъ о своемъ паденіи,—воромъ и даже убійцей, если-бы нужно было, потому что мнѣ хотѣлось ѣсть, я былъ голоденъ. Вы понимаете,

сударыня, что такое значитъ голодать по цѣлымъ суткамъ, не имѣть во рту куска хлѣба, красть овесъ изъ желобовъ и жевать его до тошноты, жевать пробку, гутта-перчу и тому подобную дрянь? О, вы богачи, и понятія объ этомъ не имѣете, а я это испыталъ.

— Бѣдный Стась!—проговорила Ядвига со слезами на глазахъ.

— Не опредѣли меня панъ Андрей въ дозорцы, я-бы сдѣлался воромъ, хоть бы для того, чтобы попасть въ тюрьму, гдѣ кормятъ даже болѣе тяжкихъ преступниковъ.

Ядвига, растроганная этимъ разсказомъ, обвила руками шею Стася, склонила голову на его грудь и тихо заплакала.

— Но,—продолжалъ Стась, поцѣловавъ нѣсколько разъ волосы плакавшей на груди его аристократки,—при всѣхъ моихъ скверныхъ поступкахъ, я въ душѣ оставался честнымъ человѣкомъ, совѣсть меня всегда мучила и я бы давно повѣсился, если бы не надежда, что мои обстоятельства перемѣнятся. И они, дѣйствительно, перемѣнились. Судьба вознаградила меня за всѣ мои страданія. Обладая такимъ сокровищемъ, какъ ты, моя Ядвига, я забываю свое прошлое и не забочусь о будущемъ. Я счастливъ и знать ничего не хочу.

И онъ быстро схватилъ голову Ядвиги и сталъ осыпать ея лицо страстными поцѣлуями.

— Твоя любовь облагораживаетъ меня,—продолжалъ онъ,—я чувствую себя перерожденнымъ и теперь уже не сомнѣваюсь, что опять сдѣлаюсь порядочнымъ человѣкомъ. Знаешь, гдѣ и какъ провожу теперь время, когдая незанятъ службою? Сижу дома, читаю, пишу, учусь.

— Неужели?—воскликнула Ядвига въ восторгѣ. О, какъ я рада!

— Никогда я не чувствовалъ такого рвенія къ ученію, какъ теперь. Учусь и по французски.

— Неужели?

— Да. Я когда-то зналъ этотъ языкъ, но забылъ, теперь освѣжаю мои прежнія познанія. Беру уроки у пана Переца, онъ хорошій учитель, а главное. онъ обучаетъ меня даромъ. Я этой услуги никогда не забуду. Онъ хоть и жидъ, но порядочный человѣкъ. Я его очень уважаю. Современемъ, онъ, вѣроятно, сдѣлается католикомъ.

Часы на городской башнѣ пробили десять.

— Десять!—воскликнула Ядвига, встрепенувшись,—мнѣ уже пора. Папа пріѣзжаетъ изъ клуба въ половинѣ двѣнадцатаго.

Она поднялась съ дивана и стала приводить въ порядокъ свой нѣсколько помятый туалетъ.

— Послушай, Стась,—сказала она, поспѣшно натягивая перчатки,—ты очень хорошо дѣлаешь, что учишься. Тебѣ это пригодится. Я не Ядвига фонъ-деръ-Горстъ, если не выхлопочу для тебя хорошей должности. Ожидаю только пріѣзда пана Вацлава. Черезъ него мнѣ ловче будетъ дѣйствовать. Графъ мнѣ самой не отказалъ бы, но, понимаешь, мнѣ неловко просить за тебя.

— Разумѣется, я этого и не желаю.

— До свиданія, Стась. Проводи меня до угла. Тамъ ожидаетъ меня лакей.

Они обнялись, поцѣловались и вышли изъ сада.

— Гдѣ Стась? —спросила Марциша, влетѣвъ, какъ бомба, ни жива, ни мертва, въ кабинетъ тетушки Праксeды, въ то время, когда любовникъ ея объяснялся въ бесѣдкѣ съ панной Ядвигой.—Гдѣ Стась?

— Это что за манера?—осадила ее тетушка, никогда не терявшая присутствія духа, окинувъ Марцишу строгимъ, полнымъ достоинства, взглядомъ.—Ты забываешь, гдѣ ты и съ кѣмъ говоришь. Точно въ кабакъ ворвалась!...

Марциша, блѣдная, запыхавшаяся, едва державшаяся на ногахъ, опустилась на близъ стоявшее кресло и чуть не упала въ обморокъ отъ усталости и волненія.

— Извините, тетушка,—проговорила она прерывающимся голосомъ, держась за грудь,—я бѣжала... пѣшкомъ... двѣ версты... я устала.. Отдохну... разскажу.

— Ну, отдохни,—сказала тетушка нѣсколько мягче,—прилягъ на диванъ, тамъ тебѣ будетъ удобнѣе.

Марциша поплелась къ дивану, легла и закрыла лицо руками.

— Пойду принесу лимонадъ,—сказала тетушка, зазвенѣвъ ключами и вышла въ сѣни.

Она вызвала изъ кухни разсыльную дѣвушку, шепнула ей что-то на ухо, отперла шкафъ, вынула полубутылку лимонаду и возвратилась въ комнату.

Праксeда нашла Марцишу рыдающею. Она присѣла къ ней на диванъ и, какъ будто проникнувшись участіемъ, взяла ее за руки и стала распрашивать.

— О чемъ ты плачешь?

— Какъ мнѣ не плакать, тетя? Мнѣ такъ больно! Сердце разрывается... Онъ обманываетъ меня.

— Откуда ты знаешь, что онъ тебя обманываетъ?

— О, я знаю! Онъ избѣгаетъ меня. Онъ назначаетъ мнѣ свиданія и не приходитъ. Онъ уже измучилъ меня. Вечеромъ мнѣ показалось, какъ будто онъ шелъ сюда. Я все бросила и, сломя голову, летѣла сюда, а его нѣтъ... О, онъ меня обманываетъ! Онъ вѣрно добылъ себѣ другую коханку, а меня бросилъ.

— Такъ брось и ты его!—совѣтовала Пракседа,—это самое лучшее наказаніе для мужчины. Слезами ты на нихъ не подѣйствуешь: они вѣдь тираны, мучить насъ—составляетъ для нихъ удовольствіе. Такъ самое лучшее плевать на нихъ, показать имъ, что можемъ обойтись и безъ нихъ. Право.

— Я не могу... Я люблю его!

— И онъ знаетъ, что ты его любишь?

— Еще бы не знатъ ему! Онъ очень хорошо знаетъ, что я жизни своей не пожалѣла-бы для него.

— Вотъ это-то и не хорошо,—сказала Пракседа наставительно.— Мужчинѣ никогда не нужно показывать виду, что любишь его. Какъ только онъ узналъ, что ты его любишь, такъ онъ для тебя уже пропалъ. Онъ до тѣхъ поръ только будетъ ухаживать за тобою, пока не добьется отъ тебя признанія; а какъ только добился, такъ ты больше ему не нужна. О, я ихъ знаю! Съ ними нужно хитрить, и какъ еще!.. Они у ногъ моихъ валялись, на рукахъ меня носили, а признанія не добивались.

Пракседа вздохнула, вспомнивъ свое прошлое и потомъ продолжала:

— Да, моя милая. Я *ихъ* мучила, а не они меня. Я имъ такъ кружила головы, что было любо-дорого смотрѣть. Я любила одного, а показывала видъ, что люблю совсѣмъ другого, и тѣмъ держала моего любовника на заднихъ лапкахъ. Не польстись я на деньги, я-бы была теперь ясневельможною паней... Да, прибрать къ рукамъ мужчину совсѣмъ не трудно, нужно только умѣть держаться, а ты, моя милая, какъ вижу, не умѣешь.

— Да, тетенька, я въ самомъ дѣлѣ не умѣю. О, дайте мнѣ совѣтъ, научите меня, какъ опять приворожить къ себѣ Стася.

— Если приворожить, такъ зачѣмъ же Стася? Онъ голышъ, что проку въ немъ? Можно найдти лучшаго.

— Мнѣ лучшаго не надо. Хочу Стася, и только Стася!...

— Глупа ты, моя милая,—вотъ что я тебѣ скажу. Зачѣмъ держаться одного? это не выгодно. Знаешь, какъ поется въ пѣснѣ? Dzisiaj Staś jutro, Jaś... Такъ и слѣдуетъ.

— Нѣтъ, тетенька,—сказала Марциша, вставъ съ дивана,—я этого не могу. У меня уже характеръ такой. Люблю Стася, и только Стася. Я безъ него жить не могу.

— Ну что, если онъ любитъ другую?

— Другую?—воскликнула Марциша не своимъ голосомъ, хватаясь за голову.—Вы говорите, онъ любитъ другую? О я несчастная!... Вы что нибудь знаете? О, говорите, ради Бога, говорите всю правду! Я должна это знать! О, не мучьте, не губите меня. Тетушка, матушка, голубушка, умоляю васъ, заклинаю васъ, говорите правду, всю правду!

И она, плача и рыдая, бросилась къ ногамъ старой кокотки, которую надѣялась растрогать своими мольбами и своимъ изступленнымъ отчаяніемъ. Но зачерствѣлое сердце Пракседы не измѣнило себѣ: оно не было тронуто слезами и воплями валявшейся у ногъ ея бѣдной дѣвушки.

— Чего ты отъ меня хочешь, глупая ты? —сказала Пракседа, принявъ сердитую мину,—я ничего не знаю. Я высказала только предположеніе. Мнѣ почемъ знать, что дѣлается въ сердцѣ твоего Стася?

— О, вы знаете,—плакала Марциша, ломая руки,—вы все знаете. Вы меня обманываете. Вы Стасю подсунули другую коханку. О, сжальтесь надо мною! Чѣмъ я предъ вами провинилась? За что такое наказаніе?

— Отстань отъ меня! —крикнула на нее Пракседа.—Ты говоришь глупости, мнѣ надоѣло тебя слушать.

— Но мнѣ больно, охъ, какъ больно! Вы не можете этого чувствовать, потому что вы никогда не любили.

— Не твое дѣло, любила-ли я или нѣтъ.

— Войдите въ мое положеніе. Сжальтесь надо мною! Отдайте мнѣ Стася! Я безъ него жить не могу! Я повѣшусь, я... я беременна, слышите?

— А мнѣ какое дѣло?

— Зачѣмъ же вамъ было сводить его съ другою!

— Марциша!—грозно крикнула Пракседа, топнувъ ногой.—Ты не забывай, съ кѣмъ говоришь. Я тебя отошлю въ кварталъ!...

— Въ кварталъ?—воскликнула дѣвушка, подскочивъ, какъ разъя-

ренная тигрица, къ Пракседѣ.—Вы смѣете мнѣ угрожать? Вы, старая, безсовѣстная сводница!

— Да, я, старая, безсовѣстная сводница,—проговорила Праксeда, даже не моргнувъ,—отправлю тебя въ кварталъ, въ комитетъ, а Стася тебѣ уже не видать, какъ ушей своихъ.

— Врешь, колдунья! — кричала Марциша, не помнившая себя отъ ярости.—Я его увижу, я его найду, хоть бы онъ сквозь землю провалился, я его найду, его и его коханку! Ей смерть и мнѣ смерть! Я ее задушу, зарѣжу, а его взведу на эшафотъ. Да, онъ въ моихъ рукахъ. Я знаю о немъ то, чего никто не знаетъ. Знаю, гдѣ и за что онъ получаетъ жалованье; знаю, у кого онъ на службѣ. Скажу начальству только одно слово, такъ его сошлютъ въ Сибирь, въ каторгу. Я себя въ обиду не дамъ. Я не такъ глупа, какъ онъ обо мнѣ думаетъ. Я ему отмщу! мнѣ смерть и ему смерть!

— Туда вамъ и дорога,—сказала Праксeда, отворяя дверь.

— Онъ такъ дешево со мною не раздѣлается. Вы это ему и скажите.

— Скажи ему сама, я отъ служанокъ приказаній не принимаю. Я сама барыня. Убирайся!

— А съ вами я разсчитаюсь другимъ манеромъ.

— Очень хорошо; Праксeда ни у кого въ долгу не остается. Убирайся же, говорю тебѣ!—крикнула Праксeда уже въ сердцахъ, указывая на дверь,—не то—позову людей!

— Людей? Какая важная барыня! —проговорила Марциша, уходя и саркастически улыбаясь.

Праксeда заперла за ушедшей дверь, сѣла на диванъ и, скрестивъ на груди руки, крѣпко задумалась.

IX.

На другой день чуть свѣтъ, тетушка Праксeда, понявшая сразу, чѣмъ пахнетъ угроза отчаянной дѣвушки, послала за Стасемъ и разсказала ему всю вчерашнюю сцену съ Марцишей.

— Неужели она такъ и сказала?—воскликнулъ Стась, схватившись за голову.—О, я несчастный! что я надѣлалъ? ..

— Ты глупостей надѣлалъ, вотъ что!—отвѣтила Праксeда.—Нашелъ кому довѣрять тайну, ха, ха, ха! Ты теперь на себя и пеняй.

— Но я ее убью!—воскликнулъ онъ, сжавъ кулаки.

— Дѣлай съ нею, что хочешь. Только смотри, чтобы скорѣе покончить съ этой дѣвкой. Не то, ты наживешь бѣды себѣ, паннѣ Ядвигѣ и твоимъ принципаламъ.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросилъ онъ, ломая руки.

— Помирись съ нею,—посовѣтовала Праксeда иронически улыбнувшись,—приголубь ее. Она вѣдь только этого и хочетъ. Помирись.

— Помириться съ нею?—никогда! Я ее терпѣть не могу.

— Вы, мужчины, всѣ на одинъ покрой: сперва на стѣны лѣзутъ, жить безъ коханки не могутъ, а потомъ, когда натѣшатся вдоволь, такъ бросаютъ, какъ ненужную вещь. Я всегда знала, что мужчинамъ нельзя вѣрить; ихъ клятвы—пустыя слова, не больше. О, если бы всѣ женщины имѣли мой умъ!... Но гдѣ имъ до моей опытности! Го, го! я мужчинамъ потачки не давала. Я ихъ бросала, а не они меня. Вотъ какъ нужно съ вами поступать, а не то, что вѣшаться вамъ на шею. Вы этого не стоите, вы тираны, мерзавцы, подлецы, дураки! Вы любите только ту, которая и смотрѣть на васъ не хочетъ, а которая къ вамъ ласкается, такъ ту отъ себя гоняете. О, задала бы я вамъ феферу!... Имѣй я власть, я бы васъ всѣхъ въ сумасшедшій домъ упрятала, потому что вы всѣ сумасшедшіе, звѣри лютые и только! Искусать, растерзать невинную дѣвушку для васъ ничего. Я-бы васъ безъ намордниковъ на улицу не пускала. Вотъ что!...

Старая кокотка такъ увлеклась защитою слабаго, обижаемаго пола, что, въ пылу гнѣва, чуть не вцѣпилась въ стоявшаго передъ нею, съ поникшею головою, молодого человѣка. Послѣдній, будучи погруженъ въ свои думы, ничего не слышалъ, что протараторила Праксeда, и только, когда наступила пауза, онъ, какъ-бы очнувшись отъ сна, опять спросилъ:

— Что же мнѣ дѣлать?

— Помирись!—повторила совѣтъ свой Праксeда.

— А панна Ядвига?

— Ага! Такъ ты за двумя зайцами хочешь гнаться? Слишкомъ жирно будетъ. Нѣтъ, братъ, отъ панны Ядвиги ты долженъ отказаться.

— Отказаться? Отъ панны Ядвиги?—воскликнулъ Стась, вперивъ въ Праксeду взглядъ, полный гнѣва и презрѣнія.—Нѣтъ, любезная тетушка, я скорѣе откажусь отъ жизни, чѣмъ отъ панны Ядвиги. Ее я

люблю искренно, бѣшенно. Отъ нея не откажусь ни за какія блага въ мірѣ.

— Ну, дѣлай, какъ знаешь. Я тебѣ не совѣтница,—проговорила Пракседа, снявъ со стѣны свою гитару, къ которой она прибѣгала каждый разъ, когда бывала не въ духѣ или слишкомъ взволнована.

Наступила пауза. Стась съ поникшею головою и скрещенными на груди руками сталъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, а Пракседа, наклонившись надъ своимъ любимымъ инструментомъ, взяла нѣсколько густыхъ аккордовъ и заиграла сперва какую то пѣсенку, а потомъ гимнъ: «Boże coś Polskę». Окончивъ гимнъ, она немного отдохнула, настроила гитару и опять стала играть что-то, а Стась все еще продолжалъ ходить по комнатѣ. Лицо его было блѣдно, разстроенно. Видно было, что онъ думаетъ, и тяжкую думу думаетъ.

— Такъ,—говорилъ онъ самъ съ собою.—Такъ... А то, какъ же?. Нельзя... Пустяки! Вздоръ! Эка важность!.. Мигъ,—и кончено... Все таки лучше, чѣмъ... Вѣдь ойчизна... Графъ... Ядвига...

Пракседа продолжала играть, изъ подлобья поглядывая на разсѣяннаго и думавшаго вслухъ Стася.

— Не повѣритъ? Повѣритъ, — продолжалъ онъ свой несвязный монологъ,—я такъ сдѣлаю, что повѣритъ... Ишь, погубить насъ всѣхъ вздумала! Врешь, не погубишь! Сама сгинешь, а не погубишь!.. Прощайте! проговорилъ онъ, схвативъ фуражку и направляясь къ двери.

— Куда ты бѣжишь? На чемъ ты порѣшилъ?—спросила Пракседа, вскочивъ съ кресла и вперивъ въ разстроенное лицо Стася испытующій и испуганный взглядъ.

— Порѣшилъ... порѣшилъ,—пробормоталъ Стась, непріятно улыбнувшись, и выбѣжалъ изъ комнаты, оставивъ Пракседу въ страшномъ недоумѣніи.

Онъ бѣжалъ, бѣжалъ долго, безъ оглядки, какъ будто спасаясь отъ погони. Онъ очень удивился, когда вдругъ увидѣлъ себя въ своей квартирѣ. Какимъ образомъ онъ до нея добрался, какими улицами онъ шелъ, кто подалъ ему ключъ, хозяйка или Елжбета, хозяйская служанка?—онъ ничего не помнилъ. Онъ даже не зналъ, что теперь: день или ночь, и давно ли онъ сидитъ у себя на кровати. И зачѣмъ онъ сидитъ на кровати, а не на стулѣ? Онъ спалъ? Можетъ быть да, можетъ быть и нѣтъ. Онъ ничего не помнилъ. Въ головѣ его мутилось. Онъ только помнилъ, что ему зачѣмъ-то нужно было навѣдаться къ ксендзу Квецинскому, но за чѣмъ?—не помнилъ.—Зналъ и забылъ. Чортъ возьми, пойду къ ксендзу Квецинскому,—порѣшилъ онъ.—Вѣдь нужно, крайне нужно!...

И онъ побѣжалъ къ ксендзу Квецинскому. Но вмѣсто воспитательнаго дома, гдѣ жилъ ксендзъ Квецинскій, онъ очутился на набережной, въ совершенно другомъ концѣ города, между тѣмъ какъ воспитательный домъ находился въ самомъ центрѣ. Онъ даже этому не удивился: онъ думалъ, что такъ и слѣдуетъ.

— Что это за будки на рѣкѣ?—спросилъ онъ у дряхлаго инвалида, сидѣвшаго на берегу, и покуривавшаго трубку.

— Это купальни,—флегматически отвѣтилъ инвалидъ, не взглянувъ даже на вопрошавшаго.

— Можно купаться?

— Отчего не можно? За три копѣйки можно. Я на это и поставленъ.

Стась бросилъ инвалиду мѣдную монету и быстро опустился по лѣстницѣ, ведущей къ купальнямъ, какъ будто онъ и изъ дому вышелъ съ единственнымъ намѣреніемъ —купаться.

Холодное купанье освѣжительно на него подѣйствовало. Къ нему возвратилось сознаніе. Онъ вдругъ припомнилъ свой разговоръ съ Пракседой, угрозу Марцини, свое намѣреніе и за чѣмъ ему нужно къ ксендзу Квецинскому. Ему только казалось, что все это происходило не сегодня, а уже давно, по крайней мѣрѣ, нѣсколько дней тому назадъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ онъ такъ много передумалъ и перечувствовалъ, что утренній разговоръ съ Пракседой показался ему чѣмъ-то давнопрошедшимъ. Но то онъ ясно сознавалъ, что ему, паннѣ Ядвигѣ и даже жонду грозитъ опасность, отъ которой слѣдуетъ скорѣе освободиться.

Намѣреніе его было твердо, непоколебимо. Эта-то твердость и непоколебимость, внушенныя ему необходимостью задуманнаго имъ дѣла, и пугали его. Онъ дорого бы далъ, чтобы это дѣло не было столь необходимо, неотразимо. А виноватъ всему онъ самъ. Зачѣмъ онъ повѣрилъ такую важную тайну постороннему лицу, дѣвкѣ?

И чѣмъ виновнѣе себя чуствовалъ, тѣмъ онъ проникался все большею злобою, къ существу, совершенно невинному, къ Марцишѣ, повѣрившей его клятвамъ, отдавшейся ему всѣмъ сердцемъ, а потому не могшей равнодушно переносить его измѣну... Марциша права, но чѣмъ

болѣе она права, тѣмъ она болѣе виновна въ его глазахъ, потому что она глаза ему колетъ своею правотою.

Нужно, чтобы она ему не колола глазъ, нужна жертва, и этой жертвой долженъ быть другой, всякій другой, но не онъ самъ. Онъ, правда, виноватъ, кругомъ виноватъ, но за его вину долженъ поплатиться другой. Инстинктъ самосохраненія другой логики не знаетъ, кромѣ той, которою руководствуется ребенокъ, когда бьетъ столъ, о который, шаля, ударился. Но кто же другой? Панна Ядвига? Но неужели ей можетъ быть поставлено въ вину то, что, пренебрегая предразсудками своего сословія, она влюбилась въ простолюдина? Да это заслуга, она просто свята! При томъ, онъ ею жертвовать не можетъ, онъ ее любитъ искренно, пламенно. Эта любовь облагораживаетъ его, перерождаетъ его въ другаго, лучшаго, порядочнаго человѣка. Эта любовь сдѣлаетъ его героемъ, спасителемъ ойчизны. Онъ это чувствуетъ, онъ въ томъ убѣжденъ. Ясно, что жертвою должна пасть Марцина, мѣшающая этой любви, мѣшающая ему сдѣлаться героемъ, спасителемъ родины. Она измѣнница, а потому должна понести кару.

Такъ порѣшилъ его разсудокъ, отуманенный страстью и страхомъ. Его замыселъ сталъ казаться ему даже добрымъ, богоугоднымъ, патріотическимъ дѣломъ. Ему стало казаться, что онъ хочетъ спасти не себя, а ойчизну, для которой никакая жертва не можетъ быть слишкомъ дорога. Онъ сталъ убаюкивать себя мыслію, что ему предстоитъ совершить *подвигъ*, а не преступленіе, и подвигъ, который такъ возвыситъ его въ глазахъ жонда, въ особенности въ глазахъ Ядвиги, что она смѣло, открыто, въ присутствіи своего гордаго отца, подастъ ему руку и торжественно произнесетъ: «Вотъ мужъ, котораго избрало мое сердце; вы видите, что оно не ошиблось. Ведите насъ къ алтарю и благословите бракъ нашъ, который предъ лицомъ Бога уже давно былъ совершенъ».

Но совѣсть? Вотъ тутъ-то и была вся заковычка, потому что онъ еще не былъ испорченъ до такой степени, чтобы не чувствовать, что онъ самъ кругомъ виноватъ, и что онъ рѣшается на преступленіе, а не на подвигъ: совѣсть не любитъ софизмовъ.

И вотъ, для успокоенія совѣсти, ему нужно было повидаться, поговорить съ ксендзомъ Квецинскимъ, законоучителемъ воспитательнаго дома, съ которымъ онъ очень хорошо былъ знакомъ по жонду. Ксендзовская снисходительность была ему знакома: какъ человѣкъ набожный, онъ очень часто, передъ каждымъ постомъ и большимъ праздникомъ, стоялъ на колѣнахъ въ конфессіоналѣ и всегда получалъ утѣшеніе и разрѣшеніе отъ грѣховъ, по-видимому, самыхъ тяжкихъ: ксендзовская казуистика какъ-то умѣла прощать все. На эту-то знакомую ему казуистику Стась и возложилъ теперь всю свою надежду. Для приведенія въ исполненіе своего замысла или *подвига*, какъ онъ рѣшился думать, ему нужна была духовная помощь, такъ сказать, освященіе религіи, зная, что безъ этого у него рука не поднимется, хотя онъ въ своемъ намѣреніи и былъ очень твердъ. Ему нужно было, чтобы какое нибудь духовное лицо благословило его на предстоявшій ему *подвигъ*.

И онъ отправился къ ксендзу Квецинскому.

X.

Онъ нашелъ ксендза Квецинскаго занятымъ очень важнымъ дѣломъ: дрессированіемъ двухъ десятковъ мальчугановъ къ ожидаемому визиту самаго бискупа, который обыкновенно разъ въ годъ, а именно въ Ивановъ день, удостоивалъ воспитательный домъ своимъ посѣщеніемъ. Къ этому-то посѣщенію ксендзъ Квецинскій приготовлялъ сюрпризъ, долженствовавшій состоять въ томъ, что мальчики пропоютъ передъ бискупомъ сорокъ шестой псаломъ по-латыни. И такъ какъ мальчики не знали ни нотъ, ни латинскаго языка, поэтому, ксендзу Квецинскому очень много труда стоило вдолбить имъ такія слова, смысла которыхъ они и не подозрѣвали. Они только знали, что эти слова очень мудреныя и когда они благополучно пропоютъ ихъ передъ паномъ бискупомъ, послѣдній раздастъ имъ въ награду мѣдные крестики на шелковыхъ шнуркахъ. Крестиками же изъ рукъ самаго бискупа питомцы воспитательнаго дома весьма дорожили. Разъ получивъ ихъ, и всегда при какомъ нибудь торжественномъ случаѣ, они уже не разставались съ ними во всю жизнь. Эти крестики считались реликвіею, приносящею счастье ихъ носившему. Это преданіе преемственно жило въ стѣнахъ воспитательнаго дома, находившагося подъ исключительнымъ вліяніемъ духовенства: ксендзовъ и сестеръ милосердія. Замѣчательно, однакоже, что, не смотря на строго-религіозное воспитаніе, не смотря на исключительное общеніе съ ксендзами и монахинями, питомцы воспитательнаго дома, по выходѣ изъ заведенія, принимались обыкновенно за родъ жизни, не имѣвшій ничего общаго съ полученнымъ ими воспитаніемъ. Мужчины дѣлались лакеями, извощиками или писарями у

квартальныхъ надзирателей, а женщины принимались за профессію горничныхъ, бѣлошвеекъ, модистокъ или хористокъ въ городскомъ театрѣ. Не малый процентъ изъ воспитательнаго дома опредѣлялся «племянницами» къ тетушкѣ Пракседѣ, которая съ племянницами воспитательнаго дома больше всего и любила имѣть дѣло, какъ съ субъектами, которыхъ всего удобнѣе можно было эксплоатировать, ибо кто заступится за найденыша?

Марциша, скажемъ кстати, тоже была найденышемъ и питомицей воспитательнаго дома. Подъ опеку Праксецы она попала въ первый ж годъ, послѣ выхода изъ заведенія. Много поработала она для своей нареченной тетушки, которою она была законтрактована за два ситцевыхъ платья и пару ботинокъ, казавшихся ей драгоцѣнностью. Но когда, съ теченіемъ времени, она поумнѣла, то пошла въ горничныя и стала жить для себя. Она уже сдѣлалась было порядочною дѣвушкою, но знакомство со Стасемъ опять помутило мирный потокъ ея трудовой жизни и она начала страдать, мучиться, тревожиться, постоянно опасаясь лишиться мѣста, за свою неисправность и несвоевременныя отлучки въ городъ, или своего любовника, за неакуратность при назначенныхъ ей свиданіяхъ. Стась же, съ деспотизмомъ мужчины, сознающаго, что онъ горячо любимъ, не входилъ въ положеніе своей возлюбленной и назначалъ ей свиданія, не соображаясь съ ея обстоятельствами. Я такъ хочу!» было обыкновенно отвѣтомъ на всѣ ея доводы, и она повиновалась, рискуя каждый разъ лишиться честнаго куска хлѣба. Читатель уже знаетъ, какъ мало это повиновеніе смягчало сердце развратнаго молодаго человѣка.

ь При первомъ представившемся случаѣ, онъ забылъ ея пламенную любовь, ея самоотверженіе, бросилъ ее, какъ не нужную тряпку, и теперь помышлялъ даже совсѣмъ покончить съ нею, какъ съ существомъ, будто-бы мѣшающимъ ему сдѣлаться героемъ, спасителемъ отчизны.

Когда Стась вошелъ къ ксендзу Квецинскому, онъ сначала оглушенъ былъ доносившимися къ нему въ прихожую криками двухъ десятковъ здоровыхъ молодыхъ голосовъ; но, разобравъ потомъ, что это костельное пѣнье, онъ, набожный, вдругъ проникся благоговѣніемъ, опустился въ прихожей на колѣни, сложилъ руки и сталъ слушать.

— Psallite Deo nostro, psallite, — пѣлъ десятокъ сопрано.

— Psallite Regi nostro, psallite,—заключилъ десятокъ дискантовъ.

— Quoniam Rex omnis terrae Deus.

— Psallite sapienter.

— Regnabit Deus super genites.

— Gentes, ослы!—поправилъ ксендзъ, топнувъ ногой.

— Gen-tes,—протянули сопрано покорно, удивляясь только капризу своего учителя, которому gentes почему-то больше нравилось, чѣмъ genites.

— Deus sedet super siedm.

— Sedem! опять поправилъ ксендзъ, заскрежетавъ зубами.—Siedm, по-польски—и означаетъ извѣстное число, напримѣръ: siedm bękartow *) — поглумился онъ надъ бѣдными сиротами, думая, что съострилъ.

Сироты замѣтили поправку и пропѣли:

— Sedem sanctam suam. И т. д.

Мальчики уже едва держались на ногахъ отъ усталости, жары и жажды, которымъ подвергались въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Наконецъ, пробило семь часовъ, и по всему двору раздался звонокъ, призывавшій дѣтей къ вечерней трапезѣ. Они поплелись въ столовую, гдѣ ихъ ожидали: кусокъ хлѣба и какая-то мутная мучная похлебка.

— Что скажешь?—обратился ксендзъ къ встрѣтившемуся ему въ прихожей Стасю.

Стась сконфузился и не зналъ, что отвѣчать.

— Я пришелъ къ вамъ за совѣтомъ,—пролепеталъ онъ потомъ.

— За совѣтомъ? Изволь! сказалъ ксендзъ, пригласивъ Стася къ себѣ въ кабинетъ.—Ну что, не собираешься-ли ты жениться?—спросилъ онъ, усѣвшись на диванѣ и закуривъ трубку.

— Почему, вельможный пане, изволите такъ думать?

— Потому, вижу, что ты конфузишься, краснѣешь.

— Неужели я конфужусь?—спросилъ Стась, негодуя на себя, что онъ конфузится.—А впрочемъ, все равно. При исповѣди я всегда конфужусь.

---

*) Незаконнорожденныхъ.

— При исповѣди?—спросилъ ксендзъ, окинувъ Стася недоумѣвающимъ взглядомъ.—Неужели ты пришелъ исповѣдаться?

— Почти, что такъ.

— Но, мой сынъ,—возразилъ ксендзъ,—ты развѣ не знаешь, что на дому священникъ не принимаетъ исповѣди? Если хочешь исповѣдаться, то приходи завтра къ ранней обѣднѣ и стань у конфессіонала.

Стась понурилъ голову и молчалъ, не зная, какъ приступить къ дѣлу.

— Стась!—воскликнулъ ксендзъ, подошедъ къ нему близко и вглядѣвшись въ его лицо.—Я не узнаю тебя. Ты растроенъ. Что случилось? говори откровенно. Что случилось? Жондъ уволилъ тебя!

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Стась, вздохнувъ,—совсѣмъ не въ томъ дѣло.

— Въ чемъ же дѣло?

Стась опять понурилъ голову и задумался.

— Въ чемъ же дѣло?—повторилъ ксендзъ вопросъ свой. Стась поднялъ голову, окинулъ ксендза разсѣяннымъ взглядомъ, взъерошилъ свои волосы и сказалъ:

— Вы спрашиваете, въ чемъ дѣло? А вотъ въ чемъ... Скажите мнѣ: что Богу дороже, человѣкъ или ойчизна?

— Ойчизна,—отвѣтилъ ксендзъ.

— И это вѣрно?

— Съ тобою говоритъ ксендзъ Квецинскій.

— Хорошо. Теперь скажите, какой грѣхъ больше, убійство или измѣна ойчизнѣ?

— Нѣтъ большаго грѣха, чѣмъ измѣна ойчизнѣ.

— Стало быть, убійца можетъ еще надѣяться на прощеніе?

— Милосердіе Бога неизмѣримо; чистосердечное раскаяніе смываетъ кровь и съ убійцы.

— Неужели! воскликнулъ Стась, обрадовавшись. О, какъ я вамъ благодаренъ! Вы просто вдохнули въ меня новую жизнь. О, дайте мнѣ поцѣловать вашу руку.

Ксендзъ спряталъ руку въ карманъ своей сутаны.

— Говори прямо, ты кого нибудь убилъ?—спросилъ онъ строго.

— Нѣтъ, вельможный пане.

— Зачѣмъ же ты меня экзаменуешь?

— О, я знаю зачѣмъ!.. Мнѣ нужно знать еще вотъ что. Что, если для отвращенія отъ ойчизны большой опасности, я долженъ убить кого нибудь, убить измѣнника, дабы онъ не совершилъ своей измѣны, могу-ли?

— Я не знаю,—отвѣтилъ ксендзъ уклончиво, понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло,—церковь можетъ имѣть дѣло только съ преступленіемъ уже совершеннымъ.

— Но могу ли его совершать?

— Церковь отпускаетъ грѣхи, но не разрѣшаетъ ихъ.

— Стало быть, нельзя?

— Церковь отпускаетъ грѣхи, но не разрѣшаетъ ихъ,—повторилъ ксендзъ, удивляясь недогадливости Стася.—Я тебя спрашиваю, ты кого нибудь убилъ или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Такъ изъ-за чего же ты тутъ хлопочешь?

— Я же вамъ сказалъ изъ-за чего. Ксендзъ Квецинскій счелъ нужнымъ прикидываться непонимающимъ.

— Ты, Стась, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, очень глупъ,—сказалъ онъ, добродушно улыбаясь,—съ тобою трудно столковаться. Я тебя спросилъ, совершилъ-ли ты преступленіе? Ты мнѣ отвѣчалъ что нѣтъ, такъ вѣдь?

— Такъ, вельможный пане.

— Ну, вотъ и все, что ты мнѣ сказалъ и что я знаю. Больше я ничего не знаю и знать не хочу. Прощай! Мнѣ пора къ вечернѣ.

— Но, вельможный пане!—воскликнулъ Стась рѣшительно, упавъ передъ ксендзомъ на колѣни.—Благословите меня, по крайней мѣрѣ.

— Это другое дѣло,—отвѣтилъ ксендзъ. Въ своемъ благословеніи не могу тебѣ отказывать. Ты вѣдь не преступникъ?

— Нѣтъ еще,—невольно проговорился Стась.

Ксендзъ, прикидываясь, что недослышалъ словечка «еще», поднялъ правую руку и, осѣняя голову преклоненнаго предъ нимъ Стася крестнымъ знаменіемъ, произнесъ:

— Во имя Отца, и Сына, и Духа Святаго, будь благословенъ, сынъ мой.

Стась, поцѣловавъ полу ксендзовской сутаны, всталъ, низко поклонился и ушелъ.

Ксендзъ постоялъ нѣсколько минутъ въ глубокой задумчивости, потомъ щелкнулъ пальцами, произнесъ слово: «патріотъ»,—и отправился къ вечернѣ.

Нѣсколько дней спустя, въ мѣстной газетѣ, между городскими происшествіями было напечатано слѣдующее:

«Вчерашняго числа, между седьмымъ и осьмымъ часомъ вечера, въ трехъ верстахъ отъ города, въ рощѣ, называемой Чертовымъ боромъ, здѣшній мѣщанинъ Станиславъ Подгура, 26-ти лѣтъ, въ припадкѣ бѣшенства, застрѣлилъ изъ пистолета находившуюся съ нимъ въ любовной связи дѣвицу Марту Невѣдомскую, 19-ти лѣтъ. Преступникъ самъ объявилъ полиціи о совершенномъ имъ преступленіи и находится теперь на излеченіи въ домѣ умалишенныхъ. Объ этомъ происшествіи производится слѣдствіе».

XI.

Это происшествіе ужасно встревожило всѣхъ членовъ жонда. Они встревожились не потому, что въ ихъ средѣ оказался убійца, а потому, что этотъ убійца на допросѣ можетъ сдѣлать такія признанія, которыя могутъ имѣть очень печальныя для нихъ послѣдствія. По вопросамъ: кто онъ? чѣмъ занимается? гдѣ бывалъ? съ кѣмъ видался? думали они, легко будетъ добраться до самаго жонда. Хотя уже извѣстно было, что убійца лишился разсудка, но это обстоятельство еще больше пугало ихъ, потому что сумасшедшій въ горячечномъ бреду, думали они, можетъ разболтать то, чего не добились бы отъ него, если бы онъ былъ при здравомъ умѣ. А потому, весь день, слѣдовавшій за происшествіемъ, о которомъ говорилъ весь городъ, члены жонда провели въ неописанномъ страхѣ и тревогѣ: каждый сидѣлъ дома, запершись, отдавъ предварительно приказъ прислугѣ: если кто нибудь придетъ, то сказать, что нѣтъ въ городѣ.

Самъ графъ тоже порядочно струсилъ; но, преодолѣвъ себя, велѣлъ заложить карету и поѣхалъ къ генералу, будто за дѣломъ. Но единственное намѣреніе было, пронюхать, что въ высшемъ административномъ кругу говорятъ и думаютъ о вчерашнемъ происшествіи.

Къ своему неописанному удовольствію и успокоенію, графъ узналъ отъ безсмѣннаго дежурнаго адъютанта, Николая Крутицкаго, находившагося въ генеральскомъ кабинетѣ, когда полицеймейстеръ рапортовалъ о городскихъ происшествіяхъ истекшаго дня, что администрація смотритъ на убійство Невѣдомской, какъ на обыкновенный случай, и что убійца признался только въ своемъ преступленія, но ни въ чемъ больше.

Съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ графъ поспѣшилъ домой успокоить свою племянницу, которая, находясь съ нѣкотораго времени подъ болѣзненнымъ впечатлѣніемъ какихъ-то тревожныхъ предчувствій, была убѣждена, что ея предчувствія начинаютъ сбываться, что случай съ Стасемъ поведетъ къ тѣмъ катастрофамъ, о которыхъ ей постоянно мерещилось.

— Слава Богу!—воскликнула она, сложивъ руки къ молитвѣ, когда выслушала разсказъ дяди.—Однако,—прибавила она потомъ,—за этимъ дѣломъ нужно зорко слѣдить.

— Само собою разумѣется,—согласился графъ,—я уже объ этомъ подумалъ. Примемъ мѣры, примемъ. Иначе нельзя.

Вечеромъ того же дня, жондъ народовый, въ своемъ полномъ составѣ, держалъ совѣтъ въ «большомъ кабинетѣ».

На первой очереди стоялъ поступокъ дозорцы Стася. Каждый выражалъ свое мнѣніе и свои догадки объ этомъ поступкѣ. Когда дебаты казались близкими къ концу, ксендзъ Квецинскій, который до тѣхъ поръ совсѣмъ молчалъ, всталъ, крякнулъ и началъ:

— Панове! Я вижу, что настоящаго смысла поступка дозорца Стася никто изъ нашего почтеннаго собранія не знаетъ. И это не мудрено, потому что почтенному собранію не достаетъ одного свѣденія, которое бросаетъ настоящій свѣтъ на все это дѣло.

И онъ, съ свойственнымъ его званію ораторствомъ, разсказалъ о посѣщеніи Стася, при чемъ счелъ однако нужнымъ умолчать о данномъ имъ Стасю отвѣтѣ: «церковь отпускаетъ грѣхи, но не разрѣшаетъ ихъ», до смысла котораго недогадливый Стась, наконецъ, самъ додумался и принялъ къ свѣдѣнію.

Собраніе взглянуло теперь на поступокъ Стася, какъ на политическое убійство, прониклось глубокимъ уваженіемъ къ «великому патріоту», какъ стали величать теперь весьма обыкновеннаго преступника, и живѣйшимъ сочувствіемъ къ печальному положенію, въ которомъ онъ теперь находился.

Въ этомъ засѣданіи, по предложенію предсѣдателя и ксендза Квецинскаго, было декретировано:

Во-1-хъ, политическое убійство,—съ оговоркою, однакоже: что оно, за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ, можетъ быть совершаемо не иначе, какъ по приговору и порученію народнаго жонда; во-2-хъ, принятіе дозорца № 8 подъ особое покровительство и попеченіе народнаго жонда.

Покровительствомъ имѣлось въ виду выпутать Стася изъ бѣды, когда онъ, въ случаѣ выздоровленія, долженъ будетъ предстать передъ лицемъ правосудія, а *попеченіе* имѣло цѣлью не только облегченіе теперешней участи несчастнаго, но и предупрежденіе, чтобы нескромный бредъ сумасшедшаго не имѣлъ какихъ либо худыхъ послѣдствій для справы ойчизны... Поэтому, декретировалось:

Въ-3-хъ, Начальнику дозорцевъ поручается имѣть бдительный надзоръ за своимъ бывшимъ подчиненнымъ № 8, для чего войти ему въ *интимныя* сношенія съ докторомъ и съ смотрителемъ дома умалишенныхъ.

— Кто докторомъ и кто смотрителемъ въ этомъ заведеніи?—спросили нѣкоторые.

— Люди благонадежные,—отвѣтилъ ксендзъ,—они моей парафіи, мои духовныя чада. Я за нихъ ручаюсь.

На другой день, въ 10-мъ часу утра, Андрей Грушевичъ, съ большимъ запасомъ съѣстныхъ припасовъ и лакомствъ, отправился въ каретѣ графини Сташицкой въ домъ умалишенныхъ, помѣщавшійся въ поіезуитскомъ зданіи, граничавшемъ съ таковымъ же зданіемъ воспитательнаго дома.

Поговоривъ интимно съ смотрителемъ, оказавшимся, въ самомъ дѣлѣ, благонадежнымъ человѣкомъ, Андрей былъ впущенъ къ Стасю.

Онъ нашелъ «великаго патріота» въ отдѣленіи бѣшенныхъ, прикованнымъ къ желѣзной койкѣ, на которой онъ метался и ревѣлъ, какъ разъяренный звѣрь. Стась до того измѣнился, что панъ Андрей хотя и видѣлъ его всего пять дней назадъ, съ трудомъ узналъ его. Онъ окликнулъ его, но Стась, блуждающимъ и мутнымъ взглядомъ, взглянулъ на стоявшаго передъ нимъ человѣка, котораго, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ не узнавалъ, и продолжалъ ревѣть, отъ времени до времени прерывая свой ревъ болѣе тихимъ бредомъ.

Панъ Андрей сталъ прислушиваться къ этому бреду и, чѣмъ болѣе слушалъ, тѣмъ болѣе заинтересовался имъ, потому что, при всей своей безсвязности и отрывочности, бредъ этотъ имѣлъ смыслъ, непонятный для посторонняго, но очень понятный для пана Андрея, знавшаго весь фонъ картины, превратно отражавшейся въ помутившемся мозгу больнаго. Постоявъ съ четверть часа, онъ узналъ и въ чемъ дѣло, узналъ настоящій смыслъ поступка «великаго патріота»...

Панъ Андрей былъ сильно изумленъ тѣмъ, что узналъ. Онъ серьезно задумался и въ его головѣ сталъ созрѣвать планъ, который, судя по отражавшейся на его лицѣ радостной улыбкѣ, обѣщалъ ему много хорошаго.

Оставляя домъ умалишенныхъ, панъ Андрей крѣпко на крѣпко приказалъ смотрителю не допускать до сумасшедшаго некого безъ пароля: «zgoda». Вышедши на улицу, онъ велѣлъ кучеру ѣхать домой и сказать графинѣ, что онъ черезъ часъ будетъ.

Кучеръ уѣхалъ, а панъ Андрей дошелъ пѣшкомъ до угла улицы, и тамъ взялъ извощика.

— Кафедральный проспектъ, домъ фонъ-деръ-Горста—приказалъ онъ извощику.

— Вы къ папа?—спросила Ядвига фонъ-деръ-Горстъ, встрѣчая пана Андрея въ гостинной,—папа вчера уѣхалъ въ деревню.

— Знаю,—отвѣтилъ спрошенный, окинувъ стоявшую передъ нимъ

дѣвушку какимъ-то страннымъ взглядомъ, ею впрочемъ, незамѣченнымъ.—Я пришелъ къ вамъ, ясневельможная пани.

— Ко мнѣ? Очень рада. Прошу садиться.—Панъ Андрей сѣлъ.

— Что скажете,—спросила панна Ядвига, сѣвъ на диванъ и кутаясь въ свою кашемировую шаль, потому что чувствовала себя нездоровою отъ тревогъ и адскихъ мукъ, которыя перенесла въ послѣдніе дни.—Что теперь на дворѣ, холодно?

— Напротивъ, очень тепло.

— А меня знобитъ,—проговорила Ядвига, еще больше кутаясь въ свою шаль.

— Вѣроятно, вы не совсѣмъ здоровы,—замѣтилъ панъ Андрей, еще разъ бросивъ на нее странный, разсѣянный взглядъ, котораго Ядвига опять не замѣтила.

— И я такъ думаю, сказала Ядвига, ежась:—Боюсь, однако чтобы я не заболѣла лихорадкой.

— Ничего,—утѣшалъ ее панъ Андрей,—пройдетесь часикъ на солнцѣ, отогрѣетесь.

И онъ опять взглянулъ на Ядвигу, и на этотъ разъ взоръ его остановился на ея красивой русой головкѣ, отъ которой онъ, казалось, не могъ оторваться.

— Ну, что скажете, панъ Андрей? Ба, ба, ба! Да вы никакъ разсѣяны!—воскликнула Ядвига, только теперь замѣтивъ странное выраженіе на лицѣ молодаго человѣка.—Говорите, что случилось? Вчера было засѣданіе?

— Было, ясновельможная пани,—отвѣтилъ онъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, чтобы быть спокойнѣе.—Но дѣло не во вчерашнемъ засѣданіи.

— Въ чемъ-же?

Панъ Андрей съ минуту колебался, не зная, какъ повести разговоръ.

— Въ чемъ-же дѣло? Говорите-же скорѣе,—приставала къ нему Ядвига.

— Я привезъ вамъ поклонъ,—проговорилъ Андрей, почти задыхаясь отъ волненія и впившись глазами въ блѣдное, но въ высшей степени интересное лицо Ядвиги.

— Отъ кого?—спросила послѣдняя совершенно хладнокровно.

— Отъ человѣка, имѣвшаго счастіе заинтересовать васъ собою.

Ядвига слегка покраснѣла.

— Я васъ не понимаю,—проговорила она тихо, чтобы не выдавать себя голосомъ, который начиналъ дрожать.

— Но если я назову этого человѣка по имени, вы меня поймете?—спросилъ панъ Андрей, нахально и торжествуя заглядывая ей въ глаза.

— Назовите,—проговорила она, все еще надѣясь, что онъ не знаетъ ея страшной тайны.

— Такъ и быть. Вы этого хотите? Извольте. Я привезъ вамъ поклонъ отъ Стася!

— Отъ Стася!—воскликнула Ядвига, всплеснувъ руками и закрывъ свое, вспыхнувшее отъ стыда, и страха лицо въ подушку дивана.

— Да, отъ Стася, отъ дозорца Стася, который имѣлъ счастіе и дерзость завладѣть сердцемъ первой красавицы нашего города, и который отъ избытка счастія убилъ свою любовницу, вашу соперницу, и тѣмъ ввелъ насъ всѣхъ въ бѣду, изъ которой дай Богъ намъ благополучно выпутаться.

— О, я несчастная!—плакала Ядвига, ломая руки.—Что я надѣлала? Гдѣ былъ умъ мой?

— Я сейчасъ былъ у Стася,—продолжалъ панъ Андрей, находя удовольствіе помучить дѣвушку,—и онъ, въ горячечномъ бреду, разболталъ мнѣ всю вашу тайну. Поздравляю васъ, панна Ядвига, съ такимъ пріятнымъ знакомствомъ.

— О, пощадите меня,—умоляла Ядвига, простирая къ нему руки,—не говорите мнѣ объ этомъ дѣлѣ. Я съ ума сойду. Я увлеклась. Я преступна, виновата, и Богъ караетъ меня за мое безумное увлеченіе. О, вы не знаете, сколько я выстрадала въ эти дни. Совѣсть, стыдъ, страхъ терзаютъ мое сердце и не даютъ мнѣ покою.

— Не слѣдовало забывать свое положеніе въ обществѣ—наставительно продолжалъ панъ Андрей,—не нужно было связываться съ человѣкомъ, который не принадлежитъ къ нашей средѣ. Аристократка должна знаться только съ аристократами. Даже въ любви нужно остерегаться mésalliance'а, mésal iance всегда ведетъ къ скандалу.

— О, я это знаю, я это чувствую, но пощадите меня, ради Бога, пощадите меня! Не дѣлайте мнѣ упрековъ: мнѣ довольно моихъ собственныхъ угрызеній совѣсти. Будьте великодушны, будьте снисходительны! Не губите меня, не разглашайте моей тайны!

— Но что, если вашу тайну уже знают другіе?

— Знают другіе?!—воскликнула Ядвига, ухватившись за голову, и, вскочивъ съ своего мѣста, она стала въ изступленномъ отчаяніи бѣгать по комнатѣ.—Ножа! дайте мнѣ ножа!—кричала она, задыхаясь отъ волненія. Я не переживу этого срама!.. Папа не долженъ видѣть меня осрамленной!.. Пусть лучше видитъ меня мертвой, но не осрамленной! Смерти! хочу смерти!

И она, какъ снопъ, упала на диванъ, закрывъ лицо свое шалью. Она тяжело дышала и отъ изнеможенія не могла уже произнести ни одного слова.

Панъ Андрей, увидѣвъ, что онъ зашелъ уже слишкомъ далеко, сталъ успокоивать отчаявшуюся дѣвушку.

— Успокойтесь, панна Ядвига,—сказалъ онъ, подошедъ къ дивану. Вашей тайны никто еще не знаетъ

— Что вы говорите?—воскликнула Ядвига, сдернувъ шаль съ своего лица и не вѣря своимъ ушамъ.

— Вашей тайны никто, кромѣ меня, не знаетъ,—повторилъ онъ,—и я сдѣлалъ распоряжен е, чтобы никто ее и не узналъ. Мнѣ васъ жаль было, панна Ядвига.

— О, благодарю васъ,—проговорила она, протянувъ ему свою дрожащую руку,—вы добрый, благородный человѣкъ. Вы возвращаете мнѣ жизнь, спокойствіе.

— Ваша тайна находится въ очень надежныхъ рукахъ, будьте увѣрены. Никто объ ней не знаетъ. Употреблю всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы ваша тайна оставалась тайною. Для жонда, отрядившаго меня къ Стасю, я что нибудь сочиню, но васъ не выдамъ.

— О, благодарю, тысячу разъ благодарю васъ,—сказала нѣсколько успокоенная Ядвига, крѣпко сжимая руку молодаго человѣка,—я никогда не забуду вашей услуги.

— Но, панна Ядвига,—вкрадчиво сказалъ панъ Андрей, замѣтивъ, что Ядвига уже вполнѣ успокоилась,—услуга за услугу.

— Прикажите, требуйте, я все для васъ готова сдѣлать, — вызвалась дѣвушка.

— Неужели все?—спросилъ панъ Андрей, и на лицѣ его появилась двусмысленная улыбка.

— Все, что только въ моихъ силахъ.

— Невозможнаго я и самъ не буду требовать, — замѣтилъ Андрей все съ тою-же двусмысленною улыбкою на лицѣ.

— Въ такомъ случаѣ, вы заранѣе можете быть увѣрены, что я вамъ не откажу. Послушаемъ, въ чемъ состоитъ ваша просьба?

Панъ Андрей съ минуту колебался, но потомъ, призвавъ на помощь всю свою смѣлость и дерзость, сказалъ:

— Моя просьба состоитъ въ томъ, чтобы вы назначили мнѣ свиданіе.

— Что?—спросила Ядвига, уставивъ на него недоумѣвающій взглядъ,—я васъ не поняла; о чемъ вы просите?

Улыбка съ лица пана Андрея исчезла. Онъ, слегка покраснѣвъ, всталъ, выпрямился, подбоченился и, глядя въ уголъ, произнесъ:

— Такъ и быть! Объяснюсь яснѣе. Я хочу, чтобы вы назначили мнѣ свиданіе у тетушки Пракседы, поняли?

Изъ груди ошеломленной дѣвушки вырвался рѣзкій крикъ, не то отчаянія, не то испуга. Она пошатнулась и схватилась за голову.

— Гдѣ я? — спросила она, окинувъ комнату блуждающимъ взглядомъ.—Или это сонъ?... А, это вы, панъ Андрей?—спросила она потомъ, возвышая голосъ и дрожа всѣмъ тѣломъ. — И вы смѣете дѣлать мнѣ такое предложеніе, мнѣ, Ядвигѣ фонъ-деръ-Горстъ?!

— Я дѣлаю это предложеніе не паннѣ Ядвигѣ фонъ-деръ-Горстъ, а коханкѣ дозорцы Стася, понимаете? — безжалостно произнесъ панъ Андрей, рѣшившійся дерзостью добиться капитуляціи дѣвушки, на которую уже давно имѣлъ виды.

Ядвига, блѣдная, почти посинѣлая, всплеснула руками и разразилась тѣмъ страшнымъ, истерическимъ хохотомъ, который леденитъ кровь его слушающаго. Она хохотала долго, громко, безъ перерыва, держась то за бока, то за грудь, то за горло. Она то вставала, то садилась, перемѣняя позы, держась руками то за мраморный столъ, то за спинку дивана, а хохотъ не унимался. Она хохотала до тѣхъ поръ, пока ея хохотъ вдругъ, неожиданно, точно перемѣна валика въ шарманкѣ, не перешелъ въ плачь, рыданіе, тоже страшное, тоже истерическое.

Во все время этого нервнаго пароксизма панъ Андрей, со сложенными на груди руками, стоялъ и равнодушно смотрѣлъ на страданія дѣвушки, какъ на розыгрываемую передъ нимъ комедію: онъ въ эти стра-

данія не вѣрилъ. Когда пароксизмъ прошелъ, и Ядвига стала нѣсколько успокоиваться, онъ опять началъ:

— И такъ, панна Ядвига, рѣшайтесь: или свиданіе, или ваша тайна перестанетъ быть тайною. Клянусь вамъ Богомъ, я отъ своего условія не откажусь. Выбирайте! И чѣмъ я, наконецъ, хуже какого нибудь Стася? Я тоже васъ люблю... Повѣрьте, что только безпредѣльная любовь, которую питаю къ вамъ уже съ давнихъ поръ, заставляетъ меня быть дерзкимъ, грубымъ. Рѣшайтесь, панна Ядвига! Ожидаю рѣшительнаго отвѣта.

— Дайте мнѣ опомниться,—проговорила тихо, тяжело дыша, панна Ядвига, — вы получите отвѣтъ, рѣшительный, весьма рѣшительный.

Панъ Андрей согласился ждать и, отъ нечего дѣлать, сталъ ходить по комнатѣ взадъ и впередь. Когда панна Ядвига нѣсколько отдохнула, она поправила свои волосы, закуталась въ шаль и начала:

— Послушайте, панъ Андрей. Благодарю васъ за кровную обиду, которую вы сейчасъ мнѣ нанесли. Смотрю на эту обиду, какъ на искупленіе моего тяжкаго грѣха. По крайней мѣрѣ, совѣсть моя не будетъ теперь столь обременена. Я согрѣшила, но и пострадала. Грѣшники въ аду не могутъ больше страдать, чѣмъ я отъ вашего дерзкаго, безчестнаго и безчеловѣчнаго предложенія.

— Отъ котораго я, однакоже, не откажусь,—замѣтилъ панъ Андрей.

— Я не прошу васъ отказаться. Дѣлайте изъ выкраденной у несчастнаго больного тайны, что вамъ угодно.—Разглашенія моей тайны я теперь нисколько не боюсь.

— Неужели? — спросилъ панъ Андрей, сомнительно качая головой.

— Конецъ-концовъ, что я такое сдѣлала? Я любила!

— Дозорцу,—подхватилъ Андрей, желая этимъ уколоть дѣвушку.

— Такъ чтожъ? Если графинѣ Сташицкой прилично любять васъ, сына эконома, человѣка безъ чести, безъ совѣсти...

— Что? — воскликнулъ панъ Андрей, покраснѣвъ отъ злости.

— То отчего же мнѣ не прилично любить сына ремесленника, который, во всякомъ случаѣ, честнѣе и благороднѣе васъ?—окончила Ядвига свою фразу.

Панъ Андрей затрясся отъ возраставшей злобы и сжалъ кулаки.

— Стало быть, вы хотите ссориться со мною?—заревѣлъ онъ съ пѣною у рта.—Берегитесь же, панна Ядвига! Не забывайте, что я могу васъ уничтожить.

— Ошибаетесь, другъ мой, — возразила Ядвига съ саркастическою улыбкою, — вы уничтожить меня не можете, но что я могу погубить *васъ*, такъ это вѣрно, какъ дважды два.

Андрей принужденно разсмѣялся.

— Послушаемъ, чѣмъ вы можете погубить меня? — спросилъ онъ.

— Я теперь только припомнила, что шансы у насъ равные.

— Будто равные?

— Совершенно равные. Вы сейчасъ увидите. Дѣло вотъ въ чемъ: вы знаете *мою* тайну, но *ваша* тайна и для меня не секретъ?

— Моя тайна? — спросилъ панъ Андрей, — у меня нѣтъ никакихъ тайнъ, которыя могли бы компрометировать меня.

— Дѣлать нечего,—сказала Ядвига,—если память у васъ такъ слаба, то я постараюсь придти ей на помощь.

Она съ минуту молчала, потомъ, прищурившись, продолжала:

— Что вы, напримѣръ, скажете на счетъ видовъ, которые вы имѣли на панну Полину Кранцъ, или справедливѣе, на карманы ея отца?

Панъ Андрей отшатнулся и поблѣднѣлъ.

— А что, вы припомнили?—спросила Ядвига, торжествуя.— Стась мнѣ все разсказалъ. Какъ вы сначала хотѣли было увезти Полину Богъ знаетъ куда, и въ тоже время подобранными ключами опорожнить кассу стараго богача. Стась и Марциша имѣли быть вашими пособниками, потомъ имъ стало совѣстно и они отказались отъ этого воровскаго предпріятія. Такъ вѣдь, панъ Андрей?

Панъ Андрей, не могши отъ волненія держаться на ногахъ, присѣлъ, понуривъ голову, и молчалъ. Обвинитель вдругъ превратился въ подсудимаго.

— Стась и Марциша отъ своего замысла отказались, — продолжала Ядвига свое обвиненіе, — но вы рѣшились привести его въ исполненіе другимъ путемъ. Узнавъ, что старый Кранцъ готовъ дать жонду нѣсколько тысячъ рублей, чтобы жондъ освободилъ дочь его отъ участія въ нашей справѣ, вы стали подсылать Кранцу анонимныя письма, въ которыхъ предлагали ему, чтобы онъ положилъ 6000 рублей на извѣстное мѣсто, за что вы обязываетесь сдѣлать то, что Полина будетъ избѣгать жонда и нашей справы, «какъ огня, какъ заразы». Вы помните эти выраженія?

Панъ Андрей изнемогалъ подъ тяжестью этихъ вѣскихъ обвиненій. Ядвига продолжала:

— Соображаете ли вы, какимъ скандаломъ это пахнетъ не только для васъ, но и для жонда, терпящаго въ своей средѣ такого изверга, такого измѣнника? Что вы, напримѣръ, приведете жонду въ свое оправданіе?

— Жондъ вамъ не повѣритъ, — пробасилъ панъ Андрей, не смѣя взглянуть на свою обвинительницу.

— Даже, когда я ему представлю письменныя доказательства?

— Вы ихъ не имѣете.

— Я ихъ имѣю! Ваши письма въ моихъ рукахъ. Стась передавалъ ихъ мнѣ, а не Кранцу, и хорошо сдѣлалъ. Онъ этимъ спасъ насъ всѣхъ отъ скандала, а васъ онъ передалъ въ мои руки. Смѣйте только пикнуть обо мнѣ одно слово, и я васъ передамъ суду народнаго жонда!...

Она встала и, окинувъ своего собесѣдника взглядомъ, полнымъ презрѣнія проговорила, направляясь къ смежной комнатѣ:

— Я васъ не задерживаю. Можете идти и—сохрани васъ Богъ перешагнуть когда либо порогъ сей!...

Панъ Андрей, пристыженный, униженный, сконфуженный и выгнанный, съ трудомъ нашелъ дверь, черезъ которую онъ, часъ тому назадъ, вошелъ веселый, торжествующій и увѣренный въ успѣхѣ задуманнаго имъ грязнаго дѣла.

XII.

Между тѣмъ, какъ происходили событія, разсказанныя нами въ послѣднихъ главахъ, въ Прачешномъ переулкѣ, въ нижнемъ этажѣ очень стараго каменнаго дома, тихо, но рѣшительно догорала честная, трудовая, но грустная жизнь поэта Шарачкевича, одного изъ сверхштатныхъ или почетныхъ членовъ народнаго жонда.

Тадеушъ Шарачкевичъ былъ одинъ изъ тѣхъ оригинальныхъ поэтовъ, которыхъ провидѣніе обыкновенно посылаетъ народамъ, во время ихъ нравственнаго и политическаго упадка, которые своимъ тонкимъ чутьемъ чуютъ приближеніе смерти дорогой имъ родины и которые, все-таки, не хотятъ вѣрить въ неминуемость роковой развязки, надѣясь своимъ могучимъ вселюбящимъ духомъ вдохнуть новую жизнь, новыя силы въ изболѣвшее тѣло, обреченное разложенію. Какой изъ приближавшихся къ гробу народовъ не имѣлъ своего Іереміи, съ растерзаннымъ сердцемъ, съ кровавыми слезами на глазахъ, пѣвшаго ему отходную? Поляки нашли своего Іеремію въ Тадеушѣ Шарачкевичѣ.

Какъ честный человѣкъ, какъ умный политикъ и какъ глубокій знатокъ исторіи своего народа, онъ былъ убѣжденъ, что Польша приближается къ своему концу; но, какъ пламенный патріотъ и увлекающійся поэтъ, онъ вѣрилъ въ чудеса, вѣрилъ и надѣялся на возрожденіе горячо любимой имъ отчизны, вѣрилъ, потому что желалъ этого всѣми силами благородной души своей.

«Народъ,—разсуждалъ онъ самъ съ собою,—проживъ опредѣленное ему провидѣніемъ время, долженъ умереть, я это знаю; противъ этого неумолимаго закона природы спорить нечего. Но польскій народъ еще не жилъ, еще не начиналъ жить. Жила магнатерія, жило шляхетство, жило ксендзовство. но *народъ* еще не жилъ и не пробовалъ жить. Почему-же ему умереть? Развѣ магнатскія попойки, драки, буйства, конфедераціи, сеймики и интриги, которыми изобилуютъ страницы нашей исторіи, могутъ считаться жизнью? Народъ не желалъ и не вызывалъ этихъ уродливыхъ явленій; онъ въ нихъ не участвовалъ, ибо пассивное участіе не можетъ быть названо участіемъ. Народъ, во все это время панской неурядицы, прозябалъ, можно даже сказать, совсѣмъ не существовалъ... Только разъ народъ заявилъ о своемъ существованіи и заявилъ очень громко,—галиційской рѣзней».

Тадеушъ Шарачкевичъ этой рѣзни не одобрялъ, но сознавалъ ея историческую неизбѣжность. Съ этого времени, *народъ* сдѣлался его идоломъ, его господиномъ, которому онъ далъ обѣтъ служить до послѣдней минуты своей жизни. Онъ въ немъ сталъ открывать новыя, свѣжія, непочатыя силы, обѣщающія жизнь новую, разумную, здоровую и долгую. Онъ могучимъ голосомъ сталъ будить эти, спавшія подъ ярмомъ паньщизны, силы, вызывать на свѣтъ Божій, ставить ихъ въ параллель съ безсиліемъ изолгавшейся и пережившей самое себя шляхты, думая, что голосъ его дойдетъ до того, къ кому онъ обращенъ. Въ вдохновенныхъ строфахъ воспѣвалъ онъ плугъ, сельскую хату, подъ соломенной крышей которой живутъ трудъ, честность, добродѣтель,

дружба. и... незаслуженныя слезы, взывающія къ Богу о мести утопающимъ въ нѣгѣ дармоѣдамъ, погубившимъ дорогую родину... Утопавшіе въ нѣгѣ дармоѣды восхищались прекрасными, плавными строфами восторженнаго народолюбца, превозносили его до небесъ, но его мыслей, желаній и стремленій не раздѣляли. Ихъ плантаторская совѣсть, по временамъ, даже сильно возмущалась противъ *неприличнаго* содержанія, выраженнаго въ такой обольстительной формѣ.

Неудивительно поэтому, что, въ то время, когда портреты, бюсты, медальоны и статуэтки Шарачкевича украшали гостинныя, будуары, письменные столы и шифоньерки вельможныхъ и ясневельможныхъ пановъ и пань,—нога его никогда не перешагала ихъ порога. Онъ ихъ избѣгалъ, какъ своихъ личныхъ враговъ, какъ зачумленныхъ. Онъ не принадлежалъ ни къ партіи красныхъ, ни къ партіи бѣлыхъ: онъ самъ былъ партіею, *ультра-демократическою*, потому что не вѣрилъ въ quasi-демократизмъ пановъ, съ Лелевелемъ и Мѣрославскимъ во главѣ. Въ этихъ либеральничающихъ панахъ, онъ видѣлъ тѣхъ же заядлыхъ, неисправимыхъ аристократовъ, стремящихся къ узурпаціи, къ абсолютизму, къ возстановленію все той-же шляхетской Польши. Но, «безъ польскаго *народа* не мыслима и Польша» — было его твердое убѣжденіе.

Такимъ образомъ, онъ стоялъ одинъ среди своихъ родаковъ, краевыхъ и заграничныхъ, и это одиночество наполняло его душу горечью, которая еще больше увеличивалась отъ грустнаго убѣжденія, что *народъ*, который онъ такъ любитъ, за который онъ такъ ратуетъ, не понимаетъ его. И какого пониманія онъ могъ ожидать отъ рабовъ, отъ *быдла*?...

Онъ сталъ то волноваться, то грустить, то бѣситься, то хандрить.

Och gdyby tylko jeden dar Boży—
Spokojnosć duszy!...

восклицалъ онъ; но душевнаго спокойствія онъ не находилъ ни въ своемъ растерзанномъ сердцѣ, ни въ средѣ его окружавшей.

Онъ сталъ искать его сперва въ любви, а потомъ въ винѣ. Но въ любви онъ нашелъ измѣну; а въ винѣ—ядъ, отравившій его нѣжный организмъ.

Онъ сталъ хворать.

Крестьянская реформа просто ошеломила его. Онъ ей обрадовался,

какъ торжеству долголелѣяннаго имъ принципа; но, какъ патріотъ, онъ ее проклялъ, какъ послѣдній смертельный ударъ, нанесенный могучею рукою дѣлу отчизны.

— Stalo się! — воскликнулъ онъ, рвавъ на себѣ волосы,—*народъ* воскреснетъ къ новой жизни, но это будетъ жизнь *русская*, а не *польская*. О, будьте вы прокляты, магнаты, шляхта, ксендзы! Вѣковое ярмо снимаетъ съ народа Россія, слышите, Россія, а не вы, выродившіеся сыны Польши! Баста! Teraz Polska już zginęla, zginęla na zawsze! Och, biada nam, biada!...

И, въ припадкѣ бѣшенства, онъ сталъ ломать, уничтожать все, что тогда подвертывалось подъ его руку. Онъ сломалъ бюсты Костюшки, Мицкевича, Станислава Понятовскаго, Петра Скарги и другихъ польскихъ знаменитостей, находившихся въ его кабинетѣ. Онъ рвалъ и бросалъ на полъ книги своей библіотеки, польскихъ историковъ и поэтовъ, и свои собственныя сочиненія. Словомъ, онъ чуть съ ума не сошелъ отъ мысли, что для Польши уже все кончено.

Въ этомъ возбужденномъ состояніи, онъ, въ отвѣтъ манифесту 19-го февраля, написалъ стихотвореніе «Finis Poloniae», изъ каждой строфы котораго слышался отчаянный, предсмертный крикъ разбитаго сердца.

Это стихотвореніе, въ которомъ геній поэта высказался въ полной своей силѣ, какъ и слѣдовало ожидать, произвелъ необычайный фуроръ въ польскихъ салонахъ города N. Его читали, перечитывали, плакали, падали въ обморокъ при его чтеніи. Въ этомъ стихотвореніи, какъ въ чистомъ зеркалѣ, польское общество, можетъ быть, въ первый разъ увидѣло себя въ своемъ настоящемъ видѣ, а потому невольно ужаснулось отъ этого вида. Но, подобно обезьянѣ въ баснѣ, оно потомъ стало жечь, уничтожать это стихотвореніе, въ которомъ ему сподручнѣе было видѣть только бредъ рехнувшагося ума, черную клевету, безсильную злобу, завистливый скрежетъ голоднаго пролетарія, плебея, на котораго нечего обращать вниманіе и котораго нечего щадить, какъ измѣнника, какъ опаснаго человѣка...

Его и не щадили. Изъ польскихъ салоновъ Finis Poloniae какими-то путями дошло до администраціи, которая нашла въ этомъ стихотвореніи довольно поводовъ, чтобы продержать автора нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи.

Изъ каземата Тадеушъ Шарачкевичъ вышелъ душевно успокоенный,

почти преображенный, покорный судьбѣ, примиренный съ обстоятельствами, и—съ явными признаками близкой смерти.

Поляки спохватились, что очень несправедливо, даже жестоко поступили съ человѣкомъ, вина котораго состояла лишь въ томъ, что онъ слишкомъ горячо любилъ ойчизну. Они увидѣли въ немъ мученника за *святую справу* и поспѣшили загладить теперь свою вину всѣми знаками искренняго сочувствія и неподдѣльнаго участія. Въ первые дни его освобожденія, его квартира была буквально наполнена магнатами, пріѣзжавшими къ нему съ визитомъ. Онъ ихъ принималъ вѣжливо, но сухо, говорилъ очень мало и большею частью стихами, импровизацiей.

Стали безпокоиться о его здоровьѣ и жизни, сдѣлавшейся поляками вдругъ очень нужной. Къ нему прислали цѣлый факультетъ медиковъ, которые предписали ему очень мудренную діэту, другой образъ жизни. Онъ грустно улыбнулся и сказалъ:

Nad nim juz cięzy grobowe przykrycie,
Pòżno mu nowe rozpoczynać zycie *).

Доктора требовали, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ пересталъ писать. На это онъ имъ отвѣчалъ:

Kiedy serce się rozmacha,
Czy je skryć pod ławę? *)

Его оставили въ покоѣ, но не на долго. Когда сталъ организоваться жондъ народовый, графъ Тенчинскій, зная, что безъ пера Тадеуша Шарачкевича ему трудно будетъ обойтись, заманилъ его къ собѣ и сталъ уговаривать, чтобы онъ сдѣлался членомъ жонда. Шарачкевичъ слушалъ, слушалъ и молчалъ.

— Что же вы ничего не отвѣчаете?—спросилъ графъ, озадаченный апатическимъ безмолвіемъ поэта.

— У васъ есть Библія?—спросилъ послѣдній.

— Есть. Принести ее вамъ?

— Будьте такъ добры.

Графъ принесъ изъ своей библіотеки польскую библію въ богатомъ переплетѣ. Шарачкевичъ сталъ ее перелистывать.

---

*) Надъ нѣмъ уже виситъ гробовая покрышка, тому не время начинатъ новую жизнь.

*) Когда сердце разгуляется, то развѣ можно упрятать его подъ лавку?

— Слушайте, графъ, что я вамъ сейчасъ буду читать, — проговорилъ онъ торжественно и сталъ читать:

«И послалъ царь Седекія и взялъ пророка Іеремію къ себѣ въ третій входъ, что въ домѣ Господнемъ. И сказалъ царь Іереміи: спрошу тебя о чемъ-то, только неутаивай отъ меня ничего. И сказалъ Іеремія Седекіи: если скажу тебѣ, то ты меня умертвишь, а если посовѣтую тебѣ, то ты меня не послушаешься. И поклялся царь Седекія Іереміи... И сказалъ Іеремія Седекіи: такъ говоритъ Господь, Богъ Саваоѳъ, Богъ Израилевъ: если выйдешь на встрѣчу князьямъ царя вавилокскаго, то ты будешь жить и сей градъ не будетъ сожженъ въ огнѣ; будешь жить ты и домъ твой. А если не выйдешь къ князьямъ царя вавилонскаго, то сей градъ будетъ преданъ въ руки халдеевъ, которые сожгутъ ее огнемъ, и ты не уйдешь отъ ихъ рукъ».

— Это къ намъ не относится, не про насъ писано, сказалъ графъ бросивъ на поэта сердитый взглядъ,—мы не іудеи, а Москва не Вавилонъ.

— Такъ, такъ,—пробормоталъ поэтъ, задумчиво покачивая головою,—но извольте выслушать еще одно мѣсто, которое тоже не про насъ писано. И онъ сталъ быстро перелистывать Библію и сталъ читать изъ Паралипоменона:

«И посылалъ къ нимъ Господь, Богъ отцовъ ихъ, посланниковъ Своихъ отъ ранняго утра, потому что онъ жалѣлъ свой народъ и свое жилище. Но они издѣвались надъ посланными отъ Бога и пренебрегали словами Его, и ругались надъ пророками Его, доколѣ не сошелъ гнѣвъ Господа на народъ Его, такъ что не было ему спасенія. И онъ навелъ на нихъ царя халдейскаго, и тотъ умертвилъ ихъ мечемъ, въ домѣ святыни ихъ, и не пощадилъ ни юноши, ни дѣвицы, ни старца, ни сѣдовласаго: все предалъ въ руку его».

— И это не про насъ писано, ясновельможный графъ? — спросилъ поэтъ, закрывъ Библію и саркастически улыбаясь.

— Я и въ этомъ не вижу вашего отвѣта на наше предложеніе,—отвѣчалъ графъ, притворяясь не понимающимъ намековъ Шарачкевича,—я бы васъ просилъ, любезный панъ Тадеушъ, объясниться яснѣе, категорически.

— Хорошо, объяснюсь яснѣе, категорически, — сказалъ Шарачкевичъ,—ваша затѣя безумная. Польша погибла навсегда. *Народъ* будетъ *противъ* насъ, а не *за* насъ. Его будущность отнынѣ уже не въ рукахъ Полиши. Я убѣжденъ въ этомъ, какъ въ томъ, что мнѣ уже не долго остается жить на свѣтѣ. Но, какъ добрый полякъ, хочу раздѣлить участь моихъ родаковъ. Вы лѣзете въ петлю, и я съ вами полѣзу. Вы хотите ознаменовать нашу кончину кровавою борьбою?—И я отъ этого не прочь. Мы считали себя народомъ рыцарскимъ,—это, пожалуй, даже обязываетъ насъ безполезно драться до послѣдней капли крови. Будемъ же драться, будемъ драться, если не за Польшу, ибо это ей впрокъ не пойдетъ, такъ, по крайней-мѣрѣ, для свѣта, для исторіи... да, для исторіи.

— Стало быть, могу записать васъ членомъ?

— Зачѣмъ членомъ? Что я буду дѣлать въ жондѣ? Я слабъ и раздражителенъ. Я вамъ только буду мѣшать. Могу и буду служить вамъ перомъ, на сколько у меня силъ хватитъ. Буду будить засыпающій духъ нашего народнаго генія, буду будить... пока самъ не засну. Прощайте.

Въ августѣ 1862 года, Тадеусъ Шарачкевичъ сталъ шибко приближаться къ гробу. Онъ уже не сходилъ съ кровати, ожидая со дня на день окончательной развязки своей грустной жизни...

Въ качествѣ сидѣлокъ, у него дежурировали, чередуясь, Юлія Крутицкая, княжна Мильфортъ и Полина Кранцъ, восторженныя патріотки и еще болѣе восторженныя почитательницы таланта умирающаго поэта. Кромѣ ухода за дорогимъ имъ больнымъ, онѣ исправляли при немъ должность секретарей: онѣ вели его обширную литературную корреспонденцію и,— чѣмъ онѣ особенно дорожили.— записывали подъ его диктовку его импровизаціи, предсмертныя изліянія его сердца. Тѣло его съ каждымъ днемъ ослабѣвало, умирало, но духъ его бодрствовалъ, былъ свѣжъ. Онъ диктовалъ пѣсню за пѣсней, стихотвореніе за стихотвореніемъ, какъ бы спѣша отдать міру мірское, отдѣлаться отъ волновавшихъ, мучившихъ его думъ, дабы перейдти въ вѣчность свободнымъ, облегченнымъ...

Въ одну ночь, когда никого при немъ не было, онъ вдругъ проснулся, почувствовалъ сильную жажду. Онъ протянулъ руку за стаканомъ, стоявшимъ на столикѣ у его кровати, и однимъ залпомъ опорожнилъ находившійся въ стаканѣ уксусъ.

Онъ вскрикнулъ, схватился за грудь и испустивъ духъ.

На завтра, слухъ о смерти Тадеуша Шарачкевича облетѣлъ городъ съ быстротою молніи. Съ самаго ранняго утра, Прячешный переулокъ сдѣлался притягательнымъ центромъ для разнообразнѣйшихъ слоевъ населенія города N.

Прежде всѣхъ прилетѣли въ попыхахъ и съ вытянувшимися лицами кредиторы съ своими векселями, заемными письмами, сохранными и прочими документами, точно ихъ должникъ своею смертью большой кушъ выигралъ и расквитается съ ними до получки. Потомъ прикатили рисовальщики, фотографы и скульпторы съ своими аппаратами для снимки маски популярнаго поэта, дабы нѣсколько поживиться на счетъ этого *событія*. Нѣсколько позже подоспѣли корреспонденты столичныхъ газетъ для собранія біографическихъ свѣдѣній и подробностей о послѣднихъ минутахъ жизни и кончинѣ знаменитаго человѣка. По пятамъ корреспондентовъ приплелись книгопродавцы и издатели,—для пріобрѣтенія права на посмертныя стихотворенія и полное изданіе сочиненій любимаго публикою писателя. Съ этою цѣлью они захватили съ собою свои бумажники, на случай требованія съ нихъ задатка. Часу въ одинадцатомъ пріѣхала расфранченная молодежь для засвидѣтельствованія своего искренняго сочувствія неутѣшной вдовѣ, еще молодой и очень красивой, а часу въ двѣнадцатомъ пожаловала гордая и богатая знать, чтобы розыгрывать роль просвѣщенныхъ Меценатовъ, чего покойникъ при жизни никогда не позволялъ имъ.

Неутѣшная вдова стояла и удивляясь, не зная, чему приписать такую предупредительность, такое вниманіе къ ея особѣ со стороны такихъ лицъ, которыя прежде не удостоивали ее даже поклона. Какъ женщина пустая и весьма ограниченная, она меньше всѣхъ понимала и цѣнила своего мужа. Она только знала, что мужъ ея что-то пишетъ по цѣлымъ днямъ, иногда и по цѣлымъ ночамъ, но это писаніе не доставляетъ ей ни модныхъ нарядовъ, и ни вообще приличной обстановки.

Стало быть,—порѣшила она,—мужъ ея дуракъ, занимается пустяками и цѣнить его незачто. Она и не цѣнила его, она всегда злобствовала на него, какъ на поденщика, недобросовѣстно исполняющаго свою обязанность, и всячески отравляла его и безъ того не радостную жизнь. Она бы со всѣмъ бросила его, если бы только представился удобный случай; но удобнаго случая, къ ея сожалѣнію, не представлялось: съ такою ограниченною женщиною никто не хотѣлъ серьезно связываться, хотя она была молода и хороша. Связался же съ нею Шарачкевичъ по свойственнымъ поэтамъ и художникамъ непрактичности и недальновидности въ дѣлахъ общежитія которыми они пренебрегаютъ, какъ предметами, не достойными ихъ вниманія. Онъ увлекся ея наружностью и дорого поплатился за свое поэтическое увлеченіе.

Увидѣвъ себя вдругъ окруженной такимъ вниманіемъ, пани Шарачкевичева пожимала плечами, но инстиктивно сообразила, что нужно ковать желѣзо, пока горячо. Она поэтому, недолго думая, вошла въ сдѣлки съ фотографами, скульпторами, издателями и книгопродавцами, брала задатки, подписывала контракты, не отказывалась отъ предложеній Меценатовъ, словомъ, старалась наверстать съ лихвою то, что было упущено ея *нерадивымъ* мужемъ, который хоть разъ сдѣлалъ умное дѣло тѣмъ, что умеръ. Она такъ была занята своимъ сѣнокосомъ, что забыла даже проронить слезинку хоть бы изъ приличія: люди приписывали это обстоятельство ея глубокой грусти и невыразимому отчаянію и были очень довольны своимъ глубокимъ пониманіемъ человѣческаго сердца...

Жондъ народовый тоже не дремалъ. Онъ рѣшился воспользоваться похоронами Шарачкевича, какъ благовиднымъ предлогомъ для устройства политической демонстраціи въ большихъ размѣрахъ.

Съ этою цѣлью онъ поднялъ на ноги своихъ агентовъ и началъ дѣлать надлежащія приготовленія. Все уже шло на ладъ, какъ вдругъ онъ наткнулся на препятствія, на которыя онъ вовсе не расчитывалъ. Препятствіе это было—духовенство. Дѣло въ томъ, что духовенство, которое покойникъ безпощадно бичевалъ въ рукописныхъ сатирахъ, уже давно острило зубы на *еретика* и теперь хотѣло отказать ему въ колокольномъ звонѣ и другихъ церковныхъ почестяхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ умеръ безъ исповѣди. Между жондомъ и духовенствомъ завязалась перепалка, въ которой порядочно доставалось обоимъ, но жондъ получилъ, наконецъ, перевѣсъ и духовенство уступило: съ колоколенъ N-скихъ костеловъ сталъ раздаваться протяжный, унылый, густой звонъ, возвѣщавшій городу о кончинѣ знаменитаго лица. На многихъ башняхъ появились траурные флаги, а въ кафедральномъ костелѣ соорудили величественный катафалкъ.

Вечеромъ послѣдовалъ выносъ при зажженныхъ факелахъ, колокольномъ звонѣ и громадномъ стеченіи народа. Въ кортежѣ принимали участіе всѣ монашествующіе ордена, учебныя заведенія и городскіе цехи съ своими значками.

Въ густой же толпѣ, слѣдовавшей за гробомъ, сновали какія-то личности, распускавшія подъ рукой слухъ, что покойникъ замученъ былъ московскимъ жондомъ, что онъ умеръ за справу ойчизны. Толпа повѣрила и заскрежетала зубами. Проходя мимо одного присутственнаго мѣста, она хотѣла было сорвать гербъ, но тѣже личности удержали ее отъ этого, объясняя, что Москвѣ готовится месть поважнѣе.

Похороны были такіе же блестящіе, такіе же шумные. Надгробныхъ словъ произнесено было множество и всѣ—зажигательнаго свойства, такъ что едва гробъ опущенъ былъ въ землю, наэлектризованная толпа, какъ будто по чьему нибудь волшебному мановенію, громко и энергически запѣла: Zdymem pożarow.

Наблюдавшая издали полиція, услышавъ звуки запрещеннаго гимна, зашевелилась было, но, встрѣтивъ отчаянные, вызывающіе взгляды десяти тысячной толпы, сробѣла и почла нужнымъ прикидываться неслушащей что поетъ толпа.

На завтра, въ мѣстной газетѣ появилось подробное описаніе похоронъ Тадеуша Шарачкевича, причемъ, между прочимъ, выставлено было на видъ, что въ этихъ похоронахъ принимали дѣятельное участіе *евреи* и тѣмъ доказали, что они чувствуютъ себя *поляками*, съ чѣмъ ихъ отъ души поздравляетъ край, котораго они, по всѣмъ соображеніямъ не могутъ не считать своимъ *отечествомъ*, и потому должны любить всѣмъ сердцемъ, всею душею...

Дѣятельное же участіе евреевъ выражалось въ томъ, что они, изъ любопытства, стояли на улицахъ и глазѣли на блестящіе похороны какого-то пана, о значеніи котораго они и понятія не имѣли. Но поляки, видѣвшіе все въ розовомъ свѣтѣ, смотрѣли на праздное любопытство еврейской толпы, какъ на осмысленное участіе, и поспѣшили протрубить объ этомъ, не безъ задней, впрочемъ, мысли...

Графъ же Тенчинскій блисталъ на похоронахъ своимъ—отсутствіемъ. Онъ въ это время пилъ чай у генерала и поддерживалъ бесѣду о все болѣе и болѣе запутывающихся дѣлахъ въ Царствѣ Польскомъ, причемъ онъ неоднократно выражалъ свое глубокое сожалѣніе объ ослѣпленіи и заблужденіи своихъ родаковъ, съ которыми онъ, впрочемъ, не хочетъ имѣть ничего общего.

Генералъ крѣпко пожималъ ему руку, а генеральша сладко ему улыбалась.

Л. Леванда.

(Четвертая и послѣдняя часть въ слѣдующемъ томѣ).

ЕВРЕИ И ЮДАИЗМЪ

ВРЕМЕНЪ ВОЗНИКНОВЕНІЯ ТАЛМУДА. *)

Статья Альберта Ревилля.

Побѣдоносные легіоны Веспасіана и Тита, раздавивъ послѣдніе остатки еврейскаго народа и разрушивъ Іерусалимскій храмъ, хотя и уменьшили этимъ шансы возможности дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія еврейскаго религіозно-государственнаго быта, не могли, однако, окончательно уничтожить самый юдаизмъ, какъ религію, хотя и измѣнили существенно его характеръ. Съ этихъ поръ юдаизмъ сталъ только религіозной доктриной, общиной, церковью; но не политическимъ государствомъ. Съ этой поры религіозныя вѣрованія и духовные обряды еще болѣе, чѣмъ гражданскія учрежденія, стали служить евреямъ оплотомъ, и они-то дали имъ средства для продолженія своего существованія до нашихъ дней, не смотря на безчисленныя превратности и жестокія гоненія, которымъ евреи подвергались въ продолженіи всего этого времени. Вмѣсто храма и касты левитовъ, роль, такъ сказать, видимаго центра еврейства заняло теперь преданіе, мало по малу перенесенное на бумагу и образовавшее *Талмудъ*. Поэтому, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о еврейской религіи въ эпоху среднихъ вѣковъ, да и новаго времени, нельзя ограничиваться изученіемъ Ветхаго Завѣта и исторіи евреевъ до возникновенія христіанства, но слѣдуетъ главнымъ образомъ изучить Талмудъ — этотъ продуктъ

---

*) Geshichte des Iudenthums und seiner Sekten I. M. Iocm Лейпцигъ 1859—1870 г. — Geschichte der Iuden von den aeltesten Zeiten bis auf die Gegenwart Г. Гретца. Изданіе 2-ое. Т. VII. 1863—1866 г.

внутренняго движенія юдаизма, вызваннаго той неопреодолимой силой событій, которая, въ концѣ концевъ, поставила, съ одной стороны, раввина на мѣсто жреца, а съ другой,—изученіе самаго закона на мѣсто жертвоприношеній.

Этотъ переворотъ, который, повидимому, произошелъ внезапно, въ дѣйствительности совершался крайне медленно. Онъ подготовлялся еще въ періодъ времени, отъ возстанія евреевъ противъ Сиріянъ до взятія храма Титомъ. Еще гораздо ранѣе насильственнаго прекращенія дѣятельности духовенства, имѣвшаго характеръ древнихъ жрецовъ, писатели, ученые и комментаторы еврейскіе пріобрѣли въ обществѣ популярность и силу, превосходившія популярность и силу жрецовъ и левитовъ. И, однакоже, когда разрушеніе храма заставило жреческое духовенство снизойти на степень, хотя и возвышенныхъ, но безполезныхъ кастъ, нужно было много времени, чтобы религіозное чувство народа мало по малу привыкло обходиться безъ него. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, національно-религіозное чувство евреевъ жило отчасти въ своемъ прошломъ, отчасти въ надеждѣ будущаго политическаго возстановленія своей народности, и не желало видѣть въ настоящемъ ничего, кромѣ печальнаго и временнаго испытанія. Теократическая идея лишь шагъ за шагомъ уступала необходимости и силѣ обстоятельствъ. Но все таки она еще долго оставалась столь могущественной, что могла безпрестанно возбуждать въ Палестинѣ народныя возстанія, рядъ которыхъ продолжается до начала среднихъ вѣковъ, при чемъ послѣднія изъ этихъ возстаній дѣлаются все болѣе и болѣе ничтожными и по своимъ размѣрамъ и по своему историческому интересу.

Мы намѣрены начертить здѣсь исторію того періода, въ который совершилось преобразованіе жреческаго юдаизма въ догматическую и этическо-обрядовую религію. Эта эпоха, такъ мало извѣстная, начинается разрушеніемъ храма (70 л. по Р. X.) при Титѣ и тянется до времени окончательнаго завершенія дѣла составленія Талмуда (500 л. по Р. X.). Для изученія этой эпохи, названной «талмудической», спеціальныя знанія и раввинская эрудиція поименованныхъ нами современныхъ еврейскихъ ученыхъ приносятъ огромную пользу.

I.

Несчастный исходъ войны противъ римлянъ поразилъ ужасомъ евреевъ, разсѣянныхъ по всему земному шару. Но они, однако, не вѣрили, чтобы Богъ Израиля оставилъ свой народъ. Палестинскіе евреи сотнями тысячъ погибали отъ меча, голода и эпидемическихъ болѣзней; изъ оставшихся въ живыхъ не меньшее число было обращено въ рабство, разослано по рудникамъ; многіе отданы были въ цирки, на разтерзаніе звѣрямъ и на потѣху римлянъ, не менѣе свирѣпыхъ, въ этомъ отношеніи, чѣмъ сами звѣри. Къ довершенію удара, признаки распаденія, которые, въ концѣ царствованія Нерона, стали угрожать римской имперіи, уступили мѣсто совершенно противоположнымъ явленіямъ, и сильная рука Веспасіана опять собрала ослабѣвшія возжи государственной колесницы, которая снова покатилась съ прежней правильностью и стремительностью. Евреи никогда не могли представить себѣ Тита въ роли утѣшителя рода человѣческаго. Они слишкомъ хорошо знали, чего имъ ожидать отъ милостиваго правленія этого государя, которому только недостатокъ времени (онъ недолго жилъ) помѣшалъ сдѣлаться Нерономъ. Они его обыкновенно называли «*Титъ раша*» (т. е. Титъ преступный), — и древняя еврейская легенда разсказываетъ, что Титъ, въ наказаніе за свои жестокости, былъ терзаемъ одной мухой, которая проникла въ его мозгъ, росла тамъ и не давала ему покоя до тѣхъ поръ, пока не умертвила его. Дѣйствительно, исторически вѣрно то, что римскіе цезари изъ дома Флавіевъ были для евреевъ невыносимы. Эти цезари сами могли измѣрить всю силу сопротивленія этого народа. Послѣднія судороги побѣжденной народности были подавлены въ Іудеѣ только жестокими рѣзнями. Тоже самое было въ Египтѣ, гдѣ храмъ Онія, построенный во время сирійскихъ гоненій, въ замѣну Іеру-

салимскаго, былъ разрушенъ по приказанію императора. Точно также въ Киренаидѣ попытка послѣднихъ зелотовъ поднять знамя возстанія окончилась неудачей. Въ тоже время, Веспасіанъ, жадный къ деньгамъ, нашелъ остроумное средство обогатиться. Онъ объявилъ, что всякій еврей, оставшійся вѣрнымъ религіи своихъ отцовъ, обязанъ уплачивать въ пользу Юпитера Капитолійскаго тотъ самый взносъ, который евреи прежде ежегодно жертвовали въ пользу храма своего Іеговы. Это вышло весьма мило: богъ-побѣдитель присвоилъ себѣ доходы бога побѣжденнаго. Но послѣдній, по крайней мѣрѣ, не собиралъ въ Палестинѣ своихъ богатствъ насильно, тогда какъ «іудейскій фискъ» (такъ назывался вышеупомянутый налогъ въ пользу Юпитера) собирался съ евреевъ самымъ насильственнымъ образомъ. Къ этому присоединено было еще униженіе особаго рода. Дѣло въ томъ, что евреи, разсѣянные по всей имперіи, старались всячески увернуться отъ этого налога, который былъ въ ихъ глазахъ не только насиліемъ, но и святотатствомъ. Оттого многіе изъ нихъ скрывали свое происхожденіе. Чтобы помѣшать этому, римляне выдумали личныя освидѣтельствованія съ возмущающимъ безстыдствомъ. Домиціанъ самъ съ удовольствіемъ принималъ участіе въ этихъ циническихъ осмотрахъ. Светоній припоминаетъ изъ своего дѣтства одинъ случай, когда при немъ бѣднаго старика-еврея подвергли публично этому оскорбительному освидѣтельствованію.

Однако, политика Флавіевъ собственно не старалась притѣснять евреевъ въ отношеніи религіи. Препятствія, которыя ставились римлянами процвѣтанію и существованію еврейскаго культа, не превышали границъ, требовавшихся интересами и безопасностью римскаго государства. Оттого, хотя и было запрещено евреямъ возстанавливать свой храмъ, однако, синагоги остались нетронутыми. Вѣроятно, сами Флавіи не понимали важности этой уступки побѣжденнымъ. Подобно всѣмъ древнимъ и многимъ изъ новыхъ народовъ, римляне не могли представить себѣ существованія религіи безъ жреческаго элемента. Сверхъ того, какъ только юдаизмъ былъ политически уничтоженъ, римляне не особенно уже заботились о присоединеніи къ своей имперіи пустынной Палестины. Они стара-

лись только отличать между евреями наиболѣе упорныхъ въ своей враждѣ къ иноземцамъ. Они покровительствовали тѣмъ, которые съ самаго начала борьбы были противъ войны съ Римомъ, а равно и тѣмъ, которые, послѣ первыхъ неудачъ, соглашались снова подчиниться ихъ владычеству. Такъ Флавіи возстановили школу Гиллеля и доставили преобладаніе схоластическому, но мирному раввинизму. Въ то время жилъ извѣстный рабби Іохананъ изъ школы Гиллеля, членъ бывшаго Синедріона, положившій, вскорѣ послѣ этой политической катастрофы, основаніе «юдаизму будущаго». Рабби этотъ находился въ Іерусалимѣ во время осады. Онъ совѣтовалъ сдаться римлянамъ, но, видя, что его совѣты не принимаются, рѣшился перейти въ лагерь Тита. Но такъ какъ партія возставшихъ стерегла всѣ выходы, то ему пришлось прибѣгнуть къ хитрости: онъ легъ въ гробъ, куда положилъ также кусокъ гнилаго мяса; двое преданныхъ ему учениковъ вынесли этотъ гробъ изъ города, обманувъ стражу, которая приняла запахъ гнилаго мяса за признакъ разложенія трупа. Титъ принялъ весьма любезно старика-рабби и позволилъ ему устроить свою школу въ Ямніи, на берегу Средиземнаго моря. Послѣ паденія Іерусалима, рабби Іохананъ не разъ пользовался своимъ вліяніемъ на римлянъ, для облегченія судьбы собратьевъ. Его заступничество облегчило не одно горе, спасло не одно семейство. Онъ собралъ вокругъ себя остатки раввинизма и не замедлилъ устроить оффиціальный Синедріонъ, власть котораго была признана всѣми еврейскими общинами. Синедріонъ и богословская школа, подъ президентствомъ рабби Іоханана, снова стали слѣдовать національнымъ еврейскимъ традиціямъ и рѣшили множество религіозныхъ вопросовъ и кучу тяжбъ, на основаніи раввинской юриспруденціи. Для этого, Синедріону пришлось пересмотрѣть прежнюю еврейскую юриспруденцію и дополнить ее, чтобы сдѣлать пригодной для новаго положенія евреевъ. Такимъ образомъ, «Наси» или князь, т. е. президентъ всѣхъ учено-религіозныхъ учрежденій, прозванный впослѣдствіи римлянами «патріархомъ», сдѣлался самымъ уважаемымъ и сильнымъ лицемъ между евреями и возстановилъ, по крайней мѣрѣ, тѣнь прежнихъ еврейско-національныхъ

учрежденій. Рабби Iонананъ основалъ религіозный центръ, важность котораго все болѣе и болѣе возрастала. Въ частности, Синедріонъ выработалъ замѣчательный законъ «сикориконъ», относительно регулированія и пересмотра документовъ на владѣніе тѣми землями, которыя, во время послѣднихъ смутъ, были отняты у законныхъ владѣльцевъ, теперь снова предъявившихъ права на эти земли. Законодатели имѣли тайную цѣль — помѣшать этимъ закономъ иностраннымъ поселенцамъ скупать земли въ Iудеѣ и, можетъ быть, въ этомъ, повидимому, неважномъ законѣ слѣдуетъ видѣть одну изъ главныхъ причинъ удивительно-долгаго сопротивленія, которое евреи и впослѣдствіи оказали побѣдителямъ. Народъ этотъ сталъ опять медленно поправляться. Не то, чтобы онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде, относительно численности и богатства своихъ членовъ; но, все таки, возвращеніе къ мирному состоянію произвело благопріятное вліяніе на еврейское населеніе, трудолюбивое, быстро-размножающееся и одаренное удивительною живучетью.

Въ царствованіе Нервы, императорская политика была благосклонна къ евреямъ. «Iудейскій фискъ» собирался съ меньшей строгостью. Было дозволено принимать іудейство. Возможно также и то, что безпокойство, причиненное римлянамъ грознымъ положеніемъ, принятымъ парфянами, не мало вліяло на это мягкое обращеніе съ евреями. Да и неудивительно: многочисленное и богатое еврейское населеніе, еще болѣе усилившееся, вслѣдствіе перехода евреевъ изъ Палестины, жило въ Месопотаміи и въ старой Халдеѣ, именно на границѣ обѣихъ имперій (римской и парфянской); понятно, что далеко не безразлично было для римлянъ имѣть врагомъ такое населеніе въ войнѣ, которая ежеминутно могла вспыхнуть. Но этотъ разсчетъ римлянъ оказался невѣрнымъ. Нѣсколько ничтожныхъ милостей не могли вполнѣ залечить свѣжія раны недавнихъ бѣдствій евреевъ, и Траяну пришлось въ этомъ убѣдиться, когда онъ перенесъ войну въ эти отдаленные края. Евреи, жившіе на берегахъ Евфрата, напали съ яростью на арміи, угнетавшія ихъ собратьевъ въ Палестинѣ, и дорого купленный императоромъ первоначальный успѣхъ, которымъ онъ такъ поторопился хвастнуть

предъ сенатомъ, не помѣшалъ, однако, окончиться войнѣ невыгодно для римлянъ, такъ что они принуждены были возвратиться вспять и отказаться отъ плодовъ своей временной побѣды. Въ тоже время, всюду пронесся слухъ, что и вавилонскіе евреи взялись за оружіе. Многіе изъ евреевъ думали, что настало, наконецъ, время Мессіи. Нашлись оракулы, которые говорили, что Мессія появится за Евфратомъ. Евреи Египта, Ливіи, Киренеи и Кипра подняли открыто знамя возстанія. Броженіе охватило самую Iудею. Первые отряды, посланные противъ мятежниковъ римлянами, были разбиты. Греческіе и римскіе плѣнные были преданы евреями на растерзаніе животнымъ въ циркахъ, въ отмщеніе за жестокія наказанія, которымъ римляне подвергали іудеевъ. Только цѣною безчисленныхъ жертвъ, Марцій Турбо подавилъ это возстаніе. Но едва оно кончилось, какъ Траянъ, больной отъ утомленія и досады, умеръ по возвращеніи съ войны, столь-же безплодной, сколько и кровопролитной. Его преемникъ Адріянъ менѣе гнался за военной славой, и его мечтой было купить вездѣ миръ, цѣной уступокъ всякаго рода. Квіетій, римскій намѣстникъ въ Палестинѣ, былъ уполномоченъ еще Трояномъ уничтожить всѣ элементы броженія, которые таились въ Iудеѣ. Проникнутый дикой ненавистью къ евреямъ, онъ только о томъ и думалъ, какъ-бы ихъ уничтожить, но вдругъ былъ смѣненъ Адріяномъ. Этотъ послѣдній, тщеславный и много вѣрившій въ свои государственныя способности, далъ себѣ слово—пріобрѣсть сочувствіе этого народа, который, будучи даже порабощенъ, все еще оставался сильной угрозой безопасности имперіи. Адріанъ полагалъ, что справедливыми уступками по части возстановленія національныхъ обычаевъ, можно будетъ весьма легко достигнуть расположенія евреевъ. Въ одинъ прекрасный день распространился въ Iудеѣ слухъ, что императоръ разрѣшилъ возобновить развалины Iерусалима и выстроить снова храмъ. Всеобщее торжество и безумная радость были отвѣтомъ. Еврейскіе пѣвицы воспѣвали греческими стихами нарождающійся золотой вѣкъ. Многіе евреи, принявшіе христіанство, потому что сомнѣвались въ скоромъ пришествіи Мессіи, теперь снова возвратились

въ лоно іудейства. Со всѣхъ сторонъ спѣшили присылкой денегъ и матеріаловъ для торжественнаго возстановленія храма.

Но это было горькое заблужденіе! Адріанъ, по собственному-ли заблужденію, или по совѣту своихъ придворныхъ, началъ сожалѣть о томъ, что зашелъ такъ далеко въ своихъ обѣщаніяхъ, и сталъ какъ-то двусмысленно толковать ихъ, требуя, напр., чтобы новый храмъ былъ построенъ не на мѣстѣ прежняго. Это значило, съ точки зрѣнія евреевъ, взять назадъ свое слово. Они подняли крикъ о криводушіи императора и, не смотря на совѣты своихъ наиболѣе просвѣщенныхъ раввиновъ, стали тайно готовиться къ возстанію. Заговоръ велся такъ ловко, что императорская полиція ничего не подозрѣвала. Она не замѣтила даже безпрестанныхъ разъѣздовъ и агитаціи извѣстнаго рабби Акибы, который, проѣзжая по всей странѣ, раздавалъ приказанія на случай войны и возбуждалъ ненависть народа къ «Эдому», имя, подъ которымъ Римъ былъ извѣстенъ на языкѣ раввиновъ. Адріанъ, проѣзжавшій (въ 130 г.) по Іудеѣ, обманывался на счетъ положенія дѣлъ, подобно всѣмъ государямъ, которые объѣзжаютъ провинціи свои среди шума многократно-повторяемыхъ ликованій народа. Медаль, выбитая по этому случаю, представляла Адріана въ императорской тогѣ, принимающаго приношенія отъ колѣнопреклоненной Палестины, тогда какъ трое дѣтей (Іудея, Самарія, Галилея) подносятъ ему вѣтвь. Адріанъ до такой степени далъ одурачить себя знаками обожанія, которые оказала ему трусливая часть населенія, что считалъ себя въ силѣ и правѣ сдѣлать, наконецъ, рѣшительный шагъ по пути примиренія съ евреями, о чемъ такъ долго мечталъ. Трудно, однако, представить себѣ, какая нелѣпая идея пришла ему въ голову, и, притомъ, идея, которую онъ считалъ вѣнцемъ политической мудрости.

Вотъ его планъ: Іерусалимъ долженъ быть снова построенъ (въ этомъ ручается его императорское слово); въ Іерусалимѣ будетъ построенъ новый храмъ на мѣстѣ стараго, но этотъ храмъ долженъ быть посвященъ... Юпитеру Капитолійскому! Далѣе, чтобы увѣковѣчить это примиреніе, Іерусалимъ получитъ новое названіе, которое должно состоять изъ имени новаго строителя города, т. е. имени Адріана, приложеннаго къ названію новаго покровителя храма—Юпитера. Трудно быть болѣе остроумнымъ и добрымъ государемъ, чѣмъ Адріанъ! Но оказалось къ несчастію, что, еслибъ Адріанъ хотѣлъ пріискать мѣру, способную довести отчаяніе евреевъ до ярости, то онъ не могъ-бы найти лучшей, чѣмъ та, которою онъ думалъ умиротворить ихъ! Въ то время, когда онъ совершалъ свою пышную поѣздку по Египту, гдѣ, между прочими открытіями, свидѣтельствующими о его курьезной проницательности, онъ нашелъ, что еврейскій и египетскій (поклоненіе Серапису) культы ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другаго; — въ это самое время ливанскія пещеры наполнялись оружіемъ и военными припасами. Рабби Акиба все чаще и чаще совершалъ свои таинственныя поѣздки. Даже изъ Парфіи приходили въ Іудею толпы молодыхъ людей, которыхъ почему-то одушевила вдругъ необыкновенная ревность къ посѣщенію святыхъ мѣстъ. Наконецъ, когда Адріанъ по возвращеніи расположился отдыхать въ Римѣ, въ обществѣ своего любимца, красиваго Антиноя, отъ своихъ продолжительныхъ путешествій, ему внезапно донесли, что вся Палестина вспыхнула возстаніемъ. Сначала онъ не хотѣлъ этому вѣрить. Развѣ онъ не получилъ еще недавно самыхъ несомнѣнныхъ выраженій привязанности и безграничной преданности къ нему всего населенія этой страны? Однако, надо было обратиться къ дѣйствительности. Римскій правитель Палестины Тиній Руфъ, захваченный совершенно въ расплохъ этимъ внезапнымъ возстаніемъ, вынужденъ былъ оставить одно за другимъ всѣ мѣста, занятыя римскими гарнизонами. Іудея снова провозгласила свою независимость.

Героемъ этой революціи былъ неизвѣстный до тѣхъ поръ молодой человѣкъ изъ Козиба, получившій, отъ города, въ которомъ онъ родился, имя Баръ-Козиба. Рабби Акиба—видѣвшій въ немъ Мессію—прозвалъ его Баръ-Кохба, т. е. «сынъ звѣзды», для примѣненія къ нему того мѣста изъ Библіи, гдѣ говорится: «поднялась (занялась) звѣзда Якова и жезлъ Израиля». Это былъ человѣкъ необыкновенной силы, который могъ, какъ говоритъ преданіе, отразить назадъ ногой камень, брошенный римской метательной машиной. Увлек-

шись своими первыми быстрыми успѣхами, онъ, кажется, сталъ самъ вѣрить въ свое мессіанское предназначеніе. Довѣріе, которое онъ внушалъ толпѣ, представляло собою нѣчто въ родѣ религіознаго обожанія. Всѣ евреи, способные носить оружіе, собрались вокругъ него, такъ что онъ увидѣлъ себя во главѣ грозной арміи, хотя Діонъ Кассій вѣроятно и преувеличиваетъ, насчитывая въ этомъ полчищѣ 580,000 человѣкъ. Чтобы быть принятымъ въ ряды достойныхъ бойцевъ этой арміи, слѣдовало (по словамъ одного преданія) быть въ состояніи или облупить себѣ совершенно одинъ палецъ, или вырвать на-скаку дерево съ корнемъ. Для увеличенія своей славы, Баръ-Кохба самъ разбилъ первые отряды римлянъ, посланные противъ него. Онъ облачился въ царское платье и велѣлъ выбить монеты съ надписью: «Освобожденіе Іерусалима». Впрочемъ, онъ показалъ себя очень милостивымъ относительно плѣнныхъ римлянъ. Въ его арміи были солдаты-язычники, которые присоединились къ евреямъ изъ чувства общей ненависти къ римлянамъ. Но онъ былъ далеко не такъ благосклоненъ къ іудеямъ принявшимъ христіанство, которые отказывались принимать участіе въ возстаніи: съ ними онъ обращался, какъ съ нарушителями закона. Это возстаніе длилось два года. Адріанъ вынужденъ былъ послать въ Палестину изъ Британіи лучшаго своего полководца Юлія Севера. Этотъ послѣдній понималъ положеніе дѣлъ лучше своихъ предшественниковъ и сталъ медлить нападеніемъ на евреевъ, выжидая пока первый пылъ возстанія пройдетъ, и затѣмъ уже систематически осаждалъ по частямъ возставшія мѣстности. Евреи, запершись въ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктахъ, защищались, какъ всегда, съ героическимъ остервенѣніемъ. Но число ихъ и средства день-ото-дня все уменьшались. Баръ-Кохба, желавшій сдѣлать употребленіе изъ своихъ все еще многочисленныхъ солдатъ, которыхъ къ тому же опустошенная страна и не могла содержать долго, дѣлалъ напрасныя усилія, чтобы заставить римскаго полководца принять генеральное сраженіе. Наконецъ, взятіе города Бетара, главнаго опорнаго пункта, докончило пораженіе Баръ-Кохбы, и онъ самъ умеръ въ неизвѣстности, такъ что даже не знаютъ, какъ погибъ этотъ послѣдній герой борьбы евреевъ за независимость. Іудейское

преданіе, всегда склонное приписывать народныя несчастья ошибкамъ предводителей, упрекаетъ Баръ-Кохбу въ слишкомъ большой самоувѣренности. По этому преданію, онъ просилъ у Бога только невмѣшательства въ дѣло возстанія, говоря: «Господи, если ты не хочешь намъ помочь, по крайней мѣрѣ, не помогай нашимъ врагамъ, и мы побѣдимъ!» Какъ и слѣдовало ожидать, за подавленіемъ возстанія послѣдовали преслѣдованія, еще тягчайшія прежнихъ. Адріанъ не могъ простить евреямъ измѣны. Опустошеніе Палестины дѣлалось теперь хладнокровно и систематически. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этой войны, въ Галилеѣ, еще недавно богатой земледѣльческими продуктами, оливы считались уже рѣдкостью. Было организовано поголовное истребленіе населенія, большими массами. Опять можно было встрѣтить колонны женщинъ и дѣтей, отправляемыхъ на продажу въ рабство. Ливанскія пещеры послужили убѣжищемъ только для нѣкоторыхъ бѣглецевъ. Разъ, въ субботу, одна такая кучка несчастныхъ, находившаяся въ пещерѣ, услышала шумъ, который былъ произведенъ желѣзными башмаками другой партіи бѣглецевъ, тоже искавшихъ убѣжища въ пещерахъ. Но съ обѣихъ сторонъ вообразили, что имѣютъ дѣло съ непріятелемъ; въ ужасѣ онѣ бросаются другъ на друга и убиваютъ одинъ другого. Такъ погибли обѣ партіи несчастныхъ бѣглецовъ. По этому поводу, въ Талмудѣ находится запрещеніе носить въ субботу желѣзныя сандаліи. Многіе бѣглецы, прятавшіеся въ пещерахъ, вынуждены были питаться человѣческимъ мясомъ, чтобы не умереть съ голоду, и даже свыклись съ этимъ отвратительнымъ положеніемъ. Поля, окружавшія пещеры, были покрыты трупами, и каждый изъ бѣглецовъ долженъ былъ поочередно доставлять всѣмъ пищу. Разъ, одинъ изъ подобныхъ несчастныхъ нашелъ на дорогѣ трупъ своего отца, не тронулъ его и воротился въ пещеру съ пустыми руками. Другой, посланный за пищей, нашелъ этотъ самый трупъ. Когда онъ возвратился, всѣ, и между прочими первый посланный, бросаются на трупъ и пожираютъ его. Но каковъ же былъ ужасъ несчастнаго сына, когда онъ узналъ потомъ, изъ разсказа втораго посланнаго, что съѣденное имъ мясо принадлежало его отцу! Эта одна черта достаточно рисуетъ тогдашнее положеніе дѣлъ. Въ воспоминаніе о безчисленныхъ несчастіяхъ

этой войны, было рѣшено, вѣроятно, раввинами, чтобы новобрачные не были больше носимы въ брачный домъ на носилкахъ, богато-разукрашенныхъ.

Адріанъ увеличилъ «іудейскій фискъ». Въ знакъ того, что все уже покончено съ Іерусалимомъ и храмомъ, онъ велѣлъ провести по тѣмъ мѣстамъ борозды плугомъ. Тамъ, гдѣ прежде были предмѣстья Іерусалима, къ сѣверу отъ послѣдняго, Адріанъ велѣлъ выстроить новый городъ Элія-Капитолину. Здѣсь онъ поселилъ колонистовъ—финикійцевъ и сирійцевъ. Статуи Адріана, Юпитера-Капитолійскаго и другихъ римскихъ и греческихъ боговъ украшали новый храмъ, выстроенный на развалинахъ святилища Еговы. Подъ страхомъ смертной казни было запрещено іудеямъ входить въ ограду новаго города. Онъ также построилъ на Гаризимѣ, священной горѣ самаританъ, храмъ Юпитеру, а на горѣ Голгофѣ—храмъ Венеры. Говорятъ, что онъ хотѣлъ, такимъ образомъ, оязычить всѣ три горы, свято чтимыя тремя религіями, происходящими отъ юдаизма. Виѳлеемскій гротъ, освященный христіанскимъ преданіемъ получилъ статую Адониса. Обрѣзаніе и соблюденіе субботы было запрещено подъ страхомъ строгихъ наказаній. Законодательство, хорошо знакомое съ юдаизмомъ, опутало его сѣтью запрещеній, чтобъ прекратить его существованіе. Однимъ словомъ, «указы Адріана» открыли для еврейской религіи эру систематическихъ преслѣдованій. Синедріонъ, возстановленный прежде рабби Іохананомъ, разсѣялся. Нѣсколько оставшихся въ живыхъ еврейскихъ ученыхъ собрались тайно въ Лидіи, чтобы посовѣтоваться на счетъ положенія дѣлъ. Одни хотѣли, чтобы іудейскій законъ на-время сдѣлалъ уступку обстоятельствамъ. «Законы, говорили эти ученые, созданы для того, чтобы евреи жили по нимъ, а не умирали отъ нихъ». Другіе же ученые, напротивъ, полагали, что слѣдуетъ скорѣе вытерпѣть всякія мученія, чѣмъ нарушить хоть одно изъ ничтожнѣйшихъ правилъ закона. Это послѣднее мнѣніе взяло верхъ, впрочемъ, съ нѣкоторыми уступками, которыя были продиктованы осторожностью. Тогда между іудеями и римской полиціей завязалось соперничество въ искусствѣ перехитрять другъ друга. Первые употребляли всевозможныя средства, чтобъ лишить полицію возможности поддерживать

вѣроотступниковъ; послѣдняя ухитрялась открывать малѣйшія проявленія юдаизма. Талмудическое преданіе сохранило намъ разсказъ объ одномъ извѣстномъ вѣроотступникѣ Ахерѣ, который, будучи отлично знакомъ со всѣми тонкостями юдаизма, занимался доносами на іудеевъ, соблюдавшихъ древніе обычаи и законы. Римская полиція употребляла всѣ усилія, чтобъ помѣшать открытію новыхъ іудейскихъ школъ и дѣлу посвященія вновь кого либо въ раввины. Многіе поплатились жизнею за упорство въ устройствѣ новыхъ школъ. Еврейское преданіе особенно величаетъ страданія девяти мучениковъ, изъ которыхъ одинъ, рабби Измаилъ, славился такой красотой, что отрѣзанная голова его была послана въ Римъ, для дочери императора, которая желала ее видѣть. Рабби Акиба, главный двигатель возстанія, спасся отъ рукъ преслѣдовавшихъ его враговъ неизвѣстно какимъ образомъ. Но и онъ былъ, наконецъ, схваченъ, во время своихъ занятій съ учениками. Это былъ громадный религіозный авторитетъ того времени. Евреямъ казалось, что безъ него нельзя будетъ рѣшить множество спорныхъ пунктовъ закона. Талмудъ разсказываетъ о хитростяхъ, которыя употреблялись его учениками для того, чтобы узнать у него, сидѣвшаго въ тюрьмѣ, мнѣніе по какому нибудь спорному вопросу, не возбуждая притомъ подозрѣнія стражи. Съ этой цѣлью, они, напримѣръ, притворялись странствующими купцами, и, передъ темницей, громко выкрикивали о своей торговлѣ въ двусмысленныхъ выраженіяхъ, которыя рабби Акиба слушалъ въ слуховое окно и на которыя давалъ отвѣтъ, заключавшійся всегда въ одномъ словѣ. Старый рабби умеръ въ страшныхъ мученіяхъ, произнеся слово «эходъ» [Богъ единъ].

То былъ послѣдній вздохъ религіозно-государственной жизни Израиля!

II.

Раввинизмъ еще разъ спасъ юдаизмъ отъ совершенной погибели. Одинъ старый рабби по имени Іуда, видя, что всѣ прежніе рабби или уже умерли, или доживаютъ свои послѣдніе дни,

рѣшился, при концѣ жизни, посвятить въ санъ раввина семь учениковъ Акибы, которыхъ послѣдній не успѣлъ при жизни посвятить. Хотя за нимъ зорко слѣдила римская полиція, но онъ, однако, успѣлъ собрать этихъ учениковъ въ уединенное мѣсто и возложилъ на нихъ свои руки. Едва успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ приблизился римскій дозоръ. Ученики хотѣли было защищать старика-рабби, но онъ приказалъ имъ искать спасенія, и они должны были повиноваться. Такимъ образомъ, солдаты нашли только старика, котораго и пронзили множествомъ копій. Въ это время умеръ Адріанъ. Его преемникъ Антонинъ Благочестивый, болѣе гуманный, чѣмъ Адріанъ, и къ тому-же неимѣвшій личныхъ причинъ мстить евреямъ, сжалился надъ ихъ несчастьями и уничтожилъ эдикты Адріана. Однако, онъ удержалъ запрещеніе евреямъ обращать другихъ въ свою вѣру и переходить за ограду новаго Іерусалима. Семь учениковъ рабби Акибы, недавно посвященные, соединились въ городѣ Ушѣ, гдѣ и основали раввинскую школу.

Національно-религіозная партія была разбита физически и нравственно. Баръ-Кохба (сынъ звѣзды) обратился въ Баръ-Козба (сынъ лжи). Когда, однакожъ, двадцать-три года спокойствія возвратили Палестинѣ снова нѣсколько бодрости и силы, то, благодаря мессіянскимъ иллюзіямъ, новое возстаніе загремѣло въ Іудеѣ въ 161 г.—Вѣроятно, что эти инсургенты расчитывали на Парфянъ, которые дѣлали тогда видъ, что готовятся объявить войну Риму. Но это возстаніе было быстро подавлено. Парфяне не могли поспѣть во время—и единственнымъ послѣдствіемъ возстанія было временное возобновленіе «эдиктовъ Адріана», по распоряженію Вера, который въ то время находился на Востокѣ, гдѣ, впрочемъ, и умеръ вскорѣ, вслѣдствіе распутной жизни. Депутація раввиновъ, посланная евреями въ Римъ къ Марку Аврелію, успѣла выхлопотать у него уничтоженіе «эдиктовъ».

Вѣроятно, что партія раввиновъ, желавшая мира, начинала уже брать верхъ между евреями. Внѣшній блескъ римской цивилизаціи тоже не мало помогъ смягчить этихъ страшныхъ пуританъ. Талмудъ разсказываетъ, что рабби Іуда, рабби Іосе и рабби Симонъ бэнъ-Іохай

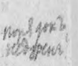
разсуждали однажды въ Ушѣ о заслугахъ и достоинствахъ римской имперіи. Р. Іуда былъ на сторонѣ римлянъ и восхвалялъ великія общеполезныя работы, совершенныя ими. «Они, говорилъ онъ, построили вездѣ города съ удобными рынками, провели мосты черезъ рѣки, устроили бани для здоровья жителей». Р. Симонъ не хотѣлъ этого даже и слушать. «Такъ, говорилъ онъ, но все это они сдѣлали изъ жадности и эгоизма; они устраиваютъ въ городахъ публичные дома изъ корыстныхъ цѣлей; ихъ бани служатъ лишь мѣстами разврата; проѣздъ по ихъ мостамъ обремененъ тяжелыми пошлинами». Р. Іосе слушалъ только эти пренія и соглашался съ обоими. Этотъ послѣдній служилъ истиннымъ представителемъ мнѣнія большинства тогдашнихъ евреевъ. Весьма немногіе изъ нихъ раздѣляли восторгъ р. Іуды отъ римской администраціи, но и неисправимый пуританизмъ р. Симона замѣтно ослабъ тогда въ іудеяхъ. Юдаизмъ, не желалъ ни безчестить себя благосклонностью къ римлянамъ, ни вѣрить въ невозможное; онъ собирался пока съ мыслями, молча и выжидая. Факты говорили слишкомъ громко, чтобъ можно было не слушать ихъ убѣдительнаго языка. Въ то время статуя Юпитера господствовала на мѣстѣ бывшаго Іерусалима; депутація раввиновъ, посланная въ Римъ, успѣла выхлопотать у Марка Аврелія, въ видѣ особенной милости, позволеніе созерцать въ Капитоліи священные остатки, отнятые въ прошломъ столѣтіи у іудеевъ Титомъ, именно: священныя вазы, діадему первосвященника и завѣсу, закрывавшую «святилище». Съ того времени, какъ эти священныя вещи исчезли изъ святой земли, юдаизмъ, не смотря на тяжелыя испытанія, продолжалъ жить и еще одинъ разъ поднялся изъ подъ развалинъ, подъ которыми, казалось, его уже похоронили несчастія.

Мысль и надежда сбросить когда-либо римское иго съ помощью божественнаго вмѣшательства или пришествія Мессіи, не переставали глухо волновать еврейскія массы, и каждый разъ, когда какія либо случайности выставляли положеніе дѣлъ въ чрезчуръ неблагопріятномъ для евреевъ видѣ, — всегда замѣчалось слабое волненіе въ народѣ. Такъ, напримѣръ, когда Септимій Северъ, послѣ своего путешествія по Востоку, увеличилъ въ нѣкоторомъ отношеніи тягости, которыя и безъ того обременяли евреевъ въ Палестинѣ, появились патріоти-

ческія банды. Изъ нихъ нѣкоторыя погибли отъ римскаго войска, предводимаго Каракаллою, а многія сами исчезли, доказавъ только своимъ появленіемъ незначительность проявившагося движенія. Эдикты Севера, относительно религіи, старались поддерживать миръ между евреями, христіанами и язычниками, почему они и запрещали каждой изъ этихъ религій прозелитизмъ. Однако, династія Северовъ, подъ вліяніемъ Юліи-Домны, императрицы-философа изъ жреческой фамиліи Емесса, оказалась весьма благосклонной къ восточнымъ религіямъ. При Геліогобалѣ и Александрѣ Северѣ, эта система дѣлается замѣтнѣе и, такимъ образомъ, по странной превратности судебъ, евреи весьма много выигрываютъ въ отношеніи спокойствія и терпимости къ нимъ. Александръ Северъ, и его мать Юлія Маммея были рѣшительно благосклонны къ юдаизму и отвели ему почетное мѣсто въ томъ хаосѣ тогдашнихъ религій, въ которомъ были тогда соединены, по странному стеченію обстоятельствъ, Авраамъ и Орфей, Аполлонъ и Іисусъ. Слѣдствіемъ такого благопріятнаго для евреевъ положенія дѣлъ — было ослабленіе суровыхъ раввинскихъ постановленій, относительно сношенія евреевъ съ язычниками. Такимъ образомъ, евреи жили въ III вѣкѣ, потерявъ прежнее могущество, и все болѣе и болѣе сосредоточиваясь въ самихъ себѣ, углубляясь въ точное соблюденіе религіозныхъ предписаній, то терзаемые подозрительной политикой однихъ римскихъ властителей, то терпимые и покровительствуемые менѣе суровыми и менѣе вѣрными римскимъ традиціямъ цезарями. Даже основаніе и временное процвѣтаніе королевства Пальмиры, монотеистическія тенденціи королевы Зиновіи и нетерпимая—относительно евреевъ—политика императора Діоклетіана—всѣ эти обстоятельства ничего существеннаго не измѣнили въ положеніи дѣлъ. Діоклетіанъ, въ дѣлѣ религіи, любилъ только старину. Онъ одинаково порицалъ всѣ ереси, и вотъ почему его эдикты, столь строгіе относительно христіанъ и самаритянъ, щадили евреевъ, которыхъ онъ скорѣе презиралъ, чѣмъ ненавидѣлъ. Говорятъ, что Діоклетіанъ заставилъ еврейскаго патріарха и его спутниковъ, пріѣхавшихъ поздравить его въ Панеасъ, принимать ванны, въ продолженіе многихъ дней, прежде чѣмъ соизволилъ допустить ихъ къ себѣ. Такова была репутація, ко-

торой пользовалось уже тогда это племя, въ религіозной практикѣ котораго обрядъ омовенія встрѣчается такъ часто!

Однако, уже предвидѣлся день, когда юдаизму нечего будетъ бояться язычниковъ и когда судьба его будетъ зависѣть отъ христіанства— новаго владыки міра. Христіанство шло быстрыми шагами къ господству, которое всѣмъ обезпечивалось ему: 1) случайностями политики, 2) ловкостью его епископовъ и 3) его нравственною крѣпостью, среди тогдашняго всеобщаго разложенія. Еврейская религія, какъ государственная сила, давно уже уступила свое мѣсто христіанству, и вотъ откуда, безъ сомнѣнія, то сравнительное спокойствіе, съ которымъ юдаизмъ пережилъ бурные періоды — кризисы жизни и смерти для христіанства. Константинъ, сдѣлавшись властелиномъ имперіи, старался сначала о томъ, чтобы религіозная свобода, имъ провозглашенная, была уважаема относительно евреевъ также, какъ и относительно другихъ народовъ. Еврейскій патріархъ стоялъ на одинаковой ногѣ съ высшимъ представителемъ христіанской религіи и титуловался въ публичныхъ актахъ «свѣтлымъ, уважаемымъ, знаменитымъ». Однако, вліяніе христіанства, все болѣе и болѣе усиливавшееся при византійскомъ дворѣ, не замедлило дать почувствовать евреямъ ихъ зависимаго положенія. Указъ Адріана, запрещавшій евреямъ пребываніе въ Іерусалимѣ,—который получилъ снова свое прежнее имя,—былъ возобновленъ. Одинъ, обращенный въ христіанство, еврей, по имени Іосифъ, покрылъ христіанскими церквями всю Галилею, куда до этого времени христіанство еще почти не проникало. Въ царствованіе Констанція (337—361), положеніе евреевъ до того ухудшилось, что они вынуждены были взяться за оружіе, но были быстро побѣждены. Надежды евреевъ ожили опять только при Юліанѣ. Этотъ императоръ не только любилъ вообще оказывать покровительство древнимъ религіямъ, но, кромѣ того, считалъ необходимымъ, наканунѣ объявленія войны Персамъ, пріобрѣсть расположеніе евреевъ палестинскихъ, а стало быть, и тѣхъ, которые жили на берегахъ Евфрата, вблизи будущаго театра войны.

Странный случай указалъ на отношеніе Юліана къ евреямъ. Между христіанами была тогда сильно распространена мысль,—не имѣющая никакого основанія въ Новомъ Завѣтѣ,—впрочемъ, что

іерусалимскій храмъ, разрушенный по повелѣнію Господа, никогда не будетъ возстановленъ. Юліанъ, чтобъ сдѣлать противное христіанамъ и доставить удовольствіе евреямъ, отдалъ приказаніе выстроить снова храмъ, безъ всякихъ промедленій. Онъ любилъ этотъ культъ левитовъ; ему нравилось приношеніе животныхъ въ жертву и пышность жреческаго богослуженія, что приближало эту религію къ политеизму. Но кратковременность царствованія этого государя помѣшала ему привести въ исполненіе свой планъ. Современные Юліану христіанскіе историки утверждаютъ, что блестящее пламя выходило изъ земли подъ ударами молота рабочихъ, рывшихъ землю для закладки новаго храма; что это сильно испугало рабочихъ и заставило отказаться отъ продолженія работы. Легенда эта, очевидно, указываетъ на благосклонность небесъ къ христіанству. Гретцъ не отвергаетъ положительно этого факта, но думаетъ, что пламя это явилось оттого, что горючіе газы, накопившіеся подъ развалинами храма, разрушеннаго Титомъ, при разрываніи земли, выходили наружу и воспламенялись. Суевѣрію того времени уже достаточно было этого, чтобы кричать о чудѣ.

Первые наслѣдники Юліана были аріане, весьма терпимо относившіеся къ евреямъ. Но въ царствованіе Феодосія, нетерпимость опять усилилась, и евреямъ пришлось много выстрадать. Хризостомъ, Амвросій, Кирилла Александрійскій отличались своей враждой къ евреямъ. Вскорѣ послѣ того начались великія передвиженія народовъ и нашествія на римскую имперію. Евреи, какъ и христіане, видѣли въ этихъ несчастьяхъ имперіи справедливое наказаніе за преступленія Рима, относительно всего человѣческаго рода вообще, и каждаго изъ нихъ въ частности. Продолжительное рушеніе этого громаднаго зданія, паденіе котораго увлекло за собою весь древній міръ, указывало евреямъ на близкое появленіе «новыхъ небесъ и новой земли», предсказанныхъ пророками. Какой-то мнимый Мессія, появившійся на о. Критѣ и собравшій вокругъ себя восторженную толпу, исчезъ вскорѣ съ политическаго горизонта такъ не замѣтно, что даже неизвѣстно было, что сталось съ нимъ, послѣ его перваго неудавшагося чуда. Впрочемъ, политическое ничтожество палестинскихъ евреевъ все болѣе и болѣе дѣлалось очевиднымъ. Христіанское населеніе было уже тогда господствующимъ

въ Палестинѣ. Многочисленные монастыри покрывали святую землю, выбирая для своего построенія преимущественно мѣста, прославленныя библейскими преданіями. Незначительныя числомъ еврейскія общины, готовыя возмутиться еще при императорѣ Геракліи (въ VII вѣкѣ), но разрозненныя,—дѣлаясь все меньше и меньше числомъ,—уже не заслуживали названія «народа». Еврейскій патріархъ, признаваемый оффиціально всѣми императорами до 425 года, лишился своего сана при Феодосіи II. Съ этого момента наступаетъ для евреевъ эпоха среднихъ вѣковъ. На Востокѣ не стало болѣе центра юдаизма. Исторія его съ этихъ поръ сливается съ исторіей новѣйшихъ народовъ, и плачевная легенда о вѣчномъ жидѣ дѣлается фактомъ. Но еврейская нація уноситъ съ собою свой палладіумъ—Талмудъ,—и вотъ въ этомъ-то послѣднемъ и въ проповѣдяхъ раввиновъ іудейство находитъ прочную опору, которой не могли дать ему ни его іерусалимскій храмъ, ни жрецы.

III.

Прежде чѣмъ покончить съ внѣшней исторіею юдаизма, необходимо бросить взглядъ на землю, которая въ Ветхомъ Завѣтѣ называется «проклятой», но которая сдѣлалась въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, вторымъ отечествомъ іудеевъ и съ которой они освоились до такой степени, что она замѣнила имъ, въ религіозномъ и этнографическомъ отношеніи, древнюю классическую землю Израиля.

Тѣ евреи, которые остались въ землѣ изгнанія, Вавилонѣ, подъ владычествомъ Кира и его наслѣдниковъ, образовали тамъ небольшія самостоятельныя общины, подъ благосклонной къ нимъ верховной властью персидскихъ царей, которые гораздо болѣе полагались на вѣрность евреевъ, чѣмъ на преданность своей древней халдейской аристократіи. Между этими вавилонскими евреями и тѣми, которые возвратились въ Палестину, осталась, однако, тѣсная религіозная связь. Въ началѣ христіанкой эры, еврейскія общины въ Месопотаміи и Вавилоніи были многочисленны и богаты. Они населяли цѣликомъ, или большей частью, многіе значительные

города, расположенные въ плодоносной мѣстности береговъ Евфрата, каковы Наардея, Пумбадита, Сира и другіе, менѣе извѣстные. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ, какъ Махуза, были расположены на берегу Тигра, и евреевъ можно было встрѣтить даже подъ стѣнами Ктезифона. Это еврейское населеніе, занимавшее огромную географическую площадь, въ формѣ груши, отъ средняго теченія Тигра до нижняго истока Евфрата, пускало отъ себя отпрыски въ сосѣднія страны и, чрезъ Арменію, подавало руку еврейскимъ поселеніямъ Малой Азіи. Извѣстно, сколько различныхъ гипотезъ построено на счетъ участи тѣхъ десяти колѣнъ израильскихъ, которые были переведены въ Ассирію, за сто лѣтъ до разрушенія царства Іудеи Навуходоносоромъ. Одни ученые искали мѣстопребываніе этихъ колѣнъ въ Арменіи, другіе—въ Китаѣ, третьи—даже въ Америкѣ. Іостъ полагаетъ,—и его мнѣніе опирается на весьма прочныхъ доказательствахъ—что остатки этихъ колѣнъ передвинулись впослѣдствіи съ сѣвера на югъ, къ своимъ соплеменникамъ по происхожденію и религіи, языку и интересамъ. Послѣ этого, намъ становится еще болѣе понятной многочисленность еврейскихъ обществъ Средней Азіи, которыя увеличивались эмигрантами изъ Палестины, каждый разъ, когда послѣдняя дѣлалась театромъ безпорядковъ, что тоже случалось весьма часто. Кто повѣритъ, что, на двадцатомъ году по Р. Х. два еврейскихъ ткача изъ Наардеи, Азинай и Абилай, пользуясь внутренней слабостью Парфянскаго царства, возмутили евреевъ и образовали независимое государство, которое существовало 16 лѣтъ? Впослѣдствіи, благодаря раздорамъ между этими двумя вождями, Парфянамъ удалось уничтожить это государство.

Въ тотъ моментъ, когда вавилонскіе евреи появляются на исторической аренѣ, изъ того мрака, который покрываетъ первыя времена ихъ существованія, мы уже застаемъ ихъ подъ управленіемъ наслѣдственнаго сановника «главы изгнанія», который былъ родомъ еврей, и которому персидскіе цари предоставляли значительную власть въ управленіи своими іудеями. Государство Парфянъ, возникшее на мѣстѣ прежняго персидскаго царства, завѣщало евреямъ это соціальное устройство, напоминающее собою

организацію не-мусульманскихъ общинъ современной Турціи. Эти «главы изгнанія» всегда старались выводить свое происхожденіе изъ рода царя Давида. Вынужденные долгое время жить въ бѣдной обстановкѣ, они потомъ, мало по малу, перешли къ роскоши царей или, по крайней мѣрѣ, пышности ихъ намѣстниковъ. Они имѣли свои дворцы придворныхъ, свою полицію, свои аудіенціи и окружали себя большимъ блескомъ. Это еврейское вице-королевство, сдѣлавшееся еще болѣе важнымъ со времени возстановленія персидской имперіи Сассанидами, продолжало существовать до XI-го вѣка и пережило много различныхъ перемѣнъ.

Относительное спокойствіе и благосостояніе, рѣдко нарушаемыя, евреевъ вавилонскихъ, въ сравненіи съ жизнью палестинскихъ іудеевъ, сдѣлали то, что въ I в. по Р. Х. іудеи береговъ Евфрата взяли верхъ въ численномъ и матеріальномъ отношеніи надъ евреями Іордана. Однако, съ религіозной точки зрѣнія, Іерусалимъ съ его храмами, школами, его историческимъ прошлымъ, пользовался такимъ авторитетомъ, котораго Наардея съ ея «главою» и пышностью имѣть не могла. Тѣмъ не менѣе, въ Талмудѣ находятся слѣды уже весьма древняго стремленія вавилонскихъ евреевъ освободиться изъ-подъ вліянія Іерусалима. Такъ, напр., они хвастались своей болѣе чистой еврейской кровью передъ палестинскими іудеями, такъ какъ послѣдніе часто брали себѣ женъ изъ не-евреевъ, чего первые не дѣлали, по ихъ словамъ; къ этой претензіи на чистоту крови, всегда весьма важной въ глазахъ семитическихъ народовъ, вавилонскіе евреи прибавляли еще и то, что въ ихъ средѣ сохранились, будто-бы, постоянно древнѣйшія преданія, исходящія непосредственно отъ іудаизма временъ до-плѣненія, тогда какъ въ Палестинѣ религіозно-національныя традиціи подвергались не разъ значительнымъ перерывамъ. Замѣчательно, что и сами палестинскіе евреи не отрицали справедливости этихъ претензій и, чего не слѣдуетъ забывать, гораздо охотнѣе поддавались вліянію вавилонскихъ евреевъ, чѣмъ вліянію другихъ еврейскихъ общинъ, какъ напр., вліянію александрійской общины, которая, казалось бы, могла съ бо́льшимъ правомъ претендовать на уваженіе, по своему тогдашнему высокому умственному развитію. Многіе изъ

знаменитыхъ палестинскихъ раввиновъ и, между прочимъ, великій Гиллель, были родомъ съ Евфрата. Понятно, что претензіи вавилонскихъ евреевъ на первенство значительно увеличились послѣ того, какъ разрушеніе іерусалимскаго храма отняло у палестинскихъ іудеевъ ихъ важнѣйшее право на верховность, и послѣ того, какъ безуспѣшныя возстанія доказали, что дѣло этого разрушенія не поправимо. Послѣ пораженія, которое потерпѣлъ Баръ-Кохба, когда эдикты Адріана угрожали юдаизму всеобщимъ истребленіемъ въ предѣлахъ римской имперіи, юдаизмъ парфянскій (вавилонскій), свободный и богатый, пріобрѣлъ окончательное сознаніе своей верховности. Одно время, въ Наардеѣ существовалъ даже «Синедріонъ», возникшій по собственному побужденію тамошнихъ евреевъ (т. е. не получившій власти отъ іерусалимскаго) и весьма неохотно покорявшійся палестинскому, возстановленному Адріаномъ. Были даже такіе раввины, которые утверждали, что плѣненіе Израиля въ Халдеѣ (Вавилоніи) было весьма благодѣтельно для евреевъ; далѣе, что попытка при Кирѣ возвратиться въ Палестину и снова устроить тамъ еврейское государство,—была необдуманной и вредной попыткой и, наконецъ, что истинный Израиль находится отнынѣ на берегахъ Евфрата. Безъ сомнѣнія, подобныя идеи, какъ слишкомъ противорѣчившія всему прошлому еврейской исторіи, раздѣлялись только немногими; но безпрерывное политическое паденіе палестинскихъ евреевъ, побѣды христіанства, гибельныя послѣдствія отъ этого для прежняго обаятельнаго значенія и свободы западнаго юдаизма—все это привело къ порядку вещей, весьма близко подходившему къ вышеприведенному мнѣнію вавилонскихъ раввиновъ. Вотъ чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что, одновременно съ развитіемъ іерусалимскаго Талмуда, развивался и Талмудъ вавилонскій, какъ выраженіе традиціонной науки Вавилона. Однакожъ, съ теченіемъ времени, вавилонскіе евреи, прежде болѣе свѣтскіе и скептическіе, чѣмъ іерусалимскіе, оказались также проникнутыми духомъ раввинизма, какъ и послѣдніе. Школы Пумбадиты и Сиры наполнялись сотнями учениковъ-раввиновъ. Сами «главы изгнанія» превратились въ великихъ раввиновъ. Вавилонскіе ученые оставили далеко за собою іерусалимскихъ, относительно формализма и тонкости. И тѣ, и другіе, долго придерживались только устнаго преподаванія, но, наконецъ, вынуждены были прибѣгнуть къ письму. Они боялись не гоненій отъ христіанъ, но того, чтобы преслѣдованія возстановленнаго царства маговъ не разсѣяли и не уничтожили совсѣмъ преподавателей еврейскаго закона: маги были къ евреямъ не болѣе мягкосердечны, чѣмъ, впослѣдствіи, католическіе епископы. Въ царствованіе Фирутче (458—467), синагоги были разрушены, школы закрыты.

Вотъ что привело, около 500 г.—эпохи весьма важной въ судьбахъ юдаизма—къ окончательному переложенію традиціоннаго ученія въ письменную форму—къ созданію Талмуда Вавилонскаго.

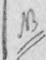
IV.

Попробуемъ, однакожъ, проникнуть во внутреннюю жизнь юдаизма, чтобы легче понять, какъ могъ онъ, въ продолженіе періода времени, о которомъ мы говорили, обходиться безъ духовенства, безъ алтаря, опираясь только на устномъ и письменномъ ученіи раввиновъ. Припомнимъ, что, наканунѣ разрушенія Іерусалима Титомъ, рабби Іохананъ возстановилъ въ Ямніи Синедріонъ, законныя основанія возникновенія и существованія котораго,—хотя и крылись въ печальномъ положеніи тогдашнихъ еврейскихъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе,—были признаны собраніемъ всѣхъ еврейскихъ общинъ Іудеи. Къ этому Синедріону прибавилась впослѣдствіи еще школа раввиновъ. Семь знаменитыхъ ученыхъ «Таннаимъ», или «повторителей», соединились вокругъ рабби Іоханана и продолжали устное преподаваніе закона. На 80 году христіанской эры, рабби Іоханану наслѣдовалъ Гамліель II, сынъ того Гамаліеля, который хвалился своимъ происхожденіемъ отъ великаго Гиллеля и давалъ уроки апостолу Павлу, родившемуся въ Тарсѣ. Безполезно повторять, что обстоятельства уже отодвинули тогда на второй планъ школу Шамая, съ ея несговорчивымъ фарисействомъ, и, напротивъ, доставила первенство школѣ Гиллеля, болѣе миролюбивой, благоразумной, хотя и не менѣе педантичной. Толь-

ко въ тѣ минуты, когда поднималось народное движеніе, школа Шамая опять всплывала на поверхность. Начиная съ Гамліеля II, званіе «наси» или патріарха еврейскаго сдѣлалось наслѣдственнымъ въ этомъ семействѣ, которое претендовало на происхожденіе, по женской линіи, отъ Давида. Въ то время произошло въ юдаизмѣ весьма замѣчательное явленіе, до-сихъ-поръ мало замѣченное учеными, но на которое я позволяю себѣ обратить вниманіе лицъ, занимающихся изслѣдованіями исторіи древняго христіанства. Я говорю о томъ стремленіи ко внѣшнему единству, дисциплинарному формализму и внутренней централизаціи, которое проявилось въ юдаизмѣ почти въ тоже самое время, какъ оно зародилось и въ христіанскихъ общинахъ, до тѣхъ поръ почти независимыхъ одна отъ другой. Должно быть, подъ вліяніемъ тогдашняго римскаго правленія, жажда единства сдѣлалась весьма сильной потребностью для всѣхъ: все въ эту эпоху, и въ религіи, и въ политикѣ, стремилось къ централизаціи. Противники централизаціи могли быть тысячу разъ правы, но ихъ доводы теперь терялись какъ-бы въ пустынѣ, не слушались, ибо масса уже впередъ склонялась въ сторону всего того, что находилось въ связи съ объединеніемъ, составлявшимъ тогда мечту и цѣль жизни народовъ. Епископатъ у христіанъ, патріархатъ у евреевъ развивались параллельно, весьма мало опережая въ своемъ развитіи другъ друга. Какое подтвержденіе новѣйшихъ теорій канонической науки о преобладаніи іудейскаго духа въ нѣдрахъ христіанской церкви первыхъ вѣковъ и о смѣшанномъ іудейско-христіанскомъ происхожденіи епископата! Да, оба учрежденія, христіанскій епископатъ, (которому въ его собственныхъ интересахъ необходимо было сосредоточиться), и еврейскій патріархатъ—одинаково мотивировали свое право на существованіе необходимостью сохранить древнія традиціи. Въ сущности, древность этихъ традицій не имѣла за собою ничего, кромѣ претензіи на древность. Но этого уже было достаточно, для того, чтобы масса склонялась на ея сторону. Масса всегда вѣритъ въ то, во что ей хочется вѣрить.

Такимъ образомъ, Гамліель II занялся приведеніемъ къ единству различныхъ ученій, которыя преподавались въ школахъ,

разбросанныхъ по странѣ, то здѣсь, то тамъ. Бат-колъ, т. е. «гласъ неба», рѣшалъ тогда въ народѣ, что ученія Гиллеля и Шамая одинаково божественны, но что на практикѣ должно слѣдовать первому. Гиллелисты поддерживали въ народѣ это мнѣніе. Нѣкоторые шамаиты протестовали противъ такого удобнаго способа гиллелистовъ дѣлать свое ученіе правымъ въ глазахъ народа; но ихъ крики не были выслушаны. Гамліель также руководилъ пересмотромъ традиціонной еврейской юриспруденціи и религіозныхъ трактатовъ, дабы очистить все это отъ излишнихъ измышленій различныхъ раввиновъ. Это былъ первый шагъ по пути систематизированія огромнаго матеріала устнаго закона, который, впослѣдствіи, и превратился въ письменный законъ—Талмудъ. Допущеніе въ школы сопровождалось, съ этого времени, чѣмъ-то въ родѣ экзамена, относительно убѣжденій поступающаго. Синагогальная опала (херемъ), т. е. то, что христіанская церковь называетъ *отлученіемъ*, была строго усилена и примѣнена тогда къ немалому числу упорствовавшихъ раввиновъ. Въ тоже время, патріархъ ввелъ нѣкоторые обычаи, долженствовавшіе возвысить его личное значеніе. Въ короткое время онъ успѣлъ своими строгими мѣрами оскорбить самолюбіе столькихъ лицъ, что, черезъ нѣсколько лѣтъ, самъ былъ низложенъ. Однако, передъ смертью, онъ былъ опять возведенъ въ свой прежній санъ, а преемники слѣдовали его политикѣ.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ сподвижниковъ его былъ тотъ рабби Акиба, который, какъ мы уже видѣли, игралъ такую важную роль до и во время возстанія Баръ-Кохбы. Его біографія имѣетъ въ себѣ что-то романтичное, чѣмъ и отличается отъ жизнеописаній остальныхъ замѣчательныхъ раввиновъ, жизнь которыхъ протекала весьма прозаично. Родъ его претендовалъ на происхожденіе отъ Сисера, хананейскаго вождя, убитаго Яэлью, во-времена израильскихъ судей. Онъ провелъ свою молодость въ услуженіи у одного богатаго іерусалимскаго еврея-патріота. Здѣсь онъ плѣнился дочерью своего хозяина, красивой Рахилью, которая отвѣчала ему взаимностью и обѣщала свою руку, съ условіемъ, однако, чтобъ онъ достигъ званія раввина. Тогда-то онъ, неполучившій прежде никакого воспитанія, принялся ревностно и твер-

до за изученіе закона, между тѣмъ какъ его возлюбленная Рахиль, прогнанная своимъ отцемъ, жила въ странной бѣдности. Наконецъ, они соединились брачными узами, но все еще оставались такими бѣдняками, что Рахиль должна была продать, однажды, свои пышные волосы, чтобы не умереть съ голоду со своимъ мужемъ. Таковъ былъ человѣкъ, который раздулъ пламя возстанія по всему тогдашнему еврейскому міру и, кромѣ того, оставилъ глубокіе слѣды своей учености въ раввинской литературѣ. Это былъ человѣкъ, у котораго съ энтузіазмомъ соединялась изумительная тонкость ума, благодаря которой онъ выработалъ удивительную систему, которая столько запутанностей украсила именемъ «толкованій» Священнаго Писанія; по этой системѣ каждая буква, каждое выраженіе, каждая орфографическая или грамматическая ошибка въ Священномъ Писаніи заключали въ себѣ непремѣнно таинственный смыслъ, который проницательность раввиновъ должна была разгадать. Другой раввинъ того времени, Іосе бэнъ-Хананія, составлялъ полный контрастъ съ непримиримымъ рабби Акибой. Скромный и миролюбивый, онъ хотѣлъ установить хорошія отношенія между евреями и римлянами. Онъ былъ очень некрасивъ и, когда, однажды, принималъ участіе въ депутаціи, отправленной къ римскому императору (къ кому именно — неизвѣстно), одна принцесса спросила его, смѣясь: «зачѣмъ такая мудрость заключается въ такомъ скверномъ сосудѣ?» на что старый раввинъ отвѣтилъ ей: «принцесса, хорошее вино никогда не сохраняютъ въ золотой посудѣ».

Въ это время ямнійскій Синедріонъ впервые сдѣлалъ попытку отдѣлить чисто-евреевъ отъ семействъ іудеевъ, полуусвоившихъ уже христіанство. До тѣхъ поръ христіанскіе евреи Палестины, большей частью еще строго соблюдали еврейскіе обряды и, потому, были ненавистны христіанамъ, строгимъ послѣдователямъ школы апостола Павла. Они еще представляли изъ себя общину, которая признавала, наравнѣ съ другими евреями, чистоту, ненарушимость и обязательность для себя еврейскаго закона. Однакожъ, на практикѣ она пользовалась свободой исполненія или неисполненія своихъ обрядовъ. Правда, въ первое время возникновенія христіанства, въ этой общинѣ происходили

анти-іудейскія движенія, но преслѣдованія со стороны евреевъ, жертвою которыхъ, между прочимъ, сдѣлался мученикъ первыхъ временъ христіанства, извѣстный діаконъ Стефанъ, подавили эти броженія въ Іудеѣ.

Однакожъ, этотъ разрывъ долженъ былъ рано или поздно случиться—евреи-христіане начали уже слишкомъ рѣзко отдѣляться отъ еврейскаго общества. Принципы, внушенные имъ Христомъ, мало-по-малу, стали приносить плоды. Такъ напр., эти евреи-христіане стали менѣе интересоваться государственно-религіозной самостоятельностью евреевъ. Они отказывались принимать участіе въ войнахъ противъ римлянъ и многіе изъ нихъ перебрались по другую сторону Іордана, въ ту часть Палестины, которая называлась Декаполемъ. Когда же юдаизмъ снова ожилъ подъ вліяніемъ власти ямнійскаго Синедріона,—погрузившись, болѣе чѣмъ когда-либо, во всѣ тонкости раввиническихъ толкованій,—тогда христіанско-еврейская община окончательно осталась въ сторонѣ, не видя для себя никакой надобности присоединяться къ новому религіозному центру еврейства, Синедріону, и весьма мало расположенная слѣпо повиноваться предписаніямъ раввиновъ. Далѣе, паденіе самаго іерусалимскаго храма и вынужденный, вслѣдствіе того, со стороны евреевъ отказъ отъ обряда жертвоприношеній, непреодолимо наталкивалъ массу этихъ нео-христіанъ на мысль, что апостолъ Павелъ освятилъ «Новый храмъ», быть можетъ, и рано для пониманія невѣжественной толпы, но не рано для распространенія принципа христіанства. Личность Іисуса все болѣе и болѣе росла въ благоговѣніи массы, которая уже поставила ее выше Моисея и приписывала ей сверхъестественныя качества. Масса этихъ нео-христіанъ чувствовала себя гораздо болѣе близкой даже къ язычникамъ, вѣрившимъ въ Іисуса и несоблюдавшимъ никакихъ еврейско-религіозныхъ обрядовъ, чѣмъ къ своимъ собратьямъ-соотечественникамъ, которые не хотѣли признать Іисуса. Итакъ, разрывъ между истинными евреями и евреями-христіанами былъ неизбѣженъ. Строгости «іудейскаго фиска» Домиціана должны были споспѣшествовать этому разрыву и, дѣйствительно, мы замѣчаемъ около этого времени, со стороны новыхъ христіанъ, послабленіе въ соблюденіи, напр., обряда обрѣзанія и нѣкоторыхъ другихъ отличительныхъ знаковъ древняго юдаизма.

Около этого же времени, Синедріонъ выступаетъ противъ «минимъ», т. е. противъ «выродившихся», — такъ назывались въ Талмудѣ евреи, принявшіе христіанство. Рабби Тарфонъ не колебался прямо осуждать ихъ: «Евангеліе» и всѣ книги «минимовъ», говорилъ онъ, заслуживаютъ быть сожженными, потому что онѣ опаснѣе самого язычества; язычники не знаютъ ученія іудеевъ, тогда какъ «выродившіеся» отрицаютъ юдаизмъ, будучи отлично знакомы съ нимъ. Скорѣе слѣдуетъ искать убѣжища въ языческомъ храмѣ, чѣмъ въ синагогѣ «минимовъ». Ямнійскій Синедріонъ повелѣлъ всѣмъ вѣрнымъ евреямъ поступать съ отступниками, какъ съ язычниками; книги ихъ считались бѣсовскими; въ ежегодныя молитвы евреевъ была внесена формула проклятія отступниковъ. Неудивительно, поэтому, что евреи-христіане не сочувствовали евреямъ-патріотамъ во время возстанія Баръ-Кохбы и терпѣли не мало жестокостей отъ послѣдняго во время его кратковременнаго диктаторства. Окончательный разрывъ былъ неизбѣженъ; взаимная ненависть постоянно росла. Вотъ образщикъ ихъ отношеній.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ правъ Синедріона и однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ его для поддержанія своего авторитета, было составленіе имъ календарей и опубликованіе дней великихъ религіозныхъ и національныхъ праздниковъ. Еврейскій годъ былъ лунный. Дни праздниковъ вычислялись по отношенію ихъ къ новолунію. Старинный обычай того времени, когда еще не умѣли вычислять фазы и числа появленія луны, требовалъ, чтобы первое появленіе луны было засвидѣтельствовано передъ патріархомъ очевидцами. Когда это показаніе было получено при такихъ условіяхъ, которыя могли ручаться за его достовѣрность, патріархъ извѣщалъ о томъ Синедріонъ и сосѣднія синагоги. Что же касается отдаленныхъ синагогъ, то для увѣдомленія ихъ была придумана остроумная система огней, которые разводились по горамъ и въ одну ночь распространяли вѣсть Синедріона до отдаленныхъ областей Тадмора, Малой Азіи и Евфрата. Въ этой системѣ было что-то древнее, говорившее воображенію! Но религіозная нетерпимость привела къ необходимости прекратить дѣйствіе этихъ поэтическихъ телеграфовъ. Часто случалось также, что евреи-христіане и самаритяне умышленно зажигали поддѣльные огни (будто бы отъ Синедріона) и радовались тому, что вводили въ обманъ евреевъ Сиріи и Вавилона, которые, такимъ образомъ, справляли нѣкоторые праздники невѣрно и не въ тѣ числа, въ какія дѣлалось это палестинскими евреями. Патріархи вынуждены были, вслѣдствіе этого, разсылать свои календари посредствомъ вѣстниковъ, спеціально для этого назначенныхъ. Позднѣе, они должны были публиковать свои вычисленія, которыя, впрочемъ, дозволялось производить каждому еврею. Это былъ большой подрывъ достоинству патріархата!

Впрочемъ, это было только въ IV в. До тѣхъ поръ патріархатъ успѣлъ устроить что-то въ родѣ еврейскаго папства. Симону, сыну Гамліеля II, наслѣдовалъ его сынъ рабби Іуда-бэнъ Симонъ (170—215), конорый перевелъ Синедріонъ въ Сиппорисъ присвоилъ себѣ право оффиціально раздавать мѣста еврейскихъ судей и религіозныхъ служителей въ общинахъ. Его огромное богатство дало ему возможность упрочить свою власть, которою онъ весьма дорожилъ. Талмудъ сохранилъ намъ много чертъ, рисующихъ его щепетильность и строгость, съ которой онъ поступалъ, относительно нѣкоторыхъ самостоятельно-мыслящихъ раввиновъ. Это, однакожъ, не помѣшало, или правильнѣе говоря, способствовало тому, что народъ прозвалъ его «святымъ». Онъ былъ однимъ изъ главныхъ зодчихъ зданія «талмудическаго юдаизма». Основаніе этому зданію онъ положилъ тѣмъ, что собралъ разъ навсегда воедино всѣ «мишны» или «второй законъ», которыя до тѣхъ поръ были произвольно передаваемы въ устныхъ изученіяхъ. Этотъ переходъ къ письменному изложенію закона былъ рѣшительнымъ нововведеніемъ. Мишна, кодифицированная имъ, сдѣлалась, такъ сказать, второй библіей и, какъ и первая, послужила основаніемъ для безчисленныхъ толкованій и развитій различными раввинскими школами. Распространилось въ народѣ мнѣніе, что это устное преданіе—Мишна—исходитъ отъ самого Моисея, который, передалъ ее Іисусу Навину, этотъ передалъ старѣйшинамъ, послѣдніе пророкамъ, которые, наконецъ, передали ее талмудистамъ. Мишна Іуды Святаго послужила основаніемъ, исходной точкой и мате-

ріаломъ для многихъ дальнѣйшихъ компиляцій. Авторитетъ Мишны считался незыблемымъ. Она была занесена къ вавилонскимъ евреямъ учениками р. Іоханана б. Симона (Іуды Святаго) — съ нѣкоторыми измѣненіями, внесенными въ Мишну, какъ говорятъ, самимъ Іудою Святымъ, въ послѣдніе годы его патріаршества, тогда какъ Мишна первоначальной редакціи осталась въ Палестинѣ. Вотъ первое различіе между *вавилонскимъ* и *іерусалимскимъ Талмудами*. Языкъ Мишны все еще еврейскій (старый), хотя тамъ и встрѣчаются выраженія арамейскія, греческія и латинскія. Самъ еврейскій языкъ давно уже сдѣлался тогда мертвымъ, но его все таки продолжали обработывать, какъ священный языкъ.

Съ окончаніемъ Мишны завершается эпоха *танаимовъ*. Мы ничего не говорили о множествѣ благочестивыхъ раввиновъ, имена которыхъ, сохраненные для насъ Талмудомъ, составляютъ предметъ многихъ изслѣдованій со стороны новѣйшихъ еврейскихъ историковъ. Ихъ біографія вообще монотонна и пуста. Однако, нужно вспомнить мужество и страданія этихъ, своего рода, мучениковъ раввинизма. Признаюсь, меня весьма мало еще трогаетъ разсказъ о щепетильномъ ослѣ рабби Пинхаса, пріученномъ своимъ хозяиномъ къ тому, чтобы ѣсть только сѣно, оплаченное десятиной, и пріученномъ уже къ этому до того, что онъ наконецъ, умеръ съ голоду возлѣ куля сѣна, съ котораго не была взята десятина. Но я симпатизирую рабби Меиру, который изобрѣлъ купоросныя чернила, чѣмъ принесъ огромную пользу человѣчеству. Вообще, правду сказать, весьма мало можно извлечь путнаго изъ ихъ сочиненій, исключая только того, что касается непосредственно Талмуда, этого сухаго и скучнаго повидимому, произведенія, которому они посвятили, всю свою жизнь. Но, только благодаря стараніямъ этихъ ученыхъ, юдаизмъ достигъ той степени юридической полноты, которая кажется намъ непостяжимой еще и теперь. Не спрашивайте у Мишны о любви къ Богу; о вопросахъ такого рода въ Талмудѣ говорится еще менѣе, чѣмъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Не спрашивайте также у Мишны и у ея комментаторовъ, что́ именно въ человѣческой жизни хотятъ они регламентировать своими постановленіями? Гораздо труднѣе найти сторону жизни, которая не было бы ими затронута, взвѣшена, оцѣнена. Такъ напр., въ Талмудѣ вы найдите: сколько нищій имѣетъ права выпрашивать публичнаго подаянія; долженъ ли молодой супругъ читать молитву «Слушай, Израиль» въ ночь своей свадьбы; сколько дѣтей долженъ имѣть человѣкъ, чтобы исполнить свои обязанности относительно человѣчества. Во что только Талмудъ здѣсь не вмѣшивается?! Вслѣдствіе этого, въ Талмудѣ и встрѣчаются слѣды недовольства нѣкоторыхъ раввиновъ талмудическимъ игомъ. Одинъ изъ нихъ, раввинъ Іошуа, жаловался, что Мишна, какъ выразился онъ, заставляетъ вѣсить цѣлыя горы на волоскѣ, также и на то, что Мишна, вообще умаливающая наказанія на томъ свѣтѣ, была чрезвычайно строга въ наказаніяхъ въ семъ мірѣ и весьма часто допускала сѣченіе плетью и даже смертную казнь, по отношенію къ вѣроотступникамъ.

Подъ управленіемъ Гамліеля III и Іуды II, наслѣдовавшаго Іудѣ Святому, еврейскій патріархатъ поддержалъ и даже возвысилъ то положеніе, на которое поднялъ его Іуда Святой. Синедріонъ былъ перенесенъ въ Тиверіаду, и здѣсь-то, въ прежней столицѣ Галилеи, еврейскій патріархъ явился предъ народомъ въ большомъ блескѣ и почетѣ. Однако, самаго Іуду II упрекали въ жадности и подкупности. Начиная съ временъ этого президента, патріархатъ все болѣе и болѣе теряетъ въ религіозномъ обаяніи толпы то, что за то выигрываетъ въ свѣтскомъ могуществѣ. Однакожъ, раввинскія школы въ Палестинѣ все еще разливали тогда вокругъ себя сильный блескъ славы. Тогдашніе ученые, имѣли названіе «амораимъ» или «истолкователей». Число этихъ «амораимовъ» было ни чуть не меньше числа прежнихъ «танаимовъ». Жизнь первыхъ была ничуть не разнообразнѣе и не правильнѣе жизни послѣднихъ. Однакожъ, между «амораимами» стоитъ указать на оригинальную фигуру рабби Іоханань-баръ-Нанехо, умершаго въ 279 г., одного изъ самыхъ извѣстныхъ въ свое время и непримиримыхъ враговъ римлянъ, — любителя, въ тоже время, греческой литературы. «Симъ и Яфетъ, — говоритъ онъ, — покрыли платьемъ наготу своего отца; вотъ за что первый получилъ плащь, покрытый кисточками (одежда раввиновъ), а послѣдній мантію философа (палліумъ)». Онъ

ввелъ одно нововведеніе, которое должно было въ то время вызвать противъ себя ненависть; именно, онъ дозволилъ евреямъ дѣлать украшенія внутри и внѣ домовъ. Онъ былъ очень красивъ, и Талмудъ, который рѣдко занимается такими пустяками, такъ оригинально описываетъ его лицо: «Если вы хотите себѣ представить лицо рабби Іоханана,—говоритъ Талмудъ,—возьмите новую серебрянную вазу, наполните ее гранатами, увѣшайте по краямъ красными розами, поставьте между свѣтомъ и тѣнью—и отблескъ этой вазы представитъ вамъ сіяніе и красоту этого рабби». У него не было бороды, но брови были такія длинныя, что закрывали глаза. Вотъ откуда проистекала суровость его взгляда. Легенда передаетъ, что онъ нѣсколько разъ, самъ того не зная, убивалъ своихъ враговъ однимъ только взглядомъ.

Современникъ рабби Іоханана, рабби Симонъ-бэнъ-Лакишъ славился своей тѣлесной силой, также какъ первый своей красотой. Онъ одними руками убивалъ дикихъ звѣрей цирка. Нося постоянно трауръ по своей несчастной отчизнѣ, онъ никогда не смѣялся. Отъ него осталась самая древняя критика на книгу Іова. Многіе спорили о времени, въ которое жилъ Іовъ, этотъ библейскій герой страданій; одни желали видѣть его современникомъ Моисея, другіе утверждали, что онъ жилъ во-времена изгнанія. Но явился Рабби Симонъ и рѣшилъ вопросъ такъ, какъ теперь онъ рѣшается большинствомъ новѣйшихъ историковъ, именно въ томъ смыслѣ, «что Іовъ не жилъ ни въ какое время, но что эта исторія есть *машалъ*, т. е. религіозная легенда». Въ то время текстъ Ветхаго Завѣта не былъ еще такъ прочно установленъ, и между раввинами находилось еще много свободно-мыслящихъ людей. Эти раввины, для отличія апокрифическихъ отъ истинно-божественныхъ книгъ, приняли тогда особую формулу. Объ апокрифической книгѣ говорили: «Эта книга мараетъ руки», т. е. слѣдуетъ дотрогиваться къ такой-то книгѣ съ различными предосторожностями. Книга «Пѣсни пѣсней»—«не мараетъ рукъ». Рабби Акиба, чтобы утвердить божественность этой книги, объяснилъ ея основную идею тѣмъ, что въ ней воспѣвается аллегорически любовь Бога къ народу израильскому. (Сюжетъ этой книги, въ буквальномъ смыслѣ, составляетъ любовь молодого человѣка къ одной пастушкѣ). Христіане же въ этой книгѣ слова «къ народу израильскому» читаютъ: «къ церкви христіанской» и, такимъ образомъ, книга эта сдѣлалась удобной тэмой, какк для еврейскаго, такъ и христіанскаго культа, изъ которыхъ каждый находилъ здѣсь то, что ему было нужно.

Въ теченіе этого времени, раввинская наука продолжала, на основаніи Мишны, трудъ коментированія мельчайшихъ подробностей послѣдней и строила громадное юридическое зданіе, извѣстное подъ названіемъ «Гемары». Такимъ образомъ, былъ воздвигнутъ, такъ сказать, второй этажъ талмудическаго зданія. Но, хотя Мишна и была уже написана, Гемара преподавалась, однакожъ, еще устно. Въ бытность патріархомъ Іуды II, вавилонскія школы толкователей начали соперничать въ силѣ авторитета съ палестинскими. Съ этихъ поръ обѣ «Гемары» развивались независимо одна отъ другой, а потому, если въ нихъ и есть много общаго, то за то есть и многія существенныя различія. Знаменитому рабби Абѣ Арека (более извѣстному въ исторіи подъ именемъ *Рабъ*, т. е. рабби), умершемъ въ 247 г., вавилонскій юдаизмъ обязанъ своимъ ригоризмомъ и пуританскимъ характеромъ, замѣнившимъ легкость нравовъ, которой вавилонскіе евреи прежде отличались отъ палестинскихъ. Отлученіе отъ синагоги, въ той формѣ, въ какой его употреблялъ Рабѣ, было еще болѣе сурово, чѣмъ въ Палестинѣ. Въ Вавилоніи допускалась даже гражданская смерть. Талмудъ, такой осторожный и скупой на историческія подробности, представляетъ собою какъ бы семейную хронику евреевъ, что совершенно естественно у народа, потерявшаго политическую самостоятельность, но сохранившаго крѣпкую внутреннюю жизнь и сосредоточившагося въ самомъ себѣ. Объ этомъ Рабѣ извѣстно, что онъ имѣлъ въ своей супругѣ нѣчто въ родѣ Ксантипы Сократа, которая вѣчно противорѣчила ему. Когда его взрослый сынъ отправлялся съ порученіемъ отъ отца къ своей матери, то онъ только тѣмъ достигалъ успѣха въ своемъ порученіи, что обращался къ матери съ просьбой, совершенно противуположной той, которую передавалъ ему отецъ. Рабъ, бывшій олицетворeннымъ терпѣніемъ, постоянно порицалъ сына за ту ложъ и до самой смерти сносилъ злой нравъ жены.

Въ Вавилоніи, благодаря сравнительной многочисленности ев-

реевъ и той свободѣ, которую они тамъ имѣли, раввины пользовались бóльшимъ вліяніемъ и могуществомъ, чѣмъ въ Палестинѣ. Не разъ ихъ тиранія, жадность и пышность скандализировали благочестивыхъ людей и вызывали неудовольствіе, недоходившее, впрочемъ, никогда до открытаго возстанія. Порицали раввиновъ, но продолжали уважать раввинизмъ! Впрочемъ, дурное впечатлѣніе, производимое жизнью недостойныхъ раввиновъ, уравновѣшивалось образцовой жизнью многихъ великихъ представителей юдаизма.

Однако, паденіе палестинскаго патріархата и школъ, группировавшихся вокругъ него, дѣлалось все болѣе и болѣе замѣтнымъ, благодаря разнымъ политическимъ обстоятельствамъ. Патріархи Гамліель IV (конецъ III в.) Іуда III, Гиллель II (IV в.) не успѣли уже остановить это паденіе. Съ патріархомъ Гамліелемъ V, послѣднимъ представителемъ фамиліи великаго Гиллеля, династія патріарховъ вымерла, и патріархатъ былъ уничтоженъ императорскимъ декретомъ въ 425 г. Но и умирая, это учрежденіе оставило послѣ себя памятникъ, способный пережить столѣтія—«Гемару», которая вмѣстѣ съ «Мишной» составила «Талмудъ», представляющій собою полное выраженіе духа и авторитета патріархата. Въ началѣ V-го вѣка, или, быть можетъ, еще немного ранѣе, палестинская «Гемара» приняла окончательную форму и переложена на бумагу. Тоже самое сдѣлано столѣтіемъ позже и для вавилонской «Гемары», собранной и составленной рабби Аши и его ученикомъ Абина. Весь матеріалъ Талмуда былъ, такимъ образомъ, собранъ воедино, и можно сказать, что эта удивительная энциклопедія, начатая еще во времена перваго Ирода, по иниціативѣ великаго Гиллеля, и оконченная передъ началомъ побѣдоносныхъ нашествій и передвиженій народовъ, продолжалась, въ своемъ развитіи, ровно столько же вѣковъ, сколько просуществовала римская имперія.

V.

Намъ остается дать краткое обозрѣніе Талмуда, окончательнаго плода того длиннаго періода времени, имя котораго, по-

ложимъ, и извѣстно всѣму свѣту, но сущность котораго, однако, никто изъ не-евреевъ не знаетъ. Талмудъ, т. е. *преподаваніе*, есть такое своеобразное произведеніе, до того отличное отъ другихъ священныхъ кодексовъ, что оказывается слишкомъ труднымъ, даже невозможнымъ, указать аналогіи, которыя помогли-бы пояснить это понятіе непосвященному человѣку. Сколько разъ просили христіанскіе богословы ученыхъ евреевъ дать имъ такое сочиненіе, которое содержало-бы въ себѣ все то, что есть существеннаго въ Талмудѣ. Отвѣтомъ обыкновенно бывало возраженіе, что составленіе подобнаго сочиненія невозможно, и единичныя попытки, уже сдѣланныя для того, чтобы удовлетворить это простое желаніе, скорѣе служили къ подтвержденію, чѣмъ къ ослабленію подобнаго мнѣнія. Впрочемъ, идея о *существенномъ*, дѣйствительно, не годится, когда дѣло касается Талмуда, ибо, съ точки зрѣнія авторовъ Талмуда, въ немъ нѣтъ ничего лишняго, второстепеннаго. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, не знать, какъ слѣдуетъ поступить въ каждомъ данномъ случаѣ, чтобы не переступить закона, когда всякій, даже невинный нарушатель его, подвергается проклятію?

Пусть читатели представятъ себѣ двѣнадцать огромныхъ томовъ in folio, каждая страница которыхъ покрыта мелкимъ, сжатымъ шрифтомъ, еврейскимъ и халдейскимъ, требующимъ отъ того, кто еще не владѣетъ ключемъ къ раввинской терминологіи, продолжительнаго изученія, въ противномъ случаѣ онъ будетъ сбиваться на первыхъ же строкахъ. Томы эти не разсматриваютъ спеціально ни одного философскаго или религіознаго вопроса, но только сопоставляютъ и показываютъ ихъ, такъ сказать, со стороны, чтобы выставить явственнѣе на видъ безчисленное множество мелочей раввинскаго обрядоваго ученія. Эти послѣднія, въ свою очередь, выставлены не въ строгомъ порядкѣ дидактическаго разсужденія, но такъ, какъ онѣ слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ мнѣній, высказанныхъ священными авторитетами. Чтобы заглянуть нѣсколько глубже, мы должны сослаться на очеркъ, который только что начертили, говоря объ историческихъ судьбахъ юдаизма.

Мишна и *Гемара*—вотъ два существенныхъ элемента Талмуда. Пусть читатели припомнятъ, что *Мишна*, или второй рас

пространенный законъ Моисеевъ, законченная въ концѣ втораго вѣка рабби Іудой Святымъ, сохранилась въ двухъ редакціяхъ, одной подъ названіемъ *іерусалимской*, а другой — вавилонской. Каждая изъ этихъ двухъ редакцій служила темой для одной *Гемары* (комментаріевъ), раздѣлившейся равномѣрно, по названіямъ, на Гемару іерусалимскую и Гемару вавилонскую. Такъ какъ Мишна служитъ основаніемъ Талмуда и налагаетъ на него свои подраздѣленія, то Талмудъ вообще дѣлится на *Талмудъ іерусалимскій* и *Талмудъ вавилонскій*. Этотъ послѣдній пользуется у евреевъ-ортодоксовъ бо́льшимъ авторитетомъ, нежели іерусалимскій. Напротивъ того, въ глазахъ историка, который прежде всего видитъ въ исторіи то, что антично и просто, Талмудъ іерусалимскій имѣетъ больше достоинствъ. Каждая изъ этихъ двухъ редакцій Талмуда, соединеніе которыхъ составляетъ весь Талмудъ, подраздѣляется, какъ и Мишна,—которая имъ обща,—на шесть *седаримъ* или книгъ, названія которыхъ достаточно указываютъ на ихъ содержаніе. Онѣ суть: 1) о сѣменахъ, 2) о праздникахъ, 3) о женщинахъ, 4) объ убыткахъ, 5) о жертвоприношеніяхъ, 6) объ очищеніяхъ. Каждый *седеръ* подраздѣляется на трактаты; каждый трактатъ—на *перекимъ* или главы; каждая глава дѣлится на *мишнайотъ*. Всего 63 трактата, 525 главъ и 4,187 мишнайотовъ. Талмудъ вавилонскій въ два раза объемистѣе іерусалимскаго.

Первый седеръ, *о сѣменахъ*, занимается благословленіями и молитвами, которыя должны быть произносимы надъ произведеніями земли, правилами относительно сбора хлѣба и винограда, касается десятинъ, дозволенныхъ и недозволенныхъ смѣшеній растеній, животныхъ, матерій, способа приготовленія тѣста и подрѣзыванія деревьевъ, т. е. права пользоваться плодами дерева, послѣ трехлѣтняго приношенія имъ плодовъ, до каковой поры дерево считалось запрещеннымъ.—Второй отдѣлъ, *о праздникахъ*, содержитъ въ себѣ всѣ установленія, относящіяся къ субботѣ, къ обязательнымъ постамъ, къ тремъ большимъ и другимъ незначительнымъ праздникамъ еврейскаго года.—Третій отдѣлъ разсматриваетъ узаконенія относительно женщинъ, ихъ общественнаго положенія, ихъ правъ и обязанностей; относительно развода, сговора и обученія дѣтей.—Четвертый отдѣлъ есть нѣчто въ родѣ кодекса законовъ

гражданскихъ и уголовныхъ: о собственности, о продажахъ, о наслѣдствѣ, о судахъ, о кражѣ, объ увѣчьяхъ, ранахъ и убійствахъ, о судебныхъ доказательствахъ, о связяхъ съ язычниками. Глава, разсматривающая законы относительно этого послѣдняго пункта, часто вредила самимъ евреямъ: такъ какъ этотъ законъ очень нетерпимъ относительно языческихъ религій, то прежде думали, что онъ имѣлъ въ виду христіанскую церковь, — и средневѣковые преслѣдователи евреевъ ссылались на это обстоятельство, въ оправданіе своихъ варварскихъ поступковъ съ ними. Въ нѣкоторыхъ напечатанныхъ изданіяхъ Талмуда глава эта смягчена; а въ другихъ даже совершенно уничтожена. Однако, сама по себѣ, эта глава, по отношенію къ христіанской религіи, совершенно безобидна, и для каждаго безпристрастнаго глаза ясно, что въ ней говорится только объ языческихъ религіяхъ. Въ этомъ же четвертомъ отдѣлѣ находятся разсужденія талмудистовъ, часто передаваемыя отдѣльно на европейскихъ языкахъ—*Пирке-Аботъ*, или отдѣльныя изреченія отцовъ еврейской церкви, которыя заключаютъ въ себѣ наставленія отдаленной древности, имѣющія начало еще во времена разрушенія храма и отличающіяся возвышенностью, мудростью и миролюбіемъ.—Пятый отдѣлъ этой книги рѣшаетъ вопросы, относящіеся къ жертвоприношеніямъ, къ дарамъ, къ убою скота — предметъ очень богатый для казуистики, въ которомъ тонкость и щепетильность раввинскихъ толкователей имѣютъ обширное приложеніе.—Наконецъ, шестой и послѣдній отдѣлъ разсуждаетъ объ очищеніяхъ и о разнаго рода пятнахъ, которыя могутъ портить дома, мебель, платья и пищу. Въ немъ говорится также о прокаженныхъ, объ очистительныхъ обрядахъ, объ умываніяхъ вообще и о спеціальныхъ омовеніяхъ. Напримѣръ, въ немъ говорится сколько воды нужно употреблять при женскихъ очищеніяхъ: какую воду нужно брать; кто ее долженъ наливать; въ какомъ сосудѣ должна она находиться. И это еще далеко не все. Между всѣми этими различными видами очищеній, говорится также о пятнахъ на плодахъ. Этотъ отдѣлъ самый большой изъ всѣхъ шести седеровъ и проникнутъ враждой противъ саддукеевъ. Ни одинъ изъ другихъ отдѣловъ не показываетъ такъ ясно, какъ этотъ, что на-

чало эссеизма нужно искать въ протестѣ противъ фарисейства въ юдаизмѣ.

Іуда Святой первый ввелъ это основное подраздѣленіе Талмуда. До великаго Гиллеля, раввины дѣлили моисеевъ законъ на 613 главъ, подраздѣлявшихся на 248 положительныхъ наставленій, сообразно числу частей человѣческаго тѣла, и 365 отрицательныхъ, соотвѣтственно числу дней въ году. Гиллель привелъ эти произвольныя числа къ 18 главнымъ рубрикамъ. Іуда Святой уменьшилъ ихъ до 6, которыя мы выше и опредѣлили. Прибавимъ, дабы ничего не упустить, что, кромѣ вышеупомянутыхъ шести *седаримъ* (отдѣловъ), Талмудъ содержитъ въ себѣ еще одно прибавленіе, составленное изъ семи маленькихъ разсужденій, занимающихся, также какъ и все остальное, разсматриваніемъ приложенія закона къ нѣкоторымъ изъ частныхъ случаевъ жизни. Прибавленіе это не заслуживаетъ, впрочемъ, спеціальнаго здѣсь описанія.

Въ какой же формѣ представляется глазамъ изслѣдователя Талмудъ? Когда открываешь одинъ изъ томовъ этого громаднаго сборника, нужно, прежде всего, узнать какой это отдѣлъ, какое разсужденіе и какой *перекъ*, и гдѣ онъ находится. Когда это сдѣлано, тогда можно приступить къ чтенію спеціальной Мишны. Посреди страницы обыкновенно находится текстъ основной, большой Мишны на еврейскомъ языкѣ. Этотъ текстъ сопровождается своимъ толкованіемъ (гемарою), написаннымъ на халдейскомъ языкѣ и окруженнымъ объясненіями, долженствующими точно опредѣлить смыслъ текста.

Мы приводимъ здѣсь краткій образчикъ этой странной литературы (*). Заимствуемъ его изъ Талмуда вавилонскаго, перваго

(*) Талмудъ не переведенъ ни на одинъ языкъ. Разсказываютъ, что одинъ халифъ пожелалъ имѣть переводъ Талмуда и ради этого велѣлъ перевести его на свой счетъ; но никто никогда не видѣлъ этого перевода. Нѣкоторыя разсужденія «Мишны» были отдѣльно переведены на латинскій и нѣмецкій языкъ. Въ 1842 году д-ръ Пиннеръ, подъ покровительствомъ императора Николая, издалъ первый томъ Талмуда въ нѣмецкомъ переводѣ съ текстомъ. Къ сожалѣнію, этотъ томъ in folio, который содержитъ въ себѣ только начальное разсужденіе перваго отдѣла Талмуда, не нашелъ себѣ до сихъ поръ продолжателей.

отдѣла «о сѣменахъ», перваго трактата, —«*берахотъ*» или *благословенія* глава пятая.

«*Мишна.*—Тому, кто говоритъ, молясь: Твое милосердіе простирается даже на птичье гнѣздо, — или: Твое имя знаменито по причинѣ твоихъ благодѣяній,—или еще: Мы благодарны, мы благодарны,—тому нужно хранить молчаніе.

«*Гемара.* — Совершенно справедливо налагать молчаніе на того, кто молится, говоря: Мы благодарны, мы благодарны,.... потому что онъ дѣлаетъ тѣмъ видъ, будто вѣритъ въ два высшія существа; тоже, когда онъ говоритъ: Твое имя знаменито по причинѣ Твоихъ благодѣяній,—ибо это имѣетъ видъ, будто молящійся восхваляетъ Бога только за его добрыя дѣла, а не за дурныя, какъ и за добрыя. Что же касается словъ: Твое милосердіе простирается даже на птичье гнѣздо,—почему налагается молчаніе на того, кто это произноситъ?—На этотъ вопросъ два амора или(ученыхъ) запада, рабби Іосе-бенъ-Абинъ и рабби Іосе-бенъ-Сабида, различно отвѣчали. Одинъ говоритъ: потому что этимъ возбуждается зависть между другими твореніями. Другой говоритъ: потому что этимъ выраженіемъ воля Всевышняго,—имя котораго да будетъ благословенно!—представляется только какъ родъ милости, тогда какъ она есть ничто иное какъ повелѣніе».

Гемара продолжаетъ въ этомъ тонѣ, разсказывая, что рабби Ханина не любилъ, чтобы молитвы были переполнены слишкомъ большимъ исчисленіемъ совершенствъ Бога, и думалъ, что боязнь Вѣчнаго есть единственное, что каждый человѣкъ долженъ обѣщать Богу; эта мысль его была основана на преданіи рабби Симонъ-бенъ-Іохая, тогда какъ рабби Сейра и Рабъ-Папа не были согласны на счетъ вопроса о повтореніяхъ въ молитвахъ. Рабъ-Папа видѣлъ преимущество въ повтореніяхъ въ томъ только случаѣ, если молящійся будетъ отвлеченъ чѣмъ нибудь отъ молитвы.

Вокругъ этихъ традиціонныхъ сказаній группируются въ Талмудѣ толкованія, примѣчанія и разъясненія, которыя помогаютъ пониманію смысла и, своимъ историческимъ происхожденіемъ, вос-

ходятъ ко временамъ раввиновъ XI-го и XII-го вѣка. Эти разъя-
сненія часто бываютъ очень необходимы, по крайней мѣрѣ, для
насъ, профановъ, хотя въ свою очередь, и сами они часто требу-
ютъ поясненій нынѣшнихъ раввиновъ. Кто подумалъ бы съ перваго
взгляда, напр., что только-что приведенный отрывокъ талмуда пе-
реноситъ насъ къ спорамъ II-го вѣка, шедшимъ между раввинис-
скими школами и юдео-христіанскими общинами? Въ этихъ общи-
нахъ божественная доброта была превозносима въ молитвахъ вы-
ше всѣхъ другихъ совершенствъ Бога въ такой степени, что это
не нравилось строгимъ законникамъ раввинамъ. Двойное повтореніе
формулы: «мы благодаримъ» намекало имъ безъ сомнѣнія, на одну
изъ христіанскихъ молитвъ того времени, гдѣ двойственныя име-
на Бога и Іисуса упоминались одно за другимъ. Тѣмъ не
менѣе, этотъ послѣдній пунктъ, вообще говоря, теменъ въ
Талмудѣ.

Такимъ образомъ, медленно, тяжело, но постоянно, съ важ-
ностью и авторитетомъ, трактуетъ Талмудъ кучу преданій и
массу хитросплетеній, истинный интересъ которыхъ весьма часто
скрытъ вполнѣ отъ глазъ изслѣдователя. Не ищите тамъ драматиче-
скихъ исторій, точныхъ и ясныхъ наставленій, поэтическихъ изліяній
библейскихъ книгъ. Талмудъ ни съ чемъ этимъ не знакомъ. Средне-
вѣковая схоластика, въ сравненіи съ нимъ, еще довольно разно-
образна. Чтеніе Талмуда для насъ, по крайней мѣрѣ, утомитель-
но, и нужно все благоговѣніе къ нему евреевъ, внушаемое имъ
съ дѣтства, или любовь къ научнымъ изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ
нѣмцевъ, чтобы не закрыть книги, послѣ просмотра только нѣ-
скольких ея страницъ. Однако, если и признать, что юдаизмъ ока-
менѣлъ въ своемъ Талмудѣ, то эта-то окаменѣлость и сообщила
ему твердость скалы. Молодые раввины, воспитанные въ подоб-
ной школѣ казуистики, получаютъ неизгладимый отпечатокъ: изъ
этихъ немилосердыхъ тисковъ умъ ихъ выходитъ сплющеннымъ,
не позволяющимъ имъ думать и чувствовать, подобно другимъ
людямъ. Бываютъ блестящія исключенія, конечно, но они очень
рѣдки. Большая же часть, обладая замѣчательно-развитой памятью,

и удивительной тонкостью ума, была мало способна къ общеніямъ
и, слѣдовательно, къфилосовскимъ взглядамъ. Слушая ихъ, еврейскій
народъ съ малолѣтства до самой смерти проникался стремленіями
и привычками отыскивать въ Талмудѣ рѣшенія всѣхъ трудностей,
пути ко всѣмъ жизненнымъ отправленіямъ. Талмудъ былъ, по исти-
нѣ, народной энциклопедіей. Тамъ искали и находили все: астрономію,
ботанику, зоологію, физику, медицину. Конечно, нѣтъ ничего легче,
какъ поднять на смѣхъ Талмудъ, такъ какъ это твореніе изобилуетъ
неправильными идеями, дѣтскими наставленіями, наивнымъ суевѣ-
ріемъ. Однако, среди этого хлама, не рѣдко можно найти
тамъ и настоящіе перлы. Весьма часто попадаются изреченія,
полныя благородства, оригинальности, внушающія духъ гуманности
и справедливости. Они примиряютъ читателя съ безцѣльнымъ слово-
преніемъ многихъ древнихъ раввиновъ. Въ ученыхъ евреяхъ нашего
времени можно замѣтить пристрастіе къ раскопкѣ архивовъ ихъ
религіозныхъ традицій. Вообще, Талмудъ, читаемый и комментируе-
мый теперь при освѣщеніи его современною критикою, даетъ по-
лезныя свѣдѣнія по исторіи и толкованію библіи. Въ частно-
сти, Талмудъ ясно воспроизводитъ духъ юдаизма той эпохи,
которая имѣетъ для настоящей статьи самый большой интересъ.

Бывали времена нетерпимости, времена, когда христіане по
странному побужденію, хотѣли отомстить еврейскому народу за со-
вершенное имъ преступленіе богоубійства, преступленіе, собственно
говоря, невозможное; когда преслѣдованія выгоняли евреевъ изъ
края въ край, изъ одной земли въ другую; тогда-то Талмудъ,
оживляя въ своемъ мірѣ для каждаго поколѣнія евреевъ великихъ
учителей ихъ прошлаго времени и продолжая собою до самыхъ
среднихъ вѣковъ ту цѣпь воспоминаній, которая беретъ начало
въ старой Халдеѣ и выходитъ изъ глубины таинственной древно-
сти,—всѣмъ этимъ Талмудъ внушилъ своимъ адептамъ такую
могущественную, аристократическую гордость, которая была до-
статочно сильна, чтобы поддержать евреевъ во времена ихъ уг-
нетенія грубою и дикою силой. Талмудъ породилъ въ евре-
яхъ мнѣніе, что за ихъ теперешнія горькія страданія имъ было

уже заплачено славнымъ прошлымъ ихъ предковъ. Кто изъ нашихъ самыхъ надменныхъ аристократовъ можетъ сравниться въ древности рода съ послѣднимъ представителемъ еврейской націи, который носитъ на своемъ лицѣ неизгладимые слѣды своего происхожденія отъ патріарховъ? Ни одна современная церьковь, даже наиболѣе древняя по своему происхожденію, не можетъ соперничать въ этомъ отношеніи съ синагогою, дочерью пророковъ, внучкой Синая. Священная книга синагоги—Талмудъ—возникъ во время преслѣдованій, и все его ученіе носитъ вездѣ на себѣ слѣды этихъ гоненій. Талмудъ училъ побѣждать эти преслѣдованія. И ни ошибки, ни мелочность, ни смѣшныя стороны не могутъ отнять у него славы ученія, пережившаго гоненія цѣлыхъ столѣтій.

Однакожъ, по мѣрѣ того, какъ принципъ терпимости, проникая въ нравы и законодательство народовъ, обезпечиваетъ евреямъ свободу совѣсти и уравненіе въ правахъ съ другими націями, позволительно задать себѣ вопросъ: сохранитъ-ли Талмудъ въ будущемъ ту диктатуру надъ евреями, которую онъ имѣлъ такъ долго?—Талмудъ предполагаетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ народомъ, хотя и угнетаемымъ, разсѣяннымъ, но все еще сохранившимъ свою національность. Но мы должны признать тотъ фактъ, — о чемъ мы, впрочемъ, и не жалѣемъ,— что какъ только евреи начинаютъ принимать землю, въ которой они живутъ, за свое отечество, и уравниваются въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ, они оставляютъ не іудейство,— которое очень растяжимо,— но свои національныя традиціи. Это послѣдній ударъ принципу теократіи, за который эта нація такъ много пострадала!

Наконецъ, Талмудъ, подобно всѣмъ старымъ религіямъ, не можетъ остаться свободнымъ отъ вліянія законовъ прогресса. Нѣсколько значительныхъ движеній въ области современнаго юдаизма доказываютъ, что евреи ужъ начинаютъ чувствовать несвоевременность многихъ постановленій Талмуда. Всепоглащающая обрядность стараго раввинизма, строго исполняемая, дѣлаетъ евреевъ болѣе нелюдимыми, чѣмъ то дѣлаетъ догматизмъ другихъ религій со своими народами. Еврею физически очень рѣдко возможно примирять свое повиновеніе предписаніямъ раввинизма съ требо-

ваніями современной жизни. Поэтому, многіе просвѣщенные евреи, нисколько не отрицая существенныхъ доктринъ юдаизма, освобождаютъ себя безъ колебанія отъ всего того, что Талмудъ представляетъ произвольнаго и непримѣнимаго къ условіямъ новаго времени. Хотя въ тѣхъ странахъ, гдѣ евреи скучены, какъ напримѣръ: въ Польшѣ, Россіи, и нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, авторитетъ Талмуда еще очень могуществевъ, въ особенности между низшими классами, все таки стремленіе къ эманципаціи отъ этого авторитета должно рости, и царство абсолютизма Талмуда, начавшееся въ эпоху преслѣдованій, вѣроятно, и минетъ въ одно время съ оконаніемъ этой эпохи.

Въ интересахъ будущаго евреевъ, желательно, чтобъ юдаизмъ упростилъ свой сложный, обременительный законъ и чтобы послѣдній былъ сведенъ на великія основныя начала монотеизма и на ту мораль, которая вытекаетъ изъ этихъ принциповъ. Этимъ будетъ уничтожена стѣна, отдѣляющая евреевъ отъ всего остальнаго міра. Не только Женева и Римъ, но и Іерусалимъ нуждается въ реформѣ, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ разрушеніемъ юдейства. Опытъ показываетъ, что юдаизмъ можетъ жить подъ весьма разнообразными формами. Жреческій въ началѣ, онъ впослѣдствіи сдѣлался раввиническимъ, и не умеръ же отъ этого!

Извѣстно, что ежегодно, въ опредѣленный день, іерусалимскіе евреи плачутъ на остаткахъ развалинъ храма, разрушеннаго Титомъ. Конечно, эта вѣрность воспоминаніямъ прошлаго трогательна и имѣетъ въ себѣ что-то поэтическое. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что просвѣщенное еврейство нашего времени было бы въ большомъ смущеніи, если-бъ турецкій султанъ вздумалъ,—какъ предполагалъ это сдѣлать еще Юліанъ,—построить снова храмъ и посвятить его потомкамъ Аарона и левитическому культу. Есть такія вещи, которыя только въ древности были умѣстны. Представьте себѣ въ наши дни великаго жреца, предстоящаго предъ народомъ, съ бородой, умащенной благовонными маслами, или супруга, который приходитъ къ жрецу проситъ послѣдняго, чтобъ тотъ далъ его женѣ пить «воду ревности»; или, наконецъ, представьте

себѣ растерзанныхъ животныхъ, приносимыхъ каждое утро въ жертву на алтарѣ, въ славу Божію! Да, юдаизмъ талмудическій точно также будетъ побѣжденъ новѣйшей цивилизаціей, какъ юдаизмъ жреческій палъ подъ ударами римской имперіи! Но юдаизмъ монотеистическій, духовный и моральный—останется. Если онъ пойдетъ рѣшительно по тому пути, на который лучшіе его сыны совѣтуютъ ему вступить, тогда онъ значительно приблизится къ либеральнымъ принципамъ новѣйшаго времени.

Произойдетъ-ли когда нибудь соединеніе, смѣшеніе юдейства и христіанства?—это едва-ли вѣроятно. Но, если за отсутствіемъ полнаго слиянія, будетъ взаимное уваженіе; если сношенія будутъ облегчены; взаимный обмѣнъ идей будетъ поощряемъ; если религіозныя общества сложатъ свое оружіе и посвятятъ себя дѣлу мира и всеобщаго братства,—тогда религіозное чувство ничего не потеряетъ, а, напротивъ, я въ томъ увѣренъ, много выиграетъ. *)

(*) Для читателей, которыхъ могутъ шокировать нѣкоторыя выраженія и положенія, встрѣчающіяся въ этомъ очеркѣ, мы считаемъ нужнымъ прибавить, что составитель его—не еврей, а французъ, занимающійся изслѣдованіемъ семитическихъ древностей. *Издат.*

ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ. *)

Въ послѣдніе годы русская литература обогатилась двумя замѣчательными трудами по исторіи одной изъ любопытнѣйшихъ эпохъ русской народной жизни—царствованія Александра I. Мы говоримъ о недавно оконченномъ трудѣ г. Богдановича: «Исторія царствованія Императора Александра I» и «Очеркахъ общественнаго движенія при Александрѣ I» г. Пыпина.

Каждое изъ этихъ капитальныхъ сочиненій преслѣдуетъ другую задачу и достигаетъ ее другимъ путемъ. Г. Богдановичъ—историкъ старой школы, для котораго на первомъ планѣ стоятъ внѣшнія, военныя и дипломатическія сношенія и вообще государственная жизнь народа; г. Пыпинъ смотритъ гораздо шире на задачу историка и старается разъяснить, главнымъ образомъ, движеніе общественной мысли и ея проявленія въ избранную имъ эпоху. Но оба эти писателя, излагая, каждый съ своей точки зрѣнія, исторію внутренней жизни русскаго, государства въ александровскій періодъ, сходятся, между прочимъ, въ томъ, особенно интересномъ для насъ обстоятельствѣ, что почти совершенно игнорируютъ одинъ изъ важныхъ вопросовъ внутренней политики александровскаго царствованія—вопросъ о преобразованіи общественнаго положенія евреевъ въ Россіи. При громадномъ и болѣе общемъ значеніи реформъ и вопросовъ внутренней и внѣшней политики, отчасти разрѣшенныхъ, а еще болѣе поднятыхъ этимъ царствованіемъ, не мудрено, что историки оставляютъ безъ вниманія второстепенные и, повидимому, имѣющіе только спеціальный интересъ общественные вопросы, каковъ, между прочимъ, и вопросъ еврейскій. Но, съ другой стороны, дознано, что нѣтъ такого мелкаго явленія общественной и даже частной жизни, которое не находилось бы въ самой тѣсной связи съ общимъ характе-

---

*) Матеріалъ для этой статьи послужили, главнымъ образомъ, рукописныя данныя, Полное собраніе Законовъ и, кромѣ того, другіе болѣе частные источники, которые будутъ указаны каждый въ своемъ мѣстѣ.

ромъ данной эпохи и не способствовало бы поэтому правильному ея пониманію. Далѣе, изъ исторіи евреевъ во всѣхъ странахъ видно, что положеніе евреевъ повсюду и неизмѣнно служитъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ критеріевъ общаго уровня соціальнаго развитія. Эти общія истины, давно ставшія удѣломъ исторической науки, какъ нельзя болѣе оправдываются исторіей евреевъ при Александрѣ I. Исторія эта даетъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики общественныхъ идей и законодательныхъ работъ александровскаго времени. Вотъ почему, въ виду огромнаго интереса, возбуждаемаго этой эпохой серьезныхъ либеральныхъ попытокъ въ Россіи, новая страница изъ исторіи того времени, надѣемся, принесетъ свою долю пользы дѣлу исторической науки у насъ. Не надо забывать при этомъ, что, какъ справедливо замѣчаетъ г. Пыпинъ, коренные вопросы относительно внутреннихъ реформъ, поднятые александровскимъ правительствомъ, до-сихъ-поръ не разрѣшены еще, и, такимъ образомъ, событія того времени имѣютъ для насъ и большой практическій интересъ. Замѣчаніе это, какъ читатель увидитъ, столь же примѣнимо къ тому спеціальному предмету, о которомъ мы намѣрены теперь говорить, какъ и къ тѣмъ общимъ вопросамъ, о которыхъ говоритъ г. Пыпинъ.

I.

Чтобы лучше уяснить себѣ, какъ отразилось общее направленіе александровскаго періода на положеніи русскихъ еврвъ, и что принесло оно новаго въ исторію этого вопроса у насъ,—необходимо сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ и ознакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано по этому предмету въ ближайшій, предшествовавшій періодъ времени.

Екатерина II, ученица Дидро и Вольтера, черпавшая вдохновеніе для своихъ законодательныхъ проектовъ у Монтескье и Беккаріи, немогла не обнаружить своего либерализма и по отношенію къ евреямъ: она не могла уже оставаться на высотѣ той московско-византійской фанатической нетерпимости, на которой стояла Елизавета Петровна, провозглашая торжественно, что «отъ враговъ Христовыхъ она не желаетъ интересной прибыли» и потому не хочетъ признавать за евреями никакого права на жительство въ Россіи. Ничего подобнаго не могло выйти изъ устъ либеральной Екатерины и войти въ ея политическую программу. И дѣйствительно: вопросъ о евреяхъ, какъ видно, уже тогда

считавшійся однимъ изъ важныхъ вопросовъ внутренней политики—былъ поставленъ въ первые же дни царствованія Екатерины. Объ этомъ сохранился весьма любопытный разсказъ самой императрицы, который мы приводимъ здѣсь цѣликомъ. «На пятый или шестой день по восшествіи своемъ на престолъ, Екатерина II прибыла въ сенатъ... Случилось, что въ это засѣданіе пришла очередь обсуждать дѣло о допущеніи евреевъ въ Россію. *Всѣ единогласно признали полезнымъ это допущеніе.* Но Екатерина, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, затруднялась изъявить свое согласіе. Ей помогъ сенаторъ князь Одоевскій; онъ всталъ и сказалъ: «прежде чѣмъ рѣшиться, не угодно-ли будетъ вашему величеству посмотрѣть собственноручное рѣшеніе, которое въ подобномъ случаѣ дала императрица Елизавета?» Екатерина приказала достать списки и нашла, что императрица Елизавета на поляхъ дѣла, по своему благочестію, написала: «отъ враговъ христовыхъ не желаю интересной прибыли». Надо замѣтить, что еще не прошло недѣли со вступленія на престолъ Екатерины; она возведена была на оный для обороны православнаго закона; ей приходилось имѣть дѣло съ народомъ благочестивымъ, съ духовенствомъ, которому еще не возвращены были его имѣнія и которое, вслѣдствіе этой дурно принаровленной мѣры, не знало, чѣмъ ему пробавляться. Умы, какъ всегда случается послѣ переворота столь великаго, находились въ сильномъ волненіи. Начать свое царствованіе допущеніемъ евреевъ вовсе не было средствомъ къ успокоенію умовъ; *объявить оное вреднымъ было также невозможно.* Екатерина поступила просто: когда генералъ-прокуроръ собралъ голоса и подходилъ къ ней за ея рѣшеніемъ, она сказала ему: «я желаю, чтобъ дѣло это было отложено до другого времени». Такъ то нерѣдко случается, что недостаточно быть просвѣщенну, имѣть лучшія намѣренія и даже власть исполнить ихъ. И тѣмъ не менѣе умное поведеніе часто подвергается безразсуднымъ толкамъ» *).

Эта любопытная исповѣдь императрицы превосходно объясняетъ политическій ея характеръ. Она безусловно признаетъ правильнымъ мнѣніе сената о полезности допущенія евреевъ въ Россіи; она признаетъ эту мѣру требованіемъ «просвѣщенія и добрыхъ намѣреній», но преспокойно жертвуетъ государственной пользой и своими убѣжденіями

*) Разсказъ Екатерины II-й о своемъ царствованіи («Русскій Архивъ» 1865 г., стр. 492).

личнымъ своимъ интересамъ и разсчетамъ и откладываетъ этотъ актъ справедливости до другого, болѣе удобнаго времени. Что это болѣе удобное время никогда не наступило — излишне и говорить, такъ какъ и теперь, по прошествіи болѣе ста лѣтъ, вопросъ о допущеніи евреевъ къ повсемѣстному жительству въ Россіи остается открытымъ, и то, въ чемъ были убѣждены всѣ русскіе сенаторы 1762 г., не проникло еще въ умы современнаго русскаго общества.

Какъ это хорошо характеризуетъ Екатерину II-ую, — на словахъ провозглашавшую ученія энциклопедистовъ о равенствѣ, свободѣ и справедливости, а на дѣлѣ закрѣпостившую свободную Малороссію и раздававшую десятки тысячъ свободныхъ людей своимъ любимцамъ; на словахъ — горячую любительницу просвѣщенія, а на дѣлѣ преслѣдовавшую фонъ-Визина, Новокова, Радищева и другихъ тружениковъ русской мысли!

Противорѣчіе между либеральными убѣжденіями и далеко не всегда либеральными дѣлами Екатерины замѣчается и во все ея царствованіе — въ законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ относительно евреевъ. По присоединеніи (въ 1772 году) къ Россіи Бѣлоруссіи, правительству нашему впервые пришлось перемѣнить характеръ своихъ отношеній къ евреямъ. Такъ какъ евреи издавна жили въ этомъ краѣ густыми массами, то очевидно, что нельзя было уже ограничиваться отрицательнымъ образомъ дѣйствій по отношенію ко всему еврейскому, игнорированьемъ и «недопущеніемъ» евреевъ. Необходимо было признать существующій фактъ, примириться съ мыслью, что евреи могутъ и должны быть признаны русскими подданными, наравнѣ съ другими народностями; что они имѣютъ право осѣдлости хоть въ одной части русской территоріи. Необходимо было поэтому установить русскіе законы о правахъ и обязанностяхъ евреевъ въ Россіи, — задача не легкая, при укоренившейся вѣками грубой нетерпимости къ евреямъ! Какъ же поступила въ этомъ случаѣ императрица Екатерина II? По обыкновенію, она провозгласила громкій принципъ: «всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа» *) и примѣнила этотъ принципъ къ евреямъ. Можно было подумать поэтому, что всѣ польскія узаконенія и установленія относительно евреевъ будутъ отмѣнены, что евреи будутъ признаны

*) Полн. Собр. Зак. I, № 16391, примѣчаніе.

вполнѣ равноправными съ другими народностями. На дѣлѣ ничего этого не оказалось. Сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія, но въ сущности польскіе порядки остались во всей неприкосновенности: остался главное препятствіе къ сліянію евреевъ съ христіанами — кагалъ, съ его финансовой и судебно-административной самостоятельностью. Какъ бы въ насмѣшку надъ изреченіемъ: «всякъ по званію» и пр. въ 1794 г. евреи обложены *двойной податью* противъ христіанъ.

Но если новыя, болѣе либеральныя начала такъ медленно и слабо проникали въ сферу законодательства о евреяхъ, то можно себѣ представить, каково было положеніе дѣлъ на практикѣ, въ сферѣ административной, гдѣ рутина, произволъ и старые предразсудки держатся гораздо упорнѣе и дольше! Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ любопытный матеріалъ въ перепискѣ Екатерины съ остзейскими властями, по поводу моровой язвы 1770 года. Курляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ призналъ необходимымъ для того, чтобы предупредить занесеніе язвы изъ Литвы и Польши въ остзейскій край, кромѣ общаго карантина, изгнать изъ управляемаго имъ края всѣхъ евреевъ. Императрица одобрила эту мѣру, мотивируя ее невозможностью услѣдить за тѣмъ, чтобъ «жиды въ Польшу и обратно въ Курляндію проѣзжали окольными путями». Когда же дворянство, извлекавшее пользу изъ промышленной дѣятельности евреевъ, отказалось выселить ихъ изъ деревень, то и императрица, чрезъ губернатора Симолина, напоминала ему — «жидовъ изъ деревень неотмѣнно выслать, *по меньшей мѣрѣ* на нынѣшнее опасное время»; для этого она разрѣшила даже употребленіе военной силы. Одинъ изъ рижскихъ евреевъ, Веніаминъ Шпееръ, подалъ по этому поводу прошеніе императрицѣ, въ которомъ объясняетъ, что распоряженіе Броуна ему кажется непонятнымъ. «Исповѣданію вѣры, пишетъ онъ, по боговдохновеннымъ Вашего Императорскаго Величества мыслямъ, въ томъ участвовать, какъ видится, ни коимъ образомъ не можно». Если нѣкоторые изъ евреевъ, разсуждаетъ онъ дальше, согрѣшили въ чемъ нибудь, то они одни должны подвергнуться отвѣтственности, а не всѣ евреи. Что же касается до морового повѣтрія, то евреи тутъ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ природные поляки безпрепятственно ѣздятъ въ Ригу. Это послѣднее обстоятельство даетъ основаніе думать, что моровая язва была только ловко придуманнымъ со стороны мѣстнаго купечества, а подъ его вліяніемъ и администраціи, предлогомъ для изгнанія евреевъ изъ Курляндіи и Лифляндіи. Прошеніе

Шпеера осталось однакожъ безъ особыхъ послѣдствій, и распоряженіе Броуна утверждено императрицей.*) Какъ шатки были убѣжденія императрицы, видно изъ того, что въ приведенномъ нами выше разсказѣ ея о сенатскомъ засѣданіи она рѣшительно считаетъ невозможнымъ признать допущеніе евреевъ въ Россію вреднымъ, между тѣмъ какъ впослѣдствіи она высказала противоположное мнѣніе. Какой-то иностранецъ (по всей вѣроятности, Сегюръ) предложилъ Екатеринѣ разные вопросы о положеніи Россіи, и она дала на нихъ письменные отвѣты. На вопросъ о евреяхъ императрица отвѣтила, между прочимъ, слудующее: «есть 3 или 4 еврея и въ Петербургѣ съ давнихъ поръ. Я имѣла духовника (confesseur), у котораго они помѣщались. Ихъ терпятъ вопреки закону: дѣлаютъ видъ, что ихъ не замѣчаютъ. Впрочемъ, допущеніе ихъ къ жительству въ Россіи могло бы причинить много вреда нашимъ мелочнымъ торговцамъ, ибо эти люди все къ себѣ притягиваютъ, и можетъ быть, что было бы больше неудовольствія, чѣмъ пользы отъ ихъ появленія» **).

Единственной законодательной мѣрой Екатерины, серьезно осуществившей начало терпимости по отношенію къ евреямъ, представляется дозволеніе имъ жить во вновь присоединенномъ новороссійскомъ краѣ (въ 1769 г.),—мѣра, вызванная, впрочемъ не столько либеральнымъ отношеніемъ къ евреямъ, сколько крайней нуждой въ людяхъ для заселенія обширнаго и пустыннаго края. Нашъ очеркъ екатерининской политики по еврейскому вопросу былъ бы однакожъ черезчуръ не полонъ, еслибъ мы не упомянули еще о дѣятельности Державина по этому предмету,—дѣятельности, относящейся, впрочемъ, не столько къ этому, сколько къ послѣдующимъ двумъ царствованіямъ. Державинъ, при императорѣ Павлѣ былъ командированъ въ Бѣлоруссію для изученія причинъ бѣдственнаго положенія крестьянъ въ этомъ краѣ. Онъ по этому поводу составилъ записку, озаглавленную имъ: «Мнѣніе Державина объ отвращеніи недостатка хлѣба обузданіемъ корыстныхъ промысловъ евреевъ, о ихъ преобразованіи и прочемъ.» Записка эта составляетъ такой любопытной памятникъ нашей общественной мысли конца XVIII вѣка, что

*) «Восемнадцатый вѣкъ», истор. сборн. Бартенева, т. III, стр. 252—55.

**) «Questions et réponses» рукопись Екатерины II. «Заря. 1870 г. кн. VI Статья г. Щебальскаго «Екатерина II, какъ писательница».

мы считаемъ не лишнимъ передать здѣсь вкратцѣ ея содержаніе *). Причины бѣдности бѣлорусскихъ крестьянъ, по мнѣнію автора записки, заключаются въ ихъ лѣности, пьянствѣ и эксплутаціи евреевъ. Первые два порока происходятъ, кажется, отъ ихъ древней *свободы*: что мало платили въ пользу помѣщиковъ, могли свободно переходить отъ одного владѣльца и арендатора къ другому. Главное зло однако состоитъ въ евреяхъ. *Помѣщики отдаютъ имъ въ откупъ крестьянъ*, заставляя послѣднихъ продавать и покупать все у евреевъ-арендаторовъ. Послѣдніе поэтому *обогащаются* и раззоряютъ крестьянъ. Сюда же относится обиліе корчемъ *настроеныхъ помѣщиками* и множество праздниковъ, поддерживающихъ пьянство. Необходимо поэтому поднять благосостояніе земледѣльцевъ и для этого 1) дать нѣкоторыя *льготы помѣщикамъ;* 2) обратить *вниманіе помѣщиковъ* на упадокъ нравственности крестьянъ и обязать ихъ принять противъ этого мѣры, равно какъ и для болѣе правильнаго распредѣленія работъ; 3) ограничить право помѣщиковъ на винокуреніе; 4) обязать помѣщиковъ отдавать имѣнія въ аренду лишь на продолжительные сроки, дабы арендаторы не имѣли разсчета эксплутировать имѣнія. Этимъ Державинъ оканчиваетъ общій обзоръ своего предмета и переходитъ спеціально къ евреямъ. Онъ начинаетъ издалека, съ древнѣйшей исторіи евреевъ, и замѣчаетъ: что хотя они не были никогда многочисленны, но всегда производили много шуму. Нѣкогда властвовавшіе, они теперь унижены до крайности, но нерѣдко господствуютъ надъ своими повелителями. Мнѣнія и законы о нихъ въ разныхъ странахъ различны; но если Провидѣніе, для достиженія своихъ цѣлей, оставляетъ на землѣ этотъ опасный, по своимъ нравамъ, народъ, то правительства должны его терпѣть и заботиться о томъ, чтобъ сдѣлать его полезнымъ. Евреи въ Польшѣ живутъ издавна и происходятъ отъ родоначальника *Ашхе Назимъ* (это слово по древнееврейски значитъ: нѣмцы). Они говорятъ испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ, а для богословія служитъ имъ языкъ «гебрейскій», котораго простой народъ не понимаетъ (!), а «раббины по тайнымъ назначеніямъ въ талмудахъ объясняютъ его, какъ хотятъ по своимъ вымысламъ». (Всо эти совершенно ложно, ибо каждый

*) Записка эта напечатанна въ «Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній о Россіи Калачева за 1860 г., кн. 4».

почти еврей понимаетъ древнееврейскій языкъ; никакихъ «тайныхъ значеній въ талмудахъ», произвольныхъ толкованій и т. под. не можетъ быть, такъ какъ талмудъ и правотолкованія его доступны у евреевъ рѣшительно для всѣхъ). Въ Польшѣ евреи, по своему обыкновенію, занимали деньги у туземцевъ подъ залогъ движимыхъ имуществъ кагаловъ, чтобы ихъ не могли выгнать (?). Хотя издано было много законовъ противъ нихъ, но тщетно. Жадность ихъ разрушаетъ всѣ оплоты, а слабость исполнительной власти усиливаетъ зло. Евреи избѣгаютъ трудныхъ работъ, будучи увѣрены по своимъ «талмудамъ», что они должны господствовать, а другіе народы—подчиняться имъ(?). Прозорливость русскихъ монарховъ установила законъ, не допускающій «сихъ искусныхъ грабителей» въ Россію. Но съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи они начинаютъ прокрадываться въ Малую и Новую Россію и другія, сопредѣльныя съ Бѣлоруссіей, губерніи; особенно въ Кіевѣ ихъ много показалось. Вредные обычаи евреевъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) Ихъ училища и молитвенницы. Дѣтей учатъ только религіи и фанатизму. Женятся весьма рано, иногда до 10 лѣтъ; отъ этого — «хотя плодущи, но слабы». Доколѣ не измѣнятся ихъ школы, нельзя перемѣнить ихъ нравы. Здѣсь они научаются, что они выше всѣхъ народовъ, которыхъ зовутъ *Акумъ*—погаными (акумъ значитъ язычники). Ожидаютъ мессію и копятъ богатства для сооруженія храма (!). Впрочемъ, думаютъ только о настоящемъ, ни мало не заботясь о будущемъ, и потому пускаются на все (хорошее «впрочемъ»!). Они считаютъ себя лучше всѣхъ и потому не снимаютъ ни предъ кѣмъ ермолокъ (извѣстно, что это у евреевъ, какъ и у магометанъ, требованіе религіи и не имѣетъ никакого отношенія къ предполагаемому превосходству евреевъ надъ другими народами). Ихъ гордость, какъ разсказываютъ здѣсь (въ Бѣлоруссіи), была замѣчена, когда имъ дали право засѣдать въ магистратахъ и ратушахъ.

2) Имѣютъ они кагалы, которые господствуютъ надъ ними самовластно. При присоединеніи Бѣлоруссіи кагалы оставлены на прежнемъ основаніи,—единственно, какъ надо полагать, *для платежа податей*, чтобъ чрезъ нихъ удобнѣе было собирать оныя. Здѣсь совершаются всѣ ихъ духовныя и гражданскія дѣла: погребеніе мертвыхъ, обрѣзанія, браки и разводы, рѣзка скота, судъ, полиція и сборы для казны и общественныхъ потребностей. Сборы эти двоякаго рода: хебрыкадышъ (такъ называется не сборъ, а братство для погребенія мертвыхъ) и коробка. первый: якобы (?) на погребеніе мертвыхъ, второй—якобы (?) на содержаніе школъ и вспомоществованіе убогимъ. Это даетъ кагалу доходы. Отчета старшины не даютъ. Оттого чернь «въ крайнемъ изнуреніи и нищетѣ, каковыхъ суть большая часть» (а прежде говорилось о томъ, какъ всѣ евреи вообще обогащаются на счетъ крестьянъ). Кагальные имѣютъ богатство и силу и держатъ народъ въ порабощеніи. У нихъ есть свой кагальный судъ раввиновъ, которому подчиняются и нѣкоторые «малосмысленные» христіане, хотя у раввина въ судѣ еврея съ христіаниномъ правды быть не можетъ (!), ибо сіе запрещено талмудами (это положительная клевета, такъ какъ противоположное начало не разъ высказано въ талмудѣ).

3) Затѣмъ Державинъ говоритъ о сектѣ хасидовъ и цадикахъ; высказываетъ нелѣпое предположеніе, что деньги, отдаваемыя цадикамъ, переводятся въ Палестину на случай ожидаемаго пришествія Мессіи Далѣе сюда относятся *херимы*—заклинанія, которыя, между прочимъ, были пущены въ дѣло заговорщиками на жизнь французскихъ королей Генриха III и IV: заговорщики произносили заклинанія по талмуду и прокалывали восковыя куклы кинжалами въ знакъ смерти королей. Тутъ же упоминается и о *хазакѣ*. Если помѣщикъ разъ отдалъ имѣніе или корчму въ аренду еврею, то послѣдній пріобрѣлъ на аренду право хазаки (т. е. давности владѣнія), и другой еврей не въ правѣ предложить высшую цѣну и взять себѣ аренду.

4) Въ кагалѣ же защищаются и укрываются тѣ кровопролитія христіанъ, въ которыхъ евреевъ подозрѣваютъ въ разныхъ странахъ. Хотя я думаю, говоритъ Державинъ, что если такіе случаи и были въ древности, то лишь по изступленію нѣкоторыхъ фанатиковъ, но счелъ нужнымъ не упустить этого изъ виду. Извѣстно при этомъ, что нѣтъ ни одного уголовнаго дѣла, въ которомъ еврей не былъ бы замѣшанъ (!).

5) Евреи занимаются торговлей, а нѣкоторые, и то весьма мало, легкими ремеслами. Жены сидятъ по лавкамъ и вяжутъ чулки, чему научилъ ихъ *принужденіемъ* графъ Чернышевъ.

Торговля евреевъ, по мнѣнію Державина, едва ли полезна для государства и казны. Еще болѣе порицаетъ онъ факторство у евреевъ.

6) Евреи производятъ дороговизну съѣстныхъ припасовъ. Они разъѣзжаютъ по деревнямъ, опаиваютъ и обираютъ крестьянъ, тѣмъ болѣе что помѣщики отдаютъ имъ имѣнія по контрактамъ. Державинъ отдаетъ справедливость евреямъ, что въ неурожайные годы они многихъ кресть-

янъ снабжаютъ хлѣбомъ, но замѣчаетъ, что это дѣлается съ разсчетомъ получить сторицей за данное въ долгъ. Въ Бѣлоруссіи, по его словамъ, считается 18,121 еврей мужскаго пола, но много не записанныхъ въ ревизію; всего, вѣрятно, ихъ до 100 тысячъ. Ихъ трудно записывать, потому что—какъ вы думаете отчего?—всѣ носятъ одинаковое черное платье и схожія имена, такъ что, «теряется память, и смѣшивается понятіе». «Сіе, говоритъ почтенный піита, должно отнести къ ихъ хитрости»(?)

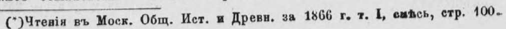
Державинъ разсказываетъ далѣе въ своей запискѣ, что онъ предложилъ кагаламъ вопросъ какимъ образомъ они могутъ доставить себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ, но получилъ въ отвѣтъ: 1) что они не извлекаютъ корыстолюбиво хлѣба у крестьянъ; 2) что прокармливаютъ себя законными средствами; 3) что къ земледѣлію не считаютъ себя способными и находятъ препятствія къ тому въ своемъ законѣ(?); 4) что они связаны съ помѣщиками и другими лицами контрактами и обязательствами разнаго рода, и потому не могутъ выселиться, а желаютъ оставаться на прежнемъ положеніи. Кагалы изъявили однакожъ согласіе не ѣздить по деревнямъ для сбора долговъ и не давать крестьянамъ въ долгъ больше 50 коп. Они указывали еще на то, что причина недостатка хлѣба заключается въ угнетеніи якобы (!) крестьянъ чрезмѣрными поборами и работами на помѣщиковъ. Одинъ только еврей, надворный совѣтникъ Нота Хаимовичъ предложилъ устроитъ для евреевъ фабрики и переселить часть ихъ на пустопорожнія земли. Помѣщики отозвались, что слѣдуетъ выселить всѣхъ евреевъ изъ деревень, такъ какъ они—единственная причина истощенія крестьянъ. А князь Любомірскій заявилъ, что не отъ евреевъ происходятъ страданія крестьянъ, а отъ другихъ причинъ (какихъ—не сказано), и что если выселить евреевъ изъ его имѣній, то онъ понесетъ большіе убытки.

Сообразивъ все это, Державинъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: школы евреевъ суть гнѣздо суевѣрія и вражды къ христіанамъ; кагалы—это опасный status in statu, который не можетъ быть терпимъ въ благоустроенномъ государствѣ (въ Пруссіи они уничтожены); денежные сборы служатъ къ угнетенію народа. Хазака есть ничто иное, какъ монополія, а херимы—страшное злоупотребленіе. Торговля, факторство, корчмы—это «тонкіе вымыслы» (!), чтобъ обирать народы. Вслѣдствіе этого евреевъ нельзя считать гражданами, а такъ какъ многіе изъ нихъ не имѣютъ постоянной осѣдлости, то ихъ нельзя признатъ

я русскими подданными. Посему Державинъ предлагаетъ слѣдующія мѣры; учредить коммиссію для разбора долговъ христіанъ евреямъ, сдѣлать новую перепись евреямъ; оставить въ Бѣлоруссіи только часть ихъ, такъ чтобъ на 100 поселянъ было 4 купца и 4 мѣщане изъ евреевъ. Остальныхъ евреевъ, если не займутся земледѣліемъ на мѣстѣ, переселить въ новороссійскую и астраханскую губерніи; уничтожить кагалы, отмѣнить кагальные сборы, а казенныя подати взыскивать съ евреевъ наравнѣ съ прочими сословіями; учредить въ губерніяхъ синагоги, а въ столицѣ — Сенадринъ или высшій «уѣздный судъ» (?) для управленія духовными дѣлами евреевъ и ихъ просвѣщеніемъ. Учредить для евреевъ школы, гдѣ преподаваніе шло бы на чистомъ русскомъ языкѣ. Такова сущность мѣръ, предлагаемыхъ Державинымъ для измѣненія быта бѣлорусскихъ евреевъ и составляющихъ окончательный выводъ его записки. Подробности объ организаціи переселенія евреевъ мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь, предоставляя желающимъ познакомиться съ ними изъ самой записки.

Не останавливаясь долго на этой запискѣ, мы скажемъ лишь нѣсколько словъ объ общемъ ея характерѣ. Прежде всего въ ней поражаетъ изумительное непониманіе условій русской народной жизни даже лучшими людьми конца XVIII вѣка. Державинъ задался цѣлью изучить причины бѣдственнаго положенія крестьянъ въ Бѣлоруссіи. Для этого онъ отправляется въ Бѣлоруссію и тутъ замѣчаетъ, что одной изъ главныхъ причинъ крестьянскихъ бѣдствій служитъ пьянство, а пьянство поддерживается множествомъ корчемъ, настроенныхъ помѣщиками, и чрезмѣрнымъ развитіемъ винокуренія въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Онъ видитъ что помѣщики предпочитаютъ отдавать имѣнія съ крестьянами, равно какъ питейный доходъ, въ краткосрочную аренду евреямъ, такъ какъ при этой системѣ они, помѣщики, получаютъ больше доходовъ, не обращая никакого вниманія на интересы крестьянъ и раззореніе своихъ имѣній. Мало того: ему прямо указываютъ, что крестьяне терпятъ голодъ отъ чрезмѣрнаго обремененія ихъ работами и сборами для помѣщиковъ. Все это онъ видитъ, слышитъ и заноситъ мимоходомъ въ свою записку; но не замѣчаетъ, что искомое имъ зло есть ничто иное какъ крѣпостное право. Напротивъ, онъ видимо поддается увѣреніямъ помѣщиковъ, что крестьяне бѣдствуютъ отъ своей *лѣности*, происходящей отъ ихъ древней свободы и малыхъ платежей помѣщикамъ (!?), а главное отъ еврейской эксплоатаціи, этого козла

отпущенія всѣхъ золъ. Самъ помѣщикъ-бюракратъ, Державинъ охотно повѣрилъ всему, что ему наговорили мѣстные землевладѣльцы и администраторы. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что не всѣ русскіе люди того времени были на этотъ счетъ также легковѣрны и близоруки, какъ Державинъ. Такъ неизвѣстный авторъ старинной записки о необходимости уничтожить привиллегированное положеніе западныхъ губерній говоритъ, между прочимъ: «ужасная бѣдность, повсюду видимая въ сихъ губерніяхъ, есть слѣдствіе пьянства: а пьянство—слѣдствіе свободнаго винокуренія и продажи вина, которое до крайности дешево и поглощаетъ благосостояніе милліоновъ для выгодъ нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ». *) Державинъ не стѣсняется поэтому предложить, чтобы, для поднятія земледѣлія, помѣщикамъ дарованы были нѣкоторыя льготы (!) Онъ до того наивенъ, что совѣтуетъ обратить вниманіе помѣщиковъ на упадокъ нравственности крестьянъ и ожидаетъ отъ этого полезныхъ результатовъ: какъ будто помѣщики, главный доходъ которыхъ заключался въ пьянствѣ крестьянъ, могли серьезно желать поднятія нравственности послѣднихъ! Немудрено, что, при такихъ ограниченныхъ соціальныхъ понятіяхъ, Державинъ повѣрилъ помѣщикамъ, для которыхъ выгодно было свалить свою вину на чужія плечи, что евреи единственная причина бѣдствій крестьянъ, тогда какъ для каждаго безпристрастнаго человѣка должно было быть ясно, что евреи играютъ тутъ роль второстепенную, какъ орудіе въ рукахъ помѣщиковъ для извлеченія возможно большихъ доходовъ изъ *быдла*. Усвоивъ себѣ такой взглядъ, Державинъ естественно долженъ былъ подыскивать въ еврействѣ всевозможные пороки, тѣмъ болѣе что онъ заранѣе былъ предубѣжденъ противъ нихъ. Эта предубѣжденность сказывается у нашего почтеннаго піиты на каждомъ шагу. Такъ, онъ сильно нападаетъ на еврейское религіозное воспитаніе и не замѣчаетъ, что упреки эти столь же примѣнимы ко всякой другой системѣ религіознаго образованія, а потому они имѣютъ смыслъ лишь въ устахъ заклятаго вольтеріанца, какимъ Державинъ отнюдь не былъ. Онъ много говоритъ о вредности кагала; но самъ же указываетъ, что кагалъ удержанъ правительствомъ изъ фискальныхъ видовъ,—изъ чего онъ легко могъ заключить, что не евреи, а само законодательство виновно въ административной обособленности евреевъ. Благодаря этому предубѣжденію, каждое самое обыкновенное явленіе еврейской жизни кажется ему чѣмъ то

(*) Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. за 1866 г. т. I, смѣсь, стр. 100.

преступнымъ, зловреднымъ и имѣющимъ таинственный смыслъ. Евреи копитъ деньги не по тѣмъ побужденіямъ, по которымъ это дѣлаютъ всѣ смертные, а для сооруженія храма и возвращенія въ Палестину. У евреевъ есть восточный обычай ходить всегда съ покрытой головой,—обычай, первоначальное происхожденіе котораго объясняется климатическими условіями; Державинъ видитъ въ немъ доказательство того, что евреи считаютъ себя выше всѣхъ народовъ. Хазака ему кажется вредной монополіей, тогда какъ этотъ любопытный памятникъ юридическаго творчества евреевъ есть весьма разумный (для своего времени) противовѣсъ несомнѣнно вредному чрезмѣрному развитію конкурренціи въ еврейскомъ быту. Евреи занимаются торговлей, факторствомъ и арендованіемъ корчемъ—не просто, а какъ «тонкими вымыслами», для обиранія народа. Кагалъ не есть просто административное учрежденіе, удобное для взиманія податей при системѣ круговой поруки, а государство въ государствѣ, опасный политическій союзъ. Кагальные сборы существуютъ лишь *якобы* на удовлетвореніе общественныхъ потребностей, а на самомъ дѣлѣ — для какихъ-то противозаконныхъ таинственныхъ цѣлей.

Въ своей подозрительности относительно всего еврейскаго нашъ глубокомысленный сановникъ доходитъ до смѣшного. Онъ приписываетъ, напримѣръ, хитрости евреевъ то, что они всѣ носятъ одинаковое черное платье и схожія имена, вслѣдствіе чего ихъ трудно отъискать и записать въ ревизію. Какъ будто это самое не замѣчается вездѣ у простонародья, напр. у великоруссовъ! Даже тамъ, гдѣ онъ приводитъ фактъ, говорящій въ пользу евреевъ, онъ старается его истолковать въ дурную сторону: напр., относительно снабженія евреями крестьянъ хлѣбомъ въ неурожайныя времена и еврейскаго суда. Державинъ замѣтилъ, что многіе христіане прибѣгаютъ для разбора своихъ тяжебъ къ суду раввиновъ. Человѣкъ безпристрастный, конечно, увидѣлъ бы въ этомъ новое доказательство негодности нашихъ тогдашнихъ казенныхъ судовъ и здраваго смысла христіанскаго населенія. Но Державинъ, утверждая (и совершенно ложно), что въ тяжбѣ еврея съ христіаниномъ послѣдній не можетъ ожидать правосудія отъ раввина, объясняетъ этотъ фактъ «малосмысленностью» тѣхъ христіанъ. Какъ будто такое объясненіе не есть въ высшей степени «малосмысленное»! Какія превратныя понятія Державинъ имѣлъ о религіозно-догматической сторонѣ еврейства—было указано выше, при изложеніи содержанія са-

мой записки. Но даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ понятія эти, расходясь съ укоренившимися предразсудками, были ближе къ истинѣ, Державинъ какъ бы опасался высказывать положительно свое мнѣніе, считая необходимымъ придерживаться насчетъ евреевъ установившейся рутины. Такъ читатели замѣтили, вѣроятно, что Державинъ, не вѣря самъ въ употребленіе евреями христіанской крови, счелъ нужнымъ *не упустить* этого обстоятельства *изъ виду* и утверждать, что кагалы укрываютъ эти злодѣянія; какъ будто онъ опасался, что тамъ, куда онъ долженъ былъ представить свою записку, посмотрятъ неодобрительно на его невѣріе въ такой общеизвѣстный фактъ!

Вотъ какого свойства былъ тогда матеріалъ для законодательныхъ работъ по еврейскому вопросу, доставленный человѣкомъ образованнымъ и ученымъ, прочитавшимъ много иностранныхъ сочиненій о евреяхъ, и изучавшимъ этотъ вопросъ на мѣстѣ! Можно себѣ представить, каковы были ходячія мнѣнія объ этомъ предметѣ въ обществѣ и администраціи!

Справедливость требуетъ замѣтить, однакожъ, что мѣры, предложенныя Державинымъ для измѣненія быта евреевъ, большей частью, довольно разумны и отчасти осуществлены впослѣдствіи правительствомъ, напр.: учрежденіе школъ для евреевъ и уничтоженіе кагальнаго управленія. Самъ Державинъ, какъ мы увидимъ ниже, имѣлъ не малое вліяніе на законодательныя мѣры александровскаго времени относительно евреевъ.

II.

Въ такомъ положеніи была административно-законодательная сторона еврейскаго вопроса у насъ, когда на престолъ взошелъ императоръ Александръ I. Первая половина его царствованія была, какъ извѣстно, эпохой весьма важныхъ либеральныхъ реформъ по всѣмъ отраслямъ государственной жизни, и еще болѣе важныхъ предначертаній, проэктовъ и начинаній всякаго рода. Либеральное, даже можно сказать—радикальное настроеніе молодого государя и его сподвижниковъ быстро сообщилось всѣмъ вѣдомствамъ управленія, а также и обществу. Всѣ мечтали о близкомъ осуществленіи такихъ коренныхъ преобразованій, о которыхъ въ настоящее время никто еще серьезно не думаетъ у насъ. Это общее настроеніе умовъ не могло не отразиться, и дѣйствительно

отразилось, между прочимъ, и на судьбѣ евреевъ. Признано было за несомнѣнное, что оставить евреевъ въ ихъ statu quo, ограничиваясь частными мѣрами относительно улучшенія ихъ быта, какъ дѣлала Екатерина II, невозможно; при всеобщей ломкѣ всего стараго необходимо было радикально измѣнить и положеніе русскихъ евреевъ.

При этомъ предстояла трудная задача: согласить либеральные принципы тогдашней администраціи, требовавшіе уваженія къ правамъ и интересамъ всѣхъ безъ различія людей, даже евреевъ, съ необходимостью оградить интересы другихъ сословій отъ пресловутой эксплоатаціи этихъ же евреевъ. Для этой цѣли въ 1802 г. учрежденъ особый комитетъ для изготовленія проекта новаго закона о евреяхъ. Въ составъ комитета вошли: Державинъ, какъ министръ юстиціи (позднѣе его замѣнилъ въ комитетѣ преемникъ его по министерству, кн. Лопухинъ), министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей, князь Адамъ Чарторыйскій и гр. Северинъ Потоцкій *). Комитетъ этотъ въ журналѣ 20 сентября 1803 г., слѣдующимъ образомъ изложилъ свои основныя воззрѣнія на порученную ему задачу.

Преобразованія, исходящія непосредственно отъ правительства, вообще непрочны, особенно —когда приходится бороться съ старыми привиллегіями и предразсудками, а посему лучше вести евреевъ къ совершенству, отворяя имъ двери къ собственной пользѣ, надзирая издали и удаляя препятствія, безъ употребленія власти, не устраивая заведеній и не дѣйствуя за самихъ евреевъ. «Сколь можно менѣе запрещеній, сколь можно болѣе свободы, вотъ простыя стихіи всякаго устройства въ обществѣ». Между побужденіями дѣйствій человѣческихъ главную роль играетъ, говоритъ комитетъ, «частный прибытокъ», ускользающій отъ всѣхъ законовъ, когда они для него стѣснительны. Правительства, забывавшія это, должны были, послѣ многихъ издержекъ, бросать свои предпріятія. Въ торговлѣ, въ *ународованіи* (умноженіи населенія), въ просвѣщеніи, гдѣ правительства мнили приказывать — являются только призраки успѣховъ, которые, подержавшись нѣсколько времени на воздухѣ, исчезали со своими основаніями. А тѣ учрежденія, которыя возникали дѣятельностью частныхъ лицъ, по ихъ выгодѣ, и

*) «Исторія царствованія императора Александра I». Богдановича. Т. I, прил. 83 къ гл. 2-й,

покровительствовались только правительствомъ, имѣли внутреннюю силу. Посему и для евреевъ нужно принять мѣры «тихаго ободренія, возбужденія собственной ихъ дѣятельности и пресѣченія тѣхъ только препятствій, кои зависятъ непосредственно отъ правительства и сами собой пресѣчься не могутъ». При этомъ докладѣ комитетъ представилъ государю выработанный имъ проектъ новаго положенія о евреяхъ. Либерализмъ этого доклада, какъ видитъ читатель, самаго безукоризненнаго достоинства, хотя нѣтъ сомнѣнія, что эти англійскія ученія о невмѣшательствѣ государства и полной свободѣ частной дѣятельности звучатъ какъ-то странно въ устахъ русскихъ государственныхъ людей и лишь въ незначительной мѣрѣ могутъ быть примѣнены въ Россіи. Что намѣренія комитета были дѣйствительно либеральны, можно заключить изъ того, что онъ далъ знать циркулярно всѣмъ начальникамъ губерній, гдѣ жили евреи, о своей дѣятельности и предписалъ ознакомить съ его характеромъ и задачей еврейскія общества, успокоивъ эти послѣднія на счетъ доброжелательныхъ стремленій правительства въ отношеніи къ нимъ. Но каково же было само положеніе, придуманное комитетомъ? въ какой мѣрѣ оно осуществляло практически тѣ теоретическія идеи, которыя были высказаны комитетомъ въ докладѣ 20 сентября?—Положеніе это было Высочайше утверждено 9 декабря 1804 г. и опубликовано съ слѣдующимъ предисловіемъ: «По жалобамъ, многократно къ намъ и въ правительствующій сенатъ доходившимъ, на разныя злоупотребленія и безпорядки во вредъ земледѣлію и промышленности обывателей въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреи обитаютъ, происходящіе, признали мы нужнымъ указомъ 9 ноября 1802 г. составить особый комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ, къ сему относящихся, и для избранія средствъ къ исправленію настоящаго евреевъ положенія. Комитетъ, разсмотрѣвъ всѣ свѣдѣнія и предположенія, сюда относящіяся, поднесъ намъ проэктъ положенія и докладъ, на коемъ оно основано. Положеніе это мы нашли справедливымъ и соотвѣтствующимъ выгодамъ самихъ евреевъ и коренныхъ обитателей тѣхъ губерній, гдѣ имъ жить дозволено». *) Сущность самаго Положенія заключается въ слѣдующемъ. Какъ можно уже судить по предисловію, главная задача Положенія заключалась въ устраненіи невыгодныхъ для другихъ сословій послѣдствій отъ промышленной дѣятельности евреевъ. Посему Положеніе предписываетъ евреямъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ со дня изданія его (т. е. до 1808 г.) выселиться совершенно изъ селъ и деревень въ города. Имъ дозволяется заниматься всякаго рода ремеслами и заводить фабрики и заводы. Они могутъ обучать своихъ дѣтей, какъ во всѣхъ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ собственныхъ школахъ, если захотятъ таковыя устроить. Установляются различныя поощренія для евреевъ, которые захотѣли бы заняться земледѣліемъ. Въ дѣлахъ вѣры они пользуются полной свободой. Кагалъ оффиціально возстановленъ Положеніемъ. Чрезъ 3 года евреи должны вести всѣ свои книги и заключать обязательства на нѣмецкомъ, польскомъ или русскомъ языкахъ.

(*) Полное Собр. Зак. I, № 21547.

Двойныя подати отмѣнены только для болѣе полезныхъ евреевъ—фабрикантовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ—и дано обѣщаніе, что, когда всѣ евреи «окажутъ постоянное направленіе и прилежаніе въ земледѣліи, мануфактурахъ и купечествѣ, тогда правительство приметъ мѣры къ уравненію ихъ податей со всѣми другими подданными». О дозволеніи евреямъ жить по всей Россіи и вступать на государственную службу Положеніе ничего не говоритъ.

Нетрудно усмотрѣть, какая пропасть лежитъ между теоретическимъ либерализмомъ доклада 20 сентября и практическими мѣрами относительно евреевъ въ Положеніи 1804 г. Принципы самодѣятельности, самоуправленія гражданъ и невмѣшательства государства выдержаны въ Положеніи только по второстепеннымъ вопросамъ, и притомъ тамъ именно, гдѣ слѣдовало придерживаться противоположнаго начала, т. е. относительно распространенія между евреями активными мѣрами образованія, земледѣльческаго и ремесленнаго труда. Но въ самомъ капитальномъ вопросѣ—о дозволеніи или запрещеніи евреямъ жить по прежнему въ деревняхъ, занимаясь арендой имѣній и торговлей виномъ—Положеніе выступило съ предписаніемъ, прямо противоположнымъ тѣмъ началамъ, которыя провозглашены въ докладѣ, на коемъ Положеніе основано. Въ докладѣ торжественно провозглашалось, что правительство безсильно провести мѣры, несогласныя съ экономическими условіями народной жизни, что необходимо предоставить возможно-большую свободу частному интересу, какъ главному стимулу человѣческихъ дѣйствій, и что девизомъ правительства должно быть: какъ можно менѣе запрещеній, какъ можно болѣе свободы. Въ Положеніи же предписывается удаленіе нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ изъ исконныхъ мѣстъ ихъ жительства

и совершенный переворотъ какъ въ ихъ экономическомъ быту, такъ и во всей хозяйственной жизни обширнаго края. Это конечно служитъ новымъ доказательствомъ того вопіющаго разлада между либеральными и реакціонными стремленіями александровсвой эпохи, который такъ хорошо охарактризованъ г. Пыпинымъ. Но въ данномъ случаѣ, этотъ разладъ объясняется оченъ легко слѣдующимъ обстоятельствомъ. Бѣдственное положеніе крестьянъ въ западномъ краѣ было фактомъ очевиднымъ и несомнѣннымъ. До правительства часто доходили жалобы по этому предмету, и ясно было, что оно должно что-нибудь сдѣлать для облегченія участи страждущихъ. Еслибъ правительство могло и хотѣло взглянуть дѣйствительности прямо въ глаза, оно легко замѣтило бы, что главная причина крестьянскихъ бѣдствій заключается въ крѣпостномъ правѣ. Но объ освобожденіи крестьянъ тогда еще никто не думалъ въ высшихъ сферахъ. Необходимо было поэтому найти другую причину, на которую можно было бы взвалить все зло, и она было легко найдена въ лицѣ еврейскаго поселенія, этого Макара, на котораго издавно всѣ шишки валятся. Мы ознакомились уже съ этой курьезной подтасовкой у Державина. Комитетъ учрежденный въ 1802 г. для устройства быта евреевъ не могъ уйти дальше рутинныхъ воззрѣній на этотъ предметъ, ибо онъ состоялъ изъ того же Державина и трехъ крупнѣйшихъ помѣщиковъ тѣхъ губерній, гдѣ живутъ евреи (Чарторыйскій, Потоцкій, Кочубей). Эти лица должны были иабрать между обвиненіемъ крѣпостнаго права, т. е. самихъ себя, и обвиненіемъ евреевъ въ эксплотаціи крестьянъ; понятно что они выбрали второе. Но разъ признавъ безусловный вредъ отъ пребываніи евреевъ въ селеніяхъ для крестьянъ, нельзя было остановиться ни предъ какими мѣрами, какъ бы мало онѣ ни согласовались съ либеральнымъ катехизисомъ членовъ комитета. И вотъ противники всякихъ насильственныхъ мѣръ и приверженцы невмѣшательства, засѣдавшіе въ комитетѣ, приняли предложеніе Державина о выселеніи евреевъ изъ деревень, какъ жертву принесенную имъ на алтарь отечества ради благосостоянія западно-русскихъ крестьянъ! Правда, они не нашли возможнымъ пожертвовать своими интересами и признать, что отвѣтственность дажо за злоупотребленія евреевъ падаетъ на помѣщиковъ, которые отдаютъ въ аренду имѣнія и крестьянъ евреямъ и при этомъ заботятся исключительно о своихъ личныхъ выгодахъ; но они пожертвовали своими убѣжденіями, если громкія фразы о свободѣ дѣятельности гражданъ и невмѣшательствѣ правительства были дѣйствительно у нихъ убѣжденіемъ, и это не малая заслуга съ ихъ стороны предъ лицомъ исторіи! Какъ бы то ни было, законъ о выселеніи евреевъ изъ деревень былъ утвержденъ и обнародованъ. Но тутъ-то оказалось, что въ теоретическихъ разсужденіяхъ доклада о безсиліи правительствъ идти наперекоръ бытовымъ условіямъ народной жизни и о непрочности законовъ съ такимъ характеромъ было гораздо больше здраваго смысла, чѣмъ въ практической части работъ комитета, представляюшей отступленіе отъ общаго начала, вызванное будто бы интересами породнаго благосостоянія.

Но прежде чѣмъ разсказать эту любопытную исторію одной изъ александровскихъ реформъ, необходимо остановиться еще на одномъ, совершенно постороннемъ, повидимому, обстоятельствѣ, но отозвавшемся на судьбѣ еврейскаго вопроса въ то время, и характеризующемъ политическую жизнь Европы въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Французская революція совершенно эмансипировала евреевъ, отмѣнивъ всѣ ограничительные о нихъ законы. Равенство всѣхъ классовъ населенія, независимо отъ вѣроисповѣданія, сдѣлалось во Франціи несокрушимымъ общественнымъ фактомъ, на который не осмѣливалась посягнуть ни одна изъ многочисленныхъ послѣдовавшихъ послѣ революціи реакцій. Наполеонъ I, присоединяя къ Франціи одну за другой различныя страны Европы, распространяя на эти страны французскіе законы и учрежденія, вводилъ повсемѣстно и равноправность евреевъ. Эта равноправность евреевъ не вездѣ производила одинаковое впечатлѣніе. Нѣмцы, какъ извѣстно, до сихъ поръ не съумѣли еще отрѣшиться отъ вражды къ евреямъ. Тѣмъ болѣе въ то время эмансипація евреевъ должна была вдвойнѣ казаться имъ чѣмъ-то чудовищнымъ: во-первыхъ, какъ выдумка ненавистныхъ побѣдоносныхъ французовъ и во-вторыхъ, какъ посягательство на ихъ исконное право угнетать и презирать евреевъ. Къ этому присоединилась своекорыстная вражда городского промышленнаго сословія, видѣвшаго въ евреяхъ опасныхъ конкуррентовъ и помѣху для своей наживы. Вслѣдствіе этого, когда Наполеонъ въ январѣ 1806 года, возвращаясь изъ похода противъ Австріи, остановился въ Страсбургѣ, то префектъ вмѣстѣ съ купечествомъ осыпали его массою жалобъ на эксплоатацію евреевъ. Наполеонъ обѣщалъ эльзасцамъ защиту противъ евреевъ и по прибытіи въ Парижъ немедленно поставилъ этотъ вопросъ на очередь въ государственномъ совѣтѣ. Большинство членовъ съ негодованіемъ встрѣтило предложеніе объ ограниченіи правъ евре-

евъ, какъ противное принципамъ революціи. Но Наполеонъ, противникъ
всякаго рода принциповъ или идеологіи, какъ онъ выражался, былъ не-
поколебимъ. Онъ издалъ законъ объ ограниченіи имущественныхъ правъ
евреевъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи и, кромѣ того, напалъ на мысль
о созывѣ представителей еврейскихъ общинъ для ознакомленія прави-
тельства съ религіознымъ и соціальнымъ бытомъ евреевъ и изысканія
мѣръ къ улучшенію ихъ быта. Собранію этому было поставлено на
видъ правительствомъ, что евреи обособляются отъ другихъ народовъ
и занимаются ростовщичествомъ. Затѣмъ собранію предложено было 12
вопросовъ, изъ которыхъ главные состояли въ томъ: считаютъ ли фран-
цузскіе евреи Францію своимъ отечествомъ, а французскіе законы для
себя обязательными; дозволяетъ ли еврейскій законъ ростовщичество;
законны ли браки евреевъ съ христіанами; допускаетъ ли еврейскій
законъ многоженство, и т. под. На всѣ вопросы собраніе, разумѣется,
отвѣтило по желанію правительства. Но Наполеону это показалось не-
достаточнымъ. Онъ повелѣлъ, распустивъ собраніе, созвать въ Парижѣ
великій синедріонъ для религіозной санкціи отвѣтовъ собранія. Въ си-
недріонъ приглашались раввины не только Франціи, но и другихъ европей-
скихъ странъ. Собраніе синедріона обставлено было большой пышностью,
но о какой-нибудь самостоятельной роли онъ, разумѣется, не могъ и меч-
тать при деспотическомъ наполеоновомъ правительствѣ. Задача его за-
ключалась въ томъ, чтобы признать религіозно-обязательными для евре-
евъ предписанныя правительствомъ нравственные и гражданско-право-
вые догматы.

Преклоняясь предъ всемогущей властью Наполеона, синедріонъ ис-
полнилъ его требованія, даже тамъ, гдѣ они противорѣчили еврейской
религіи; такъ онъ призналъ имѣющими религіозное значеніе браки ев-
реевъ съ христіанами, что противно еврейскому закону. Понятно что
синедріонъ, который торжественно, по приказанію правительства, дол-
женъ былъ внушать евреямъ, что страна, гдѣ они родились есть ихъ
отечество, а христіане ихъ братья, и что гражданская власть можетъ
измѣнять ихъ религіозные законы, такой синедріонъ былъ насмѣшкой
надъ еврействомъ, униженіемъ, а не возвеличеніемъ его. Но не такъ
посмотрѣли на дѣло враждебныя Наполеону правительства другихъ
странъ Европы. Зная что евреи всѣхъ странъ смотрѣли тогда на Фран-
цію, какъ на свою избавительницу, они увидѣли въ синедріонѣ

приманку, которою Наполеонъ хочетъ привлечь на свою сторону евреевъ всей Европы, чтобъ имѣть въ нихъ надежныхъ союзниковъ для Франціи при будущихъ войнахъ. Еврейскій историкъ Гретцъ допускаетъ эту гипотезу, основываясь на слѣдующемъ анекдотѣ, сообщаемомъ Гизо. Послѣ созыва синедріона, Наполеонъ былъ въ прусской Польшѣ, воюя съ Пруссіей. Евреи ревностно доставляли ему за приличную плату необходимые для арміи запасы и свѣдѣнія. Тогда Наполеонъ, смѣясь, сказалъ: «вотъ, однакожъ, для чего пригодился мнѣ синедріонъ» *). Мы съ своей стороны полагаемъ, на основаніи вышеприведенныхъ фактовъ, что цѣль синедріона была та, о которой мы говорили, а не политическая. Но, даже съ точки зрѣнія враждебныхъ Наполеону правительствъ, единственнымъ средствомъ для парализаціи наполеоновыхъ козней было—даровать евреямъ у себя дома такія же права гражданства, какія имъ были предоставлены во Франціи. Тогда, конечно, опасаться тяготѣнія евреевъ къ Франціи не было бы никакихъ основаній. Но объ этомъ, разумѣется, не могли и думать будущіе творцы «священнаго союза», поставившаго своей цѣлью уничтоженіе всѣхъ результатовъ, добытыхъ для европейской жизни французской революціей, между прочимъ и эманципаціи евреевъ: извѣстно, какая реакція послѣдовала въ этомъ отношеніи въ Германіи по низверженіи Наполеона. Прибѣгнули, поэтому, къ старинному средству — полицейскимъ мѣрамъ противъ сношеній туземныхъ евреевъ съ французскими и вообще съ Франціей. Самый дѣятельный примѣръ въ этомъ отношеніи подала, какъ и слѣдовало ожидать, Австрія, эта классическая страна полицейскаго шпіонства и іезуитизма во время оно. Какъ только въ Вѣнѣ узнали о предполагаемомъ синедріонѣ, главный начальникъ полиціи Зумерау, циркуляромъ 17 октября 1806 г., далъ знать объ этомъ начальникамъ всѣхъ провинцій. Онъ выставляетъ здѣсь на видъ, что «одинъ поверхностный взглядъ на это событіе раскрываетъ его политическое значеніе и *величайшую важность* для всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ евреи живутъ и играютъ большую роль, благодаря своей численности, хитрости и солидарности». По этому не слѣдуетъ остановиться ни предъ какими мѣрами для воспрепятствованія сношеній между австрійскими евреями и синедріономъ. Особенное вниманіе надо обратить на корреспонденцію болѣе значительныхъ и образованныхъ евреевъ, раскрывать ихъ письма и давать отчетъ объ

* Грецъ, Geschichte der Iuden, B. XI, s. 291 и 622.

ихъ содержаніи. Заграничныхъ паспортовъ евреямъ не выдавать и объяснять желающимъ ѣхать во Францію, какія послѣдствія это можетъ имѣть не только для нихъ самихъ, но, можетъ быть, и для всѣхъ ихъ единовѣрцевъ. За дѣло, какъ видно, принялись весьма серьезно и энергически. Но послѣдовавшія вскорѣ донесенія начальниковъ провинцій были вполнѣ успокоительны, и 20 октября Зумерау докладывалъ императору, что евреи ничего не ожидаютъ для себя отъ плановъ Наполеона. Чрезъ ночь это оптимистическое настроеніе начальника полиціи измѣнилось, и на слѣдующій день онъ доводилъ до свѣдѣнія своего государя, что въ рѣчи Наполеона къ собранію еврейскихъ депутатовъ въ Парижѣ говорится ни болѣе, ни менѣе, какъ о совершенномъ перерожденіи всего еврейскаго народа. Въ каждомъ словѣ Наполеона, по мнѣнію Зумерау, ясно видна тенденція—ко всѣмъ другимъ своимъ ролямъ присоединить еще роль псевдо-мессіи. На слѣдующій день опять успокоительный рапортъ, что ни одна еврейская община въ Австріи не получила приглашенія на синедріонъ. Императоръ остался доволенъ этими свѣдѣніями и замѣтилъ, что евреи-ортодоксы, какъ можно было предвидѣть, не будутъ довольны нововведеніями Наполеона; но противнаго слѣдуетъ опасаться со стороны евреевъ цивилизованныхъ, за которыми, поэтому, нужно имѣть усиленный надзоръ. Въ дополненіе къ этому предписано было имѣть строгое наблюденіе на границѣ—не проберутся ли евреи изъ Австріи во Францію; а австрійскому посланнику въ Парижѣ велѣно имѣть, по возможности, наблюденіе за находящимися тамъ австрійскими евреями. Зумерау увѣдомилъ также начальниковъ провинцій, что, по его свѣдѣніямъ, существуетъ цѣлое политическое агенство, руководимое однимъ французскимъ дипломатомъ и простирающееся отъ Вѣны до глубины Россіи. Агенство это состоитъ, будто-бы, преимущественно изъ бѣдныхъ евреевъ и доставляетъ французскому правительству самыя точныя свѣдѣнія обо всемъ. Онъ обратилъ также вниманіе на то, что корреспонденція польскихъ и прусскихъ евреевъ съ своими единовѣрцами во Франкфуртѣ на-Майнѣ никогда не была такъ многочисленна, какъ въ этомъ (1806) году.

Читая все это, нельзя не изумляться дѣятельности, всевѣдѣнію и подозрительности тогдашней австрійской полиціи. Оказалось однакожъ, что изумительная ея прозорливость не попала въ цѣль: переполохъ былъ напрасный, и вся эта исторія была—бурей въ стаканѣ воды. Всѣ на-

чальники провинцій, перерывъ всю корреспонденцію евреевъ и собравъ другими путями свѣдѣнія по этому дѣлу, не нашли ни одного намека ни на всемірное французско-еврейское политическое агенство, ни на сношенія австрійскихъ евреевъ съ парижскимъ синедріономъ. Исторія эта, такимъ образомъ, кончилась ничѣмъ, оставивъ слѣдъ въ однихъ вѣнскихъ архивахъ, откуда она выведена на свѣтъ въ послѣднее время г. Г. Вольфомъ въ вѣнской газетѣ Montags revue *).

Но волненіе, возбужденное необыкновеннымъ явленіемъ великаго синедріона въ Парижѣ, не ограничилось одной Австріей: оноотозвалось и въ Россіи. Государь императоръ повелѣлъ, по случаю того, что Бонапарте созвалъ въ Парижѣ собраніе представителей евреевъ, *имѣющее главной цѣлью дать евреямъ разныя преимущества* и связать евреевъ всей Европы, созвать особый комитетъ для обсужденія того, не требуетъ-ли это обстоятельство принятія какихъ-нибудь особыхъ мѣръ относительно русскихъ евреевъ. Въ составъ этого комитета вошли: министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Будбергъ, Чарторыйскій и Кочубей. Будбергъ въ комитетѣ былъ того мнѣнія, что, не взирая ни на что, Положеніе 1804 г. должно быть исполняемо строго, и евреи должны быть выселены изъ деревень. Кочубей и Чарторыйскій были того мнѣнія, что, въ виду французскихъ затѣй и другихъ обстоятельствъ, выселеніе должно быть пріостановлено на время, и что «необходимо поставить эту націю въ осторожность противъ намѣреній французскаго правительства». Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился императоръ и, вслѣдствіе этого, 15 февраля 1807 г. далъ сенатору Алексѣеву, отправлявшемуся въ западныя губерніи, инструкцію въ томъ смыслѣ, что выселеніе евреевъ изъ деревень должно быть производимо лишь по мѣрѣ возможности. А 20 февраля того же года министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ начальникамъ западныхъ губерній имѣть наблюденіе за тѣмъ, нѣтъ-ли какихъ-нибудь сношеній между русскими евреями и парижскимъ собраніемъ, и принять мѣры противъ возможности такихъ сношеній. Предлагается имъ внушать евреямъ, что парижское собраніе стремится къ измѣненію еврейской религіи—для того, чтобы этимъ отклонить русскихъ евреевъ отъ синедріона. Упоминается въ циркулярѣ, что парижское собраніе, вѣроятно, имѣетъ цѣлью дать

*) См. и Allgem. Zeit. d. Ind. за 1871 г., №№ 16 и 17..

французскому правительству возможность политическаго вліянія, чрезъ посредство евреевъ, во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ эти послѣдніе обитаютъ. О дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла мы ничего не знаемъ; но можно предполагать, что русская администрація не развернула и сотой доли той пронырливости и дѣятельности, которой отличилась австрійская полиція по этому дѣлу, и «фальшивая тревога» улеглась въ самомъ началѣ.

Что тревога эта была дѣйствительно совершенно фальшивая, не трудно усмотрѣть изъ всего разсказаннаго нами объ исторіи парижскаго собранія и синедріона. Правительство наше, также какъ и австрійское, очевидно, имѣло самыя превратныя понятія о томъ, что происходило въ Парижѣ, когда оно могло думать, что собраніе имѣло главной цѣлью дать разныя преимущества евреямъ. Какъ мы видѣли, Наполеонъ не только не улучшилъ положенія французскихъ евреевъ, но, напротивъ, ухудшилъ его и ввелъ во французское законодательство (хотя на время только) весьма существенныя изъятія относительно евреевъ изъ принципа гражданской равноправности лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Собраніе же еврейскихъ депутатовъ и синедріонъ призваны были правительствомъ для того только, чтобы санкціонировать мѣры правительства религіознымъ авторитетомъ и приспособить еврейскую религію къ условіямъ европейской жизни, по указанію и подъ диктовку Наполеона. Такое собраніе, конечно, не могло давать новыхъ преимуществъ евреямъ, будучи призвано къ тому, чтобъ отнять нѣкоторыя изъ пріобрѣтенныхъ ими уже правъ. Съ другой стороны, опасаться, что фанатически-преданные ортодоксіи польско-литовскіе евреи признаютъ за настоящій синедріонъ такое собраніе, которое въ угоду свѣтской власти отмѣняло нѣкоторые изъ важнѣйшихъ законовъ іудейства — значило обнаружить совершенное незнакомство съ дѣйствительной жизнью евреевъ. Нашей администраціи, конечно, извинительно было сдѣлать такой промахъ, когда онъ былъ сдѣланъ всезнающей австрійской полиціей; этой послѣдней, можетъ быть, должно приписать и возбужденіе русскаго правительства противъ парижскихъ козней, «имѣющихъ, будто бы, громадное значеніе для всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ живутъ евреи». Это тѣмъ вѣроятнѣе, что австрійская полиція подозрѣвала существованіе обширнаго французско еврейскаго политическагоагентства, распространеннаго отъ Вѣны *до глубины Россіи*. Для раскрытія этого фантастическаго агентства дѣятельность русской администраціи могла быть очень полезной барону Зумерау.

Интереснѣе всего, однакожъ, что опасеніе бонапартовскихъ замысловъ побудило, какъ мы видѣли, наше правительство на важную для евреевъ мѣру—отсрочку выселенія ихъ изъ деревень. Къ исторіи этого выселенія мы и обращаемся теперь.

III.

Изданіе Положенія 1804 г. вызвало сильнѣйшую тревогу въ еврейскомъ мірѣ. И было чего испугаться и взволноваться! Не смотря на старанія правительства увѣрить евреевъ въ своей благосклонности къ нимъ; не смотря на многія второстепенныя постановленія новаго закона, обнаруживавшія дѣйствительное благоволеніе законодателя къ еврейскому народу,—для массы важна была одна ст. 34 Положенія, предписывавшая выселить всѣхъ живущихъ въ уѣздахъ евреевъ въ города втеченіи трехъ лѣтъ. Для массы ясно было только одно — что 60 тысячъ самыхъ бѣдныхъ еврейскихъ семействъ должны были лишиться всякаго пропитаніа, потому что въ городахъ и тогда уже предложеніе еврейскаго промышленнаго труда превышало запросъ на него. Между тѣмъ новый законъ, предписывая евреямъ бросить деревни и пріискать себѣ новыя занятія, не предпринялъ рѣшительно никакихъ мѣръ для облегченія евреямъ этого внезапнаго перехода къ другимъ промысламъ; а предоставилъ самимъ евреямъ позаботиться объ этомъ, *дозволяя имъ* учреждать фабрики и заводы, заниматься ремеслами и земледѣліемъ, получать образованіе въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ будто цѣлые народы могутъ мѣнять промыслы, усвоенные ими вѣками, такъ же легко и скоро, какъ человѣкъ мѣняетъ платье; какъ будто можно требовать отъ цѣлаго класса, чтобъ онъ вдругъ бросилъ свои исконные промыслы потому только, что ему укажутъ на невыгодность этихъ промысловъ для другихъ классовъ населенія, и притомъ сдѣлалъ это собственными средствами, безъ посторонней помощи и участія! Такой актъ великодушія и отваги со стороны цѣлаго народа или сословія былъ бы, конечно, замѣчательнѣйшимъ феноменомъ въ исторіи; но законодатель, расчитывающій на возможность подобнаго явленія, обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ теоріей и практикой общественной жизни человѣка; понятно, что мѣропріятія подобнаго рода должны непремѣнно лопнуть, какъ справедливо говоритъ докладъ 1803 года. Нетрудно понять поэтому, какое впечатлѣніе произвела ст. 34 Положенія на умы евре-

евъ и какія затрудненія встрѣтило практическое исполненіе этой статьи. Затрудненія шли, впрочемъ, не отъ однихъ евреевъ, какъ можно было-бы думать, но и со стороны помѣщиковъ. Тѣ самые помѣщики, которые пріѣзжему правительственному лицу (Державину) указывали на евреевъ, какъ на единственную причину крестьянскихъ бѣдствій, такъ какъ другого благовиднаго объясненія жалкаго положенія своихъ крѣпостныхъ они не могли найти; тѣ самые помѣщики, которые предъ правительствомъ громко кричали о необходимости высылки евреевъ изъ ихъ помѣстій и провели таки эту мѣру въ комитетѣ 1802 г., — въ дѣйствительности вовсе не хотѣли разстаться съ вѣковымъ, необходимымъ элементомъ ихъ хозяйства—евреемъ-арендаторомъ и корчмаремъ. Мѣстное начальство, обязанное наблюдать за выселеніемъ евреевъ, начало осыпать высшее донесеніями о встрѣчаемыхъ имъ препятствіяхъ. Оно указывало, какъ говорится въ указѣ 19 октября 1807 г., о которомъ будетъ рѣчь ниже, что помѣщики по военнымъ обстоятельствамъ затрудняются выселить евреевъ; а сами евреи, по крайней бѣдности большей части изъ нихъ, при платежѣ двойной подати и возвысившихся цѣнахъ на все, не могутъ, въ настоящее военное время, выселиться и пріискивать средства для занятія земледѣліемъ, ремеслами и фабричными работами. Военное время, впрочемъ, играло больше роль предлога, потому что, когда оно прекратилось, нашлись новыя затрудненія—болѣе общаго и постояннаго свойства. Въ виду такого положенія дѣлъ правительство прибѣгло къ совершенно новой въ русской исторіи мѣрѣ—созыву депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ для обсужденія мѣръ, необходимыхъ къ исполненію Положенія 1804 г. и устройству быта евреевъ на новыхъ началахъ. Депутаты, какъ надо полагать, собирались не одинъ, а, по-крайней-мѣрѣ, два раза; но мы имѣемъ свѣдѣнія только объ одномъ избраніи депутатовъ, происходившемъ въ Вильнѣ въ 1808 году. Въ Вильно съѣхались 9 представителей главныхъ еврейскихъ общинъ въ Россіи; они избрали трехъ депутатовъ, Зунделя Зонеберга изъ Гродна, Бейниша Бараца изъ Витебска и Михеля Эйзенштадта изъ Могилева, и трехъ къ нимъ помощниковъ. Для расходовъ, необходимыхъ на пребываніе депутатовъ въ Петербургѣ, собраніе избирателей опредѣлило употребить серебряныя украшенія на талесахъ (молитвенныхъ ризахъ евреевъ) (*). Державинъ, который остался недоволенъ тѣмъ, что коми-

(*) Кирья Неемана (исторія виленскаго еврейскаго общества) С. І. Фина, стр. 35 и 47.

тетъ 1802 г. не принялъ его предложенія о насильственномъ разселеніи евреевъ по всей Россіи, говоритъ, будто депутаты израсходовали огромныя суммы на подкупъ разныхъ сановниковъ, между прочимъ, и Сперанскаго. Но кому неизвѣстно, что множество подобныхъ обвиненій, совершенно ложныхъ, было взведено современниками на Сперанскаго, стоявшаго гораздо выше уровня нашей тогдашней администраціи и потому ей ненавистнаго. Несомнѣнно, что Сперанскій находился въ очень близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ откупщикомъ-евреемъ Перецомъ, который жилъ въ Петербургѣ, принималъ у себя весь городъ и имѣлъ большія связи (*). Но безспорно и то, что Сперанскій былъ другъ евреевъ по убѣжденію, а не по какимъ-нибудь разсчетамъ. Это видно изъ того, что и тогда когда онъ былъ уже въ опалѣ и жилъ въ Пензѣ, онъ доносилъ оттуда о необходимости разрѣшить евреямъ-винокурамъ пребываніе во всей Россіи. Сенатъ 19 мая 1819 г. опредѣлилъ, вслѣдствіе этого, согласно съ заключеніемъ министра финансовъ, признать необходимымъ допущеніе евреевъ-винокуровъ во внутреннія губерніи.

Но возвратимся къ нашему предмету. Чего добивались депутаты, и какихъ результатовъ достигла ихъ дѣятельность — объ этомъ мы имѣемъ только косвенныя данныя въ послѣдующихъ правительственныхъ распоряженіяхъ и актахъ, содержаніе коихъ мы и изложимъ ниже; но прямыхъ извѣстій о дѣятельности депутатовъ, кромѣ весьма скудныхъ указаній въ сочиненіи г. Фина, мы не имѣемъ (**).

Главнымъ образомъ депутаты были озабочены разъясненіемъ высшему правительству всей затруднительности выселенія евреевъ изъ деревень, требуемаго ст. 34 Положенія 1804 года.

Объ этихъ затрудненіяхъ министръ внутр. дѣлъ Кочубей 10 февраля 1807 г. донесъ государю, вслѣдствіе чего былъ образованъ снова комитетъ изъ Кочубея, Будберга, Лопухина, Чацкаго, Чарторыйскаго, Потоцкаго и Новосильцова. По совпаденію времени, надо предполагать, что это тотъ самый комитетъ, который обсуждалъ вопросъ о парижскомъ собраніи. Кочубей, какъ мы уже знаемъ, подалъ свой голосъ за отсрочку выселенія евреевъ. Съ нимъ согласился, кромѣ Чар-

(*) «Жизнь графа Сперанскаго» барона М. Корфа, т. I, стр. 102.

(**) Было бы очень желательно, чтобъ кто-нибудь взялъ на себя трудъ обнародовать матеріалы для исторіи этого времени, по всей вѣроятности хранящіеся въ архивахъ главныхъ еврейскихъ общинъ западной Россіи, какъ-то: виленской, гродненской, минской и др.

торыйскаго еще и графъ Чацкій. Онъ заявилъ, что во всѣхъ селеніяхъ западнаго края находится не менѣе 60.000 еврейскихъ семействъ, и что выслать ихъ въ города значило-бы наполнить эти послѣдніе нищими, которые, за неимѣніемъ никакихъ средствъ къ жизни, могли-бы угрожать общественному спокойствію и пуститься на разбои. Эти соображенія, въ связи со многими другими, въ особенности политическими опасеніями со стороны Франціи, побудили правительство согласиться на ходатайство еврейскихъ депутатовъ объ отсрочкѣ исполненія 34 статьи Положенія 1804 г. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы видѣли, дана была инструкція сенатору Алексѣеву 15 февраля 1807 г. Но, какъ видно, опасенія наполеоновыхъ происковъ очень скоро оказались совершенно неосновательными, и въ томъ же году (19 октября 1807 г.) мы встрѣчаемъ новый указъ на имя Каменецъ-Подольскаго военнаго губернатора Эссена, въ которомъ говорится, что въ настоящее время нѣтъ уже препятствій къ выселенію евреевъ изъ деревень постепенно и съ распорядкомъ, а потому повелѣно приступить къ выселенію евреевъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ. Прежде должны быть выселены тѣ евреи, которые имѣютъ дома въ городахъ или мѣстечкахъ, изъ тѣхъ селъ и деревень, гдѣ ихъ больше, и особенно изъ тѣхъ, гдѣ они содержатъ корчмы и шинки. Гдѣ село принадлежитъ нѣсколькимъ помѣщикамъ, и потому есть нѣсколько еврейскихъ корчемъ, слѣдуетъ выселить всѣхъ ихъ въ одно время, дабы *помѣщикамъ не было подрыва одному предъ другимъ*. Предписывается учреждать особые комитеты изъ мѣстныхъ дворянъ для попеченія о выселенцахъ. Комитеты эти, между прочимъ должны предлагать кагаламъ дѣлать складчины въ пользу выселяемыхъ; поощрять помѣщиковъ и евреевъ заводить фабрики и заводы, на которыхъ выселяемые могли-бъ найти работу, и представлять правительству о тѣхъ евреяхъ, которыхъ, по заявленному желанію и способности къ земледѣлію, слѣдуетъ на казенный счетъ переселить въ новороссійскій край, астраханскую и кавказскую губерніи *).

Этими новыми распоряженіями дѣло выселенія евреевъ повидимому было значительно облегчено и упрощено. Но на дѣлѣ оказалось, что чѣмъ больше издавалось распоряженій, тѣмъ затруднительнѣе дѣлалось ихъ исполненіе. Прежде говорили о временныхъ препятствіяхъ и просили только объ отсрочкѣ, теперь указывали на совершенную неисполнимость 34 статьи и необходимость ея отмѣны. Объ этомъ доносили всѣ мѣстныя начальства, и министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Куракинъ 23 декабря 1808 г. поднесъ государю подробную записку, въ которой изложилъ сущность донесеній мѣстныхъ властей по дѣлу о евреяхъ. Въ запискѣ приводятся слѣдующія причины невозможности выселенія евреевъ. Многія мѣстечки относятся къ городскимъ поселеніямъ лишь по имени (извѣстно, что это замѣчается и въ настоящее время, вслѣдствіе чего множество посадовъ и мѣстечекъ въ Царствѣ Польскомъ и западномъ краѣ, или уже переименованы, или имѣютъ быть переименованы въ селенія), переселенные туда евреи не могли бы найти рѣшительно никакихъ средствъ къ жизни по отсутствію городскихъ промысловъ. Нѣкоторые города (какъ Брестъ-Литовскій) и мѣстечки (Тепликъ и др.) совсѣмъ выгорѣли недавно. Тамошніе евреи не могутъ дать переселенцамъ никакой помощи, такъ какъ сами должны искать для себя крова. Казенныхъ фабрикъ, гдѣ евреи могли бы имѣть работу, нѣтъ; частныхъ тоже очень мало. Заняться земледѣліемъ на помѣщичьихъ земляхъ евреи не успѣютъ такъ скоро, тѣмъ болѣе, что они связаны старыми контрактами съ тѣми помѣщиками, у которыхъ живутъ теперь. Казенныхъ земель для поселенія на нихъ евреевъ нѣтъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ послѣдніе живутъ: въ гродненской губерніи, напр., есть всего 200 десятинъ казенной земли, а въ первый-же годъ тамъ изъявили желаніе заняться земледѣліемъ—*нѣсколько сотъ еврейскихъ семействъ*. Вообще это выселеніе потребовало-бы значительныхъ расходовъ и не можетъ быть произведено скоро. Этому препятствуютъ еще сильная дороговизна въ многихъ мѣстахъ и платежъ евреями двойныхъ податей, чрезмѣрно обременяющій ихъ. Вслѣдствіе этой записки императоръ, указомъ 29 декабря 1808 г. на имя литовскаго военнаго губернатора, повелѣлъ: пріостановить выселеніе евреевъ изъ деревень впредь до новаго указа *). Затѣмъ 5 января 1809 г. данъ былъ именной Высочайшій указъ дѣйств. тайному совѣтнику Попову, слѣдующаго содержанія. При исполненіи указа 17 октября 1807 г. мѣстныя начальства вошли съ новыми представленіями не только о затруднительности, но и *совершенной невозможности* выселенія евреевъ. Посему я повелѣлъ пріостановить дѣйствіе 34 статьи Положенія впредь до новаго повелѣнія. Намѣреніе мое состоитъ въ томъ, чтобы разсмот-

(*) П. С. З. I, 23165.

*) П. С. З, I. 23,424.

рѣть всѣ затрудненія къ переселенію евреевъ, дабы принять окончательныя мѣры. Для этого нужно разсмотрѣть мнѣнія еврейскихъ депутатовъ о Положеніи 1804 г. Главныя препятствія, по словамъ указа, заключаются въ бѣдности евреевъ и въ томъ, что правительство не можетъ взять на себя расходы по водворенію ихъ въ новыхъ мѣстахъ. Предстоитъ изыскать мѣры, посредствомъ коихъ евреи, бывъ удалены отъ единственнаго (?) ихъ промысла—продажи вина по селамъ, моглибы снискать пропитаніе работой *). Вслѣдствіе этого, опять назначенъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ Попова, состоявшій изъ сенатора Алексѣева, товарища министра внутр. дѣлъ Козодавлева, сенатора графа Потоцкаго и статскаго совѣтника Дружинина. Комитетъ этотъ работалъ более 3-хъ лѣтъ и изготовилъ докладъ по еврейскому вопросу, помѣченный 17 февраля 1812 г. Этотъ докладъ составляетъ замѣчательнѣйшее явленіе въ исторіи нашихъ законодательныхъ работъ по еврейскому вопросу: онъ отличается разносторонностью, практичностью и чрезвычайно здравыми экономическими воззрѣніями. Мы передадимъ здѣсь, хотя вкратцѣ, все содержаніе этого важнаго памятника александровской эпохи. Докладъ начинается подробнымъ историческимъ изложеніемъ законодательнаго хода еврейскаго вопроса съ 1802 г., доводитъ это изложеніе до причинъ невозможности выселенія евреевъ изъ деревень, изложенныхъ въ запискѣ Куракина, и утверждаетъ, что причины эти существуютъ и въ настоящее время. Основной взглядъ доклада выраженъ въ слѣдующихъ словахъ. «Невозможность исполненія ст. 34, Положенія 1804 г. зависитъ не отъ упорства евреевъ и послабленія начальства, а отъ естественнаго и политическаго положенія тѣхъ губерній, въ коихъ пребываніе евреевъ ограничено». Развивая эту мысль, докладъ говоритъ: До тѣхъ поръ, пока евреи сохраняли политическую независимость и жили въ своей странѣ, они были народомъ преимущественно земледѣльческимъ. Послѣ, когда они были разсѣяны по всему міру и претерпѣвали вездѣ самыя жестокія гоненія, не будучи нигдѣ признаваемы за осѣдлыхъ гражданъ, земледѣліе сдѣлалось для нихъ совершенно недоступнымъ. Они, по необходимости, должны были предаться исключительно торговлѣ, какъ единственному занятію, соотвѣтствовавшему новымъ условіямъ ихъ жизни. Въ Польшѣ евреевъ было очень много, такъ что

*) П. С. З. I, 23435.

торговля сдѣлалась недостаточной для пропитанія всѣхъ ихъ. Съ другой стороны, польскіе помѣщики не могли серьезно заниматься веденіемъ хозяйства въ своихъ имѣніяхъ, вслѣдствіе постоянныхъ внѣшнихъ войнъ и внутреннихъ междуусобій. Они должны были поэтому искать особыхъ средствъ для увеличенія доходности своихъ имѣній, какъ-то: винокуренія и отдачи имѣній въ аренду. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ причинъ повело къ тому, что помѣщики воспользовались евреями для своихъ хозяйственныхъ оборотовъ. Евреи сдѣлались необходимыми для помѣщиковъ, и такъ какъ они не имѣли права пріобрѣтать земли и заняться земледѣліемъ, то, пребывая въ деревняхъ, они должны были ограничиться торговлей виномъ, какъ главной профессіей. Когда Бѣлоруссія присоединена была къ Россіи, то русское правительство признало за евреями всѣ прежнія ихъ права. Сенатскій указъ 1786 г. утвердилъ за ними право жительства въ уѣздахъ и аренды помѣщичьихъ имѣній. Такъ было до 1804 г., когда повелѣно выселить всѣхъ евреевъ изъ деревень. Цѣль этого закона заключается въ искорененіи пьянства между сельскими обывателями. Но винокуреніе есть привиллегія помѣщиковъ и составляетъ необходимую принадлежность ихъ хозяйства, именно: для сбыта излишка хлѣба и для прокормленія скота бардой. Съ удаленіемъ евреевъ цѣловальники будутъ изъ крестьянъ, и пьянство не уменьшится, а уменьшится число земледѣльцевъ. Прежде крестьянинъ продавалъ свой хлѣбъ на мѣстѣ еврею; теперь онъ долженъ будетъ ѣхать въ городъ, тратить время и трудъ, чтобъ тамъ тоже продать его еврею и пропить вырученныя деньги опять-таки у еврея. То же самое будетъ съ покупкой нужныхъ крестьянину предметовъ: соли, желѣза, посуды и т. под.

Въ критическихъ случаяхъ—напр. въ неурожайные годы—крестьянинъ находилъ помощь у еврея (объ этомъ, какъ мы видѣли, упоминаетъ и Державинъ). Правительство тоже имѣетъ выгоды отъ пребыванія евреевъ въ деревняхъ. Хлѣбопашество улучшается отъ возможности сбыта своихъ продуктовъ на мѣстѣ. Крестьяне легче могутъ платить подати. 60,000 еврейскихъ семействъ имѣютъ пропитаніе и тоже платятъ всѣ налоги. Кромѣ того, запрещеніе это повело-бы къ закрытію корчемъ и постоялыхъ дворовъ, а слѣдовательно, къ лишенію проѣзжающихъ необходимыхъ удобствъ. Оно отозвалось-бы и на казенныхъ поставкахъ и почтахъ, ибо дознано опытомъ, что исправнѣйшія почты — это тѣ, которыя содержатся евреями. Противъ выселенія вы-

сказались многіе богатые помѣщики, напр.: князь Любомірскій. Оставить евреевъ въ деревняхъ, воспретивъ имъ продажу вина — комитетъ находитъ неудобнымъ по слѣдующимъ причинамъ. Проживающіе въ деревняхъ евреи принадлежатъ къ самымъ бѣднымъ и безъ торговли виномъ не будутъ имѣть никакихъ средствъ къ жизни. Бѣдность крестьянъ въ Бѣлоруссіи происходитъ не отъ евреевъ. Это доказывается тѣмъ, что въ юго-западныхъ губерніяхъ тоже есть евреи, а крестьяне тамъ гораздо богаче бѣлорусскихъ. Пока бѣлорусскіе помѣщики не перестанутъ придерживаться теперешней системы хозяйства, покровительствующей пьянству, зло будетъ возрастать, несмотря на то, кто будетъ шинкаремъ — еврей или христіанинъ. Это подтверждается примѣромъ губерній с.-петербургской, лифляндской и эстляндской, гдѣ евреевъ совсѣмъ нѣтъ, а пьянство очень велико. Если правительство приметъ мѣры къ тому, чтобъ сдѣлать менѣе выгодной торговлю виномъ, то евреи вынуждены будутъ обратиться къ другимъ промысламъ, — можетъ быть даже къ земледѣлію, особенно, если имъ предоставлено будетъ право пріобрѣтать землю въ собственность.

Съ воспрещеніемъ 60,000 евреевъ торговать виномъ, мѣсто ихъ займутъ 60,000 крестьянъ; но крестьяне не замѣнятъ евреевъ. А еще менѣе евреи смогутъ замѣнить крестьянъ, тѣмъ болѣе, что помѣщики, для огражденія своихъ интересовъ, поручатъ продажу вина лучшимъ изъ крестьянъ. Эти послѣдніе, для доставленія помѣщикамъ большихъ доходовъ, должны будутъ дѣлать то же самое, что евреи. При этомъ не надо забывать, что евреи, при всей своей способности и привычкѣ къ продажѣ вина, никогда не обогащались отъ нея, а только снискивали себѣ пропитаніе.

Если запретить евреямъ торговать спиртными напитками, не удаляя ихъ изъ деревень, то помѣщики, не находя болѣе для себя выгоды отъ пребыванія евреевъ, начнутъ изгонять ихъ изъ своихъ имѣній; тогда возобновятся безчеловѣчныя гоненія на евреевъ, о которыхъ память уже начала изглаживаться, благодаря человѣколюбію государя.

Сдѣлать всѣхъ евреевъ купцами и ремесленниками тоже невозможно, потому что, во первыхъ, они не найдутъ себѣ занятій въ городахъ и мѣстечкахъ, такъ-какъ тамъ нѣтъ запроса на такую массу торговаго и ремесленнаго труда; во вторыхъ, потому, что отъ этог о сильно пострадаютъ тѣ евреи, которые теперь занимаются торговлей и ремеслами. Дѣло въ томъ, что въ западномъ краѣ къ продажѣ вина прибѣгаетъ

ли ь излишекъ евреевъ, не находящій никакихъ другихъ средствъ къ жизни.

Обращать евреевъ въ фабричныхъ невозможно по слѣдующимъ причинамъ. Въ западномъ краѣ нѣтъ фабрикъ, ни казенныхъ, ни частныхъ. Евреи сами не имѣютъ ни капиталовъ, ни желанія заводить фабрики. Еслибъ правительство и затратило на этотъ предметъ нѣсколько милліоновъ, то совершенно напрасно, потому что фабрики и заводы только тогда достигаютъ своей цѣли, когда устраиваются исподоволь, по мѣрѣ нужды въ нихъ. «Насильственно же учреждать ихъ—значитъ бросать капиталъ въ воду». Да и несправедливо было бы насильно обратить евреевъ къ фабричному труду, такъ-какъ они люди свободные, а не крѣпостные. Такія насильственныя мѣры обыкновенно безплодны: опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ, что евреи остаются при прежнихъ своихъ занятіяхъ, вслѣдствіе того, что коренныя преобразованія въ ихъ быту не могутъ быть предприняты ни ими самими — по бѣдности, ни правительствомъ—по недостатку средствъ. Повѣренные еврейскихъ обществъ просятъ поэтому о подтвержденіи силы указа 29 декабря 1809 года, коимъ разрѣшена имъ продажа вина, при чемъ описываютъ, въ болѣе или менѣе сильныхъ выраженіяхъ, бѣдственное положеніе евреевъ. Комитетъ, сообразивъ все это и то, что при теперешнихъ политическихъ обстоятельствахъ (война съ Наполеономъ) не слѣдуетъ ожесточать совсѣмъ еврейскій народъ, угнетенный и безъ того до крайности, — пришелъ къ убѣжденію, что необходимо, вмѣсто разныхъ отсрочекъ, колеблющихъ силу закона и производящихъ одни замѣшательства, отмѣнить ст. 34 Положенія 1804 г. и тѣмъ разомъ пресѣчь всѣ затрудненія. Результатомъ этого доклада было то, что правительство окончательно убѣдилось въ полной несостоятельности закона о выселеніи евреевъ изъ деревень, и во все послѣдующее время царствованія Александра I мы не встрѣчаемъ ни одного распоряженія въ этомъ смыслѣ. Но, однакожъ, ст. 34 Положенія законодательнымъ порядкомъ отмѣнена не была, какъ будто изъ опасенія уронить уваженіе къ закону и дѣйствіямъ правительства. Нечего и говорить о томъ, что фактическая отмѣна дѣйствующаго закона, посредствомъ неисполненія его, гораздо скорѣе можетъ поколебать достоинство законодательной власти, чѣмъ прямое сознаніе въ сдѣланной разъ ошибкѣ. Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая въ положеніи русскихъ евреевъ, какъ извѣстно, произошла огромная перемѣна. Снова введенъ былъ въ наше законодательство духъ нетерпимости и систематическаго преслѣдо-

ванія евреевъ, о которомъ при Александрѣ I начали уже забывать Уста-новлено много новыхъ и существенныхъ ограниченій гражданскихъ правъ евреевъ, а съ другой стороны принято нѣсколько крутыхъ и радикальныхъ мѣръ къ слиянію евреевъ съ остальнымъ населеніемъ—по-крайней-мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ, какъ то: распространеніе на евреевъ рекрутской повинности, уничтоженіе кагаловъ, запрещеніе еврейской одежды, учрежденіе особыхъ казенныхъ училищъ для евреевъ, организація спеціально еврейскихъ сборовъ и духовнаго управленія у евреевъ. Но и это царствованіе, не смотря на то, что его направленіе было противоположно предшествовавшему, въ первую свою половину признавало всю вѣскость соображеній, высказанныхъ въ докладѣ 17 марта 1812 г. и придало имъ оффиціальную санкцію. Въ день обнародованія новаго Положенія о евреяхъ, 13 апрѣля 1835 г., министру внутренних дѣлъ данъ былъ указъ о пріостановленіи выселенія евреевъ изъ селъ и деревень. Въ указѣ этомъ говорится, что донесенія мѣстныхъ начальствъ о затрудненіяхъ и неудобствахъ, открывавшихся при выводѣ евреевъ изъ селъ и деревень, убѣдили правительство въ необходимости пріостановить его. Вслѣдствіе сего поручается министру остановить выселеніе это тамъ, *гдѣ оно еще не начато*; дѣла, возникшія по доносамъ на помѣщиковъ въ передержательствѣ евреевъ прекратить. Не лишаются однако помѣщики права высылать евреевъ изъ своихъ имѣній по собственному усмотрѣнію, но безъ нарушенія контрактовъ законнымъ образомъ заключенныхъ. Это право предостав лено и начальствамъ казенныхъ имѣній всѣхъ вѣдомствъ. *) «Изъ этого видно, говоритъ г. Варадиновъ, что, не смотря на многократныя предписанія правительства о воспрещеніи евреямъ пребыванія внѣ городовъ, они не только продолжали жить въ селахъ и деревняхъ, но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ переселеніе ихъ въ города не было начато съ 1804 г., т. е. со времени изданія положенія о евреяхъ, которымъ дозволено имъ оставаться въ деревняхъ только до 1808 г.; что помѣщики заключали, и мѣстныя власти утверждали договоры, предоставлявшіе евреямъ право пребыванія въ частныхъ помѣстьяхъ; что, наконецъ, присутствіе евреевъ въ казенныхъ имѣніяхъ предполагалось самимъ правительствомъ. Такое очевидное противодѣйствіе распоряженіямъ правительства представляетъ убѣдительныя доказательства о выгодахъ, которыя обыватели селъ и

*) П. С. З. II, 8052.

деревень изъ христіанъ находили въ близкихъ сношеніяхъ съ евреями. Но, съ другой стороны, нельзя выпустить изъ виду и совершенно доказаннаго гибельнаго вліянія послѣдователей Моисеева закона на простой народъ, какъ-то: распространеніе пьянства изъ еврейскихъ шинковъ и корчемъ, раззореніе крестьянскихъ семействъ разными ухищреніями при покупкахъ и продажахъ и пр. Въ источникахъ нашихъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для разрѣшенія такого противорѣчія и предположенія, что пребываніе евреевъ въ селахъ и деревняхъ было выгодно лицамъ высшихъ сословій, которыя и заботились удерживать ихъ тамъ, не смотря на то, что простой народъ страдалъ отъ еврейскаго вліянія. Предположеніе это могло-бы имѣть доказательство въ томъ обстоятельствѣ, что выселеніе евреевъ въ города совершено было тогда только въ губерніяхъ черниговской и полтавской, гдѣ всѣ сословія, какъ помѣщики, такъ казаки и крестьяне, питали къ евреямъ исконную, историческую, *а потому и небезосновательную* (!) ненависть; тогда какъ въ западныхъ губерніяхъ евреи всегда покровительствовались и помѣщиками и мѣстными властями, чему разительнымъ доказательствомъ служитъ владѣніе евреями до 1820 г. крѣпостными помѣщичьими крестьянами, на основаніи законно-совершенныхъ актовъ. Но эти данныя, при отсутствіи другихъ болѣе прямыхъ указаній, недостаточны для безошибочнаго вывода и заключенія, хотя допускаютъ вышесказанное предположеніе.» *).

Къ разсужденіямъ г. Варадинова мы еще возвратимся, а здѣсь замѣтимъ относительно указа 13 апрѣля 1835 г., что, не смотря на полное фіаско закона 1804 г. о выселеніи евреевъ изъ деревень, правительство, судя по этому указу, не отказалось отъ мысли привести это выселеніе въ исполненіе, вопреки всѣмъ естественнымъ и соціальнымъ условіямъ западнаго края. И дѣйствительно, 10 лѣтъ спустя (въ 1845 г.), правительство снова вспомнило про живущихъ по уѣздамъ евреевъ и запретило имъ жить въ корчмахъ по селеніямъ и вообще заниматься тамъ питейной торговлей. **) Тогда неудобства этой полумѣры, предусмотрѣнныя еще въ докладѣ 1812 г., обнаружились на дѣлѣ. Евреи перешли изъ корчемъ въ другія помѣщенія, но оставались все

*) Исторія министерства внутр. дѣлъ, III, 2, стр. 135.
**) П. С. З. II, 19,289.

таки по деревнямъ, занимаясь арендой оброчныхъ статей, и продолжали чрезъ подставныхъ лицъ и разными другими способами, имѣть вліяніе на торговлю горячими напитками. Тогда издано было новое распоряженіе, чтобъ евреи къ содержанію оброчныхъ статей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ допускались не иначе, какъ по формальнымъ контрактамъ; въ этихъ контрактахъ должно быть непремѣнно выставлено условіе, что евреи не должны вступать въ торговыя сдѣлки съ крестьянами и не могутъ имѣть постояннаго пребыванія въ селеніяхъ. Контракты эти должны быть непремѣнно являемы въ Земскомъ Судѣ и у мѣстнаго танового пристава, которые, подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности, должны наблюдать за исполненіемъ этихъ правилъ. Какую пользу принесли крестьянамъ всѣ эти строгія мѣры противъ евреевъ и насколько онѣ уменьшили пьянство въ народѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ, сообщаемыхъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ статистиковъ, знаменитымъ по своей преданности дѣлу освобожденія крестьянъ Журавскимъ. Выселеніе евреевъ изъ деревенъ въ кіевской губерніи, по его словамъ, обратилось въ пользу не крестьянъ, а помѣщиковъ. Продажу питей помѣщики производили тогда чрезъ беднѣйшихъ своихъ крестьянъ. Они выручали при этомъ сверхъ суммы арендной платы (1,164,788 р. въ кіевской губерніи, а за вычетомъ пошлинъ въ казну—877,173 чистаго дохода помѣщиковъ), которую арендаторы выручали съ потребителей вина, еще барышъ арендаторовъ, по всей вѣроятности равный арендной платѣ. Это составляло налогъ съ каждой ревизской крестьянской души по 4 руб. въ годъ. Цѣна на водку съ удаленіемъ евреевъ увеличилась значительно: въ 1845 г. она равнялась 1 р. 71 к. за ведро, въ 1848—50 гг.—2 р. 40 к. Это объясняется тѣмъ, что евреи, имѣя различныя дѣла съ помѣщиками и часто состоя ихъ кредиторами, покупали вино у нихъ дешево и могли продовать его крестьянамъ дешевле; ихъ побуждало къ этому еще опасеніе корчемства въ случаѣ дороговизны вина на мѣстѣ. Съ удаленіемъ евреевъ исчезъ регуляторъ помѣщичьей эксплуатаціи, и помѣщики могли продавать вино своимъ крестьянамъ по произвольно возвышаемымъ ими цѣнамъ. Но, можетъ быть, вздорожаніе вина имѣло вліяніе на уменшеніе его потребленія? Отвѣтъ па этотъ вопросъ представляютъ слѣдующія цифры, почерпнутыя Журавскимъ изъ экономическихъ книгъ одного имѣнія, которое, по его словамъ, можетъ служить нормальнымъ образцомъ всей губерніи. Въ 1848 г. въ этомъ имѣніи продано 4973

ведра водки, въ 1847—5995, 1848—7450, въ 1849—6012 ведеръ. Сумма выручки за вино была: въ 1841 г.—7838 р., въ 1845 г.—8704 р., въ 1847 г.—10408 р., въ 1840 г.—14402 р. Такимъ образомъ сумма выручки помѣщиковъ за вино, а слѣдовательно и расходъ крестьянъ по этому предмету въ 10 лѣтъ (1841 — 50 г.) почти удвоился *). Вотъ каковъ былъ результатъ достигнутый полувѣковой дѣятельностью нашей администраціи относительно уменьшенія пьянства у крестьянъ удаленіемъ евреевъ изъ деревень! Понятно, что несостоятельность этой мѣры, не говоря уже о ея несправедливости, должна была, наконецъ, проникнуть въ убѣжденіе законодательной власти, и дѣйствительно уже въ 1853 г. евреямъ дозволено постоянное пребываніе въ деревняхъ, хотя не въ питейныхъ домахъ, а въ настоящее время и запрещеніе евреямъ заниматься питейной торговлей въ селеніяхъ давно уже не существуетъ.

IV.

Изложивъ исторію важнѣйшаго изъ постановленій закона 1804 г.—ст. 34 Положенія о выселеніи евреевъ изъ деревень — обратимся къ другимъ частямъ Положенія и укажемъ на замѣчанія еврейскихъ депутатовъ, чрезвычайно интересныя, какъ выраженіе образа мыслей русскихъ евреевъ того времени, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—какъ образецъ здраваго смысла и практичности.

Положеніе 1804 г., между прочимъ, представляетъ еврейскимъ дѣтямъ право обученія въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ они, наравнѣ съ другими должны учиться языкамъ, русскому, польскому и нѣмецкому, и вообще получать равное съ другими общее образованіе. Депутаты замѣчаютъ, что для еврейскихъ дѣтей, до вступленія въ общія учебныя заведенія, необходимо учиться въ спеціально-еврейскихъ училищахъ еврейскимъ предметамъ и подготовиться къ русскому языку, который для нихъ совершенно чуждъ. Это замѣчаніе вполнѣ вѣрно и доказываетъ, что наши предки александровскаго времени вовсе не были противъ распространенія общаго образованія между евреями, а напротивъ очень хорошо понимали при какихъ условіяхъ это можетъ быть осуществимо. Они знали, что никакой религіозный еврей (а какой еврей не былъ тогда религіозенъ?) не отдастъ своего сына въ гимназію, гдѣ

*) Статистическое описаніе кіевской губерніи, изд. Фундукеемъ, 1852 г. т. 2 стр.169—9.

еврейскому закону не обучаютъ, не подготовивъ его предварительно въ этомъ отношеніи въ спеціально еврейскомъ училищѣ. Во-вторыхъ, еврейскому мальчику, совершенно незнакомому ни съ однимъ европейскимъ языкомъ, прямо поступить въ гимназію, гдѣ преподаваніе идетъ на русскомъ языкѣ и, слѣдовательно, предполагаетъ нѣкоторое знакомство съ этимъ послѣднимъ, было опять таки невозможно. На сколько эти замѣчанія депутатовъ были практичны и разумны, видно изъ того, что гораздо позже, въ сороковыхъ годахъ, правительство пришло къ убѣжденію въ необходимости открыть для евреевъ, сверхъ общихъ учебныхъ заведеній, еще и спеціальныя, гдѣ еврейскія дѣти могли бы ознакомиться съ еврейскими предметами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣсти элементарныя знанія по русскому языку, что облегчитъ имъ возможность вступленія въ общеобразовательныя заведенія. Эти «казенныя еврейскія училища», существующія и понынѣ, служатъ именно для удовлетворенія той потребности, которая сознавалась нашими предками еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, потребности въ школѣ, составляющей посредствующее звено между хедеромъ и гимназіей. Но комитетъ 1809 г., разбирая отзывы депутатовъ, не вникъ въ сущность дѣла, мало ему знакомую, конечно. Онъ опровергаетъ эти замѣчанія депутатовъ слѣдующимъ. Положеніе 1804 г. вполнѣ соотвѣтствуетъ своей цѣли—сблизить евреевъ съ остальнымъ населеніемъ; здѣсь нѣтъ ничего стѣснительнаго для евреевъ, ибо имъ представляется только возможность получать общее образованіе, а это ни въ чемъ не нарушаетъ требованій ихъ вѣры. Посему нѣтъ надобности измѣнить Положеніе по этому предмету. Такое поверхностное замѣчаніе указываетъ на то, что комитетъ по вопросу объ образованіи евреевъ не ушелъ дальше общихъ мѣстъ о необходимости слiянія и пр., но нисколько не былъ знакомъ съ практической стороной дѣла.

Ст. 8-я Положенія предписываетъ евреямъ по истеченіи 3-хъ лѣтъ вести свои торговыя книги и писать обязательства исключительно на русскомъ, польскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. Депутаты находятъ это правило стѣснительнымъ для своей торговли, особенно заграничной, и просятъ—одни объ отмѣнѣ этого закона, другіе объ отсрочкѣ его, а гродненскіе депутаты—о дозволеніи писать на еврейскомъ языкѣ векселя на сумму не болѣе 100 руб. Относительно этого пункта замѣтимъ, что при чрезвычайно слабомъ распространеніи знанія упомянутыхъ языковъ въ массѣ еврейскаго населенія того времени, ст. 8-я Положенія не могла не быть очень стѣснительной для большинства евреевъ и едвали могла быть практически осуществлена на дѣлѣ. Какъ извѣстно, нашъ законъ и теперь признаетъ силу домашнихъ актовъ, писанныхъ на какомъ бы то ни было языкѣ, не исключая и еврейскаго. Комитетъ, однакожъ, и тутъ не согласился съ депутатами. Статья эта, по мнѣнію комитета, должна быть удержана по желательности той цѣли, къ которой она стремится. Она не можетъ стѣснять торговлю евреевъ, ибо иностранцы тоже знаютъ языки польскій и нѣмецкій. Просьба гродненцевъ не можетъ быть уважена, потому что еврейскія сдѣлки рѣдко превышаютъ сумму въ 100 р.; притомъ же можно раздробить каждую сдѣлку и тѣмъ обходить законъ.

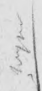
Ст. 9-я Положенія опредѣляетъ, что незнающіе одного изъ трехъ упомянутыхъ языковъ не могутъ быть ни раввинами, ни членами магистратовъ. Депутаты говорятъ, что въ эти должности избираются люди достойнѣйшіе и заслужившіе общее уваженіе. Между ними есть много такихъ, которые не имѣютъ времени изучать языки. Раввины могутъ имѣть грамотныхъ писарей, а члены магистратовъ изъ евреевъ могутъ, подобно неграмотнымъ членамъ-христіанамъ, слушать дѣла и, вмѣсто подписи, прикладывать руку. Поэтому они просятъ: нѣкоторые объ отсрочкѣ закона на 10 лѣтъ, другіе—объ отсрочкѣ, пока еврейскія дѣти выучатся языкамъ. Съ перваго взгляда это заявленіе депутатовъ кажется плодомъ фанатизма и невѣжества; но въ сущности оно все-таки правильно. Положеніе 1804 г. собственно не приняло никакихъ активныхъ мѣръ къ распространенію образованія между евреями, предоставляя только евреямъ *возможность* усвоить европейское образованіе, а въ ст. 8 и 9 оно заявляетъ требованія на скорое осуществленіе такихъ мѣръ, которыя возможны и справедливы только по значительномъ распространеніи образованія въ еврейской массѣ. Относительно духовныхъ раввиновъ, избираемыхъ обыкновенно изъ стариковъ, посвятившихъ всю жизнь изученію талмуда и никогда не выходившихъ изъ узкой сферы еврейской жизни, — требованіе знанія русскаго языка было очевидно несправедливо и неосуществимо. Это было понято въ позднѣйшее время, когда правительство убѣдилось, что просвѣщенныхъ раввиновъ можно имѣть только изъ спеціально для того предназначенныхъ учебныхъ заведеній — раввинскихъ училищъ, а не

изъ среды воспитанниковъ ешиботовъ, приготовляющихъ раввиновъ въ старомъ духѣ. Даже относительно членовъ магистратовъ замѣчаніе депутатовъ не лишено основаній. Съ одной стороны, требованіе 9 ст. Положенія нарушаетъ справедливость: если христіанинъ неграмотный можетъ быть членомъ магистрата, то почему не можетъ быть имъ неграмотный еврей? Съ другой стороны оно и не политично, ибо ведетъ къ преобладанію обязательно-грамотныхъ членовъ изъ евреевъ надъ другими, которые могутъ быть и неграмотными; а стремиться къ этому преобладанію законъ не могъ имѣть въ виду.

Но комитетъ оставилъ безъ уваженія это заявленіе депутатовъ, на томъ основаніи, что прошло уже 7 лѣтъ со времени изданія Положенія, и евреи могли уже научиться русскому, польскому или нѣмецкому языку.

Въ силу 28 статьи Положенія, евреи-фабриканты и ремесленники могутъ пріѣзжать на время во внутреннія губерніи, но должны брать для этого паспорты у губернаторовъ. Депутаты просятъ отмѣнить эту послѣднюю формальность, такъ-какъ они, кромѣ того, должны брать, на общемъ основаніи, паспорты изъ магистратовъ, а ѣхать въ губернскій городъ для нихъ стѣснительно и убыточно. Но это справедливое требованіе депутатовъ тоже отвергнуто комитетомъ. Онъ указываетъ на то, что прежде евреямъ совсѣмъ запрещенъ былъ въѣздъ въ Россію, а Положеніе расширило ихъ право въ этомъ отношеніи. Но разрѣшеніе губернатора необходимо, потому что, при злоупотребленіяхъ магистратовъ, «евреи-бродяги могли бы наводнить всю Имперію».

Относительно одежды евреевъ, ст. 9 и 28 Положенія опредѣляютъ, что члены магистратовъ изъ евреевъ, а также всѣ вообще евреи, во время пребыванія ихъ внѣ черты осѣдлости ихъ должны носить нѣмецкое платье. Депутаты говорятъ, что евреи по закону своему не брѣютъ бороды, а потому въ нѣмецкомъ платьѣ они будутъ предметомъ общаго смѣха. Поэтому они просятъ дозволенія носить не нѣмецкое, а *русское* платье, т.-е. то, которое въ употребленіи у русскихъ купцовъ и мѣщанъ. Это замѣчаніе было, конечно, очень разумно: трудно понять, почему въ видахъ обрусенія евреевъ отъ нихъ требовали больше европейничанья, чѣмъ отъ коренного русскаго люда? Комитетъ согласился, что нѣтъ основанія предпочитать нѣмецкую одежду русской и что нужно придерживаться правила совершенствовать евреевъ путями тихими, основанными на ихъ личной пользѣ; посему нужно предоставить имъ право носить русское платье, вмѣсто нѣмецкаго.

Затѣмъ слѣдуютъ два замѣчанія депутатовъ, относящіяся къ положенію евреевъ относительно помѣщиковъ. Ст. 54-я Положенія говоритъ, что во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ кагалы представляютъ отчетъ объ употребленіи общественныхъ суммъ помѣщикамъ. Депутаты говорятъ, что евреи, какъ купцы и мѣщане, т. е. лица свободныхъ состояній, даютъ отчеты по общественнымъ суммамъ губернаторамъ и казеннымъ палатамъ, а помѣщикамъ они ни чѣмъ не обязаны, и потому просятъ освободить ихъ отъ обязанности, установленной въ ст. 54. Комитетъ съ этимъ согласился, принявъ въ соображеніе, что евреи свободные люди и что эти отчеты могутъ вести къ спорамъ и злоупотребленіямъ со стороны помѣщиковъ. Ст. 46-я Положенія требуетъ, чтобы каждый еврей, при переходѣ на другое мѣсто жительства, бралъ у помѣщика, у котораго онъ жилъ, свидѣтельство въ томъ что онъ ему ничего не долженъ. По словамъ депутатовъ, это даетъ помѣщикамъ возможность стѣснять свободу ихъ передвиженія, чтобъ не лишиться выгодъ отъ пребыванія евреевъ въ ихъ владѣніяхъ. Поэтому они просятъ дозволенія брать такія свидѣтельства на общемъ основаніи изъ Земскихъ Судовъ. Комитетъ согласился и съ этимъ, находя, что евреи, какъ люди свободные, должны быть уравнены со всѣми горожанами относительно свободы передвиженія.

Далѣе депутаты просили объ отмѣнѣ двойныхъ податей, установленныхъ для евреевъ при Екатеринѣ. Комитетъ находитъ эту просьбу вполнѣ справедливой. Опытъ другихъ странъ доказываетъ, что уравненіе евреевъ съ остальнымъ населеніемъ возбуждаетъ ихъ благодарность, и они обращаютъ свою дѣятельность и проницательность на всѣ роды государственной пользы, а не исключительно торговли. Въ Россіи всѣ граждане, даже идолопоклонники, равны предъ закономъ, и евреи, если ихъ уравнить съ остальнымъ населеніемъ, безъ сомнѣнія, тоже привяжутся къ своему отечеству. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ министерствомъ финансовъ, видно однакожъ, что отмѣна двойной подати, о которой просятъ депутаты, уже совершилась.

Послѣднее замѣчаніе депутатовъ, подвергнутое разсмотрѣнію комитета, относится къ управленію духовными дѣлами евреевъ. Положеніе 1804 г (ст. 51) опредѣляетъ, что власть раввиновъ ограничивается исключительно увѣщаніями и выговорами; гражданскихъ тяжебъ они не имѣютъ права разбирать. Депутаты говорятъ, что такое ослабленіе авторитета раввиновъ можетъ повести къ разврату

и противно еврейскому закону. Необходимо, по ихъ мнѣнію, дать раввинамъ право суда по проступкамъ противъ духовныхъ законовъ. Комитетъ, разсмотрѣвъ это заявленіе, нашелъ слѣдующее. Въ докладѣ, на которомъ основано Положеніе 1804 г., сказано, что правительство оставитъ неприкосновенной религію евреевъ, пощадитъ и самые предразсудки ихъ; но дастъ имъ только возможность заниматься полезными промыслами и уравнитъ ихъ съ другими сословіями. Посему не слѣдовало бы вовсе касаться духовныхъ дѣлъ евреевъ, такъ-какъ это можетъ поколебать у нихъ нравственность, составляющую основу повиновенія государю и правительству. Духовныя преступленія у евреевъ совершенно не тѣ, что у другихъ народовъ, и за каждое нарушеніе есть къ религіозномъ законѣ наказаніе. Власть исполнять эти наказанія должна быть предоставлена раввинамъ, тѣмъ болѣе, что у евреевъ нѣтъ ни консисторій, ни синодовъ. Вслѣдствіе этого, необходимо измѣнить редакцію ст. 51 въ томъ смыслѣ, что раввины не имѣютъ права разбирать гражданскія дѣла, а только духовныя, и при этомъ не могутъ налагать херимовъ (отлученій). Другія указанія депутатовъ, напр. на счетъ крестьянскихъ долговъ,—говоритъ комитетъ—разрѣшаются предположенной отмѣной ст. 34 Положенія, т. е —дозволеніемъ евреямъ жить, по прежнему, въ деревняхъ и селахъ. Въ заключеніи доклада, комитетъ находитъ нужнымъ указать еще на слѣдующее обстоятельство: ст. 13-я Положенія исчисляетъ всѣ губерніи, въ которыхъ евреи имѣютъ право жительства, но туда не вошли вновь образованныя бѣлостокская и тарнопольская области, а также губернія курляндская. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ министерства финансовъ, въ этихъ частяхъ Имперіи евреи живутъ издавна. Поэтому, необходимо включить означенныя области и губернію въ ст. 13 Положенія. Этимъ оканчивается докладъ 17 марта 1812 г., составляющій сводъ трудовъ комитета по еврейскому вопросу, учрежденнаго 5 января 1809 г. Дальнѣйшая судьба этого доклада и вообще означеннаго комитета намъ совершенно неизвѣстна: въ источникахъ нашихъ мы не нашли никакихъ свѣдѣній, прямо относящихся къ этому предмету. Судя, однакожъ, по тому, что выселеніе евреевъ изъ деревень было рѣшительно прекращено во все царствованіе Александра I и надолго послѣ этого, надо полагать, что труды комитета по этому вопросу не пропали даромъ. Что-же касается другихъ замѣчаній комитета, относительно измѣненій въ нѣкоторыхъ частяхъ Положенія, то правительство, занятое съ 1812

года преимущественно дѣлами военными и дипломатическими, какъ видно не считало необходимымъ начать снова законодательныя работы относительно евреевъ. Положеніе 1804 г., не смотря на очевидную его несостоятельность во многихъ частяхъ, осталось неприкосновеннымъ de jure, вплоть до 1835 г. Даже ст. 34—о выселеніи всѣхъ евреевъ, живущихъ по уѣздамъ, въ города—не была, какъ мы видѣли, формально отмѣнена, хотя оставалась все время мертвой буквой. Но этого мало. Евреи не только продолжали жить въ деревняхъ и производить въ нихъ торговлю питьями, но они еще долгое время арендовали тамъ самыя помѣщичьи имѣнія съ крестьянскимъ оброкомъ и барщиной, что никогда не дозволялось имъ ни польскими, ни русскими законами, но всегда практиковалось—по удобству и выгодности такихъ операцій для помѣщиковъ. Объ этомъ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: въ 1813 г. сенатъ подтвердилъ силу прежнихъ законовъ, воспрещающихъ евреямъ владѣть населенными имѣніями по какимъ бы то ни было актамъ. Но въ 1816 году до свѣдѣнія сената дошло, что евреи въ западныхъ губерніяхъ продолжаютъ владѣть крестьянами, и притомъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ: въ одной гродненской губерніи 46 евреевъ владѣли 19,438 крестьянами. Владѣніе это основывалось на домашнихъ актахъ, писанныхъ на простой бумагѣ. Тогда сенатъ предписалъ, чтобы состоявшіе во владѣніи евреевъ крестьяне возвращены были помѣщикамъ и чтобъ послѣдніе произвели расчетъ съ евреями по такимъ владѣніямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ воспретилъ на будущее время подобныя сдѣлки, подъ строгимъ наблюденіемъ губернскаго начальства. Но, какъ евреи затратили на аренды значительные капиталы, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, кн. Голицынъ, сталъ настаивать, чтобы контракты эти были обезпечены имѣніями, возвращаемыми помѣщикамъ, и долги евреямъ уплачивались изъ доходовъ имѣній. Онъ мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, что, съ одной стороны, не одни евреи виновны въ такихъ злоупотребленіяхъ, но и помѣщики, поручавшіе имъ свои имѣнія, и присутственныя мѣста, совершавшія иногда акты такого рода; а съ другой стороны—отобраніе у евреевъ имѣній безъ обезпеченій могло разорить не только этихъ евреевъ, но и весь еврейскій народъ, «находящійся уже безъ того въ крайней бѣдности, ибо по законамъ еврейской вѣры и обычаямъ сего народа достаточнѣйшіе должны пещись о пропитаніи бѣдныхъ и оказывать имъ всякую помощь». Настоянія князя Голицына были признаны справедливыми, мнѣніе его принято Государственнымъ Совѣтомъ и Высочайше утверж-

дено. *) «Въ настоящее время, говоритъ по этому поводу г. Варадиновъ, едва вѣрится, чтобъ въ 1813 г. и даже до 1820 г. евреи владѣли у насъ крестьянами, чтобы помѣщики рѣшались на сдѣлки съ ними о населенныхъ своихъ имѣніяхъ, и чтобы присутственныя мѣста допускали столь возмутительныя злоупотребленія; но такъ бываетъ силенъ обычай, укоренившійся въ народѣ. Не ново и не возмутительно казалось въ Польшѣ порабощеніе людей христіанскаго закона евреямъ, такъ-какъ во время польскаго владычества евреямъ дозволялась аренда населенныхъ имѣній со всѣми вотчинными правами». **) (Это совершенно невѣрно: польскій законъ такъ-же запрещалъ евреямъ владѣть населенными имѣніями, какъ впослѣдствіи законъ русскій; но оба они не соблюдались на практикѣ, по совершенному несоотвѣтствію ихъ съ экономическими условіями края). Когда въ 1816 г. снова и рѣшительно запрещено евреямъ арендовать помѣщичьи имѣнія, то депутаты еврейскихъ обществъ приносили всеподданнѣйшую жалобу объ отмѣнѣ этого запрещенія; жалоба эта оставлена безъ послѣдствій. ***) Обоюдный интересъ помѣщиковъ и евреевъ (интересъ крестьянъ, какъ людей несвободныхъ, принадлежавшихъ къ разряду имуществъ, не могъ имѣть тогда никакого значенія) находилъ, однакожъ, и послѣ того способы обойти указанныя запрещенія и пустить въ ходъ промышленныя способности евреевъ для эксплуатаціи крестьянъ въ пользу помѣщиковъ и ихъ агентовъ. Прежде еврей арендовалъ имѣніе помѣщика; это было воспрещено. Найденъ былъ способъ облечь это самое дѣло въ форму другой юридической сдѣлки—откупа. Въ 1839 г. дошло до сената дѣло объ одномъ евреѣ, который откупилъ у помѣщика весь хлѣбъ, собранный въ его имѣніи, а также оброкъ, слѣдовавшій къ полученію съ крестьянъ. Сенатъ призналъ такіе откупы незаконными, предписалъ губернскимъ правленіямъ всѣхъ тѣхъ губерній, гдѣ живутъ евреи, не допускать евреевъ ни подъ какимъ предлогомъ къ откупу оброковъ, съ тѣмъ, чтобы земскіе суды имѣли строгое наблюденіе за исполненіемъ этого постановленія. ****).

Эта необходимость постоянно повторять о существующемъ, положительномъ законѣ; эти постоянныя угрозы строгой отвѣтственностью и

*) П. С. З. I, 28,501.
**) Исторія минист. внутр. дѣлъ, т. 2, стр. 39 и слѣд.
***) П. С. З. I, 28,501.
****) Варадиновъ, т. III, ч. 2, стр. 471.

напоминанія мѣстнымъ властямъ объ исполненіи несомнѣнныхъ ихъ обязанностей—все это достаточно показываетъ, въ какой мѣрѣ трудно было провести этотъ законъ въ дѣйствительную жизнь. Все сказанное комитетомъ 1802 г., въ докладѣ 20 сентября 1803 г., о безсиліи правительственныхъ мѣръ, идущихъ въ разрѣзъ съ требованіями дѣйствительности, превратилось въ предсказаніе относительно участи трудовъ этого самаго комитета и вполнѣ сбылось на выработанномъ имъ законѣ объ удаленіи евреевъ изъ деревень.

Взаключеніе нашего разсказа считаемъ не лишнимъ остановиться еще на слѣдующемъ обстоятельствѣ. Какъ мы видѣли, комитетъ 1809 г., въ своемъ докладѣ, между многими причинами, по которымъ слѣдуетъ пріостановить выселеніе евреевъ изъ деревень, указываетъ и на то, что при тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ неблагоразумно было бы ожесточить совсѣмъ еврейскій народъ, доведенный и безъ того до крайности. Это заставляетъ насъ сказать два слова о роли евреевъ въ народную войну 1812 года. При угрожавшемъ евреямъ выселеніи изъ деревень русской администраціей, при близкихъ отношеніяхъ ихъ къ польской шляхтѣ, перешедшей, какъ извѣстно, всецѣло на сторону французовъ, можно было опасаться, что евреи, по примѣру своихъ патроновъ, отдадутъ свои симпатіи французамъ, которые повсемѣстно примѣняли къ евреямъ принципы равноправности и эманципаціи. Еслибъ это произошло на самомъ дѣлѣ, то безпристрастный историкъ, принявъ во вниманіе совокупность условій того времени, едва-ли могъ бы отнестись съ укоризной къ такому образу дѣйствій русскихъ евреевъ. Но вышло совершенно противоположное. Есть положительныя доказательства того, что евреи обнаружили полнѣйшую преданность русскому правительству въ кампанію 1812 г., и не на словахъ, а на дѣлѣ. Такъ извѣстный партизанъ-поэтъ Д. В. Давыдовъ сообщаетъ, что «духъ польскихъ жителей Гродны былъ для насъ весьма неблагопріятенъ; напротивъ, всѣ вообще евреи, обитавшіе въ Польшѣ, были столь преданы намъ, что не хотѣли служить непріятелю въ качествѣ лазутчиковъ, а весьма часто сообщали намъ важнѣйшія свѣдѣнія о немъ». Онъ разсказываетъ далѣе, что всю полицейскую власть въ Гроднѣ онъ передалъ кагалу, такъ-какъ на мѣстныхъ администраторовъ-поляковъ никакъ нельзя было положиться. *) Такого же рода факты сообщаетъ одинъ свит-

*) Сочиненія Д. В. Давыдова, т. I, стр. 128.

скій офицеръ о походѣ 1813 г. «Пришли мы, говоритъ онъ, въ Росси (на прусской границѣ). Жиды приняли насъ съ большой радостью... Пришли въ Краснополь, гдѣ намъ дали порядочныя квартиры. Жиды вышли съ ковчегомъ на встрѣчу императору и были намъ очень рады. Пріѣхали въ Коло. Жиды устроили великолѣпный балдахинъ для императора и многіе поѣхали къ нему на встрѣчу въ богатыхъ одеждахъ». **) Какъ ни мелочны такіе факты, они, однако, ясно указываютъ на неподдѣльную преданность еврейскаго населенія доброму и человѣколюбивому Александру I, одинаково благоволившему ко всѣмъ своимъ подданнымъ. Опасенія, возбужденныя парижскимъ синедріономъ въ нашемъ правительствѣ, были, такимъ образомъ, опровергнуты евреями на дѣлѣ.

V.

Факты, сообщенные въ предыдущемъ изложеніи, какъ можно легко замѣтить, наводятъ на множество размышленій относительно законодательной и административной судьбы, такъ называемаго, еврейскаго вопроса у насъ. Чтобы не превратить историческаго очерка въ юридико-экономическій трактатъ, укажемъ здѣсь вкратцѣ только на важнѣйшія въ соціальномъ отношеніи стороны описанныхъ выше событій и на выводы, которые безошибочно можно изъ нихъ сдѣлать.

Всего болѣе заслуживаетъ вниманія одна характеристическая черта разсмотрѣнныхъ правительственныхъ мѣръ относительно евреевъ — ихъ безплодность и безуспѣшность, составляющая очевидное послѣдствіе ихъ непрактичности и незнакомства администраціи съ условіями дѣйствительной жизни. Мы видѣли, что съ 1802 по 1845 г. правительство было занято мыслью о необходимости удаленія евреевъ отъ питейной торговли; но мѣра эта почти вовсе не исполнялась все это время. Единственнымъ результатомъ ея было развѣ то, что еврейское населеніе, имѣя постоянно надъ головой дамокловъ мечъ изгнанія, отдано было на произволъ низшей администраціи, которая угрозой «идущаго вдали закона» могла эксплуатировать евреевъ ad libitum; такова,

**) Дневникъ свитскаго офицера за 1813 г. (Русскій Архивъ 1869 г., стр. 222 и 226).

впрочемъ, участь всѣхъ подобнаго рода мѣръ, напр. законовъ о раскольникахъ, достигающихъ только одной цѣли — служить постоянной статьей дохода для низшихъ полицейскихъ чиновниковъ. То-же случилось, какъ мы видѣли, съ закономъ объ удаленіи евреевъ отъ аренды помѣщичьихъ имѣній. Такимъ-же незначительнымъ успѣхомъ увѣнчались труды правительства по распространенію земледѣльческаго труда между евреями. Объ этомъ предметѣ мы не нашли возможнымъ говорить въ настоящемъ очеркѣ, чтобъ не растянуть его чрезмѣрно; но замѣтимъ только, что неудача и здѣсь произошла не отъ противодѣйствія евреевъ, но отъ нерѣшительности, непрактичности и другихъ недостатковъ въ дѣятельности администраціи. Положеніе 1804 г. обѣщало положительную поддержку тѣмъ евреямъ, которые изъявятъ желаніе заняться земледѣліемъ (напр. отвести для этой цѣли въ каждой изъ губерній, гдѣ живутъ евреи, до 30,000 десятинъ казенной земли). Но что-жъ оказалось на дѣлѣ? Въ первый же годъ по изданіи Положенія, въ одной гродненской губерніи заявили желаніе заняться земледѣліемъ нѣсколько сотъ еврейскихъ семействъ, а во всей губерніи оказалось будто бы только 200 десятинъ казенной земли. Въ минской губерніи проявилось тоже сильное стремленіе между евреями къ земледѣлію; но правительство опять оказалось не въ силахъ удовлетворить этимъ стремленіямъ, нуждавшимся въ посторонней помощи, вслѣдствіе бѣдности самихъ евреевъ. Вотъ факты оффиціально удостовѣренные. Вообще нерѣшительность и безсиліе администраціи—провести сколько-нибудь радикальныя мѣры, характеризуютъ все Положеніе 1804 г. и послѣдующія мѣропріятія александровскаго времени. Положеніе, какъ будто берется покровительствовать фабричному и ремесленному труду у евреевъ; но оно даетъ правительству въ этомъ отношеніи роль пассивную, выжидательную, задачу «тихаго ободренія», едва-ли на что-нибудь пригодную у насъ. И мы видѣли изъ доклада 1812 г., что правительство рѣшительно считало себя не въ силахъ серьезно развивать эти виды труда у евреевъ. Положеніе поощряетъ распространеніе образованія между евреями, но опять таки не принимаетъ само никакихъ мѣръ для достиженія этой цѣли, ограничиваясь все тѣмъ же, «тихимъ ободреніемъ», т. е. административнымъ far niente. Мало того, когда повѣренные еврейскихъ обществъ указали правительству на мѣры, необходимыя для того, чтобы благопожеланія правительства относительно образованія евреевъ не оставались одними pia desideria, комитетъ 1809 г., какъ бы испугавшись громадности предложенной ему задачи, отверг-

нулъ заявленіе депутатовъ, на основаніи ходячихъ фразъ о благихъ намѣреніяхъ Положенія 1804 г. Въ непрактичности многихъ другихъ мѣръ Положенія мы имѣли случай убѣдиться при разсмотрѣніи замѣчаній депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ и возраженій комитета 1809 года. Въ этомъ отношеніи александровская эпоха составляетъ рѣзную противуположность съ послѣдующей. Первая отличалась искреннимъ доброжелательствомъ къ евреямъ, но отступала предъ рѣшительными мѣрами, возлагая всѣ надежды на духъ времени и успѣхи самыхъ евреевъ; вторая, явно непріязненная евреямъ, не стѣснялась никакими крутыми, подчасъ даже жестокими мѣрами для преобразованія евреевъ. При Александрѣ законъ объ изгнаніи евреевъ изъ деревень не былъ приведенъ въ исполненіе; школъ для евреевъ учреждено не было; дѣло колонизаціи евреевъ шло очень вяло; кагалъ оставался на прежнемъ основаніи, не смотря на заявленное правительствомъ желаніе сблизить евреевъ съ остальнымъ населеніемъ; духовныя дѣла евреевъ предоставлены совершенно ихъ свободному внутреннему развитію; еврейская одежда осталась нетронутой, за весьма незначительными исключеніями; однимъ словомъ—вездѣ замѣтно преобладаніе принципа невмѣшательства въ бытъ евреевъ и отвращеніе правительства отъ радикальныхъ, а тѣмъ болѣе насильственныхъ мѣръ «совершенствованія» евреевъ. При императорѣ Николаѣ мы видимъ совершенно противоположное. Весь бытъ евреевъ со всѣхъ сторонъ подвергнутъ самой мелочной административной регламентаціи. Правительство взяло на себя иниціативу самыхъ крутыхъ перемѣнъ въ религіозномъ и соціальномъ быту еврейскаго населенія. Изгнаніе евреевъ изъ деревень, хоть на короткое время и съ грѣхомъ пополамъ, но было приведено въ исполненіе; правительство само учредило спеціальныя училища для образованія евреевъ и для приготовленія просвѣщенныхъ раввиновъ; сами раввины превращены въ казенныхъ чиновниковъ, и вообще все управленіе духовными дѣлами евреевъ подвергнуто строгому правительственному контролю. Дѣло распространенія земледѣлія между евреями тоже подверглось строгой правительственной опекѣ и продолжалось съ большимъ рвеніемъ. Кагалъ былъ отмѣненъ и евреи введены въ общее губернское устройство. Приняты строгія мѣры къ тому, чтобы насильно навязать всѣмъ евреямъ европейскую одежду, военная повинность распространена на евреевъ нетолько наравнѣ съ другими сословіями, но даже

въ усиленныхъ размѣрахъ. Установлены и подчинены надзору правительства спеціально-еврейскіе налоги и сборы. Словомъ, вездѣ видно стремленіе правительства, прямо противоположное александровской политикѣ—взять на себя и собственными средствами осуществить, во что бы то ни стало, задуманныя преобразованія въ быту евреевъ, не разбирая средствъ и не останавливаясь ни предъ какими препятствіями. *) Какая изъ этихъ двухъ системъ болѣе справедлива и цѣлесообразна, здѣсь не мѣсто разбирать. Ясно только одно, — что ни безсодержательный, выжидательный и бездѣятельный либерализмъ александровской эпохи, ни штатскій милитаризмъ послѣдующаго времени, не мо-

---

*) Для характеристики того, какъ сами евреи смотрѣли на отношеніе къ нимъ этихъ двухъ правительственныхъ системъ, приведемъ слѣдующіе слова извѣстнаго доктора Лиліенталя: «При Александрѣ I евреямъ дозволено было жить въ Петербургѣ, хотя и вопреки закону. Въ войну 1812-го года евреи оказали такія важныя услуги русскому купечеству, что Александръ въ указѣ, изданномъ послѣ войны, открыто выразилъ имъ признательность, назвалъ ихъ «бдительнымъ окомъ правительства» и позволилъ открыть земледѣльческую колонію близь столицы, но евреи этимъ не воспользовались. Ихъ не тревожили до смерти Александра, и петербургскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ былъ также къ нимъ очень милостивъ. Онъ всегда подписывалъ разрѣшеніе евреямъ жить въ Петербургѣ. Когда чиновники говорили ему о незаконности этого, онъ отвѣчалъ: «Эти люди суть самые преданные слуги государя, безъ нихъ мы не побѣдили-бы Наполеона, и я не былъ-бы украшенъ этими орденами за войну 1812-гогода». И онъ былъ правъ. Наполеонъ зналъ преданность евреевъ правительству; когда онъ бѣжалъ изъ Россіи и прибылъ въ одно еврейское мѣстечко, то созвалъ всѣхъ евреевъ въ синагогу и заставилъ ихъ присягнуть, что не выдадутъ его преслѣдовавшимъ русскимъ войскамъ. Они присягнули, но Наполеонъ тѣмъ не менѣе избралъ другой путь, чѣмъ тотъ, который онъ указалъ евреямъ, а евреи дѣйствительно передали козакамъ, что Наполеонъ направился туда-то. Александръ и Милорадовичъ умѣли цѣнить эту вѣрность. Когда начальникъ петербургской полиціи жаловался Милорадовичу на устройство евреями кущей въ столицѣ, послѣдній сдѣлалъ распоряженіе о сносѣ кущей въ теченіи 8-и дней. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая, все это измѣнилось. Правительство захотѣло обратить въ православіе возможно большее число евреевъ и потому изгнало ихъ изъ столицъ, Кіева, Севастополя и др. городовъ. Многіе евреи жили въ этихъ городахъ съ семействами, и большая часть изъ нихъ вынуждена была принять православіе. Я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ, и замѣтилъ, что они имѣли большія угрызенія совѣсти и въ душѣ оставались евреями. Чтобъ побудить другихъ ев-

гутъ вести къ прочнымъ и серьезнымъ улучшеніямъ въ общественной жизни; это вполнѣ подтверждается неудовлетворительностью результатовъ, достигнутыхъ у насъ относительно евреевъ до сихъ поръ.

Другую въ высшей степени интересную черту разсказанныхъ нами событій представляетъ глубокое вліяніе крѣпостного права на всѣ стороны общественнаго быта Россіи, даже на положеніе евреевъ, повидимому не имѣющее съ нимъ ничего общаго. Крѣпостное право сдѣлало возможнымъ ту эксплуатацію евреями крестьянъ, которую, какъ фактъ, отрицать невозможно. Необходимость закрыть глаза на гибельное вліяніе крѣпостного права на благосостояніе крестьянъ породила цѣлую доктрину о евреяхъ, какъ единственномъ источникѣ бѣдствій сельскаго населенія, доктрину, перешедшую въ законъ объ удаленіи евреевъ изъ деревень. Этому закону дало жизнь, кромѣ того, и желаніе помѣщиковъ присвоить себѣ выпадавшую на долю евреевъ часть выгодъ отъ питейной торговли (вспомнимъ данныя Журавскаго). Но съ другой стороны, когда пришлось исполнить этотъ законъ на дѣлѣ, оказалось, что помѣщики, хотя имѣли горячее желаніе, но не были въ состояніи обходиться безъ евреевъ, по неумѣнью вести самимъ свое хозяйство. И вотъ тѣ самые помѣщики, которые создали новый законъ, парализуютъ его дѣйствіе и силу, когда онъ оказался

реевъ слѣдовать ихъ примѣру, даны были важные чины и должности нѣкоторымъ изъ крещенныхъ евреевъ. Одинъ изъ нихъ, П. былъ любимымъ секретаремъ Государя, другой, Ф., былъ правой рукой Канкрина. Нѣкоторые изъ обращенныхъ, напротивъ, дѣлались самыми ожесточенными врагами евреевъ». (Письма Лиліенталя о пребываніи его въ Россіи, письмо IV. Allgem. Zeit. d. Iud. за 1855 г., стр. 60). Не ручаясь за вѣрность всѣхъ сообщаемыхъ Лиліенталемъ фактовъ, замѣтимъ однакожъ, что въ общемъ эта характеристика дышетъ несомнѣнной исторической правдой. Относительно гуманнаго образа мыслей Александра Благословеннаго у евреевъ ходитъ множество разсказовъ. Еврейскій писатель Розенсонъ напр., сообщаетъ слѣдующій анекдотъ. Александръ велѣлъ одному изъ министровъ сдѣлать приблизительный расчетъ, во сколько обойдется устройство училищъ для еврейскаго населенія Россіи. Министръ сдѣлалъ смѣту и донесъ Государю, что расходъ будетъ громадный и превыситъ пользу, которую можно ожидать отъ образованія евреевъ. Но Государь будто-бы на это возразилъ, что если изъ этихъ училищъ выйдетъ хоть одинъ Мендельсонъ, то польза будетъ уже превышать издержки (Милхеметъ Гашаломъ, стр. 46).

несогласнымъ съ ихъ интересами, и превращаютъ его въ мертвую букву. Высшее правительство, въ интересахъ крестьянъ, запрещаетъ евреямъ владѣніе населенными имѣніями; но владѣніе это часто выгодно для помѣщиковъ, и они преспокойно нарушаютъ законъ, отдаютъ евреямъ свои имѣнія въ аренду, а мѣстныя власти (т.-е. тѣ-же помѣщики) свидѣтельствуютъ и охраняютъ силу такихъ договоровъ. Крѣпостной характеръ Положенія 1804 г. несомнѣненъ и просвѣчиваетъ очень часто. Помѣщики, его составлявшіе, видимо хотѣли закрѣпостить себѣ евреевъ, на что и указали потомъ еврейскіе депутаты, а комитетъ 1809 г. съ ними согласился. Они установили отчетность мѣстечковыхъ евреевъ предъ помѣщиками въ употребленіи общественныхъ суммъ и необходимость согласія помѣщика на переходъ еврея изъ одного мѣста въ другое—два правила, представляющія очевидное посягательство на общественную автономію и личную свободу евреевъ. Правила эти такъ и остались въ Положеніи, не смотря на замѣчаніе комитета 1809 г. о необходимости ихъ отмѣны. Мы видѣли также, что при исполненіи 34 статьи Положенія (о выселеніи евреевъ изъ деревень) главнымъ образомъ имѣлись въ виду одни интересы помѣщиковъ; напомнимъ здѣсь только о томъ, что въ указѣ 19 октября 1807 г. предписывается, въ случаѣ, когда селеніе принадлежитъ нѣсколькимъ владѣльцамъ, и въ немъ поэтому есть нѣсколько корчемъ,—выселить всѣхъ евреевъ одновременно, «чтобы помѣщикамъ не было подрыва одному предъ другимъ». Не ясно-ли, что, не смотря на ходячій въ то время либерализмъ, въ сущности на евреевъ, какъ и на крестьянъ, смотрѣли тогда, только какъ на статью помѣщичьяго хозяйства, какъ на вещь, а не какъ на людей съ самостоятельными правами и интересами. Не забудемъ при этомъ, что если правительство и пріостановило выселеніе евреевъ, такъ-какъ большинство помѣщиковъ нуждалось въ ихъ трудѣ для увеличенія своихъ доходовъ, то за помѣщиками тѣмъ не менѣе всегда признавалось право изгонять евреевъ изъ своихъ имѣній по своему усмотрѣнію, т.-е. тогда, когда они имъ не нужны были, какъ это прямо и выражено въ указѣ 13 апрѣля 1835 г. Не трудно усмотрѣть изъ этого, что евреи, хотя de jure вполнѣ свободные, но поселившись на помѣщичьей землѣ, будь это городъ, мѣстечко или селеніе, de facto дѣлались полукрѣпостными и находились всецѣло во власти помѣщиковъ. Этому-же вліянію крѣпостного права слѣдуетъ приписать и полный неуспѣхъ предположенія закона 1804 г. о пріученіи евреевъ къ земле-

дѣльческому труду. Помѣщикамъ, очевидно, не было никакой выгоды и расчета—желать развитія земледѣлія у евреевъ. Еврей факторъ, шинкарь, арендаторъ, купецъ—былъ полезенъ и необходимъ помѣщику; но еврей, сосѣдъ по землевладѣнію и ведущій самостоятельное сельское хозяйство, былъ элементомъ въ высшей степени опаснымъ для западнорусскаго дворянства, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Крѣпостное право, основанное на рабскомъ, даровомъ трудѣ, вообще не можетъ существовать рядомъ съ свободнымъ земледѣльческимъ трудомъ. Одна изъ этихъ формъ труда должна неизбѣжно уступить мѣсто другой, и понятно, что въ данномъ случаѣ крѣпостное право одолѣло существовавшее только in petto у законодателя земледѣліе евреевъ. Такимъ образомъ, если г. Варадиновъ, оффиціальный историкъ министерства внутреннихъ дѣлъ, лишь съ большими оговорками допускаетъ мысль, что удаленіе евреевъ изъ деревень не удалось по невыгодности этой мѣры для помѣщиковъ, то мы можемъ быть гораздо смѣлѣе его: мы можемъ утверждать, что въ прежней Россіи былъ одинъ основной законъ всего общественнаго и государственнаго быта—крѣпостное право. Всѣ другіе законы и учрежденія имѣли дѣйствительную силу лишь насколько они не противорѣчили этому основному закону. Какъ только какая-нибудь мѣра приходила въ столкновеніе съ этимъ кореннымъ правомъ—она заранѣе обречена была на безсиліе и смерть. Выводъ хотя и не новый, но крайне важный для правильнаго пониманія всего нашего прошлаго, а отчасти и настоящаго.

Наконецъ, послѣднее обстоятельство, на которое мы считаемъ необходимымъ указать здѣсь,—это характеръ дѣятельности депутатовъ еврейскихъ обществъ въ отношеніи къ реформамъ александровскаго времени и вообще отношеніе евреевъ къ этимъ реформамъ. Г. Финъ, въ цитированномъ выше его сочиненіи, говоритъ, что депутаты не удовлетворили своему назначенію и навлекли только гнѣвъ на евреевъ со стороны правительства; онъ не указываетъ, прочемъ, источника, изъ котораго почерпнулъ свѣдѣнія объ этомъ. Г. Финъ упрекаетъ вообще тогдашнихъ евреевъ въ томъ, что они не поняли благихъ намѣреній правительства и старались удержать, во что бы то ни стало, свое прежнее положеніе*). Упреки эти, по нашему мнѣнію, сильно преувеличены, а

*) Это отношеніе къ дѣятельности депутатовъ не чуждо было и нѣкоторымъ изъ ихъ современникамъ, которые были сторонниками болѣе энергической политики относительно цивилизованія евреевъ. Князь И. М. Долго-

въ отношеніи къ депутатамъ даже совершенно несправедливы. Евреи дѣйствительно видѣли для себя большое несчастіе въ законѣ объ удаленіи ихъ изъ деревень и воспрещеніи имъ питейной торговли по селамъ. Но могло-ли это быть иначе? Если дворянство, которому на уровнѣ его образованія и матеріяльнаго благосостоянія гораздо легче было отрѣшиться отъ крѣпостнаго права, тѣмъ не менѣе упорно держалось его, какъ единственнаго оплота своего существованія; то странно было бы ожидать, чтобы загнанная, бѣдная и невѣжественная масса еврейскаго населенія добровольно отреклась отъ того рода жизни, который былъ единственно возможный для нея при крѣпостномъ правѣ.

Не забудемъ при этомъ, что правительство, требуя отъ евреевъ радикальной перемѣны въ образѣ жизни и родѣ занятій, рѣшительно отказалось отъ серьезной помощи имъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ; а сами они, по бѣдности своей, положительно не были въ состояніи исполнить такую задачу. Что касается депутатовъ, то при разборѣ ихъ замѣчаній на Положеніе 1804 года мы видѣли уже, въ какой степени эти замѣчанія вообще практичны и разумны. Депутаты не противорѣчили желанію правительства образовать еврейскихъ дѣтей, но указали, какимъ образомъ цѣль эта можетъ быть достигнута. Они не отрицали необходимости изученія европейскихъ языковъ, но справедливо указали на непрактичность требованій Положенія по этому предмету. Стоя строго на почвѣ фактической, они не дерзали просить коренныхъ улучшеній въ быту евреевъ, напр. разрѣшенія имъ повсемѣстнаго жительства по всей Россіи, но ходатайствовали только объ уравненіи евреевъ съ другими сословіями въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ дозволялся временной пріѣздъ во внутреннія губерніи. Для еврейской религіи они просили тоже равенства съ другими исповѣданіями (независимаго духовнаго суда). Они заботились объ освобожденіи евреевъ отъ помѣщичьей ка-

рукій, путешествовавшій въ 1810 году по южной Россіи, разсказываетъ, что онъ встрѣтился въ Умани съ образованнымъ молодымъ евреемъ Гуровичемъ; въ бесѣдахъ съ княземъ, Гуровичъ выражалъ желаніе, чтобы правительство воспретило евреямъ ношеніе старинной ихъ одежды и жаловался на депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ, которые, какъ люди стараго покроя, исходатайствовали у снисходительнаго правительства привиллегію евреевъ на національный костюмъ. (Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. за 1869 г., кн. 3, стр. 223).

балы, въ чемъ опять-таки трудно ихъ упрекнуть. Вообще депутатамъ предстояла задача довольно ограниченная. Отъ нихъ требовалось вообще ознакомить правительство съ нуждами и потребностями евреевъ, а въ частности указать на недостатки Положенія 1804 г., оказавшіеся при практическомъ его примѣненіи, и эту обязанность они, какъ намъ кажется, исполнили довольно добросовѣстно.

Что касается до неудовольствія, которое, будто-бы, возбудили замѣчанія депутатовъ въ нашей администраціи, то это едва-ли справедливо. Какъ мы видѣли, комитетъ, Высочайше учрежденный въ 1809 г. для разсмотрѣнія ихъ замѣчаній, согласился съ большей частью этихъ замѣчаній и въ докладѣ своемъ нигдѣ не обнаруживаетъ и тѣни неудовольствія на выборныхъ отъ еврейскихъ обществъ.

И. Л. Оршанскій.

Одесса

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

СОЛОМОНА МАЙМОНА (*

(Окончаніе).

Глава XIX.

Еще о тайномъ Обществѣ.

Около этого времени я познакомился съ возникавшею въ то время еврейскою сектою, называвшейся *новые хасидимъ*. Хасидимъ вообще означаетъ такихъ лицъ, которыя отличатся отъ другихъ своимъ непомѣрно строгимъ благочестіемъ. Это испоконъ вѣку были люди, которые отказались отъ всякихъ дѣяній и наслажденій и посвящали лишь жизнь строгому исполненію религіозныхъ законовъ и покоянію за грѣхи свои, чтó они совершали, какъ уже замѣчено было выше, при помощи молитвъ, умерщвленія плоти и т. п.

Но около этого времени нѣкоторые изъ нихъ вздумали основать новую секту. Ученіе ихъ состояло въ слѣдующемъ: истинное благочестіе вовсе не заключается въ умерщвленіи плоти, которымъ въ тоже время ослабляются и душевныя силы и разрушаются, необходимыя для познанія Бога, душевное спокойствіе и веселость. Истинное благочестіе состоитъ, напротивъ, въ удовлетвореніи всѣхъ тѣлесныхъ потребностей, въ наслажденіи всѣми чувственными удовольствіями, на сколько это необходимо для развитія нашихъ чувствъ, такъ какъ Богъ сотворилъ все для его возвеличенія. По ихъ мнѣнію, настоящее богослуженіе должно быть

*) См. «Евр. Библ.», т. I, стр. 194.

совершаемо при напряженіи всѣхъ силъ и въ самоуничиженіи предъ Богомъ; они увѣряли, что человѣкъ, по назначенію своему, можетъ достичь высшаго совершенства лишь тогда, когда будетъ считать себя не самостоятельнымъ существомъ, а только органомъ божества. Вмѣсто того, чтобы проводить всю свою жизнь въ отшельничествѣ, въ подавленіи своихъ чувствъ и умерщвленіи силъ, представители новаго ученія думали поступать гораздо цѣлесообразнѣе, развивая по возможности свои чувства, упражняя силы и расширяя кругъ своей дѣяетльности.

Должно сознаться, что оба эти метода имѣютъ нѣчто реальное. Въ основаніи перваго лежитъ, очевидно, стоицизмъ—стремленіе подчинить свои дѣйствія высшему принципу, чѣмъ своимъ склонностямъ, т. е. свободной волѣ; въ основаніи втораго — система усовершенствованія. Но какъ все въ мірѣ можетъ быть злоупотребляемо, такъ можно было злоупотреблять и этими методами— и, дѣйствительно, злоупотребляли. Свою готовность къ покаянію первые доводили до разврата; вмѣсто того, чтобы только умѣрять свои склонности и страсти, они старались совершенно уничтожить ихъ и, вмѣсто того, чтобы, подобно стоикамъ, искать принципъ своихъ дѣйствій въ чистомъ умѣ, они искали его въ религіи, въ чистомъ правда, источникѣ, но о которомъ они имѣли далеко не вѣрныя понятія. Ихъ добродѣтель основывалась лишь на ожиданіи будущихъ наградъ или наказаній отъ деспотическаго существа, дѣйствующаго совершенно произвольно, словомъ, въ основаніи ихъ дѣйствій лежитъ нечистый источникъ, а принципъ интереса. И такъ какъ интересъ этотъ есть лишь воображаемый, то они стоятъ гораздо ниже самыхъ грубыхъ эпикурейцевъ, цѣль дѣйствій которыхъ хотя тоже составляютъ низкіе, но, по крайней мѣрѣ, реальные интересы. Только тогда религія составляетъ принципъ добродѣтели, когда она сама основана на идеѣ добродѣтели.

Приверженцы другихъ сектъ, хотя имѣютъ болѣе вѣрныя понятія о религіи и морали, но такъ какъ и они, въ этомъ отношеніи, руководствуются лишь смутными чувствами, а не яснымъ сознаніемъ, — то и они попадаютъ въ крайности. Самоуничиженіе неизбѣжно мѣшаетъ ихъ дѣятельности или даетъ ей ложное направленіе; а такъ какъ они не обладаютъ никакими познаніями въ естественныхъ наукахъ и психологіи и, притомъ, на столько суетны, что считаютъ себя органомъ божества; то они, именемъ его, совершаютъ всевозможныя безчинства; всякую странную мысль они считаютъ внушеніемъ свыше и всякую страсть—божественнымъ призваніемъ.

Эти двѣ секты не составляли собою различныхъ религіозныхъ сектъ; различіе состояло лишь въ способѣ осуществленія религіи, однако, антагонизмъ обѣихъ партій былъ до того великъ, что одна другую считала еретической и взаимно преслѣдовали одна другую. Сначала новая секта одержала верхъ и распространилась почти во всей Польшѣ и даже за ея предѣлами. Представители ея разсылали вездѣ эмиссаровъ, которые проповѣдовали новое ученіе и вербовали ему приверженцевъ. Такъ какъ большая часть польскихъ евреевъ состояла тогда изъ ученыхъ, т. е. изъ людей, преданныхъ празднеству и созерцательной жизни (каждый польскій еврей съ дѣтства приготовлялся въ раввины и лишь совершенная неспособность исключала его изъ этого званія), то это новое ученіе, которое облегчало еще путь къ вѣчному блаженству, освобождая отъ поста, ночнаго бденія и постояннаго изученія талмуда, что оно считало не только излишнимъ, но даже вредящимъ веселому настроенію духа, необходимому для истиннаго благочестія, естественнымъ образомъ нашло себѣ въ скоромъ времени множество приверженцевъ.

Эти послѣдніе путешествовали въ К., М. и другія священныя мѣста, гдѣ имѣли свое пребываніе преосвященные представители этой секты. Молодые люди оставляли своихъ родителей, женъ и дѣтей и цѣлыми толпами отправлялись отыскивать великихъ учителей, чтобы изъ ихъ собственныхъ устъ слышать новое ученіе.

Причина возникновенія этой новой секты была слѣдующая:

Я уже замѣтилъ, что съ того времени, какъ евреи лишились своего государства и разсѣяны были между различными народами, среди которыхъ они были болѣе или менѣе терпимы, они не имѣли

никакой другой связи, соединяющей ихъ въ ихъ политической разсѣянности и образующей изъ нихъ одно органическое цѣлое, кромѣ ихъ религіознаго устройства. Представители ихъ, поэтому, ни на что не обращали столько вниманія, какъ на возможное укрѣпленіе этой связи, которая единственно образовала изъ нихъ націю. Но такъ какъ ихъ религіозные ученія и законы основаны на Св. Писаніи, а послѣднее въ отношеніи ея толкованія и примѣненія оставило много неразъясненнаго, то необходимо было прибѣгнуть къ традиціи, которою указывался способъ толкованія Св. Писанія и производства новыхъ законовъ. Эта традиція не могла, разумѣется, быть достояніемъ всего народа, а лишь извѣстной корпораціи, примѣрно, законодательной коммиссіи.

Но и традиція оставила еще много не разъясненнаго. Производство отдѣльныхъ случаевъ изъ общихъ, равно какъ и установленіе новыхъ, соотвѣтствующихъ времени, законовъ, подавало поводъ къ нескончаемымъ спорамъ; но эти споры и способъ ихъ разрѣшенія все увеличивали составъ означенной корпораціи и ея вліяніе на народъ. Еврейская конституція, по формѣ своей, такимъ образомъ, аристократическяя и имѣетъ, слѣдовательно, и всѣ недостатки, сопряженные съ этой формой. Неученая часть народа, занятая добываніемъ пропитаніи для себя и для необходимой ему ученой части, не могла замѣтить эти недостатки. За то не рѣдко изъ среды самой корпораціи выступали личности, которыя не только порицали ея злоупотребленія, но даже прямо заявляли сомнѣнія относительно авторитета корпораціи.

Къ такимъ личностямъ принадлежалъ, въ концѣ XVII столѣтія, извѣстный *Шабатай Цеви*, который объявилъ себя Мессіей и хотѣлъ уничтожить весь обрядовой кодексъ, въ особенности же раввинскія положенія. Моральная система, основанная на одномъ лишь разумѣ, при тогдашнихъ предразсудкахъ не была бы въ состояніи произвести благодѣтельную реформу. Необходимо было предразсудкамъ и мечтаніямъ противопоставить предразсудки и мечтанія. Это и случилось слѣдующимъ образомъ.

Тайное общество недовольныхъ давно уже существовало среди евреевъ. По словамъ рабби *Іосифа Кандія*, одинъ французскій раввинъ, нѣкто *Моисей де-Ліонъ*, сочинилъ *Загаръ* и выдалъ его націи какъ древнюю книгу, авторъ которой знаменитый талмудистъ рабби *Симонъ бенъ Іехаія*. Эта книга, какъ уже выше было замѣчено, заключаетъ въ себѣ толкованіе св. Писанія на основаніи Каббалы или, вѣрнѣе, самыя эти основанія, изложенныя въ формѣ Св. Писанія и какъ бы изъ него же взятыя. Она, подобно Янусу, имѣетъ двойное имя и можетъ, поэтому, быть толкуема двоякимъ образомъ. Первый способъ толкованія есть тотъ, который подробно излагается въ каббалистическихъ сочиненіяхъ и приведенъ въ систему. Здѣсь широкое поле для фантазіи, которая можетъ предаваться всевозможнымъ мечтаніямъ, нисколько, однако, не приближаясь къ цѣли. Тутъ картинно излагаются нѣкоторыя нравственныя и физическія истины, которыя теряются въ лабиринтѣ гиперболическаго. Такъ обращаются съ каббалой каббалистическіе писатели и это составляетъ ***маленькія мистеріи*** этого тайнаго общества.

Второй способъ уже касается тайнаго политическаго смысла и извѣстенъ лишь представителямъ этого тайнаго общества. Сами эти представители, равно какъ и ихъ операціи, остаются неизвѣстными, другіе же члены общества могутъ быть и извѣстны. Они не *могутъ* выдать политическія тайны, такъ какъ они сами ихъ не знаютъ. Представители же не сдѣлаютъ этого, потому что это для нихъ невыгодно. Только мелкія (литературныя) тайны открываются народу и рекомендуются ему какъ предметы первой важности. Большія же (политическія) тайны не преподаются вовсе, и ими пользуются лишь тѣ, которые сами ихъ поняли.

Одинъ каббалистъ, нѣкто рабби *Іоэлъ Бааль-Шемъ* *), сдѣлался около этого времени весьма извѣстнымъ, вслѣдствіе нѣкото

*) *Бааль-Шемъ* называется тотъ, кто занимается практическою каббалой, т. е. заклинаніемъ духовъ и писаніемъ амулетовъ, для чего они употребляютъ имена Бога и разныхъ духовъ.

рыхъ счастливыхъ медицинскихъ опытовъ, исполненныхъ имъ на основаніи своихъ медицинскихъ познаній и шарлатанскихъ фокусовъ, такъ какъ онъ объявлялъ, что достигъ этихъ результатовъ не при помощи натуральныхъ средствъ, а посредствомъ *каббалы-моашитъ* (практической каббалы) и употребленія священныхъ именъ. Вслѣдствіе этого, онъ сталъ играть въ Польшѣ важную роль. Но онъ думалъ также о томъ, чтобы оставить послѣ себя преемниковъ его искуства. Между его учениками нашлись нѣкоторые, которые взялись за его профессію и сдѣлались извѣстными своими счастливыми леченіями и открытіемъ воровъ. Леченіе производилось очень просто. Они пользовались обыкновенными медицинскими средствами, но, какъ всѣ фокусники, старались отвратить вниманіе наблюдателя отъ медицинскихъ средствъ и направлять его на каббалистическій гокусъ-покусъ. *Воровства* же, ими открываемыя, совершались по ихъ собственной же иниціативѣ, или же они узнавали о нихъ при помощи своихъ многочисленныхъ агентовъ.

Но другіе, одаренные бо́льшими дарованіями и болѣе благороднымъ образомъ мыслей, поставили себѣ болѣе важную цѣль. Они сознали, что, вслѣдствіе довѣрія народа, они, самымъ лучшимъ образомъ, могутъ содѣйствовать не только своимъ собственнымъ, но и общимъ интересамъ и хотѣли *властвовать* посредствомъ *просвѣщенія*. Планъ ихъ имѣлъ, такимъ образомъ, одновременно и *нравственную* и *политическую* сторону. Сначала казалось, что они только имѣютъ въ виду устранить несообразности, вкравшіяся въ еврейскую религіозную и моральную систему. Но это необходимо должно было бы повлечь за собою разрушеніе всей системы.

Главные пункты, на которые они нападали, были:

1) Злоупотребленіе раввинской ученостью, которая, вмѣсто того, чтобы, по возможности, упрощать законы и сдѣлать ихъ общедоступными, еще болѣе запутываетъ ихъ и дѣлаетъ непонятными. Ученые, кромѣ того, занимаются лишь изученіемъ законовъ (почему законы, которые теперь уже не имѣютъ никакого значенія, какъ напр., законы о жертвахъ и т. п., кажутся имъ столь же важными, какъ и тѣ, которые еще и теперь употребляются), а не практическимъ примѣненіемъ ихъ, между тѣмъ какъ изученіе не есть цѣль, а только средство къ ихъ исполненію. Наконецъ, они, при исполненіи, главнымъ образомъ обращаютъ вниманіе на обрядовую, а не на моральную сторону.

2) Злоупотребленіе благочестіемъ, такъ называемыхъ, кающихся. Эти послѣдніе хотя и стараются быть добродѣтельными, но такъ какъ мотивы ихъ вытекаютъ не изъ разумнаго познанія Бога и его совершенства, а изъ ложныхъ понятій о Богѣ и его качествахъ, то они, разумѣется, минуютъ истинную добродѣтель и имѣютъ въ виду добродѣтель воображаемую. Изъ всего этого выходитъ что, вмѣсто того, чтобы изъ любви къ Богу и желанія сдѣлаться ему подобными, освободиться отъ рабства своихъ чувственныхъ похотей и страстей и стремиться дѣйствовать по законамъ, основаннымъ на разумѣ и свободной волѣ, они, напротивъ того, уничтоженіемъ своихъ дѣйствующихъ силъ, стараются уничтожить самыя похоти и страсти—какъ это уже объяснено было мною выше разными примѣрами *).

Просвѣтители, напротивъ, условіемъ истинной добродѣтели ставили веселое, ко всякаго рода дѣятельности расположенное, настроеніе; они не только позволяли, но даже совѣтовали предаваться, необходимому для достиженія веселаго настроенія, умѣренному наслажденію всякаго рода удовольствіями. Ихъ богослуженіе состояло въ добровольномъ освобожденіи отъ всего тѣлеснаго,—т. е. въ отвлеченіи мыслей отъ всѣхъ предметовъ, кромѣ Бога, даже отъ индивидуальнаго *я*,—и въ соединеніи съ Богомъ; это было нѣчто въ родѣ самоотрицанія, такъ что всѣ совершенныя въ этомъ состояніи дѣйствія—они приписывали не себѣ, а Богу.

Ихъ богослуженіе состояло, такимъ образомъ, въ извѣстнаго рода спекулятивномъ благоговѣніи, для котораго не требовалось никако-

*) «Евр. Библіотека» Т. I, стр. 241 и слѣд.

го опредѣленнаго времени и формы, а всякому предоставлялось опредѣлить ихъ, согласно своему разумѣнію; но они, однако, обыкновенно выбирали время, опредѣленное для публичнаго богослуженія. При публичномъ богослуженіи, они преимущественно старались отвлечься отъ всего тѣлеснаго, т. е., они до того углублялись въ созерцаніе божьяго совершенства, что теряли при этомъ представленіе о всѣхъ другихъ предметахъ, и даже о самомъ себѣ, такъ что тѣло ихъ, по ихъ словамъ, въ это время было совершенно безчувственно.

Но такъ какъ весьма трудно достичь такого рода абсолютнаго отвлеченія, то они старались, при помощи разныхъ *механическихъ операцій* (движенія и крика), возвратиться къ этому состоянію, если были вырваны изъ него какими-либо другими представленіями, и удержаться въ немъ во все время богослуженія. Смѣшно было видѣть, какъ они часто прерывали свою молитву всевозможными странными криками и курьезными движеніями (которые должны были, вѣроятно, служить угрозою ихъ противнику, тѣлесному сатанѣ, старающемуся мѣшать имъ) и какъ они этимъ до того истощали свои силы, что, въ концѣ молитвы, обыкновенно падали отъ изнеможенія.

(Здѣсь авторъ дѣлаетъ отступленіе отъ своего разсказа и доказываетъ несостоятельность этой секты).

Но, что секта эта весьма быстро распространилась и новое ея ученіе имѣло громадный успѣхъ у большей части народа — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Естественная склонность къ праздности и созерцательной жизни большей части народа, который съ дѣтства предназначенъ для ученія, сухость и безплодность раввиническаго образа занятія наукой, и громадная ноша обрядовыхъ законовъ, которую новое ученіе обѣщаетъ облегчить, наконецъ, склонность къ мечтательности и сверхъестественному, которыя питаются этимъ ученіемъ, — достаточно объясняютъ этотъ феноменъ.

Хотя сначала раввины и благочестивые люди стараго режима и сопротивлялись распространенію новой секты, но послѣдняя, по

приведеннымъ выше причинамъ, все таки взяла верхъ. Возникли раздоры между обѣими сторонами. Обѣ партіи старались завербовать приверженцевъ. Въ народѣ возникло броженіе, и мнѣнія раздѣлились.

Я тогда не могъ себѣ составить яснаго понятія объ этой сектѣ и не зналъ, что объ ней думать, пока не познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который уже принадлежалъ къ этому обществу и имѣлъ счастіе лицемъ къ лицу видѣть его верховныхъ представителей. Онъ проѣзжалъ чрезъ мое мѣсто пребываніе, и я воспользовался этимъ случаемъ и просилъ его разъяснить мнѣ внутреннее устройство этого общества, способъ поступленія въ члены его и т. д. Но и этотъ молодой человѣкъ, который стоялъ лишь на первой ступени въ іерархіи секты, тоже ничего не могъ мнѣ разъяснить о внутреннемъ устройствѣ этого общества; что же касается способа поступленія въ его члены, то онъ увѣрялъ, что ничего не можетъ быть проще. Всякій человѣкъ, который чувствуетъ въ себѣ стремленіе къ совершенству, но не знаетъ способа, какъ удовлетворить этому стремленію, или какъ устранить препятствія, мѣшающія этому удовлетворенію, имѣетъ только — и ничего больше — обратиться къ верховнымъ представителямъ и этимъ онъ уже eo ipso дѣлается членомъ этого общества. Онъ даже не долженъ — какъ это бываетъ у медиковъ — разсказывать верховнымъ представителямъ о своихъ нравственныхъ недостаткахъ, прежнемъ образѣ жизни и т. п., ибо верховнымъ представителямъ извѣстно все; они проникаютъ въ сердце человѣка и открываютъ все, что сокрыто въ его тайникахъ; они умѣютъ предсказывать будущее и дѣлать далекое близкимъ.

Ихъ проповѣди и нравственныя поученія они не приготовляютъ и не приводятъ въ систему заранѣе, какъ это обыкновенно бываетъ, ибо этотъ способъ приличенъ лишь для того, кто считаетъ себя чѣмъ-то существующимъ и дѣйствующимъ отдѣльно отъ Бога. Но верховные главы этой секты только тогда считаютъ свои поученія божественными и, слѣдовательно, непогрѣшимыми, когда они суть слѣдствіе самоуничтоженія предъ Богомъ, т. е., когда они приходятъ на умъ ex tempora, по

требованію обстоятельствъ, безъ всякаго содѣйствія съ ихъ стороны.

Такъ какъ описаніе это меня привело въ сильный восторгъ, то я просилъ моего новаго знакомаго сообщить мнѣ нѣкоторыя изъ этихъ божественныхъ ученій. Онъ ударилъ себя рукою въ лобъ, какъ бы ожидая вдохновенія священнаго духа, обратился затѣмъ ко мнѣ съ торжественной миной и началъ слѣдующимъ образомъ: «Пойте Господу новую пѣснь, его хвала въ обществѣ благочестивыхъ» (Псалмы, гл. 149, 1). Наши верховные представители объясняютъ этотъ стихъ слѣдующимъ образомъ: качества Бога, какъ самаго совершеннаго существа, должны значительно превзойти качества всякаго другаго ограниченнаго существа, слѣдовательно, и хвала его (какъ выраженіе его качествъ)—хвалу другихъ существъ. До сихъ поръ хвала Бога состояла въ томъ, что ему приписывали сверхъестественныя дѣйствія (открывать тайное, предвидѣть будущее, дѣйствовать непосредственно и одною лишь волею и т. п.). Но теперь и благочестивые (верховные представители) сами въ состояніи совершать такія сверхъестественныя дѣйствія, и такъ какъ Богъ, такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи не имѣетъ предъ ними преимущества, то нужно стараться открыть новую хвалу, которую можно было бы приписать одному лишь Богу.

Въ полномъ восторгѣ отъ такого остроумнаго способа объясненія Св. Писанія, я просилъ его сообщить мнѣ еще нѣкоторыя объясненія такого рода. Послѣдній продолжалъ въ своемъ вдохновеніи: «Когда играющій (музыкантъ) игралъ, на него находило вдохновеніе Божіе» (2 кн. Царствъ, гл. 3, 15). Этотъ стихъ они объясняютъ слѣдующимъ образомъ: пока человѣкъ выказываетъ себя самодѣятельнымъ, онъ не способенъ воспринимать дѣйствія священнаго духа; для этого онъ долженъ быть лишь инструментомъ, держаться пассивно. Стихъ этотъ слѣдуетъ понять такимъ образомъ: когда играющій (гамнагенъ—слуга Господа) дѣ-

лается подобнымъ инструменту (кнагенъ), тогда только находитъ на него духъ Божій *).

Теперь послушайте, сказалъ онъ далѣе, разъясненіе еще одного мѣста въ Мишнѣ, гдѣ говорится: «честь твоего ближняго должна быть тебѣ также дорога, какъ твоя собственная».

Наши учителя объясняютъ это слѣдующимъ образомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ни одинъ человѣкъ не найдетъ удовольствія въ томъ, что онъ самъ себѣ станетъ отдавать честь; это было бы крайне смѣшно. Но столь же смѣшно обращать слишкомъ много вниманія на почетъ, который оказываютъ другіе, такъ какъ этотъ почетъ нисколько не увеличиваетъ нашего внутренняго достоинства. Поэтому, означенное мѣсто въ Мишнѣ слѣдуетъ понимать такъ: честь твоего ближняго (которую оказываетъ тебѣ твой ближній) должна быть тебѣ также (мало) дорога, какъ твоя собственная (которую ты самъ себѣ оказываешь).—Я не могъ не восхищаться этими превосходными мыслями и остроумною экзегетикой.

Воображеніе мое сильно розыгралось при этомъ описаніи, и я, слѣдовательно, ничего такъ страстно не желалъ, какъ только имѣть счастіе сдѣлаться членомъ этого общества. Я рѣшился, поэтому, предпринять путешествіе въ М., гдѣ находился верховный глава Б.. Я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждалъ, поэтому, окончанія срока моей службы, которая должна была продолжаться еще лишь нѣсколько недѣль. Когда срокъ этотъ наступилъ, и я получилъ свой гонорарій, то, вмѣсто того, чтобы отправиться домой (мое семейство жило всего въ двухмильномъ разстояніи), я тотчасъ предпринялъ свое благочестивое путешествіе, которое продолжалось нѣсколько недѣль.

---

*) Остроуміе этого объясненія состоитъ въ томъ, что еврейское слово *нагенъ* есть въ одно и тоже время имя существительное, обозначающее *музыкальный инструментъ* и неопредѣленное наклоненіе глагола: *играть*; буква же *к* означаетъ въ одно и тоже время слова *когда* и *какъ*. Верховные представители, которые вырывали стихи Св. Писанія, не обращая вниманія на общее содержаніе главъ, выбирали лишь тѣ, которые могли служить подтвержденіемъ ихъ ученій и ихъ принципа о самоуничтоженіи предъ Богомъ.

Наконецъ, я счастливо прибылъ въ М.... Отдохнувши немного отъ дороги, я отправился въ домъ верховнаго главы, въ полной увѣренности, что немедленно буду ему представленъ. Но мнѣ сказали, что онъ еще пока не можетъ говорить со мною, но что я на субботу приглашенъ къ его столу, вмѣстѣ съ другими гостями, пріѣхавшими посѣтить его; при этомъ случаѣ я буду имѣть счастіе видѣть этого святаго человѣка лицемъ къ лицу и слышать изъ устъ его самыя высокія ученія, такъ что я этотъ публичный пріемъ, изъ за спеціальнаго характера бесѣды, которая будетъ относиться лишь ко мнѣ одному, могу считать частной аудіенціей.

Въ субботу я прибылъ къ этому торжественному пиру и нашелъ тамъ многочисленное собраніе почетныхъ лицъ, которыя прибыли сюда съ разныхъ концовъ. Наконецъ появился и этотъ великій человѣкъ, съ весьма внушительнымъ видомъ, одѣтый въ бѣлый атласъ. Даже башмаки его и табакерка были бѣлаго цвѣта (у каббалистовъ бѣлый цвѣтъ означаетъ милость). Онъ подалъ каждому новоприбывшему свой шаломъ, т. е., поздоровался.

Сѣли за столъ, но въ продолженіе обѣда царствовало торжественное молчаніе. Послѣ обѣда, верховный глава запѣлъ торжественную мелодію, держа нѣкоторое время руку у лба, и потомъ сталъ вызывать: Ц..изъ Г.! М. изъ Р,!. С. М. изъ Н. и т. д., всѣхъ новоприбывшихъ по ихъ имени и мѣстожительству, чему мы не мало удивились. Всякій изъ насъ долженъ былъ сказать какой нибудь стихъ изъ Св. Писанія. Послѣ этого верховный глава сталъ говорить проповѣдь, которой приведенные отрывками *стихи* св. Писанія должны были служить текстомъ, такъ что хотя стихи были взяты изъ различныхъ мѣстъ и книгъ Св. Писанія, онъ, однако, съумѣлъ такъ искусно связать ихъ, какъ будто они составляли одно цѣлое. И что еще было удивительнѣе, это то, что всякій гость находилъ въ томъ мѣстѣ проповѣди, которое относилось къ приведенному имъ стиху, что нибудь касающееся его сердечныхъ дѣлъ. Весьма естественно, что мы всѣ были крайне изумлены этимъ.

Но въ скоромъ времени мое высокое мнѣніе о верховномъ главѣ и всемъ обществѣ вообще стало значительно ослабѣвать. Я замѣтилъ, что ихъ остроумная эксегетика въ сущности ложна и притомъ ограничена лишь ихъ крайними принципами (самоуничтоженія и т. д.), и если ихъ уже разъ слышали, то уже ничего новаго нельзя было добиться. Ихъ, такъ называемыя, чудеса объяснялись довольно легко. При помощи корреспонденціи, шпіоновъ и нѣкотораго знанія людей, посредствомъ физіономики и ловко направленныхъ косвенныхъ вопросовъ, они сумѣли узнавать тайны своихъ посѣтителей, чѣмъ они пріобрѣли у этихъ неразвитыхъ людей славу пророковъ.

Точно также общество не понравилось мнѣ, вслѣдствіе его цинизма и изступленной веселости. Приведу хоть одинъ примѣръ такого рода. Мы собрались въ домѣ верховнаго главы въ часъ молитвы. Одинъ изъ насъ пришелъ нѣсколько позднѣе, другіе спросили его о причинѣ замедленія. Онъ отвѣтилъ, что жена его въ эту ночь родила дочку. Когда они услышали это, они съ шумомъ и изступленіемъ стали поздравлять его. Верховный глава вышелъ изъ своего кабинета и спросилъ о причинѣ этого шума. Они сказали, что поздравляютъ П., жена котораго родила дочку. «Дочку!» вскрикнулъ онъ съ негодованіемъ, «онъ долженъ быть высѣченъ» *).

Несчастный П. протестовалъ противъ этого; онъ не могъ понять, почему онъ долженъ страдать за то, что жена его родила дочь. Но ничего не помогло. Его схватили, положили на порогъ и крѣпко посѣкли. Всѣ, кромѣ высѣченнаго, пришли отъ этого въ веселое расположеніе духа, при чемъ верховный глава призвалъ ихъ къ молитвѣ слѣдующими словами: «Ну, братья, *служите Богу съ радостью*».

Я не хотѣлъ больше оставаться въ этомъ городѣ. Верховный глава далъ мнѣ свое благословеніе, и я простился съ этимъ обществомъ, съ намѣреніемъ оставить его на-вѣки, и отправился обратно домой.

*) Характеристическая чэрта всѣхъ не развитыхъ людей—неуваженіе къ женскому полу.

Теперь еще нѣсколько словъ о внутреннемъ устройствѣ этого общества. Верховные представители этой секты, на сколько я могу судить, могутъ быть раздѣлены на четыре класса: 1) на *мудрыхъ*; 2) на *хитрыхъ*; 3) на *сильныхъ* *) 4) и на *добрыхъ*.

Высшій классъ, управляющій всѣми другими, естественно составляютъ собою мудрые. Это люди съ умомъ, глубоко знающіе слабости людей и пружины всѣхъ ихъ дѣяній и рано сознавшіе, что умъ лучше силы, такъ какъ сила отчасти зависитъ отъ ума, умъ же отъ силы не зависитъ. Они, поэтому, взялись за искуство властвовать надъ свободными людьми, т. е., такъ пользоваться волею и силою другихъ людей, чтобы послѣдніе думали, что они дѣйствуютъ лишь въ своемъ собственномъ интересѣ, а въ сущности дѣйствовали бы и въ интересѣ своихъ верховныхъ представителей. Это можетъ быть поддерживаемо цѣлесообразнымъ соединеніемъ и установленіемъ этихъ силъ, такъ, что малѣйшимъ напоромъ на этотъ органъ можно вызвать величайшія послѣдствія. Тутъ нѣтъ обмана, такъ какъ тѣ другіе тоже достигаютъ при этомъ своихъ цѣлей.

Хитрые также пользуются волею и силами другихъ для достиженія своей цѣли; но такъ какъ они, относительно своей цѣли, не такъ благоразумны или не такъ осмотрительны, какъ

**) Я зналъ одного представителя изъ этого класса. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ, весьма слабаго тѣлосложенія, съ худымъ и блѣднымъ лицемъ. Онъ разъѣзжалъ въ Польшѣ въ качествѣ миссіонера. Этотъ человѣкъ имѣлъ въ себѣ что-то до того страшное, что-то до того принуждающее къ покорности, что онъ деспотически властвовалъ надъ людьми. Куда онъ пріѣзжалъ, онъ тотчасъ же распрашивалъ объ устройствѣ общины, отвергалъ то, что ему не нравилось и вводилъ новыя учрежденія — и его приказанія исполнялись съ точностью. Старѣйшины общины, большею частью старые почтенные люди, значительно превосходившіе его въ учености, трепетали предъ нимъ. Одинъ великій ученый, который не хотѣлъ вѣрить въ *непогрѣшимость верховныхъ представителей*, грознымъ взглядомъ, брошеннымъ на него означеннымъ молодымъ человѣкомъ, приведенъ былъ въ такой ужасъ, что получилъ горячку и вскорѣ умеръ. Эту смѣлость и необыкновенную рѣшимость молодой человѣкъ этотъ пріобрѣлъ лишь вслѣдствіе того, что съ раннихъ лѣтъ упражнялся въ стоицизмѣ.

первые, то часто случается, что они стараются достичь своей цѣли на счетъ другихъ. Ихъ искуство, такимъ образомъ, состоитъ въ томъ, что они скрываютъ отъ другихъ не только достиженіе ими своихъ цѣлей (какъ первые), но и недостиженіе своихъ цѣлей лицами, имъ подчиняющимися.

Сильные—это люди, которые своей природной или пріобрѣтенной нравственной силой, властвуютъ надъ слабостью другихъ, въ особенности, если это такая сила, которую рѣдко можно найти у другихъ, какъ, напр., одолѣніе своихъ страстей, кромѣ одной, которую они дѣлаютъ цѣлью своихъ дѣйствій.

Добрые—это люди, которыхъ воля и сила находятся въ пассивномъ состояніи и цѣли которыхъ достигаются не властвованіемъ надъ другими, а, напротивъ, подчиненностью.

Высшій классъ, именно мудрые, проникая во всѣ другіе, но не проникаемый ими, управляетъ, разумѣется, всѣми прочими. Онъ пользуется свѣтлою стороною хитрыхъ и старается сдѣлать безвредной темную сторону ихъ, перехитряя ихъ, такъ что они, воображая, что обманываютъ другихъ, сами бываютъ обмануты.

Онъ пользуется сильными для достиженія важныхъ цѣлей, но стремится также, если это нужно, противодѣйствовать имъ противупоставленіемъ нѣсколькихъ, хотя и менѣе значительныхъ, силъ.

Наконецъ, онъ пользуется добрыми, не только для непосредственнаго достиженія своей цѣли у этихъ послѣднихъ, но и у другихъ, указывая другимъ на этихъ слабыхъ, какъ на образцы подчиненности, которымъ слѣдуетъ подражать, и, такимъ образомъ, устраняетъ препятствія, которыя могли бы возникнуть отъ самодѣятельности этихъ другихъ.

Этотъ высшій классъ начинаетъ обыкновенно стоицизмомъ и кончаетъ тонкимъ эпикурейстсвомъ. Члены его состоятъ изъ благочестивыхъ перваго разряда, т. е. изъ такихъ, которые долгое время строго исполняли всѣ религіозные и моральные законы и преодолѣвали свои похоти и страсти. Но, такъ какъ они смотрятъ на стоицизмъ не какъ на цѣль, а лишь какъ на сред-

ство для достиженія высшей цѣли человѣчества — блаженства, то они не долго держатся стоицизма, а скоро переходятъ къ самой цѣли, къ наслажденію блаженствомъ.

Упражненіемъ въ строжайшемъ стоицизмѣ, ихъ чувство ко всякаго рода удовольствіямъ дѣлается высшимъ и облагороженнымъ, между тѣмъ какъ у грубыхъ эпикурейцевъ оно все болѣе и болѣе притупляется. Этимъ упражненіемъ они также достигаютъ возможности такъ долго удерживаться отъ извѣстнаго наслажденія, пока они узнаютъ настоящую его цѣну, чего не бываетъ у грубыхъ эпикурейцевъ.

Но весьма можетъ быть, что первоначально поводъ къ стоицизму лежалъ въ самомъ темпераментѣ и только, вслѣдствіе самообольщенія, это приписано было самодѣятельности. Это тщеславіе внушало смѣлость къ дѣйствительной самодѣятельности этого рода, а успѣхъ все болѣе и болѣе поощрялъ эту смѣлость.

Еще менѣе можно думать, что верховные представители (которые суть большею частью люди безъ всякаго знанія) только однимъ влеченіемъ разума попали на эту систему. Гораздо вѣрнѣе будетъ предполагать, что поводомъ къ тому были, во первыхъ, темпераментъ, во вторыхъ, религіозныя понятія, и только уже впослѣдствіи они могли придти къ сознанію и слѣдованію этой системѣ въ ея чистотѣ.

Эта секта (судя по ея цѣлямъ и средствамъ) была, такимъ образомъ, родъ тайнаго общества, которое усвоило себѣ власть почти надъ цѣлой націей, вслѣдствіе чего среди ея могла вспыхнуть одна изъ величайшихъ революцій, еслибы щепетильность нѣкоторыхъ членовъ этой секты не обнаружила бы ея темныя стороны и не дали бы этимъ оружіе въ руки ея противниковъ.

Нѣкоторые члены этой секты, желая показать себя настоящими циниками, нарушали всякіе законы приличія, голые бѣгали по улицамъ, совершали въ присутствіи другихъ естественныя потребности и т. п. Говоря проповѣди случайно (согласно принципу самоуничтоженія), они не рѣдко наполняли ихъ всевозможнымъ непонятнымъ вздоромъ. Нѣкоторые даже совершенно

рехнулись, такъ что они дѣйствительно думали, что они не существуютъ. Наконецъ, къ этому присоединились еще гордость и презрѣніе къ тѣмъ, которые не принадлежали къ ихъ сектѣ, въ особенности же къ раввинамъ; но эти послѣдніе, хотя и имѣли свои недостатки, но все таки были гораздо дѣятельнѣе и полезнѣе, чѣмъ эти невѣжественные лѣнтяи.

Стали обличать ихъ слабости, мѣшать ихъ собраніямъ и вездѣ преслѣдовать ихъ. Все это преимущественно дѣлалось авторитетнымъ именемъ ученаго, извѣстнаго среди евреевъ и пользовавшагося у нихъ высокимъ уваженіемъ, раввина *Иліи изъ Вильно*, такъ, что теперь едва ли, тамъ и сямъ, можно найти разсѣянные слѣды этого общества.

ГЛАВА XX.

Продолженіе предъидущей главы и кое что о религіозныхъ мистеріяхъ.

(Тутъ авторъ излагаетъ свое мнѣніе о тайнахъ и мистеріяхъ вообще и о тайнахъ и мистеріяхъ религіозныхъ, о мистеріяхъ язычества, іудейства и т. д. Мы пропускаемъ все это и начинаемъ тамъ, гдѣ авторъ возвращается къ описываемой въ предъидущей главѣ сектѣ).

О вышеописанномъ обществѣ благочестивыхъ, по моему убѣжденію, можно положительно сказать, что оно не находилось ни въ какой связи ни съ массонами, ни съ какимъ либо подобнымъ тайнымъ союзомъ. Но предположенія дозволены, и дѣло лишь въ степени ихъ достовѣрности. По моему убѣжденію, во всякомъ государствѣ есть, по сущности своей, тайныя общества, которыя вовсе не имѣютъ внѣшняго вида таковыхъ. Всякая корпорація, имѣющая общіе интересы, есть, въ сущности, тайное общество; ея цѣли и главная дѣятельность могутъ быть, на сколько хотите, гласны, все таки самыя важныя дѣла ея останутся тайною для непосвященныхъ. Такимъ образомъ, объ этомъ, какъ и о другихъ

тайныхъ обществахъ, можно говорить много хорошаго и много дурнаго; поэтому—пока они чрезъ чуръ не будутъ злоупотреблять своимъ положеніемъ,—всегда будутъ терпимы.

Общество благочестивыхъ имѣло почти туже цѣль, какъ и *орденъ Иллюминатовъ* въ Баваріи. И употребляло оно тѣже средства. Ихъ цѣль была—распространеніе свѣта среди во тьмѣ пребывающаго народа, для этого они—замѣчательнымъ образомъ—избрали своимъ средствомъ самое суевѣріе. Главнымъ образомъ, они старались привлечь къ себѣ юношество и, вслѣдствіе эмпирическаго знанія людей, образовать изъ каждаго субъекта такое существо, какимъ ему, повидимому, предназначено было быть самой природой, и указать ему его надлежащее мѣсто. Всякій членъ общества лишь на столько зналъ о цѣли и внутреннемъ устройствѣ союза, на сколько это ему необходимо было для того, чтобы онъ наблюдалъ лишь надъ своими подчиненными, а не надъ своими начальниками.

Эти начальники обладали искуствомъ усвоивать своимъ подчиненнымъ *разумныя истины* помощью *высокихъ образовъ*, а ихъ *образныя представленія* умѣли превращать *въ разумныя истины*. Объ нихъ почти можно сказать: *они понимаютъ языкъ животныхъ*—весьма важное искуство, необходимое каждому народному учителю. Вслѣдствіе устраненія меланхолической набожности, ихъ ученія нашли себѣ приверженцевъ въ оживленной молодежи. Проповѣдуемый ими принципъ самоуничтоженія есть, въ сущности, ничто иное, какъ основа самодѣятельности. Этимъ долженъ быть устраненъ образъ мыслей и дѣйствій, вкорененный воспитаніемъ, привычкой и сообщеніями другихъ, вслѣдствіе которыхъ дѣятельность человѣка принимала дурное направленіе, и установленъ своеобразный, свободный образъ дѣйствія. Моральное и эстетическое чувство, дѣйствительно, только можетъ быть поддерживаемо и усовершенствовано этимъ принципомъ. Только дурно понятый онъ можетъ сдѣлаться вреднымъ, какъ я это доказывалъ примѣромъ этого общества.

ГЛАВА XXI.

Поѣздка въ Кенигсбергъ, Штетинъ и Берлинъ, для развитія своихъ познаній.

Такъ какъ внѣшнія мои обстоятельство дѣлались все хуже, потому что я не хотѣлъ болѣе заниматься прежнимъ своимъ дѣломъ и, при томъ, находился внѣ моей сферы, и такъ какъ я, кромѣ того, въ моемъ мѣстопребываніи не имѣлъ возможности удовлетворить моей склонности къ изученію наукъ, то я рѣшился отправиться въ Германію и изучить тамъ медицину, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и другія науки.

Теперь вопросъ былъ въ томъ: какъ совершить такое далекое путешествіе?

Я хотя и зналъ, что нѣкоторые торговцы изъ нашего города намѣрены вскорѣ отправиться въ Кенигсбергъ, въ Пруссію, но, не будучи съ ними хорошо знакомъ, я не могъ надѣяться, что они даромъ возьмутъ меня съ собою. Но, послѣ нѣкоторыхъ соображеній, я попалъ на хорошее средство.

Я имѣлъ одного очень ученаго и набожнаго друга, который былъ въ большомъ уваженіи у всѣхъ евреевъ нашего города. Ему открылъ я свои планы и просилъ совѣта. Я ему изложилъ свои плохія обстоятельства и сказалъ, что, коль скоро я чувствую въ себѣ наклонность къ познанію Бога и его твореній, то не гожусь уже ни для какихъ другихъ обыденныхъ занятій; въ особенности я представлялъ ему, что долженъ зарабатывать свой хлѣбъ объясненіемъ Библіи и Талмуда, что́, по мнѣнію нѣкоторыхъ раввиновъ, не совсѣмъ дозволено, и что я хочу изучить медицину, какъ простое ремесло, чѣмъ я буду полезенъ не только себѣ самому, но и всѣмъ евреямъ въ окружности, въ которой нѣтъ ни одного порядочнаго медика, а тѣ, которые выдаютъ себя за таковыхъ,—суть лишь невѣжественные брадобрѣи, которые своимъ леченіемъ лишь увеличиваютъ число мертвецовъ.

Эти мотивы произвели на такого набожнаго человѣка чрезвы-

чайное дѣйствіе. Онъ отправился къ знакомому ему купцу, представилъ ему важность моего предпріятія и уговаривалъ его безвозмездно взять меня съ собою въ своемъ экипажѣ въ Кенигсбергъ. Купецъ не могъ отказать такому набожному человѣку и согласился на его просьбу.

Я отправился, такимъ образомъ, съ еврейскимъ купцемъ въ Кенигсбергъ. Прибывъ туда, я тотчасъ же отправился къ тамошнему еврейскому медику Г., открылъ ему свое намѣреніе изучить медицину и просилъ совѣта и содѣйствія.—Г., занятія котораго не позволяли ему распрашивать меня подробно и который, кромѣ того, не хорошо понималъ меня,—передалъ меня нѣкоторымъ студентамъ, жившимъ у него на квартирѣ.

Когда эти молодые люди увидѣли меня и услышали о моемъ намѣреніи, они подняли громкій смѣхъ, за что ихъ, впрочемъ, нельзя было и винить. Представьте себѣ, польско-литовскаго еврея, лѣтъ двадцати пяти, съ довольно большою бородой, въ разорванной одеждѣ, говорящаго языкомъ, состоящимъ изъ смѣси древне-еврейскаго, еврейско-нѣмецкаго жаргона, польскихъ и русскихъ словъ со множествомъ граматическихъ ошибокъ, и увѣряющаго, что онъ знаетъ нѣмецкій языкъ и имѣетъ нѣкоторыя познанія въ наукахъ. Что-же могли думать обо мнѣ эти молодые люди?

Они стали шутить надо мною и дали мнѣ читать, случайно лежавшаго на столѣ, «Федона» Мендельсона. Я читалъ отвратительно, (какъ вслѣдствіе того особаго метода, по которому выучился читать по-нѣмецки, такъ и вслѣдствіе моего произношенія), и они снова подняли громкій смѣхъ; но просили, чтобъ я объяснилъ прочитанное. Это я сдѣлалъ такъ, какъ умѣлъ. Но такъ какъ они меня не поняли, то просили, чтобы я перевелъ прочитанное по-еврейски.

Это я сейчасъ-же исполнилъ. Студенты, которые очень хорошо знали по-еврейски, пришли въ изумленіе, такъ какъ увидѣли, что я не только отлично понялъ прочитанное, но и весьма удачно передалъ по-еврейски. Они стали интересоваться мною, достали мнѣ нѣкоторую одежду и содержаніе на время моего

пребыванія въ Кенигсбергѣ и совѣтовали отправиться въ Берлинъ, гдѣ я лучше всего могу достигнуть своей цѣли.

Но, чтобы устроить эту поѣздку сообразно моимъ средствамъ, они совѣтовали мнѣ отправиться на суднѣ изъ Кенигсберга въ Штетинъ, откуда я легко найду возможность переѣхать во Франкфуртъ на Одерѣ и Берлинъ.

Я отправился на суднѣ и имѣлъ на дорогу лишь сухой хлѣбъ, нѣсколько селедокъ и бутылочку водки. Мнѣ сказали въ Кенигсбергѣ, что поѣздка эта можетъ продолжаться десять, или много, четырнадцать дней; но это пророчество не сбылось. Плаваніе, вслѣдствіе противнаго вѣтра, продолжалось пять недѣль.

Легко себѣ представить, въ какомъ я находился тогда положеніи. На суднѣ, кромѣ меня, не было другихъ пассажировъ, исключая одной старой женщины, которая искала утѣшенія въ постоянномъ пѣніи духовныхъ пѣсенъ. Я также мало зналъ померанско-нѣмецкое нарѣчіе, которымъ говорили матросы, какъ они мой еврейско-польско-литовскій жаргонъ. Въ теченіе всего этого времени, я не ѣлъ ничего горячаго и спалъ на твердо нагруженныхъ мѣшкахъ; кромѣ того, судно неоднократно находилось въ опасности, а я большею частью страдалъ морской болѣзнью.

Наконецъ, я прибылъ въ Штетинъ, гдѣ мнѣ сказали, что оттуда во Франкфуртъ я очень легко могу пройти пѣшкомъ. Но какже польскому еврею въ самыхъ жалкихъ обстоятельствахъ, безъ полушки денегъ, и не зная притомъ языка страны, предпринять путешествіе, хотя бы только и въ нѣсколько миль?

Но нужно было все таки разъ совершить это. Я вышелъ изъ Штетина и, обдумывая мое жалкое положеніе, сѣлъ подъ липу и началъ горько плакать. Это нѣсколько облегчило мое сердце, я сдѣлался бодрѣе и отправился дальше. Я прошелъ мили двѣ и къ вечеру прибылъ въ гостиницу, крайне уставши. Это было наканунѣ еврейскаго постнаго дня въ августѣ мѣсяцѣ. Мое положеніе было такъ грустно, какъ только можно себѣ представить. Я уже теперь былъ совершенно изнуренъ отъ голода и жажды, а нужно было поститься еще завтра цѣлый день. Я не имѣлъ ни

одной полушки, чтобы купить что нибудь сѣстнаго, и не одной вещи, которую бы можно было продать съ этою цѣлью.

Наконецъ, я вспомнилъ, что имѣлъ съ собою на кораблѣ желѣзную ложку. Я досталъ ее и обратился къ хозяйкѣ съ просьбой отпустить мнѣ за эту ложку кусокъ хлѣба и нѣсколько пива. Она сначала хотя и не соглашалась, но, наконецъ, вняла моей горячей мольбѣ и отпустила мнѣ стаканъ кислаго пива. Я долженъ былъ удовольствоваться этимъ, выпилъ свое пиво и отправился спать въ конюшню на соломѣ.

Утромъ я продолжалъ свое путешествіе, но справился предварительно, гдѣ по близости живутъ евреи, дабы я могъ пойти въ синагогу и пѣть вмѣстѣ съ своими единовѣрцами элегіи о разрушеніи Іерусалима.

По окончаніи молитвы, я отправился къ мѣстному еврейскому учителю и разговарился съ нимъ. И такъ какъ онъ замѣтилъ, что я совершенный раввинъ, то началъ интересоваться мною, доставилъ мнѣ у одного еврея ужинъ и далъ рекомендательное письмо къ другому учителю въ сосѣдней мѣстности, въ которомъ представлялъ меня великимъ талмудистомъ и почтеннымъ раввиномъ.

Здѣсь мнѣ тоже оказанъ былъ весьма благосклонный пріемъ; я былъ приглашенъ самымъ богатымъ и почетнымъ евреемъ на субботній пиръ, а въ синагогѣ меня посадили на самое почетное мѣсто и оказали всѣ приходящіяся раввину почести. По окончаніи молитвы, упомянутый еврей взялъ меня съ собою домой и при обѣдѣ посадилъ меня между себя и своей дочери. Послѣдняя была дѣвушка лѣтъ двѣнадцати и весьма богато и красиво одѣта.

Въ качествѣ раввина я сталъ говорить на ученую тему и, чѣмъ менѣе баринъ и барыня меня понимали, тѣмъ божественнѣе казалась имъ моя рѣчь. Но вдругъ я замѣтилъ, что сидѣвшая около меня барышня сдѣлала очень кислую мину и стала корчить свое личико. Я сначала не могъ объяснить себѣ это; но когда я бросилъ взглядъ на самаго себя и на мои грязныя лохмотья, мнѣ тотчасъ же стало ясно въ чемъ дѣло. Безпокойство барышни имѣло

достаточно основанія. И какъ это могло быть иначе? Со времени отплытія моего изъ Кенигсберга, около семи недѣль, я не имѣлъ одѣть чистую рубашку, долженъ былъ спать въ гостинницахъ на грязной соломѣ, гдѣ уже до меня лежало множество нищихъ, и т. д.

Снова представилось мнѣ тутъ мое бѣдственное положеніе во всемъ своемъ ужасномъ видѣ. Я поспѣшилъ проститься съ этими добрыми людьми и продолжалъ путешествіе въ Берлинъ, въ постоянной борьбѣ со всякаго рода лишеніями и бѣдствіями.

Наконецъ, я прибылъ въ этотъ городъ. Я полагалъ, что теперь уже мои бѣдствія кончились и всѣ желанія исполнятся; но до этого было еще очень далеко.

Такъ какъ въ этой столицѣ нельзя было показаться нищему еврею, то еврейская община устроила страннопріимный домъ у Розентальскихъ воротъ, гдѣ принимались бѣдные, прибывающіе въ Берлинъ, и были допрашиваемы представителями общины объ ихъ нуждахъ и, смотря по обстоятельствамъ, были принимаемы въ городъ, какъ больные, или въ качествѣ слугъ, или же отправляемы были дальше. Меня тоже привели въ этотъ домъ, который былъ наполненъ отчасти больными, отчасти же праздношатающимися. Долгое время я напрасно отыскивалъ человѣка, съ которымъ я бы могъ поговорить о своемъ положеніи, но все напрасно. Наконецъ, я замѣтилъ одного человѣка, который, судя по его платью, казался мнѣ раввиномъ. Я обратился къ нему, и какъ же велика была моя радость, когда я узналъ отъ него, что онъ дѣйствительно раввинъ, и въ добавокъ довольно извѣстный въ Берлинѣ. Я бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ раввинской учености, и такъ какъ я очень откровененъ, то и разсказалъ ему о моей жизни въ Польшѣ и о моемъ намѣреніи изучать въ Берлинѣ медицину, показавъ ему мой комментарій на сочиненіе Маймонида *Морэ Небухимъ* (путеводитель блуждающихъ) и т. д. Онъ все это себѣ замѣтилъ и, повидимому, сильно интересовался мною. Но вдругъ онъ исчезъ и я его уже больше не увидѣлъ.

Къ вечеру пришли представители общины, распрашивали всякаго о его нуждахъ, въ томъ числѣ и меня. Я сказалъ имъ откро-

венно, что я желаю оставаться въ Берлинѣ, чтобъ заниматься медициной. Представители прямо отказали въ моей просьбѣ, дали мнѣ опредѣленную сумму на дорогу и ушли. Причиною этого обращенія было слѣдующее:

Раввинъ, о которомъ я прежде упомянулъ, былъ усердный ортодоксъ. Выслушавъ мои убѣжденія и намѣренія, онъ отправился въ городъ извѣстить представителей общины о моихъ іеретическихъ помыслахъ, что я хочу издать *Морэ Небухимъ* съ новымъ комментаріемъ и что мое намѣреніе не столько изучать медицину въ качествѣ профессіи, сколько вообще углубляться въ науки и развить свой умъ и познанія. Въ этомъ послѣднемъ набожные евреи видѣли что-то опасное для религіи и добрыхъ нравовъ, въ особенности, они думали такъ о польскихъ раввинахъ, которые, счастливымъ случаемъ, освободились отъ рабства суевѣрія, вдругъ увидѣли свѣтъ разума и сняли прежнія оковы.

Это отчасти и правда. Ихъ можно сравнить съ человѣкомъ, который, долго терпѣвши голодъ, вдругъ видитъ себя у богато яствами накрытаго стола: онъ съ жадностью станетъ ѣсть и объѣстся.

Недозволеніе оставаться въ Берлинѣ было для меня громовымъ ударомъ. Послѣдняя цѣль моихъ надеждъ и стремленій вдругъ удалена отъ меня, въ то время, когда я ужъ былъ такъ близокъ къ ней. Я находился въ положеніи Тантала и не зналъ, что́ дѣлать.

Особенно обидно было для меня обращеніе смотрителя, который, по приказанію представителей, настаивалъ на моемъ скоромъ удаленіи и не далъ мнѣ покою, пока не увидѣлъ меня за воротами.

Здѣсь я бросился на землю и началъ горько плакать.

Это было въ воскресенье, и предъ воротами было много гуляющихъ. Большая часть ихъ не обращала на меня, несчастнаго червяка, никакого вниманія; но нѣкоторыя сострадательныя души тронуты были моимъ жалкимъ видомъ. Онѣ спрашивали о причинѣ моего плача; я отвѣчалъ имъ, но они меня не понимали, отчасти вслѣдствіе моего непонятнаго для нихъ разговора, отчасти потому, что рѣчь моя была часто прерываема рыданіями и вздохами.

Я былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что попалъ въ горячку. Солдаты, стоявшіе карауломъ у воротъ, сообщили объ этомъ въ страннопріимномъ домѣ.

Смотритель пришелъ и взялъ меня въ домъ. Я остался тамъ весь день и радовался, въ надеждѣ, что сильно заболѣю и мнѣ, такимъ образомъ, представится возможность долѣе оставаться въ Берлинѣ. Я надѣялся познакомиться между тѣмъ съ разными лицами, которыя, можетъ быть, примутъ меня подъ свое покровительство и доставятъ мнѣ дозволеніе оставаться въ Берлинѣ.

Но къ сожалѣнію надежда моя не сбылась. На слѣдующій день я всталъ совершенно здоровымъ и не чувствовалъ никакой лихорадки. Я долженъ былъ удалиться. Но куда?—этого я и самъ не зналъ.

Я пошелъ по первой попавшейся дорогѣ и вполнѣ предался своей судьбѣ.

ГЛАВА XXII.

Послѣдняя ступень бѣдствія.—Спасеніе.

Вечеромъ я прибылъ въ гостинницу, гдѣ засталъ бѣднаго пѣшехода еврея, нищенствующаго ex professo. Я былъ очень радъ, что встрѣтилъ одного изъ моихъ единовѣрцевъ, съ которымъ я могъ говорить и который хорошо былъ знакомъ въ этихъ мѣстностяхъ.

Я рѣшился, поэтому, странствовать по странѣ вмѣстѣ съ моимъ собесѣдникомъ и, такимъ образомъ, содержать себя, хотя на свѣтѣ едва-ли были двѣ личности, болѣе противоположныя. Я былъ ученый раввинъ, онъ—совершенный идіотъ. Я до-сихъ-поръ почетнымъ образомъ зарабатывалъ свой хлѣбъ, онъ же былъ нищимъ по профессіи. Я имѣлъ понятіе о нравственности, приличіи и т. п., ему-же эти вещи и въ голову не приходили. Наконецъ, я

былъ хотя здоровъ, но слабаго тѣлосложенія, между-тѣмъ какъ онъ былъ крѣпкій, плечистый человѣкъ, который могъ бы быть отличнымъ солдатомъ.

Не смотря на эти противоположности, я однако крѣпко связался съ нимъ, чтобы не умереть съ голоду, такъ-какъ я принужденъ былъ странствовать по чужой землѣ. Во время странствованія я старался ознакомить моего товарища съ понятіями религіи и истинной морали, а онъ обучалъ меня искуству нищенствовать: онъ сообщалъ мнѣ употребляемыя для этого формулы и совѣтовалъ въ особенности изрекать проклятія противъ тѣхъ, которые откажутъ мнѣ въ подаяніи.

Но, при всемъ его стараніи, его ученія не находили во мнѣ никакого отклика. Формулы нищенства показались мнѣ чрезъ-чуръ плоскими. Я полагалъ, что если человѣкъ уже припужденъ прибѣгать къ чужой помощи, то самое лучшее—выражать свои чувства въ простыхъ выраженіяхъ; что-же касается проклятій, то я не могъ понять, почему человѣкъ, отказывающій кому-либо въ его просьбѣ, уже заслуживаетъ быть проклятымъ; притомъ мнѣ казалось, что этимъ лишь хуже возстановишь его противъ себя и тѣмъ менѣе достигнешь своей цѣли.

Когда я ходилъ вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, то дѣлалъ видъ, что вымаливаю и проклинаю вмѣстѣ съ нимъ; въ сущности-же я испускалъ совершенно безсмысленные звуки. А когда я былъ одинъ, то не говорилъ ничего; но всякій по виду моему уже зналъ, чего мнѣ недостаетъ.

Товарищъ мой нерѣдко бранилъ меня за то, что не слѣдую его ученіямъ, и я терпѣливо переносилъ это.

Такимъ образомъ, блуждали мы въ одномъ округѣ въ нѣсколько миль около полугода. Наконецъ, мы рѣшились возвратиться въ Польшу.

Мы прибыли въ Познань и остановились въ еврейскомъ страннопріимномъ домѣ, хозяинъ котораго былъ бѣдный лоскутникъ. Здѣсь я рѣшился, во что-бы то ни стало, положить конецъ моему странствованію.

Это было осенью, и начинались уже довольно чувствительные холода; я былъ почти совершенно нагъ и безъ обуви. Здоровье мое сильно пострадало отъ такого рода путешествія, во время котораго приходилось спать на грязной соломѣ, а иногда даже и на голой землѣ, а что касается ѣды, то не получалъ ничего порядочнаго и долженъ былъ часто довольствоваться заплѣсневшими хлѣбными крохами и водою. Кромѣ того, приближались еврейскіе судные дни, и такъ-какъ я былъ еще тогда довольно религіозенъ, то не могъ переносить мысль, что я, въ то время, когда всѣ заботятся о спасеніи своей души, буду предаваться праздности.

Я рѣшился, поэтому, не идти далѣе—по крайней мѣрѣ, на первое время, и во всякомъ случаѣ, если дѣло до этого дойдетъ, лечь у синагоги или умереть тамъ, или-же возбудить состраданіе своихъ единовѣрцевъ, и этимъ путемъ положить конецъ своемубѣдственному положенію.

Когда на утро товарищъ мой всталъ и, намѣреваясь отправиться нищенствовать, звалъ меня съ собою, я отвѣтилъ ему, что я теперь не хочу идти вмѣстѣ съ нимъ. На вопросъ его: гдѣ-же я возьму средства къ жизни? я могъ ему только отвѣтить: Богъ уже поможетъ.

Я отправился въ еврейскую школу, гдѣ нашелъ нѣкоторыхъ учениковъ, занимающихся своимъ дѣломъ, между-тѣмъ какъ другіе, пользуясь отсутствіемъ учителей, проводили свое время въ играхъ. Я также взялъ книгу и сталъ читать. Имъ бросился въ глаза мой странный костюмъ, и они подошли ко мнѣ и спросили: откуда я? и что я намѣренъ дѣлать? Я отвѣчалъ имъ; но, такъ-какъ они не понимали моего разговора, то стали смѣяться и шутить надо мною, на что я не обращалъ никакого вниманія.

Я вспомнилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ раввиновъ нашего края былъ приглашенъ раввиномъ въ Познань и что онъ взялъ съ собою одного моего друга въ качествѣ писаря. Я спросилъ мальчиковъ объ этомъ моемъ другѣ. Къ крайнему моему сожалѣнію, я узналъ отъ нихъ, что его уже больше нѣтъ

въ Познани, такъ-какъ онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ раввиномъ, приглашеннымъ впослѣдствіи въ Гамбургъ; но онъ оставилъ своего сына у нынѣшняго познанскаго раввина, который есть зять прежняго.

Это извѣстіе не мало меня огорчило, но послѣднее обстоятельство внушало мнѣ нѣкоторую надежду.

Я освѣдомился, гдѣ живетъ новый раввинъ, и отправился къ нему; но, будучи почти совершенно нагъ, я не рѣшался войдти въ домъ и выждалъ, пока другой вошелъ туда. Послѣдняго я просилъ выслать ко мнѣ сына моего друга.

Онъ тотчасъ-же узналъ меня и выразилъ свое изумленіе, что видитъ меня здѣсь въ такомъ жалкомъ состояніи. Я отвѣтилъ ему, что теперь не время разсказывать всѣ несчастія, которыя довели меня до этого положенія, и что онъ теперь только долженъ думать: какъ-бы облегчить нѣсколько это бѣдственное положеніе.

Онъ обѣщалъ мнѣ это и отправился къ раввину, которому сообщилъ, что я великій ученый и благочестивый человѣкъ, который, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, попалъ въ такое несчастное положеніе.

Раввинъ этотъ былъ превосходный человѣкъ, остроумный талмудистъ и чрезвычайно кроткаго характера. Онъ былъ сильно тронутъ моимъ горемъ, пригласилъ меня къ себѣ, бесѣдовалъ со мною долгое время, диспутировалъ со мною о важнѣйшихъ талмудическихъ вопросахъ и нашелъ, что я хорошо знакомъ со всѣми областями еврейской учености.

На его вопросъ: что́ я намѣренъ дѣлать? я отвѣтилъ ему, что желалъ-бы получить мѣсто гувернера въ какомъ-нибудь домѣ; но пока желалъ-бы оставаться здѣсь—по-крайней-мѣрѣ, на время великихъ праздниковъ и хоть на это время прервать свое странствованіе.

Добродушный раввинъ отвѣтилъ, чтобы я не безпокоился, что мое требованіе очень ничтожное и весьма скромное. Онъ далъ мнѣ столько денегъ, сколько у него было, пригласилъ меня всякую субботу къ своему столу и приказалъ своему сыну доставить мнѣ приличную квартиру. Мальчикъ скоро возвратился и повелъ меня въ ою квартиру.

Я полагалъ, что мнѣ укажутъ маленькую коморку въ жилищѣ какого-нибудь бѣдняка. Я, поэтому, не мало былъ изумленъ, когда я увидѣлъ себя въ квартирѣ одного изъ почтеннѣйшихъ евреевъ города, въ которой для меня отведена была очень чистенькая комната,—учебная комната хозяина, который, какъ и сынъ его, былъ великій ученый.

Осмотрѣвшись немного, я отправился къ хозяйкѣ, всунулъ ей въ руку нѣсколько грошей и просилъ, чтобы она мнѣ къ ужину приготовила овсянный супъ. Хозяйка начала смѣяться надъ моей простотой и сказала: «Нѣтъ, сударь, наши условія не такія; раввинъ васъ не такъ рекомендовалъ намъ, чтобы вы за свои деньги варили себѣ овсянку». Затѣмъ она объявила мнѣ, что я буду ѣсть и пить у нихъ все время, которое я останусь въ этомъ городѣ.

Я былъ изумленъ этимъ неожиданнымъ счастьемъ, но восторгъ мой былъ еще сильнѣе, когда мнѣ послѣ ужина указали чистую постель. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ и неоднократно спрашивалъ—дѣйствительно-ли это для меня?

Истинно могу сказать, что никогда, ни до этого обстоятельства, ни впослѣдствіи, я не чувствовалъ себя въ такой степени счастливымъ, какъ въ то время, когда улегся въ кровать и ощущалъ, какъ мои изнеможенные полугодовымъ странствованіемъ, почти совершенно разбитые члены въ мягкой постели начинаютъ получать свою прежнюю силу.

Я спалъ очень долго. Какъ только я всталъ, меня тотчасъ-же пригласилъ къ себѣ раввинъ. Онъ спросилъ меня: доволенъ-ли я своей квартирой? Я не могъ найти словъ, чтобы выразить свои чувства, и лишь восторженно воскликнулъ: «Я спалъ въ постели!» Раввинъ очень обрадовался этому, послалъ за синагогальнымъ служкой и, когда тотъ пришелъ, сказалъ ему: «Ступайте къ купцу N. и возьмите у него на мой счетъ матеріи для господина Соломона на платье».

Затѣмъ онъ спросилъ меня, какая мнѣ угодна матерія? Проникнутый глубокимъ чувствомъ благодарности и уваженія къ этому превосходному человѣку, я не могъ ничего отвѣтить. Моимъ отвѣтомъ служилъ обильный потокъ слезъ.

Раввинъ приказалъ сшить для меня и новое бѣлье. Въ два дня все было готово. Въ новомъ бѣльѣ и новомъ платьѣ, я отправился къ раввину и хотѣлъ выразить ему мою благодарность; но я ничего не могъ произнести, кромѣ нѣсколькихъ безсвязныхъ словъ. Для раввина это было восторгающій видъ. Онъ отклонилъ мою благодарность и сказалъ, чтобы я ему не высоко ставилъ это, такъ какъ все, что онъ сдѣлалъ, слишкомъ незначительно и не стоитъ разговора!

Но читатель, можетъ быть, подумаетъ, что этотъ раввинъ былъ богатый человѣкъ, для котораго эти издержки на меня, дѣйствительно, ничего не составляли. Я долженъ, поэтому, замѣтить, что это было далеко не такъ. Раввинъ получалъ лишь очень маленькое содержаніе; и такъ-какъ онъ исключительно занимался своими книгами, то жена его должна была управлять его дѣлами и хозяйствомъ. Подобныя дѣла онъ долженъ былъ, такимъ образомъ, совершать безъ вѣдома своей жены, а ей сказать, что на эти расходы ему другіе дали деньги. Онъ велъ крайне умѣренную жизнь, постился каждый день, кромѣ субботы—и во всю недѣлю не ѣлъ мяса.

Тѣмъ не менѣе, онъ, для того, чтобъ совершать благотворительныя дѣла, къ которымъ онъ былъ очень склоненъ, долженъ былъ дѣлать долги. Его строгій образъ жизни, постоянныя занятія наукой и бодрствованія по ночамъ такъ ослабили его здоровье, что онъ умеръ на 36 году своей жизни въ Ферде, куда его впослѣдствіи призвали, и куда послѣдовало за нимъ множество его учениковъ. Я безъ глубокаго чувства не могу вспомнить объ этомъ божественномъ мужѣ.

Въ прежней моей квартирѣ, у бѣднаго лоскутника, оставлены были мною нѣкоторыя мои вещи, за которыми я и отправился. Лоскутникъ, его жена и бывшій мой товарищъ по нищенству уже знали о случившейся со мною перемѣнѣ и, потому, съ нетерпѣніемъ ожидали меня.

Трогательная сцена. Человѣкъ, который три дня тому прибылъ въ эту лачужку въ совершенномъ изнеможеніи, полунаго, полу-

обутый, на котораго бѣдные жители этой избы смотрѣли, какъ на отребіе природы, и товарищъ котораго въ холщевой блузѣ смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ,—этотъ-же человѣкъ теперь является съ веселымъ лицемъ, одѣтый какъ раввинъ, и съ весьма почтенною наружностью!

Всѣ выразили свою радость и удивленіе по поводу этого превращенія, жена лоскутника взяла своего ребенка на руки и слезно просила благословить его. Мой бывшій товарищъ въ трогательныхъ выраженіяхъ просилъ простить за его суровое со мною обращеніе: онъ сказалъ, что считаетъ себя счастливымъ, что имѣлъ такого товарища; но что онъ почтетъ себя несчастнымъ, если я не захочу простить ему его ошибки, которыя онъ совершалъ вслѣдствіе своего невѣжества.

Я говорилъ со всѣми очень привѣтливо, благословилъ ребенка, далъ моему бывшему товарищу всѣ деньги, которыя у меня были и, сильно растроганный, возвратился домой.

Между-тѣмъ отношенія ко мнѣ раввина и моего новаго хозяина, который также былъ очень ученый человѣкъ и который, на основаніи нашихъ частыхъ бесѣдъ и диспутовъ, получилъ очень высокое мнѣніе о моихъ талантахъ и учености, распространили мою славу во всемъ городѣ. Всѣ ученые этого города желали видѣть меня и диспутировать со мною, какъ съ знаменитымъ путешествующимъ раввиномъ; и чѣмъ ближе они меня узнавали, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ они ко мнѣ относились.

Это время было, безспорно, самое счастливое и самое почетное въ моей жизни.

Молодые ученые этого города рѣшили назначить мнѣ содержаніе съ тѣмъ, чтобы я читалъ имъ о глубокомысленномъ сочиненіи Маймонида «Морэ-небухимъ». Но это предложеніе не состоялось, потому-что родители этихъ молодыхъ людей опасались, чтобъ дѣти ихъ не отступили отъ прямого пути и размышленіемъ о религіи не были-бы поколеблены въ своей вѣрѣ. Они хотя и признали, что я, при своей склонности къ размышленію, все-таки остался набожнымъ человѣкомъ и ортодоксальнымъ раввиномъ; но они въ своихъ дѣтяхъ не полагали столько силы разсудка, чтобъ

они могли пойти по этой дорогѣ и не попасть изъ одной крайности въ другую, изъ суевѣрія въ совершенное невѣріе. Они отчасти были правы.

Я прожилъ, такимъ образомъ, четыре недѣли. Однажды ко мнѣ зашелъ мой хозяинъ и сказалъ мнѣ слѣдующее: «Господинъ Соломонъ! Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ предложеніе. Если вы склонны лишь къ занятіямъ для себя самого, то вы можете у насъ оставаться, сколько вамъ угодно; но если вы желаете не сосредоточиваться лишь въ себѣ, а хотите своими талантами приносить пользу и другимъ, то здѣсь есть богатый человѣкъ, одинъ изъ почтеннѣйшихъ въ городѣ, который имѣетъ лишь одного сына и ничего больше не желаетъ, какъ имѣть васъ его гувернеромъ. Этотъ человѣкъ—мой шуринъ; если вы не хотите это сдѣлать ради него, то сдѣлайте это ради меня и ради нашего раввина, которому воспитаніе моего племянника, помолвленнаго въ его семействѣ, очень близко къ сердцу».

Я съ радостью принялъ это предложеніе, и, такимъ образомъ, на выгодныхъ условіяхъ поступилъ гувернеромъ въ эту семью и остался тамъ два года въ большемъ почетѣ. Ничего не дѣлали въ этомъ домѣ безъ моего вѣдома. Меня встрѣчали съ величайшимъ почтеніемъ; меня считали почти сверхъестественнымъ существомъ!

Такъ протекли эти два года счастливо и незамѣтно. Но въ теченіе этого времени случались маленькія происшествія, которыя я считаю себя не-въ-правѣ пройти молчаніемъ.

Прежде всего, уваженіе къ моей личности доходило до того, что меня, во что-бы то ни стало, хотѣли сдѣлать пророкомъ. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

Мой ученикъ былъ помолвленъ съ дочерью раввина, шурина раввина познанскаго. Невѣста, дѣвушка лѣтъ двѣнадцати, по обыкновенію, была приведена на праздникъ пятидесятницы въ домъ родителей жениха. При этомъ случаѣ я замѣтилъ, что эта дѣвушка весьма флегматическаго темперамента и, кромѣ того, чахоточная. Я открылъ это брату моего хозяина и выразилъ при этомъ, что я серьезно опасаюсь за здоровье невѣсты. Послѣ праздника дѣвушка взята была обратно своими родителями, а по истеченіи двухъ недѣль получено было письмо, извѣщавшее о ея смерти.

Послѣ этого меня прокричали пророкомъ не только въ этомъ домѣ, но и во всемъ городѣ, такъ-какъ я предсказалъ смерть этой дѣвушки.

Такъ-какъ мнѣ противенъ былъ всякій обманъ, то я старался убѣдить этихъ суевѣрныхъ людей, что всякій человѣкъ, который сдѣлалъ въ свѣтѣ нѣкоторыя наблюденія, могъ-бы предсказать то-же самое. Но все было напрасно. Я разъ уже былъ сдѣланъ пророкомъ и такимъ долженъ былъ остаться.

Другое происшествіе состояло въ томъ, что въ одномъ еврейскомъ домѣ, въ которомъ приготовляли на субботу рыбу, тому, кто приготовлялъ ее, показалось, что одинъ изъ карповъ, когда его разрѣзывали, испустилъ какой-то звукъ. Это навело на всѣхъ паническій страхъ. Тотчасъ-же послали спросить раввина, что сдѣлать съ этой нѣмой рыбой, которая вдругъ стала говорить? Тотъ, въ суевѣрномъ предположеніи, что въ карпѣ сидитъ какой-нибудь духъ, приказалъ облечь его въ саванъ и похоронить со всякими почестями.

Объ этомъ страшномъ происшествіи разсказывали и въ домѣ, гдѣ я жилъ. Я, который изученіемъ сочиненій Маймонида уже былъ въ нѣкоторой степени освобожденъ отъ подобныхъ суевѣрныхъ взглядовъ, искренно разсмѣялся при этомъ и сказалъ: жаль, что вмѣсто того, чтобы похоронить карпа, не прислали его лучше мнѣ; я-бы попытался попробовать, какой вкусъ имѣетъ такой одухотворенный карпъ.

Эта острота сдѣлалась извѣстной во всемъ городѣ. Ученые пришли въ ярость, прокричали меня еретикомъ и старались преслѣдовать всевозможнымъ образомъ. Но уваженіе, которое питали ко мнѣ въ домѣ, гдѣ я былъ гувернеромъ, сдѣлало напраснымъ всѣ ихъ старанія.

Такъ-какъ я въ этомъ отношеніи чувствовалъ себя безопаснымъ, а духъ фанатизма еще болѣе поощрялъ меня къ дальнѣйшимъ размышленіямъ, чѣмъ удерживалъ отъ нихъ, то я началъ идти уже немного дальше: нѣсколько разъ проспалъ молитвенные часы, рѣдко посѣщалъ синагогу и т. д. Наконецъ, мѣра грѣховъ моихъ достигла такихъ размѣровъ, что ничто не могло защитить меня отъ преслѣдованій.

Въ общинномъ домѣ въ Познани былъ прибитъ къ стѣнѣ,

Богъ знаетъ съ какихъ поръ, олений рогъ. Объ этомъ рогѣ всѣ ев-
реи единогласно утверждали, что тотъ, кто къ нему прикоснется,
тотчасъ же долженъ умереть, и разсказывали много подобныхъ
примѣровъ.

Мнѣ никакъ этому не хотѣлось вѣрить. Я смѣялся надъ этимъ
и, когда разъ вмѣстѣ съ другими евреями проходилъ мимо этого
мѣста, я сказалъ имъ: «Вы, познанскіе дураки, которые вѣрятъ
что тотъ, кто прикоснется къ этому рогу, тотчасъ умретъ, смотри-
те: я осмѣливаюсь прикоснуться къ нему».

Тѣ въ страшномъ испугѣ ждали моей немедленной смерти, но такъ-
какъ этого не случилось, то ихъ испугъ превратился въ ненависть
ко мнѣ за то, что я, будто-бы, осквернилъ святыню.

Этотъ фанатизмъ снова возбудилъ во мнѣ желаніе отправиться въ
Берлинъ, чтобъ просвѣщеніемъ окончательно уничтожить въ себѣ
всякіе слѣды суевѣрія. Я поэтому просилъ моего хозяина, чтобы
онъ меня уволилъ. Послѣдній хотя и выразилъ желаніе, чтобъ я
еще оставался у него въ домѣ, и ручался, что онъ защититъ
меня отъ всякихъ преслѣдованій, но такъ-какъ я уже разъ при-
нялъ это рѣшеніе, то и не хотѣлъ измѣнить его. Я простился
съ моимъ хозяиномъ и всей его семьей, сѣлъ на франкфуртскую
почту и отправился въ Берлинъ.

(Конецъ первой части).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Я пишу это предисловіе ко второй части моего жизнеописанія
не въ моемъ интересѣ, а въ интересѣ читателя, чтобъ указать ему
надлежащую точку зрѣнія, съ которой онъ долженъ судить о немъ,
и способъ, какъ имъ пользоваться.

Это не будетъ авторская замашка, если я скажу, какъ неохот-
но я взялся писать мою біографію. И это не потому, чтобы я ду-

малъ, что только *великимъ людямъ*, чиновнымъ и титулованнымъ,
могущимъ сообщать о государственныхъ дѣлахъ, съ которыми имъ
приходилось сталкиваться въ своей жизни, о придворныхъ интри-
гахъ, съ которыми имъ приходилось бороться—словомъ, о своихъ
политическихъ и военныхъ экспедиціяхъ на сушѣ и на морѣ,—при-
лично отдать свѣту отчетъ о своей жизни. Нисколько. Бываютъ та-
кія отношенія, гдѣ незначительныя, повидимому, событія въ чело-
вѣческой жизни могутъ быть гораздо интереснѣе и поучительнѣе,
чѣмъ упомянутыя блестящія дѣла, которыя вездѣ бываютъ почти
одни и тѣже, такъ что, зная положеніе лица, котораго они каса-
ются, легко можно себѣ уже a priori представить и самыя событія,
и даже довольно точно предсказать ихъ. Природа неисчерпаема,
между тѣмъ какъ описанія подобнаго рода уже давно исчерпаны.

Истинная причина, которая удерживала меня отъ этого, есть
ничто иное, какъ сознаніе своего безсилія представить событія моей
жизни, сами по себѣ не безъинтересныя въ психологическомъ, пе-
дагогическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, такъ, чтобы описаніе
соотвѣтствовало этимъ цѣлямъ.

Но такъ какъ нѣкоторые отрывки, сообщенные мною въ инте-
ресѣ психологіи, въ «Магазинѣ для опытнаго познанія души», про-
тивъ моего ожиданія, имѣли значительный успѣхъ, то я уже не могъ
противиться настаиваніямъ моихъ друзей и въ особенности издате-
ля (Морица), который есть въ этомъ дѣлѣ лице весьма компетент-
ное, и рѣшился всецѣло напечатать эту біографію, какъ-бы несо-
вершенно она ни вышла.

Я хотя и не писалъ это жизнеописаніе по ясно опредѣленнымъ
правиламъ хорошей біографіи, однако, могу отдать читателю от-
четъ; какъ о планѣ, такъ и о правилахъ, которыми я, хотя и
безсознательно, руководился.

Прежде всего я положилъ себѣ за правило, въ моихъ разсказахъ
и описаніяхъ, оставаться вѣрнымъ истинѣ, будетъ-ли она въ поль-
зу или во вредъ моей личности, моему семейству, моему народу или
другимъ отношеніямъ. Въ первомъ случаѣ, я далекъ отъ, такъ на-
зываемой, скромности—щита многихъ негодяевъ, чтобы изъ-за этого
умолчать о такихъ вещахъ, которыя могутъ быть полезны читателю,
лишь потому, что въ нихъ заключается что-нибудь лестное для меня.

Истинная скромность ни въ какомъ случаѣ не требуетъ, чтобы кто-либо всѣми силами скрывалъ свои достоинства, дабы другія, у которыхъ нѣтъ этихъ достоинствъ, не были пристыжены, требованіе весьма фатальное для человѣческаго назначенія—ибо всякій легко можетъ избѣгнуть такого пристыженія—а она состоитъ лишь въ томъ, чтобы не слишкомъ высоко цѣнить свое достоинство и всегда сравнивать ихъ съ высшими и даже самыми высокими достоинствами, которыхъ можетъ достигнуть человѣкъ и, такимъ образомъ, дать имъ настоящую оцѣнку.

Такъ точно я, для того, чтобы афектировать совершенства, не думаю скрывать или прикрашивать человѣческія слабости, которымъ я, по невѣжеству, недостатку воспитанія и другимъ причинамъ, подвергался въ теченіи моей жизни, по пословицѣ: homo sum et nihil humanum a me alienum puto, и которыя, въ виду ихъ послѣдствій могутъ служить предостереженіемъ для другихъ.

Относительно другихъ лицъ, съ которыми приходилъ въ сношенія, я поступаю точно также; я выставляю ихъ добрыя дѣла, какъ образецъ, которому слѣдуетъ подражать, и обличаю, въ тоже время, ихъ дурныя дѣла.

Ты вѣроятно, замѣтилъ, любезный читатель, что люди, относительно обнаруженія ими ихъ достоинствъ и недостатковъ, могутъ быть раздѣлены на три класса. Первый классъ—это люди *благосклонные*; они стараются все хорошее и прекрасное, которое могутъ отыскать внутри себя, выставлять на-показъ другимъ; все же дурное и глупое они тщательно скрываютъ, для своего собственнаго употребленія. Это такъ называемые *свѣтскіе люди, люди благовоспитанные.* — Принадлежащіе ко второму классу поступаютъ какъ разъ наоборотъ: они сохраняютъ свою мудрость для себя и обнаруживаютъ предъ другими свою глупость. Люди третьяго класса держатся средины: признаютъ за другими такія же права, какъ за собою; они выставляютъ свои продукты такъ, *какъ Богъ далъ.* Этимъ людямъ рѣдко отдаютъ справедливость; въ особенности со времени грѣхопаденія, съ какихъ поръ люди склонны видѣть во всемъ скорѣе дурную, чѣмъ хорошую сторону. Не одинъ богословъ видитъ въ тѣхъ, которые имѣютъ несчастіе принадлежать къ этому классу, людей опасныхъ религіи; политики

видятъ въ нихъ нарушителей общественнаго спокойствія, медики—людей страдающихъ заволами печени. На нѣкоторыхъ даже уже одинъ видъ ихъ наводитъ vapeurs. Но всѣ эти господа и госпожи, по выраженію великаго метафизика Бутлера, суть лишь *инструменты, которыми негодяи пользуются для достиженія своихъ цѣлей*, т. е. *глупцы*.

Поэтому, я въ твоемъ интересѣ, любезный читатель, старался въ этомъ жизнеописаніи указать надлежащее мѣсто, какъ себѣ, такъ и другимъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, и на этомъ основаніи старался опредѣлить образъ дѣйствій каждаго.

Я хотя и не *великій человѣкъ*, не *философъ для свѣта, но и не шутъ*; я также въ жизни своей не задушилъ сотни *мышей въ воздушномъ насосѣ*, не подвергалъ *пыткѣ лягушекъ*, не заставлялъ самцевъ танцовать при помощи *электричества*—но что же изъ этого? Я люблю истину, а гдѣ дѣло касается истины, то мнѣ ни по чемъ самъ чортъ съ его бабушкой.

Такъ какъ для того, чтобы добиться истины, я оставилъ свой народъ, свою семью и свою родину, то меня не могутъ заподозрить, что я, изъ какихъ нибудь мелочныхъ мотивовъ, скрывалъ истину.

Личной вражды я не питаю ни къ кому; но тотъ врагъ истины, кто пользуется своимъ уваженіемъ въ публикѣ для того, чтобы вводить ее въ заблужденіе, тотъ, eo ipso, и мой врагъ, хотя бы я не имѣлъ съ нимъ никакихъ другихъ отношеній. И я не пропущу случая выставить его образъ дѣйствія въ настоящемъ свѣтѣ, будь онъ хоть римскимъ епископомъ, профессоромъ, или даже турецкимъ султаномъ.

Это общеизвѣстная истина, что *природа скачковъ не дѣлаетъ.* Всѣ великія событія суть послѣдствія многихъ мелкихъ, отчасти между собою согласныхъ, отчасти же противоположныхъ одно другимъ и взаимно одни другія ограничивающихъ, такъ что великія событія должно считать лишь результатомъ ихъ.

Такъ какъ въ моемъ образованіи, какъ уже читатель успѣлъ вѣроятно замѣтить, совершился значительный и повидимому внезапный переворотъ, то я считаю своимъ долгомъ упомянуть здѣсь о всемъ, что повело къ моему образованію. Великій, даже можетъ быть ве-

личайшій человѣкъ нашего народа имѣлъ своими сочиненіями громадное вліяніе какъ на развитіе моихъ способностей, такъ и на образованіе моего характера.

Благодарность къ этому величайшему моему благодѣтелю и желаніе, чтобы жизнеописаніе мое было поучительно, побудили меня познакомить читателя съ духомъ этого превосходнаго учителя и съ оригинальнымъ способомъ, которымъ онъ относится къ важнѣйшимъ явленіямъ въ жизни, чѣмъ объяснится, я надѣюсь, многое въ моемъ характерѣ и образѣ мыслей, что иначе моглобы показаться непонятнымъ. На мое образованіе имѣли преимущественное вліяніе собственно не особенности его ученія, а смѣлый полетъ его мыслей, который не зналъ другихъ предѣловъ, кромѣ предѣла самаго разума, его любовь къ истинѣ, которая выше всего, твердость въ принципахъ и строгій методъ въ выводѣ основанныхъ на нихъ истинъ, энергическій протестъ противъ предразсудковъ воспитанія, мечтательности и суевѣрія съ одной стороны и гибкость мысли и необходимое философу искусство сравнивать однѣ мысли съ другими тамъ, гдѣ разница лишь въ выраженіи съ другой стороны. Я изобразилъ образъ мыслей и убѣжденія этого великаго человѣка въ извлеченіи изъ однаго изъ важнѣйшихъ его сочиненій, не ограничился однимъ сухимъ переводомъ, но и объяснилъ нѣкоторыя темныя мѣста, а другія привелъ въ согласіе съ новѣйшей философіей.

Я не забылъ также и другихъ моихъ благодѣтелей, которые посредственно или непосредственно содѣйствовали моему перерожденію какимъ-нибудь способомъ. Однако, благодарность, которою я обязанъ этимъ превосходнымъ людямъ, не можетъ заставить меня скрывать ихъ слабыя стороны и не порицать ихъ тамъ, гдѣ это необходимо для объясненія моихъ дѣйствій, по извѣстному изрѣченію: amicus Socrates, amicus Plato, sed magis amica veritas.

Моя автобіографія, кромѣ того, должна такъ-сказать служить моимъ инвентаремъ, въ который вѣрно должно быть занесено, на сколько я приблизился къ моему назначенію и призванію, а также—чего еще мнѣ недостаетъ для этого, и который долженъ служить, какъ для познанія меня самого, такъ и для моего усовершенствованія.

ВВЕДЕНІЕ.

Развитіе моего познанія и образованіе моего характера. Рѣшительное вліяніе, которое имѣли, въ этомъ отношеніи сочиненіе знаменитаго рабби Моисея бенъ-Маймона.—Изложеніе духа этихъ сочиненій,

Изъ первой части этой автобіографіи видно, что, не смотря на всѣ препятствія, которыя судьба противопоставляла развитію моихъ способностей и характера, развитіе это, хотя и *задерживалось*, но не было окончательно *подавлено*; а какъ это вообще законъ природы, что *дѣйствіе* должно соотвѣтствовать *реакціи*, такъ и относительно меня, повидимому, разумно было предначертано провидѣніемъ, чтобы эти самыя препятствія содѣйствовали достиженію цѣли. Недостатокъ разумныхъ учителей и цѣлесообразнаго чтенія должно было выкупить собственное размышленіе. Рѣдкость сочиненій, споспѣшествующихъ этой цѣли, заставила меня особенно цѣнить то, которое мнѣ удалось достать. Я долженъ былъ посвятить имъ все свое вниманіе, исправлять ихъ недостатки, пополнять ихъ пробѣлы и стараться внести свѣтъ и порядокъ въ темный, запутанный хаосъ. Я мало-по-малу началъ сознавать, что всѣ, приведенныя въ первой части, неудачи, которыя постигли меня и мое семейство, ни въ какомъ случаѣ не суть слѣдствія какой-то фатальной необходимости или наказанія за воображаемые грѣхи — обыкновенное убѣжище невѣжества и лѣни —а именно, большею частью, слѣдствіе этого невѣжества и лѣни. Меланхолическая и фантастическая вѣра мало-по-малу уступала мѣсто религіи разума; мѣсто рабскаго поклоненія заняло истинное сознаніе и нравственность, и совершенство было признано мною истиннымъ блаженствомъ.

Самое рѣшительное вліяніе на эту счастливую перемѣну имѣли, преимущественно, сочиненія знаменитаго *Маймонида* (рабби Моисея бенъ-Маймона). Почитаніе этого великаго учителя доходило

у меня до того, что я считалъ его идеаломъ совершеннаго человѣка, а его ученія уважалъ такъ, какъ-бы они были продиктованы прямо божественною мудростью. Это доходило до того, что я, опасаясь, чтобы начинающія развиваться страсти не побудили меня къ дѣйствію, противному этимъ ученіямъ, употреблялъ слѣдующую клятву, какъ вѣрное средство противустоять искушенію: Клянусь при благоговѣніи, которымъ я обязанъ великому моему учителю, рабби Моисею-бенъ-Маймону не совершить того или другого дѣйствія. И эта клятва, на сколько я могу припомнить, дѣйствительно всегда удерживала меня отъ неблаговидныхъ дѣлъ.

Но чтобы дать понять читателю какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ сочиненія этого великаго человѣка повліяли на мое образованіе, я долженъ его хоть нѣсколько познакомить съ духомъ этихъ сочиненій.

Рабби Моисей Маймонъ былъ родомъ изъ испанской раввинской фамиліи и жилъ въ 12-омъ вѣкѣ, когда Мавры еще процвѣтали въ Испаніи. Испанія и Франція находились тогда въ противоположныхъ отношеніяхъ, чѣмъ теперь. Тамъ процвѣтали науки и искусства. Политическое положеніе и просвѣщеніе достигло высокой степени. Здѣсь, какъ и въ другихъ христіанскихъ странахъ, господствовали величайшій политическій хаосъ, невѣжество и грубость нравовъ. Въ Испаніи, въ то время, были самые знаменитые академіи и университеты. Наука всѣми мѣрами и способами была поощряема и развиваема. *Евреямъ* не только предоставлены были правительствомъ *защита* и *гражданская свобода*, но они занимали *высокія и почетныя должности* и вообще пользовались благами и просвѣщеніемъ наравнѣ со всѣми другими жителями. Они занимались всякаго рода промыслами и съ успѣхомъ предавались наукамъ и художествамъ. Положеніе-же евреевъ во Франціи и другихъ христіанскихъ земляхъ было, напротивъ, весьма печальное. Ихъ невѣжество и религіозные предразсудки брали верхъ надъ здравымъ смысломъ, и наука и искусства не только не были ими уважаемы, но, какъ, по ихъ мнѣнію, нѣчто противное религіи, были даже презираемы. Ихъ ученые занимались преимущественно изученіемъ Талмуда и высказывали въ нимались

этомъ громадную силу. Это, естественно, породило недоразумѣнія и споръ между французскими и испанскими учеными. Послѣдніе смотрѣли на первыхъ, какъ на *хитрыхъ причудниковъ*, которые безъ основательнаго знанія языка, безъ разумной экзегетики и безъ правильнаго метода мыслить, безполезнымъ образомъ тратятъ свои способности и остроуміе. Первые-же, напротивъ, упрекали послѣднихъ въ отступленіи отъ вѣры праотцевъ и осуждали всѣ ихъ свѣтскія знанія и науки, какъ нѣчто еретическое, долженствующее впослѣдствіи вредить религіи.

Рабби Моисей Маймонъ получилъ хорошее воспитаніе; его обучали не только Талмуду, но и языкамъ и наукамъ — и въ обѣихъ отрасляхъ онъ достигъ высокой степени. Такъ-какъ онъ, слѣдуя велѣнію талмудистовъ, свое богословское знаніе не хотѣлъ сдѣлать своимъ ремесломъ, то онъ поэтому сталъ изучать медицину, и съ громаднымъ успѣхомъ. На 22-мъ году жизни онъ написалъ комментарій на Мишну, для чего требовалось не только основательное языкознаніе и глубокое пониманіе духа этого великаго творенія, но и сравненіе всѣхъ комментаріевъ талмудистовъ, толковавшихъ Мишну на основаніи своей собственной логики. Это произведеніе было написано имъ на арабскомъ языкѣ и въ разное время переведено разными лицами на языкъ еврейскій.

Второе капитальное сочиненіе Маймонида—это его *сводъ обрядовыхъ законовъ*, подъ названіемъ *Іадъ Га-Хазака*, написанный на еврейскомъ языкѣ. Оно заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ еврейскіе законы и обряды, которые прямо находятся въ законѣ Моисеевомъ или произведены изъ него на основаніи экзегетики талмудистовъ, или-же установленны самими талмудистами, согласно требованіямъ времени. Авторъ выказываетъ здѣсь громадную ученость, остроуміе и систематическій умъ. Особенно замѣчательно то, что онъ, какъ въ этомъ, такъ и въ преждеупомянутомъ сочиненіи преимущественно имѣлъ въ виду установить правильное понятіе и улучшить нравы, и не упускалъ ни однаго случая возстановить разрушенную, вслѣдствіе недоразумѣній, гармонію между религіей и разумомъ, если бы это даже было связано съ отступленіемъ отъ главнаго предмета, его занимающаго. Онъ самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего комментарія на Мишну: «Я хотя и отсут-

пилъ отъ предмета моихъ разсужденій, но сдѣлалъ это нарочно, потому-что для меня правильная оцѣнка закона важнѣе всякаго другого предмета, о которомъ я поставилъ себѣ цѣлью говорить». По той-же причинѣ мы встрѣчаемъ у него такіе законы, которые напрасно стали-бы искать въ другихъ сводахъ, потому что они сами по-себѣ не имѣютъ никакой связи съ тѣмъ что обыкновенно называютъ законами, но которые другимъ способомъ невозможно было бы усвоить ихъ народу

Первый отдѣлъ: *Гильхотъ Іесода Гатора* (законы разумной теологіи) заключаетъ въ себѣ систему гармонической, связанной, естественной теологіи и теологіи откровенія. Второй отдѣлъ: *Гильхотъ Деотъ* (нравственные законы) содержитъ систему, приведенное въ согласіе, *морали*, основанной на законахъ библейскихъ и талмудическихъ и на разумѣ. Здѣсь даже есть особая глава о діэтикѣ, основанная на медицинскихъ принципахъ. Въ отдѣлѣ: *Гильхотъ Кидушъ Гаходешъ* (законы о праздновaніи новолунія) онъ пользуется случаемъ, чтобы изложить всю астрономію, на основаніи которой, по его мнѣнію, и мужья великаго совѣта (Синедріона) опредѣлили дни праздниковъ.

Это сочиненіе нашло себѣ однако и противниковъ, ~~и между про~~чимъ; нѣкто *рабби Абрагамъ бенъ-Давидъ*, который, по учености и остроумію, мало уступалъ Маймониду, но отставалъ отъ него въ наукахъ общихъ и былъ лишь усерднымъ талмудистомъ, написалъ весьма рѣзкую критику на это сочиненіе. Но, не смотря на то, произведеніе это высоко цѣнилось—въ особенности, евреями, живущими въ магометанскихъ странахъ—и многими еще до-сихъ-поръ разсматривается, какъ основаніе всего еврейскаго законодательства.

ГЛАВА I.

Море Невухимъ. — Планъ, цѣль и методъ этого сочиненія. — Трактатъ Theologia politica.

Важнѣйшее сочиненіе Маймонида, безъ сомнѣнія, *Море Невухимъ* (путеводитель блуждающихъ), которое уже часто было упо-

минаемо нами. Въ немъ высказывается высокая любовь къ истинѣ, истинное религіозное и моральное убѣжденіе автора его глубокое пониманіе всѣхъ отраслей человѣческаго познанія, и его философскій всепроникающій умъ обнаруживаются здѣсь особеннымъ образомъ.

Планъ этого превосходнаго сочиненія, какъ Маймонидъ самъ объясняетъ это въ своемъ предисловіи, и какъ показываетъ уже само заглавіе,—это поученіе людей, нетвердыхъ въ вѣрѣ, и установленіе гармоніи между вѣрой и разумомъ. Его *методъ* — это искуственный недостатокъ системы и метода; его *слогъ и изложеніе*—безподобны. Онъ говоритъ благоговѣніе внушающимъ языкомъ самой истины. Его *цѣль*—усовершенствованіе силы познанія и воли.

Все сочиненіе написано въ видѣ посланія къ его знаменитому ученику, *рабби Іосифъ бенъ-рабби Іегуда*, на арабскомъ языкѣ, съ котораго оно было переведено *рабби Самуиломъ Ибнъ Тибеномъ* на языкъ еврейскій.

Въ письмѣ къ нему Маймонидъ говоритъ: «Я уже высоко почиталъ тебя, прежде-чѣмъ лично познакомился съ тобою, на основаніи твоихъ, дошедшихъ ко мнѣ, сочиненій, изъ которыхъ я заключилъ о твоемъ прилежаніи въ дѣлѣ изслѣдованія и склонности твоей къ философскимъ размышленіямъ». Затѣмъ Маймонидъ пишетъ, что онъ сперва не былъ вполнѣ увѣренъ въ силѣ своего ученика удовлетворить своей страсти къ философскимъ идеямъ и къ познанію истины, но впослѣдствіи убѣдился въ этомъ. Я теперь уже нашелъ тебя достойнымъ обладать *тайнами пророческихъ писаній*, т. е. разумнаго толкованія ихъ, которое есть тайна для тѣхъ, кто не владѣетъ ключемъ къ нимъ». Но Маймонидъ долженъ былъ разлучиться съ своимъ ученикомъ, а потому онъ «послѣ долгихъ размышленій, рѣшился письменно изложить это для него и ему подобныхъ и присылаетъ ему по главамъ». Сочиненіе это серьезно занимается вѣрнымъ объясненіемъ выраженій, встрѣчающихся въ пророческихъ писаніяхъ и могущихъ имѣть разныя значенія, почему нерѣдко превратно толкуются людьми незнающими. «Но мое намѣреніе—говоритъ Маймонидъ—вовсе не состоитъ въ томъ, чтобы въ своемъ сочиненіи объяснять всѣ эти выраже-

нія людямъ обыкновеннымъ, или всякому, кто только начинаетъ мыслить; я также не желаю поучать тѣхъ, которые не хотятъ знать ничего, кромѣ науки *закона* (религіи); мое сочиненіе должно лишь положить основаніе наукѣ *законодательства* (мудрости законовъ). Я хочу лишь дать краткія указанія тому, кто воспитаніемъ и привычкой утвердился въ религіи, кто имѣетъ добрые нравы и знакомъ уже нѣсколько съ философскими науками, который, такимъ образомъ, съ одной стороны, склоняется къ внушеніямъ разума, и котораго, съ другой стороны, ставитъ въ тупикъ обыкновенный (неправильно-понятый) смыслъ св. писанія».

«Въ этомъ сочиненіи разъяснены нѣкоторыя аллегоріи или, по-крайней мѣрѣ, указаны будутъ тѣ мѣста, которыя должно считать аллегоріями, но которыхъ, однако, таковыми не считаютъ. Я потому и назвалъ эту книгу *учителемъ* или *путеводителемъ блуждающихъ*. Но я, однако, нисколько не обѣщалъ, что всѣ сомнѣнія будутъ разрѣшены этимъ сочиненіемъ, или что я въ конецъ исчерпаю каждый предметъ, о которомъ буду говорить»... «Я принужденъ высказать это для того, чтобы это сочиненіе для всякаго умствующаго глупца не сдѣлалось цѣлью, на которую онъ будетъ направлять стрѣлы своей глупости»... «Ты ошибаешься, однако, любезный другъ, если думаешь, что я самъ обладаю всѣми тайнами; ничуть! Предъ нами, людьми, правда, иногда блеснетъ истина, но тотчасъ-же скрывается, подобно молніямъ, освѣщающимъ путешественнику путь въ темную ночь»... Относительно изданія своего сочиненія, Маймонидъ говоритъ: «Богъ свидѣтель, какъ долго я держалъ это сочиненіе потому-что оно заключаетъ въ себѣ важнѣйшіе предметы, а у нашего народа — единственное въ своемъ родѣ. Но я теперь, при изданіи его, опирался на св. писаніе, которое говоритъ: «Пора сдѣлать что-нибудь для славы Божіей, потому-что они оставили мои ученія»... «Безъ сомнѣнія, мое сочиненіе найдетъ себѣ множество порицателей и лишь не многихъ приверженцевъ. Но я изъ-за одного этого не стану скрывать истину, и мнѣ нѣтъ дѣла до порицаній невѣжественной толпы».

(Въ слѣдующихъ главахъ авторъ излагаетъ содержаніе сочиненія Маймонида, со своими разъясненіями, какъ онъ говоритъ въ

предисловіи. Но мы пропускаемъ эти главы и отсылаемъ желающихъ познакомиться съ сочиненіемъ Маймонида къ статьямъ объ этомъ предметѣ, помѣщеннымъ въ журналахъ: «Разсвѣтъ» и «Сіонъ» за 1860 и 1861 гг. Затѣмъ, продолжаемъ автобіографію Маймона).

ГЛАВА XI.

Мое прибытіе въ Берлинъ.—Знакомства.—Мендельсонъ.—Отчаянное изученіе метафизики.—Сомнѣнія.—Чтенія о Локке и Адлунгѣ.

Послѣ этого отступленія о знаменитомъ сочиненіи Маймонида, имѣвшемъ такое громадное вліяніе на мое развитіе, я снова возвращаюсь къ событіямъ, случившимся со мною въ Берлинѣ и другихъ мѣстахъ. Первая часть моего жизнеописанія заключается моимъ путешествіемъ въ Берлинъ, и здѣсь я снова поднимаю нить разсказа.

Такъ-какъ я въ этотъ разъ пріѣхалъ въ Берлинъ почтою, то мнѣ не нужно было оставаться у розентальскихъ воротъ, чтобы подвергаться допросамъ старѣйшинъ еврейской общины. Я безъ всякихъ затрудненій въѣхалъ въ городъ и могъ взять квартиру, гдѣ мнѣ было угодно. Но относительно *пребыванія* въ городѣ дѣло было уже совсѣмъ иное; еврейскіе полицейскіе служители ежедневно осматривали всѣ заѣзжіе дома и другія мѣста, предназначенныя для пріѣзжающихъ, освѣдомлялись о качествѣ, дѣлахъ и продолжительности пребыванія пріѣзжавшихъ, и не давали имъ покою, пока тѣ не находили себѣ въ городѣ какого-либо опредѣленнаго занятія, или пока они опять не убирались изъ города, или—уже разумѣется само-собою. Я нанялъ было квартиру на Новомъ Базарѣ у одного еврея, принимавшаго къ себѣ бѣдныхъ пріѣзжихъ, которые не въ состояніи были много расходовать, и уже на слѣдующій день удостоился визита полицейскаго Л. М., ужаснаго человѣка и чрезвычайно-деспотически обращавшагося съ пріѣзжими. Онъ допрашивалъ меня самымъ строгимъ образомъ. Я сказалъ ему, что намѣренъ занять мѣсто гувер-

нера и потому не могу такъ точно опредѣлить время моего пре-
быванія. Я показался ему весьма подозрительнымъ: ему показа-
лось, что онъ уже разъ видѣлъ меня въ Берлинѣ, и онъ смотрѣлъ
на меня, какъ на комету, которая при вторичномъ появленіи бо-
лѣе приближается къ землѣ, чѣмъ при первомъ, и потому опас-
ность гораздо большая. Такъ-какъ онъ на бѣду нашелъ еще у
меня книгу *Милатъ Гагоіонъ*, сочиненіе о логикѣ Маймонида,
комментированное Мендельсономъ, то онъ совершенно вышелъ изъ
себя. «Вотъ это мнѣ настоящія книги»! кричалъ онъ, и, обращаясь
ко мнѣ съ грозною миной, продолжалъ: «Убирайтесь изъ Берлина,
какъ можно скорѣе, если не хотите быть выпровоженными со
всякими почестями»! Я дрожалъ и не зналъ, что отвѣчать на это.
Но такъ какъ я слышалъ, что одинъ весьма талантливый польскій
еврей живетъ въ Берлинѣ ради изученія науки и его уважаютъ
въ лучшихъ домахъ, то я отправился къ нему.

Онъ меня принялъ весьма любезно, какъ своего земляка; рас-
прашивалъ меня о моей родинѣ въ Польшѣ и о моихъ желаніяхъ
въ Берлинѣ. Я сказалъ ему, что я уже съ самаго дѣтства чув-
ствовалъ склонность къ познаніямъ; что я уже ознакомился съ
тѣми и другими еврейскими сочиненіями, относящимися къ этой
отрасли, и что я пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы быть *маамикъ
бехахма* (углубляться въ мудрость). Онъ улыбнулся по поводу
этого раввинскаго выраженія, но, впрочемъ, вполнѣ одобрилъ мои
намѣренія и, поговоривъ со мною нѣкоторое время, просилъ меня
навѣщать его почаще, что я обѣщалъ ему весьма охотно и затѣмъ
ушелъ отъ него вполнѣ счастливый.

На слѣдующій день я снова отправился къ моему польскому
другу и засталъ у него нѣсколько молодыхъ людей изъ хоро-
шихъ еврейскихъ семействъ, которые часто посѣщали его и бесѣ-
довали съ нимъ о научныхъ предметахъ. Они пустились со мной
въ разговоръ; имъ очень нравились мой тарабарскій языкъ, моя
простота и откровенность; но особенно смѣшило ихъ выраженіе:
маамикъ бехахма, о которомъ они уже слышали. Они внушили
мнѣ бодрость и говорили, что я навѣрное не обманулся, пріѣхавъ
въ Берлинъ, чтобы быть «маамикъ бехахма». И когда я имъ разска-
залъ о моемъ страхѣ предъ вышеупомянутымъ полицейскимъ,

то они просили меня не безпокоиться и обѣщались доставить
мнѣ покровительство ихъ семейства, такъ что мнѣ въ Берлинѣ воз-
можно будетъ жить, сколько мнѣ будетъ угодно. Они сдержали
свое слово. Ихъ дядя Д. П., человѣкъ съ превосходнымъ харак-
теромъ, большими знаніями и хорошимъ вкусомъ, не только вы-
казалъ мнѣ особенное уваженіе, но доставилъ мнѣ еще приличную
квартиру и пригласилъ меня къ себѣ на субботы. Другіе члены
этого семейства также въ опредѣленные дни присылали мнѣ кушанье
на домъ. Между ними былъ также и братъ этихъ молодыхъ людей,
господинъ Г..., вообще человѣкъ весьма честный и не безъ по-
знаній. Но такъ-какъ онъ былъ усерднымъ талмудистомъ, то
онъ часто освѣдомлялся, не упускаю-ли я, при моей склонности
къ наукамъ, изъ виду изученія Талмуда, и когда онъ узналъ,
что я до того *маамикъ бехахма*, что негливирую изученіемъ Тал-
муда, то онъ пересталъ посылать мнѣ кушанье.

Такъ-какъ я получилъ позволеніе оставаться въ Берлинѣ, сколько
мнѣ угодно, то я уже не думалъ ни о чемъ другомъ, кромѣ лишь
о достиженіи моей цѣли. Случайно я разъ замѣтилъ въ мелочной
лавкѣ, какъ прикащикъ анатомируетъ какую-то старую книгу
для оберточной бумаги. Къ немалому моему удивленію, я уви-
дѣлъ, что это было *Метафизика* Вольфа, или *ученіе о Богѣ,
мірѣ и душѣ человѣка*. Я не могъ понять, какимъ образомъ
въ такомъ просвѣщенномъ городѣ такъ варварски обращаются съ
такими важными сочиненіями, и спросилъ прикащика, не продастъ
ли онъ мнѣ эту книгу; онъ выразилъ готовность уступить мнѣ
ее за два грошена, которые я ему безъ торгу заплатилъ и въ
восторгѣ отправился съ своимъ сокровищемъ домой.

Уже при первомъ перелистываніи я былъ восхищенъ моей
книгой: не только это высокое ученіе само-по-себѣ, но и поря-
докъ и математическій методъ знаменитаго автора, его точность
въ опредѣленіи, его строгость въ доказательствахъ и его науч-
ный порядокъ въ изложеніи, зажгли въ моемъ умѣ совершенно
новый свѣтъ.

Съ онтологіей, космологіей и психологіей дѣло шло довольно
хорошо; но теологія причиняла мнѣ много трудностей, такъ-какъ

я находилъ, что ея ученія не только не согласны съ предыдущими, но даже противорѣчатъ имъ. Я сравнивалъ также эти новыя метафизическія положенія съ положеніями *Маймонида*, или, вѣрнѣе, *Аристотеля* и тоже не могъ ихъ привести въ согласіе.—Я рѣшился поэтому всѣ мои сомнѣнія изложить письменно на еврейскомъ языкѣ и отправить ихъ *Мендельсону*, о которомъ я уже много слышалъ. Мендельсонъ, получивъ мое посланіе, немало былъ удивленъ имъ и тотчасъ-же отвѣтилъ мнѣ, что мои сомнѣнія дѣйствительно имѣютъ основаніе, но что они не должны меня страшать, и что я долженъ продолжать свои занятія съ прежнимъ усердіемъ. Ободренный этимъ отвѣтомъ, я написалъ на еврейскомъ языкѣ метафизическій диспутъ, въ которомъ я подвергалъ сомнѣнію основанія откровенной и естественной теологіи. Я нападалъ на установленные Маймонидомъ 13 догматовъ, за исключеніемъ догмата о вознагражденіи и наказаніи, который я только въ философскомъ смыслѣ допускалъ, какъ слѣдствіе свободныхъ дѣяній. Эту диссертацію я отправилъ Мендельсону, и онъ немало былъ изумленъ тѣмъ, что польскій еврей, который едва успѣлъ увидѣть Вольфову метафизику, уже такъ далеко проникъ въ ея глубины, что онъ, на основаніи правильной онтологіи, въ состояніи разрушить ея результатъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ и я принялъ его приглашеніе. Но я былъ до того застѣнчивъ, нравы и образъ жизни въ Берлинѣ были для меня такъ новы, что я безъ страха и замѣшательства не осмѣливался войти въ порядочный домъ. Поэтому, когда я открылъ дверь въ квартиру Мендельсона и увидѣлъ тамъ его и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, а равно прекрасныя, со вкусомъ меблированныя комнаты, то я испугался, опять закрылъ дверь и хотѣлъ уйти. Но Мендельсонъ уже замѣтилъ меня; онъ вышелъ ко мнѣ, принялъ меня съ искреннимъ благоволеніемъ и ввелъ меня въ комнаты, гдѣ остановился со мною у окна, сказалъ мнѣ много комплиментовъ на счетъ моего посланія и увѣрялъ, что если я буду продолжать такъ, то я въ короткое время сдѣлаю большіе успѣхи въ метафизикѣ; онъ обѣщалъ также разъяснить мнѣ мои сомнѣнія.

Но этотъ достойный человѣкъ не ограничивался однимъ этимъ: онъ позаботился также о моемъ содержаніи и съ этою цѣлью онъ рекомендовалъ меня лучшимъ, просвѣщеннѣйшимъ и богатѣйшимъ берлинскимъ евреямъ, которые приняли на себя заботу о моемъ пропитаніи и другихъ моихъ потребностяхъ. Столъ ихъ былъ для меня открытъ, и библіотеки ихъ были къ моимъ услугамъ.

Особенно замѣчателенъ между ними былъ нѣкто Г..., человѣкъ большихъ познаній и великолѣпнаго характера, спеціальный другъ и ученикъ Мендельсона. Ему особенно пришлись по вкусу мои бесѣды, и онъ часто говорилъ со мною о важнѣйшихъ предметахъ естественной теологіи и морали, о которыхъ я ему вполнѣ откровенно и безъ всякаго скрытничанья высказывалъ мои мысли.

Я въ разговорѣ излагалъ ему всѣ извѣстныя мнѣ *осужденныя системы* и защищалъ ихъ съ величайшимъ упорствомъ. Онъ мнѣ возражалъ; я отвѣчалъ ему и, въ свою очередь, нападалъ на противуположныя системы. Сначала этотъ другъ смотрѣлъ па меня, какъ на говорящаго звѣря, и восхищался мною, какъ восхищаются сабакой или скворцемъ, котораго научили произносить нѣсколько словъ. Страшное смѣшеніе животнаго въ моихъ чертахъ, выраженіяхъ и внѣшнихъ пріемахъ съ учеными мыслями больше дѣйствовали на его воображеніе, чѣмъ *содержаніе*—на его умъ. Но мало-по-малу шутка перестала бытъ шуткою. Онъ сталъ обращать вниманіе на самые предметы, а такъ-какъ онъ, не стотря на свои познанія и способности, всетаки не былъ филисофскимъ умомъ, и сила воображенія часто мѣшала зрѣлому обсужденію, то легко понять послѣдствія этихъ разговоровъ.

Нѣсколько примѣровъ будетъ достаточно для того, чтобы охарактеризовать мой тогдашній способъ разсужденій и пробѣлы въ моемъ способѣ изложенія, происходившіе вслѣдствіе недостатка выраженій и объясняемые мною примѣрами.

Я старался однажды объяснить ему систему Спинозы, именно: что всѣ предметы суть лишь случайности одной субстанціи. Онъ прервалъ меня восклицаніемъ: «Но, ради Бога, развѣ мы съ

вами не совершенно различные люди, и развѣ каждый изъ насъ не имѣетъ особаго существованія?»—Закройте ставни! отвѣтилъ я ему на его возраженіе. Этотъ странный отвѣтъ привелъ его въ изумленіе; онъ не зналъ, что я хочу сказать этимъ. Наконецъ, я объяснился ему: «Смотрите—сказалъ ему—солнце свѣтитъ чрезъ окна: это четыреугольное окно даетъ четыреугольное отраженіе, а круглое—круглое; но развѣ они, вслѣдствіе этого, уже различные предметы, а не одинъ и тотъ-же солнечный свѣтъ? Закройте ставни, и эти различныя отраженія совершенно исчезнутъ.

При другомъ случаѣ я защищалъ Гельвеція систему *Самолюбія*. Онъ возразилъ мнѣ, что мы всегда любимъ другихъ людей. «Я напримѣръ—сказалъ онъ—люблю свою жену»—и при этомъ, для подтвержденія своихъ словъ, поцѣловалъ ее. Это ничего противъ меня не доказываетъ, замѣтилъ я. Вы цѣлуете свою жену, потому-что вы сами находите въ этомъ удовольствіе.

Нѣкто А. М., человѣкъ очень почтенный и въ то-же время и очень богатый, также предоставилъ мнѣ свободный доступъ въ его домъ. Здѣсь я нашелъ *Локке*, въ нѣмецкомъ переводѣ, и при первомъ взглядѣ онъ мнѣ очень понравился, потому что я видѣлъ въ немъ лучшаго изъ новѣйшихъ философовъ, который только имѣлъ въ виду истину. Я предложилъ жившему у А. М. гуверперу сдѣлать ему сообщенія объ этомъ превосходномъ произведеніи. Сначала онъ смѣялся надъ моимъ предложеніемъ и моей простотой, которую онъ видѣлъ въ томъ, что я, который едва еще видѣлъ Локке, хочу сдѣлать сообщенія ему, который выросъ и воспитывался на нѣмецкомъ языкѣ и наукахъ. Онъ, однако, сдѣлалъ видъ, что не находитъ въ этомъ ничего страннаго, принялъ мое предложеніе и опредѣлилъ для этого извѣстный часъ. Я пришелъ въ опредѣленный часъ и началъ свои чтенія, но такъ какъ я ни одного слова не могъ прочесть правильно по-нѣмецки, то я сказалъ моему ученику, чтобы онъ читалъ вслухъ каждый параграфъ текста, который я ему затѣмъ объясню. Ученикъ мой продолжалъ представляться серьезнымъ и для шутки согласился и на это. Но каково было его изумленіе, когда онъ замѣтилъ, что это вовсе не шутка, и что я на самомъ дѣлѣ не только вполнѣ

понялъ Локке. но что мои объясненія и замѣчанія—не смотря на то, что я излагалъ ихъ на своемъ собственномъ языкѣ—проникнуты были настоящимъ философскимъ духомъ.

Еще смѣшнѣе было, когда я познакомился въ домѣ вдовы Л. и предложилъ ея сыну, молодому С. Л., который до-сихъ-поръ остался моимъ меценатомъ, бралъ у меня уроки нѣмецкаго языка. Этотъ молодой любознательный человѣкъ изъявилъ готовность сдѣлать пробу и просилъ, чтобы я объяснялъ ему нѣмецкую грамматику Адлунга. Я, хотя никогда не видѣлъ грамматики Адлунга, нисколько этимъ не стѣснялся. Я уже привыкъ въ Польшѣ читать и понимать книги, безъ всякаго предварительнаго приуготовленія, и былъ уже вполнѣ увѣренъ въ себѣ. Мой ученикъ читалъ Адлунга вслухъ по главамъ, которыя я не только объяснялъ ему, но дѣлалъ еще при этомъ свои замѣчанія. Я даже написалъ комментарій къ фисолофской ея части, который любознательный ученикъ мой до-сихъ-поръ сохраняетъ.

Но, какъ человѣкъ безъ всякой опытности, я иногда заходилъ въ своей откровенности уже слишкомъ далеко, что впослѣдствіи накликало мнѣ много непріятностей.

Я читалъ Спинозу: глубина мысли этого философа и его любовь къ истинѣ мнѣ сильно нравились, и такъ-какъ я уже въ Польшѣ, при помощи каббалистическихъ книгъ, попалъ на его систему, то я снова началъ размышлять о ней и до того убѣдился въ истинѣ этой системы, что никакія старанія Мендельсона не въ состояніи были отвлечь меня отъ нея.

Я отвѣтилъ на всѣ возраженія Вольфіанцевъ; самъ дѣлалъ возраженія противъ ихъ системы. На упорство Мендельсона и Вольфіанцевъ вообще я смотрѣлъ не иначе, какъ на дипломатическую хитрость и ханжество, которыми они старались приближаться къ точкѣ зрѣнія обыкновенныхъ людей,—что я открыто высказывалъ безъ всякой утайки.

Мои друзья и покровители, которые сами никогда о философіи не размышляли, а только слѣпо усвоили себѣ результаты господствовавшихъ въ то время системъ, какъ доказанныя истины, не понимали меня и потому не могли и послѣдовать за мною. Мен-

дельсонъ, который только лавировалъ, не хотѣлъ противиться моей склонности къ изслѣдованію, даже внутренно радовался этому и говорилъ, что я хотя и не иду еще по настоящей дорогѣ, но не слѣдуетъ мѣшать теченію моихъ мыслей, потому-что— какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Картезій — сомнѣніе есть начало основательной философіи.

ГЛАВА XII.

Мендельсонъ.—Глава, посвященная памяти достойнаго друга.

Имя Мендельсона слишкомъ извѣстно для того, чтобы мнѣ нужно было долго останавливаться на описаніи великихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ этого знаменитаго мужа нашего народа. Я лишь изложу тѣ главныя его черты, которыя имѣли на меня особенное вліяніе. Онъ былъ хорошій знатокъ Талмуда, ученикъ знаменитаго и въ то-же время объявленнаго евреями еретикомъ, рабби *Израиля*, прозваннаго *Нецахъ Израиль* (сила Израиля), по талмудическому сочиненію его того-же названія. Этотъ раввинъ, кромѣ талмудическихъ талантовъ и познаній, обладалъ познаніями и въ другихъ наукахъ, въ особенности въ математикѣ, которую онъ основательно изучилъ по немногимъ сочиненіямъ, существующимъ объ этомъ предметѣ на еврейскомъ языкѣ, что видно изъ вышеупомянутаго его сочиненія. Въ послѣднемъ встрѣчаются рѣшенія весьма важныхъ математическихъ задачъ, которыми онъ пользовался для объясненія темныхъ мѣстъ Талмуда и для опредѣленія законовъ. Безъ сомнѣнія, рабби Израиль имѣлъ въ виду больше распространеніе этой науки между евреями, чѣмъ разъясненіе законовъ, которые тутъ служили ему лишь поводомъ.

Такъ онъ показалъ, напримѣръ, что евреи нашего края при молитвѣ напрасно обращаются къ Востоку, для исполненія талмудическаго предписанія, по которому во время молитвы должно

обращаться къ Іерусалиму: евреи нашего края, находящіеся къ С.В. отъ этого города, должны обращаться къ Юго-Востоку. При этомъ онъ показываетъ, какъ, при помощи сферической тригонометріи, можно вездѣ опредѣлить положеніе Іерусалима и т. п.— Этотъ рабби, равно какъ и извѣстный великій раввинъ *Франкель*, содѣйствовалъ развитію великихъ способностей Мендельсона.

Мендельсонъ основательно зналъ математику, которую онъ уважалъ не только за ея сущность, но и какъ лучшее средство привыкнуть къ серьезнымъ размышленіямъ. Что онъ былъ великимъ философомъ—это всѣмъ извѣстно. Онъ хотя и не нашелъ новыхъ системъ, но улучшилъ прежнія, и въ особенности—системы Вольфа и Лейбница. Трудно опредѣлить—чѣмъ обладалъ Мендельсонъ въ большей степени: остроуміемъ или глубокомысліемъ; но нѣтъ сомнѣнія, что обоими этими качествами онъ обладалъ въ весьма высокой степени. Что касается его характера, то Мендельсонъ самъ говорилъ, что онъ по природѣ склоненъ къ страстямъ; на что долговременнымъ исполненіемъ стоическихъ добродѣтелей онъ достигъ возможности преодолѣвать свои страсти. Такъ, однажды молодой Б., полагая, что Мендельсонъ чѣмъ-то обидѣлъ его, пришелъ къ нему и наговорилъ ему кучу грубостей. Мендельсонъ, опираясь на стулѣ, съ стоическимъ терпѣніемъ смотрѣлъ ему въ глаза; и, лишь когда тотъ кончилъ, онъ сказалъ ему: «Ступайте, вы не достигните здѣсь своей цѣли: вы разсердить меня не въ состояніи!» Тѣмъ не менѣе, Мендельсонъ не могъ, при подобныхъ случаяхъ, не выражать своего горя о человѣческихъ слабостяхъ. Я самъ нерѣдко въ своихъ диспутахъ выказывалъ чрезчуръ сильную горячность и забывалъ, какимъ я обязанъ ему почтеніемъ, въ чемъ я до-сихъ-поръ еще раскаиваюсь.

Мендельсонъ обладалъ большимъ знаніемъ людей, которое состоитъ не въ томъ, чтобы схватить нѣкоторыя безсвязныя черты характера и обрисовать ихъ театральнымъ манеромъ, а въ томъ, чтобы открывать существенныя черты характера, по которымъ объясняется и даже предсказывается все остальное. Мендельсонъ былъ въ состояніи точно опредѣлить всѣ нравственныя пружины

человѣка и основательно зналъ механику души. Это характеризовало не только его обращеніе съ людьми, но и его ученые труды.

Мендельсонъ обладалъ полезнымъ и пріятнымъ искусствомъ усвоить себѣ образъ мыслей другого. Онъ умѣлъ дополнять пробѣлы въ мысляхъ другихъ. Онъ очень хорошо понималъ новоприбывавшихъ польскихъ евреевъ, мысли которыхъ были чрезвычайно запутаны, и которые, кромѣ того, говорили на непонятномъ жаргонѣ. Въ разговорѣ съ ними онъ усвоивалъ себѣ ихъ пріемы и выраженія, спускался къ ихъ образу мыслей и этимъ поднималъ ихъ на его собственную высоту. — Онъ умѣлъ также открывать хорошую сторону всякаго человѣка и всякаго событія. Онъ нерѣдко находилъ удовольствіе бесѣдовать съ такими людьми, знакомство съ которыми, вслѣдствіе ихъ поведенія, обыкновенно избѣгали, и только совершенная тупость и лѣнь были ему противны. Я разъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ долгое время бесѣдовалъ съ человѣкомъ самыхъ неправильныхъ убѣжденій и самаго распутнаго поведенія. Я выходилъ изъ себя и, когда тотъ ушелъ, я изумленно спросилъ Меньдельсона: «Какъ вы могли такъ долго находиться въ обществѣ такого человѣка»? «Что въ этомъ?» возразилъ онъ:«мы, вѣдь, разсматриваемъ внимательно машину, устройство которой намъ неизвѣстно, и стараемся понять ея дѣйствіе; неужели-же этотъ человѣкъ не заслуживаетъ такого же вниманія, и не слѣдуетъ-ли вникнуть въ его странныя мнѣнія, такъ-какъ и онъ вѣдь, безъ сомнѣнія, имѣетъ свои пружины и свой механизмъ, какъ и всякая машина.

Въ диспутѣ съ упорнымъ въ своей системѣ мыслителемъ Мендельсонъ самъ былъ упоренъ и пользовался малѣйшею слабостью противника; напротивъ-же, съ уступчивымъ ученымъ онъ самъ былъ уступчивъ и обыкновенно кончалъ свой споръ словами: «Мы не должны держаться словъ, а только предметовъ».—Ничто ему не было такъ противно, какъ пустыя остроты и аффектація, противъ которыхъ онъ никогда не могъ скрывать своего негодованія. Въ безсвязномъ разговорѣ онъ самъ принималъ весьма мало участія и забавлялся лишь наблюденіемъ надъ другими. Но если бесѣда была дѣльная, то самъ принималъ въ ней дѣятельное уча-

стіе. Ловкимъ оборотомъ онъ, не прерывая разговора, могъ дать ему полезное направленіе. Умъ Мендельсона никогда не былъ въ состояніи заниматься мелочами; его занимали всегда предметы самаго серьезнаго свойства: принципы морали, естественной теологіи, безсмертіе души и т. п. Во всѣхъ этихъ отрасляхъ, интересующихъ человѣчество, онъ, своими изслѣдованіями, сдѣлалъ столько, сколько, по моему мнѣнію, только можно было сдѣлать на основаніи философіи Вольфа и Лейбница. Компасомъ въ его изслѣдованіяхъ постоянно служило ему лишь *совершенство*, всегда направлявшее его стремленія. По его мнѣнію, божество — это идеалъ высшаго совершенства; въ основаніи его морали лежитъ идея высшаго совершенства. Принципы его эстетики—это чувственное совершенство.

(Авторъ переходитъ здѣсь къ изложенію взглядовъ Мендельсона и своихъ собственныхъ на божество и религію вообще, и еврейскую религію въ особенности, предписаній которой Мендельсонъ, какъ извѣстно, не смотря на свой свободный образъ мыслей, держался весьма строго, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ непріятности отъ людей даже весьма достойныхъ, отъ которыхъ этого всего меньше можно было ожидать).

Извѣстна назойливость *Лафатера* (который приставалъ къ Мендельсону, чтобы онъ принялъ христіанство), осуждаемая всѣми благомыслящими и честными людьми.

Извѣстный своею философскою глубиной *Якоби*, будучи приверженцемъ спинозизма, хотѣлъ Мендельсона и его друга *Лессинга*, во что-бы то ни стало, превратить въ спинозистовъ, и по этому поводу обнародовалъ свою переписку по этому предмету съ Мендельсономъ, которая, однако, вовсе не была предназначена для печати и для выставки предъ публикой? Къ чему же это было? Если спинозизмъ истиненъ, то онъ истиненъ и безъ подтвержденія Мендельсона. При вѣчныхъ истинахъ дѣло не идетъ *о большинствѣ голосовъ*.

Такая несправедливость, конечно, весьма непріятно подѣйствовала на Мендельсона. Одинъ извѣстный медикъ утверждалъ даже, что Мендельсонъ, вслѣдствіе этого, умеръ, противъ чего, однако, я

долженъ возстать, хотя я вовсе не медикъ. Мендельсонъ, какъ относительно Лофатера, такъ и относительно Якоби, велъ себя, какъ герой. Нѣтъ, нѣтъ! этотъ герой умеръ въ пятомъ актѣ....

ГЛАВА XIII.

Мое первоначальное отвращеніе къ изящнымъ искусствамъ и послѣдовавшая перемѣна.—Отъѣздъ изъ Берлина.—Пребываніе въ Гамбургѣ.—Я бросаюсь въ воду такимъ-же манеромъ, какъ плохой актеръ себя убиваетъ.—Старая дура влюбляется въ меня, но получаетъ носъ.

Къ изящнымъ искусствамъ я не чувствовалъ въ себѣ никакого расположенія; я даже не могъ понять, какимъ образомъ хотятъ создать науку о томъ, что намъ нравится и не нравится, что, по моимъ тогдашнимъ воззрѣніямъ, могло лишь имѣть субъективное основаніе.

Разъ, когда я гулялъ съ Мендельсономъ, рѣчь зашла о поэтахъ, сочиненія которыхъ онъ совѣтовалъ мнѣ читать. «Нѣтъ! отвѣтилъ я ему: я не хочу читать поэтовъ: что такое поэтъ, если не лгунъ?» Мендельсонъ улыбнулся и сказалъ: «Вы сходитесь тутъ съ Платономъ, который выгналъ всѣхъ поэтовъ изъ своей республики. Но я надѣюсь, что вы со-временемъ совсѣмъ иначе будете думать». Такъ и случилось. Мнѣ попалось сочиненіе *Лонгина*—«*О высокомъ*». Примѣры высокаго, которые онъ приводитъ изъ *Гомера*, и въ особенности знаменитое мѣсто изъ *Сафо*, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Я думалъ про себя: это, правда, кукольная комедія, но картины и образы все-таки прекрасны. Затѣмъ я читалъ самого Гомера и долженъ былъ сердечно смѣяться надъ этимъ смѣшнымъ парнемъ, который такъ серьезно—думалъ я—относится къ подобнымъ дѣтскимъ сказкамъ. Однако, мало-по-малу, я сталъ ощущать удовольствіе при чтеніи Гомера. *Оссіанъ*, напротивъ того, котораго я досталъ потомъ—все, разумѣется, въ нѣмецкомъ переводѣ — показался мнѣ весьма почтеннымъ. Торжественность его слога, выразительная краткость его описаній, чистота его воззрѣній, простота описываемыхъ имъ предметовъ и, наконецъ, сходство его поэзіи съ еврейскою, все это приводило меня въ восторгъ. Я вошелъ также во вкусъ Гесснеровыхъ идиллій.

Мой другъ, польскій еврей, о которомъ я говорилъ выше, который, преимущественно, занимался изящными искусствами, очень обрадовался этой перемѣнѣ, такъ-какъ я вначалѣ всегда спорилъ противъ полезности изящныхъ искусствъ и, однажды, по поводу указанія, какъ на образецъ сильнаго выраженія, на мѣсто изъ псалмовъ, гдѣ Царь Давидъ, является en maître въ дѣлѣ изверженія проклятій, я воскликнулъ: «*Что это за искусство! моя теща, блаженной памяти, когда ссорилась съ своей сосѣдкой, бывало еще изступленнѣе проклинаетъ ее*»!

Но теперь онъ торжествовалъ надо мною. Мендельсонъ и другіе мои друзья также радовались этому. Они желали, чтобы я серьезно занимался языками и литературой, такъ-какъ безъ этого едва-ли мнѣ возможно будетъ быть полезнымъ міру своими собственными умственными произведеніями. Но было очень трудно уговорить меня. Я всегда торопился наслаждаться настоящимъ, не думая о томъ, что надлежащимъ приготовленіемъ могу увеличить это наслажденіе и сдѣлать его болѣе продолжительнымъ.

Я сталъ наслаждаться не только наукой, но всѣмъ вообще хорошимъ и прекраснымъ, которое я началъ сознавать, и предался этому съ энтузіазмомъ, превосходившимъ всякіе предѣлы. Подавленное до-сихъ поръ влеченіе къ чувственнымъ наслажденіямъ также начало теперь заявлять свои права. Уже съ давнихъ поръ нѣкоторые молодые люди, занимавшіеся обученіемъ, втерлись въ лучшіе еврейскіе дома и, изучивъ французскій языкъ— тогдашняя высшая ступень просвѣщенія—географію, арифметику, бухгалтерію и т. п. и усвоивъ себѣ, кромѣ того, нѣкоторыя выраженія и темновато-изложенные результаты изъ положительныхъ наукъ и системъ и ловкость въ обращеніи съ прекраснымъ поломъ, сдѣлались любимыми въ этихъ домахъ и считались тамъ дѣльными людьми. Но когда они стали замѣчать, что слава моя все увеличивается, и уваженіе къ моимъ познаніямъ и способностямъ совер-

шенно затмеваетъ ихъ, то они стали придумывать дипломатическую стратегику, какъ-бы избѣгнуть этого зла.

Они рѣшились, поэтому, вовлечь меня въ свой кругъ, оказывать мнѣ всевозможную дружбу и всякія услуги, чтобы, вслѣдствіе моего товарищества, пользоваться долею оказываемаго мнѣ уваженія; кромѣ того, они въ моемъ обществѣ, вслѣдствіе моей общительности и откровенности, надѣялись пріобрѣсть нѣкоторыя реальныя знанія, о которыхъ они знали лишь по имени; наконецъ, зная мою привязанность ко всему, что я разъ призналъ хорошимъ, они полагали упоить меня чувственными удовольствіями и тѣмъ убавить мое усердіе къ наукамъ и отвлечь отъ меня моихъ друзей.

Они пригласили меня въ свое общество, выразили мнѣ свою преданность и уваженіе и добивались чести быть со мною знакомыми. Не подозрѣвая въ этомъ ничего худого, я охотно принялъ ихъ предложеніе, тѣмъ болѣе, что я считалъ Мендельсона и другихъ моихъ друзей слишкомъ высокими, для того, чтобы ежедневно посѣщать ихъ. Я, поэтому, былъ очень радъ, что нашелъ себѣ друзей изъ *средняго класса*, съ которыми я могъ обращаться sans façon и пользоваться пріятностями общественной жизни. Мои новые друзья водили меня въ веселыя общества, въ трактиры, на гулянья, а впослѣдствіи и въ....., и все это на ихъ счетъ. Я, съ своей стороны, въ веселомъ настроеніи, открывалъ имъ всѣ тайны философіи, анализировалъ имъ всѣ странныя системы и сообщалъ имъ вѣрныя понятія о разныхъ предметахъ человѣческаго вѣдѣнія. Но такъ-какъ такія вещи нельзя вбивать въ голову, а мои джентльмены не выказывали особенной восепріимчивости, то они, при подобномъ способѣ преподаванія, не могли сдѣлать великихъ успѣховъ; когда я замѣтилъ это, то сталъ обнаруживать къ нимъ нѣкоторое презрѣніе и, безъ всякой скрытности, высказывалъ имъ, что лишь вкусныя блюда, вина и т. п. нравятся мнѣ въ ихъ обществѣ. Этотъ отзывъ мой не больно имъ нравился, и такъ-какъ они не могли достигнуть со мною всей своей цѣли, то старались, по-крайней-мѣрѣ, достигнуть части ея.

Они сообщали моимъ высокимъ друзьямъ малѣйшіе мои шаги и отзывы: что я, напримѣръ, считаю Мендельсона *философскимъ ханжею*, а нѣкоторыхъ другихъ поверхностными умами; что я стараюсь распространять опасныя философскія системы и что я сильно преданъ *эпикуреизму* (какъ будто, они сами —настоящіе стоики!) и даже стали открыто обнаруживать свою враждебность. Все это имѣло вліяніе. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что друзья мои замѣтили, что я въ моихъ научныхъ занятіяхъ не держусь какого-нибудь одного опредѣленнаго плана, а слѣдую своей склонности. Они предложили мнѣ, чтобы я изучилъ медицину, но не могли убѣдить меня сдѣлать это. Я замѣтилъ имъ, что медицина имѣетъ множество вспомогательныхъ отраслей, изъ которыхъ каждая требуетъ спеціальнаго изученія, и что для медицинской практики требуется особенное призваніе и способность анализа, которыя рѣдко соединяются вмѣстѣ. Я возразилъ также, что большая часть медиковъ пользуется невѣжествомъ публики, по заведенному обычаю нѣсколько лѣтъ проводятъ въ университетѣ, гдѣ они хотя и имѣютъ возможность посѣщать всѣ лекціи, но рѣдко дѣлаютъ это, а потомъ за деньги и хорошія слова добываютъ себѣ диссертацію и весьма легкимъ способомъ становятся медиками.

Какъ уже читателю извѣстно, я имѣлъ большую склонность къ живописи. Но мнѣ отсовѣтовали предаваться ей, такъ-какъ я уже былъ въ лѣтахъ, и у меня не хватило-бы уже терпѣнья заниматься мелкими опытами, требуемыми этимъ искусствомъ. Наконецъ мнѣ предложили изучать фармацію, а такъ-какъ я уже имѣлъ нѣкоторыя познанія въ физикѣ и химіи, то я согласился на это. Но мое намѣреніе вовсе не было сдѣлать изъ этой науки практическое примѣненіе, а я имѣлъ въ виду лишь пріобрѣсти наглядное теоретическое познаніе. Вслѣдствіе этого, я, вмѣсто того, чтобы самому заниматься аптекарскими работами, былъ лишь зрителемъ такихъ химическихъ процессовъ. Я изучилъ, такимъ образомъ, аптекарское искусство, но все-таки не могъ быть аптекаремъ. По окончаніи трехгодичнаго срока, г-жа Розенъ, въ аптекѣ которой я учился, аккуратно получила отъ г. И. Д. обусловленные 60

талеровъ; мнѣ выданъ былъ аттестатъ, что я вполнѣ изучилъ аптекарское искусство—и все было въ порядкѣ.

Это тоже не мало содѣйствовало къ отклоненію отъ меня моихъ друзей. Наконецъ, Мендельсонъ призвалъ меня къ себѣ, отвелъ меня въ сторону, объявилъ мнѣ о нерасположеніи ко мнѣ моихъ друзей и указалъ на причину этого, заключавшуюся въ томъ, что я не составляю себѣ никакого опредѣленнаго плана жизни, почему всѣ старанія моихъ друзей, по отношенію ко мнѣ, остаются безплодными по моей собственной винѣ; что я распространяю вредныя системы и воззрѣнія, и, наконецъ, что ходятъ слухи, что я веду слишкомъ свободную жизнь и слишкомъ много предаюсь чувственнымъ удовольствіямъ.

На первое обвиненіе я возразилъ, что я съ самаго начала объявилъ моимъ друзьямъ, что я, вслѣдствіе моего особеннаго воспитанія, не гожусь ни къ какимъ другимъ дѣламъ и чувствую лишь склонность къ спокойной спекулятивной жизни, чѣмъ я удовлетворяю моему естественному призванію и въ то-же время—посредствомъ обученія, напримѣръ,—могу добывать средства къ жизни. Что-же касается втораго пункта, продолжалъ я, то или эти мнѣнія и системы истинны — и въ такомъ случаѣ я не знаю, почему познаніе ихъ должно считать вреднымъ—или же-онѣ ложны, и въ такомъ случаѣ пусть опровергаютъ ихъ. Впрочемъ, я сообщалъ ихъ лишь гг. А. Б. В. Г., которые считаютъ себя просвѣщенными и выше всякихъ предразсудковъ. Не вредность этихъ воззрѣній, а лишь неспособность этихъ господъ постичь ихъ и нежеланіе смиренно признаться въ этомъ—вотъ что вооружаетъ ихъ противъ меня. Относительно третьяго пункта я прямо говорю, г. Мендельсонъ, что *мы всѣ эпикурейцы*. Моралисты могутъ намъ изложить лишь правила мудрости, т.-е. употребленіе средствъ для достиженія данныхъ цѣлей, но не самыя цѣли. Но я вижу очень хорошо, что мнѣ нужно уѣхать изъ Берлина, — куда? это все равно — и тутъ же простился съ Мендельсономъ, который выставилъ мнѣ отличное свидѣтельство о моихъ способностяхъ и талантахъ и пожелалъ мнѣ счастливаго пути.

Я простился также съ прочими моими друзьями и высказалъ

имъ свою признательность, за оказанныя мнѣ благодѣянія, въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ. Одному изъ моихъ друзей показалось очень страннымъ, что я, при прощаніи, просто сказалъ ему: *«Будьте здоровы, дорогой другъ; благодарю васъ за всѣ оказанныя мнѣ вами благодѣянія»*. Этому, во всѣхъ отношеніяхъ превосходному и лишь нѣсколько прозаически-поэтическому человѣку, формула эта показалась слишкомъ короткою и сухою, соотвѣтственно оказанной мнѣ дружбѣ. Онъ, поэтому, сказалъ мнѣ съ замѣтымъ упрекомъ: *«Неужели это все, чему вы научились въ Берлинѣ»?* Но я на это ничего не отвѣтилъ, а ушелъ и записался на гамбургской почтѣ, по которой и отправился въ Гамбургъ. С. Л. далъ мнѣ письмо къ одному изъ своихъ гамбургскихъ корреспондентовъ.

Прибывъ въ Гамбургъ, я отправился съ этимъ писмомъ по адресу. Купецъ, къ которому оно было адресовано, принялъ меня очень любезно и предложилъ мнѣ свой столъ на время моего пребыванія въ Гамбургѣ. Но такъ-какъ этотъ человѣкъ умѣлъ лишь копить деньги, а къ наукамъ и искусствамъ не питалъ особенной склонности, то онъ принялъ меня лишь вслѣдствіе рекомендаціи, потому-что онъ долженъ былъ оказать своему корреспонденту эту услугу. Но онъ, въ то-же время—такъ-какъ я не годился для торговли, а фигура моя для выставки тоже не подходила—уже думалъ о томъ, какъ бы скорѣе отъ меня освободиться, и съ этою цѣлью спросилъ меня, куда я намѣренъ отправиться изъ Гамбурга. Я сказалъ ему, что хочу ѣхать въ *Голландію*,—и онъ мнѣ далъ добрый совѣтъ ѣхать сейчасъ-же, такъ-какъ время это—сказалъ онъ—самое лучшее для путешествія.

Я нанялся на гамбургскомъ кораблѣ, который отправлялся въ Голландію. Но корабль отправился лишь чрезъ двѣ недѣли. Спутниками моими были подмястерья разнаго рода ремесла, которые много пили и пѣли веселыя пѣсни. Я не могъ участвовать въ ихъ обществѣ, и они даже не понимали того, что я говорилъ съ ними, почему они смѣялись и издѣвались надо мною; но я терпѣливо переносилъ это.

По Эльбѣ, почти до самаго Сѣвернаго моря, мы плавали счаст-

ливо, но потомъ вѣтеръ перемѣнился, и мы должны были цѣлыя шесть недѣль пробыть на одномъ мѣстѣ, около прибрежной деревушки. Экипажъ и пассажиры отправлялись въ трактиръ, пили и играли; но мнѣ было ужасно скучно, и притомъ я чувствовалъ себя такъ нездоровымъ, что думалъ, что никогда уже не поправлюсь. Наконецъ, подулъ благопріятный вѣтеръ. Судно пустилось въ море, и чрезъ три дня мы были въ амстердамской гавани.

Къ нашему судну приплыла шлюпка, чтобы отвести пассажировъ въ городъ. Я не хотѣлъ довѣриться голландскому яличнику, боясь попасть въ руки работорговцевъ, о которыхъ мнѣ говорили въ Гамбургѣ. Но капитанъ гамбургскаго судна поручился мнѣ, что онъ знаетъ этого голландца, и я отправился съ нимъ въ городъ. Но такъ-какъ я не имѣлъ здѣсь никакихъ знакомыхъ, то отправился въ Графенгагенъ, гдѣ, въ одномъ хорошемъ берлинскомъ семействѣ, жилъ знакомый мнѣ гувернеръ, недавно выписанный изъ Берлина-же.

Здѣсь я остановился у одной бѣдной еврейской женщины. Но прежде-чѣмъ я успѣлъ еще отдохнуть немного, вошелъ высокій, худощавый господинъ, въ грязной одеждѣ, съ трубкою во рту, и говорилъ съ хозяйкою, совершенно меня не замѣчая. Наконецъ, хозяйка сказала ему: «г. Г.! сюда прибылъ кто-то изъ Берлина, поговорите-ка съ нимъ». Г. обратился ко мнѣ, спросилъ меня, кто я, и какія дѣла имѣю въ Голландіи? По присущей мнѣ откровенности, я разсказалъ ему, что я родомъ изъ Польши и изъ любви къ наукамъ нѣкоторое время пробылъ въ Берлинѣ, а теперь пріѣхалъ въ Голландію искать мѣсто гувернера. Когда онъ узналъ, что я ученый человѣкъ, то онъ началъ говорить со мною о разныхъ предметахъ философіи и, въ особенности, математики, въ которой онъ много сдѣлалъ. Онъ нашелъ во мнѣ человѣка по своему вкусу, и мы тотчасъ-же сдѣлались друзьями.

Послѣ этого я отправился къ упомянутому гувернеру, который представилъ меня хозяину дома, какъ человѣка весьма способнаго, обратившаго на себя всеобщее вниманіе въ Берлинѣ, откуда имѣю рекомендательныя письма, и хозяинъ, который особенно цѣнилъ своего гувернера и вообще все, что изъ Берлина, пригласилъ меня

обѣдать. Такъ какъ въ наружности моей не было ничего особеннаго, и я, кромѣ того, чувствовалъ себя ужасно усталымъ отъ дороги, и притомъ обезкураженнымъ, то изображалъ собою весьма странную фигуру, и хозяинъ не зналъ, что обо мнѣ думать. Но такъ-какъ онъ полагался на рекомендацію Мендельсона и его собственнаго гувернера, то онъ не обнаружилъ своего удивленія и пригласилъ меня пользоваться его столомъ въ все время пребыванія моего въ городѣ. Вечеромъ онъ пригласилъ къ себѣ братьевъ своей жены, сыновей извѣстнаго своимъ богатствомъ и благотворительностью Б., которые также были ученые,—чтобы они меня, какъ говорится, пощупали. Они бесѣдовали со мною о разныхъ предметахъ изъ Талмуда и даже изъ Каббалы. Такъ-какъ я оказался вполнѣ посвященнымъ въ этого рода учености и, кромѣ того, объяснялъ имъ мѣста, которыя казались имъ непонятными, и разрѣшалъ величайшія затрудненія, то они удивлялись мнѣ и думали, что попали на великаго человѣка.

Но въ скоромъ времени это удивленіе превратилось въ ненависть. Они разсказали мнѣ, что въ Лондонѣ давно уже живетъ божественный человѣкъ, который, посредствомъ каббалы, совершаетъ чудеса. Я выразилъ нѣкоторое сомнѣніе; но они увѣряли, что сами видѣли это во время пребыванія этого человѣка въ Графенгаагѣ, на что я, какъ философъ, отвѣтилъ, что я хотя и не сомнѣваюсь въ правдивости ихъ разсказа, но весьма можетъ быть, что они сами не вполнѣ тщательно наблюдали за нимъ и предвзятыя мнѣнія выдаютъ за дѣйствительные факты, и что я вообще долженъ сомнѣваться въ дѣйствіи каббалы до-тѣхъ-поръ, пока мнѣ докажутъ, что это дѣйствіе такого рода, что не можетъ быть объяснено естественными законами. Это объясненіе мое они сочли *ересью*.

Послѣ ужина мнѣ предложили произнести благословеніе надъ виномъ, какъ это обыкновенно дѣлается у евреевъ; но я отказался отъ этой чести, при чемъ объявилъ, что я отказываюсь не вслѣдствіе ложной стыдливости говорить предъ многочисленнымъ собраніемъ, — какъ раввину, мнѣ въ Польшѣ очень часто приходилось публично спорить и проповѣдывать, что я и теперь готовъ ежедневно читать публичныя лекціи—но я этого не дѣлаю,

потому-что это противно моимъ убѣжденіямъ.—Тутъ они уже совершенно вышли изъ терпѣнія. Они назвали меня проклятымъ еретикомъ и увѣряли, что грѣшно держать меня въ еврейскомъ домѣ. Хозяинъ дома, хотя и не философъ, но человѣкъ просвѣщенный, мало обращалъ вниманія на эти рѣчи: онъ цѣнилъ мои познанія и способности, а не мою набожность. Гости тотчасъ послѣ ужина удалились въ сильномъ негодованіи; но всѣ ихъ старанія— удалить меня изъ дома ихъ шурина — оказались напрасными. Я остался у него около девяти мѣсяцевъ, жилъ вполнѣ свободно, хотя и въ уединеніи, безъ всякихъ занятій и безъ разумнаго общества. Не могу пройти молчаніемъ слѣдующее событіе, замѣчательное въ психологическомъ и моральномъ отношеніи.

Такъ-какъ я въ Голландіи не чувствовалъ недостатка ни въ чемъ, кромѣ соотвѣтствующей моимъ силамъ дѣятельности, то весьма естественно, что на меня напала ипохондрія. Мнѣ нерѣдко приходила мысль лишить себя жизни и, такимъ образомъ, покончить съ этой ношей. Но лишь доходило до дѣла, любовь къ жизни всегда одерживала верхъ. Разъ я сильно пировалъ, какъ это обыкновенно бываетъ у евреевъ въ праздникъ Амана. Когда я послѣ пира отправился спать, то мнѣ пришлось идти вдоль канала. Мнѣ показалось очень удобнымъ осуществить теперь давно задуманную мысль. Я сказалъ самому себѣ: «Жизнь моя мнѣ въ тягость; я хотя теперь и не терплю недостатка, но что будетъ со мною въ будущемъ, и чѣмъ буду жить, когда я ни къ чему не гожусь? Я уже неоднократно, по хладнокровномъ обсужденіи, рѣшался положить ей конецъ, и только трусость до-сихъ-поръ удерживала меня отъ исполненія этого рѣшенія. Теперь-же, стоя, немного выпивши, на краю канала, это легко совершить въ одинъ мигъ. Уже верхняя часть туловища склонилась надъ водою, чтобы броситься въ нее, но только она одна послушалась велѣнія души, полагаясь, вѣроятно, на нижнюю часть, которая не послѣдуетъ этому велѣнію. Такъ я стоялъ долгое время въ нагнутомъ положеніи, такъ что могли думать, что я кланяюсь водѣ. Это мѣшканіе разрушило весь мой планъ. Я, наконецъ, самъ разсмѣялся надъ собою и положилъ конецъ этой трагикомической сценѣ, сказавъ себѣ,

что все это происходитъ отъ настоящаго во всемъ избытка и отъ воображаемыхъ въ будущемъ лишеній. Я, поэтому, пока благоразумно оставилъ свое намѣреніе и отправился домой.

Я долженъ привести здѣсь еще одну комическую сцену. Въ Графенгаагѣ жила тогда женщина лѣтъ 45, которая когда-то была очень красива и которая занималась преподаваніемъ французскаго языка. Она однажды посѣтила меня, представилась мнѣ и обнаружила неодолимое влеченіе къ научнымъ бесѣдамъ, вслѣдствіе чего она намѣревалась часто посѣщать меня и просила, чтобы и я удостоивалъ ее своими визитами. Я принялъ охотно это предложеніе, вслѣдствіе чего наши отношенія сдѣлались весьма дружескими. Мы бесѣдовали о философіи, изящныхъ искусствахъ и т. п. Такъ-какъ я тогда имѣлъ еще жену, и притомъ госпожа эта ничѣмъ другимъ, кромѣ своей страсти къ учености, меня не интересовала, то я не имѣлъ ничего въ виду, кромѣ бесѣды съ нею. Но госпожа эта, которая уже давно овдовѣла и которая, какъ она говорила, почувствовала ко мнѣ привязанность, стала выражать это романтическимъ образомъ, взглядами и словами, что показалось мнѣ весьма комичнымъ. Я никогда не могъ думать, что женщина въ состояніи въ меня влюбиться. Я, поэтому, считалъ это аффектаціей. Но она все серьезнѣе стала обнаруживать свою любовь и нерѣдко, среди бесѣды, дѣлалась задумчивой и начинала плакать.

Разъ рѣчь какъ-то зашла о *любви*. Я откровенно сознался, что я могу любить женщину лишь за ея женскія достоинства—красоту, увлекательность, миловидность; другія-же достоинства—таланты, ученость и т. п.—могутъ внушить мнѣ лишь уваженіе къ женщинѣ, но не любовь. Она приводила теоретическія и практическія (изъ французскихъ романовъ) доказательства, что я ошибаюсь. Но я остался твердъ, и когда она стала сильно гримасничить, то я всталъ и началъ прощаться. Она проводила меня до двери, схватила меня за руку и не хотѣла отпустить. Я довольно грубо спросилъ ее, что съ нею, на что она дрожащимъ голосомъ, и со слезами на глазахъ, отвѣтила: «*Я люблю васъ*».

Когда я услышалъ это лаконическое объясненіе въ любви, я сильно разсмѣялся, вырвался отъ нея и убѣжалъ. Она была бе-

зутѣшна. Чрезъ нѣкоторое время я получилъ отъ нея слѣдующую записку:

«М. Г.! Я сильно ошиблась въ васъ. Я считала васъ человѣкомъ благородныхъ мыслей и высокихъ чувствъ. Но какъ я вижу, вы *настоящій эпикуреецъ*. Вы ищете только удовольствій. Женщина можетъ вамъ нравиться лишь по красотѣ своей. Г-жа Даціеръ, которая изучила всѣхъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, перевела ихъ на свой родной языкъ и снабдила весьма учеными замѣчаніями, вамъ, напримѣръ, не можетъ нравиться, потому-что она не была красива. Стыдитесь вы, милостивый государь, быть во всемъ такъ просвѣщеннымъ и питать, однако, такіе вредные принципы; и если не хотите каяться, то страшитесь мести оскорбленной любви. Ваша и пр.»

На это я ей отвѣтилъ:

«Сударыня! Что вы ошиблись—это показываютъ послѣдствія. Вы говорите, что я настоящій эпикуреецъ. Вы оказываете мнѣ этимъ много чести. Какъ я презираю титулъ *эпикурейца вообще*, такъ я, напротивъ того, горжусь титуломъ *настоящаго эпикурейца*. Правда, въ женщинѣ мнѣ нравится только *красота*. Но такъ-какъ послѣдняя еще возвышается другими талантами, то и они нравятся мнѣ въ женщинѣ, какъ средства къ достиженію главной цѣли. Въ противномъ случаѣ, я, за одни таланты, могу лишь уважать женщину, но не влюбляться въ нее, какъ я уже устно объяснилъ вамъ. Ученость г-жи Даціеръ внушаетъ мнѣ всякое почтеніе: она, впрочемъ, сколько угодно могла влюбляться въ греческихъ героевъ, дѣйствовавшихъ при разрушеніи Трои, и требовать отъ окружавшихъ ее именъ взаимности—но не больше. Что же касается вашей мести, сударыня, то я не боюсь ея, такъ-какъ всеразрушающее время сломало и ваши оружія (именно: зубы и ногти) Вашъ...»

Такъ кончился этотъ странный романъ.

Но я уже убѣдился, что мнѣ въ Голландіи нечего было дѣлать. Евреи тамъ мало были склонны къ наукамъ и лишь копили деньги. Притомъ, я не зналъ голландскаго языка, и мнѣ невозможно было, поэтому, заниматься преподаваніемъ. Я рѣшился, поэтому, обратно чрезъ Гамбургъ, отправиться въ Берлинъ, но нашелъ случай ѣхать, сухимъ путемъ чрезъ Ганноверъ. Въ Ганноверѣ я отправился къ богачу М., который, впрочемъ и самъ не пользовался своимъ богатствомъ, показалъ ему рекомендацію Мендельсона и представилъ ему мое бѣдственное положеніе. Онъ взялъ письмо Мендельсона, внимательно прочелъ его, велѣлъ себѣ подать перо и чернила и не говоря ни слова, написалъ на немъ: «И я, М., свидѣтельствую, что все, что г. Мендельсонъ говоритъ въ похвалу г. Соломона вполнѣ вѣрно»—и этимъ отпустилъ меня.

ГЛАВА XIV.

Я опять въ Гамбургѣ.—Священникъ объявляетъ меня паршивой овцой, недостойной быть принятой въ христіанское стадо. — Я дѣлаюсь гимназистомъ и сгибаю въ бараній рогъ раввина.—Третья поѣздка въ Берлинѣ. — Неудавшійся планъ еврейскаго сочинительства.—Поѣздка въ Бреславль.—Разводъ.

Счастливо прибылъ я снова въ Гамбургъ, но здѣсь попалъ въ самое непріятное положеніе. Я жилъ въ какой-то жалкой гостинницѣ, безъ денегъ, безъ средствъ къ пропитанію, и не зналъ, за что взяться. Я уже былъ слишкомъ просвѣщенъ, чтобы думать о возвращеніи въ Польшу, гдѣ мнѣ предстояла жизнь, полная лишеній, безъ надежды на какое либо умственное занятіе, безъ дружбы, и гдѣ мнѣ пришлось-бы снова погрузиться въ пучину суевѣрія и невѣжества, изъ котораго я едва вырвался съ такимъ трудомъ. Найти въ Германіи какой-либо исходъ, при моемъ незнакомствѣ съ ея языкомъ, правами и образомъ жизни, къ которому я еще до-сихъ-поръ не могъ привыкнуть, было также трудно разсчитывать. Опредѣленному занятію, ремеслу, я не научился, не выдавался особенно ни въ какой отрасли науки—я даже не зналъ ни одного какого-либо языка, на которомъ могъ бы изъясняться. Мнѣ пришло въ голову, что нѣтъ для меня другого исхода, какъ перейти въ христіанство. Я рѣшился отправиться къ первому встрѣчному пастору въ Гамбургѣ, чтобы заявить ему, совершенно честно и правдиво, какъ о моемъ намѣреніи, такъ и о мотивахъ, побуждавшихъ меня къ этому поступку. Но такъ-какъ словесно я не могъ хорошо изъясняться, то я написалъ на бумагѣ свои мысли, на нѣмецкомъ языкѣ, но еврейскими буквами, отправился

къ школьному учителю и далъ ему переписать мое письмо нѣмецкими буквами. Содержаніе письма было, вкратцѣ, слѣдующее:

«Я родомъ изъ Польши, еврей; по воспитанію, ученію и призванію—я раввинъ; но въ мрачную темноту, окружавшую меня, ко мнѣ проникъ лучъ зари, который пробудилъ во мнѣ желаніе искать больше свѣта и правды, чтобы совершенно освободиться отъ мрака суевѣрія и невѣжества. Для этой цѣли я отправился въ Берлинъ, гдѣ, при помощи и содѣйствіи нѣкоторыхъ превосходныхъ людей изъ моихъ единовѣрцевъ, сталъ учиться—не систематически, но для удовлетворенія жажды знанія. Но такъ-какъ мои единовѣрцы не могутъ понимать пользы не только не-систематическаго, но и вполнѣ систематическаго ученія, то, поэтому, трудно обвинять ихъ въ томъ, что они, наконецъ, отстали отъ меня и признали эту помощь совершенно безполезной. Поэтому я рѣшился, въ видахъ достиженія, какъ земнаго, такъ и вѣчнаго счастія, которое зависитъ отъ достиженія полнаго совершенства, и въ видахъ пользы, какъ для себя, такъ и для другихъ—перейти въ христіанскую религію. Хотя еврейская религія, въ отношеніи ея символовъ вѣры, доступнѣе моему разуму, чѣмъ христіанская; но такъ-какъ эта послѣдняя въ практическомъ отношеніи выгоднѣе, и такъ-какъ цѣль всѣхъ религій вообще—нравственность, выражающаяся не въ мнѣніяхъ, а въ дѣйствіяхъ, то ясно, что послѣдняя ближе къ этой цѣли, чѣмъ первая. Впрочемъ, я принимаю таинства христіанской религіи за то, что они есть, именно за таинства, т. е. за аллегорическое изображеніе важнѣйшихъ для людей истинъ; только въ такомъ смыслѣ моя вѣра въ нихъ можетъ быть согласима съ разумомъ; но мнѣ невозможно вѣрить въ нихъ въ общепринятомъ смыслѣ. Вслѣдствіе этого я покорнѣйше прошу отвѣтить мнѣ на вопросъ: достоинъ-ли я, послѣ этого чистосердечнаго сознанія, христіанской религіи или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ, я готовъ привести свое намѣреніе въ исполненіе. Въ противномъ-же случаѣ, я долженъ отказатся отъ всякаго притязанія на религію, которая можетъ заставить меня говорить одно, а думать другое».

Школьный учитель, которому я представилъ это письмо, пришелъ въ не малое изумленіе отъ такой дерзости—еще никогда не

случалось ему слышать подобную исповѣдь. Онъ качалъ головою, нѣсколько разъ останавливался, точно считалъ уже одну переписку такого письма важнымъ прегрѣшеніемъ—и спѣшилъ окончить его, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ меня. Я отправился къ одному извѣстному пастору, передалъ ему это письмо и просилъ отвѣта. Пасторъ прочелъ письмо съ большимъ вниманіемъ, тоже пришелъ въ изумленіе, и по прочтеніи его, пустился со мною въ слѣдующій разговоръ: *Пасторъ.* Итакъ, вы для того только желаете перейти въ христіанство, чтобы этимъ поправить ваши земныя дѣла? *Я.* Прошу извинить, г. пасторъ! Мнѣ кажется, что въ письмѣ моемъ я достаточно ясно высказался, что мое намѣреніе состоитъ въ достиженіи совершенста. Само собою разумѣется, что для этого необходимо также, какъ важнѣйшее условіе, устраненіе препятствій и улучшеніе внѣшнихъ обстоятельствъ. Но не въ этомъ моя главная цѣль. *Пасторъ.* Чувствуете-ли вы въ себѣ внутреннее влеченіе къ христіанской религіи, не взирая ни накакіе внѣшніе мотивы? *Я.* Я-бы солгалъ, еслибы сталъ это утверждать. *Пасторъ.* Вы слишкомъ философъ, что-бы сдѣлаться христіаниномъ. Вы признаете только господство разума, а вѣра у васъ играетъ второстепенную роль и должна быть послушна ему. Вы считаете таинства христіанской религіи—аллегоріями, а заповѣди ея—простыми велѣніями разума. Такою исповѣдью я удовольствоваться не могу. Молите Бога, чтобы онъ просвѣтилъ васъ Своей милостью и внушилъ вамъ духъ истинной вѣры, и затѣмъ приходите ко мнѣ. *Я.* Въ такомъ случаѣ позвольте уже мнѣ остаться евреемъ. Имѣю честь кланяться.

Трудность дороги и дурная пища были причиной того, что сомною сдѣлалась лихорадка. Я лежалъ на соломѣ въ мансардѣ и страдалъ отъ недостатка свѣжей пищи и необходимаго удобства. Хозяинъ гостинницы изъ жалости послалъ за еврейскимъ врачемъ, который дѣйствительно пришелъ, прописалъ мнѣ рвотное, и такъ-какъ онъ нашелъ во мнѣ человѣка не зауряднаго, то провелъ со мною нѣсколько часовъ и попросилъ меня посѣтить его по выздоровленіи. Средство помогло, и я скоро дѣйствительно всталъ на ноги.

Между-тѣмъ какой-то молодой человѣкъ, знавшій меня еще въ

Берлинѣ, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, навѣстилъ меня и посовѣтовалъ отправиться къ нѣкоему г. В., который видѣлъ меня уже въ Берлинѣ и теперь тоже живетъ въ Гамбургѣ. Я послѣдовалъ его совѣту. Г. В., человѣкъ способный, честный и отъ природы склонный ко всякаго рода добрымъ дѣламъ, спросилъ меня, что я намѣренъ дѣлать? Я объяснилъ ему мое положеніе и просилъ его совѣта. Онъ сказалъ мнѣ, что, по его мнѣнію, все мое несчастіе состоитъ въ томъ, что я посвятилъ себя реальнымъ познаніямъ и въ то-же время не позаботился пріобрѣсти познаній въ какомъ-либо языкѣ и, поэтому не могу передать мои познанія другому; но не все еще потеряно, и если я согласенъ, то могу достигнуть этой цѣли въ гимназіи въ Альтонѣ, въ которой воспитывается его собственный сынъ; о моемъ содержаніи онъ уже позаботится. Я принялъ это предложеніе съ большою благодарностью и весело отправился домой. Между-тѣмъ г. В. переговорилъ съ профессорами гимназіи и ректоромъ ея, въ особенности съ превосходящимъ всякія похвалы, по качеству сердца и ума, г. синдикомъ Г., и представилъ меня этимъ почтеннымъ лицамъ, какъ человѣка съ необыкновенными способностями, которымъ не достаетъ только знанія языка, чтобы славнымъ образомъ выступить на ученомъ поприщѣ. Они согласились на мою просьбу; мнѣ изготовили матрикулы и дали квартиру въ самой гимназіи.

Здѣсь я провелъ года съ два спокойно и довольный своей судьбою. Но такъ-какъ въ гимназіи—что, впрочемъ, совершенно понятно— изложеніе науки идетъ весьма медленно, то было совершенно естественно, что я, знакомый уже съ науками, сильно скучалъ на нѣкоторыхъ лекціяхъ и, наконецъ, вовсе пересталъ посѣщать нѣкоторыхъ профессоровъ, выбирая чтенія по моему вкусу. Въ особенности нравился мнѣ директоръ г. Душъ, за его основательную ученость и сердечную доброту, и я посѣщалъ большую часть его чтеній. Само - собою разумѣется, что философія Эрнести, о которой онъ читалъ, меня удовлетворить не могла, точно такъ-же, какъ и чтенія по Сегнеровому руководству къ математикѣ; но я много успѣлъ у него въ англійскомъ языкѣ.

Ректоръ Г., старый, веселый, но педантичный человѣкъ, былъ

не очень доволенъ мною, потому-что я не считалъ нужнымъ дѣлать его латинскія упражненія и не хотѣлъ учиться греческому языку. Профессоръ исторіи, товарищъ ректора... начиналъ обыкновенно свои чтенія ab ovo—съ Адама и къ концу второго года доходилъ до Вавилонскаго столопотворенія. Профессоръ французскаго языка, помощникъ ректора... заставлялъ насъ переводить Фенелона «Sur l'existence de Dieu», къ чему я почувствовалъ сильное отвращеніе, потому что, какъ я замѣтилъ, опровергая систему Спинозы, этотъ авторъ только подтверждаетъ ее.

Во все время моего пребыванія въ гимназіи, профессора не могли составить себѣ яснаго понятія обо мнѣ, потому-что не имѣли случая узнать меня ближе.

Къ концу перваго года, когда я, какъ мнѣ казалось, уже пріобрѣлъ основательныя познанія въ языкахъ, я рѣшился оставить гимназію; но Душъ, который мало-по-малу успѣлъ познакомиться со мною, просилъ меня остаться по-крайней-мѣрѣ, еще на годъ, на что я охотно согласился, такъ-какъ я въ гимназіи ни въ чемъ не имѣлъ недостатка.

Около этого времени со мною случилось слѣдующее обстоятельство: какой-то польскій еврей, которому жена моя поручила отыскать меня во-чтобы-то-ни-стало, узналъ о моемъ мѣстопребываніи, прибылъ въ Гамбургъ и посѣтилъ меня въ гимназіи. Посланничество его состояло въ томъ, что моя жена черезъ него приказывала мнѣ—или тотчасъ же отправиться домой, или прислать ей черезъ него разводную грамоту. Но въ то время я не могъ исполнить ни того, ни другого. Развестись съ женою безъ всякой причины—я не хотѣлъ, а возвратиться тотчасъ-же въ Польшу, гдѣ я не могъ разсчитывать на сколько-нибудь приличную и разумную жизнь—было рѣшительно невозможно для меня. Все это я изложилъ господину уполномоченному и прибавилъ, что я въ скоромъ времени оставляю гимназію и намѣренъ отправиться въ Берлинъ, гдѣ мои друзья, какъ я надѣюсь, словомъ и дѣломъ помогутъ мнѣ исполнить мои намѣренія.

Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ его: онъ считалъ его пустою увerткой, и такъ-какъ со мною онъ не могъ добиться толку, то и

отправился къ мѣстному раввину и пожаловался ему на меня. Раввинъ послалъ за мною своего судебнаго служителя и потребовалъ меня къ своему суду. Но я велѣлъ сказать ему, что, находясь въ гимназіи, я подлежу ея суду и не могу подчиниться его требованію. Получивъ этотъ отвѣтъ, господинъ раввинъ употребилъ всевозможныя усилія, чтобы, при помощи правительственной власти, понудить меня къ повиновенію, но все было напрасно. Видя, что такимъ путемъ, онъ со мною ничего не сдѣлаетъ, онъ прислалъ человѣка просить меня зайти къ нему, такъ какъ онъ хочетъ переговорить со мною по дружески. На это я охотно согласился и тотчасъ же отправился къ нему.

Раввинъ пошелъ мнѣ на встрѣчу и принялъ меня съ большимъ уваженіемъ; когда же я ему сообщилъ имя города, гдѣ я родился, и мою фамилію, онъ горячо заплакалъ и заломалъ руки.

— Какъ? Вы сынъ раби Іошуа? Я, вѣдь очень хорошо знаю вашего отца,—онъ набожный и ученый человѣкъ. Я и васъ знаю; я васъ часто въ вашемъ дѣтствѣ экзаменовалъ—я много обѣщалъ себѣ отъ васъ. Но, увы! какъ вы перемѣнились! воскликнулъ онъ, указывая на мой бритый подбородокъ.

Я отвѣчалъ, что и я имѣю честь знать его и помню еще его экзамены; что же касается моихъ поступковъ, то они согласны съ (вѣрно понятою) религіей и никакъ не противны разуму.

— Но—прервалъ меня раввинъ—вѣдь, вы брѣете бороду, не посѣщаете синагоги—развѣ это не противно религіи?

Я отвѣчалъ, что вовсе этого не нахожу, и хотѣлъ ему доказать разными цитатами изъ Талмуда, что въ томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь, все это совершенно позволительно. Мы вступили въ горячій споръ и, конечно, каждый изъ насъ остался правымъ. Такъ какъ этимъ путемъ онъ ничего отъ меня добиться не могъ, то сталъ читать мнѣ нотацію; когда же и это не помогло, онъ, въ святомъ изступленіи, сталъ кричать: *Шоферъ! Шоферъ!* (такъ называется рогъ, въ который трубятъ въ день новаго года для напоминанія вѣрующимъ о необходимости покаянія; сатана, какъ говорятъ, сильно побаивается этого инструмента) и въ тоже время указалъ мнѣ на шоферъ, который лежалъ передъ нимъ на столѣ, и спросилъ меня:

— Знаете-ли вы, что это такое?

— Конечно, знаю, отвѣтилъ я смѣло. Эго рогъ отъ козла!

При этихъ словахъ, раввинъ упалъ въ свое кресло и сталъ оплакивать мою потерянную душу; я-же, оставивъ его плакать, сколько ему угодно, удалился.

Къ концу второго года, я разсудилъ, что, какъ для успѣха въ жизни, такъ и изъ уваженія къ гимназіи, мнѣ слѣдовало-бы дать профессорамъ возможность ближе познакомиться со мною. Я отправился къ директору Душу, объявилъ ему о скоромъ отъѣздѣ моемъ и сообщилъ ему, что такъ-какъ я желаю получить отъ него аттестатъ, то я нахожу нужнымъ подвергнуться испытанію, для того, чтобы отзывъ о моихъ познаніяхъ былъ, по возможности, ближе къ истинѣ. Для этой цѣли онъ заставилъ меня перевести нѣсколько мѣстъ изъ латинскихъ и англійскихъ поэтическихъ и прозаическихъ твореній разныхъ авторовъ и остался мною очень доволенъ. Затѣмъ онъ повелъ разговоръ о философскихъ предметахъ, но нашелъ меня до того знакомымъ съ ними, что для собственной безопасности счелъ нужнымъ ретироваться поскорѣе. Наконецъ, онъ спросилъ меня:

— Ну, а съ математикой какъ у васъ обстоитъ дѣло?

Я попросилъ его испытать меня и въ этой наукѣ.

— Мы остановились въ нашихъ математическихъ чтеніяхъ, началъ онъ, на ученіи о математическихъ тѣлахъ. Не желаете-ли вы сами разработать вопросъ, о которомъ мы еще не говорили въ нашихъ чтеніяхъ, какъ, напр., о взаимныхъ отношеніяхъ цилиндрическаго-шара и шара? Я вамъ предоставляю нѣсколько дней на разработку этого вопроса...

Я отвѣчалъ, что это вовсе не нужно и выразилъ готовность тотчасъ-же разрѣшить эту задачу и, дѣйствительно, тутъ-же разрѣшилъ не только эту, но и многія другія задачи изъ Сегнеровой геометріи. Директоръ не могъ придти въ себя отъ удивленія, призвалъ всѣхъ учениковъ гимназіи и, чтобы пристыдить ихъ, разсказалъ имъ о моихъ необыкновенныхъ успѣхахъ. Большая часть моихъ бывшихъ товарищей не знали, что отвѣчать на это, и молчали; но тѣ, которые были посмѣлѣе, отвѣчали:

— Вы, можетъ быть, г. директоръ, думаете, что Маймонъ только здѣсь успѣлъ такъ много въ математикѣ? Онъ такъ рѣдко посѣщалъ уроки математики, и когда приходилъ, то никогда не обращалъ вниманія на чтеніе.

Они хотѣли еще что-то сказать, но директоръ приказалъ имъ молчать и выдалъ мнѣ похвальный аттестатъ, который долгое время спустя служилъ для меня постояннымъ побудительнымъ мотивомъ шествовать впередъ по пути науки. Смѣю надѣяться, что никто не назоветъ самовосхваленіемъ съ моей стороны, если я вкратцѣ приведу слѣдующія мѣста изъ отзыва этого почтеннаго человѣка.

«Его способности вообще — говоритъ онъ — къ изученію всего прекраснаго, добраго и полезнаго, въ особенности-же къ изученію такихъ наукъ, которыя требуютъ сильнаго напряженія ума, отвлеченнаго и глубокаго мышленія—могу сказать, необыкновенны. Всякая наука, которая требуетъ самаго широкаго примѣненія умственной дѣятельности для него пріятнѣе всего и, повидимому, составляетъ для него величайшее наслажденіе. Любимыя его занятія до-сихъ-поръ были математика и философія, въ которыхъ онъ оказалъ изумительные успѣхи». и т. д. Я простился съ моими наставниками, которые единогласно поздравили меня, увѣривъ, что «я дѣлалъ честь ихъ гимназіи», и затѣмъ снова отправился въ Берлинъ.

Въ Берлинѣ я тотчасъ посѣтилъ моихъ старыхъ друзей, Мендельсона, доктора Б. и др., и просилъ ихъ дать мнѣ какое-либо, приличное моимъ способностямъ и познаніямъ, занятіе, такъ-какъ теперь я уже пріобрѣлъ нѣкоторыя познанія въ языкахъ. Моимъ друзьямъ пришла въ голову мысль, что я могъ-бы содѣйствовать распространенію просвѣщенія между живущими еще въ мракѣ польскими евреями разными сочиненіями на еврейскомъ языкѣ—единственномъ, который былъ имъ доступенъ; эти человѣколюбивые люди взялись печатать и распространять мои будущія сочиненія на свой счетъ. Я принялъ это предложеніе съ радостью. Но здѣсь возникъ вопросъ: какого рода книгами слѣдуетъ начать дѣло? Въ этомъ пунктѣ мнѣнія этихъ превосходныхъ людей расходились.

И. Г. полагалъ, что лучше всего начать изданіемъ исторіи еврейскаго народа, такъ-какъ только исторія можетъ выяснить имъ происхожденіе религіи и послѣдующее извращеніе ея истинъ, причины паденія ихъ государства и послѣдующихъ преслѣдованій и гнета, и, наконецъ, причины ихъ невѣжества и упрямаго сопротивленія всякимъ разумнымъ учрежденіямъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ перевести съ французскаго «Исторію евреевъ Баснажа», далъ мнѣ названную книгу и просилъ меня представить для пробы нѣсколько страницъ моего перевода. Проба весьма понравилась всѣмъ, даже Мендельсону, и я уже былъ готовъ взяться за дѣло. Но г. Ф. полагалъ, что надо начать «естественной религіей» и разумной моралью—такъ-какъ въ этомъ именно и состоитъ вся цѣль просвѣщенія, и для этой цѣли онъ совѣтовалъ лучше перевести «Естественную религію» Реймаруса. Мендельсонъ не высказывалъ своего собственнаго мнѣнія, потому-что полагалъ, что всѣ эти предпріятія не причинятъ вреда, но и пользы большой тоже не принесутъ. Что до меня, то я взялся за эту работу не по собственному желанію, но по порученію моихъ друзей.

Я былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ раввинскимъ деспотизмомъ и могуществомъ суевѣрія, господствовавшаго въ Польшѣ уже нѣсколько столѣтій и, для собственной безопасности, недопускавшаго распространенія свѣта и правды; я слишкомъ хорошо зналъ, какъ тѣсно связана еврейская теократія съ національнымъ существованіемъ, такъ-что устраненіе первой привело-бы къ уничтоженію послѣдней, и потому видѣлъ, что всѣ мои усилія ни къ чему не приведутъ. Но, какъ я уже сказалъ, я принялъ это порученіе только по желанію моихъ друзей и потому, что у меня самого не было никакихъ другихъ средствъ къ существованію. Такимъ образомъ, друзья мои, не опредѣливъ въ точности своего плана, отправили меня въ Дессау, чтобы я тамъ на-досугѣ могъ предаться работѣ.

Я пріѣхалъ въ Дессау съ надеждой, что друзья мои въ скоромъ времени доставятъ мнѣ точную программу моей дѣятельности; но я ошибся въ разсчетѣ, потому что, какъ только я оставилъ Берлинъ, друзья мои совершенно забыли о всемъ пред-

пріятіи. Около двухъ недѣль я ждалъ напрасно и, не получая никакой резолюціи, я написалъ въ Берлинъ и, указавъ на безполезность изданія книгъ въ предполагаемомъ родѣ, заявилъ, что, по моему мнѣнію, было-бы лучше всего дать евреямъ возможность познакомиться съ реальными науками, и предложилъ составить для нихъ руководство къ изученію математики. Получивъ согласіе на эту работу отъ Ф., я сейчасъ приступилъ къ дѣлу, взявъ за основаніе руководство къ математикѣ Вольфа, и когда мѣсяца черезъ два моя работа была кончена, я отправился въ Берлинъ, чтобы дать отчетъ о моей дѣятельности; но тутъ я долженъ былъ выслушать отъ И. печальную вѣсть, что такъ-какъ мое сочиненіе слишкомъ объемисто и требуетъ много издержекъ, то онъ не въ состояніи предпринять изданіе его на собственный счетъ и я поэтому могу изъ него сдѣлать какое мнѣ угодно употребленіе.

Я пожаловался на это Мендельсону, который хотя и нашелъ, что несправедливо оставить трудъ мой безъ вознагражденія, но что и я не могу требовать отъ друзей моихъ изданія книги, которая, по извѣстному мнѣ самому отвращенію евреевъ ко всѣмъ наукамъ, не можетъ разсчитывать на хорошій сбытъ, и поэтому онъ присовѣтовалъ мнѣ издать ее по подпискѣ. Само собою разумѣется, что я долженъ былъ этимъ удовлетвориться. Мендельсонъ и другіе образованные евреи въ Берлинѣ подписались на это сочиненіе, и я за свой трудъ получилъ—рукопись и подписной листъ. Затѣмъ никто уже больше не думалъ объ этомъ предпріятіи.

Это послужило причиной новой ссоры между мною и моими берлинскими друзьями. Какъ человѣкъ неопытный, я полагалъ, что человѣческія дѣйствія должны опредѣляться по законамъ справедливости и потому настаивалъ на исполненіи нашего договора. Но мои друзья слишкомъ поздно догадались, что планъ ихъ, въ концѣ концовъ, долженъ рушиться, потому-что они не могли быть увѣрены въ успѣшномъ сбытѣ книгъ, которыя имъ самимъ должны были обойтись весьма дорого. При тогдашнемъ религіозномъ, нравственномъ и политическомъ положеніи евреевъ можно было предвидѣть, что небольшое число людей образованныхъ не станетъ изучать науку по учебникамъ на еврейскомъ языкѣ, неудобномъ для изложенія

научныхъ положеній, и скорѣе обратится прямо къ оригинальнымъ источникамъ. Наоборотъ же, необразованные, къ которымъ принадлежитъ вся масса народа, находятся подъ господствомъ укоренившихся предразсудковъ и считаютъ всякую науку, хотя-бы на еврейскомъ языкѣ изложенную, запрещеннымъ плодомъ и занимаются только изученіемъ Талмуда и его безчисленныхъ комментаріевъ.

Все это я самъ хорошо зналъ и не требовалъ вовсе печатанія моего сочиненія—но требовалъ вознагражденія за мой трудъ.

Мендельсонъ держался въ этомъ спорѣ нейтрально, потому-что онъ считалъ обѣ стороны правыми. Онъ обязался побудить моихъ друзей, чтобы они позаботились о помощи для меня другимъ какимъ либо способомъ. Но такъ какъ и это не удалось, то я потерялъ всякое терпѣніе и уѣхалъ въ Бреславль. Уѣзжая изъ Берлина, я взялъ съ собою рекомендательныя письма, но они мало помогли мнѣ, потому-что прежде, я чѣмъ самъ прибылъ въ Бреславль, туда уже обо мнѣ были посланы предувѣдомительныя письма, которыя возстановили противъ меня большую часть лицъ, которымъ я былъ отрекомендованъ. Меня приняли весьма холодно, и такъ какъ я ничего не зналъ объ этихъ письмахъ, то мнѣ и трудно было объяснить себѣ это обстоятельство и я уже рѣшился было оставить Бреславль.

Но въ это время я случайно познакомился съ знаменитымъ поэтомъ еврейскаго происхожденія—Эфраимомъ Ку, нынѣ умершимъ. Этому ученому и благородному человѣку я такъ понравился, что онъ, оставивъ всѣ свои дѣла и занятія, занимался только мною. Съ богатыми евреями онъ говорилъ обо мнѣ съ величайшимъ увлеченіемъ и хвалилъ меня, какъ весьма способнаго человѣка. Но замѣтивъ, что всѣ его рѣчи не производятъ никакого впечатлѣнія, онъ постарался узнать причину такого явленія и дѣйствительно узналъ, что эта причина кроется въ дружественныхъ письмахъ изъ Берлина. «Соломонъ Маймонъ, говорилось въ тѣхъ письмахъ, старается распространять вредныя мнѣнія». Эфраимъ Ку, какъ человѣкъ мыслящій, понялъ причину этого обвиненія, но ему не удалось переубѣдить моихъ друзей. Я признался ему, что хотя, въ

бытность мою въ Берлинѣ, я, какъ человѣкъ молодой, безъ опытности и безъ знанія свѣта, дѣйствительно чувствовалъ непреодолимую склонность признанную мною истину распространять и сообщать другимъ; но доказалъ ему, что въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ опытъ достаточно научилъ меня, и я сталъ теперь гораздо осторожнѣе—слѣдовательно, это обвиненіе теперь не имѣетъ никакого основанія. Недовольный моимъ печальнымъ положеніемъ, я рѣшился обратиться къ христіанскимъ ученымъ, при помощи рекомендацій которыхъ я надѣялся пріобрѣсть благосклонность богатыхъ моихъ единовѣрцевъ. Но такъ какъ я боялся, чтобы недостаточность моего языка не препятствовала выраженію моихъ мыслей, то я написалъ статью, въ которой изложилъ афористически мои мысли о важнѣйшихъ предметахъ философіи. Съ этой статьею отправился я къ знаменитому профессору Гарве, объяснилъ ему мое намѣреніе и передалъ ему мои афоризмы. Онъ долго дружески разговаривалъ со мною о нихъ, выдалъ мнѣ весьма лестное свидѣтельство и, сверхъ того, словесно отрекомендовалъ меня съ особеннымъ удареніемъ богатому банкиру г. Липману Мейеру, который самъ назначилъ мнѣ небольшое ежемѣсячное жалованье и, сверхъ того, поручилъ меня заботливости другихъ богатыхъ евреевъ.

Положеніе мое стало мало-по-малу поправляться. Многіе еврейскіе молодые люди искали знакомства со мною; между-прочимъ, я такъ понравился среднему сыну нѣкоего г. Цадига, что онъ пожелалъ имѣть меня своимъ наставникомъ. Отецъ его, человѣкъ богатый, образованный, здравомыслящій, который первый изъ евреевъ старался дать своимъ дѣтямъ нѣмецкое воспитаніе и не щадилъ издержекъ для ихъ образованія, охотно согласился на просьбу своего сына имѣть меня своимъ учителемъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ и предложилъ мнѣ переѣхать къ нему на квартиру, съ тѣмъ, чтобы за умѣренную плату давать среднему сыну его по два урока въ день изъ физики и изящныхъ наукъ, а младшему одинъ урокъ изъ ариѳметики; разумѣется, что я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе. Спустя нѣкоторое время, Цадигъ предложилъ мнѣ принять на себя обученіе дѣтей его еврейскому языку и первоначальнымъ основаніямъ математики, которыми прежде

занимался какой-то польскій раввинъ, нѣкто Манотъ. Но я отклонилъ это предложеніе, такъ какъ считалъ несправедливымъ вытѣснить этого бѣднаго человѣка, которымъ, впрочемъ, до тѣхъ поръ были весьма довольны, и который на вырученныя за ученіе деньги содержалъ себя и цѣлое семейство. Такимъ образомъ, рабби Манотъ остался при своихъ урокахъ, а я при своихъ.

Заниматься самому наукой я не могъ, во первыхъ, мнѣ недоставало нужныхъ книгъ, во вторыхъ, мнѣ постоянно мѣшали, такъ какъ я жилъ въ одной комнатѣ съ дѣтьми, къ которымъ ежечасно приходили другіе учителя. Сверхъ того, рѣзвость молодыхъ людей не согласовалась съ моимъ характеромъ, который сталъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ прежде, и шалости ихъ часто выводили меня изъ терпѣнія. Такъ какъ я большую часть времени долженъ былъ проводить въ праздности, то я, отъ нечего дѣлать, отыскалъ себѣ друзей-пріятелей и расширилъ свой кругъ знакомства. Часто я посѣщалъ г. Лиссе, маленькаго, кругленькаго человѣчка просвѣщеннаго образа мыслей и веселаго характера. Съ этимъ и другими веселыми товарищами я проводилъ вечера; мы болтали всякій вздоръ, шутили и играли; днемъ-же я проводилъ свое время въ табачныхъ клубахъ.

Вскорѣ я познакомился въ другихъ домахъ, въ особенности въ домахъ банкира Симона и Бортенштейна, которые тоже оказывали мнѣ много услугъ. Всѣ они уговаривали меня посвятиться медицинѣ, къ которой я всегда чувствовалъ сильное отвращеніе. Но такъ, какъ по многимъ обстоятельствамъ я видѣлъ, что иначе мнѣ трудно будетъ расчитывать на какую-либо помощь, то я рѣшился исполнить общее желаніе. Профессоръ Гарве отрекомендовалъ меня профессору Моргенбессеру, и нѣкоторое время я дѣйствительно посѣщалъ его медицинскія лекціи. Но такъ какъ я не могъ преодолѣть моего отвращенія къ этой наукѣ, то скоро долженъ былъ отказаться отъ нея. Впослѣдствіи я познакомился съ другими христіанскими учеными, въ особенности съ знаменитымъ, какъ по своему характеру, такъ и по своему человѣколюбію, почтеннымъ, теперь уже умершимъ, Либеркюномъ а также и съ нѣкоторыми профессорами бреславльской іезуитской коллегіи.

И здѣсь, въ Бреславлѣ, я не совсѣмъ отказался отъ своихъ еврейскихъ литературныхъ работъ. Я перевелъ «Утреннiе часы» Мендельсона на еврейскiй языкъ и послалъ для пробы нѣсколько листовъ г. Даніелю Ицигу, но не получилъ никакого отвѣта, потому что этотъ превосходный человѣкъ, вслѣдствіе своей обширной дѣятельности, не могъ обращать вниманія на предметы, которые его непосредственно не интересовали, и, такимъ образомъ, ему легко было забыть о необходимости отвѣчать мнѣ на мое письмо. Въ это же время я написалъ на еврейскомъ языкѣ руководство къ естествознанію, по началамъ Ньютона, и какъ эту, такъ и всѣ другія мои работы на еврейскомъ языкѣ еще до-сихъ-поръ сохраняю въ рукописи.

Но, впослѣдствіи, я и въ Бреславлѣ попалъ въ непріятное положеніе. Дѣти г. Цадика поступили каждый по своему назначенію въ конторы для занятія торговыми дѣлами, и, стало-быть, больше не нуждались въ наставникѣ. Другія вспомоществованія мало-помалу тоже прекратились. Такъ какъ я долженъ былъ теперь отыскивать средства къ существованію на другомъ поприщѣ, то я сталъ давать уроки: одному молодому человѣку я объяснялъ алгебру Эйлера, двумъ-тремъ дѣтямъ давалъ уроки въ нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ и т. д. Но и это не долго продолжалось, и я опять увидѣлъ себя въ печальныхъ обстоятельствахъ. Около этого времени пріѣхала въ Бреславль моя жена съ моимъ старшимъ сыномъ. Жена моя была женщина необразованная, грубая, но надѣленная здравымъ смысломъ и амазонской храбростью. Она потребовала, чтобы я тотчасъ поѣхалъ съ нею домой, не желая понять, что человѣку, подобному мнѣ, проведшему уже столько лѣтъ въ Германіи,—человѣку, который уже счастливо освободился отъ оковъ суевѣрія и религіозныхъ предразсудковъ, сложилъ съ себя грубые нравы и прежній образъ жизни и успѣлъ уже расширить кругъ своихъ познаній, рѣшительно невозможно было добровольно вернуться къ прежнему варварскому и бѣдственному положенію и, отказавшись отъ пріобрѣтенныхъ выгодъ, подчиняться—при малѣйшемъ отступленіи отъ обрядовыхъ законовъ и выраженіи какой-либо свободной мысли—ярости раввиновъ.

Но она ничего этого и слышать не хотѣла и объявила мнѣ, что она рѣшилась, если я съ нею не поѣду,—развестись со мною. Мнѣ, такимъ образомъ, изъ двухъ золъ предстояло выбрать меньшее, и я согласился на разводъ.

Между тѣмъ, я долженъ былъ позаботиться о квартирѣ и содержаніи своихъ гостей и водить ихъ по Бреславлю. То и другое я исполнилъ и обращалъ ихъ вниманіе, и въ особенности вниманіе сына моего, на разницу между здѣшнею жизнью и жизнью въ Польшѣ, и нѣкоторыми ссылками на «Море-Небухимъ» старался доказать ему, что просвѣщеніе ума и смягченіе религіозныхъ нравовъ представляетъ болѣе выгоды, чѣмъ вреда.

Я сдѣлалъ еще больше: я старался уговорить его, чтобы онъ остался при мнѣ и увѣрялъ его, что въ Германіи, подъ моимъ руководствомъ и при помощи нѣкоторыхъ друзей моихъ, онъ найдетъ возможность развить свои природныя дарованія и употребить ихъ гораздо цѣлесообразнѣе. Слова мои остались не безъ впечатлѣнія, но набожные евреи, которыхъ жена моя и сынъ весьма часто посѣщали, присовѣтовали ей настаивать на разводѣ и ни въ какомъ случаѣ не оставлять у меня сына. Этотъ планъ долженъ былъ оставаться въ тайнѣ, пока они не получатъ отъ меня достаточно денегъ на домашнее обзаведеніе. Тогда они могутъ навѣки разстаться со мною и съ пріобрѣтенною добычей отправиться домой. Жена моя послѣдовала этому совѣту въ точности, и когда я передалъ женѣ собранные у друзей моихъ двадцать червонцевъ и хотѣлъ было, для полученія остальной нужной суммы отправиться въ Берлинъ, она начала выставлять разнаго рода затрудненія и затѣмъ рѣшительно объявила, что для насъ обоихъ лучше всего развестись, такъ-какъ ни я съ нею въ Польшѣ, ни она со мною въ Германіи жить не можемъ. Я нашелъ, что она совершенно права. Но такъ-какъ мнѣ жаль было разстаться съ женою, которую я нѣкогда любилъ, и, сверхъ того, не хотѣлъ легкомысленно совершить такой важный поступокъ, то я объявилъ ей, что соглашусь на разводъ только въ томъ случаѣ, когда меня къ тому принудятъ судебнымъ порядкомъ, что дѣйствительно и было; меня призвали въ судъ, и когда жена моя выставила свои основанія, по которымъ требовала отъ меня развода, предсѣдатель сказалъ:

«При такихъ обстоятельствахъ, мы ничего другого не можемъ совѣтовать вамъ, кромѣ развода».

— Но, г. предсѣдатель! отозвался я мы сюда пришли не за совѣтомъ, а за судебнымъ приговоромъ.

Раввинъ всталъ съ своего мѣста, для того, чтобы показать, что слова его должны считаться не судебнымъ опредѣленіемъ, подошелъ ко мнѣ со сводомъ узаконеній въ рукѣ и показалъ мнѣ слѣдующее мѣсто: «Бродяга, который оставляетъ свою жену на много лѣтъ, не пишетъ ей и не посылаетъ ей денегъ, долженъ быть, въ случаѣ его нахожденія, принужденъ судебнымъ порядкомъ къ разводу съ нею».

— Не мнѣ проводить сравненіе между этимъ казусомъ и моимъ положеніемъ, отвѣчалъ я. Это должны дѣлать вы, а потому садитесь на свое мѣсто и произнесите вашъ судебный приговоръ.

Предсѣдатель смѣшался, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, вставалъ и садился на свое мѣсто, а господа судьи переглядывались между собою. Наконецъ, предсѣдатель разсердился, сталъ ругать меня, называлъ еретикомъ и проклялъ меня именемъ Бога. Я оставилъ его шумѣть и ушелъ. Такимъ образомъ кончился этотъ странный процессъ, и все осталось по старому.

Видя, что силою ничего со мною не подѣлаетъ, жена моя прибѣгла къ слезамъ и мольбамъ, и я, наконецъ, согласился на ея просьбу, но съ условіемъ, чтобы предсѣдатель, такъ хорошо ругавшійся въ прежнемъ засѣданіи, не предсѣдательствовалъ при совершеніи развода. Затѣмъ жена и сынъ мой отправились въ Польшу, а я нѣкоторое время оставался еще въ Бреславлѣ; но такъ-какъ мое положеніе все болѣе и болѣе ухудшалось, то я рѣшился снова отправиться въ Берлинъ.

ГЛАВА XV.

Четвертая поѣздка въ Берлинъ.—Бѣдственное положеніе и помощь.—Изученіе сочиненій Канта.—Характеристика моихъ собственныхъ произведеній.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, я уже не засталъ въ живыхъ Мендельсона, а прежніе друзья мои и слышать не хотѣли больше обо

мнѣ. Дѣлать было нечего; я не зналъ, за что взяться. Въ величайшей нуждѣ ко мнѣ явился Бендавидъ и сообщилъ мнѣ, что, узнавъ о моемъ бѣдственномъ положеніи, онъ собралъ для меня 30 талеровъ, которые онъ и вручилъ мнѣ. Сверхъ того, онъ познакомилъ меня съ нѣкимъ Жожаромъ, человѣкомъ просвѣщеннымъ и благороднымъ, который очень дружески и дѣятельно заступился за меня и доставилъ мнѣ помощь отъ г. I. Хотя профессоръ N... всѣми силами старался насолить мнѣ и разсорить его со мною, называя меня атеистомъ, но я продолжалъ получать столько денегъ, что могъ нанимать мансарду у какой-то старухи. Я принялся за изученіе «Критики чистаго ума» Канта, о которой я такъ много наслышался, но еще не видалъ. Способъ, который употребилъ при изученіи философіи Канта, необыкновененъ. При первомъ прочтеніи, въ головѣ моей осталось только смутное понятіе о содержаніи каждой главы, но затѣмъ я старался собственнымъ размышленіемъ разъяснить себѣ его и такимъ образомъ вникнуть въ мысль автора — что называется *вдуматься въ извѣстную систему*. Такъ-какъ я и прежде, точно такимъ же образомъ, усвоилъ себѣ системы Спинозы, Юма и Лейбница, то было совершенно естественно, что мнѣ пришла въ голову мысль соединить всѣ эти философскія системы въ одну.

Сначала я составилъ ее въ видѣ примѣчаній и объясненій къ «Критикѣ чистаго ума» Канта, по мѣрѣ того, какъ эта система развивалась во мнѣ самомъ, и затѣмъ изъ этихъ замѣчаній возникла моя «Трансцендентальная философія». Въ ней я старался развить каждую изъ означенныхъ системъ такимъ образомъ, что ихъ связь легко открывается. Поэтому, книга моя представляетъ большія затрудненія для тѣхъ, которые, вслѣдствіе не вполнѣ развитой гибкости ума, усвоили себѣ только одну какую либо изъ этихъ системъ. Важнѣйшая проблема, разрѣшеніемъ которой занимается «Критика», а именно: quid juris? разрѣшена въ моей книгѣ, въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ, и это дало мнѣ возможность отвести мѣсто для скептицизма Юма, во всей его силѣ. Съ другой стороны, разрѣшеніе этого вопроса необходимо приводитъ къ догматизму Спинозы и Лейбница.

Окончивъ это сочиненіе, я представилъ его г. Х. Но онъ признался мнѣ, что хотя онъ считается между лучшими учениками Канта и прилежнѣе всѣхъ посѣщалъ его философскія лекціи — какъ это видно изъ его сочиненій—но не въ состояніи произнести сужденіе ни о самой «Критикѣ», ни о такомъ сочиненіи, которое основывается на ней, и поэтому онъ совѣтовалъ мнѣ послать мою рукопись самому Канту и представить ее на его обсужденіе, и обѣщалъ мнѣ написать отъ себя письмо къ этому великому философу.

Я послѣдовалъ его совѣту и отправилъ мою рукопись Канту вмѣстѣ съ письмомъ г. Х. Но прошло довольно много времени прежде, чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ. Наконецъ, онъ былъ полученъ, и въ немъ, между прочимъ, было сказано слѣдующее:

«Но скажите на милость, дорогой другъ — какъ Вамъ пришло въ голову прислать мнѣ цѣлую кипу тончайшихъ изслѣдованій, не только, чтобы прочитать ихъ, но и чтобы передумать ихъ,—мнѣ, который на 66-мъ году отъ рожденія заваленъ громадной работой для приведенія въ исполненіе моего плана (отчасти по выпуску послѣдней части «Критики», а именно: «Критики способности сужденія», которая скоро должна появиться; отчасти по обработкѣ моей системы метафизики природы и нравовъ, согласно съ требованіями критики). Кромѣ того, мнѣ приходится отвѣчать на многія письма, требующія отъ меня спеціальнаго объясненія извѣстныхъ мѣстъ—и, сверхъ всего этого, здоровье мое слабо. Я уже почти было рѣшился отправить обратно рукопись, выставивъ, какъ извиненіе, вышеприведенныя обстоятельства. Но бѣгло прочтенныя мною два-три мѣста заставили меня признать ихъ превосходство и сознаться, что никто изъ моихъ противниковъ не только не поняли меня и главнаго вопроса такъ хорошо, какъ г. Маймонъ, но весьма немногія лица вообще обладаютъ такимъ остроуміемъ для подобнаго рода глубокихъ изслѣдованій; все это побудило меня и т. д. Въ другомъ мѣстѣ этого письма говорилось: «Впрочемъ, книга г. Маймона заключаетъ въ себѣ столько остроумныхъ замѣчаній, что онъ очень легко могъ-бы, не безъ выгоднаго для себя результата, опубликовать ихъ» и т. д. Въ письмѣ ко мнѣ Кантъ говоритъ: «Ваше желаніе я старался исполнить, насколько мнѣ это было возможно, и если я не могъ представить оцѣнку всего вашего труда, то причину этого вы узнаете изъ письма къ г. Х. Конечно, ее слѣдуетъ приписать не пренебреженію, которого не питаю ни къ какому серьезному стремленію къ разумнымъ и полезнымъ человѣчеству изслѣдованіямъ, а тѣмъ менѣе къ вашимъ изслѣдованіямъ, которыя обнаруживаютъ необыкновенныя способности ваши къ глубокомысленнымъ наукамъ». Легко себѣ представить, какъ важна и пріятна была для меня похвала этого великаго знатока дѣла. Въ особенности важно было его свидѣтельство, что я его хорошо понялъ,—вслѣдствіе чего, гордые Кантіанцы, которые считали себя единымн собственниками критической философіи, и поэтому самому на всякое *возраженіе*, хотя бы оно вовсе и не имѣло въ виду *опроверженія*, но скорѣе ближайшее разъясненіе этой философіи—отвѣчаютъ, что «авторъ, молъ, не понялъ Канта», были лишены всякаго орудія противъ меня, такъ-какъ, по отзыву самого создателя этой философіи, я могъ, съ гораздо большимъ правомъ воспользоваться этимъ орудіемъ противъ нихъ самихъ.

Въ это время я жилъ въ Потсдамѣ, на кожевенной фабрикѣ г. I., но по полученіи письма Канта я отправился въ Берлинъ и занялся печатаніемъ моей «Трансцендентальной философіи». Какъ природный полякъ, я посвятилъ это сочиненіе польскому королю и представилъ одинъ экземпляръ польскому резиденту въ Берлинѣ; но онъ не былъ отосланъ по назначенію, и подъ разными предлогами представленіе его королю все откладывалось. Sapienti sat!—

Одинъ экземпляръ этого сочиненія посланъ былъ по обыкновенію въ редакцію «Всеобщей Литературной Газеты». Долгое время объ немъ, однако, не появилось отзыва; наконецъ, я обратился къ издателю и спросилъ его о причинѣ. Въ отвѣтъ я получилъ письмо, въ которомъ онъ извѣстилъ меня, что онъ тремъ лицамъ уже посылалъ мою книгу, чтобы составить рецензію; но всѣ трое одинъ за другимъ отказались отъ этого, потому что «не въ состояніи проникнуть въ глубину и ихъ изслѣдованій». Книга, затѣмъ была послана четвертому лицу, отъ котораго, однако, тоже еще обѣщаемаго отзыва не получено.

Я началъ тогда работать и для «Журнала для Просвѣщенія». Первая статья, которую я помѣстилъ въ этомъ журналѣ озаглавлена была: «Объ истинѣ», и была написана въ видѣ письма къ моему благородному другу г. Л... въ Берлинѣ. Поводомъ къ тому послужило письмо послѣдняго, полученнаго мною во время моего пребыванія на кожевенной фабрикѣ въ Потсдамѣ, въ которомъ шуточнымъ тономъ говоритъ, что философія уже теперь ничего не стоитъ и чтобы я лучше изучилъ кожевенное дѣло, такъ какъ я имѣю теперь къ тому удобный случай. Я отвѣтилъ ему: *философія — не монета, подвергающаяся измѣненіямъ вексельнаго курса.* Это положеніе я развилъ подробно въ моей статьѣ.

(Затѣмъ Маймонъ исчисляетъ другія свои сочиненія, написанныя имъ вскорѣ послѣ изданія «Трансцедентальной философіи», важнѣйшія изъ которыхъ суть слѣдующія: «О тропахъ», «О значеніи Бэкона Веруламскаго и Канта, для новѣйшей философіи», «О міровой душѣ» и проч. Большая часть этихъ и другихъ сочиненій были напечатаны въ первый разъ въ «Журналѣ для Просвѣщенія». Сверхъ того, имъ напечатаны еще нѣсколько статей въ любимомъ нѣмецкомъ «Ежемѣсячномъ Журналѣ».)

Еще при жизни Мендельсона, разсказываетъ далѣе Маймонъ, въ Германіи составилось общество молодыхъ людей еврейскаго происхожденія подъ именемъ «Общества изслѣдователей еврейскаго языка». Они полагали, между прочимъ что, какъ политическое, такъ и нравственное, дурное положеніе еврейской націи коренится въ ихъ религіозныхъ предразсудкахъ (?!), въ недостаткѣ разумнаго толкованія Св. Писанія и въ произвольномъ, основанномъ на незнаніи еврейскаго языка, толкованіи раввиновъ. Цѣль этого общества состояла въ томъ, чтобы устранить эти недостатки, черпать знаніе еврейскаго языка изъ первоначальныхъ источниковъ и, такимъ образомъ, ввести разумное толкованіе библіи. Для этой цѣли общество предприняло изданіе ежемѣсячнаго журнала на еврейскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Меасефъ» — т.-е. «собиратель», въ которомъ помѣщались толкованія трудныхъ библейскихъ текстовъ, еврейскія стихотворенія, прозаическія статьи, переводы изъ полезныхъ сочиненій и т. п.

Я съ самаго начала видѣлъ, что хотя намѣреніе общества было весьма благое, но тѣмъ не менѣе, цѣли оно врядъ ли достигнетъ. Я былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ принципами раввиновъ и ихъ образомъ мыслей, чтобы я могъ вѣрить въ дѣйствительность такихъ средствъ. Еврейская нація, не смотря на случайныя уклоненія, представляетъ родъ постоянной аристократіи подъ видомъ теокра-

тіи. Ученые, которые составляютъ дворянство этой націи, уже съ давнихъ временъ умѣли пріобрѣсть, въ качествѣ законодательнаго собранія, уваженіе массы до того, что они могли управлять ею по своему произволу; это высокое уваженіе есть естественная подать, которою слабѣйшій повиненъ сильнѣйшему. Такъ-какъ нація раздѣлена на такія неравныя сословія, т.-е. на сословіе *простыхъ* и сословіе ученыхъ, изъ которыхъ первое, вслѣдствіе своего бѣдственнаго политическаго положенія, вызваннаго разными событіями, не только чуждо всякихъ полезныхъ наукъ и искусствъ, но не знаютъ даже собственныхъ религіозныхъ постановленій, отъ которыхъ зависитъ ихъ вѣчное благо, — то оно, по необходимости, должно предоставлять толкованіе Св. Писанія, установленіе выводимыхъ изъ него религіозныхъ законовъ, правилъ и обычаевъ въ особенныхъ случаяхъ — этой ученой корпораціи, которую оно содержитъ на свой счетъ. Эти ученые стараются восполнить незнаніе языковъ и недостатокъ разумной экзегезы собственною геніальностью, остроуміемъ и глубокомысліемъ. Нужно изучать Талмудъ съ его комментаріемъ «Тосфотъ» (прибавленія къ комментарію рабби Соломона Ицхаки), чтобы составить себѣ понятіе о высокомъ развитіи этихъ дарованій. Вотъ почему умственный трудъ цѣнится у евреевъ не по его цѣлесообразности и полезности, но по степени потребовавшихся для нихъ дарованій. Тотъ, кто понимаетъ еврейскій языкъ, хорошо знаетъ Св. Писаніе и даже имѣетъ въ своей головѣ весь еврейскій corpus juris (что, поистинѣ, дѣло немаловажное) — не пользуется у нихъ особеннымъ уваженіемъ. Лучшая похвала для такого человѣка у нихъ, если они его называютъ: хаморъ носа сефоримъ — т. е. осломъ, навьюченнымъ книгами. Напротивъ того, человѣка, который умѣетъ силою собственнаго генія изъ существующихъ уже узаконеній выводить новыя, проводить остроумныя разграниченія, открывать скрытыя противорѣчія — такой человѣкъ почти обоготворяется ими. И, говоря по истинѣ, этотъ способъ оцѣнки дѣйствительно самый справедливый, если рѣчь идетъ о подобныхъ предметахъ, которые не имѣютъ въ виду внѣшней цѣли.

Можно было себѣ представить, какъ мало сочувствія встрѣтитъ со стороны такихъ людей учрежденіе, цѣль котораго состоитъ въ распространеніи языкознанія, развитіи хорошаго вкуса и тому подобнаго (по ихъ мнѣнію) вздора. И при всемъ томъ у руля этого разбросаннаго по всѣмъ морямъ корабля стоятъ эти люди, а не небольшое число образованныхъ. Всѣ образованные люди, какъ бы велико ни было ихъ знаніе и какъ-бы ни хорошъ былъ ихъ вкусъ, счита-

ются ими идіотами, потому что они не учились Талмуду (въ той мѣрѣ и по тому способу, какъ они того требуютъ). Мендельсонъ пользовался у нихъ нѣкоторымъ уваженіемъ, потому что онъ дѣйствительно былъ хорошимъ талмудистомъ.

Вслѣдствіе этого я не былъ ни за, ни противъ этого ежемѣсячнаго журнала, и даже по временамъ доставлялъ для него статьи на еврейскомъ языкѣ, между которыми я упомяну только о той, въ которой я представилъ объясненія одного темнаго мѣста Маймонида въ его комментаріи къ Мишнѣ, на основаніи Кантовой философіи, и которая была напечатана, въ нѣмецкомъ переводѣ, въ «Берлинскомъ Ежемѣсячномъ Журналѣ».

Спустя нѣкоторое время, это общество (которое называетъ себя обществомъ лицъ, споспѣшествующихъ всему доброму и прекрасному) поручило мнѣ составить на еврейскомъ языкѣ комментарій къ знаменитому сочиненію Маймонида «Море-Небухимъ». Я съ удовольствіемъ принялъ это порученіе и вскорѣ исполнилъ его. До сихъ поръ, однакожъ, появилась въ печати только первая часть этого комментарія. Предисловіе къ нему есть краткая исторія философіи.

Я былъ приверженцемъ всѣхъ философскихъ системъ подърядъ— говоритъ Маймонъ въ концѣ своей автобіографіи — перипатетикомъ, Спинозистомъ Лейбниціанцемъ, Кантіанцемъ и, наконецъ, скептикомъ—и всегда оставался вѣрнымъ той системѣ, которую я въ то время признавалъ истинною. Наконецъ, я замѣтилъ, что всѣ эти различныя системы заключаютъ въ себѣ по частицѣ истины и въ извѣстномъ отношеніи всѣ полезны.

Таковы были событія, случившіяся въ моей жизни, которыя я считалъ не безполезнымъ передать здѣсь. Я еще не присталъ къ берегу, но quo nos fata trahunt retrahuntque sequamur.

(Этимъ оканчивается автобіографія Маймона. Дальнѣйшая жизнь этого замѣчательнаго человѣка, до самой его смерти, описанно въ сочиненіи «Маймоніана», съ которымъ мы, можетъ быть, познакомимъ читателей въ слѣдующемъ выпускѣ).

КЪ ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕДѢЛІИ У ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ.

Существуетъ убѣжденіе, что евреи неспособны къ земледѣльческому труду. Недостатокъ этотъ, который занимаетъ едва-ли не первое мѣсто въ числѣ обвиненій противъ русскихъ евреевъ, нельзя не признать отчасти фактически вѣрнымъ. Мы здѣсь говоримъ объ этомъ вопросѣ вообще, хотя встрѣчаются исключенія, гдѣ евреи прилежно и съ значительнымъ успѣхомъ обработываютъ землю *).

Льготы и привиллегіи, дарованныя правительствомъ земледѣльцамъ изъ евреевъ, а равно принудительныя, отчасти даже ужъ чрезъ-чуръ строгія, мѣры не пріохотили еврея, мелкаго торгаша, серьезно взяться за соху, перемѣнить факторство на болѣе уважаемый и вѣрный промыселъ хлѣбопашца. **)

«Въ 1837 году число поселенныхъ евреевъ простиралось до 8000 душъ. При водвореніи евреевъ въ колоніяхъ правительство имѣло намѣреніе обратить ихъ отъ бродячей (?) жизни къ занятіямъ общеполезнымъ; но цѣль эта недостигнута. Евреи не дѣлали успѣховъ въ сельскомъ хозяйствѣ и сохраняли постоянно склонность къ прежнему образу жизни и къ занятіямъ, не свойственнымъ земледѣльцу». *) Далѣе г. Варадиновъ приводитъ тѣ мѣры, которыя были тогда приняты правительствомъ и были имъ признаны полезными къ привлеченію евреевъ**

***) «День» за 1869 г., №№ 9, 10 и 11 ст. Шмакова, «Разсвѣтъ» за 1860—61 годъ, № 22, и «Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» Варадинова, ч. III книга 2-я, стр. 307.**

****) «Исторія М. В. Д.» Варадинова, часть II, кн. 1-я, стр. 84, часть III, кн. 1-я, стр. 249.**

*****) Тамъ-же, часть III, кн. 2-я, стр. 135, 136 и 137.**

заниматься хлѣбопашествомъ. «Но и эти рѣшительныя мѣры,» восклицаетъ г. Варадиновъ, «не принесли пользы до настоящаго времени!» Въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи», для губерніи Херсонской, читаемъ: «Казенныя еврейскія колоніи представляютъ весьма мало успѣховъ въ хозяйственномъ отношеніи: поселенцы стали изыскивать себѣ иныя занятія въ ремеслахъ и торговлѣ и старались покинуть колоніи. Не смотря на позднѣйшее преобразованіе послѣднихъ, такой неудовлетворительный порядокъ вещей продолжается въ колоніяхъ понынѣ, и поселенія эти, въ смыслѣ земледѣльческихъ, совершенно не достигаютъ своей цѣли» и т. д.

Въ томъ-же спискѣ, для Екатеринославской губерніи, читаемъ: «хозяйство ихъ (еврейскихъ колоній), не смотря на значительныя льготы, данныя имъ, до крайности плохо. Бытъ евреевъ-колонистовъ не отличается отъ быта евреевъ-мѣщанъ». Редакція «Матеріаловъ для географіи и статистики Россіи», собранныхъ офицерами генеральнаго штаба, по Екатеринославской губерніи, приходитъ къ заключенію, что «онѣ (еврейскія колоніи), безъ всякаго сомнѣнія, сколько-бы ни существовали, никогда не достигнутъ цвѣтущаго состоянія» *).

Такой-же не очень лестный отзывъ о состояніи земледѣлія у евреевъ даютъ составители тѣхъ-же «Матеріаловъ» для Минской губерніи и Бессарабской области **).

Г. Шмаковъ ***) высказываетъ свое мнѣніе о земледѣльцахъ евреяхъ нѣсколько мягче: «они (колонисты-евреи) пока очень плохіе земледѣльцы, потому-что они учатся этому трудному и новому для нихъ дѣлу».

Покойный О. А. Рабиновичъ, въ передовой статьѣ 27 № журнала «Разсвѣтъ», исчисливъ нѣкоторыя причины, препятствовавшія колонистамъ успѣшно обрабатывать землю, тоже сознаетъ, что евреи пока еще плохіе земледѣльцы

Мы не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что изъ 44,621 д., которыя оффиціально считаются земледѣльцами въ Херсонской, Екатеринославской губерніяхъ и Бессарабской области, (*) едва ли пятая часть изъ нихъ серьезно занимается земледѣльческимъ промысломъ **)

Г. Шмаковъ свидѣтельствуетъ, что весьма значительная часть колонистовъ вынуждена была разойтись по городамъ для снисканія себѣ и семьямъ своимъ пропитанія; что въ настоящее время во всѣхъ городахъ Новороссійскаго края встрѣчаются ремесленники изъ евреевъ-колонистовъ; что тѣ изъ нихъ, которые были побогаче, занялись извозомъ; что въ Херсонѣ и Одессѣ еврейскіе колонисты, за неимѣніемъ другихъ болѣе выгодныхъ занятій, сдѣлались поневолѣ носильщиками тяжестей, подсѣвальщиками пшеницы, дроворубами и принялись за другія не менѣе тяжелыя работы.

Послѣ этого невольно рождается вопросъ: отчего евреи такъ упорно уклоняются отъ земледѣльческаго труда? Упрекнуть эту націю въ неспособности къ другой какой либо работѣ, искусству, наукѣ—едва ли кто рѣшится.

---

*) «Матеріалы для географіи и статистики Россіи», собранные офицерами генеральнаго штаба, изд. 1863 г., губ. Екатеринославская, стран. 185.

**) «Мат. для геогр. и стат. Россіи», собр. оф. ген. шт., изд. 1864 г., о Минск. губ., ч. I, стр. 6.6, для Бессарабской об.—стр. 173.

***) «День» за 18.9 годъ №№ 9, 10 и 11.

*) «День», за 1868 г. ст. Шмакова, №№ 9.10 и 11 —«Мат. для геогр. и стат. Р.», Бессарабская обл.

**) Земледѣльцы-евреи въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ и Бессарабской области образовали слѣдующія колоніи:

въ Херсонской губерніи:

1) Большой Нагартавъ, 2) Малый Нагартавъ, 3) Романовку, 4) Добренькую (Новенькую), 5) Ефингаръ, 6) Ново-Полтавку, 7) Львову, 8) Новый-Бериславъ, 9) Ингулецъ, 10) Малую Сейдеменуху, 11) Большую-Сейдеменуху, 12) Бобровый Кутъ, 13) Ново-Житоміръ, 14) Ново-Витебскъ, 15) Ново-Подольскъ, 16) Ново-Ковно; 17) Каменку, 18) Излучистую, 19) Сагайдакъ, 20) Израилевку, 21) Марьяновку, 22) Мартыновичева, 34) Вѣрину, 24) Моргуловку, 25) Балашовку и 26) Писаревку;

въ Екатеринославской губерніи:

1) Межиричъ, 2) Ново-Златополь, 3) Веселую, 4) Красноселку, 5) Трудолюбовку, 6) Нечаевку, 7) Графскую, 8) Зеленное Поле, 9) Надеждную, 10) Сладковидную и 11) За ишье;

въ Бессарабской области:

1) Ломачинцы, 2) Ново-Мерсмовку, 3) Люблинъ, 4) Вер юены, 5) Котрешты, 6) Згурицы, 7) Брычову, 8) Думбровены, 9 Старовку, 10) Ново-Теленешты, 11) Александрены, 12) Валелуй-Вгадъ, 13) Шибку, 14) Николаевку-Благодать, 1) Константиновку и 10) Романовку.

Мы знаемъ изъ исторіи не мало примѣровъ, что евреевъ разными регламентаціями, нерѣдко даже въ противность существующимъ законамъ, вытѣсняли изъ извѣстнаго рода дѣятельности—изъ опасенія, что конкурренція съ ними другихъ національностей трудна, и что, предоставляя совершенную свободу силамъ евреевъ, послѣдніе могутъ впослѣдствіи затмить дѣятельность другихъ, болѣе привиллегированныхъ почему-то, національностей.

Вѣренъ-ли такой взглядъ на ограниченіе дѣятельности евреевъ въ той или другой сферѣ, теряютъ или выигрываютъ отъ этого интересы страны—совершенно другой вопросъ, который разрѣшить всякій можетъ по-своему. Мы только хотѣли указать на существованіе такого взгляда, какъ на доказательство, что евреи въ сферахъ дозволенной имъ дѣятельности достигали такихъ громадныхъ успѣховъ, что ихъ почему-то даже считали нужнымъ парализировать.

Тѣмъ болѣе интересно поэтому добраться до настоящей причины, которая, не смотря даже на поощренія, на значительныя пожертвованія труда и капитала, затормозила успѣшное развитіе земледѣльскаго труда между евреями.

Одни видятъ въ этомъ недостаткѣ стремленіе евреевъ къ легкому труду и направленіе ихъ дѣятельности исключительно на эксплоатацію другихъ народовъ, среди которыхъ они живутъ; другіе утверждаютъ, будто еврейская религія во многомъ препятствуетъ имъ заниматься земледѣльческимъ трудомъ *).

Но, имѣя предъ собою очевидные современные факты, историческія и статистическія данныя, невозможно признать за этими голословными обвиненіями хоть малѣйшую долю справедливости.

Что евреи, въ особенности у насъ въ Россіи, не уклоняются ни отъ какой трудной работы—фактъ до того рельефный, что онъ не можетъ даже подлежать какому либо спору. Въ городахъ Сѣверозападнаго края всѣ трудныя, опасныя для здоровья и грязныя работы исполняются почти исключительно евреями.

Въ этомъ краѣ водоносы, водовозы, дровосѣки, пильщики, каменьщики мостовщики, плотники, столяры, сапожники, кузнецы, извощики, дворники, телѣжники, носильщики, сторожа, поденщики, дрягили, мусорщики и

*) «Мат. для геогр. и стат. Р.», по Минской губерніи, ч. I, стр. 651, Екатеринослав. губ., стран. 134, и Херсонской губ.

проч.—по большей части евреи. При постройкахъ женщины и дѣвушки изъ евреевъ носятъ кирпичъ, камни, известь, песокъ и прочіе материалы, по высокимъ лѣсамъ, на четвертый этажъ, за самую ничтожную плату. Въ Литовскихъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ существуетъ также особый классъ посыльныхъ изъ евреевъ, которые за одинъ рубль относятъ письмо и посылку за сорокъ, пятьдесятъ и даже сто верстъ, не смотря ни на какую погоду. Очень часто по дорогѣ можно встрѣтить такого посыльнаго, облаченнаго въ свой талисъ и тефилинъ—это онъ, чтобы не терять времени и поспѣшить къ сроку, на ходу совершаетъ свою утреннюю молитву. Сколько такихъ бѣдняковъ погибаетъ отъ стужи, звѣрей и даже рукъ человѣческихъ!

Гдѣ-же тутъ, спросимъ мы, уклоненіе евреевъ отъ тяжелаго труда?

Что-же касается приписываемой евреямъ эксплоатаціи другихъ національностей, среди которыхъ они живутъ, то слово это—эксплоатація—въ отношеніи къ евреямъ, въ особенности въ послѣднее время, получило удивительную эластичность. Что-бы ни дѣлалъ еврей, не миновать ему имени эксплоататора—хотя-бы онъ, своею дѣятельностью, принесъ существенную пользу странѣ, мѣстности, обществу, наукѣ!... Мы ни мало не удивимся, когда извѣстнаго рода публицисты назовутъ эксплоататоромъ еврея — водоноса, дровосѣка, или мусорщика, собственно на основаніи того, по ихъ мнѣнію, ненормальнаго положенія, что эти жиды получаютъ плату за свой трудъ даже у неевреевъ.

Да, судя по тому, какой оборотъ принялъ еврейскій вопросъ въ нашей прессѣ, право нисколько не будетъ удивительно, если въ одинъ прекрасный день въ ней возбуждены будутъ вопросы: объ эксплоатаціи евреями воды и воздуха, объ эксплоатаціи земли еврейскими трупами и т. п. Обвиняетъ-же евреевъ великій маэстро и литераторъ Вагнеръ въ эксплоатаціи ими музыки: такъ—что, по его мнѣнію, этому искуству грозитъ опасность, въ родѣ чумы, со стороны ненавистнаго ему іудейства, и что музыкантамъ другихъ національностей не мѣшало бы предпринять крестовый походъ противъ произведеній Мейербера, Галеви, Мендельсона Бартольди, Мошелеса и др.

Что евреевъ уже начинаютъ обвинять въ эксплоатаціи адвокатуры, мы видимъ изъ келейнаго постановленія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ въ Москвѣ, о которомъ газеты недавно сообщили, и изъ корреспонденціи и въ 204 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», за 1871 г., изъ Екатеринослава, въ которомъ, при трехъ адвокатахъ изъ евреевъ на 60 такахъ повѣренныхъ изъ неевреевъ, практикующихъ при Екатеринослав-

скомъ окружномъ судѣ, корреспондентъ жалуется на всѣхъ евреевъ, какъ на эксплоататоровъ мѣстной адвокатской практики.

Въ коммисіи, занимающейся составленіемъ проекта Устава о всеобщей воинной повинности, мотивомъ въ пользу ограниченія правъ евреевъ, относительно военной службы, тоже выставили еврейскую эксплоатацію.

Но допустимъ, что евреи въ самомъ дѣлѣ особенные искусники въ дѣлѣ эксплоатаціи. Гдѣ же, спросимъ мы, результаты ихъ вѣковаго упражненія въ этомъ искуствѣ? Результаты эксплоатаціи, само-собою разумѣется должны выражаться въ обогащеніи эксплоататоровъ, при явномъ ущербѣ для интересовъ эксплоатируемыхъ. Посмотримъ-же, что въ этомъ отношеніи говорятъ факты.

Факты между тѣмъ показываютъ намъ совершенно противоположное явленіе: евреи, по общему отзыву и въ дѣйствительности—одинъ изъ беднѣйшихъ народовъ Россійской Имперіи *). Людей съ солиднымъ состояніемъ можно пересчитать между ними по пальцамъ. Милліонеровъ во всей націи безошибочно можно назвать только трехъ, много четырехъ человѣкъ, и число ихъ совершенно несоотвѣтственно цифрѣ милліонеровъ изъ неевреевъ, сравнительно съ количествомъ народонаселенія.

Кому неизвѣстно, что въ любомъ городѣ (губернскомъ или уѣздномъ), нерѣдко и въ селеніи, всей обширной внутренней Россіи можно встрѣтить купцовъ, у которыхъ сундуки биткомъ набиты,—фабрикантовъ, произведенія которыхъ наполняютъ рынки Москвы, Петербурга, Нижняго, Харькова, Полтавы, Ирбити и Кяхты,—землевладѣльцевъ (нерѣдко изъ купцовъ), имѣнія которыхъ въ 3, 4, 5, даже 6 дней не изъѣздите. Даже въ мѣстахъ постоянной осѣдлости евреевъ, первостатейные купцы и капиталисты—не евреи. Въ Черниговѣ, Нѣжинѣ, Полтавѣ, Кременчугѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ-на-Дону, Бахмутѣ, Таганрогѣ, Одессѣ, Симферополѣ и др. громадные денежные капиталы сосредоточены въ рукахъ неевреевъ. Милліоны, въ исчисленныхъ нами мѣстахъ, водятся у русскихъ, нѣмцевъ, грековъ, итальянцевъ, французовъ, англичанъ, армянъ. татаръ и др., но не у евреевъ. Фактъ этотъ

*) «Военно-статистическій сборникъ,» Ч. IV, стр. 537. Спб., изд. 1871 г.—«Нѣсколько словъ о евреяхъ западнаго края», ст. Л. Л., въ 1-мъ № «Разсвѣта» за 1860-1 годъ.—«Сборникъ историко-статистическихъ матеріаловъ по Виленской губерніи, ч. I, Вильно, 1863 г., статья О. Штейнберга и примѣчаніе къ ней редакція этого «Сборника».—«День» за 1869 г., стр. 98, 231.—«Матеріалы для геогр. и стат. Россіи», губ. Минская, ч. I, стр 616

могутъ подтвердить всѣ тѣ, которые бывали въ городахъ, населенныхъ евреями, всѣ тѣ, которые имѣютъ привычку вникать въ явленія посерьезнѣе и поглубже.

При въѣздѣ въ городъ, въ которомъ численность евреевъ значительна, въ которомъ они завели лавки, лавочки, магазины, погреба, открыли питейныя заведенія, въ которомъ они то и дѣло, что шныряютъ по улицамъ весь день взадъ и впередъ, вы сначала подумаете, что сыны Израиля захватили тутъ въ свои руки всю торговлю, все мѣстное богатство *). Но, оставшись въ этомъ городѣ на нѣкоторое время, вы убѣдитесь въ ошибочности вашего заключенія, сдѣланнаго по первому впечатлѣнію, узнаете, что лучше всѣхъ въ немъ торгуютъ, имѣютъ лучшіе дома, заводы, фабрики, магазины, а главное большія деньги,—вовсе не евреи.

Соглашаясь съ тѣмъ, что эксплоатація евреевъ ихъ самихъ не особенно обогащаетъ, нѣкоторые публицисты и статистики утверждаютъ однако, что это не мѣшаетъ ей имѣть гибельныя послѣдствія для мѣстнаго сельскаго сословія, будто потому, что всѣ производимые послѣдним продукты не минуютъ еврейскихъ рукъ, и что евреи, захвативши въ свои руки торговлю виномъ, развращаютъ крестьянъ и проч. **)

Послѣ этого, очевидно, должно вывести заключеніе, что въ мѣстахъ, гдѣ евреямъ запрещено постоянное жительство, а тѣмъ болѣе торговать виномъ, крестьяне живутъ въ довольствѣ и воздержаннѣе относительно употребленія ими спиртныхъ напитковъ. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? —

Для примѣра возьмемъ одну губернію, которая имѣетъ значительное населеніе изъ евреевъ—Екатеринославскую (30.017 д.), другую—Курскую, въ которой жительство евреямъ запрещено, и въ которой временно пребываютъ 524 еврея ***): сравнивъ благосостояніе крестьянъ той и другой губерніи, мы должны придти какъ разъ къ противоположному заключенію. Съ открытіемъ весны, крестьяне Курской губерніи, не на-

*) Особенной бѣды, еслибы оно было и такъ, еще не видно, такъ-какъ евреи, вѣдь, не иностранцы, которые обогащаются у насъ и затѣмъ вывозятъ свои капиталы изъ Россіи, а свои-же люди, русскіе вѣрноподданные, и никуда изъ Россіи не спрячутся.

**) «Исторія М. В. Д.» Варадинова, ч. III, кн. 2, стр. 135—137.—«Военно Стачистит. сборникъ», ч. IV, стр. 537, изд. 1871 г., Спб.

***) Статистическій временникъ, изд. Центральн. Статист. Ком. М. В. Д., 1871 г. Спб.

ходя на родинѣ источника къ пропитанію и уплатѣ податей и повинностей, десятками тысячъ удаляются въ южныя степи, въ томъ числѣ и въ Екатеринославскую губернію, на заработки *),—нанимаются для земляныхъ и другихъ работъ на желѣзныхъ дорогахъ и ямщикуютъ на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ Екатеринославской губерніи. Намъ лично случалось неоднократно видѣть у многихъ крестьянъ Екатеринославской губерніи по 10 и 20 батраковъ, прибывшихъ изъ губерній, въ которыхъ жительство евреямъ запрещено, слѣдовательно, совершенно свободныхъ отъ еврейскаго вліянія, признаннаго столь раззорительнымъ для крестьянъ **).

Положеніе крестьянъ Екатеринославской губерніи, подверженное *гибельному* вліянію сыновъ Израиля, не заставляетъ ихъ бросать свой семейный очагъ для прискания себѣ источника пропитанія далеко отъ своей родины.

Намъ могутъ возразить, что Курская губернія не можетъ быть сопоставлена съ Екатеринославскою, такъ-какъ первая относительно ея народонаселенія (1,866,859 д. об. п.) и сравнительно съ Екатеринославскою (1,281,482 д. об. п.) малоземельна (въ Курской губерніи на каждую квадратную милю приходится 2,100 жит., въ Екатеринославской 1,042 жит. ***), и потому Курскіе крестьяне находятъ для себя болѣе выгоднымъ отправляться ежегодно на югъ, гдѣ земли много, а рабочей силы недостаточно. Въ такомъ случаѣ возьмемъ приволжскія губерніи, имѣющія благодарную почву и не очень густое народонаселеніе. Въ Саратовской губерніи, напримѣръ, на каждую квадратную милю приходится 1,124 жит., въ Самарской—570 ****). Что-же мы тутъ видимъ?

Крестьяне, для того, чтобы прокормить себя и уплатить повинности, должны бурлачествовать всю навигацію, тянуть лямку, чуть-ли не до самаго Петербурга! Любопытно знать, кто эксплоатируетъ этихъ несчастныхъ труженниковъ? Вѣдь, еврейскаго вліянія тутъ нельзя подозрѣвать? Среди 1,743,422 населенія Самарской губерніи временно живутъ

---

*) «Списокъ населенныхъ мѣстъ Россіи», губернія Курская, изд. 1868 г., стр. LXI.

**) «Военно-статистич. сборникъ,» ч. IV, стр. 537 и «Исторія М. В. Д.» Варадинова, ч. III, кн. 2, стр. 135—137.

***) «Статистич. временникъ», изд. Ц. С. К. М. В. Д. 1871 г. Спб.

****) Тамъ-же.

302 еврея, а среди 1,725,478 населенія Саратовской губерніи временно живутъ 51 еврей *).

Точно также полагаемъ, что не евреи заставляютъ вотяковъ и крестьянъ Вятской губерніи, цѣлыми семействами работать за весьма ограниченную плату на заводахъ и у крестьянъ Оханскаго, Пермскаго, Красноуфимскаго, Кунгурскаго и Осинскаго уѣздовъ, Пермской губерніи. И опять-таки не евреи-же Чердынскіе купцы, о которыхъ много разъ говорили въ печати, какъ объ искусныхъ эксплоататорахъ самоѣдовъ, зырянъ и вообще жителей дальнаго сѣвера! Въ 21 № «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» читаемъ о результатѣ торговли хлѣбомъ Чердынскихъ купцовъ: «Теперь нѣкоторые изъ народа близки къ нищенской сумѣ, тогда какъ до Чердынскаго нашествія (лѣтъ 40—50 назадъ) старики считаютъ *царствіе золотого вѣка*: хлѣбъ они тогда имѣли свой, т.-е. за нимъ ѣздили сами, покупали и продавали его, какъ нельзя болѣе дешево, до тѣхъ поръ, пока не явились Чердынцы» **).

Кромѣ Чердынскихъ купцовъ, самоѣды бываютъ эксплоатируемы и отъ ижемцевъ, пустозеровъ и зырянъ. Г. Сидоровъ въ своемъ сочиненіи «Сѣверъ Россіи» приводитъ цѣлый рядъ газетныхъ отзывовъ, свидѣтельствующихъ о всеобщей страшной эксплоатаціи этого полудикаго народа. О томъ-же самомъ свидѣтельствуетъ профессоръ И. Горловъ; въ его сочиненіи: «Обозрѣніе экономической статистики Россіи», стран. 17 и 19, гдѣ, между прочимъ, говорится: «На 3,202 души самоѣдовъ, которые находятся въ Большеземельской тундрѣ, только 1,800 имѣютъ оленей; изъ остальныхъ же, лишившихся своихъ стадъ, 738 (съ дѣтьми) находятся въ пастухахъ у русскихъ оленеводцевъ, другіе живутъ въ работникахъ у мезенскихъ мѣщанъ, имѣютъ въ чумахъ около селъ и городовъ кое-какую работу отъ крестьянъ, а дѣти и старики просятъ милостыню».

Перенесемся теперь въ бывшія наши Сѣверо-Американскія владѣнія и посмотримъ какое вліяніе имѣла на туземное населеніе цивилизаторская рука компанейщиковъ, которымъ правительство наше вдобавокъ выплачивало ежегодно громадныя суммы въ видѣ пособія. Что они сдѣлали съ туземцами, которые, какъ выражается «Русское Слово» ***),

---

*) Тамъ-же.

**) М. Сидоровъ. «Сѣверъ Россіи», стр. 252, С.-Петербургъ, 1870 г.

***) «Р. С.» 1864 г., іюль, статья: «Домашняя Лѣтопись» стр. 84 и 85.

«своимъ тяжкимъ трудомъ обогащаютъ компанію (Сѣверо-Американскую), даютъ ей возможность благоденствовать и пользоваться, на трудовыя копейки алеутовъ, самыми веселыми, самыми шаловливыми плодами современной цивилизаціи». Эксплоатація производилась въ такихъ размѣрахъ, что населеніе буквально вымирало. (На островѣ Кадьякѣ въ 1796 году было 6,206 душъ обоего пола, а въ 1861 г. во всемъ кадьякскомъ отдѣлѣ было всего уже только 2,148 душъ алеутовъ и 871 креолъ). «Самое полное, самое тяжкое рабство, деморализація семейной жизни, холодныя, сырыя, вонючія жилища, голодъ, пища, состоящая изъ ракушекъ и разной морской падали, супъ изъ моржевыхъ ремней, сваренныхъ въ морской водѣ—всѣ эти условія и множество другихъ, имъ подобныхъ, очевидно, не могутъ благопріятствовать размноженію алеутскаго племени». *) По единодушному свидѣтельству Костливцева и Головина, въ компанейскихъ магазинахъ за никуда-негодные товары брали самыя неслыханныя цѣны: за бумажную рубаху, стоющую 60 коп., брали 6 р. **); и ромъ покупался за 15 р. ведро, а продавался по 50 р., т. е. компанія получала на каждомъ ведрѣ рома чистаго барыша 325%—на такой процентъ, какой беретъ просвѣщенное и либеральное общество, не посягалъ ни одинъ откупщикъ».***)—Нечего, разумѣется, прибавить, что всѣ эти роды поистинѣ колоссальной эксплоатаціи производятся помимо всякаго вліянія еврейскаго элемента. Мы могли бы тутъ привести еще много примѣровъ, изъ которыхъ не трудно убѣдиться, что эксплоатація простаго народа производится внѣ мѣстъ постоянной осѣдлости евреевъ несравненно сильнѣе, чѣмъ въ Сѣверозападныхъ и Югозападныхъ губерніяхъ, и что дѣло тутъ вовсе не въ еврействѣ; но полагаемъ, что и сказаннаго уже вполнѣ, въ этомъ отношеніи, достаточно.

Напротивъ, если обратимся къ исторіи и географическому положенію Сѣверозападныхъ губерній, то должны будемъ согласиться, что онѣ, сравнительно съ другими губерніями, поставленными въ гораздо-лучшія условія, находятся едва-ли не въ цвѣтущемъ состояніи. И кто можетъ ручаться, что—не будь здѣсь евреевъ, этихъ вѣчныхъ, и неутомимыхъ развивателей торговли, которая, въ свою очередь, вызываетъ другія промышленности,—край имѣлъ-бы то богатство, какимъ онъ теперь владѣетъ?

*) Тамъ-же.
**) Тамъ-же, стр. 83.
***) Тамъ-же, стр. 73.

Въ то время, когда внутреннія губерніи, вотъ уже чуть-ли не со времени освобожденія Россіи отъ ига монгольскаго, невидали на своей землѣ иноземца, Сѣверо-западный край не переставалъ терпѣть отъ политическихъ движеній, происходившихъ разновременно въ Польшѣ, Пруссіи и Австріи. Нашествіе Наполеона I-го, въ особенности, бѣгство его изъ Россіи, вѣроятно, тоже оставили кое-какіе слѣды въ этомъ краѣ.

Физико-географическое положеніе Сѣверо-западныхъ губерній далеко уступаетъ таковому-же положенію другихъ губерній, лежащихъ съ ними подъ одними градусами. Почва земли далеко не черноземная, безъ удобренія ея искуственнымъ образомъ хлѣбопашество не мыслимо. *) Огромныя пространства земли покрыты лѣсами, изъ которыхъ многіе отстоятъ далеко отъ судоходныхъ рѣкъ и большихъ городовъ, стало быть, неприносящими никакой денежной пользы. Въ Минской-же губерніи, какъ извѣстно, находятся громадныя болотныя пространства, которыя, вдобавокъ, не совсѣмъ благотворно дѣйствуютъ на здоровье жителей (колтунъ) **).

На 95 страницѣ 1-й части, «Матеріаловъ для Географіи и Статистики Россіи», по Минской губерніи, читаемъ: «На 100 десятинъ общаго пространства, приходится 13 десятинъ, занятыхъ болотами, усадьбами, выгонами, водами, песками и проч., т. е. неудобныя земли занимаютъ почти 1 седьмую часть общаго пространства».

На 96 страницѣ: «Въ казенныхъ имѣніяхъ четвертая часть пространства занята землями непроизводительными».

Если вѣрить въ непреложность экономическаго закона, что приращеніе народонаселенія главнымъ образомъ зависитъ отъ большаго или меньшаго количества, заключающаго въ данной мѣстности, средствъ къ существованію, то мы, основываясь на нижеприведенныхъ нами выводахъ изъ «Статистическаго временника», изданнаго Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ М. В. Д., 1871 г., о движеніи народонаселенія, должны признать за губерніями съ сильнымъ еврейскимъ элементомъ большую степень благосостоянія, чѣмъ за губерніями, закрытыми для селенія евреевъ.

Изъ таблицъ сказаннаго «Соорника» видно, что въ губерніяхъ, въ кото-

*) Статист. врем., изд. 1871 г., стр. 132 и 148.
**) Матеріалы для Геогр. и Статист. Рос., по Минск. губ., ч I, стр. 96, 272, 312, 313, ч. 2, стр. 89 и 100; Матеріалы для Гродн. губ. ч. I стр. 352.

рыхъ евреи имѣютъ постоянное жительство, народонаселеніе быстро возрастаетъ и въ значительномъ размѣрѣ. Такъ, въ Херсонской губерніи приращеніе народонаселенія, за 4 года, было на 12,62, пр. Минской — на 13,50 проц. За исключеніемъ одной Могилевской губерніи, которая дала только 1,64 проц. приращенія, ни одна изъ Сѣверозападныхъ, Югозападныхъ и Южныхъ губерній, не дала въ своемъ приращніи народонаселенія меньше 3,82 проц., а все больше 6, 7 и 8 процентовъ. Между тѣмъ, какъ самая высшая цифра приращенія народонаселенія, за такой же періодъ времени, для губерній безъ еврейскаго элемента, составляетъ 8,48 проц., которой достигаетъ одна только Уфимская губернія.

Между губерніями послѣдней категоріи есть и такая, въ которой народонаселеніе не увеличилось вовсе (Вологодская), есть и такая, въ которой народонаселеніе даже уменьшилось на 1,13 проц. (С.-Петербургская).

На 156-й страницѣ «Статичискаго временника» изд. 1871 г. читаемъ: «Въ Заднѣпровской части, степной черноземной полосы приращеніе населенія въ 9 лѣтъ составило 14%, въ Малороссійской — 10%, *въ центральной только* 3%, а въ восточной 6%. Затѣмъ увеличеніе населенія еще значительно *въ имѣющей хлѣбный избытокъ Западной окраинѣ*, въ Литовско—Волынской части—11 12%, въ Балтійской — 10%, въ 9 лѣтъ» *). Наконецъ приращеніе населенія было еще значительно въ малонаселенномъ Пинскомъ полѣсьѣ 12% не смотря на то, что тамъ, вслѣдствіе громадныхъ болотъ, климатическія и почвенныя условія далеко неблагопріятны.

Не лишнимъ считаемъ обратить вниманіе читателя на то явленіе, что въ губерніяхъ, отведенныхъ для постояннаго жительства евреевъ, лучшимъ благосостояніемъ сельское сословіе пользуется въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ еврейскій элементъ сильнѣе, и наоборотъ—крестьяне бѣднѣе тамъ, гдѣ число евреевъ меньше.

Изъ Черниговской и Полтавской губерній, въ которыхъ евреевъ гораздa меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ Кіевской и Волынской губерніяхъ (въ

---

*) Этотъ знаменательный фактъ, основанный на статистическихъ данныхъ и напечатанный въ оффиціальномъ изданіи, полезно было бы затвердить нѣкоторымъ публицистамъ, поддерживающимъ въ печати ложное мнѣніе о плачевномъ, будто-бы, положеніи крестьянъ Литовскихъ губерній, происходящемъ отъ раззорительной для нихъ еврейской эксплоатаціи.

Черниговской губерніи на 1.560,378 жителей 49,829 евреевъ, т. е. около 3%; въ Полтавской на 2,002, 118 жит. 43,391 еврей, т. е. около 12%; въ Волынской на 1,643,270 жит. 194,516 евреевъ, около 11%, въ кіевской—на 2,144,276 жителей 266,205 евреевъ, т. е. около 12% *), крестьяне, какъ изъ Курской губерніи, каждую весну цѣлыми партіями отправляются въ Новороссійскій край на заработки **). Между косарями, какъ обыкновенно называютъ людей, прибывающихъ на югъ изъ другихъ губерній, для полевыхъ работъ, вы никогда не встрѣтите кіевлянина, волынца или подольца. Очевидно, что еврейская эксплоатація далеко не разоряетъ крестьянъ Кіевской и Волынской губерній, не приноситъ съ собою голода и недостатковъ, не выгоняетъ ихъ періодически изъ своей родины, не заставляетъ бросать свой семейный очагъ и за какіе-нибудь 30 или 40 рублей закабалить себя на все лѣто у степнаго помѣщика или у Черноморскаго казака. Заводчикамъ, болѣе чѣмъ кому-либо, извѣстно, что крестьяне Кіевской губерніи даже неохотно идутъ на работы въ сахарные и винокуренные заводы, которыхъ довольно много въ этомъ краѣ. Безъ значительной поддержки рабочей силы, которая прибываетъ изъ Полтавской и Черниговской губерній, въ значительныхъ размѣрахъ, многіе заводы должны были-бы пріостановить свои дѣйствія.

Въ лѣсахъ и на пристаняхъ Кіевской губерніи пилятъ бревна, гнутъ ободья, гонятъ смолу и деготь большею частью народъ великороссійскій: рязанцы, тамбовцы, орловцы, куряне и пр.

Искуственно распространяемое печатью мнѣніе о еврейской эксплоатаціи само собою падаетъ сейчасъ при въѣздѣ въ первое попавшееся село Кіевской губерніи и при сравненіи его съ селеніями другихъ губерній. Нигдѣ во всей Россіи не встрѣтите такого рослаго, здороваго и красиваго народа, какъ въ селахъ Кіевской губерніи; нигдѣ онъ такъ чисто не одѣвается, какъ въ этой губерніи, въ которой на каждые 100 жителей приходится 12 евреевъ; нигдѣ не услышите такихъ веселыхъ малороссійскихъ пѣсенъ, какъ по правой сторонѣ средняго теченія Днѣпра; нигдѣ не встрѣтите такихъ красавицъ-крестьянокъ, чернобривыхъ малороссіянокъ, въ красныхъ и желтыхъ чобиткахъ, на

---

*) «Статистич. Врем.», изд. 1871 г.

**) «Матеріалы для геогр. и статист. Рос.» Екат. губ., изд. 1862 г., страница 239.

мѣдныхъ подковкахъ, какъ въ округѣ древней столицы, матери русскихъ городовъ.

Всякому мало-мальски знакомому съ географіею и статистикою Россіи извѣстно, что физико-географическое положеніе Черниговской и Полтавской губерній ничѣмъ не хуже таковаго-же положенія губерній Волынской и Кіевской. Какъ тѣ, такъ и другія, за исключеніемъ только сѣверныхъ частей Черниговской, Кіевской и Волынской губерній, имѣютъ благодарную, тучную, черноземную почву, достаточное количество лѣса и прекрасный климатъ.

Отчего-же, спрашивается, такая громадная разница въ экономическомъ положеніи двухъ сосѣднихъ губерній (Кіевской и Полтавской)? Весьма можетъ быть, что нѣкоторые публицисты наши отвѣтили-бы на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: Кіевская губернія имѣетъ среди своего населенія 12% эксплоататоровъ-евреевъ, а Полтавская только 2%, потому крестьяне послѣдней губерніи, будучи гораздо менѣе подавлены вреднымъ еврейскимъ элементомъ, находятъ для себя болѣе свободнаго времени, чтобы съ косами въ рукахъ прогуливаться по обширнымъ степямъ Екатеринославской и Ставропольской губерній, а зимою грѣться въ кочегарняхъ сахарныхъ и винокуренныхъ заводовъ Кіевской губерніи.

Не знаемъ удовлетворился бы читатель отвѣтомъ или нѣтъ, но для насъ, во всякомъ случаѣ, изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что евреевъ нельзя считать особенно искусными эксплоататорами. Статистическія данныя и очевидные ежедневные факты самымъ положительнымъ образомъ доказываютъ, что евреи не особенно обогатились, а крестьянъ не довели до раззоренія; стало-быть, видѣть въ этой мнимой наклонности евреевъ къ эксплоатаціи простаго народа одну изъ причинъ, мѣшающихъ имъ взяться за земледѣльческій трудъ, нѣтъ логическаго основанія и практическаго смысла.

Относительно пьянства, буд то такъ рачительно распространяемаго евреями въ Сѣверозападномъ и Югозападномъ краяхъ, должно сказать, что порокъ этотъ не въ большей степени развитъ въ этихъ краяхъ, чѣмъ въ мѣстностяхъ, свободныхъ отъ еврейскаго вліянія, и евреи, забравши въ свои руки продажу спиртныхъ напитковъ, этою торговлею особеннаго вреда не приносятъ.

Попытаемся доказать это на основаніи статистическихъ данныхъ, собранныхъ оффиціальными лицами и учрежденіями. Въ Ковенской губерніи, напримѣръ, въ которой еврейскій элементъ значителенъ (изъ

1,131,248 общаго числа жителей 139,114 евреевъ), питейнаго сбора въ 1869 году было 609,442 руб.; въ Бессарабской области, въ которой евреевъ тоже достаточное число (изъ 1,052,013 жит. 94,045 евреевъ) питейнаго сбора въ томъ году было 1,493,686 р. Если раздѣлить суммы питейнаго сбора на число жителей по губерніямъ, то выйдетъ, что въ Ковенской губерніи косвенный налогъ этотъ падаетъ въ размѣрѣ 53 съ дробью коп. на душу, въ Бессарабской области — одного рубля сорока-одной копейки съ дробью. Для сопоставленія, возьмемъ двѣ губерніи изъ той мѣстности, гдѣ евреямъ жительство запрещено, и посмотримъ: въ какомъ размѣрѣ употребляются тамъ спиртные напитки. Изъ таблицъ «Ежегодника Министерства Финансовъ», изд. 1871 г., откуда мы заимствуемъ эти цифры, видно, что питейнаго сбора за тотъ-же 1869 годъ, въ Саратовской губерніи было 3,979.122 р., что, при 1,725.478 д. населенія, составляетъ на каждую душу по 2 р. 30 коп.; въ Тверской губерніи—по 1 руб., 45 к. на душу. (Питейнаго сбора въ послѣдней губерніи было 2,221,234 руб., число жителей въ ней — 1,521,577 чел.). Правда, между губерніями съ еврейскимъ населеніемъ встрѣчаются и такія, въ которыхъ питейнаго сбора больше, чѣмъ въ губерніяхъ, приведенныхъ нами для примѣра; такъ, напримѣръ, въ Екатеринославской губерніи питейнаго сбора, за 1869 годъ, было 4,215,302 р., въ Подольской—3,476,462 руб. и т. д.; но въ общей сложности доходъ этотъ въ нихъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ губерніяхъ безъ еврейскаго населенія. Такъ, всѣ пятнадцать губерній, въ которыхъ имѣютъ свое постоянное жительство евреи, и въ которыхъ считается 19,814.923 жителя, доставили питейнаго сбора, въ 1869 году, 37,161,338 руб., что составляетъ на каждую душу по 1 р. 87 коп.; между-тѣмъ-какъ почти такое-же число жителей 19,790,594 въ 12 губерніяхъ, въ которыхъ постоянное жительство евреямъ запрещено (въ Орловской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Московской, С.-Петербургской, Курской, Пермской, Рязанской, Нижегородской, Харьковской и Тверской), дали питейнаго сбора, въ томъ-же 1869 году, 48,400.800 руб., *) что составляетъ на душу около 2 р. 44 коп.

Признаки печальныхъ послѣдствій отъ страсти къ спиртнымъ напиткамъ оказываются въ губерніяхъ безъ еврейскаго населенія въ го-

*) «Статистическій Временникъ» изд. 1871 г. и «Ежегодникъ Министерства Финансовъ» изд. 1871 г., стр. 17.

раздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ мѣстностяхъ, отведенныхъ для его постоянной осѣдлости. И. Прыжовъ въ своей «Исторіи кабаковъ въ Россіи» (С.-Петербургъ, 1868 г.), на 318 страницѣ, говоритъ: «Въ 1842 году умерло отъ употребленія напитковъ, или, по выраженію одного отчета, захлебнулось виномъ 939 человѣкъ; больше всего въ Москвѣ»*). По исчисленію Заблоцкаго, опившихся въ 1842—1852 годахъ считалось въ 55 губерніяхъ 7,562 человѣка; больше всего въ Москвѣ, и *меньше всего въ Малороссіи* **).

По свѣдѣніямъ «Сѣверной Почты» о происшествіяхъ только за первую половину 1863 года, число жертвъ преждевременной смерти было 7155 человѣкъ, и въ томъ числѣ отъ пьянства ежедневно умирало 6 человѣкъ. *Въ Курляндіи и въ Украйнѣ (въ губ. Полтавской, Екатеринославской и въ Бессарабской области)* ***) умершихъ отъ пьянства не было. Въ Москвѣ, по отчету Оберъ-Полицеймейстера, за 1863 г., взято за пьянство мужчинъ 10,000, женщинъ—2,128; всего 12,128 человѣкъ.

«Военно-Статистическій Сборникъ» на 71-й страницѣ 4-й части, изд. 1871 г., приводитъ слѣдующія цифры умершихъ отъ пьянства въ періодъ времени отъ 1858—1862 г. въ губерніяхъ: Вологодской—60 человѣкъ, Вятской—85, Казанской—43, Костромской—56, Московской—90, Нижегородской—59, Пермской—61, Тульской—56, Ярославской—78, *Ковенской*—7, *Гродненской*—15, *Виленской*—4, *Минской*—19, *Могилевской*—25, *Витебской*—16, *Волынской*—35, *Подольской*—47, *Кіевской*—8, *Екатеринославской*—15 чел. и т. д. Цифры тутъ сами за себя говорятъ, коментаріи собственно и ненужны.

Впрочемъ, приведемъ тутъ выводъ, сдѣланный «Сборникомъ» на 78 страницѣ: «Во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ господствовалъ откупъ, съ присущими ему злоупотребленіями, число умершихъ отъ пьянства было весьма значительно: напримѣръ, въ Костромской губерніи число ихъ составляло 5,1%, Владимірской—5,4%, Московской—5,7%, Вологодской—6,2%, Ярославской—7,9% на сто тысячъ жителей. Напротивъ, въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, въ которыхъ не было откупа, число это было весьма невелико и составляло въ Лифляндской губерніи 1,3%, въ Эстляндской—0,3%, въ *Курляндской*-же губерніи вовсе не было

*) Прибавленіе къ «Москов. Губ. Вѣд.» за 1842 г.

**) «Вѣстникъ Европы» 1867 г. Т. II., хроника, стр. 29.

*) Эти мѣстности имѣютъ значительное населеніе изъ евреевъ.

умершихъ отъ пьянства. Даже во всѣхъ привиллегированныхъ губерніяхъ (*Черниговской, Полтавской, Харьковской, Ковенской, Гродненской, Виленской, Минской, Могилевской, Витебской, Волынской, Подольской, Кіевской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Бессарабской области* *) и Землѣ Войска Донского), гдѣ хотя и существовалъ откупъ, но не получилъ такого развитія, какъ въ губерніяхъ великороссійскихъ, число *умершихъ отъ пьянства было сравнительно весьма не велико*». Стало, быть, русскіе откупщики умѣли лучше развивать пьянство въ народѣ, нежели еврейскіе арендаторы, корчмари и шинкари.

И безъ статистическихъ данныхъ сама жизнь говоритъ намъ ежедневно о томъ-же. Не особенно много наблюдательности нужно, чтобы убѣдиться, что въ мѣстностяхъ безъ еврейскаго элемента торговля спиртными напитками идетъ оживленнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ въ Сѣверозападномъ краѣ, гдѣ она очутилась въ рукахъ евреевъ. Когда вы не заглянете въ любой трактиръ, кафе-ресторанъ, гостинницу, танцклассъ, простой кабакъ и проч., вы всегда, въ столицахъ въ законные, а въ провинціи и въ незаконные часы, найдете эти заведенія почти биткомъ набитыми посѣтителями. Жителямъ Сѣверозападнаго края никогда не случается видѣть на своей родинѣ такихъ оживленныхъ попоекъ, нерѣдко переходящихъ въ настоящія оргіи, и которыя считаются въ городахъ, лежащихъ внѣ черты осѣдлости евреевъ, обыкновеннымъ веселымъ препровожденіемъ времени.

Всякій, кто дорожитъ истиною, скажетъ, что выставленные нами тутъ факты не вымыселъ, не плодъ нашей свободной фантазіи, но справедливое указаніе на болѣзнь, отъ которой несвободны мѣстности, не находящіяся подъ *тлетворнымъ вліяніемъ іудейскаго племени*.

Впрочемъ, нелѣпыя, просто дикія обвиненія противъ евреевъ, въ родѣ того, что они развиваютъ пьянство въ простомъ классѣ, не рѣдки въ ихъ печальной исторіи. Обвиняли-же ихъ въ употребленіи христіанской крови для ихъ религіозныхъ потребностей; тѣмъ легче взваливать на нихъ отвѣтственность за слабость, развившуюся вслѣдствіе Богъ знаетъ какихъ причинъ (ига монгольскаго, крѣпостничества, невѣже-

*) Всѣ губерніи, напечатанныя курсивыми буквами, составляютъ все пространство постоянной осѣдлости евреевъ.

ства массъ, отсутствія грамотности въ простомъ народѣ и др.); благо къ этому представляется удобный случай: вмѣсто Ивана за бочкою сидитъ Ицко. Нѣмецъ обезьяну выдумалъ, а жидъ развиваетъ пьянство въ простомъ классѣ—это такія *два положенія, основанныя на наукѣ и практикѣ, противъ* которыхъ спорить невозможно.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что пьянство деморализируетъ народъ и увеличиваетъ въ немъ число преступниковъ.

Если-же принять мнѣніе, что евреи особенные искусники распространять въ народѣ этотъ порокъ, за вѣрный фактъ, то изъ него само-собою должно вытекать, что мѣстности съ сильнымъ еврейскимъ элементомъ должны давать большій процентъ преступниковъ, сравнительно съ другими губерніями, гдѣ нѣтъ этого элемента.

Статистическія данныя и тутъ доказываютъ совершенно противное.

«По числу сосланныхъ (въ Сибирь) за дурное поведеніе», говоритъ г. Анучинъ, на 166 страницѣ своихъ «Матеріаловъ для уголовной статистики Россіи», «первое мѣсто занимаютъ восточныя губерніи: Вятская и Оренбургская. Наибольшимъ числомъ сосланныхъ по волѣ помѣщиковъ отличаются внутреннія губерніи и, преимущественно, Московская, за нею Тульская, Рязанская, Орловская и Тамбовская. *Изъ пяти Бѣлорусско-Литовскихъ губерній, трехъ Югозападныхъ и трехъ Малороссійскихъ,* *) т. е. изъ 11 губерній, при крѣпостномъ населеніи свыше семи милліоновъ, *сослано въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ почти въ 12 разъ меньше, нежели изъ Московской губерніи,* при крѣпостномъ населеніи 620,000 д.»

Далѣе, на 165 стран., г. Анучинъ сообщаетъ, что «за неповиновеніе законной власти и дерзость начальству, всего болѣе сослано изъ губерній: Оренбургской, С.-Петербургской и Пермской. Наибольшія цифры сосланныхъ за возмущеніе замѣчаются въ губерніяхъ: Пермской, Новгородской, Таврической и Оренбургской».

На 161 страницѣ, тотъ-же статистикъ говоритъ, что «по числу сосланныхъ (вообще по всѣмъ преступленіямъ) первое мѣсто занимаетъ Пермская губернія. За Пермскою губерніею выше всѣхъ прочихъ по числу ссыльныхъ стоитъ Оренбургская. *Въ числѣ десяти губерній, давшихъ наибольшее число ссыльныхъ, нѣтъ ни одной изъ Западныхъ* и Сѣверныхъ губерній. *Въ числѣ десяти губерній, отличаю-*

*) Т. е. почти все пространство, дозволенное для жительства евреевъ.

щихся наименьшимъ числомъ ссыльныхъ, находятся всѣ три Сѣверныя губерніи, шесть изъ Западной полосы (всѣ три Остзейскія и три Литовско-Бѣлорусскія)».

Въ одномъ только преступленіи Западныя губерніи имѣютъ перевѣсъ въ численности сосланныхъ въ Сибирь—это за государственныя преступленія.*) Преступленія эти совершены, преимущественно, высшими сословіями, лицами римско-католическаго вѣроисповѣданія, и нѣтъ, полагаемъ, надобности прибавлять, что не евреи виновны въ развитіи этого рода преступленій.

Въ виду вышеприведенныхъ статистическихъ данныхъ, кажется, съ нашей стороны нисколько не будетъ преувеличено, если скажемъ, что евреи, во всякомъ случаѣ, не обнаруживаютъ большей противъ другихъ склонности къ развитію въ народѣ пьянства, и, слѣдовательно, не въ призваніи евреевъ къ шинкарству должно видѣть причину ихъ отчужденія отъ земледѣлія.

Выше мы сказали, что нѣкоторые считаютъ религію евреевъ—которая, впрочемъ, всегда служила козломъ отпущенія, при всякомъ случаѣ, когда рѣчь заходила о какомъ-нибудь обвиненіи, взваливаемомъ на евреевъ, совершенно, разумѣется напрасно, и которой приписывались не только чисто-еврейскіе недостатки, наслѣдственно привитые этой націи во времена варварства, невѣжества и господства грубой силы, но и недостатки общечеловѣческіе—не малымъ тормазомъ къ распространенію между ними земледѣльческаго труда **). Посмотримъ: насколько это обвиненіе справедливо?

Обратимся къ первоначальному источнику еврейской вѣры, къ священной и для христіанъ Библіи, и посмотримъ, высказывается ли она за или противъ занятія земледѣліемъ. Праотецъ нашъ Авраамъ занимался скотоводствомъ. Это занятіе унаслѣдовало отъ него и его потомство, Исаакъ и Яковъ. Удаленіе Исава, старшаго сына Исаака, отъ мирнаго занятія пастуха и посвященіе себя охотѣ не особенно то восхваляется въ этой книгѣ, и дядя Исавъ возбуждаетъ этимъ въ сынахъ Израиля даже нѣкоторое къ себѣ нерасположеніе. Въ этой священной книгѣ говорится объ обѣтованной землѣ, не какъ о странѣ, изобилую-

**) Анучинъ. «Матеріалы для уголовной статистики Россіи», стр. 164. изд. 1866 г. Тобольскъ.

*) «Матеріалы для геогр. и стат. Россіи». Минск. губ. Ч. I, стр. 651.

щей золотомъ, серебромъ, дорогими каменьями, жемчугомъ, биржами, рынками, *старымъ платьемъ*, но какъ о мѣстности, изобилующей *молокомъ* и *медомъ*. «*И низошолъ Я, чтобы выручать его изъ подъ власти Египта, и чтобы вывести его изъ той земли въ землю добрую и пространную, въ землю, текущую молокомъ и медомъ*» и т. д. (Исходъ, гл. III).

Послы, возвратившіеся изъ рекогносцировки по обѣтованной землѣ, принесли на показъ своимъ братьямъ не слитокъ золота, не дорогія ткани, но большую виноградную кисть, какъ признакъ благодатной почвы, могущей удовлетворять ихъ національной склонности къ земледѣлію и садоводству. (Числа гл. XIII). Пятикнижіе Моисея, какъ извѣстно, изобилуетъ большимъ количествомъ аграрныхъ и спеціально хозяйственныхъ законовъ. Первые цари у евреевъ, до вступленія на престолъ, какъ повѣствуетъ Библія, были пастухами. «Если вы будете ходить по опредѣленіямъ Моимъ и заповѣди Мои будете соблюдать, исполняя ихъ, — то буду Я давать вамъ дожди во время; земля дастъ произведенія свои, и дерево полевое дастъ плодъ свой; и молотьба у васъ дойдетъ до собиранія винограда, а собираніе винограда дойдетъ до посѣва; будете ѣсть хлѣбъ свой въ избыткѣ и будете сидѣть въ землѣ вашей». (Левитъ, гл. XXVI),

«Благословенъ плодъ земли твоей и плодъ скота твоего; приплодъ воловъ твоихъ и стада овецъ твоихъ»; откроетъ Господь для тебя сокровищницу свою добрую,—небеса, чтобы дать дождь землѣ твоей въ свое время. (Второзаконіе, гл. XXXIII),—вотъ, что было высшимъ благословеніемъ для евреевъ. Соотвѣтственно этому, и высшее наказаніе, которымъ грозило имъ Св. Писаніе было слѣдующее: «Но если будетъ, что ты не послушаешься голоса Господа Бога твоего, то будетъ проклятъ «плодъ земли твоей, приплодъ воловъ твоихъ и стада овецъ твоихъ; дождь земли твоей превратитъ Господь въ пыль и прахъ; съ воздуха онъ пойдетъ на тебя, пока будешь смытъ. Много сѣмени ты вынесешь въ поле, а мало соберешь, потому-что пожретъ его саранча. Вертограды насадишь ты и обработаешь, но вина не будешь пить и не будешь собирать,—потому-что поѣстъ его червь. Оливы будутъ у тебя по всей области твоей, но елеемъ ты не помажешься, потому-что спадетъ слава твоя». (Второзаконіе, гл. XXXIII.) *)

Таково отношеніе священныхъ для евреевъ книгъ Моисея къ земле-

*) Тора, русскій перев. Л. I. Мандельштама, Берлинъ 1872 г.

дѣльческому труду. Съ неменьшею серьезностію относятся къ нему и другіе источники еврейской религіи — *Мишна* и *Талмудъ*. Аграрные законы разсматриваются въ этихъ твореніяхъ съ величайшею тщательностію, и имъ, изъ шести отдѣловъ, которые заключаютъ въ себѣ Мишна и Талмудъ, посвящены цѣлый первый отдѣлъ, какъ въ одной, такъ и въ другой изъ этихъ книгъ *).

Изъ вышесказаннаго ясно вытекаетъ, что еврейская религія не только не въ состояніи отвращать евреевъ отъ земледѣлія, а, напротивъ, можетъ лишь поощрять ихъ къ занятію хлѣбопашествомъ. Такое обвиненіе могло быть высказано только у насъ въ Россіи, гдѣ люди, считающіе себя учеными, не имѣютъ понятія о еврейской религіи, на которую, однако, считаютъ себя призванными нападать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Намъ неоднократно случалось слышать еще подобные доводы: правда, говорятъ люди, которымъ почему-то нужно рисовать еврейскую религію, какъ единственный источникъ всѣхъ золъ, за которыя, по ихъ мнѣнію, евреевъ законнымъ и справедливымъ образомъ всѣ преслѣдовали,—правда, евреи занимались земледѣліемъ съ охотою и съ успѣхомъ, но на своей землѣ, въ Палестинѣ. Нынѣ-же сыны Израиля, считая себя временными гостями въ европейскихъ государствахъ, и ожидая Мессію, который возвратитъ имъ ихъ царство, всячески увертываются отъ занятія, которое можетъ ихъ укрѣпить въ ихъ временныхъ отечествахъ и заставить отказаться отъ вожделѣннаго ихъ желанія возстановить свое древнее Іудейское Царство съ храмомъ, жертвоприношеніями, многоженствомъ и проч.

Но исторія и, опять таки, современные, всѣмъ видные факты, ясно доказываютъ всю нелѣпость этого положенія.

По свидѣтельству многихъ историковъ—Бедарида, Грetца, Рейберъ де-Сантосъ, Левинсона, Іоста, Чацкаго и др., евреи долго боролись съ окружающими ихъ обстоятельствами, чтобы не отстать отъ любимаго ихъ занятія, какъ преобладающаго промысла въ ихъ падшемъ, древнемъ отечествѣ. **)

На Пиринейскомъ полуостровѣ, совмѣстно съ аравитянами, они съ любовью обработывали землю и способствовали возвышенію этой страны въ матеріальномъ и умственномъ отношеніи. Съ 1493 года евреи въ Испаніи уже не занимаются обработываніемъ земли. Почему?—

*) См. *Дейтша*: «Что такое Талмудъ»? Спб. 1871, стр. 53.

**) «Сборникъ историко-статистическихъ матеріаловъ по Виленской губерніи». Статья г.О.Штейнберга Вильно, 1863 г.

Потому что ревностные католики оказались во сто разъ злѣе, изувѣрнѣе, безжалостнѣе народа восточнаго, азiатскаго, пророкъ котораго проповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ распространять его ученiе огнемъ и мечемъ. Земледѣлiе процвѣтало у евреевъ во Францiи въ VIII и IX ст. Въ провинцiи Нарбонѣ число евреевъ хлѣбопашцевъ было весьма велико, такъ что одна мѣстная гора получила названiе Mons judaicus *). Тоже самое мы видимъ и въ другихъ странахъ Европы: въ Португалiи, Сицилiи, Миноркѣ и многихъ прирейнскихъ мѣстностяхъ. Тамъ евреи еще съ IV столѣтiя являются отличными хлѣбопашцами. Въ Азiи съ давнихъ временъ и теперь еще въ Китаѣ, Персiи, Турцiи и у насъ на Кавказѣ **), мы встрѣчаемъ громадное число евреевъ, посвятившихся исключительно земледѣлiю. Въ Голландiи евреи уже давно завели свои большiя земледѣльческiя колонiи, которыя до сихъ поръ находятся въ цвѣтущемъ положенiи, и произведенiя которыхъ были на выставкѣ въ Петербургѣ въ 1870 г. Въ Польшѣ, въ XVI столѣтiи, въ царствованiе Сигизмунда Августа, евреи жили счастливо въ южныхъ ея провинцiяхъ, въ которыхъ они занимались усердно земледѣлiемъ и торговлею. А что евреи впослѣдствiи отстали отъ полезнаго и почтеннаго труда земледѣльческаго, что они взялись за другiя занятiя, всего менѣе слѣдуетъ обвинять ихъ самихъ.

Вспомнимъ, что со дня изгнанiя евреевъ изъ Испанiи до весьма недавняго времени они не находили для себя отечества, въ настоящемъ значенiи этого слова. Каждая страна, куда горькая судьба кинула это несчастное племя, старалась перещеголять другую въ способахъ преслѣдованiя его. Какая была возможность еврею заниматься сельскимъ хозяйствомъ, когда его жизнь и имущество не были обезпечены? Какое могло быть у евреевъ хозяйство, когда ихъ попеременно гнали изъ одного государства въ другое, изъ городовъ въ села, изъ селъ въ города? Болѣе гуманные народы ограничивались изданiемъ для евреевъ особыхъ законодательныхъ актовъ, которыми они старались по возможности болѣе ограничить права и сферы дѣятельности евреевъ, такъ что они очутились при слѣдующихъ правахъ: жить въ извѣстной мѣстности въ государствѣ, въ опредѣленныхъ только городахъ, въ особо отведенныхъ для нихъ кварталахъ, и заниматься исключительно торговлею и ремеслами, не всѣми, впрочемъ. Другiя поприща дѣятельности, *по закону*, не были для нихъ доступны.

*) Гретцъ «Gezchichte der Iuden». Т. VIII.

**) Варадинова. «И. М. В. Д.»ч. III, кн. 2-я, стр. 307.

Исторiя, такимъ образомъ, показываетъ, что евреи занимались земледѣлiемъ не въ одной только обѣтованной землѣ своей, и что если они бросили это занятiе и имъ трудно теперь привыкнуть къ нему, то уже ни въ какомъ случаѣ не по своей собственной винѣ.

Нечего и говорить о томъ, что современные евреи ужъ никоимъ образомъ, если только сами законы страны не принуждаютъ ихъ къ тому, не смотрятъ на себя, какъ на чужеродцевъ, пришельцевъ, временныхъ гостей, которымъ нежелательно укрѣпиться на чужбинѣ. Въ мѣстахъ, гдѣ жительство евреямъ не запрещено, они, въ большинствѣ случаевъ, на послѣднiя деньги, воздвигаютъ каменные дома и, если только законодательство не препятствуетъ, прiобрѣтаютъ земельную собственность. Очевидно, что они вовсе не боятся быть прикрѣпленными къ землѣ, въ которой они теперь живутъ и вовсе не расчитываютъ разстаться съ нею.

Обращаясь затѣмъ къ другимъ причинамъ, которымъ можно было бы приписать неудовлетворительное состоянiе земледѣлiя и колонiй у русскихъ евреевъ, должно сказать, что это во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ приписать пьянству — порокъ, совершенно чуждый евреямъ. Г. Шмаковъ говоритъ, что «главными участниками въ потребленiи вина, проданнаго изъ кабаковъ, находящихся въ еврейскихъ колонiяхъ, были сосѣднiе поселяне изъ не-евреевъ и проѣзжающiе чумаки» *).

Нельзя также согласиться съ мнѣнiемъ, что неудовлетворительные результаты колонизацiи евреевъ произошли, главнымъ образомъ, отъ недоброкачественности земли, имъ отведенной **). Почти рядомъ съ нѣкоторыми еврейскими колонiями, изъ которыхъ большая часть своимъ наружнымъ видомъ напоминаютъ остатки пожарища, или нашествiя разъяреннаго непрiятеля ***), намъ лично встрѣчалось видѣть усадьбы хлѣбопашцевъ другихъ нацiональностей, трудъ которыхъ вознаграждается весьма удовлетворительно. Стало быть, не въ качествѣ почвы, главнымъ образомъ, было дѣло.

Есть болѣе глубокiя причины, которыя не дали развить между евре-

*) «День» 1869 г., №№ 9, 10 и 11.

**) «День» 1869 г., ст. Шмакова въ №№ 9, 10 и 11.

***) Тамъ-же.

ями полезный земледѣльческій трудъ и которыя устранить не очень трудно, если только явится искреннее желаніе исправить прошлыя ошибки.

Вопросъ о распространеніи земледѣлія между евреями въ Россіи былъ поставленъ неправильно и разрѣшенъ самымъ неудовлетворительнымъ, можно сказать, несчастнымъ образомъ. Прослѣдивъ исторію колонизаціи евреевъ невольно рождается мысль, что мѣры, предпринятыя съ этой цѣлью, скорѣе имѣли въ виду доказать наглядно неисправимость этой націи, и что никакія жертвы и заботы со стороны правительства не отъучатъ евреевъ отъ страсти къ мелкому торгашеству, факторству, словомъ—что еврей, по природѣ своей, не способенъ пристать къ болѣе солиднымъ промысламъ *). Совершенно другіе результаты явились-бы, еслибы для этого важнаго опыта, имѣвшаго вліяніе на судьбу всей націи, употребляли юношество. Въ вѣрности такого взгляда насъ убѣждаетъ удовлетворительное разрѣшеніе другого, тоже весьма важнаго, вопроса, который, если судить по оффиціальнымъ заявленіямъ, встрѣтилъ на своемъ пути не въ примѣръ болѣе затрудненій и препятствій со стороны самихъ же евреевъ,—это именно вопроса объ ихъ образованіи.

Не преувеличивая, можно сказать, что лѣтъ 25 тому назадъ въ самыхъ большихъ центрахъ еврейскаго населенія въ то время было немного болѣе трехъ, четырехъ евреевъ, знающихъ русскую грамоту. Но едва прошло 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ вѣчно памятный для евреевъ графъ Уваровъ далъ болѣе правильное направленіе вопросу объ образованіи евреевъ, и плоды этой болѣе раціальной постановки вопроса уже очень рельефно сказываются. Мы теперь уже во всей Россіи рѣдко встрѣтимъ еврейскаго юношу, который не зналъ-бы читать и писать порусски.

Въ то время, когда земство изощряется въ пріисканіи средствъ для распространенія грамотности въ народѣ; въ то время, когда по этому важному для государства вопросу произнесены уже сотни рѣчей, написаны сотни статей, предложены сотни проектовъ,—еврейскій народъ безъ всякаго шума быстро шагаетъ впередъ по пути усвоенія себѣ русской грамотности. Во всѣхъ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ можно встрѣтить весьма почтенную цифру учащихся изъ евреевъ. Лѣтъ 20 тому назадъ рѣдко кто изъ евреевъ умѣлъ правильно подписываться порусски, а теперь они уже обогатили русскую журналистику

*) «Матеріалы для геогр. и стат. Россіи», Екатер. губ., стр. 185.

и литературу безчисленнымъ множествомъ прекрасныхъ статей и весьма полезныхъ сочиненій, переводныхъ, а также и оригинальныхъ *). Они, кромѣ того, создали цѣлую, довольно почтенную русско-еврейскую журналистику и литературу. Органы русскихъ евреевъ: «Разсвѣтъ», «Сіонъ» и «День» имѣли слишкомъ 200 сотрудниковъ и корреспондентовъ евреевъ **).

Если образованіе евреевъ, которое было встрѣчено ими съ паникою, которому они подставляли всевозможныя препоны, которому приходилось выдерживать упорную и систематическую осаду со стороны фанатиковъ и суевѣровъ, все-таки дало такіе успѣшные результаты, то чего мы могли бы ожидать отъ земледѣльческаго у евреевъ вопроса, къ которому весь еврейскій народъ отнесся сочувственно, еслибы разрѣшеніе его начали съ того-же самаго, съ чего начали въ вопросѣ объ образованіи—съ юношества?

Всякая работа, какъ-бы проста она ни была, требуетъ извѣстной подготовки, навыка и знанія. Еврей, проведшій лучшіе годы своей жизни въ городѣ, въ которомъ онъ получилъ самое смутное понятіе о сельскомъ хозяйствѣ, не могъ не оказаться плохимъ хлѣбопашцемъ. Живя въ городѣ и занимаясь какимъ-нибудь ремесломъ, еврею не удалось присмотрѣться, какъ пашутъ, боронятъ, сѣютъ, жнутъ, какъ нужно косить сѣно и хлѣбъ, сложить ихъ сперва въ копны, потомъ въ скирды, какъ молотятъ и проч. Жены несчастныхъ переселенцевъ изъ евреевъ были еще менѣе подготовлены къ сельскимъ работамъ.

При совершенномъ отсутствіи всякихъ познаній, всякаго опыта въ сельскомъ хозяйствѣ у импровизированныхъ хлѣбопашцевъ, грѣшно было не предвидѣть, что изъ подобныхъ переселенцевъ не выйдетъ дѣльныхъ колонистовъ.

Тѣмъ еще болѣе становится удивительнымъ предположеніе водворить, такимъ непрактическимъ способомъ, земледѣльческій промыселъ у евреевъ, когда правительство имѣло уже предъ собою печальный исто-

*) Авторъ насчитываетъ нѣсколько десятковъ сочиненій, написанныхъ и переведенныхъ евреями; но мы пропускаемъ ихъ, не желая утомлять читателя чтеніемъ именъ. *Изд.*

**) Авторъ исчисляетъ здѣсь всѣ русско-еврейскіе журналы и множество спеціальныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ, касающихся евреевъ, но мы пропускаемъ это, по вышеприведенной причинѣ. *Изд.*

рическій примѣръ на нѣмецкихъ приволжскихъ колоніяхъ, положеніе которыхъ на первыхъ парахъ было такое-же, какъ еврейскихъ колоній, и по той-же самой причинѣ. На зовъ русскаго правительства заселять пустопорожнія земли, изъ-за-границы стали являться выходцы, не могущіе ничего хорошаго обѣщать странѣ, гдѣ онъ намѣрены поселиться *).

Вотъ что пишетъ профессоръ И. Горловъ о первыхъ поселенцахъ нынѣшнихъ цвѣтущихъ приволжскихъ нѣмецкихъ колоній: «Не бывши земледѣльцами, находясь притомъ среди новой для нихъ природы, они не знали, какъ приняться за работу, впали въ крайнюю нещету»....

«Сталъ объѣзжать колоніи начальникъ и нашелъ, что нѣкоторые дурно себя ведутъ, другіе находятся въ нищетѣ. Ихъ наказывали за лѣность и развратъ; впослѣдствіи для нихъ выстроили въ Саратовѣ казармы и употребляли на разныя городскія работы, давая содержаніе; «наконецъ разослали въ разныя мѣста Россіи» съ паспортами для прокормленія. «Въ колоніяхъ остались самые лучшіе». **) Что-же касается евреевъ, которыхъ переселяли въ колоніи, то они состояли исключительно изъ жителей городовъ, и между ними были и такіе молодцы, которые до появленія своего въ колоніяхъ никогда даже не видѣли сохи и прочихъ земледѣльческихъ орудій.

Нѣтъ сомнѣнія, что администрація, которой поручено было смотрѣть за еврейскими колонистами не только не поощряла развитіе между ними земледѣльческаго труда—въ чемъ состояла прямая ея обязанность—а скорѣе содѣйствовала упадку еврейскихъ колоній. Вмѣсто того, чтобы ободрять и наставлять колонистовъ и разными способами удерживать ихъ въ колоніяхъ, административные органы, весьма часто, въ противность уставу о колонистахъ-евреяхъ, строго запрещающему имъ дальнія отлучки для постороннихъ занятій, отвлекающихъ отъ земледѣлія, поощряли даже такое пагубное и противузаконное выселеніе изъ колоній, потому что въ этихъ отлучкахъ они находили для себя значительный источникъ дохода. Оказывая евреямъ пагубную для колоній снисходительность въ этомъ отношеніи администраторы, съ другой стороны, были уже чрезъ-чуръ строги въ другихъ, особенно относительно паспортовъ,

*) Der russishe Colonist, oder Chr. Gottl. Züge's Leben in Russland. Zeitz und Naumburg. 1802. II B. и Клауса, «Наши Колоніи» С.-Петербургъ 1869 г. страницы 19 и 20.

**) «Обозрѣніе экономической статистики Россіи» И. Горлова, С.П.Б. 1849 г. страница 11.

которые, вслѣдствіе этого, обходились колонистамъ крайне дорого, и добываніе ихъ связано было съ нескончаемыми хлопотами. Эти обстоятельства также содѣйствовали къ тому, что многіе импровизированные земледѣльцы съ сдѣтства не привыкшіе къ земледѣльческому труду, да и не питая къ нему, поэтому, никакой особенной склонности, воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ, разбрелись по окружнымъ городамъ и мѣстечкамъ,—возвратились прежнимъ къ занятіямъ и снова сдѣлались меламдами, факторами, маклерами, музыкантами и т. д. Были даже и такіе, которымъ посчастливилось попасть въ цадики. Оставшіеся-же въ колоніяхъ успѣли кое какъ завести маленькую торговлю.

Не отставая отъ прежнихъ своихъ занятій, колонисты не отстали и отъ своихъ прежнихъ обычаевъ, и значительная часть ихъ до сихъ-поръ коснѣетъ въ невѣжествѣ и фанатизмѣ. Только въ весьма недавнее время въ нѣкоторыхъ колоніяхъ Херсонской губерніи открыты училища, въ которыхъ обучаютъ русскому языку и ариѳметикѣ. *). Цадики-святоши въ колоніяхъ все еще пользуются громаднымъ вліяніемъ.

Главная причина безуспѣшности еврейской колонизаціи кроется не въ уклоненіи евреевъ отъ тяжкаго труда, не въ направленіи ихъ силъ единственно на эксплуатацію другихъ народовъ, не въ ихъ религіи и не въ недоброкачественности отведенной колонистамъ земли; но единственно въ незнаніи, какъ взяться за сложный трудъ земледѣльца, и въ томъ, что вздумали превратить въ земледѣльцевъ людей уже пожилыхъ, съ дѣтства привыкшихъ къ занятіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ земледѣліемъ,—и, кромѣ того, еще поручили ихъ надзору администраціи, органы которой заботились не о развитіи земледѣлія у евреевъ, а о набитіи своихъ собственныхъ кармановъ.

Земледѣліе для евреевъ, по разнымъ внѣшнимъ историческимъ причинамъ, совершенно новый, незнакомый трудъ,—трудъ, по своей сложности, требующій значительной подготовки **). Мы имѣли случай говорить со многими еврейскими колонистами, которые вполнѣ сознаютъ фальшивое свое положеніе и завидуютъ тѣмъ изъ своихъ собратьевъ, которые, до поселенія своего въ колоніяхъ, были нѣсколько подготов-

*) «День», ст. Шмакова, №№ 9, 10 и 11.

**) «Списокъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи», по свѣдѣніямъ за 1859 г. изд. 1868 г., губернія Херсонская.

лены къ земледѣльческимъ работамъ и, такимъ образомъ, успѣшно ими занимаются. Благосостояніе подобныхъ еврейскихъ хлѣбопашцевъ, если не превосходитъ благосостоянія нѣмецкихъ колонистовъ, то, по-крайней-мѣрѣ, незамѣтно уже у нихъ и печальной противуположности. Маленькія малороссійскія хаты превратились у нихъ въ большіе дома, со всѣмъ комфортомъ внутри, приличнымъ сельскимъ обывателямъ. Такія отрадныя, но, къ сожалѣнію, очень рѣдкія явленія намъ встрѣчалось видѣть въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ.

Хотя косвеннымъ образомъ южный край получилъ нѣкоторую пользу отъ еврейскихъ колоній,—съ одной стороны, потому, что въ немъ увеличилось населеніе, прибавилось число ремесленниковъ, изъ которыхъ колонисты, преимущественно, состояли, и въ которыхъ край въ то время такъ сильно нуждался, а съ другой —нѣкоторыя колоніи сдѣлались центрами торговли сельскими произведеніями окружныхъ деревень; но главная цѣль правительства, состоявшая въ обращеніи евреевъ къ земледѣлію, къ великому нашему прискорбію, далеко не достигнута. Да и возможно-ли было ожидать, чтобы вчерашніе сапожники, портные, извозчики, факторы, маклеры, меламды, музыканты—сегодня, вдругъ, сдѣлались земледѣльцами?

Вызвать евреевъ къ земледѣлію и упрочить у нихъ этотъ промыселъ вполнѣ удастся единственно только посредствомъ учебныхъ земледѣльческихъ фермъ, въ которыхъ еврейскіе мальчики и дѣвочки могли бы пріобрѣтать знанія, необходимыя для сельско-хозяйственныхъ работъ. Сколь необходимы были, въ особенности въ началѣ, еврейскія училища для образованія евреевъ, столь-же необходимымъ является учрежденіе особенныхъ учебныхъ фермъ для еврейскихъ дѣтей обоего пола, въ вопросѣ о распространеніи земледѣльческаго труда между евреями.

Посѣщеніе общихъ учебныхъ заведеній было предоставлено евреямъ еще при императорѣ Александрѣ I, но они не посылали своихъ дѣтей учиться между христіанами; тѣмъ болѣе можно быть увѣреннымъ, что они не отдадутъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей въ общія земледѣльческія фермы, въ которыхъ они должны пользоваться общимъ столомъ и не могутъ получить удовлетворительнаго религіознаго еврейскаго воспитанія.

Предоставляя спеціалистамъ по этой части составить программу подобныхъ земледѣльческихъ фермъ, мужскихъ и женскихъ, въ теоретическомъ отношеніи, мы скажемъ лишь, что, кромѣ нѣкоторыхъ измѣненій, которымъ должна подвергнуться форма этихъ заведеній, въ виду того, что они еврейскія, они должны отличаться, если можно такъ выразиться, еще большимъ практическимъ характеромъ, чѣмъ общія земледѣльческія фермы, и въ нихъ должно быть обращено особенное вниманіе на физическое развитіе учащихся, въ виду тщедушности и слабосильности нашихъ евреевъ, особенно западно-русскихъ. *)

«Грустно бываетъ», говоритъ г. Шмаковъ, **) «видѣть, какъ здоровый молодецъ, могущій однимъ ударомъ убить быка, продаетъ вареную грушу; точно также грустно смотрѣть на то, какъ плутоватый, ловкій, но худой и ослабленный бѣднякъ съ тяжкимъ трудомъ тащится за тяжелымъ малороссійскимъ плугомъ». Вотъ такихъ-то тощихъ еврейчиковъ хотѣли прежде вдругъ превратить въ земледѣльцевъ, и ихъ-то менѣе всего желательно имѣть въ колоніяхъ, которыя получатъ свой контингентъ изъ учебныхъ земледѣльческихъ фермъ.

При составленіи программы для спеціальныхъ занятій по сельскому хозяйству, прежде всего надобно имѣть въ виду, что она предназначается для будущихъ хлѣбопашцевъ, а не для приказчиковъ, управляющихъ, профессоровъ или ученыхъ агрономовъ. Воспитанниковъ слѣдуетъ съ дѣтства пріучать къ работѣ и научать владѣть земледѣльческими орудіями и другими предметами, связанными съ сельскимъ бытомъ.

Такимъ-же, преимущественно, практическимъ характеромъ должны отличаться и женскія фермы—для еврейскихъ дѣвушекъ.

Во главѣ этихъ фермъ должны быть поставлены лица съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, и непремѣнно евреи. Отъ такихъ людей мы можемъ ожидать полнаго пониманія важности возложеннаго на нихъ порученія. Опытъ указалъ, что весьма немногіе изъ иновѣрцевъ, которые даже по своему оффиціальному положенію обязаны заботиться объ улучшеніи быта евреевъ, при всей своей толерантности къ этой націи, при всемъ своемъ желаніи быть ей полезными, но будучи мало знакомы съ ея нуждами, потребностями и характеромъ, не рѣдко служатъ причиною слабыхъ результатовъ той или другой мѣры, признанной въ принципѣ благодѣтельною.

При каждой фермѣ долженъ состоять раввинъ, который преподавалъ-бы въ ней Законъ Божій и своими проповѣдями вселялъ-бы въ своихъ слушателяхъ любовь къ земледѣльческому труду.

---

*) «Матеріалы для географіи и статистики Россіи», собр. офиц. генеральн. штаба, по Виленской губерніи, стр. 295; по Гродненской губерніи Ч. I, стр. 36.

**) «День» за 1869 г., №№ 9, 10 и 11.

Въ этихъ фермахъ дѣти должны быть принимаемы лишь до извѣстнаго возраста, для того, чтобы въ нихъ не поступали такія, которыя, вслѣдствіе домашняго воспитанія, уже сильно свыклись съ другимъ образомъ жизни.

Наконецъ, фермы эти первоначально должны быть устроены въ нынѣшнихъ лучшихъ еврейскихъ колоніяхъ, а затѣмъ уже около центровъ еврейскаго поселенія въ сѣверозападной и югозападной Россіи.

Въ подобныхъ фермахъ, мы болѣе чѣмъ увѣрены, еврей узнаетъ, что русская земля и его трудъ могутъ его кормить и одѣвать; въ нихъ онъ научится, какъ взяться за земледѣльческій промыселъ, и правительству не придется няньчиться съ нимъ, какъ съ нынѣшними еврейскими колонистами. Онъ не уйдетъ изъ колоніи для того, чтобы разносить палочки и спички по грязнымъ и тѣснымъ улицамъ и базарамъ, потому-что такое занятіе онъ будетъ считать для себя унизительнымъ; онъ не сдѣлается также меламдомъ и не промѣняетъ плугъ и соху на меламедскую ферулу.

Было-бы весьма раціонально, еслибы, для большаго привлеченія еврейскихъ дѣтей въ учебныя земледѣльческія фермы, предоставить имъ при выступленіи, въ особенности въ первое время, и нѣкоторыя права. Прежде всего имъ должно быть предоставлено право на извѣстный, достаточный для пропитанія съ семьей, участокъ земли съ усадьбою и всѣмъ полнымъ хозяйствомъ, необходимымъ для перваго обзаведенія, или совершенно безвозмездно, или-же за сравнительно невысокій выкупъ. Эти надѣлы должны быть отведены въ той мѣстности или въ томъ краѣ, гдѣ находится земледѣльческая ферма, въ которой они воспитывались, для того, чтобы имъ не нужно было привыкать къ новымъ условіямъ почвы, климата и жизни.

Затѣмъ имъ должно быть предоставлено право пріобрѣтать во всей Россіи, безъ всякаго ограниченія относительно мѣстности, поземельную собственность и связаннаго съ этимъ свободнаго жительства во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ, въ случаѣ еслибы до тѣхъ поръ, паче чаянія, всѣмъ прочимъ русскимъ евреямъ не было-бы еще предоставлено этихъ правъ, чего, однако, ни въ какомъ случаѣ ожидать невозможно.

Намъ могутъ предложить вопросъ: къ чему заботиться о распространеніи земледѣлія между евреями, когда въ Россіи земледѣльческій классъ и безъ того довольно многочисленъ; когда отечество наше нуждается скорѣе въ увеличеніи числа ремесленниковъ и торговыхъ людей, и евреи,

какъ исключительно дѣйствующіе на послѣднихъ двухъ поприщахъ,— приносятъ ему больше пользы, нежели можно ожидать отъ обращенія части ихъ къ земледѣльческому труду?

Дѣйствительно, съ точки зрѣнія политической экономіи, ошибочно отдать преимущество земледѣльческой промышленности предъ фабрично-ремесленной и торговой. Каждый изъ этихъ промысловъ равно важенъ и необходимъ для благосостоянія страны, и коль скоро гражданинъ занимается успѣшно однимъ изъ нихъ, то онъ этимъ уже увеличиваетъ богатство страны. Но то, что доступно пониманію людей науки, не всегда легко усвоивается массою. Послѣдняя только въ извлекательной промышленности видитъ единственный источникъ матеріальнаго богатства страны; прочіе промыслы она считаетъ только вспомогательными. Хотя есть много гораздо болѣе тяжкихъ работъ, однако трудъ земледѣльческій принято считать самымъ тяжелымъ. При такомъ взглядѣ на земледѣльческій трудъ, весьма естественно, что на людей, свободныхъ отъ, него, привыкли смотрѣть, какъ на привилегированныхъ. Конечно, при томъ направленіи, которое еще до сихъ поръ продолжаетъ обнаруживать законодательство наше относительно евреевъ, для которыхъ существуетъ еще множество ограниченій, одно другого тягостнѣе и унизительнѣе, и которые лишены еще многихъ самыхъ низшихъ гражданскихъ правъ— мудрено смотрѣть на нихъ, какъ на людей привилегированныхъ. Но вѣдь масса не справляется съ кодексами и государственной политикой. При томъ не вѣчно же, въ самомъ дѣлѣ, будутъ существовать эти ограниченія: придутъ же, наконецъ, и у насъ къ сознанію ихъ безполезности и несправедливости. Перестанемъ же и мы, наконецъ, быть, въ этомъ отношеніи аномаліей, среди всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ, изъ кодексовъ которыхъ эти ограниченія уже давно вычеркнуты! Тогда легко можетъ возбудиться зависть къ евреямъ въ остальномъ населеніи, которое считаетъ среди себя много земледѣльцевъ, т. е. людей, по мнѣнію массы, занимающихся самымъ тяжелымъ промысломъ. Само собою разумѣется, что ничто не можетъ быть вреднѣе для государства, какъ вражда между собою различныхъ классовъ его населенія. Но если правительство, почему либо ; не захотѣло бы принять указанныя мѣры для предупрежденія взаимныхъ столкновеній, то это должны сдѣлать сами евреи, которые, какъ сторона слабѣйшая, всегда больше другихъ будетъ страдать отъ подобныхъ столкновеній—примѣры чему мы видѣли уже неоднократно въ сосѣдней Румы-

ніи, а въ послѣднее время, къ великому прискорбію нашему, и у насъ самихъ.

Евреи должны помнить, что одностороннее развитіе ихъ силъ всегда ставило ихъ въ фальшивое положеніе относительно окружающаго ихъ населенія и обыкновенно давало поводъ къ постояннымъ; хотя совершенно несправедливымъ, на нихъ нападкамъ. Нельзя, разумѣется, поручиться, что съ обращеніемъ евреевъ къ земледѣльческому труду исчезнетъ совершенно вражда къ нимъ. Но, по крайней-мѣрѣ, они этимъ лишатъ противниковъ эманципаціи евреевъ ихъ послѣдняго, самаго важнаго аргумента, конька, на которомъ они постоянно выѣзжаютъ и своимъ крикомъ увлекаютъ невѣжественную толпу.

Обращеніе евреевъ къ земледѣлію будетъ имѣть также громадное вліяніе и на сліяніе ихъ съ кореннымъ населеніемъ. Видя, что молодые люди изъ евреевъ, окончившіе курсъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, становятся вполнѣ русскими, по языку, духу, нравамъ, желаніямъ и стремленіямъ,—евреи, считающіе себя вправѣ принимать на себя инициативу въ дѣлѣ улучшенія быта своихъ единовѣрцевъ, не безъ основанія считаютъ образованіе средствомъ къ слитію съ кореннымъ населеніемъ. Но, вѣдь, невозможно же, въ самомъ дѣлѣ, провести цѣлое трехмилліонное населеніе чрезъ университетскія аудиторіи! Поэтому, мы полагаемъ, что не менѣе, если еще не болѣе, дѣйствительнымъ средствомъ, въ этомъ отношеніи, будетъ обращеніе евреевъ къ земледѣлію, къ сельскимъ занятіямъ, гдѣ они невольно тѣснѣе сойдутся съ кореннымъ населеніемъ, и при помощи земледѣльческихъ фермъ, гдѣ дѣти будутъ обучаться русской грамотѣ. Мы только тогда въ состояніи будемъ поздравить себя съ окончательнымъ и счастливымъ разрѣшеніемъ еврейскаго вопроса, когда, одновременно съ увеличеніемъ суммы образованія у евреевъ, обширныя русскія степи будутъ тщательно обрабатываемы значительнымъ числомъ еврейскихъ рукъ; когда, одновременно съ появленіемъ какого-либо замѣчательнаго ученаго труда изъ-подъ пера послѣдователя религіи Моисея, потянутся къ рынкамъ и портамъ обозы съ продуктами, извлеченными самими евреями изъ русской почвы.

Вторая, не менѣе важная, причина настоятельной необходимости обратить евреевъ къ земледѣлію—это чрезвычайная бѣдность этой націи. Пауперизмъ русскихъ евреевъ, въ особенности въ Сѣверозападномъ краѣ, вопреки общеупотребляемой поговоркѣ: «богатъ, какъ жидъ», дошелъ уж до крайнихъ предѣловъ, и мы убѣдились въ этомъ слишкомъ наглядно

и слишкомъ прискорбнымъ образомъ еще очень недавно—во время голода въ Ковенской губерніи. *)

Ни одинъ пролетаріатъ въ мірѣ не находится въ такомъ крайне безвыходномъ положеніи, какъ пролетаріатъ еврейскій. Скученные въ городахъ Сѣверозападнаго края, евреи, вслѣдствіе крайне-чрезмѣрной конкурренціи въ торговой и ремесленной дѣятельности, не находятъ на мѣстѣ достаточныхъ источниковъ къ пропитанію себя и своихъ семействъ. Пролетаріатъ на Западѣ Европы находитъ, хотя весьма горькій, но все-таки какой-нибудь хлѣбъ на существующихъ тамъ обширныхъ фабрикахъ и заводахъ. Еврейскій-же пролетаріатъ лишенъ и этой выгоды. Какъ извѣстно, въ сѣверозападномъ краѣ, за исключеніемъ только двухъ уѣздовъ (пинскаго и бѣлостокскаго), въ которыхъ существуютъ кое-какія фабрики, фабричная промышленность находится на очень низкой степени развитія**); а такъ, какъ евреи во внутреннія губерніи переселяться не могутъ, то и некуда, слѣдовательно, дѣвать рабочія руки.

Какъ сильно ни развита благотворительность у евреевъ; сколько братствъ ни существуетъ у нихъ съ цѣлью помочь нуждающимся въ удовлетвореніи первыхъ потребностей—институты эти не въ состояніи бороться съ страшною бѣдностью, охватившею громадный процентъ еврейскаго населенія. Нужны болѣе радикальныя мѣры; и если нельзя поручиться, что учебныя земледѣльческія фермы для еврейскихъ дѣтей застрахуютъ всѣхъ евреевъ отъ бѣдности и нищеты, то, во всякомъ случаѣ, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что онѣ, обращая постепенно подростковъ въ земледѣльцевъ-собственниковъ, ослабили-бы въ значительной степени эту бѣдность.

Мы выше замѣтили, что если не правительство, то сами евреи должны стараться объ обращеніи своихъ единовѣрцевъ къ земледѣльческому труду. Постараемся теперь развить нашу мысль.

Уже въ виду того историческаго факта, что попытки въ этомъ дѣлѣ правительства не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, на самихъ евреяхъ лежитъ

---

*) «Военно-статистическій Сборникъ» Ч. IV, изд. 1871 г. стр. 537. «Матеріалы для географіи и стат. Россіи», по Виленской губерніи стр. 411; Минской губерніи, Ч. I, стр. 616.

**) «Матеріалы для географія и статистики Россіи», губернія Минская. Ч. II, стр. 234. Виленская стр. 501 и 502. Ковенская стр. 464; Гродненская Ч. II, стр. 264, 265 и 259 и «Военно-статистическій сборникъ», изд. 1871 г., выпускъ IV; стр. 436.

нравственный долгъ позаботится объ этомъ, и съ этой цѣлью устроить общество для распространенія между своими единовѣрцами земледѣлія, при помощи учебныхъ фермъ, и изъ ихъ воспитанниковъ впослѣдствіи образовать новыя еврейскія колоніи.

Мы не скрываемъ отъ себя, что исполненіе этого плана вещь далеко не легкая. Для этого необходимы не только матеріальныя, но и нравственныя средства. Между-тѣмъ, болѣе состоятельные евреи, которымъ матеріальныя средства дозволяютъ что-нибудь сдѣлать для общей пользы, довольно равнодушно относятся къ судьбѣ своихъ меньшихъ братій — по-крайней-мѣрѣ, то, что они дѣлаютъ, не приноситъ тѣхъ реальныхъ плодовъ, которыхъ слѣдовало ожидать отъ нихъ. Образованная-же часть евреевъ, въ большинствѣ случаевъ, озабочена добываніемъ насущнаго хлѣба для себя самой. Ей приходится еще бороться съ разными неблагопріятными обстоятельствами, и положеніе ея еще далеко не упрочено на столько, чтобы она могла отложить попеченіе о себѣ и посвящать себя общественному служенію, что, впрочемъ, при недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, ни къ чему не поведетъ. Мы этимъ нисколько не думаемъ освободить образованныхъ евреевъ отъ всякаго участія въ этомъ святомъ дѣлѣ. Напротивъ, на нашъ взглядъ, въ томъ именно и состоитъ преимущество людей мысли надъ людьми капитала, что первые всегда жертвовали своими личными интересами общему дѣлу—отъ чего мы не видимъ причины освободить и русскихъ образованныхъ евреевъ. Но въ данномъ случаѣ, гдѣ дѣло, главнымъ образомъ, идетъ о матеріальныхъ средствахъ, вся нравственная отвѣтственность за равнодушіе къ общему еврейскому дѣлу именно и падаетъ на евреевъ съ независимымъ, въ матеріальномъ отношеніи, положеніемъ. Какъ ни бѣденъ, въ общей сложности, еврейскій народъ, но онъ все-таки среди себя можетъ найдти достаточно средствъ къ осуществленію предложенной нами мысли, хотя-бы, вначалѣ, въ маломъ размѣрѣ.

Намъ кажется, изъ одного желанія доказать, что еврейская нація способна оказать удовлетворительные успѣхи на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности, изъ желанія снять тяготѣющее надъ нею сильное обвиненіе въ неспособности, въ нежеланіи пріучить себя къ трудному промыслу земледѣльческому,—состоятельнымъ евреямъ слѣдовало-бы серьезнѣе поразмыслить объ этомъ дѣлѣ. Наши состоятельные евреи должны понять, что плодами ихъ посильныхъ пожертвованій на пользу общую воспользуется, быть-можетъ, ихъ-же собственное потомство, которое, вѣдь, ничѣмъ не застраховано отъ участи другихъ сыновъ Израиля. Они должны помнить, что именно зависть къ ихъ благосостоянію и богатству порождаетъ тѣ возмутительныя изступленія черни, отъ которыхъ приходится страдать всѣмъ евреямъ, и что, поэтому, на нихъ лежитъ священная нравственная обязанность предупреждать, на сколько это въ ихъ силахъ, эти прискорбныя и возмутительныя явленія. Они не должны забывать, что, отворачиваясь теперь отъ своихъ бѣдныхъ единовѣрцевъ, они этимъ самымъ подкапываются и подъ свое-же собственное благосостояніе!... Мы не ошибемся, если скажемъ, что отъ большаго или меньшаго числа кандидатовъ различныхъ факультетовъ изъ евреевъ, отъ большаго или меньшаго числа медиковъ, механиковъ, инженеровъ, артистовъ и художниковъ, отъ большаго или меньшаго числа хоральныхъ синагогъ въ Израилѣ,—интересы евреевъ не такъ зависимы, какъ отъ печальнаго отсутствія въ этомъ народѣ здороваго земледѣльческаго класса. Образовать такой классъ, какъ мы уже сказали, правда — задача весьма не легкая. Но тѣмъ болѣе мы обязаны усугубить наши силы, не остановиться ни предъ какими-бы то ни было трудностями. Мы обязаны, по долгу русскихъ гражданъ, по долгу евреевъ, которыхъ считаютъ солидарными во всѣхъ приписываемыхъ этому народу недостаткахъ, преслѣдовать эту цѣль съ настойчивостью, не жалѣя для этого ни своего труда, ни своего достоянія. Если намъ удастся положить хотя-бы одно твердое начало этому важному, полезнѣйшему для евреевъ дѣлу, потомство будетъ намъ во-сто-кратъ благодарнѣе, чѣмъ за оставленіе ему въ наслѣдство возможно-большаго числа хоральныхъ синагогъ, образцовыхъ талмудъ-торъ и возможно большаго числа ученаго пролетаріата. Имена дѣятельныхъ участниковъ въ дѣйствительномъ распространеніи земледѣльческаго труда между евреями будутъ внесены золотыми буквами въ исторію еврейскаго племени въ Россіи; а это, намъ кажется, нѣсколько похвальнѣе, чѣмъ быть внесеннымъ золотыми буквами въ списокъ жертвователей той или другой хоральной синагоги.

Мы увѣрены, что правительство, съ своей стороны, замѣтивъ серьезное желаніе евреевъ образовать здоровый земледѣльческій классъ, поспѣшитъ къ нимъ на помощь; надо думать, что евреи всегда найдутъ въ немъ въ этомъ отношеніи нравственную и матеріальную поддержку. Въ Россіи еще хватитъ земли и для будущихъ еврейскихъ колоній; правительство не отказываетъ иностранцамъ заселять пустопорожнія мѣста: тѣмъ болѣе нѣтъ повода думать, что оно откажетъ въ этомъ своимъ же собственнымъ подданнымъ евреямъ.

Что правительство не будетъ препятствовать учрежденію такого

общества, которое поставило бы себѣ цѣлью распространенія между русскими евреями земледѣльческаго труда — объ этомъ едва-ли даже слѣдуетъ упомянуть.

И такъ! По больше энергіи, по больше искренняго желанія—и мы окажемъ громадную неоцѣнимую услугу нашимъ низшимъ братьямъ и ускоримъ разрѣшеніе роковаго «еврейскаго вопроса» *).

В. Леванда.

С.-Петербургъ.

---

*) Считаемъ нужнымъ извиниться предъ авторомъ за значительныя измѣненія, которымъ подверглась его статья и за которыя принимаемъ на себя полную отвѣтственность. *Изд.*

ЕВРЕЙСКАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ Барри Корнуэля).

Словно море, темно мое горе,
Словно море, оно глубоко,
И въ его безграничномъ просторѣ
Утонуть, словно въ морѣ, легко.

Это горе—изгнанниковъ горе,
Горе всѣхъ, кто по крови еврей...
Въ общихъ стонахъ, слезахъ и позорѣ
Гибнетъ счастье отдѣльныхъ людей.

Съ жаждой жизни и жизнью убитый,
Осужденъ на скитанье весь вѣкъ,
Я томлюсь, какъ живой человѣкъ
Съ мертвецами въ могилу зарытый.

Дм. Минаевъ.

ЦВѢТА ІУДЕИ.

(Изъ Л. Франкеля).

Свой взоръ устремляетъ еврей на востокъ
Съ тревогою многіе годы;
Онъ занятъ родимаго края судьбой
И ждетъ возрожденья свободы.

По виду онъ сходенъ съ тѣмъ грустнымъ царемъ,
Который въ изгнаньи блуждая,
Себя властелиномъ привыкъ сознавать
Роднаго, далекаго края.

Когда на себя онъ надѣнетъ цвѣта
Отчизны святой въ умиленьѣ,
Тогда на колѣни съ мольбой упадетъ
Онъ въ бѣломъ своемъ облаченьѣ.

Края той одежды священной на немъ,
Сверкая, какъ снѣгъ, бѣлизною,
Какъ первосвященника бѣлый нарядъ,
Обшитъ голубою каймою.

Цвѣта эти—символъ родимой земли,
Цвѣта эти—символъ чудесный:
Цвѣтъ бѣлый—то вѣры незыблемой блескъ,
А цвѣтъ голубой—цвѣтъ небесный.

Дм. Минаевъ.

КЪ ИСТОРІИ ОБРАЗОВАНІЯ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ *).

Періодъ II.

Въ первомъ періодѣ образованія русскихъ евреевъ, который можно назвать лиліентальскимъ, мы охарактеризовали внутреннее броженіе въ средѣ лучшей части еврейскихъ обществъ Россіи до сороковыхъ годовъ; мы указали на стремленія «друзей новаго просвѣщенія», долго не находившихъ для себя почвы ни въ одной изъ сферъ общественной жизни; мы представили въ общихъ чертахъ попытки, сдѣланныя правительствомъ на пути привлеченія евреевъ къ общему образованію, и трудности, которыя приходилось преодолѣвать получившимъ высшее образованіе евреямъ для того, чтобъ на самомъ дѣлѣ воспользоваться матеріальными выгодами науки; мы обращали также вниманіе на отношеніе правительства къ евреямъ и на принятыя имъ мѣры къ улучшенію быта ихъ путемъ образованія; мы видѣли, какъ евреи относились сначала съ недовѣріемъ къ дѣйствіямъ правительства въ этомъ направленіи, когда они покрывались мракомъ канцелярской тайны, и какой энтузіазмъ, напротивъ, вызванъ былъ въ еврейскихъ обществахъ, когда правительство открыто заявило черезъ Лиліенталя свои взгляды на дѣло образованія евреевъ; мы успѣли также убѣдиться, а можетъ быть еще убѣдить и другихъ, въ томъ именно, что только благодаря второму способу дѣйствій со стороны правительства, ему удалось провести въ жизнь одну изъ завѣтнѣйшихъ своихъ мыслей—вывести евреевъ изъ того незавиднаго по-

*) См. „Еврейская Библіотека" Т. I.

ложенія, въ которомъ они тогда находились; мы видѣли, наконецъ, что результатомъ дѣятельности правительства было—открытіе особыхъ еврейскихъ училищъ. Съ открытіемъ этихъ послѣднихъ начинается второй періодъ образованія русскихъ евреевъ, періодъ, въ которомъ рѣчь шла о средствахъ, какія слѣдуетъ избрать для осуществленія, такъ называемыхъ, главныхъ основаній для образованія евреевъ. Если въ первомъ періодѣ вся заботливость правительства сосредоточивалась на томъ, какой путь наиболѣе пригоденъ для осуществленія поставленной задачи, и послѣ долгихъ колебаній правительство перешло отъ системы поощренія евреевъ къ общему образованію къ системѣ преобразованія быта евреевъ въ спеціально для нихъ устроенныхъ еврейскихъ школахъ,—то, ставъ на эту послѣднюю точку зрѣнія, правительство не менѣе должно было тратить силъ на то, чтобы какъ можно легче и незамѣтно для самихъ евреевъ пройти этотъ, разъ на всегда избранный путь, или, другими словами, изыскать способъ къ тому, чтобы принятыя правительствомъ основанія въ дѣлѣ преобразованія быта евреевъ не стали въ противорѣчіе съ ихъ духовно-религіознымъ развитіемъ и этимъ самымъ не отторгли бы евреевъ отъ системы правительства. Возставая въ своемъ докладѣ государю противъ ученія талмуда и «оставляя преподаваніе его только для виду» [1]), Уваровъ не разъ останавливается надъ тѣмъ, слѣдуетъ ли, направляя дѣйствія училищъ противъ дѣйствія талмуда, «заявить гласно эту мысль» [2]), и приходитъ къ тому заключенію, что «не должно и даже не нужно» [3]). При такомъ направленіи, разумѣется, необходимо стало обратиться къ средствамъ, которыя, не обнаруживая ни въ чемъ предъ евреями тайныхъ намѣреній правительства, все таки дѣйствовали-бы рѣшительно въ смыслѣ искорененія у евреевъ талмудическихъ преданій. Эта система, вытекавшая, какъ мы видѣли въ первомъ очеркѣ нашемъ, изъ ложнаго понятія Уварова о талмудѣ, вызвала, по учрежденіи училищъ, борьбу въ средѣ евреевъ, которая, хотя и велась тихо,

[1]) Дополненіе къ сборнику постановленій по Мин. Нар. Просв. 1863—1864. С.-Петербургъ.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

взволновала однако всѣ умы и прошла чрезъ весь второй періодъ образованія русскихъ евреевъ. Точно также, какъ первый періодъ тѣсно связанъ съ именемъ Лиліенталя, взявшаго на себя склонить евреевъ къ образованію ихъ дѣтей — въ открываемыхъ отъ правительства училищахъ, такъ второй періодъ тѣсно связанъ съ именемъ Мандельштама, принявшаго на себя осуществленіе системы правительства въ отношеніи замѣна оставляемаго для виду талмуда другими произведеніями въ духѣ правительства. Осуществленію этой системы въ жизни мы обязаны возникновеніемъ дѣла, извѣстнаго подъ названіемъ дѣла мандельштамскаго, которое въ свое время надѣлало много шума, привлекая къ себѣ всеобщее вниманіе не только еврейскихъ обществъ, но и многихъ высшихъ правительственныхъ сферъ, которыя тщательно занимались его изслѣдованіемъ. Дѣло это, послѣ долгихъ протестовъ со стороны еврейскихъ обществъ и послѣ долгихъ пререканій правительственныхъ мѣстъ и лицъ, окончилось, разумѣется, ничѣмъ; но оно уже успѣло подорвать довѣріе къ правительственному авторитету и къ начатому подъ его вліяніемъ и покровительствомъ дѣлу преобразованія евреевъ.

Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ способамъ осуществленія правительственной системы, мы должны охарактеризовать ее въ основныхъ ея чертахъ, чтобы читатель могъ составить себѣ ясное о ней понятіе и судить вмѣстѣ съ нами о томъ, на сколько избранныя для осуществленія средства соотвѣтствовали ея цѣли. Система эта заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, такъ какъ она въ цѣломъ выработана подъ вліяніемъ изученія быта и дѣйствительныхъ потребностей евреевъ и могла-бы на самомъ дѣлѣ повести къ желаннымъ результатамъ, если бы не обнаружилось безтактности въ осуществленіи самой щекотливой стороны ея и если-бы обращено было вниманіе на первый пунктъ этихъ главныхъ основаній, въ которомъ говорится: «здѣсь излагаются средства къ достиженію этой цѣли, съ опредѣленіемъ необходимой послѣдовательности въ распоряженіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» [1]).

[1]) Сборникъ постановленій по мин. нар. просв. Томъ II 1840—1855 гг. С.-Петербургъ 1864 г. стр. 340.

*

Правительство наше постоянно стремилось «къ постепенному сближенію евреевъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ и къ искорененію суевѣрія и вредныхъ предразсудковъ, внушаемыхъ ученіемъ талмуда» [1]). Достигнуть этой цѣли правительство думало путемъ распространенія между евреями «гражданскаго образованія» и доставленія имъ чрезъ то «надежнѣйшихъ способовъ пользоваться присвоенными ихъ состоянію выгодами» [2]), равно и развитія въ нихъ, путемъ образованія, «убѣжденія въ пользѣ производительнаго труда [3]), которое должно было содѣйствовать улучшенію ихъ быта. Правительство пришло къ убѣжденію, что привлеченіе евреевъ въ общія учебныя заведенія не можетъ имѣть желаемаго успѣха [4]). Этотъ печальный результатъ приписывается исключительно недостаткамъ, коренящимся, будто бы, въ національности евреевъ. Но мы видѣли изъ перваго нашего очерка, въ какой мѣрѣ евреи, откликнувшіеся на зовъ правительства, на самомъ дѣлѣ могли воспользоваться выгодами, представленными имъ положеніями 1804 и 1835 годовъ [5]), и на сколько положительный законъ въ состояніи былъ гарантировать права евреевъ, получившихъ высшее общее образованіе въ новѣйшее время [6]). Слѣдовательно, эти неоправдываемыя на опытѣ обѣщанія скорѣе должно считать причиною того, что у евреевъ отбивается охота къ полученію общаго образованія; наконецъ, отсутствіе будто въ евреяхъ стремленія къ общечеловѣческому образованію вполнѣ опровергается изложенными въ нашемъ первомъ очеркѣ данными, изъ которыхъ видно, что между евреями находились цѣлыя партіи людей, которые занимались образованіемъ для образованія, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, и подвергаясь, напротивъ, прелѣдованіямъ извнѣ и извнутри. Эти факты не выдуманы нами, а подтверждаются многими мѣстами изъ доклада Уварова [7]); сверхъ того извѣстно также, что евреи, еще до учрежденія училищъ, по собственной инціативѣ открывали учебныя заведенія, имѣвшія цѣлію развитіе въ средѣ евреевъ началъ общей гражданственности. Поэтому, нельзя согласиться съ мнѣніемъ, по которому евреямъ препятствовали къ посѣщенію общихъ учебныхъ заведеній ихъ національныя преданія, потому что неоспоримо и то, что однимъ изъ главныхъ препятствій къ посѣщенію евреями общихъ заведеній есть и предразсудки христіанской среды, преслѣдующіе еврея, какъ въ самомъ заведеніи, такъ и по окончаніи его. Еще и теперь во многихъ гимназіяхъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, еврейскіе ученики преслѣдуются не только своими товарищами—христіанами, но и самими учителями, изъ которыхъ нѣкоторые называютъ евреевъ оскорбительными для нихъ прозвищами, каковы напримѣръ: «чеснокъ, цымесъ» и т. п. Даже въ университетахъ студенты относятся съ предубѣжденіемъ къ своимъ товарищамъ евреямъ, которые во всякомъ случаѣ уже распростились со всѣми своими національными преданіями, основанными на талмудѣ. И это очень послѣдовательно: если, разсуждаютъ студенты-христіане—ихъ товарищей-евреевъ, даже по окончаніи университета съ ученою степенью, не допускаютъ къ занятію должностей, соединенныхъ съ умственно-воспитательнымъ вліяніемъ на христіанъ, единственно потому, чтобы они не проводили въ науку талмудическихъ принциповъ,—то весьма еетественно, что студенты-евреи, будучи еще въ университетѣ, не совсѣмъ свободны отъ національныхъ недостатковъ. Мы бы могли все это подтвердить примѣрами изъ жизни студентовъ, если-бы не считали это совершенно излишнимъ, но мы всегда готовы указать на нихъ въ томъ случаѣ, если-бы кто-нибудь сталъ сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности. И такъ, нельзя положительно давать отвѣтъ на вопросъ: «что служило препятствіемъ евреямъ къ посѣщенію общихъ заведеній — релогіозныя-ли преданія евреевъ, или унаслѣдованные отъ добраго стараго вре-

---

1) Тамъ-же.
2) Тамъ-же, стр. 387.
3) Тамъ-же.
4) Тамъ-же.
5) Евр. библіотека Т. I стр. 140—143.
6) Тамъ-же 186, 187.
7) Уваровъ говоритъ, что „допущеніе евреевъ въ наши гражданскія учи-

лища не имѣло доселѣ никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій; напротивъ того, доставило намъ учениковъ и студентовъ прилежныхъ и способныхъ, добровольно оставившихъ всѣ наружные признаки своего племени". Дополн. къ сборнику постан. по Мин. Нар. Просв. 1803—1864 стр. 703, 704.

мени предразсудки христіанъ?» Мы думаемъ, что слова Петра Великаго: «хорошъ и мой народъ [1])», сказанныя имъ при сужденіи о томъ, слѣдуетъ ли, согласно ходатайству представителя амстердамскихъ евреевъ, разрѣшить евреямъ доступъ въ Россію, еще не потеряли совсѣмъ своего значенія для еврейскаго вопроса и въ настоящее время. Однимъ словомъ, мы желаемъ констатировать тотъ фактъ, неоспоримо вѣрный, что причина исключительности не лежитъ въ однихъ только евреяхъ и необходимость открытія и существованія отдѣльныхъ еврейскихъ училищъ оправдывается, говоря весьма умѣренно — взаимнымъ недовѣріемъ, разсматриваемымъ какъ фактъ существующій, безъ разъясненія историческаго его значенія. Вопросъ о томъ—быть или не быть еврейскимъ училищамъ—имѣетъ цѣлую литературу, въ которой указаны подробныя данныя, доказывающія необходимость ихъ существованія; но мы не желаемъ останавливаться въ этомъ вопросѣ на частностяхъ, а сочли долгомъ коснуться самой его сути единственно для того, чтобы опровергнуть неправильность взгляда, будто правительство опытомъ убѣдилось въ томъ, что евреи, по своей исключительности, не воспользовались предоставленнымъ имъ доступомъ въ общія учебныя заведенія.

Какъ бы то ни было, но правительство нашло необходимымъ перейти отъ системы общаго образованія евреевъ къ системѣ спеціально-еврейскаго образованія въ новомъ духѣ, а потому, указавъ на цѣль, какую поставило себѣ правительство въ дѣлѣ преобразованія быта евреевъ, мы должны въ существенныхъ чертахъ изложить принятыя правительствомъ главныя основанія, относящіяся:- 1) къ опредѣленію характера вновь открываемыхъ училищъ, 2) къ опредѣленію правительствомъ своихъ отношеній къ существовавшимъ уже въ то время системамъ образованія евреевъ, а равно и къ частному и домашнему ихъ обученію, и 3) къ направленію, принятому правительствомъ въ обученіи евреевъ закону ихъ вѣры въ открываемыхъ еврейскихъ училищахъ.

[1]) Не имѣя подъ рукою источника, изъ котораго заимствованъ нами этотъ фактъ, мы можемъ указать только, что встрѣтили его въ одномъ изъ историческихъ изслѣдованій г. Семевскаго.

Прежде всего мы должны отдать справедливость весьма вѣрному взгляду правительства на то, что не слѣдуетъ дѣлать въ преобразованіи евреевъ никакихъ рѣзкихъ переходовъ. Слѣдуя этой мысли и сохранивъ все-таки убѣжденіе, что евреи обнаруживаютъ стремленія къ общему образованію, правительство, съ открытіемъ еврейскихъ училищъ, не преграждаетъ имъ пути въ общія заведенія имперіи и оставляетъ въ силѣ §§ 104, 105, 110 и 111 уст. 1835 г. Затѣмъ правительство смотритъ на самыя еврейскія училища, какъ на переходную только ступень, какъ на звѣно, которое въ состояніи связать евреевъ съ общечеловѣческою жизнію. Чрезъ посредство еврейскихъ училищъ Уваровъ думаетъ «направить молодыхъ евреевъ въ среднія и высшія учебныя заведенія» [1]) и тамъ, гдѣ будетъ замѣчено особое стремленіе еврейскаго юношества къ высшему образованію, предполагаетъ доставить ему для этой цѣли средства расширеніемъ круга учебныхъ предметовъ [2]). Далѣе, въ предупрежденіе противодѣйствія, скрывающагося «безвѣдомо въ тайнѣ домашней жизни и въ мракѣ вѣковаго угнетенія», предполагается оставить въ силѣ фактъ существующій, т. е. всѣ найденныя до открытія училищъ частныя школы, которыя должны быть постепенно закрываемы, по мѣрѣ учрежденія новыхъ училищъ [3]). Эта разумность и осторожность въ дѣйствіяхъ правительства, основанныя на дѣйствительномъ изученіи умственнаго и моральнаго состоянія евреевъ того времени вполнѣ объясняютъ мирное расположеніе послѣднихъ къ открытымъ отъ правительства училищамъ: съ одной стороны не встрѣчали противодѣйствія со стороны правительства тѣ евреи, которые еще не дошли до сознанія потребности въ правильномъ образованіи, а съ другой не стѣсняемы были, какъ теперь, тѣ изъ евреевъ, которые чувствовали въ себѣ призваніе къ общему образованію. То же самое серьезное отношеніе къ дѣлу видно изъ того характера, которое правительство желало сообщить низшимъ еврейскимъ училищамъ, примѣняясь къ потребностямъ евреевъ; по отношенію же къ высшимъ еврейскимъ училищамъ

[1]) Допол. къ сбор. постан. по Мин. Нар. Просв. стр. 700.
[2]) Тамъ же, стр. 704.
[3]) Тамъ-же.

слѣдуетъ сказать, что правительство, удалившись впослѣдствіи отъ первоначальнаго плана, вообще поставило ихъ въ противорѣчіе съ ихъ назначеніемъ. Впрочемъ, объ этомъ будетъ рѣчь въ отдѣльномъ очеркѣ: въ настоящее же время мы желаемъ только познакомить читателей съ догматическою частью предмета для того, чтобы они могли послѣ, вмѣстѣ съ нами, сравнить то, что должно было быть, съ тѣмъ, что мы имѣемъ на самомъ дѣлѣ.

И такъ прежде всего мы поговоримъ о предположенныхъ къ открытію казенныхъ еврейскихъ училищахъ.

По главнымъ основаніямъ образованія евреевъ 13 ноября 1844 г. открываются училища низшія и высшія. Первыя суть двоякаго рода: перворазрядныя, соотвѣтствующія приходскимъ, и второразрядныя, соотвѣтствующія уѣзднымъ училищамъ. Высшихъ же училищъ открывается только два, подъ названіемъ раввинскихъ, соотвѣтствующія, по кругу общихъ предметовъ, среднимъ учебнымъ заведеніямъ [1]). Цѣль перворазрядныхъ училищъ состоитъ въ распространеніи первоначальныхъ, болѣе или менѣе всякому еврею нужныхъ свѣденій; второразрядныя училища имѣютъ своей особенною цѣлію приспособленіе юношества къ торговому и промышленнымъ состояніямъ; цѣль же раввинскихъ училищъ двоякая: а) приготовленіе учителей для еврейскихъ училищъ 1-го и 2-го разрядовъ и б) образованіе раввиновъ [2]). Казенныя еврейскія училища подчиняются надзору общаго учебнаго начальства, а гдѣ это, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, окажется неудобнымъ—особымъ училищнымъ чиновникамъ подъ названіемъ уѣздныхъ и губернскихъ инспекторовъ еврейскихъ училищъ. Содержаніе этихъ училищъ относится на счетъ особыхъ, предназначенныхъ для того источниковъ [3]). Источники эти состоятъ изъ свѣчнаго съ евреевъ сбора и денежныхъ взносовъ съ еврейскихъ типографій въ пользу еврейскихъ учебныхъ заведеній за исключительное право печатать еврейскія книги.

---

[1]) Сборникъ постановленій по М. Н. Пр. 1825—1855 г. Полож. 13 нояб. 1844 г. §§ 4, 8 стр. 391, 392.

[2]) Тамъ же, полож. о каз. евр. уч. §§ 7 и 42 стр. 408, 414; полож. о рав. учил. § 1 стр. 419.

[3]) Тамъ-же, полож. о каз. евр. уч. § 37 и 42 стр. 408, 414; полож. о учил. § 1 стр. 419.

Такъ какъ одинъ изъ этихъ источниковъ играетъ немаловажную роль въ дѣлѣ Мандельштамма, то мы считаемъ себя обязаннымъ изложить вкратцѣ основныя черты правилъ свѣчнаго сбора и откупнаго содержанія еврейскихъ типографій.

Въ положеніи о коробочномъ сборѣ сказано: «Для устройства еврейскихъ училищъ, составляющаго отдѣльный предметъ расхода, постановляется, согласно собственному желанію евреевъ, сборъ съ шабашныхъ свѣчей и предоставляется въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Касательно-же образа взиманія сего сбора, то оный имѣетъ быть отдаваемъ въ откупное содержаніе по опредѣленной таксѣ, съ раздѣленіемъ оной на четыре класса, особою статьею, по распоряженіямъ, какія будутъ сдѣланы о семъ предметѣ по взаимному соглашенію Министерствъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ». Согласно положеннымъ здѣсь основаніямъ, по соглашенію министра Народнаго Просвѣщенія съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, составлены «правила взиманія съ евреевъ свѣчнаго сбора въ пользу еврейскихъ училищъ», которыя «допущены къ дѣйствію въ видѣ опыта на 3 года», въ предположеніи составить затѣмъ положительныя правила, по собраніи надлежащихъ свѣдѣній о способахъ къ уравненію сбора и къ отвращенію могущихъ быть при этомъ злоупотребленій. По этимъ правиламъ 1-го сентября 1845 г. Свѣчной сборъ составляетъ плату, налагаемую на свѣчи, которыя зажигаются евреями въ шабашные и праздничные дни. Свѣчной сборъ взимается по званіямъ и состоянію евреевъ, раздѣляемыхъ по разрядамъ: купечество, мѣщанство, подлежащее сбору, и мѣщанство отъ него освобожденное. Второй разрядъ въ свою очередь раздѣляется на три класса: мѣщане зажиточные, средняго состоянія и низшаго. Количество свѣчнаго сбора, по этимъ правиламъ, опредѣляется «по соображеніи состоянія евреевъ и можетъ быть изменяемо по прошествіи каждаго откупнаго срока». Свѣчной сборъ отдается въ откупное содержаніе съ торговъ каждый разъ на четыре года. Предметомъ торга по свѣчному сбору можетъ быть только болѣе или менѣе значительная уступка процентовъ, нормальнò предназначенныхъ на расходы по взиманію сбора, причемъ процентъ, предоставляемый откупщикамъ за управленіе сборомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть свыше 20 коп. съ рубля, съ исчисленной по каждому обществу суммы. Въ тѣхъ слу-

яхъ когда, примѣняясь къ положенію о коробочномъ сборѣ, представляется необходимость перейти къ хозяйственному содержанію свѣчнаго сбора, послѣднее, по представленію попечителей учебныхъ округовъ и съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, можетъ быть ввѣряемо и постороннимъ благонадежнымъ евреямъ на правѣ коммиссіонеровъ, со взятіемъ отъ нихъ узаконенныхъ залоговъ. Для контролированія откупщиковъ по взиманію сбора установляются квитанціонныя книги [1]).

Другой источникъ, какъ мы сказали, состоитъ изъ доходовъ, извлекаемыхъ отъ предоставленія монопольнаго права на печатаніе еврейскихъ книгъ въ двухъ только типографіяхъ—Житомірской и Виленской, которыя отдаются съ торговъ благонадежнымъ евреямъ не иначе какъ на 12 лѣтъ. Въ обезпеченіе дохода съ еврейскихъ типографій и для усиленія средствъ къ содержанію еврейскихъ училищъ, привозимыя изъ за границы еврейскія книги, подвергаются денежной таксѣ, въ размѣрѣ не свыше $1\frac{1}{2}$ коп. съ печатнаго листа. Въ пользу учебныхъ заведеній постановлено правиломъ, чтобы учебники и вообще книги, печатанныя для употребленія въ нихъ, были продаваемы по возможно умѣренной цѣнѣ [2]).

Указавъ на источники содержанія еврейскихъ учебныхъ заведеній, мы перейдемъ къ тому, какъ, по первоначальному намѣренію правительства, имѣлось въ виду достигнуть выставленной выше цѣли низшихъ еврейскихъ училищъ средствами, дѣйствительно соотвѣтствовавшими потребностямъ евреевъ. Въ училища 1-го разряда предполагалось принимать дѣтей съ 8 лѣтняго возраста, которыя уже нѣсколько умѣли читать и понимали древне-еврейскій языкъ. Предметы ученія въ этихъ училищахъ составляли еврейскій законъ, чтеніе и письмо на русскомъ языкѣ съ началами грамматики, чтеніе и письмо на древне-еврейскомъ языкѣ съ началами грамматики, четыре первыя правила ариѳметики, съ понятіемъ о мѣрахъ, вѣсахъ и деньгахъ, употребляемыхъ въ Россіи, и чистописаніе. Въ особенности-же обращаетъ на себя вниманіе 16-й параграфъ Положенія о казенныхъ еврейскихъ училищахъ, въ коромъ сказано: «Въ мѣстахъ, гдѣ еврейское населеніе состоитъ преимущественно изъ земледѣльцевъ, въ училищахъ 1-го разряда будутъ учреждены дополнительные курсы, для обученія началамъ сельскаго хозяйства и садоводства, также черченію простыхъ геометрическихъ фигуръ и машинъ, употребительныхъ въ земледѣліи, съ примѣненіемъ, по возможности, теоріи къ практикѣ. По городамъ и мѣстечкамъ, населеннымъ болѣе ремесленниками, въ дополнительные курсы могутъ входить и употребительнѣйшія изъ ремеслъ. Предметы сіи не всѣ вдругъ вводятся въ дополнительные курсы, а по мѣрѣ надобности, средствъ и удобности». Кромѣ того, предполагалось еще ввести въ дополнительныхъ курсахъ преподаваніе нѣмецкаго языка и началъ русской исторіи и географіи. Въ училищахъ 2-го разряда принимаются ученики, окончившіе курсъ перворазрядныхъ училищъ, или знающіе преподаваемые въ нихъ предметы. Учители опредѣляются изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ раввинскихъ училищахъ или изъ кандидатовъ, одобренныхъ испытательнымъ комитетомъ тѣхъ училищъ. Предметы, преподаваемые къ училищахъ 2-го разряда, суть слѣдующіе: еврейскій законъ, еврейскій языкъ, русскій языкъ со включеніемъ и высшей части грамматики, ариѳметика, всеобщая и въ особенности русская географія, черченіе и чистописаніе. Затѣмъ предполагалось также открыть въ нихъ дополнительные курсы, въ которыхъ должны были преподаваться изъ реальныхъ наукъ: бухгалтерія, геометрія и механика, примѣненная къ промышленности, свѣдѣнія изъ естественной исторіи, физики, химіи, въ соединеніе съ технологіею, рисованіе и общія понятія объ отечественныхъ законахъ, порядкѣ и формахъ судопроизводства, особенно по дѣламъ, относящимся къ торговлѣ [1]).

[1]) Собраніе зак. т. XX отд. 2 № 19304; сборникъ постановленій по Мин. Нар. Просвѣщ. 1825—1855 г. стр. 512—520. О свѣчномъ сборѣ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Мин. В. дѣлъ за 1859 г. говорится, что онъ (до 23000), „составляя прямой личной сборъ съ евреевъ, поступалъ, какъ и въ прежнее время, весьма неисправно.“ „Причина этого заключается, по мнѣнію министра, въ бѣдности еврейскихъ обществъ и въ обремененіи ихъ значительными, сравнительно съ прочими податными сословіями, сборами.“ (Ж. Мин. В. дѣлъ Іюль, 1867.

[2]) Сборн. пост. М. Н. Пр. 1825—1855. Положеніе о евр. типографіяхъ, стр. 538—544.

[1]) Тамъ же; Полож. о казен. евр. учил. стр. 407 и 415.

Вотъ тотъ характеръ, который правительство желало сообщить низшимъ еврейскимъ училищамъ для того, чтобы пріурочить ихъ къ дѣйствительнымъ потребностямъ еврейской жизни. Очевидно, что, по первоначальному плану правительства, низшія еврейскія училища должны были стать на совершенно самостоятельную почву приготовленіемъ еврейскаго юношества къ тому, чтобы оно было въ состояніи честно служить потребностямъ той жизни, въ которой оно вращалось, словомъ, чтобы оно могло, по окончаніи курса, перейти къ производительному труду и пріобрѣсти болѣе или менѣе положительныя срдства къ существованію. Это было бы вполнѣ согласно съ задачею еврейскихъ училищъ—улучшить бытъ евреевъ посредствомъ образованія и развить въ нихъ убѣжденіе въ пользѣ производительнаго труда. Между тѣмъ, это именно пріобрѣтеніе нужныхъ всякому еврею свѣденій и приспособленіе еврейскаго юношества къ торговому и промышленному состояніямъ, которое составляло особую цѣль низшихъ еврейскихъ училищъ, не могло на дѣлѣ осуществиться, вслѣдствіе невведенія дополнительныхъ курсовъ, не смотря на сдѣланныя, какъ намъ извѣстно, представленія о необходимости ихъ открытія на основаніи Положенія о казенныхъ училищахъ. Разумѣется, что безъ дополнительныхъ курсовъ низшія еврейскія училища не удовлетворяли своему назначенію, и ученики, оканчивавшіе въ нихъ курсъ, обладали ничтожными образовательными средствами, которыя не могли имъ давать никакого независимаго положенія въ жизни. Поставленные въ ложное положеніе, воспитанники эти не только сами были недовольны тѣмъ, что образованіе ничего имъ не прибавило, а напротивъ, напрасно ихъ вызвало изъ прежней сферы, съ которою они, при отсутствіи образованія, могли еще мириться, но и невольно вызывали въ другихъ мысль о вредномъ вліяніи образованія на матеріальное и нравственное положеніе еврея. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ болѣе или менѣе образованный уже тяготился прежними національными преданіями и привычками, а избрать себѣ новый родъ жизни онъ также не былъ въ состояніи по недостатку необходимыхъ для того свѣдѣній, а потому онъ долженъ былъ поневолѣ сдѣлаться ничѣмъ, хотя и не могъ равнодушно взирать на то, что во многихъ купеческихъ конторахъ занимаютъ должности бухгалтеровъ и корреспондентовъ иностранные евреи,

которые явились къ намъ на то именно поприще, на которомъ у насъ не было собственныхъ дѣятелей и къ которому правительство хотѣло приготовлять людей въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ. Впрочемъ, мы еще возвратимся къ этому предмету въ другомъ очеркѣ, когда мы будемъ подробно разбирать достоинства и недостатки еврейскихъ училищъ и укажемъ на средства къ ихъ преобразованію. Теперь же мы не могли удержаться отъ того, чтобы не сказать нѣсколько словъ по поводу неосуществленія впослѣдствіи прекрасной задачи, предначертанной правительствомъ въ главныхъ основаніяхъ образованія евреевъ и въ положеніи о казенныхъ еврейскихъ училищахъ, не могли удержаться потому, что, въ виду уклоненія отъ принятыхъ правительствомъ основныхъ началъ въ дѣлѣ преобразованія быта евреевъ, многіе, даже въ правительственныхъ сферахъ, и не въ одной только литературѣ, приписываютъ неуспѣхъ еврейскихъ училищъ исключительно нежеланію евреевъ идти въ уровень съ тѣми средствами, которыя правительство избрало для направленія ихъ къ производительному труду. Одно только близкое ознакомленіе съ историческимъ матеріаломъ по интересующему насъ предмету, можетъ раскрыть истинную причину такого неуспѣха, а вмѣстѣ съ тѣмъ указать на то, что, вмѣсто обращенія къ новымъ мѣрамъ, признаваемымъ наиболѣе пригодными для достиженія цѣли правительства, слѣдовало-бы лучше подумать о томъ, не правильнѣе-ли будетъ остановиться на позабытыхъ нами средствахъ и пополнивъ, такимъ образомъ, пробѣлъ, оказавшійся въ этомъ дѣлѣ по нашей собственной винѣ, исправить радикальнымъ образомъ нашу ошибку?

Высшія еврейскія училища состоятъ, какъ мы сказали, изъ двухъ раввинскихъ училищъ, въ которыя принимаются евреи всѣхъ состояній не моложе 10-ти лѣтъ, представляющіе, сверхъ документовъ о происхожденіи и лѣтахъ, еще свидѣтельство врача о состояніи здоровья и о томъ, что не имѣютъ никакого природнаго недостатка, препятствующаго быть учителемъ или раввиномъ. Воспитанники раввинскихъ училищъ раздѣляются на вольноприходящихъ и стипендіатовъ, при выборѣ которыхъ отдается преимущество сиротамъ, дѣтямъ бѣднѣйшихъ родителей и учителей. Обучавшіеся въ раввинскихъ училищахъ съ пособіемъ отъ казны должны, по окончаніи курса, прослужить въ званіи учителя еврейскихъ

училищъ, по назначенію учебнаго начальства, стипендіаты — 10 лѣтъ, а полустипендіаты — 6 лѣтъ. Исключенія въ этомъ отношеніи допускаются только для назначенныхъ правительствомъ въ должность раввина, въ случаѣ неизлечимой болѣзни или по другимъ особенно важнымъ причинамъ. Вольноприходящіе, окончившіе съ успѣхомъ курсъ наукъ, допускаются, преимущественно предъ неучащимися въ раввинскихъ училищахъ, къ занятію учительскихъ должностей. Высшія еврейскія училища состоятъ изъ трехъ курсовъ: 1) общаго для всѣхъ воспитанниковъ, какъ учителей такъ и раввиновъ, 2) педагогическаго — для однихъ первыхъ и 3) спеціально-раввинскаго. Кромѣ того въ раввинскихъ училищахъ бываютъ еще приготовительные классы, соотвѣтствующіе курсу трехъ низшихъ классовъ гимназій, въ которыхъ еврейскіе предметы преподаются въ объемѣ второразрядныхъ еврейскихъ училищъ. Общіе предметы, предполагавшіеся къ преподаванію въ раввинскихъ училищахъ, слѣдующіе: 1) русская словесность и логика, 2) языки нѣмецкій и французскій, 3) математика до коническихъ сѣченій, 4) географія и статистика, 5) исторія всеобщая и русская, 6) физика, 7) чистописаніе, черченіе и рисованіе. Кругъ еврейскихъ предметовъ не опредѣляется положительно, а говорится только, что въ педагогическомъ отдѣленіи преподаваніе еврейскихъ предметовъ ограничивается потребностью будущаго призванія воспитанниковъ, а въ спеціально-раввинскомъ курсѣ, который продолжается два года и имѣетъ цѣлью доставить воспитанникамъ подробное и основательное знаніе предметовъ, необходимыхъ для раввина, воспитанники обучаются еврейскимъ предметамъ, сообразно программѣ, составленной комиссіею, Высочайше учрежденною для образованія евреевъ въ Россіи. При этомъ обращается вниманіе на изученіе и практическое упражненіе въ слогѣ древне-еврейскаго языка и сродныхъ съ нимъ нарѣчій. Вообще-же, ближайшее опредѣленіе, какъ общихъ такъ и еврейскихъ предметовъ и объема преподаванія возлагается на обязанность министерства народнаго просвѣщенія, которому предоставляется также, въ случаѣ надобности, введеніе въ раввинскихъ училищахъ и новыхъ учебныхъ предметовъ. Педагогическій курсъ раввинскихъ училищъ продолжается одинъ годъ и имѣетъ цѣлью практическое обученіе воспитанниковъ правиламъ и способамъ преподованія. Для этой цѣли они, въ присутствіи своихъ товарищей и подъ надзоромъ учителей и инспектора, даютъ уроки въ разныхъ учебныхъ предметахъ, а также посылаются поочереди, для преподованія разныхъ еврейскихъ предметовъ, въ еврейскія учебныя заведенія, состоящія въ одномъ городѣ съ раввинскимъ училищемъ. При испытаніи воспитанниковъ послѣдняго необходимымъ условіемъ перевода изъ класса въ классъ считается знаніе общихъ предметовъ, преимущественно-же русскаго языка и русской исторіи. Воспитанники спеціально-раввинскаго курса называются раввинскими кандидатами, которые, прежде полученія званія раввиновъ, обязаны пріобрѣсти необходимыя практическія свѣденія, для чего въ теченіе года состоять при раввинахъ въ видѣ ихъ помощниковъ. По истеченіи же годичнаго срока и по засвидѣтельствованіи раввиновъ о достаточномъ приготовленіи кандидатовъ, они подвергаются окончательному испытанію въ совѣтѣ раввинскаго училища и получаютъ аттестаты на званіе раввина. Кандидаты, не выдержавшіе испытанія, выпускаются съ званіемъ подъ-раввиновъ. Не занимая должности раввиновъ, воспитанники, окончившіе съ званіемъ раввина или подъ-раввина, могутъ быть опредѣляемы въ преподователи еврейскихъ предметовъ въ раввинскихъ училищахъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для умственнаго и нравственнаго развитія воспитанниковъ раввинскія училища имѣютъ собраніе учебныхъ пособій и библіотеку, въ которой, кромѣ необходимыхъ религіозныхъ книгъ на еврейскомъ языкѣ, должно находиться достаточное число нравственныхъ и другихъ полезныхъ сочиненій на еврейскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Ближайшее наблюденіе за ходомъ и методомъ преподованія еврейскихъ предметовъ возлагается на инспектора изъ евреевъ, который снабжаетъ также еврейскихъ учителей необходимыми по части преподованія наставленіями. Ближайшее же начальство надъ училищами въ административномъ и благоустройственномъ отношеніяхъ возлагается на директора изъ христіанъ, на правахъ и обязанностяхъ директора гимназій [1]). Вотъ тотъ характеръ, который высшія еврейскія училища должны были получить по приведенному нами положенію.

---

1) Сбор. постан. 1826—1855 г. Положеніе о раввинскихъ училищахъ, стр. 449—431.

Воздерживаясь теперь отъ всякихъ соображеній по вопросу о раввинскихъ училищахъ и о дальнѣйшей ихъ судьбѣ, мы перейдемъ къ опредѣленію того, въ какое отношеніе стало правительство къ существовавшимъ до открытія училищъ учебнымъ заведеніямъ по частной инціативѣ еврейскихъ обществъ.

До открытія казенныхъ еврейскихъ училищъ существовали уже въ Россіи правильно-устроенныя школы съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Одессѣ, Кишиневѣ и Ригѣ, о которыхъ министръ Уваровъ отзывается съ большою похвалою въ своемъ Всеподданнѣйшемъ докладѣ [1]). Кромѣ того существовали: 1) талмудъ-торы, или училища для бѣдныхъ и сиротъ, содержимыя изъ добровольныхъ подаяній 2); хадаримы, или училища открываемыя меламдами для вольноприходящихъ и 3) ешиботы, имѣющіе высшее талмудическое образованіе [2]). Въ запискѣ своей о преобразованіи евреевъ, Уваровъ говоритъ объ этихъ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдующее: «по свѣдѣніямъ оказывается, что въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Минской и Бѣлостокской области существуютъ до 2500 домашнихъ школъ, въ коихъ обучаются дѣти евреевъ, и это огромное число семейныхъ, неизвѣстныхъ разсадниковъ первоначальнаго воспитанія, не подчиненныхъ доселѣ надзору учебнаго начальства, подтверждается тѣмъ разительнымъ выводомъ, что, не смотря на всѣ бѣдствія еврейскаго племени, каждый еврей, безъ исключенія, обученъ чтенію и письму. Если удастся намъ привести всѣ сіи раздробленныя силы къ одному знаменателю, то дѣло пойдетъ съ успѣхомъ [3]). Въ отношеніи къ правильно-организованнымъ училищамъ, правительство рѣшило, что они, во внутреннемъ устройствѣ и порядкѣ подчиненности, остаются на прежнамъ основаніи, впредь до пересмотра временныхъ правилъ о подчиненіи еврейскихъ учебныхъ и ученыхъ заведеній надзору Министерства Народнаго Просвѣщенія и соображенія ихъ съ общими постановленіями, касающимися образованія евреевъ. Относительно же заведеній, существующихъ безъ разрѣ-

[1]) Дополн. къ сбор. Постан. по М. Н. П. 1803—1804 г. стр. 697, 678 и 707.

[2]) Сборн. Постан. по М. Н. Пр. 1825—1855 стр. 398.

[3]) Дополн. къ сбор. Постан. по М. Н. Пр. стр. 705, 706.

шенія министерства, правительство постановило общимъ правиломъ, чтобы, прежде вступленія въ Министерство Народнаго Просвѣщенія источниковъ, предназначенныхъ на учрежденіе и содержаніе отъ казны еврейскихъ училищъ, привести въ извѣстность существовавшія до того еврейскія ученыя и учебныя заведенія и подчинить ихъ ближайшему надзору мѣстнаго училищнаго начальства. Для этой цѣли предположено было учрежденіе въ мѣстахъ жительства евреевъ временныхъ губернскихъ и уѣздныхъ коммиссій, подъ предсѣдательствомъ училищныхъ чиновниковъ, съ назначеніемъ въ каждую по два члена изъ купеческаго и раввинскаго званій. Эти коммиссіи должны были впослѣдствіи закрываться, по мѣрѣ открытія казенныхъ училищъ. Дѣствія Министерства Народнаго Просвѣщенія, по отношенію къ ученымъ и учебнымъ заведеніямъ евреевъ, на первый случай ограничиваются введеніемъ нѣкотораго порядка, какъ въ общемъ устройствѣ этихъ заведеній, такъ и въ самомъ преподованіи. Этимъ путемъ правительство стремилось къ тому, чтобы приготовить евреевъ и облегчить имъ переходъ къ новой системѣ образованія, точно также, какъ правительство старалось, чрезъ еврейскія заведенія вообще, проложить имъ дорогу къ общему образованію [1]). Согласно съ этими общими положеніями, изложенными въ главныхъ основаніяхъ образованія евреевъ, правительство относительно талмудъ-торъ постановило, чтобы во всемъ, что касается призрѣнія сиротъ и дѣтей бѣднаго состоянія, онѣ оставались по прежнему подъ завѣдываніемъ избираемыхъ отъ общества старшинъ, которые пекутся о способахъ содержанія дѣтей и доставленія имъ учителей; по части же обученія—подчинялись общему учебному начальству. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи талмудъ-торы должны быть снабжены достаточнымъ числомъ учителей, такъ, чтобы на каждые 25 учениковъ приходился, по крайней мѣрѣ, одинъ учитель. Притомъ на старшаго учителя, выбираемаго старшинами и утверждаемаго ближайшимъ учебнымъ начальствомъ, возлагается обязанность имѣть надзоръ надъ училищемъ и учителями. Онъ обязанъ также отдавать отчетъ учебному начальству о состояніи ввѣреннаго ему заведенія и ходѣ преподованія и успѣ-

[1]) Сборн. постан. по М. Н. П. 1825—1855 стр. 390, 391.

хахъ учениковъ. Кромѣ того обращается вниманiе на то, чтобы въ талмудъ-торахъ дѣти свыше 8 лѣтняго возраста обучались русскому языку. Другой разрядъ учебныхъ заведенiй, существовавшiй до открытiя казенныхъ училищъ были такъ называемые хадаримы или училища, открываемыя меламдами. Относительно этихъ училищъ правительство ограничилось на первыхъ порахъ однимъ только подчиненiемъ ихъ своему контролю установленiемъ особаго порядка возобновленiя старыхъ хадаримовъ и учрежденiя новыхъ. Важный шагъ со стороны правительства состоялъ въ томъ именно, что всѣ желавшiе вновь открыть хадаримы должны были уже подвергаться особому испытанiю въ присутствiи временныхъ коммиссiй и на основанiи правилъ, которыя должны были издаваться на этотъ счетъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенiя [1]). Исключенiе сдѣлано было для тѣхъ содержателей хадаримовъ, которые впродолженiе годичнаго управленiя своимъ заведенiемъ, по свидѣтельству временныхъ коммиссiй, окажутся благонадежными, свѣдущими и усердными въ исполненiи лежащихъ на нихъ обязанностей: такiе меламды могутъ, по указаннымъ выше временнымъ правиламъ, быть вовсе освобождаемы отъ испытанiй и допускаемы даже къ занятiю должности учителей въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ [2]). Для высшихъ или второстепенныхъ хадаримовъ дѣлается, какъ въ талмудъ-торахъ, обязательнымъ введенiе русскаго языка по возобновленiи меламдомъ своего дозволительнаго вида. Но, относясь такъ снисходительно къ представителямъ доморощенной системы воспитанiя—меламдамъ, правительство не перестаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на необходимое зло, которое слѣдуетъ щадить до поры до времени. Для уменьшенiя влiянiя домашнихъ учителей или меламдовъ на домашнее воспитанiе еврейскаго юношества, правительство считаетъ нужнымъ имѣть въ виду на будущее время слѣдующiя мѣры: затрудненiе выдачи дозволительныхъ свидѣтельствъ тѣмъ евреямъ, кои еще не занимались обученiемъ, подвергая ихъ строгому испытанiю не только въ предметахъ еврейскаго закона, но и общихъ наукахъ, за тѣмъ—прекращенiе вовсе выдачи дозволительныхъ свидѣтельствъ на обученiе закону вѣры тѣмъ домашнимъ учителямъ, кои не обучались въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ. Когда въ достаточномъ числѣ будутъ приготовлены уже учители въ раввинскихъ училищахъ, и наконецъ—объявленiе обученiя евреевъ въ казенныхъ училищахъ обязательнымъ и опредѣленiе принудительныхъ мѣръ къ исполненiю этого предположенiя въ томъ случаѣ, когда уже будетъ учреждено достаточное число казенныхъ училищъ по всѣмъ мѣстамъ жительства евреевъ. Кромѣ того, чтобы прекратить всякое влiянiе на учениковъ казенныхъ училищъ и на еврейскiя общества старой системы воспитанiя и обученiя, равно и стараго порядка вообще, правительство предположило, по открытiи обоихъ раввинскихъ училищъ, объявить во всеобщее свѣдѣнiе, что, по истеченiи 20 лѣтъ, никто не можетъ быть опредѣленъ въ учителя еврейскихъ предметовъ, или избранъ въ раввины, если не обучался въ такомъ училищѣ и не получилъ въ томъ узаконеннаго свидѣтельства [1]).

Менѣе всѣхъ другихъ заведенiй правительство подчинило своему контролю, такъ называемые, «ешиботы». По временнымъ правиламъ о подчиненiи еврейскихъ ученыхъ и учебныхъ заведенiй надзору Министерства Народнаго Просвѣщенiя, ешиботы суть высшiя учебныя заведенiя для молодыхъ людей, которые, по окончанiи ученiя въ талмудъ-торахъ, второстепенныхъ хадаримахъ и у домашнихъ учителей, желаютъ прiобрѣсти подробнѣйшiя свѣдѣнiя въ талмудѣ и источникахъ еврейскихъ религiозныхъ законовъ, или приготовиться къ раввинскому званiю. Непосредственное руководство ешиботами передается ученому еврею подъ названiемъ. «Рошъ-Ешива», который имѣетъ главный надзоръ надъ нравственностью воспитанниковъ и благочинiемъ и внутреннимъ устройствомъ заведенiя. Рошъ-Ешива не подвергается никакому испытанiю и пользуется, сравнительно съ представителями низшихъ учебныхъ заведенiй старой системы, большею свободою въ управленiи, какъ административною, такъ и учебною частiю заведенiя; относительно послѣдней онъ только обязывается безотлагательно исполнять всѣ требованiя на-

[1]) Тамъ же, стр. 400, §§ 18—21.
[2]) Тамъ же § 26.

[1]) Сбор. Постан. по М. Н. Пр. Главныя основанiя образованiя евреевъ, стр. 331—435 §§ 1—25.

*

чальства. Ешиботамъ даже не вмѣняется въ обязанность обученіе русскому языку, на которое обращается особое вниманіе въ главныхъ основаніяхъ образованія евреевъ [1]).

Для заключенія этого отдѣла, остается еще сказать о еврейскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и домашнихъ учителяхъ. Кромѣ учрежденныхъ правительствомъ учебныхъ заведеній, евреямъ, по положенію 13 ноября 1844 г. о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, дозволяется еще открывать для воспитанія и обученія дѣтей частныя училища. Съ тою же цѣлію и въ намѣреніи обезпечить родителямъ выборъ благонадежныхъ для дѣтей ихъ руководителей, утверждается званіе еврейскихъ домашнихъ учителей. Цѣль еврейскихъ частныхъ учебныхъ заведеній состоитъ въ доставленіи дѣтямъ необходимыхъ познаній въ еврейскомъ законѣ и въ облегченіи имъ перехода въ общія училища. Обученіе въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ производится по руководствамъ, утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Заведенія эти могутъ быть и воспитательными, въ коихъ содержатся пансіонеры, и училищами для вольноприходящихъ; но въ нихъ запрещается совмѣстное обученіе дѣтей обоего пола, которое признается противнымъ обычаямъ евреевъ. Частныя учебныя заведенія раздѣляются на первоначальныя и второстепенныя: въ первыхъ обученіе обнимаетъ кругъ предметовъ, требуемыхъ отъ учениковъ, поступающихъ въ учрежденныя отъ правительства еврейскія училища 1-го разряда; во второстепенныхъ же, кромѣ еврейскихъ предметовъ, должно обучать чтенію и письму на русскомъ языкѣ и четыремъ первымъ правиламъ ариѳметики. Содержатели частныхъ учебныхъ заведеній должны удовлетворять извѣстнымъ условіямъ относительно образованія и поведенія въ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ и должны обращать постоянное вниманіе на ученіе и нравственное воспитаніе ввѣренныхъ имъ дѣтей, принимая на себя отвѣтственность за сдѣланныя учителями вредныя внушенія воспитанникамъ [2]). По отношенію же къ домашнему воспитанію постановлено, что никто изъ евреевъ не можетъ заниматься обученіемъ въ частныхъ домахъ, не

[1]) Тамъ же. Врем. правила о подчиненіи и т. д. стр. 402, 403 §§ 28—36.

[2]) Тамъ же. Положеніе о евр. частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и домашнихъ учителяхъ стр. 43 —435 §§ 1—25.

получивъ узаконеннаго на то дозволенія отъ надлежащаго учебнаго начальства. Домашніе учителя подчиняются строгому контролю мѣстнаго учебнаго начальства и подвергаются за нарушеніе правилъ домашняго обученія евреевъ въ первый разъ—денежному штрафу, а во второй—преданію суду, какъ за подлогъ [1]).

И такъ, съ открытіемъ казенныхъ еврейскихъ училищъ, существовали три системы обученія: система правительственная и система старая, какъ противоположныя другъ другу по внутреннему своему содержанію, и средняя между ними—система частнаго обученія. На этихъ трехъ системахъ построена основная мысль правительства о постепенномъ переходѣ евреевъ изъ спеціально-еврейскихъ учебныхъ заведеній въ общія, или другими словами, постепенное сліяніе евреевъ съ общечеловѣческою жизнію. Съ этою цѣлью старая система подчинена была нѣкоторому порядку, чтобы обучавшимся по ней облегченъ былъ переходъ къ системѣ частнаго обученія, въ которую временными правилами внесенъ порядокъ, болѣе или менѣе приближающій ее къ системѣ правительственной. И эта послѣдняя, наконецъ, тоже имѣла главною цѣлью доставить евреямъ доступъ къ общечеловѣческой системѣ воспитанія и обученія. Вотъ то тройное звѣно, помощью котораго правительство желало связать интересы еврейскаго племени съ интересами кореннаго населенія. Разумѣется, что самая трудная задача состояла въ томъ, чтобы умѣть на будущее время поддерживать и видоизмѣнять, сообразно съ обстоятельствами, переходное отношеніе, существовавшее между сказанными тремя системами. Въ этомъ смыслѣ получаетъ весьма важное значеніе предвидѣнная министерствомъ Уварова необходимость последовательности въ дѣйствіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но бѣда въ томъ, что у насъ привыкли весьма мало уважать прошлую жизнь народа; что у насъ, по выраженію одного публициста, очень долго идутъ ощупью, но когда начинаютъ реформу, то уже пускаются въ запуски, пока не ударятся объ стѣну и не отшатнутся назадъ. Эта общая черта нашей жизни отмѣтилась также и въ направленіи дѣла образованія евреевъ. А между тѣмъ, сколько потрачено было усилій на то, чтобы изучить еврейскій бытъ и пріурочить къ нему вновь откры-

[1]) Тамъ же, стр. 436, 437 §§ 35—38.

ваемыя училища; сколько переработалось мнѣній и проектовъ, пока Уваровъ убѣдилъ правительство стать въ этомъ дѣлѣ на твердую почву, которую надобно было только разрыхлять и удобрять по избранной системѣ! Но прошло немного времени, въ теченіе котораго память наша имѣла-бы возможность сохранить еще свою свѣжесть, какъ мы уже забыли о всѣхъ прежнихъ работахъ по этому дѣлу и начали прибѣгать къ измѣненіямъ, уклоненіямъ отъ выработанной системы, да впереди видится перспектива чуть ли не полной ея ломки, которая отчасти уже началась. Мы имѣли крѣпкій матеріалъ для сооруженія могучаго зданія, матеріалъ, на который, какъ мы увидимъ послѣ, былъ спросъ у евреевъ; но мы выбросили его за бортъ и очутились при развалинахъ, которыя кажутся намъ совершенно негодными и которыя слѣдуетъ окончательно разрушить, и вдобавокъ, мы еще думаемъ про себя, что евреи сами превратили зданіе правительства въ развалины. Историческое изученіе предмета убѣждаетъ насъ совершенно въ противномъ.

Теперь мы перейдемъ къ третьему и самому главному отдѣлу настоящей нашей статьи—къ дѣлу Мандельштама. Но прежде мы должны указать на источникъ его происхожденія. Съ перваго раза покажется страннымъ, если скажемъ, что оно возникло вслѣдствіе ложнаго отношенія министра Уварова къ талмуду, какъ источнику вѣры евреевъ, на которое мы указали въ первой статьѣ нашей. А потому для полнаго убѣжденія въ этомъ, мы должны представить въ сжатомъ очеркѣ то отношеніе, въ которое правительство, по взгляду Уварова, стало къ обученію евреевъ закону ихъ вѣры. Уваровъ приписывалъ невѣжество русскихъ евреевъ господству талмуда, который, по его мнѣнію, «развращалъ ихъ и развращаетъ». При такомъ убѣжденіи онъ считалъ необходимымъ противодѣйствовать ученію талмуда всецѣлымъ устраненіемъ его въ однихъ и ограниченіемъ круга его преподованія въ другихъ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, онъ считалъ еще сильнымъ орудіемъ противъ талмуда изученіе древне-еврейскаго языка. Если послѣдній взглядъ, который мы ниже приведемъ подробнѣе, дѣйствительно вѣренъ, то убѣжденіе въ необходимости устраненія талмуда, вслѣдствіе его вредности, крайне ошибочно, потому что мнимую вредность его можно было бы уничтожить критическимъ изученіемъ талмуда не какъ источника вѣрованія, а какъ предмета историческаго. Держась этого послѣдняго взгляда, можно было бы оставить въ училищахъ талмудъ не только для виду и не скрывать предъ евреями, такимъ образомъ, потаенный объ этомъ мысли правительства, чтобы не возбуждать въ нихъ подозрѣнія къ новой системѣ обученія закону вѣры. Но Уваровъ, какъ дѣятель честный и дѣйствующій по разъ сложившемуся убѣжденію, провелъ высказанный имъ въ докладѣ государю взглядъ и въ главныя основанія образованія евреевъ. Въ 10 и 11 параграфѣ этихъ главныхъ основаній (нынѣ только обнародованныхъ, а прежде считавшихся секретными) говорится о законѣ еврейской вѣры слѣдующее: «законъ еврейскій и обряды вѣры преподавать въ училищахъ 1 и 2 разрядовъ въ объемѣ, приличномъ возрасту и понятіямъ учениковъ, наблюдая, чтобы высшее или раввинское познаніе сихъ предметовъ вовсе не входило въ кругъ ученія. Между тѣмъ стараться по возможности нынѣшній образъ ученія еврейской вѣры замѣнить катехизисомъ, въ родѣ употребляемыхъ въ Германіи, а число учебныхъ для того часовъ, по мѣрѣ укорененія новой системы образованія, приводить постепенно въ соразмѣрность съ дѣйствительною потребностью. Въ раввинскихъ училищахъ еврейскимъ предметамъ обучать въ учительскомъ отдѣленіи въ такой степени, чтобы воспитанники онаго могли преподавать сіи предметы въ училищахъ 1 и 2 разрядовъ, а въ раввинскомъ—сколько необходимо для образованія раввина, отклоняя, если не при самомъ началѣ, то по крайней мѣрѣ при первой представляющейся возможности, всѣ излишнія философскія умозрѣнія комментаторовъ талмуда» [1]). Затѣмъ, считая раввиновъ стараго покроя, или «книжниковъ», по выраженію доклада, главными противниками новаго просвѣщенія, которые внушаютъ своимъ одноплеменникамъ уваженіе къ талмуду, Уваровъ предполагаетъ учредить званіе губернскихъ раввиновъ, зависящихъ отъ правительства, при помощи которыхъ упорство евреевъ лишится важнѣйшаго своего оплота, потому что «губернскій раввинъ, а въ важныхъ случаяхъ соборъ раввиновъ разрѣшитъ мѣры, ведущія постепенно къ ре-

[1]) Допол. къ сбор. постан. по М. Н. П. 1863—1864 г. стр. 701; Сборн. постан. по М. Н. П. 1825—1855 г. стр. 392—394.

лигіозному и гражданскому преобразованію евреевъ» [1]). Въ этихъ видахъ предполагалось также наблюденіе за преподаваніемъ еврейскаго закона въ еврейскихъ училищахъ отнести къ обязанности назначаемыхъ отъ правительства раввиновъ [2]). Этотъ ложный путь религіознаго преобразованія евреевъ, посредствомъ изгнанія талмуда и замѣны его катехизисомъ, не выдерживаетъ никакой критики въ сравненіи съ другою мѣрою — посредствомъ изученія древне-еврейскаго языка дойти до установленія болѣе правильнаго взгляда на талмудъ и разъясненія его путемъ повѣрки. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно то мѣсто изъ доклада Уварова, въ которомъ онъ говоритъ о преподаваніи древне-еврейскаго языка въ казенныхъ училищахъ. По интересу содержанія приведемъ это мѣсто цѣликомъ: «Въ запискѣ, внесенной въ комитетъ объ устройствѣ евреевъ, я изъяснилъ, что лучшее средство противъ дѣйствія талмудистовъ состоитъ въ распространеніи древняго еврейскаго языка, языка библейскаго и св. пророковъ. Эту мысль слѣдовало-бы развить далѣе, дабы показать основательность оной. Талмудъ содержитъ собраніе изустныхъ (курсивъ въ подлинникѣ) преданій еврейской духовной исторіи и законодательства. Мусульмане имѣютъ подобное собраніе, и не безъизвѣстно также, что къ первымъ временамъ христіанской церкви принадлежитъ полный рядъ, такъ называемыхъ, сокровенныхъ Евангелій (курсивъ въ подлинникѣ), неизвѣстно кѣмъ написанныхъ или изданныхъ, и потому не принятыхъ въ число священныхъ писаній. Такого рода собранія не могутъ не имѣть сильнаго вліянія на умы народовъ и не занимать важное мѣсто посреди ихъ вѣрованій. Естественно, что, по отношенію евреевъ къ христіанскимъ правительствамъ въ теченіе 17 столѣтій, это собраніе изустныхъ, такъ сказать, тайныхъ преданій служило богатымъ рудникомъ для фанатизма, и въ теченіе времени преумножилось подъ перомъ вдохновенныхъ, будто-бы, комментаторовъ. Такимъ образомъ талмудъ (курсивъ въ подлинникѣ) принялъ въ глазахъ евреевъ важность, которой не имѣли ни собранія мусульманскихъ преданій, ни сокровенныя книги первобытной христіанской церкви. Это предпочтеніе талмуда Библіи дошло до такой степени, что первое мѣсто въ понятіяхъ большинства евреевъ принадлежитъ талмуду; но талмудъ имѣетъ самъ свое основаніе въ Ветхомъ Завѣтѣ и утверждается посылками на оный; большая часть сихъ посылокъ искажаетъ смыслъ пятикнижія, другая прямо приводитъ мѣста небывалыя въ ономъ; но эту повѣрку не могутъ производить теперь евреи, незнакомые съ языкомъ Библіи: потому весьма вѣроятно, что обративъ ихъ вниманіе на сей предметъ и доставивъ имъ возможность сличать (курсивъ въ подлинникѣ) талмудъ съ подлинникомъ пятикнижія, евреи безпринужденно убѣдились бы въ нелѣпомъ толкованіи раввиновъ и въ ложности посылокъ. Несомнѣнно, что это сличеніе, самими евреями совершаемое, будетъ сильнѣйшій ударъ, нанесенный талмуду и его послѣдователямъ, отклонившимъ довольно удачно вниманіе соотчичей отъ пятикнижія (курсивъ въ подлинникѣ) и едва-ли не замѣнивъ оное для большинства мечтательными выводами раввиновъ (курсивъ въ подлинникѣ). Мысль, что съ возобновленіемъ языка Св. Писанія между евреями, должна поколебаться слѣпая вѣра въ талмудъ, часто уже являлась тѣмъ, кои занимались преимущественно этимъ предметомъ. Во всякомъ случаѣ, это врачеваніе и легче, и удобнѣе прочихъ, легче и удобнѣе даже перевода талмуда на какой нибудь живой языкъ. Это послѣднее, несбыточное сверхъ того средство, могло бы подѣйствовать на умы христіанъ, но не тронуло-бы евреевъ, всегда подозрительныхъ къ всякому вмѣшательству христіанъ въ предметы ихъ вѣрованія, и отъ коихъ можно ожидать перемѣны въ мнѣніяхъ религіозныхъ тогда только, когда сами собою они постигнутъ свои заблужденія и собственными розысканіями дойдутъ до нелѣпости своихъ народныхъ преданій» [1]). Мы уже высказали въ первомъ томѣ «Еврейской библіотеки» наше мнѣніе противъ нѣкоторыхъ частностей приведеннаго здѣсь взгляда Уварова на отношеніе талмуда къ пятикнижію; но съ общею, основною идеею этого взгляда, что успѣшнѣе дѣйствовать на евреевъ такъ, чтобы они путемъ собственнаго розысканія дошли до отрицанія вѣковыхъ заблужденій,

[1]) Дополн. къ сборн. постан. по М. Н. П. 1863—1864 г. стр. 697.

[2]) Сборн. постан. по М. Н. Пр. 1825—1855 г. стр. 313 § 15.

[1]) Допол. къ сборн. постан. по М. Н. Пр. 1863 —1864 г. стр. 711—712.

нельзя не согласиться, хотя мы опять не раздѣляемъ того убѣжденія Уварова, что еврейскій языкъ единственное орудіе для пораженія талмуда. Вся ошибка этого послѣдняго взгляда собственно состоитъ въ томъ, что Уваровъ счелъ нужнымъ направить противодѣйствіе противъ самого талмуда, а не противъ установившагося на него, вслѣдствіе невѣжества, неправильнаго взгляда. Уваровъ направляетъ всѣ свои стрѣлы противъ самого талмуда, собственно потому, что онъ считаетъ талмудъ источникомъ невѣжества евреевъ и не могъ возвыситься до мысли, что невѣжество именно и есть источникъ неправильнаго взгляда евреевъ на талмудъ,—взгляда, который самъ собою искореняется подъ вліяніемъ общаго образованія. Если бы знаніе древне-еврейскаго языка само по себѣ было достаточно для такого подвига, который хотѣлъ совершить посредствомъ него Уваровъ, то евреи сѣверо-западныхъ губерній, между которыми знаніе этого языка распространено издавна, должны были бы отличаться, во время учрежденія училищъ, меньшимъ фанатизмомъ, сравнительно съ евреями юго-западныхъ губерній, а между тѣмъ изъ первой нашей статьи читатели могутъ убѣдиться въ противномъ. И въ самомъ дѣлѣ, опираясь на опытъ, мы можемъ положительно сказать, что на воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, измѣнившихъ свой прадѣдовскій взглядъ на талмудъ, какъ на законченный кодексъ откровенія, болѣе вліяло полученное ими общее образованіе, чѣмъ изученіе древне-еврейскаго языка. Это весьма естественно, потому что для правильнаго понятія о талмудѣ не важно одно только внѣшнее сличеніе его съ пятикнижіемъ, которое можетъ повести въ крайне противоположную сторону, на которой стоятъ ярые противники талмуда, но еще сверхъ того изученіе внутренней, существующей между ними связи, которая можетъ сдѣлаться понятною лишь послѣ сравнительнаго изученія исторіи другихъ народовъ и ихъ законодательствъ. Но какъ бы то ни было, мысль, лежавшая въ основаніи выбора Уваровымъ древне-еврейскаго языка, какъ орудія противъ талмуда, довольно вѣрна, и такія средства, при которыхъ евреи «сами собою безпринужденно постигнутъ свои заблужденія и собственными розысканіями дойдутъ до нелѣпости своихъ народныхъ преданій», говоря языкомъ министра, слѣдуетъ признавать болѣе легкими и удобными, чѣмъ всѣ прочія. Исходя изъ этой точки зрѣнія, надобно сказать,

что засада, устроенная Уваровымъ противъ талмуда, и тѣ средства, къ которымъ слѣдующее затѣмъ министерство прибѣгло для достиженія ея цѣли, при неудовлетвореніи евреевъ во всѣхъ прочихъ, и, надо полагать, главныхъ обѣщаніяхъ, можетъ быть оправдываема одною только искренностію Уварова и убѣжденіемъ его въ истинности привитаго ему взгляда на отношеніе между талмудомъ и пятикнижіемъ. Необходимость создать, не замѣтно для самихъ евреевъ, вычищенный на новый ладъ талмудъ въ образѣ катехизиса, послужила основаніемъ къ изданію для евреевъ разныхъ книгъ и учебниковъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, на которыя потрачены громадныя средства. Между тѣмъ, эти учебники, которые должны были произвести цѣлый переворотъ въ религіозной жизни евреевъ, не оказали на нее никакого вліянія, а наиблистательнѣйшимъ образомъ доказали всю несостоятельность мысли о замѣнѣ талмуда какимъ либо произведеніемъ въ новомъ духѣ или о раскрытіи его нелѣпостей посредствомъ распространенія пятикнижія и грамматикъ еврейскаго языка въ переводѣ на нѣмецкій или русскій языкъ. Результатомъ всей этой системы было одно только наводненіе всѣхъ училищныхъ библіотекъ самыми разнообразными оффиціальными изданіями, которыя насильственно распространялись между меламдами и впослѣдствіи раздавались даромъ учителямъ и воспитанникамъ казенныхъ училищъ—и до сихъ поръ преспокойно обременяютъ полки многихъ казенныхъ библіотекъ, не принося никому никакой пользы. Кромѣ нецѣлесообразности, вообще, изданія всѣхъ этихъ сочиненій, они могли бы имѣть еще какое нибудь значеніе, если бы они издавались въ переводѣ на русскій языкъ; но они, къ сожалѣнію, издавались въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, который въ то время уже потерялъ прелесть новизны, а въ настоящее время и подавно не можетъ привлечь къ себѣ вниманіе еврейской молодежи, такъ какъ теперь уже есть такія изданія въ переводѣ на русскій языкъ. Невольно задаешь себѣ вопросъ: для чего и кому нужны были всѣ эти библіи, маймониды, грамматики и «кводъ-мелехи», которые поглотили десятки тысячъ рублей, ни на-волосъ не помогая дѣлу образованія евреевъ. Недаромъ всѣ эти изданія вызвали цѣлую бурю и разныя «вопли еврейскаго народа», которые справедливо указывали правительству на безполезную трату средствъ, расточавшихся на личную пользу издателей, но падавшихъ тяжелымъ

бременемъ на бѣдный классъ евреевъ, такъ какъ расходы на изданія правительства покрывались на счетъ суммъ свѣчнаго сбора. Евреи справедливо спрашивали у правительства, на что имъ всѣ эти книги, весь этотъ хламъ, вновь издаваемый г. Мандельштамомъ, и гдѣ тѣ ремесленныя заведенія, или, какъ выражались евреи, тѣ фабрики, которыя правительство обѣщало открывать для нихъ? Не лучше-ли было бы, спрашивали евреи, всѣ суммы, растраченныя на изданія Мандельштама, употреблять на учрежденіе ремесленныхъ школъ, т. е. на открытіе тѣхъ дополнительныхъ курсовъ, которые, по основной идеѣ правительства, должны были составить сущность еврейскихъ училищъ? На всѣ эти вопросы отвѣта не было дано, а система изданій одержала верхъ подъ покровительствомъ министерства, не смотря на протесты многихъ еврейскихъ обществъ, которыя, вслѣдствіе этого, должны были отшатнуться отъ еврейскихъ училищъ. Желая быть совершенно беспристрастнымъ, мы постараемся передать подробно всѣ обвиненія со стороны еврейскихъ обществъ противъ изданій г. Мандельштама и всѣ оправданія, которыя выставлялись защитниками правительственной системы, ожидая, разумѣется, разъясненія этого важнаго вопроса со стороны самаго г. Мандельштама, на которомъ до сихъ поръ лежитъ нравственная отвѣтственность предъ еврейскимъ народомъ. Не желая произнести приговора, мы надѣемся, что въ рукахъ его найдутся, быть можетъ, достовѣрныя данныя для оправданія той роли, которую онъ игралъ въ этомъ дѣлѣ. Дай богъ, чтобы наши ожиданія сбылись [1])!

Обвиненія противъ г. Мандельштама относятся къ двумъ предметамъ: 1) къ свѣчному сбору и 2) къ изданію еврейскихъ религіозныхъ книгъ. А потому мы должны о каждомъ изъ нихъ говорить отдѣльно.

Всеобщее нерасположеніе, съ какимъ евреи встрѣтили свѣчной сборъ, правительственныя сферы приписывали тому, что онъ пред-

[1]) Насколько намъ извѣстно, въ рукахъ г. Мандельштама дѣйствительно имѣются ясныя данныя, выгораживающія его лично, хотя и не опровергающія самые факты безполезной траты громадныхъ суммъ, выжатыхъ изъ бѣднѣйшаго класса евреевъ. Безъ сомнѣнія г. Мандельштамъ воспользуется появленіемъ настоящей статьи для обнародованія этихъ данныхъ.

Изд.

назначенъ на учрежденіе училищъ отъ правительства. Между тѣмъ основанія этого нерасположенія были совсѣмъ другія. Какъ извѣстно уже, свѣчной сборъ долженъ былъ войти въ дѣйствіе съ начала 1846 г., но коммиссіонеры, принявшіе на себя взиманіе свѣчнаго сбора, вслѣдствіе того, что откупное содержаніе его не имѣло успѣха, почти ничего не сдѣлали до второй половины 1847 г. Причиною этихъ неблагопріятныхъ результатовъ были довольно серьезныя обстоятельства, а именно то, что возникновеніе свѣчнаго сбора и начало его взиманія совпали съ годами пожаровъ, неурожая и холеры, которые довели евреевъ западныхъ губерній до такой бѣдности, что Министерство Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, признало справедливымъ, вслѣдствіе представленія о томъ главныхъ мѣстныхъ начальствъ, сложить съ евреевъ недоимку свѣчнаго сбора за 1846 г. всю, а за 1847 и 1848 годы до 50%. Всѣ эти облегченія не привели, однако, къ желанной цѣли, а потому государственный совѣтъ положилъ: войти министру внутреннихъ дѣлъ, по сношенію съ министромъ народнаго просвѣщенія и министромъ финансовъ, въ ближайшее соображеніе, не удобнѣе ли будетъ большую часть свѣчнаго сбора взимать съ купцовъ соразмѣрно гильдейскимъ капиталамъ, а остальную часть распредѣлить между еврейскими обществами по числу ревизскихъ душъ, въ видѣ добавки къ подушной подати. Но до разрѣшенія этого предложенія, одно изъ министерствъ нашло необходимымъ сдѣлать распоряженіе о собраніи о разныхъ еврейскихъ обществахъ статистическихъ данныхъ, которыя могли бы указать на дѣйствительное соотношеніе между населеніемъ и средствами общества, дабы сдѣлалось возможнымъ устранять неуравнительность налоговъ по числу душъ и принять, при обложеніи свѣчнымъ сборомъ, во вниманіе также и степень благосостоянія обществъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что весьма серьезныя причины служили препятствіемъ къ правильному взиманію свѣчнаго сбора по правиламъ 1845 г.,—причины, которыя побудили правительство каждый разъ прибѣгать къ изысканіямъ новыхъ способовъ взиманія этого сбора и къ средствамъ, которыя сдѣлали бы его менѣе тягостнымъ для евреевъ. Затѣмъ, рядомъ съ этими внѣшними причинами, дѣйствовали еще и другія въ томъ же направленіи: какъ извѣстно, свѣчной сборъ первоначально отданъ былъ въ вѣдѣніе министер-

ства Народнаго Просвѣщенія, а потому губернскія начальства обращали преимущественное вниманіе на взысканіе съ евреевъ государственныхъ податей, для взысканія которыхъ употреблялись строгія мѣры, такъ какъ оно лежало на ближайшей ихъ отвѣтственности. При такихъ обстоятельствахъ евреи узнали, что свѣчной сборъ, который взимался съ нихъ коммиссіонерами, дѣйствовавшими въ этомъ дѣлѣ болѣе чѣмъ произвольно, и былъ предназначенъ на учрежденіе для нихъ училищъ съ дополнительными реальными курсами,—что этотъ свѣчной сборъ, который уплачивался ими пòтомъ и кровію, не смотря на господство неурожаевъ, пожаровъ и холеры, употребляется на изданіе религіозныхъ книгъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Нельзя, поэтому, удивляться тому, что евреи со всѣхъ сторонъ возставали на эту правительственную мѣру и съ такою настойчивостью преслѣдовали свою цѣль. Если въ тонѣ ихъ жалобъ видно нѣкотораго рода озлобленіе, то это нельзя приписывать фанатизму, который стремился, будто, подорвать въ корнѣ придуманную правительствомъ систему преобразованія евреевъ; напротивъ, евреи, возставая противъ изданія книгъ Мандельштама, требуютъ осуществленія главныхъ основаній образованія евреевъ во всемъ ихъ объемѣ, т. е. именно того, что предначертано было правительствомъ и что признано было раввинскою коммиссіею 1842 г. Они только вопіютъ о безполезности и даже вредности потраты громадныхъ средствъ на изданіе никому не нужныхъ книгъ.

Обвиненія, касающіяся злоупотребленій свѣчнымъ сборомъ, состояли, на сколько намъ достовѣрно извѣстно, въ слѣдующемъ:

Евреи говорили, что большая часть свѣчнаго сбора поглощается изданіями г. Мандельштама и что сборъ этотъ отдавался безъ торговъ коммиссіонерамъ, будто самимъ Мандельштамомъ подставленнымъ. Злоупотребленія коммиссіонеровъ, по мнѣнію евреевъ, состояли въ томъ, что, не довольствуясь уступкою въ ихъ пользу извѣстнаго процента со всего сбора и на убыль евреевъ (вслѣдствіе холеры), показанныхъ по разряднымъ спискамъ, они дѣлаютъ переборы, а въ казну не вносятъ и ¼ части собранной ими суммы. Кромѣ того коммиссіонеры одни пользуются льготами, дарованными евреямъ въ отношеніи свѣчнаго сбора въ 1847 и послѣдующихъ годахъ, сами взимаютъ полный сборъ и въ казну представляютъ деньги за исключеніемъ льготныхъ. Затѣмъ евреи говорили также, что въ 1849 г.

взносъ свѣчнаго сбора разрѣшенъ былъ самимъ обществомъ подъ круговое ихъ поручительство, между тѣмъ какъ коммиссіонеры продолжали пользоваться 14% со всего сбора. Независимо отъ всего этого, недоимки по свѣчному сбору, по мнѣнію евреевъ, недостаточно обезпечены были коммиссіонерами и всѣ жалобы на дѣйствія ихъ оставались безъ послѣдствій.

Защитники г. Мандельштама выставляли противъ этихъ обвиненій слѣдующія оправданія:

Во первыхъ, они отрицаютъ участіе г. Мандельштама въ составленіи правилъ свѣчнаго сбора, на томъ основаніи, что правила эти составлены были въ 1845 г., а г. Мандельштамъ опредѣленъ былъ при министерствѣ гораздо позже. Свѣчной сборъ отдавался безъ торговъ коммиссіонерамъ потому, что откупное содержаніе не имѣло успѣха, а хозяйственное управленіе свѣчнымъ сборомъ тоже не представляло достаточной гарантіи. Затѣмъ въ 1849 г. постановлено было продолжать сборъ по прежнему и, не объявляя торговъ, оставить его въ рукахъ прежнихъ коммиссіонеровъ, если они оказались исправными и изъявятъ на то согласіе. Вслѣдствіе этого указа сената, отъ 14 января 1849 года, откупщики отказались отъ сбора, и контракты заключены были опять съ коммиссіонерами. Относительно уступки въ пользу коммиссіонеровъ извѣстнаго процента всего сбора, защитники г. Мандельштама говорили, что эта уступка весьма выгодна для правительства, сравнительно съ вознагражденіемъ, назначеннымъ за трудъ откупщикамъ; извѣстный же процентъ на убыль положенъ по случаю холеры и перехода евреевъ изъ одного мѣста въ другое. Пользованіе со стороны коммиссіонеровъ льготами, предоставленными еврейскимъ обществамъ, защитники г. Мандельштама оправдывали тѣмъ, что о льготахъ этихъ въ свое время публиковалось въ вѣдомостяхъ, а потому тѣ общества, которыя приняли на себя круговое поручительство, сами могли представлять въ управленія учебныхъ округовъ деньги за исключеніемъ льготныхъ. Затѣмъ они полагаютъ, что недоимки по свѣчному сбору произошли отъ несвоевременнаго и неправильнаго составленія думами разрядныхъ списковъ и отъ холеры, и что предоставленіе коммиссіонерамъ извѣстнаго процента со сбора и въ 1849 г. объясняется ихъ опытностію въ дѣлѣ и принятою ими на себя отвѣтственностью за недоимки. Злоупотребленія же коммис-

сіонеровъ, вѣроятно, откроются по квитанціоннымъ книгамъ, а по нѣкоторымъ жалобамъ на ихъ дѣйствія производятся изслѣдованія по принадлежности.

На эти возраженія евреи представляли дальнѣйшія обвиненія.

Они утверждали, что г. Мандельштамъ уже состоялъ при министерствѣ въ то время, когда свѣчной сборъ отдавался коммиссіонерамъ; отсюда онѣ выводятъ, что онъ будто принималъ участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла. Неуспѣшность торговъ евреи приписываютъ несвоевременному изготовленію разрядныхъ списковъ. Притомъ, говорятъ они, даже при несостоявшихся торгахъ слѣдовало бы учредить временное хозяйственное управленіе и объявить, между тѣмъ, новые торги, какъ предписывается правилами свѣчнаго сбора. Затѣмъ, по представленію одного только попечителя учебнаго округа о передачѣ свѣчнаго сбора коммиссіонерамъ, предписано было о томъ-же всѣмъ прочимъ попечителямъ. Кромѣ того, евреи утверждаютъ, что коммиссіонеры предложены были попечителямъ свыше и избраны были не изъ благонадежныхъ евреевъ, а изъ бѣдныхъ приказчиковъ, которые служили только фирмою, а настоящими коммиссіонерами были совсѣмъ другія лица. Далѣе, по окончаніи перваго трехлѣтія, говорятъ евреи, когда всѣ убѣдились въ томъ, что коммиссіонеры нажили состояніе, и разрядные списки уже были изготовлены, новые торги были бы успѣшны и откупщики довольствовались бы меньшими, противъ коммиссіонеровъ, процентами; между тѣмъ сборъ былъ отданъ прежнимъ содержателямъ, не смотря на то, что во время ихъ управленія свѣчнымъ сборомъ допущены были огромныя недоимки, въ особенности въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, гдѣ почти ничего не было взыскано. Десятипроцентная льгота на убыль изъ числа евреевъ по разряднымъ спискамъ доходила въ иныхъ обществахъ до шестидесяти процентовъ всего сбора даже въ 1847 г., когда холеры не было. Переходъ же евреевъ не могъ вліять на недоимку потому, что паспорты не выдавались имъ иначе, какъ по уплатѣ свѣчныхъ денегъ. Льгота на убыль выдавалась только коммиссіонерамъ бѣлорусскаго учебнаго округа, гдѣ, по мнѣнію евреевъ, распространялось вліяніе г. Мандельштама. Затѣмъ, открытіе злоупотребленій коммиссіонеровъ по квитанціоннымъ книгамъ оказалось невозможнымъ потому, что, вопреки правиламъ свѣчнаго сбора, не производилось еже-

годной ихъ повѣрки. Что же касается недоимокъ, то происхожденіе ихъ приписывается несвоевременному изготовленію разрядныхъ списковъ коммиссіонерами, на обязанности которыхъ это лежало по контракту: между тѣмъ какъ коммиссіонеры, объяснивъ происхожденіе недоимокъ холерою, сами воспользовались дарованными по этому случаю льготами, а не общества. При этомъ евреи считаютъ совершенно излишнимъ назначеніе коммиссіонерамъ 14% на 1849 г. потому, что предоставленныя имъ громадныя выгоды далеко превышали ничтожность возложенныхъ на нихъ обязанностей и степень отвѣтственности за оказавшуюся недоимку: вся обязанность коммиссіонеровъ состояла только въ томъ, чтобы донести учебному округу о случаяхъ несодѣйствія полиціи ко взысканію сборовъ; имущественная же отвѣтственность наступала для коммиссіонеровъ только тогда, когда имущество общества оказывалось недостаточнымъ на пополненіе недоимокъ; между тѣмъ, какъ, отвѣчая только за половину всей суммы сбора, коммиссіонеры пользовались 14% съ валоваго дохода, даже въ томъ случаѣ, когда общества сами вносили полную сумму сбора въ управленіе учебнаго округа. Относительно же дѣйствительности злоупотребленій коммиссіонеровъ, евреи ссылаются на донесеніе начальниковъ губерній.

На всѣ эти опроверженія отъ защитниковъ г. Мандельштама не послѣдовало серьезныхъ отвѣтовъ. Они говорили, что утвержденіе будто г. Мандельштамъ состоялъ при министерствѣ въ то время, когда свѣчной сборъ отдавался коммиссіонерамъ, не имѣетъ никакого основанія. По нѣкоторымъ пунктамъ новыхъ обвиненій они ссылались на выписанныя выше возраженія противъ первоначальныхъ обвиненій, нѣкоторыя же обвиненія ими признавались. Единственно серьезный отвѣтъ, заслуживающій уваженія, касается того обстоятельства, почему свѣчной сборъ не отдавался съ торговъ въ 1849 г., когда разрядные списки были уже готовы. Защитники указали въ этомъ отношеніи на указъ правительствующаго сената 14 января 1849 г., а также и на то, что откупщики отказались оставить за собою продолженіе сбора. Кромѣ того они утверждали еще и то, что производство торговъ во время холеры, или тотчасъ послѣ нея, не могло бы имѣть никакихъ выгодныхъ послѣдствій. Если мы прибавимъ ко всему этому еще и то опроверженіе, что отвѣтственность коммиссіонеровъ за половину суммы свѣчнаго сбора относится только

до послѣдняго 1849 г. и до тѣхъ обществъ, которыя не приняли на себя круговыхъ поручительствъ, то мы сдѣлаемъ все, что только могли сдѣлать для добросовѣстнаго изложенія существенныхъ оправданій.

Всѣ обвиненія, однако, основательно указывая на злоупотребленія свѣчнымъ сборомъ, очень мало доказываютъ участіе г. Мандельштама въ этомъ дѣлѣ. Если они говорятъ, что его вліяніе было сильно въ бѣлорусскомъ округѣ, гдѣ болѣе всего было злоупотребленій по свѣчному сбору, и что родственники г. Мандельштама, какъ коммиссіонеры свѣчнаго сбора, скрывались подъ фирмою другихъ лицъ, то это не подтверждается доказательствами. Вѣрнѣе же всего слѣдуетъ полагать, что евреи, считая г. Мандельштама, какъ издателя религіозныхъ книгъ на счетъ свѣчнаго сбора, главнымъ виновникомъ всѣхъ притѣсненій въ отношеніи взиманія налога, приписывали ему и всѣ злоупотребленія. Но что злоупотребленія были—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Доказательствомъ тому служатъ правила 31 декабря 1851 г. о мѣрахъ къ устройству свѣчнаго сбора съ евреевъ, вызванныя злоупотребленіями откупной системы и коммиссіонеровъ. Комитетъ объ устройствѣ евреевъ 1851 г., находя, что отдѣленіе свѣчнаго сбора въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія соединено со многими неудобствами, вслѣдствіе того, что операція свѣчнаго сбора лишена содѣйствія и надзора губернскаго начальства, обратилъ на это дѣло особое вниманіе управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, куда обращено было разсмотрѣніе предположенія о присоединеніи сбора съ шабашныхъ свѣчей къ общимъ коробочнымъ доходамъ. Затѣмъ, представленіе управляющихъ Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ, мнѣніе котораго получило Высочайшее утвержденіе 31 декабря 1851 г. Въ правилахъ, изложенныхъ въ этомъ мнѣніи государственнаго совѣта, постановлено: назначеніе коммиссіонеровъ, агентовъ или откупщиковъ для взиманія свѣчнаго сбора отмѣнить и производившійся имъ донынѣ отпускъ процентовъ съ валоваго дохода отъ сего сбора прекратить. Вмѣстѣ съ тѣмъ установляется новая система взиманія свѣчнаго сбора; общій итогъ свѣчнаго съ евреевъ сбора полагается въ 230.000 р. и установляется съ 1853 г. въ видѣ

опыта на три года. Сумма общаго сбора распредѣляется ежегодно Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ между еврейскими обществами, по возможности сообразно съ ихъ состояніемъ и соотвѣтственно съ количествомъ коробочныхъ отпускныхъ доходовъ. Каждое общество составляетъ внутреннюю раскладку причитающейся съ него суммы, примѣняясь къ правиламъ, постановленнымъ для государственныхъ податей, и по наставленіямъ, какія будутъ преподаны Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Недоимочный взносъ сбора, слѣдующаго съ каждаго общества, лежитъ на полной его отвѣтственности, причемъ общество съ своей стороны понуждаетъ неисправныхъ плательщиковъ мѣрами, предписанными для взиманія государственныхъ податей. Наблюденіе за правильнымъ поступленіемъ суммъ свѣчнаго сбора возлагается на городскія учрежденія подъ руководствомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Кромѣ того, до истеченія назначеннаго для дѣйствія этихъ правилъ трехлѣтняго срока, Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется войти въ соображеніе и представить, куда слѣдуетъ, заключеніе свое о возможности взиманія этого сбора въ видѣ косвеннаго налога по числу зажигаемыхъ евреями свѣчей [1]). Такимъ образомъ евреи избавлены были отъ угнетателей коммиссіонеровъ, которые, сверхъ слѣдовавшаго въ казну сбора и собственнаго заработка, должны были еще тратить громадныя средства на обширную администрацію, на содержаніе конторъ и повѣренныхъ, на сношенія съ полиціею, на понужденіе обществъ ко взносу свѣчныхъ денегъ, на разъѣзды, на полученіе и пересылку денегъ, на собраніе свѣдѣній о способѣ уплаты сбора обществами для соображеній при составленіи новыхъ правилъ, на веденіе отчетностей и т. п. А потому, въ виду тѣхъ притѣсненій, которымъ неминуемо должны были подвергаться евреи при существованіи откупной и комиссіонерской системы, признанной вредною самимъ правительствомъ, нельзя согласиться съ господствовавшимъ въ высшихъ административныхъ сферахъ мнѣніемъ, будто евреи изъ религіознаго фанатизма дѣйствовали противъ свѣчнаго сбора. Изъ представленныхъ выше данныхъ читатели, мы думаемъ, могли убѣ-

---

[1]) Сборн. постан. по Мин. Нар. Просв. 1825—1855 г. стр. 1124—1126.

*

диться въ томъ, что евреи возставали не противъ самаго свѣчнаго сбора, а противъ способа взиманія его и укоренившихся при немъ злоупотребленій. Если же оказывались на евреяхъ недоимки по этому сбору, то онѣ оправдываются чрезвычайными обстоятельствами, каковы: неурожай, пожары и холера, которыя приняты были самимъ правительствомъ въ основаніе сложенія съ евреевъ недоимокъ за цѣлые годы и облегченія имъ взиманія этого сбора на будущее время. При знаніи этихъ обстоятельствъ, становится довольно непонятнымъ, какимъ образомъ могло утвердиться такое ложное убѣжденіе относительно евреевъ [1]).

Теперь перейдемъ къ другимъ и самымъ главнымъ обвиненіямъ по изданію религіозныхъ книгъ.

Мы уже сказали выше, что изданія г, Мандельштама имѣютъ свое начало въ ложномъ представленіи Уварова о талмудѣ, которое повело къ необходимости замѣны его катехизисомъ. Изъ приведенныхъ главныхъ основаній образованія евреевъ и изъ многихъ мѣстъ доклада Уварова читатели могли видѣть, что отчужденіе еврвъ отъ кореннаго населенія считалось послѣдствіемъ религіознаго фанатическаго ученія, основаннаго на талмудѣ. Но какъ народной религіи нельзя было уничтожить ни равнодушіемъ, ни гоненіемъ, или какъ говоритъ Уваровъ, народы не истребляются [2]), то, въ видахъ религіозно-нравственнаго преобразованія

[1]) Вся эта исторія свѣчнаго сбора невольно приводитъ намъ на память характерный анекдотъ одного изъ бывшихъ учителей раввинскаго училища, всегда относившагося иронически ко всѣмъ явленіямъ жизни. Когда онъ говорилъ о свѣчномъ сборѣ, онъ никогда не забывалъ о слѣдующемъ анекдотѣ: становой приставъ принимаетъ относительно одного еврея, живущаго въ мѣстечкѣ, понудительныя мѣры къ уплатѣ свѣчнаго сбора, при чемъ указываетъ ему на всю пользу просвѣщенія его единовѣрцевъ. Сдѣлайте что угодно, ваше благородіе, а у меня никакихъ средствъ нѣтъ, кромѣ вонъ этой козы, которая есть кормилица всего моего семейства; возмите ее, коли хотите, и я убѣждусь въ томъ, что просвѣщеніе хорошо, но что худо остаться безъ хлѣба. Приставъ угомонился и остановилъ свои мѣры, но не замедлилъ написать въ рапортѣ своемъ не ту картину, которая представлялась его взорамъ, а то, что невѣжественные евреи уклоняются отъ исполненія благодѣтельныхъ мѣръ правительсıва, относительно ихъ образованія.

[2]) Допол. къ сбор. постан. по М. Н. Пр.1803—1864 г. стр. 700.

еврейскаго народа, признано полезнымъ употребить религію орудіемъ для цѣлей правительства и учредить особыя еврейскія училища, въ которыхъ, для убѣжденія евреевъ въ неприкосновенности ихъ религіи, ученіе ихъ вѣры должно было преподаваться по еврейскому закону. Сообразно съ этимъ, комитетъ объ устройствѣ евреевъ 1841 г. постановилъ: не закрывая евреямъ доступа въ общія заведенія Имперіи, учредить особыя еврейскія училища, въ которыхъ образованіе учредить болѣе нравственное, чѣмъ ученое, и, не уничтожая на первый разъ талмуда, предоставить раввинамъ составленіе краткаго катехизиса. Для ослабленія же вреднаго вліянія талмуда постановлено ввести преподаваніе древне-еврейскаго языка; прочіе же предметы преподавать по русски, но въ слѣдствіе недостатка учителей, знающихъ русскій языкъ, дозволить временно преподавать и на нѣмецкомъ языкѣ. Затѣмъ, въ 1842 году утвержденъ былъ докладъ комитета объ устройствѣ евреевъ, объ учрежденіи при министерствѣ временной раввинской коммиссіи для обсужденія способовъ къ устройству образованія евреевъ и ограниченія меламдовъ. Въ исполненіе всѣхъ этихъ мѣръ, высочайше утверждены были главныя основанія образованія евреевъ, которыя прежде считались секретными, а нынѣ обнародованы и приведены нами выше въ общихъ чертахъ изъ сборника постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Изъ нѣкоторыхъ статей сказанныхъ главныхъ основаній, можно видѣть въ чемъ выразилось стремленіе правительства къ уничтоженію талмуда. Между тѣмъ раввинская коммиссія 1842 г. нашла, что введеніе катехизиса вмѣсто талмуда было бы противно религіознымъ убѣжденіямъ евреевъ, такъ какъ по религіознымъ ихъ постановленіямъ законъ вѣры долженъ быть изучаемъ подробно, а не въ извлеченіи, и по подлиннымъ источникамъ. Даже болѣе просвѣщенные члены раввинской коммиссіи признали введеніе катехизиса мѣрою преждевременною, а потому правительство, не желая возбудить противъ себя евреевъ рѣшительными дѣйствіями, согласилось съ мнѣніемъ раввинской коммиссіи; но съ другой стороны, имѣя въ виду Высочайшую волю, выраженную въ главныхъ основаніяхъ образованія евреевъ, объ ограниченіи талмудическаго ученія, Министерство Народнаго Просвѣщенія не могло остановиться на мысли о преподаваніи еврейскаго закона вѣры по религіознымъ ихъ источникамъ,

такъ какъ съ признаніемъ этой необходимости пришлось бы совершенно отказаться, по мнѣнію министерства, отъ осуществленія плана правительства по отношенію къ ослабленію талмудическаго ученія и возвратиться къ старой системѣ обученія евреевъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія не обратило вниманія на то, что безъ всякихъ искуственныхъ мѣръ можно было бы достигнуть искорененія предразсудковъ, основанныхъ на ложномъ понятіи о талмудѣ, что прадѣдовскіе взгляды на религіозные источники исчезали бы незамѣтно для самихъ евреевъ подъ вліяніемъ общаго образованія, предполагавшагося по главнымъ основаніямъ въ еврейскихъ училищахъ, какъ это дѣйствительно и было впослѣдствіи. Но, къ сожалѣнію, правительство не могло сразу отрѣшиться отъ принятой системы, и, убоясь талмуда, какъ главнаго развратителя евреевъ, рѣшилось во что бы то ни стало принять противъ него мѣры, если не изданіемъ катехизиса, то по крайней мѣрѣ другими средствами. Въ этихъ видахъ Министерство Народнаго Просвѣщенія остановилось на необходимости изданія, по крайней мѣрѣ, необходимѣйшихъ религіозныхъ книгъ евреевъ, съ исключеніемъ изъ нихъ всѣхъ опасныхъ мѣстъ, проникнутыхъ вреднымъ талмудическимъ ученіемъ, дабы съ одной стороны успокоить евреевъ на счетъ неприкосновенности ихъ вѣры, а съ другой—положить начало очищенію преподаванія отъ заблужденій талмуда. Согласно съ этимъ, правительство признало необходимымъ издать: извлеченіе изъ Маймонида, Мишну, Библію, молитвенникъ и азбуку съ грамматическими упражненіями. И какъ только обнародовано было официальное объявленіе о печатаніи этихъ книгъ на счетъ свѣчнаго сбора, разныя еврейскія общества начали протестовать противъ этихъ мѣръ правительства.

Протесты эти состояли въ слѣдующемъ:

Г. Мандельштамъ заключилъ контрактъ съ министерствомъ на сочиненіе 5 религіозныхъ книгъ для еврейскихъ училищъ, съ вознагражденіемъ отъ 25 до 100 руб. съ листа, какъ за текстъ и чужіе комментаріи, такъ и за переводъ, а именно: 1) Маймонида, свода религіозныхъ законовъ съ комментаріями, въ объемѣ болѣе 200 печатныхъ листовъ, по 100 р. за листъ. 2) Библіи съ комментаріями—до 600 листовъ по 50 р. за листъ; 3) Мишны—до 300 листовъ, по 25 р. за листъ; 4) молитвенника—до 50 лист. по 25 р. за листъ и 5) азбуки еврейской съ грамматическими упражненіями—до 70 листовъ, по 100 р. за листъ. За сочиненіе этихъ книгъ г. Мандельштамъ получаетъ до 70 тысячъ рублей изъ свѣчнаго сбора, откуда будетъ израсходовано столько-же на бумагу и печать.

Книги эти, какъ давно употребительныя между евреями, вовсе не сочинены и не переведены г. Мандельштамомъ, который не сдѣлалъ въ нихъ никакихъ измѣненій, а только списалъ ихъ при помощи другихъ лицъ и представилъ эти списки въ качествѣ манускриптовъ.

Содержаніе изданныхъ г. Мандельштамомъ книгъ противно духовнымъ и государственнымъ законамъ и не приспособлено къ дѣтскимъ понятіямъ. Книги эти содержатъ въ себѣ трактаты, недоступные дѣтскому пониманію, а также совершенно безполезныя статьи объ астрономіи и химіи и много вредныхъ статей, возбуждающихъ ненависть къ иновѣрцамъ.

Не собрано никакихъ свѣдѣній у евреевъ, существуютъ ли у нихъ такія книги, а нѣмецкій переводъ совершенно излишенъ, такъ какъ еврейскій текстъ печатается съ разрѣшенія цензуры, а потому онъ не можетъ заключать въ себѣ ничего противозаконнаго.

Кромѣ налога свѣчнаго сбора, на сумму котораго печатаются эти книги, изданія министерства составляютъ новый тягостный налогъ на евреевъ, такъ какъ департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, особымъ печатнымъ объявленіемъ, далъ знать еврейскимъ обществамъ, что книги, изданныя министерствомъ, въ числѣ 10,000 экземпляровъ каждая, обязательны для еврейскихъ училищъ.

Въ печатномъ объявленіи министерства говорится, что книги эти разсмотрѣны и одобрены 12 раввинами и учеными; но во первыхъ, раввины эти избраны самимъ г. Мандельштамомъ, и во вторыхъ, они не давали никакихъ одобреній, а только отзывы о томъ, что книги эти могутъ быть преподаваемы въ училищахъ.

Въ объявленіи этомъ, напечатанномъ на русскомъ и еврейскомъ языкахъ, въ русскомъ текстѣ сказано, что упомянутыя книги разсмотрѣны и одобрены были первѣйшими раввинами изъ евреевъ, а въ еврейскомъ переводѣ объявленія, сдѣланномъ самимъ г. Ман-

дельштамомъ, сказано, что текстъ этихъ книгъ былъ извѣстенъ и виденъ знатнѣйшими раввинами.

Убѣдившись въ маломъ сбытѣ книгъ своихъ, г. Мандельштамъ началъ притѣснять меламдовъ, сдѣлавъ для нихъ обязательнымъ полученіе, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ на право обученія дѣтей, и двухъ частей Маймонида за 3 руб. 30 коп.

Не лучше ли было эти книги, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, дозволить къ ввозу изъ-за границы, а суммы свѣчнаго сбора, поглощаемыя Мандельштамомъ, употребить на заведеніе фабрикъ и обученіе еврейскихъ мальчиковъ ремесламъ и на учрежденіе впослѣдствіи полезныхъ училищъ?

Въ этомъ заключается сущность протестовъ еврейскихъ обществъ.

Защитники г. Мандельштама ссылались въ своихъ возраженіяхъ на соображенія, изложенныя выше въ краткомъ очеркѣ историческаго происхожденія мысли о необходимости изданія на первыхъ порахъ самыхъ употребительныхъ между евреями книгъ, при чемъ указывали на 13 п. Высочайше утвержденныхъ 13 ноября 1844 г. главныхъ основаній образованія евреевъ, по которому съуживается кругъ преподаванія еврейскихъ предметовъ и имѣется въ виду, если не при самомъ началѣ, то, по крайней мѣрѣ, при первой представляющейся возможности, отклонить всѣ излишнія философскія умозрѣнія комментаторовъ талмуда. Затѣмъ защитники утверждаютъ, что, хотя книги, издаваемыя министерствомъ, существовали съ давнихъ временъ, но онѣ стоили очень дорого и не были приспособлены къ цѣли правительства и къ употребленію въ училищахъ. Такъ Маймонидъ безъ перевода стоилъ до 20 руб., а теперь съ переводомъ будетъ стоить около 6 руб.; Библія съ нѣмецкимъ (но еврейскимъ шрифтомъ печатаннымъ) переводомъ стоила до 35 р., а теперь съ нѣмецкимъ переводомъ и нѣмецкимъ шрифтомъ — до 18 руб. Кромѣ того представляется еще та выгода, что при второмъ изданіи цѣны эти еще уменьшены будутъ на половину, такъ какъ тогда будетъ исключена та сумма, которая теперь дается Мандельштаму за право литературной собственности. Составленіе религіозныхъ учебниковъ для училищъ поручено было Мандельштаму, какъ лицу извѣстному министерству. Цѣна за трудъ Мандельштама назначена выше обыкновенной потому, что для такого громаднаго труда необходимо было ему пригласить еще другихъ образованныхъ сотрудниковъ.

Первоначально предполагалась плата только за 1,000 листовъ въ 50,000 р., но потомъ, когда признано было нужнымъ увеличить число статей Маймонида, то плата увеличилась до 60,000 р. Кромѣ того, при заключеніи контракта съ Мандельштамомъ, не имѣлось даже въ виду платить Мандельштаму денегъ, такъ какъ одинъ изъ виленскихъ купцовъ, по особому контракту, обязался возвратить министерству всю, употребленную этимъ послѣднимъ на пріобрѣтеніе отъ разныхъ авторовъ рукописей, сумму соотвѣтствующимъ числомъ экземпляровъ отпечатанной имъ книги; но вслѣдствіе того, что этотъ подрядчикъ оказался неисправнымъ и контрактъ съ нимъ былъ уничтоженъ, министерство должно было уже принять этотъ расходъ на свой счетъ. Но зато защитники надѣялись, что всѣ издержки, заимствованныя изъ свѣчнаго сбора на изданіе учебниковъ, будутъ возвращены продажею этихъ книгъ, а если бы и не всѣ издержки были возвращены, то потеря эта перевѣшивалась бы тою выгодою, какая извлечена будетъ въ нравственномъ отношеніи отъ изданія благонадежныхъ учебниковъ.

Что касается Маймонида, то защитники Мандельштама утверждаютъ, что трудъ по изданію его состоялъ въ извлеченіи изъ 4 частей in folio необходимѣйшихъ статей о религіозныхъ обрядахъ и законоположеніяхъ евреевъ и въ составленіи совершенно новаго перевода этихъ статей на нѣмецкій языкъ. При томъ нужно было еще пересмотрѣть и сократить комментаріи къ Маймониду и прибавить къ нимъ филологическія замѣчанія. Особенно же важно, по мнѣнію защитниковъ, изданіе Маймонида потому, что книга эта составляетъ полнѣйшій сводъ еврейскихъ религіозныхъ узаконеній, по которому впослѣдствіи можно будетъ составить катехизисъ, долженствующій замѣнить талмудъ.

Относительно недоступности Маймонида для дѣтскаго возраста защитники Мандельштама приводятъ то, что Маймонидъ назначаетъ свое сочиненіе не только для взрослыхъ, но и для дѣтей, что изъ 19 главъ астрономическаго содержанія оставлена только одна, единственно для поддержанія связи между предыдущимъ и слѣдующимъ. Что же касается возбужденія ненависти къ иновѣрцамъ, то защитники Мандельштама говорятъ, что отдѣлъ Май-

монида, на который ссылаются евреи, относится не къ иновѣрцамъ вообще, а къ язычникамъ, и что правительство заинтересовано въ томъ, чтобы не поддерживать господствующаго между евреями фанатиками смѣшенія понятій: иновѣрецъ и язычникъ, а напротивъ, необходимо разъяснить евреямъ изъ самихъ книгъ закона, что язычество, на которое возставалъ Моисей и пророки, не имѣетъ ничего общаго съ Христіанствомъ.

О необходимости изданія Библіи защитники приводятъ то именно, что до министерскаго изданія существовали изданія Библіи со множествомъ комментаріевъ, изъ которыхъ нужно было оставить только два классическихъ, и то въ сокращеніи, и прибавить филологическія, по новѣйшимъ критикамъ, замѣчанія, которыя обнаружили бы неправильное толкованіе талмудистовъ. Кромѣ того, трудъ по изданію Библіи долженъ былъ еще состоять и въ томъ, что печатавшійся до того еврейскими буквами нѣмецкій переводъ слѣдовало переписать нѣмецкими буквами и исправить его по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Затѣмъ защитники Мандельштама указываютъ еще на то, что въ полезномъ направленіи, которое получило изданіе Библіи, можно убѣдиться изъ напечатаннаго уже введенія.

По изданіи молитвенника трудъ г. Мандельштама состоялъ въ исключеніи предосудительныхъ мѣстъ, питающихъ вражду къ иновѣрцамъ, въ сличеніи между собою различныхъ молитвенниковъ и въ исправленіи устарѣвшаго перевода.

О надобности этихъ книгъ не слѣдовало, по мнѣнію защитниковъ г. Мандельштама, спрашивать еврейскія общества, такъ какъ при изданіи ихъ руководствовались правилами 13 ноября 1844 г.

Обязательность изданныхъ министерствомъ руководствъ для частныхъ учебныхъ заведеній вытекаетъ изъ правилъ 13 ноября 1844 г., въ коихъ сказано: «правила о еврейскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и домашнихъ учителяхъ основать на общихъ началахъ, существующихъ по сей части въ имперіи» [1]). На этомъ именно основаніи необходимо ввести въ частныхъ училищахъ тѣ же учебники, что въ казенныхъ училищахъ, тѣмъ болѣе, что въ первыхъ книги съ переводомъ никогда не употреблялись, и безъ нихъ нельзя было бы вывести изъ этихъ заведеній ученія талмуда. По этимъ соображеніямъ министерскія книги печатались въ 10 тысячахъ экземпляровъ, для снабженія каждаго содержателя первокласнаго училища однимъ, а второкласнаго двумя экземплярами.

[1]) Сборн. постан. по Мин. Нар. Просв. 1825—1855 стр. 396. п. 31.

Относительно обращенія г. Мандельштама къ раввинамъ за одобреніемъ министерскаго изданія, защитники его говорятъ, что правительству необходимо было оградить свои изданія авторитетомъ раввиновъ, дабы это изданіе не возбудило противъ себя евреевъ; въ сущности же рѣчь шла о разрѣшеніи нѣкоторыхъ мелочей, которыя, однако, имѣютъ у евреевъ большую важность. Защитники Мандельштама утверждаютъ далѣе, что книги министерства дѣйствительно разсмотрѣны и одобрены раввинами и учеными, но если бы ихъ одобренія даже и не было, то и въ этомъ случаѣ не слѣдовало бы этимъ стѣсняться, имѣя въ виду правила 13 ноября 1844 г., направленныя къ устраненію талмудическаго ученія.

Обязательность для меламдовъ казенныхъ изданій установлена министерствомъ на основаніи приведеннаго выше 31 пункта правилъ 13 ноября 1844 г., а потому Мандельштамъ не могъ имѣть въ этомъ никакого участія.

Что же касается требованія евреевъ объ учрежденіи, на основаніи тѣхъ же правилъ 13 ноября, фабрикъ и ремесленныхъ курсовъ, защитники Мандельштама приводятъ то, что хотя число еврейскихъ училищъ въ числѣ 32 слѣдовало бы удвоить на основаніи тѣхъ благопріятныхъ результатовъ, къ которымъ они привели, но къ этому нельзя еще приступить по недостатку учителей. Дополнительные же курсы сельскаго хозяйства, употребительнѣйшихъ ремеслъ, садоводства, а равно и техническихъ и торговыхъ наукъ, съ примѣненіемъ теоріи къ практикѣ, которые установлены правилами 13 ноября не введены еще по слѣдующимъ причинамъ: Въ перворазрядныхъ училищахъ дополнительные курсы не могли быть еще введены потому, что они не соотвѣтствовали бы ни возрасту учениковъ, ни ограниченности пріобрѣтаемыхъ ими въ этихъ заведеніяхъ свѣдѣній. О введеніи же дополнительныхъ курсовъ въ второразрядныхъ училищахъ заведена переписка, вслѣдствіе мнѣнія попечителя кіевскаго учебнаго округа о пріостановленіи устройства реальныхъ и ремесленныхъ еврейскихъ училищъ до тѣхъ поръ, пока опытъ и успѣхъ учрежденныхъ отъ

правительства училищъ не дадутъ вѣрныхъ указаній, гдѣ и на какихъ основаніяхъ такія заведенія могутъ быть открываемы съ пользою. По мнѣнію попечителя, слѣдуетъ прежде пріучить евреевъ къ казеннымъ училищамъ, чтобы они сдѣлались для нихъ необходимыми, а затѣмъ уже приступить къ постепенному осуществленію спеціальныхъ цѣлей правительства относительно реальныхъ училищъ. Преждевременное же открытіе реальныхъ курсовъ могло бы только поддерживать въ евреяхъ довольно сильныя въ нихъ предубѣжденія противъ мѣръ правительства. По мнѣнію защитниковъ г. Мандельштама, этотъ взглядъ нельзя было не признать основательнымъ; между тѣмъ и другіе представители учебной администраціи также встрѣчали препятствія къ открытію дополнительныхъ курсовъ. По этимъ основаніямъ, а равно и по неимѣнію учителей и неокончанію переписки по сему предмету, не могли быть открыты дополнительные курсы.

Евреи, не довольствуясь этими оправданіями, стали выставлять болѣе серьезныя обвиненія.

Прежде всего они указываютъ на употребительныя между ними книги по разнымъ каталогамъ, въ сравненіи съ цѣнами книгъ г. Мандельштама. Они говорятъ, что не можетъ быть никакихъ опасеній относительно введенія катехизиса, потому что онъ употребляется не только между евреями Германіи съ 1812 г., но и введенъ въ Царствѣ Польскомъ и въ еврейскихъ училищахъ Одессы и Умани. Нѣтъ надобности даже въ сочиненіи новаго катехизиса, потому что существуетъ такое огромное множество превосходныхъ его изданій, что трудно отдать преимущество одному изъ нихъ. Цѣна же ихъ колеблется между 12 и 36 копѣйками.

О Маймонидѣ они говорятъ, что въ прежнихъ изданіяхъ онъ занималъ не болѣе 627 листовъ in folio и продавался отъ 6 до 7 р. за экземпляръ. Въ послѣднія же 30 лѣтъ онъ вовсе не издавался, потому что мало употребляется между евреями. Что же касается Библіи, то она съ нѣмецкимъ переводомъ, печатаннымъ еврейскими или нѣмецкими буквами, продавалась различными лицами цѣною отъ 90 к. до 5 р. 40 к., а напечатанная въ Вильнѣ съ нѣмецкимъ переводомъ стоитъ 16 р. 50 к. Кромѣ того лондонское библейское общество охотно раздаетъ Библію даромъ въ десяткѣ тысячъ экземпляровъ. Точно также утверждаютъ евреи, что азбукъ и молитвенниковъ существуетъ множество изданій по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ изданія г. Мандельштама.

Затѣмъ указывается на то, что книги г. Мандельштама перепечатаны изъ давно уже существовавшихъ между евреями книгъ и что переводы заимствованы изъ новѣйшихъ переводовъ, которые найдены г. Мандельштамомъ устарѣвшими. Такъ напримѣръ говорится, что до изданія г. Мандельштама существовалъ уже переводъ 46 главъ Маймонида, ученаго еврея Соловейчика, которымъ воспользовался офиціальный переводчикъ. Переводовъ же Библіи было 16, о которыхъ германскіе ученые отзываются съ похвалою, и самъ г. Мандельштамъ, въ предисловіи къ своей Библіи говоритъ, что онъ оставилъ нѣмецкій переводъ Мендельсона безъ всякаго измѣненія. Азбука же и молитвенникъ г. Мандельштама перепечатаны слово въ слово изъ существовавшихъ до того другихъ изданій.

Указывая, такимъ образомъ, на излишность изданія давно уже существовавшихъ книгъ и переводовъ, евреи находятъ также несоразмѣрною плату, опредѣленную г. Мандельштаму за его мнимое право литературной собственности, и сверхъ того показываютъ, что изъ 111,000 руб., полученныхъ г. Мандельштамомъ за 1,846 листовъ, онъ получилъ лишнихъ денегъ 75,625 руб. за чужіе тексты и комментаріи на 1,325 листовъ, перепечатанныхъ изъ другихъ изданій слово въ слово. Если трудъ г. Мандельштама состоялъ только въ переводѣ, то онъ, такимъ образомъ, получаетъ по 325 р. за листъ, такъ какъ текстъ не его, если же онъ получилъ плату за исключеніе мѣстъ, то за исключеніе 2, 3 мѣстъ изъ одного листа онъ получилъ по 100 руб. Кромѣ того увеличеніемъ шрифта изданіе г. Мандельштама растянуто на 1,120 лишнихъ листовъ, или на 67,392 руб.

Независимо отъ всего этого, обязательная покупка евреями каждой книги изданій г. Мандельштама въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ увеличиваетъ полученную имъ сумму въ 111,000 р. на сумму до 400,000 р., что составляетъ для евреевъ тягостный налогъ. Притомъ въ приведенную сумму не входитъ еще офиціально объявленное изданіе Мишны съ исправленнымъ переводомъ Іоста на сумму въ 150,000 р. Затѣмъ впереди идетъ цѣлая перспектива изданій въ образѣ нѣмецко-еврейскихъ словарей, которые придутся

въ 60,000 р. и проектъ изданія при министерствѣ еврейской газеты, которая составляла бы ежегодный налогъ на евреевъ въ суммѣ 30,000 р. Евреи съ ужасомъ спрашиваютъ, неужели нищая масса должна послѣднюю трудовую свою копѣйку отдать на совершенно безплодныя изданія, въ видѣ тяжкаго налога, который тѣмъ болѣе имъ ненавистенъ, что падаетъ на предметъ религіозный, на самыхъ бѣдныхъ, многодѣтныхъ отцовъ семействъ и что ему не предвидится конца въ будущемъ.

Послѣ этого, евреи переходятъ къ тому, что изданія Мандельштама не только хуже, но и вреднѣе существовавшихъ до того изданій и не приспособлены къ преподаванію въ училищахъ. Маймонидъ, говорятъ евреи, есть сокращеніе талмуда и по авторитету своему занимаетъ послѣ него второе мѣсто. Въ составъ его вошли всѣ безъ исключенія религіозныя постановленія талмуда и всѣхъ законоучителей до XII вѣка. Такимъ образомъ, говорятъ евреи, желая вытѣснить изъ еврейскихъ училищъ талмудъ, этимъ изданіемъ вводятъ въ нихъ тотъ же талмудъ, но съ прибавленіемъ заблужденій позднѣйшихъ учителей и, кромѣ того, вмѣсто прежнихъ фоліантовъ, большею частію никому недоступныхъ, подносится малолѣтнимъ дѣтямъ тотъ же талмудъ на болѣе очищенномъ и удобопонятномъ языкѣ. Маймонидъ, и еще приведенный въ систему, это, по мнѣнію евреевъ, есть ничто иное какъ дистилированный ядъ. Не ограничиваясь этимъ, евреи указываютъ на еще болѣе странное обстоятельство, именно на то, что сокращая Маймонида, издатель долженъ былъ бы исключить всѣ вредныя мѣста, между тѣмъ онъ, напротивъ, внесъ въ свое изданіе мѣста, наиболѣе вредныя и опасныя, какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, евреи указываютъ на то, что въ новомъ изданіи посвящено ученію объ иновѣрцахъ цѣлыхъ 208 страницъ, изъ которыхъ многія дышатъ ненавистью къ иновѣрцамъ вообще [1]). Точно также считается евреями враднымъ въ политическомъ отношеніи трактатъ о царяхъ, въ которомъ, по убѣжденію евреевъ, извращаются понятія объ отношеніяхъ еврейскихъ подданныхъ къ царствующимъ лицамъ. Многія мѣста самимъ г. Мандельштамомъ признаны вредными и не переведены на нѣмецкій языкъ, но оставлены, однако, въ еврейскомъ текстѣ. Для убѣжденія въ вредности Маймонида въ отношеніи нравственномъ, евреи ссылаются на многія мѣста, которыя дѣйствительно неприличны въ печати вообще и тѣмъ болѣе не могутъ быть предметомъ преподаванія для дѣтей первыхъ двухъ классовъ, для которыхъ руководство Маймонида собственно предназначалось. Въ своихъ медицинскихъ наставленіяхъ, Маймонидъ во многихъ мѣстахъ патріархаленъ, и, какъ медикъ, онъ могъ имѣть въ виду предохраненіе взрослыхъ евреевъ отъ веденія неправильной жизни; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы медицинскія правила о совокупленіи сдѣлались предметомъ преподованія для дѣтей. Въ педагогическомъ отношеніи г. Мандельштамомъ, по мнѣнію евреевъ, ничего не сдѣлано при изданіи Майнонида; онъ не далъ себѣ труда расположить его по другой системѣ, въ которой бы обращалось вниманіе на переходъ отъ легчайшихъ статей къ труднѣйшимъ, примѣнительно къ постепенному развитію воспитанниковъ.

[1]) Самъ г. Мандельштамъ переводитъ, по указанію евреевъ, слово акумъ (язычникъ) во многихъ мѣстахъ словомъ не-еврей, разумѣется тамъ, гдѣ такой переводъ представляется болѣе удобнымъ. При всѣхъ указаніяхъ евреи приводятъ томъ и страницы.

Относительно Библіи евреи замѣчаютъ слѣдующее: Предпринятіе офиціальнаго изданія имѣетъ цѣлію устраненіе множества комментаріевъ, признанныхъ вредными; но, по указаніямъ евреевъ, сущеествуетъ множество изданій Библіи безъ всякихъ комментаріевъ. Между тѣмъ г. Мандельштамъ въ своемъ изданіи оставилъ комментатора Раши, толкованія котораго, относящіяся къ Ветхому Завѣту, насквозь пропитаны духомъ и ученіемъ талмуда. Предполагаемый же комментарій г. Мандельштама можетъ быть еще болѣе вреденъ, если судить по отпечатанному имъ предисловію къ Библіи, которое возбуждаетъ противъ себя всеобщій ропотъ евреевъ тѣмъ, что отвергаетъ божественность откровенія и дѣйствительность чудесъ и пророчествъ. Въ молитвенникѣ же Мандельштама сохранились еще мѣста крайне вредныя, исключенныя изъ прежнихъ русскихъ изданій и изъ варшавскаго изданія 1846 г.

Далѣе евреи говорятъ, что для сбыта своихъ изданій г. Мандельштамъ исходатайствовалъ освобожденіе всѣхъ частныхъ учителей отъ экзамена, который замѣняется для нихъ покупкою одного или двухъ полныхъ экземпляровъ его книгъ. Между тѣмъ

испытаніе было единственною гарантіею удовлетворенія требованіямъ воспитанія еврейскаго юношества.

Относительно одобренія офиціальныхъ изданій 12 раввинами, означенными на заглавныхъ листахъ, евреи замѣчаютъ, что представленные г. Мандельштамомъ отзывы выданы ему въ то время, когда онъ на счетъ коробочнаго сбора объѣзжалъ обитаемыя евреями губерніи для вынужденія отъ раввиновъ мнѣнія о его изданіяхъ. Никто не соглашался выдать ему отзывы, но угроза его, что въ случаѣ отказа правительство коснется религіи евреевъ, подѣйствовала только на 12 человѣкъ, изъ которыхъ только три раввина, а остальные—лавочники и купцы, но не ученые. Но содержаніе и этихъ отзывовъ не заключаетъ въ себѣ никакого одобренія плана г. Мандельштама.

Евреи выражаютъ также неудовольствіе на то, что книги переведены на нѣмецкій языкъ, а не на отечественный; они удивляются тому, что г. Мандельштаму нужно было исправлять слогъ и мысли германскихъ ученыхъ евреевъ, какъ будто дѣтямъ русскихъ извощиковъ, сапожниковъ, ветошниковъ и факторовъ западныхъ губерній нуженъ лучшій переводъ, нежели какой сдѣланъ для ихъ германскихъ единовѣрцевъ. Правительство могло бы имѣть, по мнѣнію евреевъ, гораздо большій интересъ направить двухъ-милліонное населеніе своихъ подданныхъ евреевъ къ изученію, чрезъ русскій переводъ Библіи, русской словесности, нежели чрезъ нѣмецкій переводъ—къ изученію раціоналистическихъ сочиненій тогдашней Германіи. При томъ евреи, даже взрослые, читали бы эти книги въ переводѣ на русскій языкъ, такъ какъ они гораздо лучше знаютъ русскій языкъ, чѣмъ книжный и даже разговорный нѣмецкій языкъ; очень многіе могли бы, по мнѣнію евреевъ, научиться при помощи русскаго перевода Библіи русскому языку. Опасеніе же, чтобы чрезъ посредство русскаго перевода Маймонида православные не ознакомились съ заблужденіями талмуда, не могли бы имѣть мѣста, если бы приняли въ соображеніе то, что они могли бы достаточно ясно понять истинное значеніе ученій Маймонида. Если же правительство въ переводѣ на нѣмецкій языкъ желало имѣть вѣрную гарантію въ благонадежности учебниковъ въ цензурномъ и педагогическомъ отношеніяхъ, то оно изъ содержанія многихъ мѣстъ Маймонида и другихъ книгъ могло убѣдиться въ томъ, что оно на этотъ счетъ введено было въ заблужденіе.

Мы не останавливаемся на многихъ частностяхъ въ этой борьбѣ евреевъ съ изданіями г. Мандельштама на счетъ свѣчнаго сбора, потому что приведенныя нами существенныя обвиненія имѣютъ въ настоящее время только значеніе болѣе точнаго разъясненія и охарактеризованія этой борьбы, знаменующей второй періодъ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Почему въ настоящее время эти обвиненія имѣютъ только указанное нами значеніе, мы постараемся указать ниже, когда мы закончимъ догматическую часть статьи.

Противъ этихъ обвиненій защитники изданій г. Мандельштама выставляютъ слѣдующее:

Они признаютъ, что введеніе катехизиса дѣло очень легкое, но надобно ввести такой катехизисъ, который бы замѣнилъ талмудъ, а эта задача уже въ высшей степени трудна и она не выполнена ни Одесскимъ, ни Уманскимъ, ни Варшавскимъ катехизисомъ. Затѣмъ они указываютъ на то, что въ Царствѣ Польскомъ катехизисъ преподается въ одной только Варшавѣ, а масса смотритъ на это нововведеніе какъ на ересь. Относительно болѣе дешевыхъ цѣнъ употребительныхъ между евреями изданій, защитники говорятъ, что они въ этомъ сомнѣваются и что, вообще, они не имѣютъ свѣдѣній о существованіи подобныхъ изданій.

Въ опроверженіе того, что текстъ и переводъ изданныхъ г. Мандельштамомъ книгъ не составляютъ его собственности, потому что существовали еще прежде, защитники его приводятъ то именно, что Соловейчикомъ переведена одна только глава изъ 46 параграфовъ, тогда какъ Мандельштамомъ изданы уже 3 части въ 2000 страницъ, которыя составляютъ совершенно новое руководство. О Библіи они говорятъ, что имъ извѣстно изданіе Лютера и новѣйшее—Цунца, но евреи уважаютъ авторитетъ Мендельсона. Затѣмъ они указываютъ на то, что въ изданіи общихъ сочиненій послѣдняго находится переводъ только пятикнижія и псалтыря, но на одномъ нѣмецкомъ языкѣ и безъ еврейскаго текста, и что Мандельштамъ сдѣлалъ разныя исправленія въ текстѣ перевода Мендельсона.

Взглядъ евреевъ на увеличеніе налога, посредствомъ обязатель-

ной продажи казенныхъ изданій, защитники считаютъ неправильнымъ, потому что вырученныя отъ продажи деньги пойдутъ только на пополненіе издержекъ, т. е, будутъ поступать въ капиталъ свѣчнаго сбора, на счетъ котораго производится печатаніе. Относительно высокой платы, назначенной за трудъ г. Мандельштама, защитники указываютъ на то, что печатный листъ самаго дорогого изданія—Маймонида — обходится въ 2 1/4 копѣйки, тогда какъ печатный листъ общихъ учебниковъ и даже христоматій, при составленіи которыхъ весь трудъ состоитъ лишь въ выборѣ статей, обходится министерству въ 3 копѣйки.

Вредность многихъ мѣстъ въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ защитники изданій Мандельштама отчасти признаютъ, но говорятъ, что, такъ какъ пересмотръ изданія министерства порученъ свѣдущимъ и благонадежнымъ лицамъ, то всѣ эти вредныя мѣста будутъ ими исключены и что нѣкоторыя изъ нихъ уже предназначены къ исключенію. О мѣстахъ, дышащихъ враждою къ иновѣрцамъ, они опять говорятъ, что мѣста эти относятся къ язычникамъ, а не къ христіанамъ. Мѣста же, въ которыхъ излагаются ошибочныя понятія объ астраноміи и химіи, по мнѣнію защитниковъ, оставлены въ учебникѣ потому, что мѣста эти заключаютъ въ себѣ, по убѣжденію евреевъ, важныя объясненія міросозданія, которыя не могли быть выпущены, а измѣненіе этихъ мѣстъ невозможно было на томъ основаніи, что религіозныя понятія евреевъ, освященныя авторитетомъ Маймонида, не подлежатъ исправленію. Относительно педагогическихъ недостатковъ Маймонида, на которые указали обвинители, защитники замѣчаютъ, что Маймонидъ не есть учебникъ, а какъ переходъ отъ талмуда къ катехизису, онъ есть ничто иное какъ сборникъ законоположеній и обрядовъ, изъ котораго нѣкоторые отдѣлы будутъ предназначены къ преподаванію въ училищахъ. Расположеніе же Маймонида по системѣ оказывается, по мнѣнію защитниковъ, невозможнымъ, потому что и легкія, и трудныя мѣста помѣщаются у Маймонида рядомъ, а раввины изъявили желаніе, чтобы отдѣлы составлялись по возможности полно.

О Библіи говорится только то, что предисловіе къ ней не выпущено и подвергается предварительному разсмотрѣнію, но оно не предназначалось для учениковъ. Въ молитвенникѣ же многія вредныя мѣста исключены самимъ г. Мандельштамомъ, а одно оставлено.

Обязательность руководствъ, по убѣжденію защитниковъ, относится только къ училищамъ и частнымъ учителямъ, но не къ евреямъ вообще, и установлена въ видахъ лучшаго направленія воспитанія еврейскаго юношества. Объявивъ обязательными министерскія изданія для частныхъ учителей, правительство не освободило ихъ отъ испытанія, а допустило только нѣкоторыя облегченія на томъ основаніи, что по существующимъ на этотъ предметъ правиламъ никто изъ частныхъ учителей не въ состояніи выдержать экзаменъ.

Существованіе одобрѣнія изданій со стороны еврейскихъ раввиновъ и ученыхъ опять подтверждается защитниками г. Мандельштама, при чемъ указывается, что учеными, въ религіозномъ отношеніи, у евреевъ называются всѣ, кто занимается только изученіемъ закона, а у евреевъ большею частію люди низшихъ сословій отличаются знаніемъ закона.

Требованіе же евреевъ о переводѣ оффиціальныхъ изданій на русскій языкъ отклоняется защитниками г. Мандельштама, на томъ основаніи, что на это Святѣйшій Синодъ, безъ сомнѣнія, не давалъ бы своего благословенія.

Вотъ въ существенныхъ чертахъ то, въ чемъ выразилась борьба между противниками и защитниками изданій г. Мандельштама, борьба, которая вызвала различные взгляды на отношеніе правительства къ дѣлу образованія евреевъ.

Нѣкоторые полагали, что если составленіе катехизиса для преподаванія закона еврейской вѣры въ объемѣ, приличномъ дѣтскому возрасту, оказывается преждевременнымъ, то изъ этого еще не вытекаетъ для христіанскаго правительства необходимость принять на себя изданіе еврейскихъ книгъ религіознаго содержанія. Изданіе это тѣмъ болѣе еще должно быть признано неумѣстнымъ, что по самому свойству еврейской литературы, обнимающей или раввинское религіозное ученіе, или раціонализмъ новѣйшей школы германскихъ евреевъ, нельзя избрать изъ нея ничего такого, что могло-бы соотвѣтствовать видамъ правительства. Религіозное ученіе евреевъ правительство можетъ только терпѣть, но не покровительствовать ему, обращая ту или другую часть его въ офи-

*

ціальное руководство для воспитанія еврейскаго юношества. Что же касается ученія новѣйшей школы германскихъ евреевъ, то распространеніе раціонализма могло бы, конечно, служить дѣйствительнымъ средствомъ для искорененія заблужденій талмуда, но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ повести къ уничтоженію всякаго вѣрованія и по послѣдствіямъ своимъ, такимъ образомъ, причинить гораздо больше вреда, чѣмъ самыя заблужденія талмуда. Исходъ изъ этой точки зрѣнія, сказанное мнѣніе приходитъ къ необходимости отмѣнить печатаніе и изданіе отъ правительства еврейскихъ религіозныхъ книгъ и допустить преподаваніе въ еврейскихъ училищахъ закона вѣры по еврейскому ученію, но съ тѣмъ, чтобы, на основаніи правилъ 13 ноября 1844 г., преподаваніе это подчинялось контролю училищнаго начальства, которое должно наблюдать за тѣмъ, чтобы оно было сообразно съ возрастомъ и понятіями дѣтей и чтобы не было дозволяемо ничего безнравственнаго, или противнаго общимъ гражданскимъ законамъ. Для устраненія же талмуда, слѣдовало бы, по этому мнѣнію, ввести въ еврейскихъ училищахъ преподаваніе закона вѣры по запискамъ, которыя очень удобно могли бы подлежать повѣркѣ со стороны учебнаго начальства. Такимъ путемъ правительство, безъ всякаго неприличія для себя, могло бы достигнуть введенія впослѣдствіи катехизиса и между тѣмъ вывести изъ общественнаго и частнаго воспитанія ложное и вредное ученіе талмуда и его комментаріевъ.

Другіе останавливались на томъ, что правительство, въ дѣлѣ преобразованія быта евреевъ, должно идти неуклонно и рѣшительно къ разъ предначертанной цѣли. Если признано полезнымъ вывести изъ еврейскихъ училищъ талмудъ и начать съ катехизиса, основаннаго на ученіи пятикнижія и постановленіяхъ талмуда, не противорѣчащихъ цѣли слiянія евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, то всякія полумѣры были бы въ этомъ отношеніи вредны. Если бы даже рѣшительный шагъ со стороны правительства встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны евреевъ, то оно все таки не должно отступиться отъ осуществленія своей задачи, потому что такъ дѣйствовали съ успѣхомъ во всѣхъ государствахъ и такъ дѣйствовали въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ катехизисъ изданъ въ 1839 г. и уже введенъ во всѣхъ еврейскихъ училищахъ. На основаніи этихъ соображеній, представители этого взгляда полагали бы необходимымъ остановить изданіе отъ правительства еврейскихъ книгъ, и въ особенности изданіе Маймонида, который, возбудивъ вообще неудовольствіе между евреями, содержитъ въ себѣ, даже послѣ сдѣланныхъ уже въ немъ исправленій, очень много ученій, несогласующихся съ правилами здравой педагогики. А потому было бы полезно, по этому мнѣнію, изготовить для еврейскихъ училищъ катехизисъ и дозволить къ употребленію въ нихъ Библіи и нѣкоторыя изъ сочиненій, изданныхъ образованными евреями съ цѣлію искорененія религіозныхъ заблужденій своихъ единовѣрцевъ.

Третьи начали за здравіе и свели на упокой. Стремленіе правительства, говорятъ они, къ улучшенію быта евреевъ должно заключаться въ матеріальномъ счастіи этого народа, а не въ измѣненіи и очищеніи его религіозныхъ вѣрованій, а потому слѣдовало бы болѣе обращать вниманія на доставленіе евреямъ средствъ къ жизни, чѣмъ на ихъ умственное и религіозное образованіе. Но такъ какъ признано полезнымъ учредить для евреевъ новыя школы, вмѣсто старыхъ, гдѣ извращались религіозныя ихъ понятія, то преподаваніе закона вѣры по запискамъ не могло бы подлежать контролю училищнаго начальства и повело бы къ вреднымъ послѣдствіямъ. Въ этихъ видахъ необходимо согласиться съ мыслію объ изданіи отъ правительства еврейскихъ религіозныхъ книгъ.

Четвертые хотѣли разрѣшить весь этотъ сложный вопросъ объ отношеніяхъ правительства къ преобразованію быта евреевъ путемъ образованія, надъ которымъ задумывались во многихъ министерствахъ, совершенно незатѣйливымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, беззастѣнчивымъ образомъ. Вмѣсто всякихъ теорій и отвлеченныхъ умозрѣній, они прибѣгли къ реальному методу воспитанія евреевъ въ духѣ правительства. Радикальнымъ средствомъ эта партія считала слѣдующее: каждаго еврея, который замѣченъ будетъ въ какомъ бы то ни было явномъ или тайномъ противодѣйствіи успѣшному развитію предначертанныхъ правительствомъ мѣръ, относительно преобразованія быта евреевъ, слѣдуетъ подвергать, не смотря на званіе и состояніе, тѣлесному наказанію при полиціи; точно также слѣдуетъ поступать съ каждымъ меламдомъ, который не получитъ установленнаго свидѣтельства на право обученія дѣтей.

Теперь перейдемъ къ болѣе обстоятельному изложенію мнѣнія той партіи, которая защищала г. Мандельштама и ратовала за изданіе оффиціальныхъ руководствъ для преподаванія закона вѣры евреямъ.

Эта послѣдняя партія приписываетъ борьбу противъ министерскихъ изданій злонамѣреннымъ проискамъ фанатической массы евреевъ, которая желаетъ въ основаніи подкопать учрежденныя отъ правительства училища, и, противудѣйствуя введенію въ нихъ правильнаго образованія, хочетъ вынудить допущеніе неограниченнаго употребленія талмуда и положить, такимъ образомъ, конецъ благому начинанію правительства въ дѣлѣ образованія еврейскаго юношества. Это именно убѣждаетъ сказанную партію въ томъ, что правительство не должно руководиться въ этомъ дѣлѣ соображеніями евреевъ, а тѣмъ менѣе согласиться на введеніе преподаванія закона вѣры по выпискамъ изъ талмуда. Запрещеніе въ казенныхъ и частныхъ училищахъ талмуда и отдѣльныхъ его трактатовъ безъ замѣны его другою, пользующеюся у евреевъ уваженіемъ, книгою, въ родѣ извлеченій изъ Маймонида, могло бы быть принято евреями за посягательство на ихъ вѣру. Кромѣ того, введеніе, безъ указанія на причину, преподаванія талмуда по запискамъ, подъ контролемъ училищнаго начальства, могло бы укрѣпить еврев въ мысли о скрытномъ желаніи правительства вести еврейское юношество къ христіанству. При томъ, повѣрка выписокъ изъ талмуда едва-ли повела бы къ удовлетворительнымъ результатамъ, а на исправленіе ихъ евреи смотрѣли бы, какъ ни на чемъ неоснованный произволъ. Подобнаго рода дѣйствія поселили бы въ евреяхъ недовѣріе къ казеннымъ училищамъ, которыя начали бы поэтому пустѣть, а въ частныхъ еврейскихъ училищахъ выписки талмуда хранились бы только для виду; на самомъ дѣлѣ же преподавали бы тайно талмудъ и каждый частный еврейскій домъ образовался бы въ негласное училище. По всѣмъ этимъ соображеніямъ сказанная партія не можетъ согласиться на отмѣну изданія еврейскихъ религіозныхъ книгъ отъ правительства и она не находитъ въ этомъ дѣлѣ ничего несовмѣстнаго съ достоинствомъ послѣдняго, потому что, по закону, преподаваніе наукъ въ еврейскихъ училищахъ должно производиться не иначе, какъ на общемъ основаніи, т. е. по одобреннымъ министерствомъ руководствамъ. Слѣдовательно, нѣтъ ничего предосудительнаго въ томъ, что правительство христіанское даетъ свое одобреніе религіознымъ учебникамъ или же выражаетъ это одобреніе въ другой формѣ принятіемъ на себя ихъ изданія. Если отмѣнить изданіе офиціальныхъ учебниковъ и возвратиться къ подлежащему упраздненію талмуду и къ испещренной нелѣпыми комментаріями Библіи, то это значило бы тоже самое, что повернуть назадъ и возвратиться къ тому времени, когда начинали только устанавливать главныя основанія образованія евреевъ, или другими словами, пришлось бы разрушить до тла весь созданный правительствомъ планъ преобразованія евреевъ. Притомъ, если главная цѣль правительства, по правиламъ 13 ноября 1844 г., состояла въ постепенномъ сближеніи евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ, посредствомъ искорененія вредныхъ предразсудковъ, внушаемыхъ ученіемъ талмуда, то, съ отмѣною изданія религіозныхъ учебниковъ, слѣдовало бы совершенно закрыть казенныя еврейскія училища или, по крайней мѣрѣ, остановить дальнѣйшее ихъ развитіе, потому что при такомъ порядкѣ, потраченныя на нихъ огромныя средства не приносили бы болѣе никакой существенной пользы. Между тѣмъ, кратковременное существованіе этихъ училищъ уже привело къ благопріятнымъ результатамъ, между которыми, между прочимъ, слѣдуетъ считать и сокращеніе числа школъ старой системы. Затѣмъ изданіе Маймонида, хотя онъ и принадлежитъ къ раввинскому ученію, не можетъ не почитаться полезнымъ, такъ какъ онъ свободенъ отъ многихъ нелѣпыхъ комментаріевъ талмуда, и тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать объ издаваемыхъ министерствомъ извлеченіяхъ, которыя составляютъ пятую только часть талмуда, по возможности очищенную. Съ другой стороны эта партія не можетъ согласиться съ мнѣніемъ, чтобы такое изданіе Маймонида и Библіи, ограниченной двумя только комментаріями Раши и Мендельсона, могло содѣйствовать распространенію въ средѣ евреевъ раціоналистическаго ученія германской школы. Въ этихъ видахъ, правительство должно, изданіемъ религіозныхъ учебниковъ, разъ на всегда положить конецъ разглашенію неблагонамѣренныхъ толковъ и подкрѣпленію надеждъ на возвращеніе къ старому порядку, потому что шаткость въ дѣлѣ преобразованія евреевъ можетъ дать перевѣсъ торжеству еврейскаго фанатизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвратить къ старой системѣ образованія евреевъ, противъ которой прави-

тельство, главнымъ образомъ, направляетъ свои силы въ правилахъ 13 ноября 1844 г.

Изъ всѣхъ означенныхъ мнѣній, вызванныхъ знаменитымъ въ исторіи образованія русскихъ евреевъ дѣломъ г. Мандельштама, восторжествовало послѣднее, болѣе другихъ ложное въ своемъ основаніи. Но можно себѣ представить судьбу этихъ изданій, которыя вызывали всеобщій ропотъ и вопреки желаніямъ евреевъ навязывались имъ, какъ учебники. Результаты, къ которымъ привело настойчивое преслѣдованіе министерствомъ мысли объ упраздненіи талмуда и непремѣнной замѣнѣ его другою книгою, могли бы служить довольно важнымъ поучительнымъ урокомъ для нашихъ политиковъ въ еврейскомъ вопросѣ, если бы при разработкѣ послѣдняго историческій фактъ могъ бы получить настоящее свое значеніе. Но, къ крайнему сожалѣнію, у насъ при реформахъ, предпринимаемыхъ въ еврейскомъ быту, всегда привыкли руководствоваться соображеніями, имѣющими въ виду особую національную исключительность, противъ которой надобно дѣйствовать задними путями, а эта система, которой упорно держатся у насъ въ отношеніи къ однимъ евреямъ, изобилуетъ рядомъ неисправимыхъ заблужденій, всегда приводящихъ къ цѣли, противоположной той, къ которой желали придти. Опасная же сторона этой системы для евреевъ состоитъ именно въ томъ, что неуспѣхъ ея всегда приписывается самимъ евреямъ, не поддающимся, будто, никакимъ правительственнымъ мѣрамъ, а не очевидной ложности тѣхъ началъ, которыя систематически принимаются въ основаніе самой системы исправленія евреевъ.

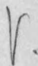
Если мы обратимся къ матеріалу, собранному нами въ настоящемъ очеркѣ, то откроется, что правительство, приступивъ къ преобразованію быта евреевъ путемъ образованія, имѣло въ виду приноровить еврейскія училища къ дѣйствительнымъ потребностямъ евреевъ, оставивъ на время существовавшую прежде систему образованія и желая вывести ее изъ жизни преобразованіемъ началъ преподаванія законы вѣры евреевъ. Въ первомъ отношеніи правительство желало сообщить низшимъ училищамъ характеръ сельско-хозяйственный и промышленный, но когда настало время осуществленія этой мысли, уже явились дѣятели, которые нашли приведеніе въ исполненіе этихъ мѣръ преждевременнымъ. Главная

мысль правительства, по правиламъ 13 ноября 1844 г., состояла въ улучшеніи быта евреевъ путемъ образованія и пріученія ихъ къ сознанію пользы производительнаго труда. Сообразно съ этимъ, необходимо было, какъ можно скорѣе, убѣдить евреевъ въ осуществимости обѣщаній правительства и, главнымъ образомъ, позаботиться о скорѣйшемъ введеніи дополнительныхъ реальныхъ курсовъ, а не о религіозномъ преобразованіи евреевъ. Еврейская масса нуждалась въ матеріальномъ благосостояніи для того, чтобы она могла выдти изъ сферъ мелкаго торгашества и совершеннаго бездѣлья, на которое она была обречена историческими условіями; евреи нуждались въ пріобрѣтеніи средствъ къ жизни честнымъ, производительнымъ трудомъ и въ возможности имѣть болѣе широкій просторъ для практическаго его приложенія. Такое положеніе само собою уже могло повести за собою очищеніе религіозныхъ понятій и искореніе вредныхъ заблужденій, на поддержаніе и развитіе которыхъ не оставалось бы свободнаго времени. Само правительство это сознавало и думало достигнуть предначертаннаго плана открытіемъ реальныхъ курсовъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе другаго выставленнаго начала объ упраздненіи талмуда, которое можно было и забыть съ большою пользою для дѣла, учебная администрація отодвинула на второй планъ открытіе дополнительныхъ курсовъ, т. е. именно того, что легло въ основаніе низшихъ еврейскихъ училищъ и чего желали сами евреи. Болѣе всего замѣчательны тѣ соображенія, которыми руководствовались при неисполненіи важной мѣры правительства о реальномъ образованіи евреевъ. Учебная администрація того времени полагала, что надобно въ этомъ дѣлѣ соблюдать извѣстную постепенность: надобно, чтобы евреи прежде свыклись съ новыми училищами, а потомъ уже открыть спеціальные курсы,—иначе есть опасеніе поколебать въ евреяхъ вѣру въ твердость намѣреній правительства и поддерживать въ нихъ господствующее между ними суевѣріе. Не говоря уже о томъ, что соображенія эти противурѣчатъ самому намѣренію правительства, довольно ясно выраженному въ правилахъ 13 ноября, они заключаютъ въ себѣ одно изъ капитальнѣйшихъ заблужденій, вотъ по какимъ основаніямъ. Съ открытіемъ казенныхъ училищъ, образованіе въ нихъ не было у насъ объявлено обязательнымъ для евреевъ; стало быть, посѣщеніе ихъ зависѣло отъ доброй воли этихъ

послѣднихъ. Насколько намъ извѣстно, въ одномъ только Туккумѣ не явилось никакихъ учениковъ въ открытое тамъ казенное училище, и то потому, что между ними распространено было убѣжденіе о желаніи правительства обратить чрезъ посредство казенныхъ училищъ всѣхъ евреевъ въ христіанство. Но это было единственное исключеніе, и если вспомнить при этомъ, какое сопротивленіе оказывалъ русскій народъ православному правительству при открытіи для него первыхъ училищъ, то этотъ фактъ получитъ свой настоящій историческій смыслъ. Между тѣмъ во всѣхъ прочихъ городахъ евреи стали посѣщать казенныя училища: слѣдовательно они добровольно и tacite согласились на систему преподаванія по училищнымъ руководствамъ и программамъ. Контингентъ еврейскихъ училищъ образовался изъ бѣднаго класса евреевъ, который мало обращалъ вниманія на сохраненіе въ цѣлости ученія талмуда, а главнымъ образомъ стремился достигнуть улучшенія семейнаго быта въ отношеніи матеріальномъ, какъ дѣйствительно многіе и думали. Мы сами прошли всѣ низшія и высшія еврейскія училища и хорошо знакомы съ образомъ мыслей и стремленіями этого класса людей. При такихъ обстоятельствахъ правительству слѣдовало, напротивъ, воспользоваться довѣріемъ евреевъ и сразу открыть ремесленные курсы, чтобы убѣдить ихъ во очію, что то, что правительство сказало—и быть тому. Но каково же было разочарованіе евреевъ, когда ихъ дѣти, окончивъ училищный курсъ и не имѣя возможности продолжать его въ обѣщанныхъ, но не открывавшихся реальныхъ школахъ, должны были, при полученномъ въ большей или меньшей степени образованіи, прозябать въ прежней сферѣ, не только не внося въ семейный бытъ никакого улучшенія, но становясь ему въ тягость. На нашихъ глазахъ многіе изъ товарищей по низшимъ училищамъ, не имѣвшіе возможности продолжать курсъ въ раввинскихъ училищахъ, оставались въ самомъ безвыходномъ положеніи и долго проклинали свою судьбу и первоначальное, схваченное ими на лету образованіе. И дѣйствительно, это были самые жалкіе люди, о которыхъ нельзя было не сожалѣть глубоко, потому что они никуда не годились: не имѣя въ рукахъ никакихъ положительныхъ занятій, они въ матеріальномъ отношеніи были далеко не обезпечены, а въ нравственномъ отношеніи ихъ жизнь представляла тяжелую пытку униженій и ханжества

предъ тѣми, которыхъ они считали себя выше по своему образованію. А между тѣмъ всѣ эти люди, которымъ нѣтъ числа, составляютъ жалкое наслѣдіе недоконченной правительственной системы,—наслѣдіе тѣхъ именно административныхъ соображеній, которыя, не справляясь съ дѣйствительными потребностями жизни, находили, что всѣ эти люди должны прежде свыкнуться съ училищнымъ строемъ, а потомъ уже получать реальное образованіе.

Чтобы судить, въ какой степени важно для евреевъ реальное образованіе, мы можемъ указать на житомирское ремесленное училище, открытое по инціативѣ евреевъ, ученики которыхъ наглядно указываютъ на то громадное различіе, которое существуетъ между ними и евреями, получающими образованіе въ низшихъ еврейскихъ училищахъ. Это единственное пока заведеніе въ Россіи можетъ убѣдить всѣхъ, что безъ особыхъ мѣръ, направленныхъ къ очищенію религіозныхъ понятій, воспитанники, получившіе въ немъ образованіе, общее и ремесленное, свободны отъ всякихъ предразсудковъ и заблужденій, внушаемыхъ, будто, ученіемъ талмуда, а на самомъ дѣлѣ пользуются благими результатами производительнаго труда. Это ремесленное училище вполнѣ доказываетъ всю ложность убѣжденій учебной администраціи сороковыхъ годовъ, которыя, однако, помѣшали осуществленію одной изъ важныхъ правительственныхъ мѣръ. Правда, тогдашняя администрація считала неоткрытіе дополнительныхъ курсовъ дѣломъ временнымъ и обѣщала даже приступить къ этому дѣлу, какъ только не будетъ недостатка въ учителяхъ и окончится начатая переписка. Но то обстоятельство, что эти дополнительные курсы нигдѣ не открыты до настоящаго времени, достаточно убѣждаетъ насъ въ томъ, что причина неоткрытія ихъ не заключается даже въ приведенныхъ выше соображеніяхъ, а въ чемъ нибудь другомъ. Мы знаемъ, что когда въ началѣ шестидесятыхъ годовъ администрація юго-западнаго края задумала и выработала проектъ еврейскихъ ремесленныхъ училищъ, которыя, по соглашенію съ еврейскими обществами, предполагалось открыть на суммы коробочнаго сбора во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ, послѣдующая за тѣмъ администрація нашла это дѣло не только не полезнымъ, но даже вреднымъ. Эта администрація полагала, что обученіе евреевъ ремесламъ дастъ имъ перевѣсъ надъ крестьянскимъ населеніемъ,

которое и такъ уже эксплоатируется евреями и вытѣсняется ими изъ городовъ. Она руководствовалась мѣстными соображеніями и совершенно забыла, что во внутреннихъ губерніяхъ чувствуется недостатокъ въ ремесленникахъ, который могъ бы быть восполненъ евреями, получившими образованіе въ юго-западномъ краѣ. Мы привели этотъ фактъ для того только, чтобы указать на то, что въ поводахъ къ непринятію мѣръ, которыя могутъ положительнѣйшимъ образомъ вести къ улучшенію быта евреевъ, у насъ никогда не бываетъ недостатка и теперь, а потому и не будетъ удивительно, что ихъ нашлось очень много тридцать лѣтъ тому назадъ.

Что же касается втораго вопроса—объ отношеніяхъ правительства къ существовавшей старой системѣ образованія евреевъ, то онъ не заслуживаютъ подробнаго разсмотрѣнія, потому что съ рѣзкимъ уклоненіемъ правительства отъ принятой имъ новой системы и съ несоблюденіемъ послѣдовательности въ поддержаніи надлежащей связи между образовавшимися тремя системами воспитанія евреевъ, которыя приведены выше, онѣ всѣ слились въ такую безразличную массу, что не представляется болѣе интереса разсматривать ихъ паралельно. Впрочемъ, къ этимъ системамъ, равно и къ раввинскимъ училищамъ, мы еще возвратимся въ слѣдующемъ нашемъ очеркѣ.

Болѣе важный интересъ представляетъ матеріалъ, относящійся къ опредѣленію отношеній правительства къ преподаванію закона вѣры евреевъ, или такъ называемое дѣло Мандельштамское. Въ первый разъ, кажется, исторія представляетъ примѣръ изученія правительствомъ источниковъ вѣры извѣстной національности съ цѣлію исправленія въ нихъ существующихъ заблужденій и, такимъ образомъ, дѣйствовать на нравственное и религіозное преобразованіе народа. Но раціонально ли, спрашивается, для искорененія вѣковыхъ предубѣжденій какой нибудь народности, такъ близко коснуться освященныхъ временемъ источниковъ вѣры и принять на себя дѣятельную и непосредственную опеку надъ преподаваніемъ ея закона? Мы вполнѣ убѣждены, что для уничтоженія суевѣрій и предразсудковъ, господствующихъ въ средѣ кресьянскаго населенія Россіи или вообще какой бы то ни было народности, еслибы правительство признало это нужнымъ изъ видовъ политиче-

скихъ, оно бы прибѣгало къ общимъ образовательнымъ средствамъ, которыя сами по себѣ уничтожаютъ всякаго рода заблужденія, въ силу того общаго правила, что съ появленіемъ солнечнаго свѣта мракъ исчезаетъ. Но въ отношеніи къ евреямъ нельзя было пользоваться общими средствами, а непремѣнно спеціальными, которыя оправдываются будто исключительными условіями національности евреевъ. Если судить о дѣйствительности каждой мѣры по ея послѣдствіямъ, то смѣло можно заявить, что въ отношеніи искорененія національныхъ предразсудковъ, изданія правительства не оказали ни малѣйшаго вліянія, а успѣшнѣе всего дѣйствовало въ этомъ направленіи полученное въ еврейскихъ училищахъ общее образованіе. Чрезъ четверть вѣка послѣ совершившагося факта можно гораздо спокойнѣе оцѣнить его, и въ настоящее время нельзя безъ иронической улыбки оглянуться назадъ и спросить себя, почему именно въ этомъ дѣлѣ министерство такъ настойчиво преслѣдовало мысль о необходимости устраненія талмуда и въ то же время считало возможнымъ откладывать въ долгій ящикъ дѣла, нетерпѣвшія отлагательства? Не смотря на всѣ наши усилія, мы не можемъ дать себѣ положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Мы уже говорили выше, что для евреевъ, посылавшихъ дѣтей своихъ въ училища, было совершенно все равно, будутъ-ли для нихъ преподавать талмудъ, или катехизисъ, или другую какую-нибудь книгу религіознаго содержанія, потому что они, разъ рѣшившись уже отдать дѣтей въ казенныя училища, охотно подчинились всякаго рода казеннымъ программамъ и учебникамъ; слѣдовательно, для училищъ министерскія изданія были совершенно излишни. Если же правительство имѣло въ виду частныхъ учителей, или меламдовъ, для которыхъ оно сдѣлало эти книги обязательными, то въ этомъ отношеніи оно было введено въ заблужденіе, потому что въ хедерахъ, или меламедскихъ школахъ, книги министерства держались только для виду, а на самомъ же дѣлѣ преподавались прежніе предметы ученія. Даже въ казенныхъ училищахъ, гдѣ Маймонидъ былъ введенъ какъ предметъ обязательный, учители стѣснялись въ выборѣ отдѣла для преподаванія. О Библіи-же нечего и говорить, что она была совершеннно лишняя, потому что учители казенныхъ училищъ преподавали Библію въ своемъ собственномъ переводѣ, который записывался учениками. Тѣ-же евреи, которые не

посылали дѣтей въ училища, вовсе не интересовались министерскими изданіями, какъ учебниками, направленными противъ ихъ вѣроученія, а какъ книгами, на которыя тратятся значительныя суммы изъ свѣчнаго сбора, ложащіяся тяжелымъ гнетомъ на самый бѣдный классъ евреевъ. Уже будетъ двадцать слишкомъ лѣтъ, какъ евреи забыли совсѣмъ объ этихъ книгахъ, которыя хранятся въ училищныхъ архивахъ и даромъ раздаются окончившимъ курсъ раввинскихъ училищъ, которые, однако, большею частію оставляютъ ихъ въ стѣнахъ заведенія. Теперь ни для кого не тайна, что книги министерства не произвели никакихъ перемѣнъ въ религіозномъ образѣ мыслей евреевъ и что онѣ оставались и остаются понынѣ въ состояніи дѣвственности; что казенныя училища мало обращали на нихъ вниманія, а меламды продавали ихъ за безцѣнокъ ученикамъ казенныхъ училищъ, для которыхъ онѣ были обязательны; теперь всѣмъ извѣстно, что книги эти, продажею которыхъ министерство надѣялось пополнить капиталъ свѣчнаго сбора, не только совершенно напрасно поглотили громадныя средства, но и теперь еще причиняютъ расходъ тому же капиталу перевозкою ихъ въ значительномъ количествѣ съ мѣста на мѣсто, такъ что министерскія изданія считаются только излишнею тяжестью, обременяющею полки училищныхъ библіотекъ, которыя были бы рады совершенно отъ нихъ избавиться. Вотъ общій, установившійся въ теченіе 20 лѣтъ взглядъ на эти оффиціальныя изданія,—взглядъ, вѣрно опредѣлившій ихъ значеніе съ математическою, можно сказать, точностью и въ настоящее время никѣмъ не опровергаемый. Но что было четверть вѣка тому назадъ? Какія ни выставлялись тогда на видъ государственныя соображенія? Когда нѣкоторые заикнулись только о томъ, что необходимо остановить изданіе оффиціальныхъ учебниковъ религіознаго содержанія, къ какимъ комбинаціямъ и натяжкамъ ни прибѣгали, лишь бы оправдать необходимость ихъ изданія и распространенія; какія ни вызывались мрачныя тѣни, какіе ни рисовались ужасы, въ родѣ воскресенія талмуда и его комментаторовъ, при одной мысли о безполезности изданій, которая сама по себѣ уже считалась преступною и свидѣтельствовала о ретроградномъ стремленіи потворствовать фанатизму евреевъ??—Но всего болѣе замѣчательно именно то, что на евреевъ за ихъ прозорливость

взваливали всю вину: дѣло Мандельштамское выставлялось въ такомъ свѣтѣ, что евреи изъ религіознаго фанатизма сопротивляются осуществленію благихъ намѣреній правительства относительно ихъ образованія и на этомъ основаніи они нападаютъ на свѣчной сборъ, какъ предназначенный для этой цѣли, что они желаютъ возратиться къ старому порядку вещей и вызвать къ жизни талмудъ и излюбленныхъ его комментаторовъ. Но изъ приведенныхъ въ началѣ очерка правилъ свѣчнаго сбора мы видѣли, что онъ учрежденъ былъ по собственному желанію евреевъ, а потому они на него и нападать не могли. Евреи нападали, и совершенно справедливо, на злоупотребленія свѣчнымъ сборомъ, существованіе которыхъ признано изданнымъ впослѣдствіи закономъ. Они нападали на то, что свѣчной сборъ предназначенъ на учрежденіе училищъ и преимущественно реальныхъ, а между тѣмъ онъ употребляется на совершенно безполезныя вещи. Евреи, прежде всего, народъ практическій и они не могли бояться того, чтобы оффиціальныя изданія произвели религіозную реформу въ ихъ жизни: они видѣли, что, вмѣсто открытія реальныхъ училищъ или ф а б р и к ъ, имъ подносятъ старыя, давно извѣстныя имъ книги въ нѣмецкой закваскѣ, на которыя правительство тратитъ громадныя средства изъ сбора, возникшаго при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ пожары, неурожаи и холера. Что свѣчной сборъ былъ для евреевъ тягостенъ, доказывается тѣмъ, что, во вниманіе къ указаннымъ бѣдствіямъ, правительство сложило съ евреевъ недоимки по этому сбору и сдѣлало имъ значительныя облегченія, при которыхъ евреи все-таки не были въ состояніи вынести этого сбора, какъ это подтверждается приведеннымъ въ началѣ очерка мѣстомъ изъ всеподданнѣйшаго отчета министра внутреннихъ дѣлъ. Все это могло бы служить достаточнымъ оправданіемъ евреевъ въ глазахъ правительства противъ обвиненій ихъ въ томъ, что они желаютъ въ корнѣ подкопать учрежденныя отъ правительства училища. Вѣдь евреи, нападая на злоупотребленія свѣчнымъ сборомъ, неоднократно, напротивъ, требовали учрежденія дополнительныхъ курсовъ по основной идеѣ правилъ 13 ноября 1844 г. Евреи, какъ видно, близко знакомы были съ дѣломъ изданія книгъ отъ правительства и не могли не протестовать противъ этой мѣры. Настоящее совершенно оправдываетъ евреевъ и вполнѣ доказываетъ, что они предвидѣли бу-

дущее гораздо основательнѣе тѣхъ, которые считали себя вправѣ заправлять судьбою двухъ-милліоннаго населенія. Впрочемъ, многіе государственные дѣятели были въ этомъ вопросѣ за евреевъ и тоже требовали пріостановленія изданія официальныхъ руководствъ, но они выходили изъ другихъ оснований: одни—изъ того, что нашли изданіе это несовмѣстнымъ съ достоинствомъ правительства и вреднымъ въ томъ отношеніи, что оно было бы все равно, что покровительствовать раввинскому ученію, или способствовать развитію раціонализма; а другіе изъ того, что необходимо неуклонно идти по разъ начертанному пути и издать катехизисъ. Можно было бы согласиться даже со вторымъ мнѣніемъ, потому что катехизисъ не поглащалъ бы во всякомъ случаѣ многихъ средствъ и не вызвалъ бы, слѣдовательно, никакого ропота, точно также, какъ онъ не вызываетъ его теперь, когда у насъ начинаютъ появляться катехизисы на русскомъ языкѣ. Это второе мнѣніе уже тѣмъ лучше, что оно указываетъ на необходимость быть послѣдовательнымъ, и послѣдовательность повела бы къ выполненію всей правительственной программы относительно образованія евреевъ, которая заключала въ себѣ очень много хорошаго. Между тѣмъ, какъ послѣдовательность нарушалась на каждомъ шагу, въ то самое время, когда министерство всѣми силами вооружается противъ талмуда, и употребляетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы изданія, долженствующія замѣнять евреямъ талмудъ, не были пріостановлены, въ то самое время оставляется подробное преподаваніе талмуда съ комментаторами въ раввинскихъ училищахъ, начиная съ 4-го класса вплоть до окончанія курса, въ теченіе цѣлыхъ 7 лѣтъ, и преподаваніе именно тѣхъ трактатовъ, которые заключаютъ въ себѣ предметы, не имѣющіе никакой практической важности, и въ которыхъ, вдобавокъ, легендарная часть преобладаетъ надъ законодательною, каковы напр. трактаты: о благословеніяхъ, о яйцѣ (или о субботнихъ запретахъ), о религіозныхъ обрядахъ менструаціи. Въ то самое время, когда министерство спѣшило съ изданіемъ официальной Библіи для того единственно, чтобы, какъ можно скорѣе, остановить вліяніе печатавшейся въ Вильнѣ Библіи, въ которой, кромѣ Раши и Мендельсона, были еще и другіе комментаторы подозрительнаго свойства,—въ это же время въ раввинскихъ училищахъ преподаются отдѣльныя комментаріи, какъ «Яросъ-Двошъ» «Бина Леитимъ» и т. п. Затѣмъ спрашивается, испортило-ли въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ воспитанниковъ раввинскихъ училищъ это лишенное всякой системы, подробное и притомъ безалаберное преподаваніе талмуда и отдѣльныхъ комментаторовъ его и пятикнижія? Нисколько! Общее образованіе въ объемѣ гимназическаго курса развило въ воспитанникахъ раввинскихъ училищъ духъ критическаго анализа талмуда, на который они, при помощи не слишкомъ серьезнаго даже образованія и знаніи исторіи еврейскаго народа, установили совершенно правильный взглядъ, господствующій въ развитой германскими учеными еврейской наукѣ. Стало быть, допущеніе даже преподаванія талмуда до крайнихъ предѣловъ, но рядомъ съ предметами общаго образованія, не только не можетъ быть такъ опасно, какъ представляло себѣ это министерство, но даже полезно, потому что общечеловѣческое развитіе всегда вноситъ свое вліяніе въ національные элементы, какіе бы эти послѣдніе ни были. Мы удивляемся, почему министерство 40 годовъ не могло стать на эту точку зрѣнія и еще болѣе удивляемся тому, что, упорно держась своего заблужденія о возможномъ искорененіи талмуда только путемъ остракизма, министерство направило всю дѣятельность свою въ этомъ отношеніи именно на трехклассныя второразрядныя училища, въ которыхъ воспитывались дѣти, не знакомыя вовсе съ талмудомъ, и могли знакомиться съ нимъ развѣ по окончаніи курса, когда вслѣдствіе неоткрытія дополнительныхъ курсовъ, они не въ состояніи были получить самостоятельнаго реальнаго образованія. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что, вмѣсто того, чтобъ направить евреевъ къ производительному труду, который составлялъ конечную цѣль правительства, министерство само гнало ихъ на старый путь отвлеченныхъ умозрѣній талмуда. Стремленія же министерства къ изгнанію талмуда изъ хадаримовъ, или меламедскихъ школъ, путемъ введенія въ нихъ офиціальныхъ изданій, было не болѣе какъ химера. Во первыхъ, офиціальныя изданія не сдѣланы были въ хадаримахъ обязательными учебниками, а навязывались только меламду, для просвѣтленія его ума; но меламедъ радъ былъ радехонекъ, когда какой нибудь ученикъ казеннаго училища на другой же день, вмѣсто 3 р. 50 к., заплатилъ ему за эти изданія одинъ рубль. Если бы сдѣлали эти учебники обязательными, то министерству нужно было

бы устроить такую обширную администрацію для контроля, которая потребовала бы столько же средствъ, сколько само изданіе учебниковъ. Сверхъ того, допуская даже мысль о возможности устроить такую администрацію съ аргусовыми способностями, едва ли можно было бы согласиться съ тѣмъ, чтобы отъ такой принудительной системы былъ какой нибудь прокъ. Во вторыхъ, хедеры и представители ихъ—меламды—скорѣе вызваны были у евреевъ экономическими условіями жизни, чѣмъ потребностью въ обученіи дѣтей. Бѣдный классъ евреевъ, обремененный дѣтьми и не имѣвшій возможности оставлять ихъ дома во время отлученія на заработки, скорѣе нуждался въ надзорѣ надъ дѣтьми, чѣмъ въ томъ, чтобъ они были грамотны. Этимъ именно объясняется весьма популярная между евреями мысль, что всякому негодяю, который по напрасну испробовалъ всѣ пути въ жизни, остается только сдѣлаться меламдомъ; этимъ объясняется также, что при полномъ сознаніи невѣжества меламдовъ, имъ однако поручались всѣ почти дѣти въ каждомъ городѣ, или мѣстечкѣ, ибо одинъ только ни къ чему не годный меламедъ могъ принять на себя надзоръ въ теченіе цѣлаго года за самую ничтожную плату. Эта систета, хотя очевидно вредная, все таки была сподручна евреямъ по экономическимъ условіямъ ихъ быта. Если-же съ этой точки взглянуть на меламдовъ, которые еле-еле могли научать болѣе взрослыхъ дѣтей неправильной грамотѣ, то станетъ понятно, на какую почву министерство хотѣло бросить сѣмена официальныхъ изданій и на что потрачено было столько средствъ и усилій: министерство заготовило огромный запасъ учебниковъ (10000 экз. каждаго изъ нихъ), чтобы разомъ подѣйствовать на невѣжественную сферу меламдовъ, на тунеядцевъ, составлявшихъ самый низшій слой еврейскаго населенія, образовавшихъ собою тотъ именно классъ, который въ древнемъ мірѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ рабовъ. Настоящее время, въ которое меламды все болѣе и болѣе грязнутъ въ своемъ невѣжествѣ, вполнѣ доказываетъ, сколько свѣтлыхъ лучей занесено оффиціальными изданіями въ это темное и темнѣющее царство. Успѣхъ придуманной министерствомъ системы изгнанія талмуда до того ясно обнаруживается въ полномъ своемъ блескѣ въ настоящій періодъ, что мы не сочли нужнымъ опровергать во всѣхъ частностяхъ оправданія защитниковъ казенныхъ изданій. Мы раскрыли только существенную сторону дѣла, чтобы убѣдить читателей въ томъ, насколько ошибочная и келейно веденная система можетъ быть полезна, насколько можетъ быть компетентна въ дѣлѣ образованія русскихъ евреевъ администрація, дѣйствующая по односторонне-собраннымъ соображеніямъ людей, которые могутъ усмотрѣть въ той, или другой системѣ свою личную выгоду. Этотъ дорого стоившій намъ урокъ долженъ былъ бы обратить на себя вниманіе тѣхъ, которые теперь принимаются за то-же дѣло, которые хотятъ нежданно-негаданно одарить евреевъ новою системою образованія и духовнаго правленія; не мѣшало бы, мы думаемъ, въ подобныхъ дѣлахъ, кромѣ свѣдѣній, доставляемыхъ чиновниками, выслушивать и другія, господствующія въ разныхъ еврейскихъ кружкахъ мнѣнія и убѣжденія,—не мѣшало бы потому собственно, чтобы черезъ 30 лѣтъ грозная дѣйствительность не привела насъ къ результатамъ, такъ называемаго, мандельштамовскаго дѣла.

И такъ, очерченный нами періодъ образованія евреевъ характеризуется борьбою ихъ противъ официальныхъ изданій, предпринятыхъ на счетъ суммъ свѣчнаго сбора, который возникъ во время господствовавшихъ бѣдствій и взимался при помощи самой дурной системы коммиссіонерства, впослѣдствіи отвергнутой правительствомъ. Но въ этой борьбѣ, не смотря на то, что многія правительственныя мѣста и лица раздѣляли мнѣнія обвинителей г. Мандельштама, евреевъ преодолѣла могучая сила, противъ которой они были слабы и, кромѣ того, на нихъ набросана была тѣнь подозрѣнія въ противодѣйствіи мѣрамъ правительства относительно ихъ образованія, но пятно это въ настоящее время совершенно смыто результатами той системы, на которую они нападали. Другая черта, характеризующая этотъ періодъ, именно та, что министерство настойчиво преслѣдовало одну только, вскользь высказанную въ главныхъ основаніяхъ образованія евреевъ мысль объ изгнаніи талмуда, проводя ее притомъ крайне непослѣдовательно, и упустило изъ виду главную и существенную задачу правительственной системы относительно доставленія возможности евреямъ заняться производительнымъ трудомъ, посредствомъ обученія ихъ реальнымъ предметамъ въ дополнительныхъ курсахъ, открытіе которыхъ требовалось и желалось самими евреями.

Въ заключеніе намъ остается прибавить слѣдующее. Мы пере-

*

давали все дѣло объ изданіи офиціальныхъ учебниковъ совершенно объективно во всемъ томъ, что касается личности самого г. Мандельштама, не бросая на нее никакой тѣни, а потому мы считаемъ себя вправѣ желать, чтобы г. Мандельштамъ, единственно оставшійся въ живыхъ изъ всѣхъ лицъ, принимавшихъ ближайшее и непосредственное участіе въ изданіи учебниковъ отъ правительства, разъяснилъ это дѣло въ своемъ собственномъ интересѣ.

Одесса.

М. Моргулисъ.

ПО ПОВОДУ ПОСТРОЙКИ СИНАГОГИ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

I.

По свѣдѣніямъ «Русскаго календаря» на 1872 годъ, ныньче въ Петербургѣ существуетъ цѣлыхъ шесть еврейскихъ молитвенныхъ домовъ, т. е. больше, чѣмъ единовѣрческихъ церквей (ихъ только 5), и лишь вдвое меньше противъ лютеранскихъ (13). Цифра очень многознаменательная и прямо доказывающая какъ значительность еврейскаго элемента, присутствующаго въ нашей столицѣ, такъ и сильныя религіозныя потребности еврейскаго общества. Ясно, что, гдѣ существуетъ надобность въ 6-ти молитвенныхъ домахъ, тамъ пора уже подумать объ отдѣльномъ храмѣ, который собиралъ бы на свои торжества, въ обширныхъ и достойно украшенныхъ пространствахъ, всю массу находящихся здѣсь вѣрующихъ. Измѣнившійся къ лучшему духъ вѣка, примѣръ остальной Европы, свѣтлый взглядъ нынѣшней власти, не оставляютъ ни единой минуты сомнѣнія въ томъ, что никто не запретитъ нынче нашимъ евреямъ поклоняться Верховному Владыкѣ со всею торжественностью, со всѣмъ велелѣпіемъ, какого требуетъ отъ нихъ тоже самое глубокое внутреннее чувство, которое постоянно вело насъ, европейцевъ, къ созданію церквей и катедралей. Уже какъ-то стыдно, подъ бокомъ у Европы, заставлять кого-бы то ни было скрываться, въ часъ молитвы и благоговѣнія, по далекимъ и скрытымъ угламъ. Средневѣковые предразсудки и тупыя ненависти—съ каждымъ днемъ становятся все немыслимѣе и у насъ.

Поэтому-то, когда здѣшняя еврейская община, проникнутая мыслью о возможности и своевременности построенія большаго еврейскаго храма въ Петербургѣ, стала ходатайствовать о разрѣшеніи, для того нужномъ, разрѣшеніе это было тотчасъ же дано, безъ всякаго затрудненія, и русская печать сочувственно поспѣшила, отъ мала до велика, тотчасъ-же помѣстить на свои столбцы и разнести повсюду вѣсть о томъ, что дозволено строить синагогу, и что въ средѣ еврейскаго общества формируется значительный капиталъ, нужный на постройку.

Но съ тѣхъ поръ прошло уже года два-три. Что̀ значитъ, что до сихъ поръ ничего еще не осуществилось и что даже не приступлено ни къ какимъ предварительнымъ работамъ? Раза два въ газетахъ появилось, правда, извѣстіе, что, дескать, для синагоги было избрано комитетомъ постройки такое-то или такое-то мѣсто,—но выборъ не могъ быть утвержденъ по нѣкоторымъ причинамъ. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ могутъ быть законны и вѣски эти причины, послѣ того какъ самый вопросъ разрѣшенъ уже высшею властью положительно. Но какъ не жалѣть, что какія-бы то ни было причины все-таки существуютъ въ настоящемъ случаѣ? Вѣдь если хорошенько посмотрѣть на дѣло, то это ничто иное, какъ только проволочка—самая ненужная проволочка—проволочка того, что̀ рано или поздо совершится, непремѣнно совершится. Синагога въ Петербургѣ должна быть построена, будетъ построена, потому что наши евреи получили уже на то право. Не лучше-ли въ такомъ случаѣ употребить всѣ усилія на то, чтобъ подобное предпріятіе совершилось какъ можно скорѣе?

Посмотримъ, какія могутъ быть причины, мѣшающія до сихъ поръ осуществленію такого намѣренія, которое для одной стороны—еврейской—составляетъ насущную потребность, а для другой—нашей, русской — будетъ истинно народною честью, славою, потому что еще разъ докажетъ, что мы все болѣе и болѣе покончиваемъ съ прежними, позорившими насъ предразсудками, печальнымъ наслѣдіемъ вѣковъ мрака и совиной слѣпоты, и не хотимъ уступать остальной Европѣ въ свѣтлости и ширинѣ воззрѣнія. Какія могутъ быть эти причины?

На наши глаза, самыхъ главныхъ двѣ.

Первая—это необходимость, въ которую обыкновенно бываютъ

поставлены у насъ еврейскія синагоги, помѣщаться на довольно далекомъ разстояніи отъ христіанскихъ церквей, особенно православныхъ; другая — потребность очень значительныхъ средствъ.

Первое обстоятельство дѣйствительно очень затруднительно. Понятно, что послѣдователи каждой религіи желаютъ, прежде всего, воздвигнуть храмъ для своего богослуженія на мѣстѣ хорошемъ, приличномъ, не въ захолустьи какомъ-нибудь, и, во вторыхъ, въ такомъ мѣстѣ, которое было бы по возможности центральнѣе и, значитъ, удобнѣе для собраній. Но есть ли какая-нибудь возможность справиться со всѣми этими условіями за-разъ, когда въ русской столицѣ—что̀ очень понятно — всѣ наилучшія для богослужебныхъ храмовъ мѣста давнымъ-давно заняты русскими и иностранными церквами, и когда нѣтъ здѣсь такой улицы, гдѣ бы не стояло церкви общественной или домовой? Что̀ тогда дѣлать, куда дѣваться? Неужели идти строиться за городъ? Но это представляетъ опять громадное неудобство, потому что строить синагогу за городомъ — значило бы требовать, чтобъ всѣ классы еврейскаго нашего населенія отправлялись постоянно за городъ — пѣшкомъ, такъ какъ по предписанію ихъ закона, они въ день субботній не могутъ ѣхать. Съ другой стороны, хорошо ли, прилично ли, чтобъ изъ всѣхъ націй земли, одни евреи принуждены были идти строить свой богослужебный храмъ за городомъ, тогда какъ къ этому никогда не были принуждены у насъ, не только ни одни изъ поклонниковъ истиннаго Бога, но даже — язычники? Прилично-ли еще и въ наше время толкать подальше отъ церквей христіанскихъ еврейскую синагогу, точно будто евреи — и въ самомъ дѣлѣ племя враждебное, гнусное, точно будто вѣрованіе ихъ — какое-нибудь вѣрованіе непотребное, омерзительное? Пора уже забыть всѣ эти старинныя пошлости, пора уже намъ и въ этомъ отношеніи быть европейцами.

Предписаніе, требующее, чтобъ синагога строилась непремѣнно на значителномъ разстояніи отъ храмовъ христіанскихъ вообще, и православныхъ въ особенности, существуетъ со времени довольно недавняго — съ 1835 года; обозначеніе количества саженъ, требуемыхъ для промежуточнаго разстоянія, явилось не ранѣе 1844 г. Но, безъ сомнѣнія, подобнаго рода требованія условливались взглядами прежняго времени и понятіями той эпохи. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе четверти столѣтія, и совершились громадныя измѣ-

ненія въ нравахъ, понятіяхъ и умственныхъ привычкахъ нашего общества; многое изъ того, что̀ тогда было необходимо, или по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени умѣстно,—потеряло уже прежнюю физіономію, и можетъ казаться анахронизмомъ, не имѣющимъ болѣе ровно ничего для своей поддержки.

Такимъ образомъ, надо надѣяться, что первый изъ приведенныхъ нами мотивовъ, при всей своей неблагопріятности, не можетъ еще считаться преградою непреодолимою. Все теперь возстаетъ противъ прежняго образа мыслей: и время, и люди, и общее мало-по-малу просвѣтляющееся убѣжденіе.

Что касается до втораго препятствія, то и оно, на наши глаза, не заключаетъ ничего такого, что̀ должно было-бы еще долго задерживать выполненіе такого дѣла, которое не можетъ не осуществиться. Деньги — огромныя деньги! Да, конечно, было-бы превосходно, чтобъ наконецъ соорудился великолѣпный, громадный храмъ также и для молитвъ евреевъ, и, безъ сомнѣнія, значительныя суммы соберутся для этой столь важной и достойной цѣли. Конечно и самый богатый, и самый бѣдный еврей принесетъ такую лепту, какую только можетъ — никто между ними не останется безучастенъ.

Но положимъ, что не смотря ни на что̀, собранная сумма не будетъ превышать 200 или 250 тысячъ рублей. Чтожъ! Можно будетъ жалѣть, если здѣсь не скопится, какъ въ Пруссіи, полутора милліона, и если нельзя будетъ соорудить такой же великолѣпной синагоги, какъ въ Берлинѣ; но это не значитъ еще, чтобъ дѣло было уже совершенно проиграно. Не должны-же всѣ синагоги быть непремѣнно колоссальны, полны роскоши, и заключать такія подробности орнаментистики, которыя стоили-бы десятки и сотни тысячъ. Можно создать прекрасный, даже замѣчательный храмъ — при употребленіи и мѐньшихъ средствъ. Большинство новыхъ синагогъ въ Европѣ построены на деньги довольно умѣренныя, и это, однакоже, не мѣшаетъ имъ быть архитектурными созданіями ничуть не худыми. Ліонская синагога стоила 270,000 франковъ, на брюссельскую ассигновано всего только 225,000 франковъ, не смотря на употребленіе и тамъ, и здѣсь — камня и металла, и богатой орнаментистики. Отъ этихъ скромныхъ цифръ еще далеко до тѣхъ 150,000 или 200,000 руб. сер., которыми здѣшнее еврейское общество могло бы, мы думаемъ, почти навѣрное располагать для своей синагоги. Вѣдь 150 или 200,000 нашихъ рублей—равняются 600 или 800,000 франковъ. На эти деньги уже можно, кажется, сдѣлать что-нибудь порядочное. Только сто̀итъ не слишкомъ широко сразу задаваться, и оставить, до поры до времени, въ сторонѣ всякія излишнія затѣи. Въ Берлинѣ синагога можетъ заключать одновременно 3000 присутствующихъ (въ ней 1800 мужскихъ мѣстъ и 1200 женскихъ): пускай петербургская будетъ устроена на 500, на 800 человѣкъ. Должна же будущая синагога такого большаго города, какъ Брюссель, содержать всего только 700 человѣкъ (450 мужчинъ и 250 женщинъ); ліонская синагога заключаетъ всего 320 мужскихъ мѣстъ и 235 женскихъ; гейденгеймская, (въ Баваріи) и пестская—около 300 каждая; лейпцигская-же, хотя и содержитъ до 2000 мѣстъ, но сто̀ила, сравнительно говоря, примѣчательно дешево. Отчего бы и русскимъ евреямъ не слѣдовать такимъ примѣрамъ благоразумія? Они навѣрное тоже достигнутъ удовлетворительныхъ результатовъ, пусть только отложатъ до болѣе удобнаго времени всякія излишества, церковные дома, флигеля и службы, все, безъ чего можно обойтись на первое время, и пусть устремятъ всѣ усилія на одинъ собственно храмъ.

Не забудемъ наконецъ, въ особенности, и того, что изъ всѣхъ синагогъ, строившихся въ Европѣ въ послѣднія 20 лѣтъ, ни одна не строилась безъ сильныхъ затрудненій денежныхъ и иныхъ. Но энергія и одушевленное рвеніе къ дорогому, общему дѣлу — постоянно вездѣ одинаково преодолѣвали всѣ препятствія.

II.

Но, положимъ, что эти два первые, существенные вопроса — избраніе мѣста и собраніе средствъ — рѣшены удовлетворительно (это не можетъ замедлить): все-таки не надо воображать себѣ, что тогда уже все сдѣлано, и что все остальное устроится само собою. Нѣтъ, здѣсь только что начинается самая важная половина дѣла.

Мы живемъ въ эпоху пробужденія національностей. Никакой народъ и никакое племя не хочетъ болѣе удовольствоваться какими-бы то ни было общими тусклыми чертами: каждому хочется

отыскать и выразить, при каждомъ важномъ случаѣ, свою особенную физіономію быта, характерности и красоты. Всюду началась сильная работа изученія старыхъ историческихъ памятниковъ во всевозможныхъ родахъ, и результатами вышли разнообразныя созданія искусства, начиная отъ катедралей и саженныхъ фресокъ, и кончая дамскими серьгами и браслетами, модными переплетами и заглавными буквами, гдѣ высказалось изученіе прежнихъ національныхъ эпохъ каждаго народа и желаніе къ нимъ приблизиться. Какъ ни разбросано по Европѣ еврейское племя, но все-таки не могло и оно остаться въ сторонѣ отъ общаго движенія, не могло и оно не пожелать себѣ повсюду синагогъ въ истинно-еврейскомъ стилѣ, когда видѣло, какъ во всѣхъ краяхъ выростали церкви и соборы готическіе, романскіе, византійскіе, итальянскіе, испанскіе, англійскіе, французскіе, русскіе.

Да, но гдѣ было взять стиль еврейскій, гдѣ было его отыскать и изучить? На что могли годиться самыя пламенныя желанія, когда то, чего слѣдовало добиться, что отыскивать и выставить въ новомъ лучезарномъ блескѣ — то-то именно вовсе и не существовало?

Всевозможные эстетики и историки искусства разсказали во всѣхъ книгахъ своихъ, что нѣтъ и не было никогда у евреевъ своего искусства,—ни архитиктуры, ни скульптуры, ни живописи. Послѣднія два искусства не могли, дескать, вовсе даже и существовать, потому что самими заповѣдями запрещено воспроизводить образъ и подобіе какого-бы то ни было живаго существа; первое же, архитектура, тоже никогда не представило ничего сколько нибудь важнаго и самостоятельнаго—по общей художественной неспособности евреевъ, начиная съ глубочайшей древности. Поэтому-то они и должны были весь свой вѣкъ, для осуществленія своихъ художественныхъ потребностей, обращаться то къ тому, то къ другому сосѣднему азіятскому народу, то къ финикіянамъ, то къ ассирійцамъ или вавилонянамъ за образцами, за планами, за работниками,—и даже, кромѣ Азіи, заимствовать свое искусство изъ Египта.

Но этого мало. Многіе изъ лучшихъ писателей новаго времени разсказываютъ намъ, почему собственно еврейскаго искусства не только не было, но не могло и быть. Запрещеніе заповѣдей (говорить знаменитый историкъ искусства, Шназе, въ своей «Geschichte der bildenden Künste» (I, 252), никогда не принималось и не исполнялось, относительно художественныхъ образовъ, во всей его строгости. На кивотѣ завѣта были изображены херувимы; не будь скульпторовъ между евреями, не могъ-бы быть такъ скоро изготовленъ и золотой телецъ въ пустынѣ. Въ Соломоновомъ храмѣ также стояли колосальныя фигуры херувимовъ, и эти же херувимы были безчисленное множество разъ повторены на стѣнахъ, среди разнообразныхъ украшеній. Значитъ, не одно запрещеніе «закона» воспрепятствовало развитію пластическаго искусства у еврейскаго народа: если бы все дѣло ограничивалось только однимъ религіознымъ запрещеніемъ, то тутъ-же могло бы смѣло возникнуть свѣтское пластическое искусство, какъ мы это видимъ въ Персіи, гдѣ тоже было запрещено «закономъ» воспроизведеніе лика божества.... Нѣтъ, причина отсутствія искусства у евреевъ должна лежать не во внѣшнихъ условіяхъ или запретахъ, но въ самыхъ глубинахъ національнаго характера. Нельзя не видѣть главной отличительной черты его, высказывающейся во всѣхъ его проявленіяхъ, въ томъ числѣ и въ поэзіи. Именно то самое, что составляетъ силу и красоту еврейской поэзіи, не давало подняться мысли, желанію обладать внѣшнимъ образомъ, и задушило бы, при самомъ началѣ, даже всякую къ тому попытку. Мы можемъ высказать въ одномъ словѣ эту особенность: еврейская фантазія слишкомъ подвижна, волнованіе ея слишкомъ горячо, слишкомъ сильно, слишкомъ смѣло для того, чтобъ допустить спокойное выполненіе пластическаго созданія.... Спиритуализмъ отнималъ интересъ къ внѣшнему образу; потрясенный, озабоченный духъ не могъ дойти до того, чтобы выработать его. Спокойное отношеніе, равновѣсіе, симметрія и форма были, поэтому, вовсе не важны евреямъ; движеніе, ритмъ, противуположность и цѣль одни преобладали, и не давали возникнуть ничему другому».

Въ то же время, неограничиваясь однимъ искусствомъ, но возводя соображенія свои до самыхъ общихъ и широкихъ взглядовъ,—другіе, не менѣе Шназе знаменитые и солидные писатели новаго времени, доказывали бѣдность и однообразность творческаго духа не только у однихъ евреевъ, но у всей семитической семьи человѣческаго рода, въ противуположность нашей, арійской. «Вообще,

говоритъ Ренанъ («Histoire des langues sémitiques», I, 11), чувства оттѣнковъ глубоко не достаетъ семитическимъ народамъ. Ихъ постиженіе цѣльно, безусловно, охватываетъ мало вещей заразъ, но охватываетъ ихъ необыкновенно сильно.... Многоженство, слѣдствіе жизни первоначально кочевой, помѣшало развитію у семитовъ всего, что̀ мы называемъ обществомъ, и сформировало расу исключительно мужественную, безъ всякой гибкости и тонкости. Отсюда эта строгая осанка, этотъ серьезный и враждебный фантазіи поворотъ мысли, эта важность, препятствующая имъ когда-бы то ни было разглаживать свои морщины. Семиты почти вовсе лишены способности смѣяться, и совершенно противуположная наклонность французовъ составляетъ, для алжирскихъ арабовъ, вѣчный предметъ изумленія. Отсюда-то идетъ также полное отсутствіе пластическихъ искусствъ. Украшенія рукописей миніатюрами, въ чемъ турки и персіяне выказали такое живое чувство краски—антипатично арабамъ, и совершенно неизвѣстно въ земляхъ, гдѣ арабскій духъ уцѣлѣлъ въ чистотѣ, наприм. въ Марокко. Музыка, субъективное по преимуществу искусство, одно извѣстно семитамъ. Живопись и скульптура всегда были поражены у нихъ религіознымъ запретомъ; ихъ наивный реализмъ не поддавался вымыслу, который есть существеннѣйшее условіе этихъ двухъ искусствъ. Одинъ мусульманинъ, которому показали написанную красками рыбу, спросилъ, послѣ перваго мгновенья изумленія: «А что, если эта рыба, въ день страшнаго суда, поднимется противъ тебя и обвинитъ тебя такъ: Ты далъ мнѣ тѣло, но не далъ души живой,—что̀ ты тогда отвѣтишь?» Поминутно повторенныя предписанія книгъ Моисеевыхъ противъ всякаго подобія живаго существа, иконоборческое рвеніе Магомета, ясно доказываютъ наклонность этихъ народовъ принимать статую за дѣйствительное и живое существо. Самыя артистическія расы, способныя отдѣлять идею отъ символа, никогда не были подчинены такой строгости».

Этихъ двухъ капитальныхъ примѣровъ современнаго воззрѣнія на художественныя способности семитовъ вообще, и евреевъ въ частности, будетъ, мы полагаемъ, достаточно. Эти самыя мысли, прямо взятыя изъ высокихъ авторитетовъ, или рожденныя на свѣтъ самими писателями, на основаніи старинныхъ предразсудковъ, на-

полняютъ теперь всѣ учебники исторіи, втискиваются каждому ученику, начиная со школьной скамьи.

Нѣтъ еврейскаго искусства, во всѣ вѣка евреи выказали свою полнѣйшую неспособность къ искусству! Вотъ что говоритъ едва ли не каждый человѣкъ въ Европѣ, съ мала и до велика, и это было дѣло рѣшенное, вполнѣ достовѣрное, не терпѣвшее никакихъ возраженій.

Но каково же было удивленіе массы, когда она мало по малу начала узнавать, что всѣ подобнаго рода сентенціи не имѣютъ ровно никакого основанія, и что всѣ онѣ—ничто иное, какъ грубые остатки старинныхъ невѣжественныхъ предразсудковъ и незнанія?

Съ 50-хъ годовъ наступила и для еврейскаго древняго искусства пора изслѣдованій и открытій, подобно тому, какъ она раньше наступила для невѣдомыхъ дотолѣ Египта, Индіи, Ассиріи, Малой Азіи, Финикіи. Одно за другимъ возникали изъ-подъ земляныхъ тысячелѣтнихъ насыпей цѣлыя царства, страны, народы, со всею ихъ домашнею, религіозною и общественною жизнію, съ жилищами, храмами, утварью, костюмомъ, оружіемъ. Колосальныя статуи—и женскія кольца и булавки, цѣлыя стѣны фресокъ—и зеркала давно истлѣвшихъ красавицъ, алтари, гдѣ лилась кровь, бронзовые идолы—и чаши, кипѣвшія застольнымъ виномъ, рядомъ съ самыми мелкими колечками конской сбруи—все выдавала теперь поднятая лопатой земля, тысячи лѣтъ мирно наслоявшаяся. Пришла наконецъ пора и для народа израильскаго выступить изъ мрака къ свѣту и внести въ наше знаніе тысячи новыхъ фактовъ. Недавно еще возникла новая наука—наука еврейской художественной древности, но она уже дала богатые плоды, и музеи Парижа и Лондона украсились новымъ, неожиданнымъ отдѣломъ—еврейскимъ. Тутъ собрались и тѣснятся образцы скульптуры, металлическаго и эмальнаго искусства, рѣзьбы, монетнаго дѣла, стекла, сосудовъ, драгоцѣнныхъ вещей и украшеній. Неужели все это не созданія искусства, неужели можно еще отнимать художественный вкусъ, творческую художественную силу у того народа, который способенъ былъ создать все это?

Въ то же время прояснялся взглядъ на многое, что̀ и прежде не было скрыто подъ земной корой, а стояло наружу, но всегда было обходимо, какъ что-то обыкновенное и не стоющее вниманія.

Такъ называемыя гробницы «царей», «Авессалома», «Захаріи» и т. д., вообще многіе архитектурные памятники, разсѣянные по Іудеи, вдругъ перестали казаться ничего не значущими произведеніями поздняго римскяго искусства, и, оглянутые новымъ взглядомъ, представили поразительныя, неожиданныя подробности, которыя очевидно не могли принадлежать ни Греціи, ни Риму, а носили на челѣ всѣ черты искусства древне-азіятскаго и притомъ искусства мѣстнаго, еврейскаго. Стали собирать снова всѣ разбросанныя по Библіи указанія на художественную дѣятельность древнихъ евреевъ—ихъ оказалось много, и важныхъ—и тогда наконецъ все вмѣстѣ сведенное въ одно цѣлое и освѣщенное свѣжею, уже не враждебною мыслью, не оставило болѣе возможности сомнѣваться въ существованіи искусства у евреевъ. Одинъ изъ современныхъ писателей, въ особенности много сдѣлавшій для разъясненія настоящаго вопроса, Сосй (Saulcy) членъ французской академіи, знаменитый своимъ «Путешествіемъ вокругъ Мертваго моря», разсказываетъ въ предисловіи къ своей «Исторіи еврейскаго искусства» (1858), какъ онъ поѣхалъ въ Палестину съ обычными европейскими предразсудками на счетъ несуществованія еврейскаго искусства, и какъ скоро, передъ лицомъ подлинныхъ памятниковъ и откопанныхъ остатковъ древне-еврейскаго міра, разсѣялись, какъ туманъ, всѣ его предвзятыя теоріи. «По мѣрѣ того, говоритъ онъ, какъ замѣтки и рисунки накоплялись въ моемъ портфелѣ, я, подобно ребенку, узнающему—буква за буквой — всю азбуку, наконецъ пришелъ къ полному, основанному на фактахъ убѣжденію, что не только общепринятая аксіома фальшива, но что еврейская нація возвела искусства на высокую степень совершенства. Это я постараюсь доказать достаточнымъ количествомъ данныхъ, и, конечно, читатель увидитъ съ тѣмъ-же удивленіемъ, которое я первый ощутилъ, какъ великъ списокъ еврейскихъ памятниковъ, и въ особенности, какъ онъ достаточенъ для доказательства тезы, взятой мною нынче въ противоположность всѣмъ моимъ предшественникамъ». Сосй очень остроумно указываетъ, между прочимъ, на то, что если въ Библіи такъ часто встрѣчается запретъ дѣлать скульптурныя и иныя изображенія, то это всего лучше доказываетъ, что именно вопреки запрещеніямъ, эта дѣятельность постоянно была въ большомъ ходу.

Иначе къ чему такія постоянныя, изъ столѣтія въ столѣтія повторяющіяся запрещенія?

Въ послѣднее время, въ Лондонѣ образовалось цѣлое общество для изслѣдованія Палестины (Palestine exploration Society), и оно въ короткое время накопило цѣлую массу замѣчательнѣйшихъ фактовъ, опровергающихъ прежніе предразсудки, а ея музей и изданія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе доказываютъ богатство и разнообразіе древне-еврейской художественной дѣятельности.

И такъ, въ настоящее время существованіе еврейскаго искусства несомнѣнно. Прежній предразсудокъ палъ, онъ отвалился какъ негодная шелуха. Евреи перестали быть выродками и уродами въ дѣлѣ художества, они перестали составлять какое-то неслыханное и невиданное исключеніе въ ряду народовъ. Никто не отнималъ способности къ искуству у дикихъ жителей Океаніи, у древнихъ наигрубѣйшихъ азіятовъ и американцевъ, у самихъ краснокожихъ—и только одни евреи должны были считаться какимъ то невообразимымъ чудовищемъ, они, которыхъ исторія такъ полна и богата, они, которые прожили долгія столѣтія, наполненныя то дикой и свирѣпой трагедіей, то самой картинной и благоуханной поэзіей,—то изувѣрствомъ и безграничнымъ деспотизмомъ, то пасторальной кротостью. Такія разнообразныя черты и элементы никогда еще, ни у одного народа не проходили безъ слѣда: всегда они давали свой отблескъ и осадокъ въ неминуемыхъ созданіяхъ искусства, и если бы даже до насъ не дошло ни одного извѣстія Библіи, ни одного дѣйствительно уцѣлѣвшаго созданія еврейскаго пластическаго творчества—уже одна ихъ грандіозная и глубокая лирическая поэзія, одни остатки ихъ священныхъ пѣснопѣній, уцѣлѣвшіе во множествѣ религіозныхъ мелодій всего христіанства—были бы уже достаточны для того, чтобъ убѣдить насъ въ глубокой поэтичности и художественной способности всего еврейскаго племени.

Повторять прежнія нелѣпости о нехудожественности евреевъ, объ отстраненіи ихъ, какъ будто-бы самою природою, отъ общей работы всѣхъ народовъ въ дѣлѣ искусства—остается въ наше время дозволительнымъ развѣ только людямъ вовсе слѣпымъ и незнающимъ, либо одолѣваемымъ тою самою нетерпимостью, ненавистью и фанатизмомъ, которые принято было всегда приписывать самимъ евреямъ. Къ сожалѣнію, такихъ людей еще довольно, и между ними отли-

чается одна изъ нынѣшнихъ европейскихъ знаменитостей, нѣмецкій композиторъ Рихардъ Вагнеръ, который, въ своей брошюрѣ «Жидовство въ музыкѣ» (1869) повторилъ всѣ прежнія обвиненія противъ евреевъ, и съ примѣрною ненавистью прибавилъ много еще и новыхъ. Въ этомъ племени онъ видитъ отсутствіе всего благороднаго, чистаго, возвышеннаго, способнаго; даже физическій внѣшній видъ евреевъ кажется ему отвратительнымъ, отталкивающимъ и далекимъ отъ всякаго художественнаго элемента: онъ считаетъ, что во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ еврейское племя оказало Европѣ только самыя худыя услуги, заразило ее множествомъ самыхъ непохвальныхъ качествъ, и что тогда только она способна будетъ пойти настоящимъ ходомъ развитія и совершенствованія, когда окончательно избавится отъ ихъ гнета и повсюднаго вмѣшательства.

Но этотъ современный крестовый походъ противъ еврейской національности являлся уже до того внушеніемъ фанатизма и мрака мыслей, что не нашелъ многихъ послѣдователей, а напротивъ, поднялъ повсюду всеобщее негодованіе, и вызвалъ горячій отпоръ со стороны всей лучшей части нѣмецкой прессы. Слишкомъ странно было говорить о всеобщей и коренной антипатичности физическаго типа еврейскаго народа, когда вся Европа изстари наполнена образцами красавцевъ и красавицъ изъ среды евреевъ; слишкомъ странно было говорить о ихъ глубоко нравственномъ и интеллектуальномъ убожествѣ, когда цѣлые ряды великихъ людей, двигающихъ впередъ людское поколѣніе, размѣстились на всѣхъ страницахъ исторіи, принадлежа къ многоразличнѣйшимъ отраслямъ дѣятельности, и исходя изъ нѣдръ еврейской семьи; слишкомъ странно было обвинять евреевъ въ однихъ только низкихъ и презрѣнныхъ качествахъ, когда лѣтописи стараго и новаго времени пересчитывали на глазахъ у всѣхъ многочисленные примѣры качествъ самыхъ высокихъ и драгоцѣнныхъ, и въ тоже время доказывали, что если у современнаго еврея и есть часто много сторонъ мало симпатичныхъ и отталкивающихъ, то въ нихъ виновата сама же Европа, устроивъ для цѣлаго племени, въ теченіе мрачныхъ средневѣковыхъ временъ, положеніе невыносимое, унизительное для самихъ преслѣдователей еще болѣе чѣмъ для преслѣдуемыхъ, и такимъ образомъ развратила и искалѣчила одно изъ великолѣпнѣйшихъ и примѣчательнѣйшихъ семействъ рода человѣческаго; слишкомъ странно было говорить о пагубныхъ дарахъ, принесенныхъ евреями Европѣ, когда именно, наоборотъ, евреи должны постоянно упрекать въ этомъ старую непросвѣтленную еще истинною человѣческою мыслью Европу, и когда у нихъ въ рукахъ лежатъ тысячи доказательствъ въ пользу того, что не будь евреевъ на свѣтѣ, будь они вычеркнуты изъ всемірной исторіи, не только древней но и новѣйшей,—всеобщій уровень понизился бы Богъ знаетъ на сколько процентовъ, и весь міръ носилъ бы совершенно другую физіономію. И все это при громадныхъ и многообразныхъ ихъ недостаткахъ, порокахъ и недостаточномъ порабощеніи. Что-же было бы, еслибъ они, въ теченіе послѣднихъ двухъ тысячелѣтій, могли бы жить свободно, привольно, ни въ какихъ условіяхъ жизни не уступая остальнымъ націямъ?

Такимъ образомъ, жалкія клеветы и постыдные вопли Рихарда Вагнера и ему подобныхъ отсталыхъ представителей прежнихъ взглядовъ, не могли болѣе имѣть ни успѣха, ни значенія, и—пали безслѣдно, сами собой.

Не разъ указывали на отсутствіе у евреевъ, въ новыя времена, сколько нибудь выдающихся личностей по части художества. «Ну да, говорили многіе, нельзя отрицать, да никто о томъ и не споритъ, что въ теченіе среднихъ вѣковъ и послѣднихъ столѣтій, еврейское племя дало міру не мало примѣчательныхъ ученыхъ, писателей, философовъ, врачей, публицистовъ, музыкантовъ, актеровъ—но гдѣ же вы намъ укажете еврейскихъ архитекторовъ, живописцевъ, скульпторовъ?» Но на это только можно одно отвѣчать: «И не мудрено, что нельзя указать ихъ. Общественное положеніе ихъ было всегда таково, что мѣшало имъ заниматься именно этого рода дѣятельностью. Кто между евреями стоялъ ниже по развитію, по интеллигенціи,—принужденъ былъ думать только о немедленномъ насущномъ хлѣбѣ, становился торговцемъ, промышленникомъ спекулянтомъ, врачомъ, и имѣя въ виду только горы золота, не боялся непосредственнаго соприкосновенія съ массой народной. Но кто стоялъ выше, кто чувствовалъ у себя въ груди бо̀льшія и возвышеннѣйшія силы, становился ученымъ, писателемъ, публицистомъ, актеромъ, музыкантомъ, и, имѣя въ виду могучее вліяніе на понятія людскія, дѣйствовалъ изъ темной глубины своего кабинета, или со сверкающей, залитой свѣтомъ поверхности концертной залы

или театральной сцены—и оставался независимъ отъ толпы, не входилъ съ нею въ соприкосновеніе. Совершенно другое дѣло архитекторъ, живописецъ, скульпторъ: въ его дѣятельности должны соединяться двѣ стороны: зависимость отъ закащика, покупателя, потребителя и—зависимость отъ собственнаго своего таланта, настроенія души. И правильное равновѣсіе обѣихъ сторонъ возможно лишь тамъ, гдѣ нѣтъ предразсудковъ и антипатій противъ личности художника, гдѣ его глубоко уважаютъ, гдѣ его считаютъ чѣмъ-то выше а не ниже себя, считаютъ просвѣтленнымъ вожакомъ впередъ, а не наемнымъ подмастерьемъ всѣхъ своихъ прихотей. До сихъ поръ художникъ изъ евреевъ не могъ претендовать на равноправность со всякимъ инымъ художникомъ. Никто, до послѣдняго времени, не задумался-бы поручить постройку католическаго собора—лютеранину, православнаго—католику, лютеранскаго—православному,—но ктобы не счелъ чѣмъ-то совершенно невозможнымъ и даже преступнымъ дать постройку своего храма—еврею? Больше того: кто, до послѣдняго времени, рѣшился бы дать еврею постройку дворца? Кто заказалъ-бы ему писать мадонну, ангела, святаго? Кто далъ-бы ему расписывать не только катедраль, но даже и дворецъ, аристократическія палаты? Вѣдь еще такъ недавно вся живопись и скульптура останавливались только на однихъ религіозныхъ сюжетахъ, и ничего другаго знать не хотѣли. Правда, въ послѣднія два-три столѣтія дѣло стало измѣняться, и на сцену стали мало-по-малу выплывать и другіе тоже сюжеты. Но сюжеты сдѣлались иные, а привычки остались прежнія, такъ что лишь новому времени суждено устроить, наконецъ, порядокъ и справедливость тоже и въ этой отрасли человѣческой дѣятельности. Какъ-же взыскивать съ евреевъ за то, въ чемъ они ничуть не были до сихъ поръ виноваты, какъ-же требовать съ нихъ того, что̀ имъ физически не возможно было дать? Вѣдь они были до сихъ поръ связаны по рукамъ и по ногамъ (не говоря уже о предписаніи собственнаго своего закона), со всѣхъ сторонъ, самими же европейцами. Теперь это перемѣнилось, и общественное мнѣніе и понятія стали повсюду другія: ну вотъ съ настоящей минуты—не раньше—и начинайте обращаться къ нимъ съ ожиданіями, взыскивайте съ нихъ, требуйте отчета, казните ихъ, если они не выполнятъ того, что̀ должны и что̀ могутъ выполнить.

Но еврейское племя такъ талантливо, такъ многоспособно, что только вы снимаете съ этихъ людей путы, и они тотчасъ-же несутся съ неудержимой, порывистою силою, и вносятъ новые, свѣжіе, горячіе элементы въ массу европейскаго генія, знанія и творчества. Не подлежитъ сомнѣнію, что недолго придется Европѣ ждать, пока въ средѣ ея появятся такіе-же могучіе силачи и запѣвалы по части архитектуры, живописи и скульптуры, какими были уже раньше—геніальные Спиноза, Гейне, Берне, Лассаль, Рашель, по философіи, поэзіи, вопросамъ соціальной жизни, актерскому искусству,—или столь сильно талантливые, какъ Мейерберъ, Мендельсонъ и цѣлая громадная толпа другихъ примѣчательныхъ дѣятелей по разнообразнѣйшимъ отраслямъ науки и прикладнаго знанія.

III.

Мы высказываемъ здѣсь вещи вовсе не гадательныя, не фантазіи. У насъ передъ глазами есть уже и дѣйствительные факты. То̀, что̀ справедливо, что̀ законно, что̀ по логикѣ исторіи должно было непремѣнно осуществиться—то̀ и начинаетъ уже осуществляться, и первые проблески, первые задатки блестящаго роскошнаго будущаго выразились раньше всего именно въ томъ, что̀ составляетъ задачу настоящей статьи—въ построеніи еврейской синагоги.

Какъ мы говорили уже и выше, въ послѣдніе 20—30 лѣтъ, въ Пруссіи, Австріи, Баваріи, Саксоніи, Франціи, Англіи и т. д., дѣятельность еврейскихъ обществъ энергически обратилась на построеніе синагогъ, большихъ или малыхъ, но во всякомъ случаѣ стоящихъ отдѣльнымъ самостоятельнымъ зданіемъ,—на смѣну прежнихъ синагогъ, помѣщавшихся внутри частныхъ домовъ. Архитекторами вездѣ тутъ были—чистые евреи. Такъ напр. гейденгеймская (во Франконіи, въ Баваріи) выстроена (1854) Бюрклейномъ, лейпцигская (1855) — Симонсономъ, ліонская (1864) — Гиршемъ, берлинская (1866) Кноблаухомъ; лондонская, кельнская, пестская и штутгардская строены также архитекторами—евреями, именъ которыхъ мы къ сожалѣнію не знаемъ,—и т. д. Всѣ эти художники задались прежде всего мыслью возвести религіозное зданіе въ такомъ характерѣ,

который бы отличался отъ храмовъ прочихъ вѣроисповѣданій и, по возможности, приближался къ еврейскому характеру. Бюрклейнъ, исходя изъ царствовавшихъ 20 лѣтъ тому назадъ, понятій о несуществованіи еврейской архитектуры, говоритъ (Bauzeitung, 1864, «Synagoge in Heidenheim», стр. 390): «Для лучшаго характеризованія всего зданія, я счелъ необходимымъ употребить восточные мотивы. Такъ какъ, въ самыя цвѣтущія свои времена, евреи не обладали самостоятельными художественными силами для сооруженія своего храма, то и въ позднѣйшія эпохи они наврядъ ли создали-бы (хотя-бы даже остались, въ отечествѣ своемъ, неразъединеннымъ народомъ) самостоятельное, оригинальное искусство, но навѣрное заимствовали бы архитектуру отъ сосѣдей, наиболѣе сходныхъ съ ними по климату, конечно съ надлежащими измѣненіями,—другими словами, они строили-бы въ восточномъ родѣ. Эти причины оправдываютъ восточныя подробности въ нашемъ зданіи, такъ какъ всѣ другіе стили (особенно романскій и готическій) мало годятся въ настоящемъ случаѣ: они слишкомъ напоминаютъ христіанскую церковь. Впрочемъ я никакъ не думаю, чтобъ оріентальный стиль вообще, въ полномъ своемъ примѣненіи, годился для синагоги: я утверждаю только, что надобно искать настоящаго способа выраженія для синагоги въ употребленіи и переработкѣ восточныхъ мотивовъ».

Симонсонъ говоритъ («Der neue Tempel in Leipzig», Berlin, 1858, f⁰): «Храмъ этотъ построенъ въ мавританскомъ стилѣ: этотъ кажется мнѣ самымъ характеристическимъ. Архитекторъ долженъ строго сообразоваться съ живыми воспоминаніями о древней родинѣ, и привязанностями іудейства къ Востоку, но ему при этомъ остается достаточно свободы, только-бы онъ умѣлъ съ тактомъ выбирать изъ цвѣтовъ Востока то, что̀ дѣйствительно потребно. Не слѣдуетъ ему впадать въ мертвую подражательность, но онъ долженъ разумно схватывать существующіе на лицо мотивы, и переработывать ихъ въ новое гармоническое цѣлое, которое не нуждалось-бы новыхъ требованій, поставленнымъ нашею современностью. Тогда онъ создастъ произведеніе, которое будетъ самостоятельно отличаться отъ всѣхъ, ему чуждыхъ, другихъ произведеній, и однакоже радушно будетъ привѣтствовано на ряду съ ними».

Гиршъ говоритъ (Revue de l'architecture, 1865: «Temple consistorial israélite de Lyon», стр. 219): «Первая мысль, представляющаяся воображенію, когда рѣчь идетъ о построеніи еврейскаго храма, по видимому, должна была бы вдохновляться Соломоновымъ храмомъ, какъ типомъ, заключающимъ самые основные и непоколебимые принципы для всѣхъ еврейскихъ храмовъ: но условія мѣстности, новѣйшіе успѣхи цивилизаціи, современные строительные способы, климатическія условія, наконецъ денежныя средства—все это должно было, въ настоящемъ случаѣ, нѣсколько измѣнить первоначальную мысль. По этому-то, не ища въ новомъ зданіи великолѣпій, осуществившихся въ Палестинѣ, ни даже иныхъ характеристическихъ особенностей персеполитанскихъ и вавилонскихъ зданій, слѣдовало, однакоже, согласить, въ одно и тоже время, современныя требованія Запада — и основы вѣрованія, возникшаго на Востокѣ. Однимъ словомъ, слѣдовало соорудить зданіе, которое было бы заразъ и выраженіемъ нашей эпохи по своему стилю, расположенію и матеріяльнымъ подробностямъ, а также и выраженіемъ тѣхъ преданій, которыя связаны съ этимъ зданіемъ — по своему общему расположенію и по характеру своей архитектуры. Подъ этими-то вдохновительными впечатлѣніями и созданъ еврейскій храмъ въ Ліонѣ, и ему присвоенъ стиль, напоминающій характеристическія особенности византійской архитектуры, происходящей отъ самыхъ своеобразныхъ оріентальныхъ типовъ».

Наконецъ, въ своемъ отчетѣ о берлинской синагогѣ, извѣстный художественный историкъ и критикъ, Любке, говоритъ Zeitschrift für Bauwesen, 1866: «Die neue Synagoge in Berlin», стр. 6): «Архитекторъ (Кноблаухъ) взялъ себѣ здѣсь за основаніе мавританско-арабскій стиль, въ томъ видѣ, какъ онъ блистательно и роскошно выразился въ Алгамбрѣ. Этотъ выборъ долженъ былъ представляться ему умѣстнымъ, какъ съ точки зрѣнія матеріяльной, такъ и идеальной. Потому что, съ одной стороны желѣзныя колонны совершенно соотвѣтствуютъ своей тониной и стройностью размѣрамъ алгамбрской арабской архитектуры; съ другой стороны, спеціально-оріентальный характеръ формъ условленъ ритуально-богослужебнымъ назначеніемъ зданія».

И такъ, во всѣхъ этихъ примѣрахъ (и во многихъ другихъ новѣйшихъ синагогахъ, построенныхъ въ Европѣ) постоянно выражается стремленіе дать синагогѣ оріентальный характеръ, но—со-

ображаясь со многими современными условіями: какой яркій отпоръ тѣмъ людямъ, которые въ злостномъ и фанатическомъ своемъ ослѣпленіи продолжаютъ приписывать евреямъ непоколебимую косность и упрямую, неидущую ни на какія уступки преданность старымъ, однажды принятымъ, да такъ и замерзшимъ формамъ и условіямъ! И въ своемъ исканіи восточнаго, наиболѣе приличнаго синагогѣ типа, въ своихъ пробахъ, всѣ эти новѣйшіе архитекторы правы, каждый въ свою очередь.

Во многихъ отношеніяхъ, если не весь византійскій типъ и складъ архитектуры, во всей своей общности, годится для синагоги нашего времени, то по крайней мѣрѣ многіе его подробности, пріемы и орнаментистика—часто могутъ наводить мысль и чувство художника на истинно еврейскую архитектуру. Первоначальные вѣка христіанства, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, въ томъ числѣ и художественныхъ, сильно были пропитаны еврейскими элементами, и сколько въ древне-христіанскихъ пѣснопѣніяхъ (уцѣлѣвшихъ до нашего времени) сохранилось, и въ настоящее время открыто мелодій прямо и непосредственно еврейскихъ—столько же въ византійскихъ столбахъ, колоннахъ, орнаментистикѣ можно открыть—и открываютъ—подробностей и характеристическихъ особенностей чисто еврейскихъ.

Но, быть можетъ, еще болѣе правы тѣ, которые, строя нынѣ еврейскую синагогу, берутъ для этого арабско-мавританскую архитектуру, и въ ея великолѣпныхъ блестящихъ формахъ ищутъ себѣ вдохновенія или образца. Арабы—это, во первыхъ народъ необыкновенно близко родственный еврейскому, въ средѣ семитическаго семейства; во вторыхъ, создавая новое свое искусство, и многое при этомъ заимствовавъ у разныхъ народовъ, особливо, новыхъ персовъ, имѣвшихъ за плечами громадные періоды культуры и всемірно-значительнаго художественнаго развитія, арабы въ тоже время не мало заимствовали и отъ евреевъ. Извѣстно, что уже и въ Аравіи нѣкоторые памятники арабской архитектуры подчинились вліяніямъ еврейскимъ; послѣ того, необыкновенно значительную роль играли евреи, переселявшіеся въ разное время, послѣ разрушенія Іерусалима Адріаномъ во всѣ концы свѣта, и, въ томъ числѣ въ сѣверную Африку: здѣсь они явились однимъ изъ самыхъ могучихъ, задающихъ тонъ элементовъ, и, безъ сомнѣнія внесли значительный

матеріалъ въ образованіе арабскаго и мавританскаго стиля. Но кромѣ соображеній, даваемыхъ историческими фактами, еще сильнѣе говоритъ въ пользу высказанной здѣсь мысли—анатомическое изслѣдованіе арабской архитектуры, и сравненіе ея, какъ съ персидскою и другими восточными архитектурами, такъ и съ несомнѣнными еврейскими постройками въ Испаніи. Въ собственно арабскихъ, а равно въ арабско еврейскихъ постройкахъ, можно легко открыть элементы, чуждые другимъ оріентальнымъ стилямъ, но объясняющіеся, при сравненіи съ уцѣлѣвшими остатками древне-еврейскаго зодчества и ихъ-же архитектурной скульптуры и орнаменаціи. Особенно поучительными являются двѣ полуразрушенныя синогоги въ Толедо, одна IX-го вѣка, (теперь церковь Santa Maria la Blanca), другая XIV-го (El Transito). Въ ихъ еврейскомъ происхожденіи нельзя сомнѣваться—онѣ съ самаго построенія не переставали служить для первоначальнаго своего назначенія, а во второй изъ нихъ, на широкомъ фризѣ идетъ даже, среди великолѣпнѣйшей орнаментистики, опоясывающей весь храмъ и содержащей тексты изъ библіи по цвѣточному фону—каменная надпись, называющая годъ, мѣсяцъ и число, когда при Петрѣ-Жестокомъ, построена была эта синагога. Обѣ-же синагоги представляютъ, въ общемъ, арабско-мавританскій характеръ, потому-что строены въ Испаніи, и въ такое время, когда этотъ стиль, уже итакъ родственный евреямъ, былъ въ этой мѣстности единственной архитектурой въ ходу.

Такимъ образомъ, совершенно былъ правъ Любке, одобряя мысль Кноблауха, выбравшаго для берлинской синагоги именно мавританско-арабскій стиль. Вообще говоря, эта мысль столько справедлива и правильна, что нашла себѣ величайшее сочувствіе въ Европѣ, и большинство новыхъ еврейскихъ синагогъ (едвали не всѣ онѣ) постоянно строятся теперь въ этомъ самомъ стилѣ.

Мы полагаемъ, что и петербургская синагога должна быть сооружена также въ арабско-мавританскомъ стилѣ.

Но при этомъ построеніи руководствомъ и примѣромъ должна была бы служить исторія построенія берлинской синагоги. Все здѣсь совершалось такъ разумно, правильно, солидно, что русскому еврейскому обществу ничуть не мѣшало-бы сообразиться съ примѣромъ своихъ прусскихъ сосѣдей.

Архитекторъ Кноблаухъ, родомъ еврей, былъ уже довольно зна-

менитъ въ Берлинѣ разными своими постройками, когда рѣчь пошла о новой синагогѣ. Онъ былъ сдѣланъ членомъ коммисіи, назначенной изъ среды еврейскаго общества, для веденія этого дѣла, и сталъ душою ея, предался весь идеѣ выстроить въ Берлинѣ значительнѣйшую, во всѣхъ отношеніяхъ, въ Европѣ синагогу, и посвятилъ этой идеѣ всѣ свои силы, всю свою энергію. Съ конца 50-хъ годовъ пошло дѣло въ ходъ, но долго тянулось (не говоря уже про деньги)—изъ-за выбора мѣста, а когда оно было пріискано и пріобрѣтено, то изъ-за утвержденія проекта. Не смотря на всеобщую симпатію и безграничное довѣріе къ его техническимъ знаніямъ и опытности, Кноблаухъ, легко могшій прямо приступить къ выполненію своего проэкта, не захотѣлъ этого, и настоялъ на томъ, чтобъ былъ объявленъ конкурсъ, для котораго онъ написалъ обстоятельную программу; судьею было назначено берлинсвое архитектурное общество; самъ онъ участвовалъ въ конкурсѣ наравнѣ съ остальными неизвѣстными ему и коммисіи конкуррентами, но изъ всѣхъ представленныхъ программъ его программа была признана самою лучшею, и съ 1859 года началась постройка. Синагога была освящена въ сентябрѣ 1866 года, но Кноблаухъ не дожилъ нѣсколько мѣсяцевъ до этого великаго для него дня, и зданіе было докончено, по его рисункамъ, его другомъ и товарищемъ, архитекторомъ Штюлеромъ.

Противъ наружнаго фасада берлинской синагоги можно было-бы многое замѣтить: это, вообще говоря, обыкновенный, частный домъ лишь увѣнчанный арабскимъ золотымъ куполомъ и съ арабскими же минаретами по сторонамъ; восточная рѣшотка передо всѣмъ зданіемъ лишь слабо скрываетъ своими цвѣтистыми, прелестными подробностями, бѣдность и недостаточность самой архитектуры. Но внутри, берлинская синагога, одно изъ замѣчательнѣйшихъ архитектурныхъ созданій XIX-го вѣка. Это дѣйствительно первый въ мірѣ еврейскій храмъ, и производимое ею впечатлѣніе на зрителя—поразительно. Громадная арка стоитъ въ глубинѣ храма, увѣнчанная вверху шестиугольною звѣздою (печать Давида), и раскинулась своими широкими разноцвѣтными дугами и висящими сталактитами, надъ «святая святыхъ», надъ чуднымъ бѣлымъ мраморнымъ кіоскомъ съ прорѣзными звѣздами на куполѣ, съ колонками, лампадами, священной завѣсой—все это создано изъ прелестныхъ

восточныхъ формъ и сіяетъ въ таинственной дали, въ глубинѣ громадной круглящейся ниши. Вдоль всего храма, на право и на лѣво, идутъ галлереи женщинъ, воздушно держащіяся на разноцвѣтныхъ мавританскихъ чугунныхъ колоннахъ; изъ среднихъ женскихъ галлерей возникаютъ и летятъ вверхъ тонкія какъ перышки, длинныя стройныя колонки, разцвѣченныя красками, и красивыми головками своими несутъ колоссальныя арки, развертывающіяся надъ молящимися. Разноцвѣтныя окна, днемъ освѣщенныя солнцемъ, вечеромъ—скрытыми за ними огнями, наполняютъ внутренность храма таинственнымъ, темно-радужнымъ цвѣтомъ. Полукруглая стѣна позади «святыя святыхъ» наполнена двумя рядами разноцвѣтныхъ-же оконъ, одни изъ нихъ продолговатыя, другія въ видѣ звѣздъ, и все это освѣщается, по вечеромъ, газовымъ пламенемъ, точнотакже какъ и 5 громадныхъ стеклянныхъ звѣздъ, прорѣзанныхъ въ сводахъ потолка надъ внутреннимъ пространствомъ храма. Это освѣщеніе, эти восточныя формы, эти краски, эта восточная красота и прелесть—глубоко дѣйствуютъ на каждаго входящаго въ этотъ еврейскій соборъ, зажигаютъ мысль и чувство неслыханными ощущеніями, и наполняютъ горячею надеждою, что не погибъ еще совсѣмъ народъ, когда-то великій и славный, и что изъ созерцанія такого новаго созданія его немолчнаго духа выйдетъ еще не мало новыхъ, загорѣвшихся жаждою дѣятельности и творчества—талантовъ.

В. Стасовъ

ОБЗОРЪ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ нашемъ обзорѣ намъ, на этотъ разъ, къ сожалѣнію, о новыхъ книгахъ приходится говорить очень мало. «Habent sua fata libelli». и дѣйствительно, у насъ, не только еврейское племя, но и еврейскія книги имѣютъ свою особенную судьбу. У насъ нѣтъ никакой правильной торговли еврейскими книгами и вовсе не имѣется магазиновъ еврейскихъ книгъ. По этому не только намъ, въ нашемъ литовскомъ захолустьѣ, но и людямъ, живущимъ въ самихъ центрахъ интеллигенціи, приходится считать новостью книгу, которая, быть можетъ, давно уже красуется гдѣ то на полкахъ антиквара, въ особенности, если книга эта издана за границей. По сему просимъ извиненія у читателя, имѣющаго неоспоримое право отъ періодическаго литературнаго обозрѣнія ожидать самого свѣжаго и новаго, если онъ въ нашемъ обозрѣніи встрѣтитъ названія и такихъ книгъ, которыя появились уже нѣсколько ранѣе вчерашняго дня.

Самое крупное произведеніе въ еврейской литературѣ послѣдняго времени это—новая книга г. Фина: «Исторія еврейскаго народа». Высказывая въ прошлый разъ (Евр. Библ. т. 1. стр. 358) свое сожалѣніе о пріостановленіи многополезной попытки автора, сдѣланной лѣтъ 20 тому назадъ, мы и не подозрѣвали, что нашей жалобѣ суждено такъ скоро быть услышанной и что авторъ снова выступитъ на арену съ обновленными силами. Отсутствіе полной научно обработанной исторіи еврейскаго народа составляетъ чувствительный пробѣлъ въ еврейской литературѣ. Перешедшія къ намъ изъ прошлыхъ столѣтій хроники и историческія сочиненія далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ требованіямъ, которыя въ наше время ставятся исторіи. Много, много могутъ они служить серьезному историку пособіемъ или матеріаломъ, къ которому, вдобавокъ, слѣдуетъ отнестись весьма осторожно. Авторъ обнадеживаетъ насъ пополнить этотъ пробѣлъ, озаглавливая свое сочиненіе: «Исторія еврейскаго народа и его литературы отъ изгнанія въ Вавилонъ до настоящаго времени». Предлежащая книга составляетъ первый томъ сочиненія и обнимаетъ періодъ времени, отъ вавилонскаго плѣненія до смерти Александра Македонскаго (1597—323 до Р. Х.)—періодъ самый важный, вслѣдствіе зараждавшагося тогда раввинизма, но самый тощій источниками и достовѣрными о немъ извѣстіями. Это тотъ именно періодъ времени, въ который Моисеево еврейство перерождалось въ талмудическое. И объ этомъ интересномъ и весьма важномъ періодѣ имѣвшіяся до сихъ поръ сообщенія до того скудны и сбивчивы, что онъ чуть цѣликомъ не исчезъ изъ исторіи. У талмудическихъ хроникеровъ вся эпоха Великаго Собора, отъ Ездры-гасоферъ до Симеона Праведнаго, котораго считали современникомъ Александра Македонскаго, съузилась какъ-то на одно поколѣніе, обнимавшее промежутокъ времени не болѣе 34 лѣтъ. Критики нашего времени, возстановившіе нормальную величину хронологіи этого періода, посредствомъ исчисленія и сличенія съ персидскими историческими источниками, все еще теряются въ догадкахъ относительно сущности этого же Великаго Собора и разныхъ отдѣльныхъ фактовъ того времени. Скудность положительныхъ свѣдѣній о такомъ важномъ періодѣ народной жизни является какъ будто нарочно, чтобы помѣшать назойливому любопытству позднѣйшихъ поколѣній подслушать тайный процесъ подготовляющейся метаморфозы. Это—«густое облако и непроницаемый мракъ», облагавшіе новое законодательство. Историки нашего времени прилагаютъ усилія разсѣять этотъ мракъ и озаривъ темные силуэты выдающихся единичныхъ фактовъ, придать имъ опредѣленныя формы и указать надлежащее мѣсто въ ряду историческихъ событій. Выводы эти, какъ мы намекнули выше, большею частію основываются на гипотезахъ и личныхъ соображеніяхъ изслѣдователей. Гретцъ пока совсѣмъ обошелъ этотъ періодъ, начавъ свою исторію со временъ Маккавеевъ, гдѣ факты начинаютъ проясняться, и источники нѣсколько обильнѣе. До нашего автору работали на этомъ полѣ, какъ въ разбросанныхъ монографіяхъ и статьяхъ, такъ и въ самостоятельныхъ сочиненіяхъ, многіе опытные спеціалисты, трудами которыхъ онъ отлично вос-

пользовался. Подъ его искуснымъ рѣзцемъ ярко очерчиваются многiя изъ проблематическихъ явленiй этой эпохи, какъ то: социальное и духовное состоянiе первой колонiи, возвратившейся изъ Вавилона подъ Зерубабелемъ (стр. 15 и д.) и второй, вернувшейся подъ предводительствомъ Ездры и затѣмъ Неемiи, лѣтъ чрезъ 57 послѣ первой, при чемъ весьма важно разъясненiе обстоятельствъ и хронологiи (стр. 37 и д.), духовной дѣятельности Ездры (стр. 61 и д.), политическаго и духовнаго положенiя страны подъ правленiемъ персидскихъ пашей вплоть до Александра Македонскаго (стр. 135 и пр.) и т. п.; самъ авторъ вноситъ для разъясненiя этой туманной эпохи многiя новыя данныя и свои собственныя предположенiя съ отпечаткомъ историческаго правдоподобiя. Къ этимъ послѣднимъ мы относимъ весьма вѣроятное предположенiе автора относительно времени, въ которое жилъ пророкъ Iоэль (стр. 91). По его мнѣнiю пророкъ этотъ жилъ вмѣстѣ съ пророками Агея, Захарiя и Малеахи, сочленами Великаго Собора, во время Артаксеркса Лонгимана, когда греки, вслѣдствiе частыхъ войнъ съ персами, стали уже извѣстны въ Iудеѣ, чѣмъ объясняется упоминанiе грековъ этимъ пророкомъ (VI, 7). Съ полнымъ безпристрастiемъ истаго историка авторъ трактуетъ объ элементахъ, заимствованныхъ евреями у персовъ (стр. 73 и слѣд.) [1], о чемъ весьма дѣльно разсуждаетъ и г. Шорръ, въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ журнала Га-халуцъ, хотя статья эта главнымъ образомъ относится къ позднѣйшей эпохѣ. Говоря о мужахъ Великаго Собора, г. Финъ вопрошаетъ: можетъ ли быть, чтобы главы собора не были поименно извѣстны въ талмудѣ и мидрашимъ (стр. 142) и старается разными цитатами констатировать, что, по мнѣнiю талмудистовъ, Великiй Соборъ тождественъ съ собранiемъ, состоявшимся подъ руководствомъ Неемiи [2]) для заключенiя завѣта о реставрацiи Моисеева закона. Повидимому, отъ вниманiя автора ускользнуло то мѣсто въ мидрашѣ Тан-

[1]) То что авторъ говоритъ о намекѣ на Ормузда и Аримана у Исаiи (II, (45, 6) находится уже въ словарѣ Бенъ-Зеева (Оцаръ-га-Шарашимъ, слово Оръ).

[2]) Число цитатъ можно увеличить мѣстами изъ Танхума Ки-Тиса, 14 и Пекуде, 5.

хума (Шемотъ, 2) гдѣ говорится слѣдующее: «Люди съ неблагозвучными именами, но приличными дѣлами—это мужи Великаго Собора, сыны Баркоса, сыны Сисеры, которые отстроили святый храмъ». Это прямо доказываетъ, что лица, поименованныя въ Ездрѣ (гл. 2) и Неемiи (гл. 7.) [1]) вошли, по мнѣнiю Мидраша, въ составъ Великаго Собора. На сколько это мнѣнiе вѣрно не здѣсь мѣсто разрѣшать.

Одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ для современнаго еврейскаго историка есть—согласованiе неумолимыхъ аксiомъ науки съ преемственнымъ воззрѣнiемъ на возникновенiе и развитiе религiозныхъ традицiй. Плавая по обмелѣвшему фарватеру преданiя и не желая отбиться совершенно отъ завѣтныхъ береговъ, ему остается лавировать между незыблемыми скалами рацiонализма, грозящими разрушенiемъ его утлой ладьѣ. Нашъ авторъ, на сколько мы успѣли замѣтить, сталъ въ этомъ отношенiи приблизительно на ту точку, на которой стояли наши богословы-философы прежнихъ временъ. Допуская безпристрастную оцѣнку фактовъ при обсужденiи предметовъ умозрительнаго свойства, онъ всецѣло находится на традицiонной почвѣ, когда вопросъ касается практической стороны религiи. Въ то самое время, какъ онъ примѣняетъ въ обширномъ масштабѣ свободную критику къ вопросамъ даже такого щекотливаго характера, какъ хронологiя возникновенiя книгъ Писанiя и занесенiя въ лоно чисто монотеистическаго еврейства элементовъ инородческой ѳеософiи, онъ съ другой стороны смиренно утверждаетъ, что изустный законъ, т. е. талмудъ, не содержитъ въ себѣ въ отношенiи къ Моисееву писанному закону ничего новаго, извнѣ привитаго; все, какъ оно ни есть, есть необходимое слѣдствiе естественнаго развитiя внутренняго его смысла. Это плодъ, нормально выросшiй на вѣтвяхъ и корняхъ своего природнаго дерева (стр. 186). Смиренiе это въ одномъ мѣстѣ доходитъ даже до наивности. Такъ, говоря о филактерiяхъ (тефилинъ), авторъ, въ опроверженiе мнѣнiя тѣхъ эксегетовъ, которые придаютъ словамъ Писанiя: «Навяжи ихъ въ знакъ на руку твою и вмѣсто повязки надъ глазами твоими и напиши ихъ на косякахъ до-

[1]) Мы употребляемъ здѣсь названiя книгъ, какъ они въ употребленiи у евреевъ.

ма твоего» значеніе переносное, въ смыслѣ безпрестаннаго памятствованія о нихъ, и въ потвержденіе того, что изъ числа 55 изустно сохранившихся законопостановленій, относимыхъ талмудомъ непосредственно къ самому Моисею и къ горѣ Синаю (галаха ле-Моше ми-Синай), 22-ой трактуетъ исключительно о филактеріяхъ и способѣ ихъ приготовленія (стр. 177). Почему уже автору не сослаться также на слова рабби Іуда бенъ Баөиры, личности весьма благонадежной, положительнѣйшимъ образомъ утверждающаго, что онъ потомокъ мертвецовъ, воскресшихъ по слову пророка Іезекіиля, и что у него имѣются филактеріи, доставшіяся ему въ наслѣдство прямо отъ этихъ предковъ (Санедринъ 92:) Пошаривъ нѣсколько въ талмудѣ, какъ въ галахѣ, такъ и въ агадѣ, можно было бы найти еще нѣкоторые доводы подобнаго достоинства.

Въ другомъ мѣстѣ безусловное почитаніе всего преемственнаго со стороны автора доходитъ даже до того, что онъ, подъ наитіемъ своего благочестиваго настроенія, высказываетъ такую идею, все серьезное значеніе которой онъ самъ, повидимому, не взвѣсилъ. Трактуя о времени реставраціи религіозной практики введенія мужами Великаго Собора новыхъ законоположеній, помимо энергическаго сопротивленія значительнаго числа знатныхъ евреевъ, которые, вслѣдствіе этого, совершенно отложились отъ іерусалимскаго культа, авторъ говоритъ: «Въ то время богобоязненные и правовѣрные до того уже окрѣпли, численно и нравственно, что могли не обращать вниманія на происшедшій расколъ, не отказались отъ своихъ рѣшеній и, оставаясь при своемъ, порѣшили, что для Израиля лучше и выгоднѣе, чтобы изъ его среды выдѣлились люди кривыхъ направленій, колеблющіеся признать авторитетъ постановленій благочестивыхъ, чѣмъ, дѣлая уступки въ ихъ пользу, отказаться въ чемъ либо отъ этихъ постановленій и нововведеній» (стр. 139).

И авторъ это говоритъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, съ видимою тенденціозностію, чуть ли не съ потаеннымъ подобострастіемъ!!

Правда, эта горькая истина, къ сожалѣнію дѣйствительно вытекаетъ изъ обстоятельствъ и подтверждается фактами разсматриваемой эпохи; правда, раввины среднихъ вѣковъ взяли себѣ въ руководство этотъ образъ дѣйствія раввиновъ-первородковъ, когда имъ пришлось дѣйствовать противъ нашихъ братьевъ караимовъ; правда и то, что нынѣшніе раввины-старовѣры, каждую минуту готовы точно также поступать въ отношеніи къ своимъ братьямъ «кривыхъ направленій, колеблющимся признать авторитетъ ихъ постановленій». Но все это не можетъ возвести эту крутую мѣру зелотовъ въ доктрину; не дастъ намъ разумнаго основанія хвалиться ею и выставлять ее на показъ; все это не оправдываетъ и не доказываетъ даже крайней необходимости и спасительности этого ампутаціоннаго средства и не отнимаетъ права порицать и протестовать противъ него, у трезвыхъ и благомыслящихъ людей каждаго столѣтія и каждаго поколѣнія, у которыхъ благоразумная любовь къ братьямъ и интересъ народнаго единства стоятъ выше пустыхъ формулъ и мелочной обрядности.

Имѣя однако-жъ въ виду публику, для которой книга преимущественно написана, мы не вправѣ пенять на автора, за консервативную окраску, придаваемую имъ его новому труду и, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ: на сколько современному научному изслѣдованію подобаетъ система средневѣковаго богословія и на сколько такая система дуализма совмѣстима съ основной истиной, надѣемся тѣмъ не менѣе, что почтенный авторъ согласится, что нѣтъ надобности историку тенденціозно останавливаться на доктринахъ, хотя и освященныхъ вѣками, но ведущихъ къ національному разложенію и что въ книгѣ, основанной на началахъ науки о свободной критики, не мѣсто для торжественнаго провозглашенія принципа непогрѣшимости.

Въ заключеніе скажемъ еще, что по способу изложенія историческихъ событій, перемѣшанно съ учеными ссылками и разъясненіями, книга г. Фина имѣетъ скорѣе отпечатокъ ученой диссертаціи, чѣмъ популярной исторіи. Впрочемъ, относительно предлежащаго тома обстоятельство это можетъ объясниться тѣмъ, что, вслѣдствіе скудости положительныхъ свѣдѣній, событія этого періода до того отрывочны и перепутаны, что ихъ постоянно необходимо пополнять и выяснять помощію ученой аргументаціи. Во всякомъ случаѣ это трудъ чрезвычайно важный и весьма цѣнный, который въ очень многомъ удовлетворяетъ любознательности читателя и который, если будетъ доведенъ до конца, станетъ клас-

сическимъ сочиненіемъ и необходимою настольною книгою для каждаго образованнаго еврея.

Шульханъ-Арухъ, Исторія законовъ, обрядовъ и обычаевъ евреевъ. Сочиненіе венеціянскаго раввина Леона Модены, переведена съ итальянскаго и снабжена примѣчаніями Соломономъ Рубинымъ, Вѣна 1867.

Книжка въ высшей степени интересная. Авторъ ея венеціанскій раввинъ Леонъ ди Модена, родившійся въ Венеціи 23 апрѣля 1571 и умершій тамъ-же въ 1648 году, на 77 году жизни, принадлежитъ къ небольшему числу раввинскихъ писателей прежнихъ временъ, труды которыхъ проникнуты критическимъ духомъ и трезвымъ взглядомъ и имѣютъ поэтому значеніе для науки. Онъ пользовался большимъ почетомъ между христіанскими учеными и высокоставленными лицами католическаго духовенства своего времени, изъ коихъ нѣкоторыя были его учениками и друзьями. Предлежащая книга составлена имъ по просьбѣ одного лондонскаго лорда, для поднесенія англійскому королю. Цѣль ея познакомить христіанскій міръ съ обрядами и обычаями евреевъ, о которыхъ распускались тогда самые причудливые толки и которые мастерски собраны и изложены въ этой небольшой книжонкѣ, раздѣленной, на подобіе пятикнижія Моисея, на 5 частей, съ слѣдующимъ содержаніемъ:

Ч. I. Повседневные обычаи въ домашнемъ быту и въ синагогѣ; молитвы, благословенія, благотворительность.

Ч. II Языкъ, употребляемый евреями въ разговорѣ, письмѣ и литературѣ. Религіозныя книги, образъ преподаванія, посвященіе раввиновъ, раввинскій судъ, изготовленіе документовъ. Законы о пищѣ и пр.

Ч. III. О праздникахъ и постахъ.

Ч. IV. О бракѣ, обрученіи, разводѣ, супружескихъ и семейныхъ отношеніяхъ и пр.

Ч. V. Секты у евреевъ и пр. и пр.

Книга эта, изданная на итальянскомъ языкѣ въ трехъ изданіяхъ и переведенная своевременно на языки, французскій, англійскій, голландскій и латинскій, нашла себѣ достойнаго переводчика и на еврейскій языкъ, въ лицѣ талантливаго писателя г. Рубина, надѣлившаго уже современную еврейскую литературу многими весьма полезными трудами. Переводъ дѣльно составленъ и написанъ обычнымъ слогомъ еврейскихъ богословскихъ компендій. Хотя книга первоначально предназначалась для другаго рода читателей, тѣмъ не менѣе, она содержитъ въ себѣ много любопытнаго и для читателя еврея. Надѣемся вскорѣ всю эту книгу издать въ русскомъ переводѣ.

Мишпете-эметъ (правдивыя сужденія), или какъ авторъ еще величаетъ свое сочиненіе: «Космотеологія, догматически изслѣдованная и раціонально объясненная» А. Марголисомъ. Варшава, 1870.

Это диспутъ между евреемъ прогрессистомъ и консерваторомъ о религіозной догматикѣ и обрядности. Задача, какъ изволите видѣть, весьма любопытная. Она задѣваетъ самую чувствительную струнку современной еврейской жизни. Форма ея изложенія слѣдующая: Нѣкій Барухъ-бенъ-Цви, уроженецъ маленькаго еврейскаго городишка, лѣтъ 15 проживающій въ столицѣ, гдѣ онъ разбогатѣлъ, превратился въ Бориса Григорьевича и привыкъ къ общечеловѣческому образу жизни, проѣздомъ чрезъ родной городъ встрѣчается съ своимъ дядей и бывшимъ учителемъ, состоящимъ раввиномъ въ томъ городѣ. Между ними завязывается богословскій диспутъ о религіи и обрядахъ. Борисъ Григорьевичъ оказывается человѣкомъ не дюжиннымъ, но безотчетно увлекшимся своими прихотями. Онъ отстаиваетъ свои мнѣнія, пускается въ ученую защиту своего новаго образа жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ доказывая несостоятельность старинныхъ формъ. Но раввинъ разбиваетъ его въ прахъ, разубѣждаетъ и доводитъ до того, что нашъ Борисъ Григорьевичъ бросаетъ обширныя свои дѣла, отказывается отъ своихъ компаній и остается въ блаженномъ своемъ родномъ городѣ вести жизнь благочестивую и богоугодную по понятіямъ его дяди, Въ диспутъ вовлекается какой-то инженеръ или комендантъ крѣпости, который также легко побѣждается всемогущею элоквенціею раввина. Наконецъ, ни къ селу ни къ городу, приплетается ученый караимъ, который, въ препирательствѣ съ тѣмъ же раввиномъ о существующихъ между караинами и раввинистами разногласіяхъ, не то побѣждаетъ своего противника, не то бываетъ имъ побѣжденъ. Все кончается тѣмъ, что караимъ объясняетъ раввину вкратцѣ исторію караимовъ и ихъ литературы.

Авторъ открылъ цѣлый арсеналъ громоносныхъ цитатъ, призы-

вая на помощь всевозможныя науки: и математику, и астрономію, и физику, и метафизику. Онъ вооружился съ ногъ до головы, чтобы завоевать признаніе непогрѣшимости талмудическаго еврейства у противниковъ изъ трехъ разныхъ лагеревъ. Изъ сочувствія самому предмету и благородному подвигу автора, мы отъ души бы желали ему полной побѣды—но побѣды дѣйствительной, не фиктивной. Къ сожалѣнію этого не случилось. Побѣдныя лавры, правда, вручаются раввину, потому что онѣ заранѣе ему присуждены авторомъ—архистратегомъ, которому, конечно, стоитъ лишь одного слова, чтобы заставить бойцевъ класть оружіе. Но раввинъ хоть и побѣждаетъ, однако софизмы его нисколько неубѣдительны. Противники его видимо падаютъ отъ холостыхъ зарядовъ. Никакой положительный человѣкъ, — а такими выставляются опонеты раввина—не можетъ, при такихъ слабыхъ доводахъ, отказаться отъ своего убѣжденія. Къ какимъ натяжкамъ прибѣгаетъ, напр., авторъ для оправданія всѣхъ мельчайшихъ запретовъ относительно кухни, перейдя отъ прямыхъ доказательствъ, неудовлотворительность которыхъ самъ видно чувствуетъ, къ доказательствамъ отрицательнымъ, косвеннымъ (стр. 36). Какъ парадоксально и наивно оправданіе запрета шаатнезъ (платья изъ смѣшанной ткани, изъ шерсти и льна) и тому подобныхъ вещей, для котораго авторъ выставляетъ предположеніе, что въ нихъ, можетъ быть, кроется гигіеническая причина, не открытая еще для физіологовъ, при чемъ ссылается на разсказъ какого-то анонимнаго ученаго, что какой-то анонимный врачъ вылечилъ какому-то анонимному больному ногу устраненіемъ изъ чулковъ шаатнеза (стр. 37). Раввинъ положительно увѣряетъ также своего племянника, что вся его коммерческая смышленность и дѣловая умѣлость происходитъ отъ того, что онъ въ дѣтствѣ изощрялся надъ талмудомъ.

Но впрочемъ авторъ—надо отдать ему справедливость—обнаруживаетъ большую начитанность и знакомство съ источниками; мѣстами говоритъ даже весьма дѣльно. Но вся бѣда въ томъ, что онъ взялся все отстаивать и непремѣнно долженъ былъ оказаться несостоятельнымъ. Оправдывать всѣ мельчайшія предписанія еврейской обрядности, стоя на почвѣ современной мысли—это сизифова работа, дающая большой просторъ схоластикѣ, но никакихъ разумныхъ видовъ на успѣхъ. Лучше и успѣшнѣе было бы, если бы наши ратоборцы отступили за укрѣпленныя позиціи и отстаивали болѣе важные стратегическіе пункты. Эти обрядовыя мелочи не составляютъ верна еврейства, которое, когда то, и безъ нихъ существовало. Надежнѣе и необходимѣе отстаивать самую суть его—его коренную догматику, его существенную мораль. Довольно будетъ если и раціоналисты наши останутся хоть при этомъ. Заурядное же отстаиваніе всѣхъ мелочей оказываетъ еврейству скорѣе медвѣжью услугу. Оно приводитъ лишь къ смѣшенію понятій и, не дѣлая различія между предметами важными и неважными, заставляетъ устранить и тѣ и другіе.

По части белетристики къ намъ дошло лишь нѣсколько неутѣшительныхъ опытовъ. Неужто, спрашиваемъ себя, еврейскому духу, столь способному пускаться въ глубь, не достаетъ универсальности, необходимой творческому таланту романиста? Послѣ удачныхъ попытокъ покойнаго А. Мапу, которыя, впрочемъ, въ свое время остались безъ надлежащаго разбора и освѣщенія, весьма рѣдко появляется что либо, могущее удовлетворить самымъ невзыскательнымъ притязаніямъ знатока.

Предъ нами лежитъ: Ира и Зебадія, разсказъ о единоборствѣ двухъ знаменитыхъ полководцевъ въ присутствіи ихъ ратниковъ. Соч. М. Канельскаго (Одесса 1867 г.). Это нѣчто въ родѣ историко-эпическаго романа, безъ всякаго историческаго или художественнаго достоинства, полный невѣроятій, размазанный на одинадцати печатныхъ листахъ; онъ безъ всякаго ущерба могъ бы быть сокращенъ на $^{10}/_{11}$ своего объема. Жаль, что авторъ, за которымъ нельзя не признать нѣкотораго реторическаго дара и свободнаго владѣнія еврейскимъ языкомъ, истратилъ такое обиліе краснорѣчія на такой незатѣйливый планъ. Герой романа, Ира, непобѣдимый боецъ изъ колѣна Данъ, нѣчто въ родѣ еврейскаго Orlando furioso, вслѣдствіе того, что у него на охотѣ украли коня, случайно попадаетъ въ столицу филистимлянъ, гдѣ онъ за украденную лошадь грозитъ раззореніемъ чуть ли не цѣлаго государства и гдѣ переполошенный и испугавшійся его угрозъ царь Анхусъ приглашаетъ его погостить и переночевать у себя. На другое утро, когда онъ былъ еще въ постели, къ счастливому герою является—кто бы вы думали? царская дочь, въ сопровожденіи всего женскаго персонала своего двора, объясняется ему въ любви и прямо предлагаетъ ему себя

*

въ жены. Сорокалѣтній нашъ воинъ, который не могъ во всемъ еврейскомъ государствѣ найти ни одной цѣломудренной и невѣроломной дѣвушки (стр. 12), не устоялъ противъ любезностей премиленькой принцессы и сочетался съ нею законнымъ бракомъ. Но онъ остается съ нею одну только ночь, послѣ которой онъ оставляетъ ее на всегда. Плодомъ краткаго пребыванія нашего героя въ супружествѣ есть сынъ Зебадія, который оказывается такимъ-же непобѣдимымъ бойцемъ, какъ невѣдомый ему его родитель, достигаетъ своей возмужалости и своего мощнаго физическаго развитія весьма рано, чтобы, конечно, не дать между тѣмъ состариться и совсѣмъ одряхлѣть герою-отцу, которому, не извѣстно почему, авторомъ дано при началѣ романа 40 лѣтъ, и съ которымъ герою-сыну впослѣдствіи придется вынести тяжкую, рѣшительную борьбу, не на животъ, а на смерть. Борьба эта происходитъ на полѣ сраженія въ присутствіи филистимлянскаго войска, предводительствуемаго Зебадіей, и хананейскаго, за которое борется Ира, но при такихъ тривіальныхъ антецеденціяхъ, что разсказъ при развязкѣ теряетъ всякую занимательность. Необходимо обладать терпѣньемъ присяжнаго критика, чтобы дочитать книгу до конца. Ничто въ этомъ длинномъ, предлинномъ разсказѣ не объясняетъ намъ почему все это должно произойти такъ, а не иначе. Нѣтъ естественнаго хода въ сцѣпленіи обстоятельствъ; послѣдствія не вынуждаются причинами, а причины не оправдываютъ послѣдствія. Кто намъ объяснитъ, напр.. по какому модному журналу герой, отправляясь въ Геѳъ, одѣваетъ на себя лошадиную сбрую? (стр. 6). Какимъ образомъ герой-еврей, оказывающійся впослѣдствіи такимъ ревностнымъ поклонникомъ Іеговы, молится и вѣнчается въ капищѣ Догана (стр. 14)? Но мы никогда не кончили бы, еслибъ вздумали продолжать эти вопросы. Вообще не понятно, почему автору вздумалось весь этотъ выдуманный разсказъ, въ которомъ историческое одно только названіе героевъ, перенести ко временамъ судей и заставить своего донкихотствующаго героя, расточать свои силы на служеніе иноземному, враждебному его народу царю, а не оставилъ его лучше на службѣ у роднаго царя Давида, между воинами котораго дѣйствительно упоминается одинъ съ именемъ и отчествомъ нашего героя, и у котораго были такія частыя столкновенія съ этими же филистимлянами? И къ

чему заставляетъ авторъ своихъ героевъ и героинь безжалостно истязать себя и насъ такими скучными, напыщенными, безсодержательными и нескончаемо длинными тирадами? Всѣ эти вопросы далеко еще не исчерпываютъ несообразности блуждающей фантазіи г. Канельскаго и не касаются погрѣшностей противъ языка и элементарной науки, каковы: частое употребленіе неправильныхъ еврейскихъ выраженій, и увѣреніе, что крѣпость, лежащая на югѣ Идумеи, можетъ служить оплотомъ царству хананейскому, находящемуся отъ Идумеи на сѣверѣ, противъ филистимлянъ, долженствующихъ прійти съ запада (стр. 35), и что хананейцы почему-то божатся именами Хамоса и Милкома—божествами ихъ враговъ, Моавитянъ,

Ципоръ-ноде дедетъ (странствующая птичка), часть I. Моисея Розенберга. Житоміръ 1868 г. Сюжетомъ этого разсказа служатъ похожденія одного молодаго человѣка, старающагося пристроиться на мѣсто, въ чемъ, однакожъ, ему мѣшаютъ разныя интриги и сплетни. Общій планъ разсказа еще не выясняется изъ первой части. Нѣкоторые очерки, хотя и не особенно геніальны, все таки обнаруживаютъ въ авторѣ нѣкоторую наблюдательность и умѣнье копировать съ натуры. Но цинизмъ нѣкоторыхъ сценъ, напр. на страницахъ 9, 13, 31 и 55, переходитъ всякіе предѣлы и показываетъ, что авторъ не расчитывалъ на публику, особенно застѣнчивую и стыдливую. Гораздо лучше было бы, если бы авторъ оставилъ вычурный слогъ и изысканную кудреватость выраженій, такъ плохо идущіе къ очеркамъ изъ народной жизни, и обратилъ бы побольше вниманія на правильность языка. Стихотворенія, приложенныя въ концѣ книжки, не обнаруживаютъ особаго поэтическаго дара.

Гораздо больше можетъ удовлетворить любителя поэзіи собраніе стихотвореній Невель-ве кинеръ (лира и арфа) М. Данцига. Одесса 1871 г. Многія стихотворенія дышатъ свѣжестью и теплымъ чувствомъ. Къ болѣе удачнымъ относимъ стихотворенія «Ты плачешь, народъ мой!», «Слезы» и «Горе мнѣ скажу ли...» Послѣднее сокращено и искажено не по винѣ автора. Авторъ обладаетъ хорошими задатками, лишь бы тщательнѣе обрабатывалъ свои стихи, обращая, между прочимъ, побольше вниманія на слогъ и даже на просодію; а то, увлекаясь пылкимъ чувствомъ, онъ ихъ мѣстами оставляетъ сшитыми на живую нитку. Главнымъ образомъ слѣ-

дуетъ юному автору основательнѣе ознакомиться съ характеромъ выбираемыхъ имъ изъ реальной жизни сюжетовъ, а при отдѣлкѣ не терять изъ подъ ногъ реальной почвы и не занестись чрезчуръ въ область фантазіи. Говоря это, мы преимущественно имѣемъ въ виду тѣ стихи изъ разсматриваемаго собранія, въ которыхъ авторъ касается келейныхъ порядковъ еврейскаго общежитія, безпощадно изливая на нихъ все, что̀ накипѣло у него на душѣ. О самомъ принципѣ мы съ авторомъ, конечно, не споримъ; но злиться также надо съ толкомъ. Нападать голословно, не подкрѣпляя свои нападенія фактами, какъ авторъ дѣлаетъ, напр., въ стихотвореніи: «Еще ночь продолжается», похоже на фехтованіе въ воздухѣ, которое никого не задѣваетъ и никого, конечно, не безпокоитъ.

Гамъ-эле-мишле Іегуда—маленькія басни для взрослыхъ дѣтей—собраніе двадцати двухъ разныхъ стихотвореній въ видѣ басень, для которыхъ сюжеты большею частью взяты изъ еврейской вседневной жизни, автора настоящаго обзора. Вѣна, 1871 г. (оттискъ изъ журнала Гашахаръ).

Извѣщаютъ о появленіи за настоящій годъ изданій общества «Мекице Нирдамимъ» (пробуждающіе дремлющихъ). Мы книгъ еще не получили; но между ними называютъ, какъ болѣе важныя: Діалогъ о любви, Леона Абарванеля (сына извѣстнаго испанскаго министра дона Исаака Абарванеля), и продолженіе талмудическо-энциклопедическаго лексикона Исаака Лампронти, подъ заглавіемъ Пахадъ Ицхакъ (буква П.) По послѣднимъ извѣстіямъ объ этомъ институтѣ (Гамагидъ № 44), число подписчиковъ въ нынѣшнемъ году, по причинѣ военныхъ смутъ въ центральной Европѣ, уменьшилось на половину, вслѣдствіе чего и объемъ изданныхъ книгъ соразмѣрно меньше противъ прежняго. Обращаемъ на это обстоятельство вниманіе всѣхъ интересующихся еврейскою литературою въ нашемъ отечествѣ. Институтъ «Мекице Нирдамимъ», право, сто̀итъ того, чтобы его поддерживали. Руководителямъ же института мы бы совѣтовали, если нашъ голосъ до нихъ дойдетъ, вмѣсто книгъ древнихъ эксегетовъ (какъ комментарія къ Бытію Гартвига Вессели и къ пѣснѣ пѣсней Ибнъ-Теббона) обратить по преимуществу вниманіе ка рукописи историческаго содержанія, которыя имѣютъ безсомнѣнно больше прикладнаго значенія для публики. Извѣщаютъ также опоявленіи двухъ новыхъ журналовъ: Га-хавацелетъ (лилія), въ Іерусалимѣ и «Нога-га-Іареахъ (лунный свѣтъ), кажется въ Львовѣ; изданія эти также къ намъ пока не дошли.

Пресловутаго ортодоксальнаго листка Га-Ливанона постигла одна участь съ Эльзасомъ и Лотарингіею. Несчастный перешелъ къ Германіи и издается уже не въ Парижѣ, а въ Майнцѣ. Обо этомъ новомъ успѣхѣ князя Бисмарка Европа еще не знаетъ. Направленія своего Га-Ливанонъ не перемѣнилъ, только меньше сталъ извергать ругани.

Еженедѣльная газета «Гакармель» г. Фина преобразилась въ ежемѣсячный журналъ. Первый выпускъ вышелъ въ минувшемъ октябрѣ. Изъ статей, помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ, можно заключить, что журналъ будетъ имѣть характеръ строго консервативный. Г. Р. оспариваетъ правильность не совсѣмъ лестнаго взгляда извѣстнаго критика А. Крохмаля на Талмудъ Іерусалимскій. Теперь г-ну Р. прійдется поднять копье противъ Находскаго раввина Визнера, который въ своемъ сочиненіи «Гивеатъ Іерушалаимъ» (Іерусалимская насыпь) лишаетъ Іерусалимскаго Талмуда первородства и низводитъ его чуть ли не на степень компиляціи изъ Талмуда Вавилонскаго.—М. Пинесъ, присяжный адвокатъ по дѣламъ рутины, взялъ и на этотъ разъ на себя защиту софистійческаго образа изложенія Мишны во многихъ мѣстахъ въ Талмудѣ,—преднамѣренно или вслѣдствіе непониманія уклоняющемся отъ прямаго и яснаго смысла,—противъ обвиненія, взводимаго на Талмудъ за то г. Лиліенблюмомъ, основывающимся, впрочемъ, на тождественныхъ замѣчаніяхъ талмудическихъ авторитетовъ прежняго времени.

Ньюйоркскій проповѣдникъ Видоверъ отстаиваетъ традиціонный взглядъ на упоминаемыя въ Св. Писніи чудеса, которымъ раціоналисты хотятъ отыскать причины чисто естественныя.—Переводный разсказъ «Бустекои», кажется, ужъ разъ печатался въ «Гакармелѣ».

Этимъ статьямъ предпослано издателемъ хорошо изложенное, хотя не полное обозрѣніе положенія евреевъ за прошлый годъ въ соціальномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Объ иностранныхъ евреяхъ и объ предполагающихся къ открытію въ разныхъ государствахъ академіяхъ для еврейской науки говорится съ нѣкоторою обстоятельностью; между тѣмъ, какъ относительно русскихъ евреевъ, авторъ упоминаетъ лишь вскользь объ «Обществѣ для распространенія, просвѣщенія», издающемъ слабые признаки жизни, и суще-

ствованіи у насъ 2 раввинскихъ и болѣе 100 казенныхъ еврейскихъ училищъ, и—только. Значитъ у насъ, слава Богу, все обстоитъ благополучно, такъ что говорить не о чемъ, и ни о достоинствахъ или недостаткахъ этихъ же училищъ, выказавшихся въ теченіи почти четверти столѣтія, ни о степени подготовки новыхъ раввиновъ, которыми эти заведенія успѣли уже надѣлить всѣ еврейскія общества, ни же о полезной дѣятельности этихъ раввиновъ, успѣвшей уже довольно выясниться на практикѣ. А вѣдь все это могло бы насъ интересовать, по крайней мѣрѣ, на столько же, на сколько насъ интересуетъ открытіе еврейской академіи въ Транслейтаніи—и безпристрастное мнѣніе по этимъ вопросамъ такого компетентнаго судьи, какъ г. Финъ, могло имѣть большое практическое значеніе, въ виду ожидающей этихъ заведеній радикальной реформы [1]).

Тельши.

Левъ Гордонъ.

---

[1]) Авторомъ было выслано намъ еще дополненіе къ этому обзору, но мы его къ сожалѣнію не получили. Изд.

Списокъ гг. подписчикамъ на I томъ

«ЕВРЕЙСКОЙ БИБЛІОТЕКИ».

число экземпляр.

Балта.

Айхенвальдъ И.
Школьникъ Б.

Бердичевъ.

Горовицъ М. И. 5.
Чрезъ раввина г. Пессиса и д-ра Роттенберга 30.

Бриславъ.

Айзенштокъ О.

Белебей.

Рязанскій.

Бердянскъ.

Глейзеръ И.
Лейбовъ М.
Ротгольцъ И.

Боргузинъ.

Каминеръ Л. Б.

Борзна.

Рыновскій Ст. Сов.

Борисовъ.

Шараградскій М.

Бѣлая Церковь.

Коганъ Х.
Чрезъ г. М. Петриковскаго 10.

Винница.

Пироговъ Н. И.

Вильно.

Герштейнъ І. Г.
Леванда Л. О.
Манасевичъ А. Ю.

число экз.

Вятка.

Вятская публичная библіотека.

Гайсинъ.

Тонконогій Ш.

Геническъ.

Вильчукъ Г.

Гомель.

Цейтлинъ Я. О.

Глуховъ.

Мандельштамъ Софія Б.

Грозное.

Поляковъ С.

Гродно.

Кнорозовскій М.
Фрумкинъ Я.
Эліасовъ М.

Динабургъ.

Шапира Б. Д. 2.

Екатеринославъ.

(Чрезъ С. М. Станиславскаго и І. Я. Гурлянда).

Брайловскій Е. М.
Голубовскій.
Гурляндъ І. Я.
Гальберштадтъ
Гуревичъ І.
Минцъ А.
Мунштейнъ Г.
Островскій А. 2.
Рубиновичъ С.
Райновъ М.

число экз.

Розенблатъ О.
Синайскій С.
Словензонъ.
Тейтельбаумъ.
Цацкинъ.
Шварцъ.
Штейнъ Б.
Юровскій.

Жигаловъ.

Фрайбергъ.

Житомиръ.

Виноградовъ Г.
Гаммерманъ Ш.
Кулишеръ, равв.
Ландау П.
Перельцвейгъ В.
Рабиновичъ І.
Тафтъ Я.
Тартоговецкій.

Заславль.

Гринфельдъ А.

Кабанскъ.

Файнбергъ А.

Калуга.

Цодиковъ Г.
Хохловъ Е. Я.

Каменецъ-Подольскъ.

Готесманъ Д.
Фельдштейнъ Моисей.
Фельдштейнъ Морицъ.

Кіевъ.

(Чрезъ Л. Б. Рындзюнскаго).
Арнштейнъ З.
Арнштейнъ Н.
Бискъ и сынъ.
Бродскій Л.
Бродскій З.
Бродскій Я.
Вайнштейнъ И.
Вейнтраубе А.
Вольфсонъ Р.
Вульфсонъ П.
Гельманъ А.
Горнштейнъ А.
Гребинъ М.
Давыдовъ Н.
Каминеръ.
Контор Калинке и Розенъ. 2.
Кацъ А.
Куперникъ А.
Ложинскій Ш.

число экз.

Лозинскій Е.
Лурье Семенъ.
Лурье Сол.
Маркманъ И.
Мэйтесъ.
Погорѣльскій.
Рындзюнскій Л. Б.
Штильманъ Н.
Штильманъ Х.

Ковно.

(Чрезъ д-ра Шапира)
Абельманъ Л.
Гольденбергъ д-ръ.
Дуэль.
Левинсонъ.
Манасевичъ Б.
Минковскій Л.
Файнбергъ д-ръ.
Фрумкинъ В.
Шапиръ А.
Шапиръ Г.
Шаскольскій А.

Кременецъ.

Бернштейнъ.
Ландсбергъ І.

Кунгуръ.

Хохловъ А. Я.

Казань

Аврохъ Ѳ.
Венеціановъ И.
Венеціановъ С.

М. Корецъ (Вол. губ.).

Гершенгорнъ Н. равв.

Керчь.

Ашкинази А.
Бродскій Д. Л.
Болоховскій Е.
Боргитанъ Г.
Гальперинъ раввинъ.
Миллеръ А.
Рпзниковъ Г.
Родъ Я.
Рубинштейнъ Г.
Сегаль.
Хейфецъ М.
Харитоновъ.

Луцкъ.

Биховская Х.
Гликлихъ Ш.
Шерсонъ Б.
Шафранъ, раввинъ.

число экз.

Минскъ.

Броуде Н.
Зусьманъ І.
Контора Моск. Брест. желѣз дороги. 3.
Ляховскій Я.
Лурье С.
Нейфахъ.
Рапопортъ.
Эліясбергъ В.
Эліясбергъ М.

Могилевъ губ.

Чрезъ А. Ф. Мандельштама. 15.
Цейтлинъ З.

Могилевъ на Днѣстрѣ.

Гольманъ.

Москва.

Россіянскій.

Маріуполь.

Данъ, раввинъ.

Мозырь.

Гавиковичъ.

Маяки.

Ицковичъ Д. Л.

Нижнеудинскъ.

Тауберъ Л.

Никополь.

Полонскій С.

Новомиргородъ.

Бродскій И. М. 10.

Новомосковскъ.

Мошкевичъ В.

Ново-Николаевская станица.

Огузъ Я. С.

Одесса.

Чрезъ редакцію „Дня". 32.
„ М. Г. Моргулиса. 35.

Оренбургъ.

Гернштейнъ.
Гершенгорнъ.
Обуховскій.
Петровъ.
Рансфельдъ.

Острогъ.

Бродскій.
Еврейское училище.
Товбинъ Л.

число экз.

Петербургъ.

Бертензонъ.
Бернштамъ.
Берманское училище.
Бернштейнъ.
Бѣйлинке.
Барацъ С. М.
Варшавскій А. М. 50.
Волкенштейнъ О. И.
Волернеръ. 5.
Гиршфельдъ.
Глазеръ.
Гутманъ Г. М.
Гурвичъ И. К.
Гинцбургъ Г. О. 100.
Габриловичъ.
Горовицъ М. А. 5
Гольдбергъ В. П.
Зейлингеръ.
Зонъ О. Г. 2.
Іохельсонъ.
Калманъ.
Кленскій Л. Б.
Карасикъ.
Карасикъ.
Каменецкій С.
Коробковъ.
Комитетъ Общ. для распространенія просвѣщенія между Евреями въ Россіи. 50.
Колесовъ и Михинъ, кн. магазинъ 15.
Леванде Е. Г.
Левенсонъ Н. Л. 0.
Левенсонъ С. В.
Майеръ.
Маршалковичъ.
Манасевичъ Т. А.
Мандельштамъ Л. І. 20.
Мееровскій.
Малкіель И. М.
Насбергъ.
Подменеръ.
Поляковъ С. С. 50.
Погорѣльскій.
Розенталь Л. М. 25.
Редакція „Вѣстника Русскихъ Евревъ.
Самсовъ А. М.
Слонимскій Д. Л.
Троцкій С. М.
Трауготъ Я. Н.
Фейнбергъ Д. Ф.
Франкъ Х. Д.
Фридляндъ Л. П. 20

число экз.

Хесинъ С. Я. 6.

Хесинъ Б. Я.

Хесинъ.

Цейтлинъ А. Я.

Шерешевскій С.

Ярославскій М. И.

Плоцкъ.

Поповъ, директоръ училищъ.

Полтава.

Чрезъ раввина Зейденера 4.

Поневѣжъ.

Пумпянскій А. равв.

Проскуровъ.

Горнштейнъ Ц.

Пинскъ.

Чрезъ г-на А. Лурье. 5

Ровно.

Вальдманъ Ѳ.

Ростовъ на Дону.

Чрезъ раввина Гнесина. 20.

Рыбинскъ.

Авербахъ И. О.

Смѣла.

Бродскій М. Б.

Староконстантиновъ

Гальперинъ Ш.

Самара.

Свѣтовъ.

Тельши.

Берманъ Х.

Гордонъ Л. О.

Еврейское училище.

Мапу д-ръ.

Нафталинъ Б.

Хозановичъ равв.

Тверь.

Берманъ К.

число экз.

Тифлисъ.

Вартановъ, книгопродавецъ 3

Троицкъ.

Копытъ М.

Тульчинъ.

Векслеръ.

Тюмень.

Бейлинъ.

Таганрогъ.

(Чрезъ І. Я. Маллеса).

Брачинскій.

Бродскій Г.

Выктенсмаеръ А.

Губергрицъ.

Гутмахеръ М. И.

Гольдбергъ Ф. М.

Данцигеръ И. Г.

Маллесъ І. Я.

Красносельскій.

Петриковскій М. С.

Поляковъ Я. С.

Рохлинъ Я. Н.

Сабсовичъ І. Д.

Сабсовичъ В. Д.

Фридвальдъ.

Шейнъ-Фогель.

Шульманъ П. М.

Улановъ.

Райхеръ И.

Уфа.

Кроль.

Харьковъ

Ратгаузъ М. А. 10.

Шавли.

Рубиновичъ. 5.

Шкловъ.

Пескинъ.

Шпола.

Чернобильскій.

Яновка.

Ясскій Я.

Списокъ подписчикамъ на II томъ „Еврейской Библіотеки“ будетъ помѣщенъ въ III Томѣ.

VI. Отдѣлъ учено-литературный. Научныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія; критическая оцѣнка замѣчательныхъ произведеній науки, литературы и искусства, какъ у насъ, такъ и заграницею. Обозрѣніе газетъ и журналовъ; отчеты о дѣятельности ученыхъ обществъ и учрежденій; библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ русскихъ и иностранныхъ книгахъ; извѣщенія и замѣтки.

VII. Фельетонъ. Повѣсти, разсказы, очерки и сцены; еженедѣльныя замѣтки объ общественной жизни; театральныя, музыкальныя и художественныя обозрѣнія и другія оригинальныя и переводныя статьи беллетристическаго характера.

VIII. Дневникъ. Свѣдѣнія о желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, музеяхъ спектакляхъ, лечебницахъ и проч.; разныя объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

	безъ доставки;	съ доставкою:	съ пересылкою:
На годъ. . . .	13 р. — »	14 р. 50 к.	16 р
» 6 мѣсяцевъ .	7 р. 50 »	8 — 25 »	9 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, на Невскомъ проспектѣ, при книжномъ магазинѣ Черкесова.

Иногородные подписчики обращаются съ своими требованіями прямо въ Редакцію газеты «Новое Время», адресъ которой извѣстенъ почтамту.

Издатель **Ѳ. Устряловъ.**
Редакторъ **И. Сухомлинъ.**